

ISSN 0131-6095

Русская ЛИТЕРАТУРА

3

2022

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук

Русская литература

№ 3

Историко-литературный журнал

2022

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Ремесло и мастерство. К юбилею Сергея Ивановича Николаева	5
А. С. Белоусова (<i>Россия / Колумбия</i>). А. С. Пушкин и Г. К. Уайт: новонайденные источники «В начале жизни школу помню я...» и «Пира во время чумы»	9
«МЕДИЦИНСКИЙ ТЕКСТ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	
О. Л. Фетисенко . К. Н. Леонтьев: врач, писатель, пациент	27
С. А. Кибальник . «Поэтика медицины» в творчестве А. П. Чехова	35
Н. Ю. Грякалова . «Психопаты»: история понятия и его литературные трансформации на рубеже XIX–XX веков.	41
И. А. Кравчук . Д. И. Хармс против И. И. Мечникова: об одной пародийной «теории питания»	49
В. М. Дмитриев . «Медицина, наука и жизнь» в литературном проекте В. С. Яновского	63
К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. А. КУЗМИНА	
А. С. Пахомова . «Талый след» М. А. Кузмина: неудавшийся роман о современности.	74
Приложение. М. А. Кузмин . Талый след. Роман 1917. Глава 3	83
ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ	
М. А. Федотова . «Кающийся грешник» Димитрия Ростовского	87
К. Б. Егорова . Перевод и подражание польской поэзии в русской литературной культуре начала XIX века	100
Е. В. Казарцев , Е. Т. Наконечная . Просодия стихоподобных фрагментов в прозе А. С. Пушкина (на материале случайных 4-стопных ямбов)	107
В. А. Котельников . Романист перед закатом империи (к 200-летию со дня рождения Б. М. Маркевича)	121
Е. В. Кузнецова . Метафоры творчества в лирике З. Н. Гиппиус	131
«Мистическая трагедия»: В. В. Розанов и А. П. Суслова (по материалам архивных разысканий) (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. И. Гончаровой)	145
Т. В. Мисникевич . «Зачем ты вновь меня томишь, воспоминанье?..»: перевод стихотворения П. Верлена «Nevermore» в контексте творческих поисков Ф. Сологуба	156

М. М. Павлова. Новые материалы к биографии А. Н. Гиппиус: первые годы эмиграции (1920–1924). Статья 1	162
Приложение. А. Н. Гиппиус. Интеллигенция, национальное чувство и Церковь (доклад, читанный 14 сент<ября> 1921 г<ода> в Конст<антинопольском> религиозно-философском кружке)	178
С. А. Батюто. Кто же автор статьи «О публицистах-популяризаторах и о естествознании»? (К истории одной научной полемики)	183
А. М. Ремизов. «Фигли-мигли». «Гороскоп» (публикация А. С. Урюпиной)	201
Б. М. Эйхенбаум. Дневник 1959 года (вступительная статья, подготовка текста и комментарии В. Л. Гайдук)	215
Ю. Ю. Коновалова. В поисках жанра и компромисса: травелоги В. П. Аксенова второй половины 1970-х годов	228

ЗАМЕТКИ

М. Ю. Коренева. А. С. Пушкин и А. Лафонтен (примечание к «Евгению Онегину») . . .	239
К. М. Поливанов. Об одном из возможных источников заглавия четвертой книги Б. Л. Пастернака «Темы и вариации»	243

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

И. Н. Сухих. «Профессор сказочных наук» из Волгограда	246
А. М. Грачева. Лики Федора Достоевского в литературе, филологии и философии конца XIX — первой трети XX века	248
Е. В. Иванова. Д. П. Мирский: почва и судьба	249
С. А. Дубровская, О. Е. Осовский. «Великое несчастье родиться поэтом...»: неизвестные страницы творчества Д. И. Морского	252
Л. В. Хачатурян. «Платоновский „странный“ стиль»: научное издание романа «Чевенгур» . .	254

ХРОНИКА

П. В. Бояркина. Вторые Международные Набоковские чтения	256
С. А. Семячко. Шестые Лихачевские чтения	259
О. А. Линдеберг. Международная научная конференция «Учитель и ученики: в честь 150-летия со дня рождения Леонида Андреева, к 90-летию со дня рождения Л. А. Иезуитовой»	268
А. В. Кокорин. Третий Междисциплинарный научный семинар «Формы культурного ре-сайклинга в современной России: тенденции и интерпретации»	274
Е. Р. Обатнина. Международная конференция «Архив и библиография русского зарубежья: документы и печатные источники»	277
Summaries	282

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

Редакционный совет:

*М. ГАРДЗАНИТИ, С. ГАРДЗОНИО, Ж. Ф. ЖАККАР, ЛЮ ВЭНЬФЭЙ,
ДЖ. МАЛМСТАД, Ж. НИВА, М. Б. ПЛЮХАНОВА, ДЖ. СМИТ, Р. Д. ТИМЕНЧИК,
Р. ХЁДЕЛЬ, Т. В. ЦИВЬЯН, В. ШМИД*

Главный редактор *В. Е. БАГНО*

Редакционная коллегия:

*М. Л. АНДРЕЕВ, М. Н. ВИРОЛАЙНЕН, Е. Г. ВОДОЛАЗКИН, В. В. ГОЛОВИН,
А. М. ГРАЧЕВА, И. Ф. ДАНИЛОВА (зам. главного редактора), Е. Е. ДМИТРИЕВА,
Н. Н. КАЗАНСКИЙ, А. В. ЛАВРОВ, А. М. МОЛДОВАН, А. Ф. НЕКРЫЛОВА,
С. И. НИКОЛАЕВ, Г. В. ОБАТНИН, М. В. ОТРАДИН, А. А. ПАНЧЕНКО,
В. В. ПОЛОНСКИЙ, А. Л. ТОПОРКОВ, Т. С. ЦАРЬКОВА*

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Телефон/факс (812) 328-16-01; e-mail: rusliter@mail.ru

© Российская академия наук, 2022
© Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН, 2022
© Составление. Редколлегия журнала
«Русская литература», 2022

RUSSKAYA LITERATURA

№ 3

Historical and Literary Studies

2022

Founded in January 1958

Published Quarterly

CONTENTS

	Page
Master Craftsman. Honoring the Anniversary of Sergey Ivanovich Nikolayev	5
A. S. Belousova (<i>Russia / Colombia</i>). A. S. Pushkin and H. K. White: The Newly Found Sources of <i>V Nachale Zhizni Shkolu Pomniu Ia...</i> and <i>Pir vo Vremia Chumy</i>	9
«MEDICAL TEXT» IN RUSSIAN LITERATURE	
O. L. Fetisenko. K. N. Leontiev: Doctor, Writer, Patient	27
S. A. Kibal'nik. The «Poetics of Medicine» in the Works of A. P. Chekhov	35
N. Ju. Gryakalova. «Psychopaths»: History of the Concept and its Transformations in Literature at the Turn of the 19–20 th Centuries	41
I. A. Kravchuk. D. I. Kharms Against I. I. Metchnikoff: On a Parodic «Nutrition Theory».	49
V. M. Dimitriev. «Medicine, Science and Life» in the Literary Project by V. S. Yanovsky	63
M. A. KUZMIN'S 150 TH ANNIVERSARY	
A. S. Pakhomova. M. A. Kuzmin's <i>The Thawed Trail</i> : a Failed Attempt at Writing a Novel about Current Events	74
Appendix. M. A. Kuzmin. <i>The Thawed Trail</i> . A Novel. 1917. Chapter 3	83
REPORTS AND RELEASES	
M. A. Fedotova. <i>The Penitent Sinner</i> by Dimitry of Rostov.	87
K. B. Egorova. Translation and Imitation of Polish Poetry in Russian Literary Culture of the Early 19 th Century	100
E. V. Kazartsev, E. T. Nakonechnaya. Prosody of Verse-Like Fragments in A. S. Pushkin's Prose (Based on Random Iambic Tetrameters).	107
V. A. Kotel'nikov. A Novelist Facing the Decline of the Empire (Honoring the 200 th Anniversary of B. M. Markevich).	121
E. V. Kuznetsova. Metaphors of Creativity in the Lyrics by Z. N. Gippius	131
«A Mystical Tragedy»: V. V. Rozanov and A. P. Suslova (Based on Archival Research) (Introduction, Editing and Commentary by E. I. Goncharova)	145
T. V. Misnikovich. <i>Why Are you Tormenting me with Memories Again?..</i> : Translation of P. Verlaine's Poem <i>Nevermore</i> in the Context of F. Sologub's Creative Search	156

M. M. Pavlova. Addenda to the Biography of A. N. Gippius: Early Years of Emigration (1920–1924). Article 1	162
Appendix. A. N. Gippius. <i>Intelligentsia, National Sentiments and the Church</i> (Speech Delivered on 14 Sept<ember> 1921 at Const<antinople> Religious and Philosophical Circle	178
S. A. Batyuto. Who Authored the Article <i>On the Popularizer Type of Journalists and on Natural Sciences?</i> (Concerning the History of a Scientific Controversy)	183
A. M. Remizov. «Figli-Migli». «Horoscope» (Published by A. S. Uryupina)	201
B. M. Eikhenbaum. 1959 Journal Entries (Introduction, Editing and Commentary by V. L. Gayduk)	215
Iu. Iu. Konovalova. In Search of a Genre and a Compromise: V. P. Aksyonov's Travelogues of the Second Half of the 1970s	228

NOTES

M. Iu. Koreneva. A. S. Pushkin and A. Lafontaine (a Note to <i>Eugene Onegin</i>)	239
K. M. Polivanov. Concerning a Possible Title Source of B. L. Pasternak's Fourth Book of Poetry <i>Themes and Variations</i>	243

REVIEWS

I. N. Sukhikh. «Professor of Fairytale Sciences» from Volgograd	246
A. M. Gracheva. Images of Fyodor Dostoevsky in Literature, Philology and Philosophy of the Late 19 th — First Third of the 20 th Century	248
E. V. Ivanova. D. P. Mirsky: Soil and Destiny	249
S. A. Dubrovskaja, O. E. Osovskii. «A Great Misfortune to be Born a Poet...»: Unknown Pages of D. I. Morskoy's Work	252
L. V. Khachaturian. «Platonov's „Weird“ Style»: An Academic Edition of the Novel <i>Chevengur</i>	254

NEWSREEL

P. V. Boiarkina. The Second International Nabokov Readings	256
S. A. Semiachko. The Sixths Likhachev Readings	259
O. A. Lindeberg. <i>Teacher and Students: In Honor of the 150th Anniversary of Leonid Andreiev and the 90th Anniversary of L. A. Jesuitova</i> International Research Conference	268
A. V. Kokorin. <i>Forms of Cultural Recycling in Modern Russia: Tendencies and Interpretations</i> Third Interdisciplinary Research Seminar	274
E. P. Обатнина. <i>Archive and Bibliography of the Russian Émigré Community: Documents and Printed Sources</i> International Conference	277
Summaries	282

Published under the Auspices of History and Philology Department Russian Academy of Sciences

Editorial Council:

M. GARZANITI, S. GARZONIO, R. HODEL, J. F. JACCARD, J. MALMSTAD,
G. NIVAT, M. B. PLIUKHANOVA, V. SCHMID, G. SMITH, R. D. TIMENCHIK,
T. V. TSIVIAN, WENFEI LIU

Editor-in-Chief V. E. BAGNO

Editorial Board:

M. L. ANDREYEV, I. F. DANILOVA (Deputy Editor-in-Chief), E. E. DMITRIEVA, V. V. GOLOVIN,
A. M. GRACHEVA, N. N. KAZANSKY, A. V. LAVROV, A. M. MOLDOVAN, A. F. NEKRYLOVA,
S. I. NIKOLAEV, G. V. OBATNIN, M. V. OTRADIN, A. A. PANCHENKO, V. V. POLONSKII,
A. L. TOPORKOV, T. S. TSAR'KOVA, M. N. VIROLAINEN, E. G. VODOLAZKIN

Editorial Office: 4, Makarova Embankment, St. Petersburg 199034.
Phone/fax (812) 328-16-01; e-mail: rusliter@mail.ru

© Russian Academy of Sciences, 2022
© Institute of Russian Literature
(Pushkinskij Dom), 2022
© Compilation. *Russkaya Literatura*
Editorial Board, 2022

St. Petersburg

РЕМЕСЛО И МАСТЕРСТВО

К юбилею Сергея Ивановича Николаева

Сергей Иванович Николаев, один из самых замечательных представителей гуманитарного знания в современной России, обладает качествами, достаточно редкими, но исключительно ценными для исследователя: широчайшей эрудицией, включающей в себя сферы, казалось бы, абсолютно далекие от области его научных интересов, и вместе с тем умением сосредоточить внимание на очень конкретном предмете изучения, подойти к нему с разных сторон, учесть мельчайшие связанные с ним детали, как историко-культурные, так и языковые. Все это оказывается возможным благодаря прочной научной базе, положенной в основу его многолетних филологических разысканий. Богатая научная эрудиция ученого постоянно пополняется благодаря его неизменному вниманию к так называемым вспомогательным дисциплинам: библиографии, источниковедению, текстологии. При этом полученные после кропотливых разысканий многочисленные сведения предстают в трудах С. И. Николаева не как отдельные ценные находки, но служат созданию общей целостной картины литературной жизни России на определенном, а в случае с тематикой его научных работ, важнейшем этапе ее развития.

Круг научных интересов исследователя отличался своей широтой уже в годы его учебы в Ленинградском (ныне Санкт-Петербургском) государственном университете: Сергей Иванович учился на славянской кафедре Филологического факультета на польском отделении, одновременно углубленно изучал историю отечественной словесности. Интерес к взаимному ознакомлению народов, изучаемому на материале художественной литературы, укрепился в период обучения под руководством академика А. М. Панченко. С 1979 года Сергей Иванович стал работать в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) РАН в Секторе (ныне Отделе) изучения русской литературы XVIII века. В 1982 году он защитил кандидатскую диссертацию «Польская поэзия в русских переводах второй половины XVII — первой трети XVIII в.», а в 1996 году — докторскую диссертацию «Литературная культура Петровской эпохи». Это исследование тогда же было издано как монография и сразу привлекло к себе внимание специалистов. В книге с новой и неожиданной стороны живо предстает литературный быт эпохи: и ее игровая культура, и особенности похоронного обряда, и отношение автора к своему несправедливому критику (Зоилу) и «благорассудному читателю».

В 1989 году появилась книга Сергея Ивановича «Польская поэзия в русских переводах, вторая половина XVII — первая треть XVIII века» (Л., 1989). Каждая из глав содержит очерки, имеющие источниковедческий характер и вместе с тем посвященные ключевым вопросам знакомства русских писателей и читателей с польской поэзией. Обращая внимание на то, что многие переводные памятники не были изданы, автор считал своей первоочередной задачей «просмотр рукописного материала и создание источниковедческой базы, введение в научный оборот как новых, так и забытых памятников». Благодаря разысканиям исследователя в крупнейших библиотеках и архивах Москвы, Петербурга и Киева были обнаружены, тщательно изучены, а также

впервые опубликованы многочисленные тексты, существенно обогащающие представления о русско-польских контактах в период формирования новой русской литературы. Предметом внимания ученого были и разные переводы одного и того же сочинения, и разные их списки. Польская словесность нередко выступала в роли посредника, с помощью которого русские читатели знакомились с произведениями античных авторов, более того, моста между литературами Запада и России на протяжении нескольких веков. В книге С. И. Николаева, убежденного в том, что переводная литература в любой стране является неотъемлемой частью национальной литературы, особое внимание было уделено проблемам художественного перевода. Сопоставляя разные версии текста, Сергей Иванович показал, как в России того времени формировались основные принципы стихотворного перевода благодаря поискам версификаторов, стремившихся к точности в передаче как смысла, так и звучания стиха. Эти наблюдения имеют значительную ценность и для историков литературы, и для теоретиков перевода.

Последующие наиболее яркие эпизоды русско-польских литературных контактов исследованы С. И. Николаевым в монографии «От Кохановского до Мицкевича. Разыскания по истории русско-польских литературных связей XVII — первой трети XIX в.» (СПб., 2004), объединившей более ранние отдельные публикации. Каждая из глав этой книги представляет собой небольшой очерк, своего рода мастерски сделанную миниатюру со своим законченным сюжетом. Это и судьбы отдельных произведений польской словесности на русской почве, и характеристики русских переводчиков и их трудов, начиная с Симеона Полоцкого и кончая Д. И. Хвостовым. Монография Сергея Ивановича, как и многие другие его работы, вызвала большой интерес как отечественных, так и зарубежных исследователей и в 2007 году появилась в переводе на польский язык.

Собиравшиеся ученым в течение ряда лет библиографические и архивные сведения после тщательной систематизации вошли в его книгу «Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв. Библиографические материалы» (СПб., 2008). Впервые с такой полнотой и обстоятельностью здесь учтены не только известные, ранее разрозненные факты, но, главным образом, введены в научный оборот многочисленные новые сведения, причем с указанием всех выявленных рукописных текстов, их шифров, датировок, а также литературы. Этот фундаментальный справочник сохраняет свое значение не только для современных, но и для будущих исследователей, как русских, так и европейских. Неудивительно, что и эта книга скоро появилась на польском языке: «Polono-Rossica. Polsko-rosyjskie związki literackie w XV–XVII wieku. Materiały bibliograficzne» (Kraków, 2009).

За все годы работы в Пушкинском Доме Сергей Иванович постоянно совмещает работу над монографическими исследованиями с участием в коллективных трудах Отдела по изучению литературы XVIII века. Большой вклад как член редколлегии и как автор он внес в создание фундаментального труда — «Словарь русских писателей XVIII века» (Л.; СПб., 1988–2020. Вып. 1–4). Ему принадлежит более 60 статей. Среди них биографии А. Д. Кантемира, В. К. Тредиаковского, С. И. Яворского (Стефана), К. А. Кондратовича, В. Г. Рубана — писателей, чье литературное наследие достаточно велико, хотя и в разной степени изучено. С особыми трудностями исследователю приходилось сталкиваться, когда речь шла о малоизвестных, а иногда и совсем почти неизвестных литераторах, а таких оказывалось большинство. Сведения об их жизни и деятельности Сергею Ивановичу, часто работавшему совместно с Владимиром Петровичем Степановым, удавалось находить по архивным материалам и с помощью тщательных библиографических поисков. Так, почти из небытия по найденным документам появлялись жизнеописания малых участников общего культурного

процесса, выяснялись новые обстоятельства их жизни и деятельности, причастности к тому или иному литературному труду, уточнялись даты, дополнялись известия о круге общения. Вся эта кропотливая работа продолжалась и в процессе редактирования статей, написанных другими авторами. При подготовке 4-го (справочного) выпуска «Словаря» Сергей Иванович как редактор и один из авторов уделил особое внимание сформированному им разделу «Уточнения и исправления заглавных сведений о писателях, вошедших в „Словарь русских писателей XVIII века“» и представил целый ряд важных поправок, подкрепленных архивными и библиографическими сведениями.

На протяжении всей своей деятельности в Пушкинском Доме С. И. Николаев постоянно принимает участие в серийных изданиях: «Трудах Отдела древнерусской литературы» и сборниках «XVIII век». Среди его работ, выходящих здесь, исследовательские статьи, а также публикации и научные библиографии. Проблематика исследователя отличается удивительной широтой: она охватывает огромный хронологический период нашей культуры: от древней Руси до современности. В русле постоянных интересов ученого вопросы русско-европейских связей, переводческая практика отечественных писателей, их отношение к литературному труду, становление и развитие отдельных поэтических жанров, особенности книжного языка и его связи с народной речью. Эти и многие другие темы получили отражение в исследованиях Сергея Ивановича, включенных в «Хронологический список» его трудов, опубликованный в 2012 году в сборнике «Litterarum fructus», подготовленном коллегами к 60-летию С. И. Николаева.¹

За прошедшее десятилетие этот список существенно пополнился. Продолжая углубленно заниматься периодом, соединяющим литературу Древней Руси с литературой XVIII века, Сергей Иванович выступил как организатор и ответственный редактор труда, давно ожидавшегося исследователями и в высшей степени востребованного современной филологической наукой — издания перевода с латинского на русский язык «Риторики» Феофана Прокоповича.² Написанное С. И. Николаевым краткое, но насыщенное библиографическими данными «Введение» дает читателю представление об истории создания публикуемого памятника и его дальнейшем изучении, об основных принципах «Риторики» Феофана Прокоповича, применявшихся им как для церковного, так и для гражданского красноречия. Эти принципы оказались восприняты в дальнейшем и учителями духовных семинарий, и русскими писателями XVIII столетия.

Специфика того литературного периода, которым занимается С. И. Николаев, — в его неотделимости от предшествующего литературного этапа, в его «переходности» от литературы средневекового типа к литературе Нового времени. И поэтому неслучаен интерес Сергея Ивановича к литературе XVII века. Будучи непременным участником «Трудов Отдела древнерусской литературы» (т. 36–42, 45, 49–51, 55, 59, 65), С. И. Николаев обращается к самому широкому кругу проблем истории и поэтики поздней средневековой литературы, при этом выискивая такие элегантно-причудливые темы, как «Юметы в переводной литературе XVII в.» (т. 50) или «„Сенека христианский“ в переводе рубежа XVII–XVIII вв.». Участвуя во всех основных проектах Отдела древнерусской литературы, Сергей Иванович написал целый ряд статей «Словаря книжников и книжности Древней Руси», вместе со своим учителем А. М. Панченко опубликовал и прокомментировал целый комплекс

¹ Litterarum fructus. Сборник статей к 60-летию Сергея Ивановича Николаева. СПб., 2012. С. 308–326.

² Феофан Прокопович. Об искусстве риторическом десять книг / Пер. с лат. Г. А. Стратановского; отв. ред. С. И. Николаев; подг. текста Е. В. Маркасовой, С. И. Николаева; комм. Е. В. Маркасовой; науч. ред. пер. Е. В. Введенская. М.; СПб., 2020.

стихотворных и драматических памятников, составивших последний том серии «Памятники литературы Древней Руси» (XVII век. Кн. 3. М., 1994), и наконец, плодом его исследовательских усилий в области раннего русского стихотворчества стал т. 18 серии «Библиотека литературы Древней Руси» (СПб., 2014).

Ведя научный диалог с коллегами из Отдела древнерусской литературы, Сергей Иванович активно участвует в Лихачевских чтениях, организуемом раз в пять лет международном форуме, ставшем рупором детища академика Д. С. Лихачева, Петербургской текстологической школы.

Сергей Иванович не просто кабинетный ученый, его научная молодость была связана с активной археографической работой. Будучи неоднократно участником археографических экспедиций Древлехранилища им. В. И. Малышева, он сохранил с этим научным центром самую тесную связь и неоднократно выступал с докладами на ежегодных Малышевских чтениях.

Неоспоримые научные достижения Сергея Ивановича давно получили широкое признание: в 2008 году ученый был избран членом-корреспондентом Российской академии наук. С 2016 года он стал заведующим Отделом по изучению русской литературы XVIII века. Как и раньше, он продолжает принимать активное участие в коллективных трудах Пушкинского Дома, деятельности его Ученого совета, редколлегии журнала «Русская литература», многочисленных диссертационных и экспертных советах. В 2019 году он получил высокое звание академика.

Возглавляя небольшой, но высококвалифицированный коллектив руководимого им Отдела, он с неизменным уважением и доброжелательностью относится к коллегам, всегда охотно делится научной информацией. Несмотря на все трудности, связанные с пандемией, Отдел под руководством С. И. Николаева регулярно проводит свои традиционные научные заседания с докладами и их обсуждением. И в ходе дискуссии, и в своем заключительном слове Сергей Иванович всегда умеет выделить самое существенное в обсуждаемой теме и развить ее, открывая новые, часто неожиданные пути для дальнейшего исследования. Эти яркие выступления, часто блестящие остроумием, неизменно будят мысль, придают собранию характер живой дружеской беседы, и каждый чувствует свою причастность к решению интересных и важных вопросов современной науки.

Есть что-то закономерное в том, что у академика А. М. Панченко было не много выдающихся учеников, но одним из них стал С. И. Николаев. В написанном Сергеем Ивановичем Предисловии к Биобиблиографии трудов его учителя отдельное внимание уделено блестящим, но неосуществленным замыслам ученого. Среди них — замысел книги «Другая история», посвященной повседневности: «Давайте попытаемся, — писал Александр Михайлович, — посмотреть на революционные события XX века с точки зрения обывателя. Что переживал обыватель, что это принесло обывателю, что отняло у него и как он все это перенес». Примерно так же смотрит на историю литературы его верный, блестящий ученик, при этом едва ли не антипод в отношении к материалу и способу его осмысления, С. И. Николаев. В отличие от своего любимого учителя он с аспирантских лет последовательно и убедительно реализует свое представление о величии литературной повседневности.

В области культуры, в отношениях между настоящим учителем и подлинным учеником, яблоко от яблони может упасть и недалеко, и далековато, но главное, с далекой перспективой.

В. Е. Багно,
Н. Д. Кочеткова,
С. А. Семячко

А. С. ПУШКИН И Г. К. УАЙТ: НОВОНАЙДЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ «В НАЧАЛЕ ЖИЗНИ ШКОЛУ ПОМНЮ Я...» И «ПИРА ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ»*

В библиотеке Пушкина сохранилось много книг парижского издательства Галиньяни, выпускавшего книги на английском языке. Среди них особенно знаменита так называемая книга четырех поэтов — «The Poetical Works of Milman, Bowles, Wilson, and Barry Cornwall: Complete in One Volume» (Paris: A. and W. Galignani, 1829), — содержащая произведения второстепенных английских романтиков. В Болдинскую осень 1830 года Пушкин неоднократно обращался к этому сборнику, и он тесно связан с рядом пушкинских замыслов и произведений.¹ Опираясь на «The City of the Plague» Джона Вильсона, Пушкин пишет «Пир во время чумы» — переводит с некоторыми изменениями четвертую сцену первого акта. Знакомство с произведениями Барри Корнуола отражается в «Домике в Коломне» и нескольких других стихотворениях.² Отмечалось возможное влияние мильмановской трагедии «Фацио» на «Скупого рыцаря»³ и стихотворения Уильяма Боулза «The Gypsy's Tent» на стихотворение «Цыганы».⁴

Кроме этого знаменитого тома, в библиотеке сохранились однотомники Джорджа Крабба⁵ (БП 835), Томаса Мура (БП 1189), Роберта Саути (БП 1399) и два сборника, схожих по оформлению и структуре с «книгой четырех поэтов»: сочинения Кольбриджа, Шелли и Китса (БП 762) и том, включающий

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, грант № 17-18-01701 «База данных по сопоставительной поэтике и сравнительному литературоведению (на материале русской рецепции романских лингвостиховых форм)».

Автор выражает сердечную благодарность А. С. Бодровой, Н. В. Перцову, И. А. Пильщикову и В. С. Полиловой, прочитавшим статью в рукописи, высказавшим ценные замечания и сообщившим мне важные библиографические и текстологические сведения. Находка, ставшая центром этой работы, не была бы сделана без поддержки и направляющих советов И. А. Пильщикова.

¹ Подробный обзор со списком переключек, установленных или подозреваемых пушкинистами, дан в книге А. А. Долинина (*Долинин А.* Пушкин и Англия: Цикл статей. М., 2007. С. 15–21).

² См.: *Яковлев Н. В.* «Последний литературный собеседник Пушкина»: (Бари Корнуоль) // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Пг., 1917. Вып. 28. С. 5–28; *Кулагина О. Л.* Пушкин и Барри Корнуолл: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1990; *Рак В. Д.* Корнуолл // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. 18/19. Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». С. 174–175.

³ *Чебышев А. А.* Заметка о «Скупом рыцаре» Пушкина // Памяти Л. Н. Майкова. СПб., 1902. С. 492–501.

⁴ *Яковлев Н. В.* К вопросу об английских источниках стихотворения Пушкина «Цыганы» («Над лесистыми берегами...») // Пушкин и его современники. Пг., 1923. Вып. 36. С. 63–70.

⁵ *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина (Библиографическое описание). СПб., 1910. С. 215 (Пушкин и его современники: Материалы и исследования; вып. IX–X). Здесь и далее ссылки на номера книг из библиотеки Пушкина по каталогу Модзалевского приводятся в тексте сокращенно: БП, с указанием номера.

произведения пяти мало известных сегодня английских авторов: «The Poetical Works of Rogers, Campbell, J. Montgomery, Lamb, and Kirke White.⁶ Complete in One Volume» (Paris: A. and W. Galignani, 1829; БП 1321; помет в книге нет, раздел о Генри Керке Уайте разрезан полностью).⁷

«Книга пяти поэтов» парижского издательства пригодились Пушкину куда меньше, чем сборник с произведениями Вильсона, Корнуолла, Мильмана и Боулза. До сих пор, насколько мне известно, в пушкиноведческой литературе обсуждались лишь два имени из числа авторов издания — Чарльз Лэм и Томас Кэмпбелл, — и то в сюжетах, никак не связанных с томом Галиньяни. Лэм упоминается как автор переложения Шекспира для детей, которым, возможно, пользовался Пушкин, работая над «Анджело». ⁸ Стихотворение

⁶ В книгу вошли произведения Сэмюэля Роджерса (1763–1855), Томаса Кэмпбелла (1777–1844), Джеймса Монтомгери (1771–1854), Чарльза Лэма (1775–1834) и Генри Керка Уайта (1785–1806).

⁷ В. Д. Рак указывает, что среди названных книг нет неразрезанных (*Рак В. Д.* Английская литература // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 18/19. С. 18). Все перечисленные тома были напечатаны в Париже в 1829 году. Они оформлены в едином стиле и являются частью коллекции современной английской поэзии («...the Works of the most celebrated Poets of modern times», говорилось в рекламной вклейке издательства Галиньяни, см.: <https://bit.ly/219WZwI>; дата обращения: 25.04.2021), включавшей 15 томов ин-октаво (см. также указание на серию: *Bibliographie de la France, ou Journal général de l'imprimerie et de la librairie. 1829. 28 novembre. № 48. P. 806*). В выпусках «Bibliographie de la France» за 1829 год тома из пушкинской библиотеки появляются в следующем порядке: том Саути в выпуске за 31 января, Мура — 4 апреля, Крабба — 16 мая, Роджерса и других — 12 сентября, Мильмана и других — 31 октября, и, наконец, том произведений Кольриджа, Шелли и Китса — в выпуске за 28 ноября. Пока не удалось установить, стали ли английские книги из коллекции Галиньяни доступны Пушкину одновременно. Предполагалось, что «книга четырех поэтов», вышедшая в Париже, судя по сообщению «Journal de l'imprimerie», позже, чем особо интересующий нас том «The Poetical Works of Rogers...», была куплена Пушкиным в начале 1830 года, когда «она появилась в английской книжной лавке в Петербурге» (*Довгий О. Л.* Книга четырех английских поэтов в культурной миссии Пушкина // А. С. Пушкин и книга. М., 2016. С. 77). «Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина» предположительно относит начало работы поэта с томом к марту–апрелю 1830 года, а его издание — к началу 1829-го (Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. / Сост. Н. А. Тархова. М., 1999. Т. 3. С. 176). В Болдине Пушкин «перечитывал Кольриджа» («<Заметка о холере>», <1831>), что дало почву предположению, что помимо «книги четырех поэтов» он взял с собой в Болдино и том «The Poetical Works of Coleridge, Shelley and Keats» (*Яковлев Н. В.* Из разысканий о литературных источниках в творчестве Пушкина // Пушкин в мировой литературе. Л., 1926. С. 139). С. А. Фомичев пишет об этом уже не гипотетически, а как о факте (*Фомичев С. А.* [Вступительная статья] // А. С. Пушкин. Болдинские рукописи 1830 года: В 3 т. / Авторы-сост. Т. И. Красноборождко, С. Б. Федотова. СПб., 2013. Т. 1. С. 16). А. А. Долинин указывает, что эпиграф к неоконченной пушкинской статье «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений», писавшейся в начале октября 1830 года в Болдине, мог быть знаком Пушкину по парижскому изданию произведений Саути: «...письмо Саути было полностью приведено в анонимном предисловии («Memoir of Robert Southey») к одноименному собранию его сочинений парижского издательства Галиньяни» (*Долинин А.* Пушкин и Англия. С. 19, прим. 16; ср.: *Яковлев Н. В.* Из разысканий о литературных источниках в творчестве Пушкина. С. 151–152). В. Д. Рак, в свою очередь, называет том парижского издательства в качестве источника эпиграфа из Саути вполне утвердительно (*Рак В. Д.* Саути // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 18/19. С. 303). С другой стороны, в письме П. А. Плетневу от 26 марта 1831 года Пушкин просил переслать ему издания Крабба и Саути, что заставило Н. В. Яковлева предполагать, что «до 1831 года Пушкин, по видимому, еще не имел собственного экземпляра сочинений Саути» (*Яковлев Н. В.* Из разысканий о литературных источниках в творчестве Пушкина. С. 152). Ни одна из интересующих нас книг не фигурирует в списке поздних пушкинских книжных приобретений (*Модзалевский Б.* Библиотека А. С. Пушкина. С. XVIII–XIX). Исходя из всего сказанного выше, можно предполагать, что интересующая нас книга оказалась у Пушкина раньше осени 1830 года. Если Пушкин взял с собой в Болдино один или два сборника из английской коллекции Галиньяни, не исключена вероятность того, что он имел с собой и интересующую нас «книгу пяти поэтов». Эти биобиблиографические обстоятельства требуют дальнейших уточнений.

⁸ *Левин Ю. Д.* Шекспир и русская литература XIX века. Л., 1988. С. 58–59; коррективы см.: *Долинин А.* Пушкин и Англия. С. 139–140.

Кэмпбелла «Власть России» обсуждается в книге А. А. Долинина в связи с цензурной историей «Анчара»,⁹ но возможные отношения русского поэта с английским не становятся предметом рассмотрения.¹⁰ Имя же героя настоящей статьи — английского поэта Генри Керка Уайта (Henry Kirke White, 1785–1806, по-русски также встречаются написания Генри Кирке Уайт, Генри-Кирк Вайт) — лишь бегло упоминается в работах пушкинистов.¹¹

Генри Керк Уайт родился в 1785 году в Ноттингеме, в семье мясника. С раннего детства он страстно любил читать и начал писать стихи еще ребенком. В 1803 году, в 18-летнем возрасте, Уайт опубликовал в Лондоне небольшую, чуть больше чем в сотню страниц, книгу стихов («Clifton Grove: a Sketch in Verse, with Other Poems»). Публикация, холодно встреченная журнальной критикой, тем не менее привлекла внимание литературного сообщества, в частности Р. Саути, с которым Уайт вступил в переписку. В 1805 году при поддержке покровителей (семья не могла дать ему университетское образование) он приступил к учебе в Кембридже. Однако чрезмерное усердие подорвало и без того слабое здоровье Уайта, и он умер в 1806 году в возрасте 21 года.

Саути, покровительствовавший поэту при жизни, год спустя издал его сочинения («The Remains of Henry Kirke White, of Nottingham, late of St. Johns's College, Cambridge; with an Account of his Life, by Robert Southey» (London: Vernor, 1807. 2 vols.)). Книга имела успех и не раз переиздавалась, а в 1822 году «The Remains...» вышли расширенным трехтомным изданием.¹²

Лорд Байрон в 1809 году посвятил Уайту фрагмент поэмы «Английские барды и шотландские обозреватели» («Unhappy White! while life was in its spring...»), сопроводив его примечанием, в котором высоко оценил поэта.¹³ Уайт упоминался и в стихах своего покровителя и посмертного издателя Саути. В поэме «A Vision of Judgement» («Видение суда», 1821), в последней части главки «The Young Spirits»,¹⁴ он приводит список поэтов, умерших слишком рано (это Томас Чаттертон,¹⁵ Майкл Брюс, Томас Рассел, Джон Бампфилд и Генри Керк Уайт, причем Чаттертон открывает список, а Уайт

⁹ Там же. С. 80–82.

¹⁰ В книге имя англичанина последовательно пишется Cambell/Кембелл.

¹¹ Яковлев Н. В. Из разысканий о литературных источниках в творчестве Пушкина. С. 125–126; Achinger G. Die Lyrik Sainte-Beuves als Faktor der lyrischen Textgenese bei Puškin // Arcadia: Zeitschrift für Allgemeine und Vergleichende Literaturwissenschaft. 2000. Bd 35. Hf. 1. S. 60–61, Anm. 37; S. 65; Рак В. Д. Английская литература. С. 19.

¹² Biographie universelle classique, ou Dictionnaire historique portatif. Paris, 1829. Troisième partie. S–Z et supplément. P. 3330.

¹³ «Henry Kirke White died at Cambridge, in October 1806 <...> His poems abound in such beauties as must impress the reader with the liveliest regret that so short a period was allotted to (his. — А. Б.) talents...» (The Works of Lord Byron complete in one Volume. Frankfurt a/M, 1826. P. 766). Пер.: «Генри Керк Уайт умер в Кембридже в октябре 1806 года <...> Его стихи изобилуют такими красотами, что читателя должно поразить самое живое сожаление, что столь краткий срок был отведен его талантам...» (англ.). Здесь и далее перевод, за исключением особо оговоренных случаев, мой. — А. Б. Стихи Байрона и примечание к ним содержатся, например, в только что процитированном франкфуртском однотомном полном собрании сочинений Байрона 1826 года, подаренном Пушкину Адамом Мицкевичем (БП 627). Существовал и французский прозаический перевод Амедея Пишо, выполненный при участии Эзеба де Салля, не раз переиздававшийся.

¹⁴ The Poetical Works of Robert Southey: Complete in One Volume. Paris: A. and W. Galignani, 1829. P. 597.

¹⁵ Пушкин был знаком и с этой эманацией мифа о преждевременно ушедшем романтическом поэте (см.: Рак В. Д. Чаттертон // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 18/19. С. 364). Во французской культуре этот миф воплотился в судьбах Николая Жильбера (1751–1780), Шарля Луи Мальфилатра (Malfilâtre, 1733–1767) и Андре Шенье (см.: Там же). В 1827 году, за три с половиной года до Болдинской осени, скоропостижно скончался Д. В. Веневитинов, как и Уайт, не дожив до 22 лет. Пушкин был на погребении Веневитинова в Симоновом монастыре. Я благодарю Н. В. Перцова за указание на эту параллель.

закрывает его). Свою поэму Саути предварил вступлением, где атаковал Байрона и назвал его поэзию «сатанинской». Байрон ответил на критику знаменитой сатирической поэмой в октавах «The Vision of Judgement» (1822). В строфе 98 поэмы Байрон цитирует выражение из очерка Саути о жизни Уайта («the ungentle craft» ‘грубое ремесло’,¹⁶ так Саути назвал занятия критика), причем он делает к соответствующей строке примечание: «См. „Жизнь Г. Керка Уайта“».¹⁷ Установлено, что к 1830 году Пушкин был осведомлен о журнальном и поэтическом споре между английскими романтиками вокруг «Видения суда» и байроновской одноименной сатиры.¹⁸

Имя Уайта попало и на страницы байроновской переписки. В книге французских переводов его корреспонденции, имевшейся в библиотеке Пушкина (БП 695), в нескольких местах упоминается и обсуждается Уайт,¹⁹ кроме того, в ней содержится примечание переводчика, указывающее на высокую оценку, данную Байроном Уайту («Lord Byron, dans sa satire, fait un brillant éloge des talents de ce jeune poète»²⁰). В книге «Conversations of Lord Byron»²¹ (БП 1149) Уайт тоже упоминался, причем во фрагменте, где речь шла о несправедливой журнальной критике.²²

В томе Галиньяни 1829 года, помимо поэтических произведений рано умершего поэта, был перепечатан очерк его жизни, написанный Саути для издания «The Remains of Henry Kirke White» 1807 года, и краткое предисловие к третьему тому расширенного издания 1822 года его же авторства. Книга также включала упомянутый выше фрагмент поэмы Байрона и авторское примечание к нему.

На протяжении нескольких десятилетий Уайт имел репутацию значительного романтического поэта,²³ причем его слава достигла и континента. Обсуждение поэзии английского страдальца можно найти в книге «Voyage historique et littéraire en Angleterre et en Écosse»²⁴ Амедея Пишо (1825, речь о Уайте идет в письме LXVII), биографию и некоторые стихи — в «Living Poets

¹⁶ The Works of Lord Byron... P. 625.

¹⁷ Ibid. P. 769. Байрон имеет в виду, что Саути, прежде клеймивший литературных критиков, теперь сам взялся за их низкое занятие.

¹⁸ Яковлев Н. В. Из разысканий о литературных источниках в творчестве Пушкина. С. 151–152; см. также выше, прим. 8.

¹⁹ Correspondance de Lord Byron avec un ami, comprenant en outre les Lettres écrites à sa mère du Portugal, de l'Espagne, de la Turquie, et de la Grèce, dans les années 1809, 1810, et 1811, et des Souvenirs et Observations; le tout formant une Histoire de sa Vie, de 1808 à 1814, Ornée d'un portrait de Lord Byron, et d'une vue de Newstead-Abbey, domaine de sa famille: En 2 vol. / Par feu R. C. Dallas. Paris: A. et W. Galignani, 1825. P. 57, 188–189, 228.

²⁰ Ibid. P. 188. Пер.: «В своей сатире Лорд Байрон дает блестящую похвалу талантам этого молодого поэта» (фр.). Под сатирой имеется в виду поэма «English Bards and Scotch Reviewers», об этом см. выше.

²¹ Эта книга цитировалась в анонимной критической заметке, опубликованной в «Литературной газете» 26 апреля 1830 года, в которой упоминался и Саути (Литературная газета. 1830. Т. I. 26 апр. № 24. С. 193–194). В. В. Виноградов предполагал, что автором заметки был О. М. Сомов (Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 409–410; ср.: Яковлев Н. В. Из разысканий о литературных источниках в творчестве Пушкина. С. 150, — где авторство приписано Пушкину). Ю. А. Матвеева, однако, не включает ее в библиографию работ критика (Матвеева Ю. А. Орест Михайлович Сомов — литературный критик. Научная биография: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007. С. 444–447).

²² Medwin Th. Conversations of Lord Byron: noted during a residence with his lordship at Pisa in the years 1821 and 1822. London, 1824. P. 171–173.

²³ С коллекцией отзывов современников на поэзию Уайта можно ознакомиться в базе данных «Spenser and the Tradition: English Poetry 1579–1830» в разделе «Commentary»: <http://spenserians.cath.vt.edu/AuthorRecord.php?&method=GET&recordid=33400> (дата обращения: 25.04.2022).

²⁴ Там Уайт был назван «английским Андре Шенье» ([Pichot A.]. Voyage historique et littéraire en Angleterre et en Écosse: Т. 1–3. Paris, 1825. Т. 2. P. 465).

of England: Specimens of the Living British Poets» (1827) того же автора.²⁵ Уайт попал в число английских поэтов, стихотворения которых были избраны для французской переводной антологии «Poésies anglaises», изданной в Париже в 1830 году.²⁶ Но самым ярким эпизодом рецепции Уайта во Франции следует признать переработку мифа о рано умершем талантливом поэте, осуществленную Ш. О. Сент-Бевом при создании ярчайшей литературной мифификации эпохи — книги «Vie, Poésies et Pensées de Joseph Delorme» (1829).

История поэтического сборника, вызвавшего отклик Пушкина,²⁷ самым тесным образом связана с фигурой Уайта. Здесь Сент-Бев воспользовался успешной стратегией, опробованной за два десятилетия до того Робертом Саути: стихотворения его поэтического альтер-эго, Жозефа Делорма, были изданы «друзьями покойного автора», во всем следуя модели «The Remains of Kirke White». Том открывался очерком жизни несчастного поэта (с характерными мотивами: талант, чахотка, искренняя интонация отрывков из личных дневников и писем), затем следовали стихи, затем прозаические фрагменты. Печальная история юного гения, как и в случае с Уайтом, должна была привлечь внимание публики и обеспечить ее благосклонность. Многочисленные переключки между Делормом и Уайтом на уровне композиции издания, сконструированной биографии, а также поэтических мотивов давно и подробно проанализированы литературоведами.²⁸ Например, мотив чахоточной музыки, отмеченный Пушкиным в рецензии на Делорма, восходит к Уайту.²⁹

Сент-Бев оставил в тексте книги несколько ключей, указывающих на его литературную модель. В очерке жизни Жозефа Делорма Уайт упоминается дважды: в описании ночных бодрствований («Почти все страницы дневника помечены ночными часами, как „Молитвы“ доктора Джонсона и „Стихотворения“ несчастного Керка Уайта»)³⁰ и при перечислении романтических авторов, которых читал вымышленный поэт (наряду с Гете, Шатобрианом, Констаном, Нодье, Ламартином, Оссианом и др.).³¹ Одно из стихотворений первого сборника озаглавлено «Stances. Imité de Kirke White» (это предпоследнее поэтическое сочинение, размещенное в книге). Помимо Уайта, Делорм открыто подражает в своем первом сборнике только Шиллеру и Вордсворту — поэтам куда более знаменитым.

Как известно, Пушкин высоко оценил поэзию Сент-Бева. В письме к Е. М. Хитрово, написанном в конце мая 1830 года, той же весной, когда Пушкин обратился к чтению современных английских авторов (см. выше, прим. 7), он отмечал, что Гюго и Сент-Бев — «бесспорно единственные

²⁵ [Pichot A.]. Living Poets of England: Specimens of the Living British Poets: In 2 vol. Paris: A. et W. Galignani, 1927. Vol. 2. P. 530–538. Очевидно, в книгу вошли биографии не только «живущих» поэтов.

²⁶ Poésies anglaises: Beattie, Rogers, Campbell, Southey, Goldsmith, Gray, Montgomery, Wordsworth, Kirke White, Moss, Carter. Paris, 1830.

²⁷ Пушкин А. С. Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme; Les Consolations, poesies par Sainte-Beuve // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1949. Т. 11. Критика и публицистика, 1819–1834. С. 195–201. Рецензия была опубликована в «Литературной газете» в 1831 году (Т. III. 5 июня. № 32).

²⁸ См.: Roth G. Kirke White et «Joseph Delorme» // Revue de Littérature Comparée. 1921. Т. 1. P. 586–598; Combe Th. G. S. Sainte-Beuve poète et les poètes anglais. Bordeaux, 1937; Evrard J. Le Joseph Delorme de Sainte-Beuve // Bulletin de l'Association Guillaume Budé. 1952. № 3. P. 101–106.

²⁹ Roth G. Kirke White et «Joseph Delorme». P. 591–592; указано также в: Achinger G. Die Lyrik Sainte-Beuves als Faktor der lyrischen Textgenese bei Puškin. P. 60–61, Anm. 37.

³⁰ Sainte-Beuve Ch. A. Vie, Poésies et Pensées de Joseph Delorme // Poésies de Sainte-Beuve: En 2 vol. Paris, 1863. Vol. 1. P. 10–11.

³¹ Ibid. P. 17.

французские поэты нашего времени, в особенности Сент-Бёв». ³² Пушкин, по всей видимости, был знаком с двумя рецензиями на «Vie, Poésies et Pensées de Joseph Delorme», опубликованными в «Le Globe» весной 1829 года. ³³ В первой из них Делорм прямо назван «émule» Уайта: «И вот новый источник, из которого черпали лишь некоторые английские поэты, разверзается и для нашей поэзии. Одним словом, если обольщение первого чтения нас не обмануло, перед нами не подражатель, а соперник (non pas un imitateur, mais un émule) Керка Уайта; никогда прежде, как нам кажется, мы не видели в стихах такого числа низких или простых (bas ou tombés en roture) слов, преобразенных в поэтические и благородные, как говорится, посредством одной лишь магии ритма». ³⁴ Упоминается Уайт и во второй рецензии, причем в одном ряду с Гете, Шиллером и Вордсвортом. ³⁵

Пушкинисты давно отметили множество переключек с Сент-Бевом в творчестве Пушкина начала тридцатых годов, в частности в сочинениях Болдинской осени. ³⁶ Было показано, что Сент-Бев влиял и на пушкинскую рецепцию английской литературы (самый знаменитый случай — посредничество при подражании сонету Вордсворта). В 2000 году Герда Ахингер назвала Уайта в ряду поэтов Озерной школы, которые могли заинтересовать Пушкина благодаря культурному посредству Сент-Бева. ³⁷ Проверка этой гипотезы позволяет ввести в круг вероятных пушкинских источников, по крайней мере, два уайтовских текста: начало поэмы «Детство» («Childhood»; в отношении наброска «В начале жизни школу помню я...») и стихотворение «Зимняя песня» («Winter song»; в отношении гимна Вальсингама).

«В начале жизни школу помню я...» и «Детство» Уайта

Незавершенный пушкинский отрывок в терцинах «В начале жизни школу помню я...» не раз называли «загадочным», «таинственным», интригую-

³² Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 14. Переписка, 1828–1831. С. 411 (оригинал по-французски: Там же. С. 93). В этом же письме Пушкин просил прислать ему при возможности второй сборник Делорма «Утешения», к октябрю 1830 года и он был прочитан поэтом (см.: Вольперт Л. И. Сент-Бёв // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 18/19. С. 305).

³³ См.: Томашевский Б. Пушкин и французская литература // Лит. наследство. 1937. Т. 31/32. С. 15–16; Вольперт Л. И. Сент-Бёв. С. 305; Markowicz A. Puškin et deux romantiques français — Sainte-Beuve et Antoni Deschamps: problèmes de citations // Revue des études slaves. 1987. Т. 59. Fasc. 1–2. P. 26–29. Автором рецензий был Шарль Маньин (Charles Magnin), см.: Sainte-Beuve Ch. A. Vie, Poésies et Pensées de Joseph Delorme. P. 290.

³⁴ [Magnin Ch.]. Poésie: Vie, Poésies et Pensées de Joseph Delorme // Le Globe: journal littéraire. 1829. Mercredi. 26 mars. T. VII. № 24. P. 186. Ср. с идеями Пушкина о поэтическом языке и английской поэзии, высказанными в ряде текстов, начиная с чернового наброска «В зрелой словесности приходит время...», датированного концом 1828 года (см.: Pak B. D. Английская поэзия. С. 20–21).

³⁵ M<agnin> C. Poésie: Vie, Poésies et Pensées de Joseph Delorme // Le Globe: journal littéraire. 1829. Samedi. 11 avril. T. VII. № 29. P. 227.

³⁶ См.: Морозов П. О. Пушкин и Сент-Бев // Русский библиофил. 1915. Кн. 7. Ноябрь. С. 82–89; Яковлев Н. В. Из разысканий о литературных источниках в творчестве Пушкина. С. 122–129; Markowicz A. Puškin et deux romantiques français — Sainte-Beuve et Antoni Deschamps: problèmes de citations; Achinger G. Die Lyrik Sainte-Beuves als Faktor der lyrischen Textgenese bei Puškin; Rodríguez Navas A. Reading Pushkin's Tales of Belkin through Sainte-Beuve's Vie, Poésies et Pensées de Joseph Delorme // Pushkin Review. 2008. № 11. P. 81–101; обзор и библиографию см.: Вольперт Л. И. Сент-Бёв. Имя Сент-Бева возникло в ходе работы над «Домиком в Коломне»: оно мелькнуло — вместе с именем Гюго — в одном из вариантов строки в строфе IX белого автографа с поправками (ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 1. № 915. Л. 2).

³⁷ Achinger G. Die Lyrik Sainte-Beuves als Faktor der lyrischen Textgenese bei Puškin. P. 65.

щим своей недосказанностью и незавершенностью.³⁸ Начатый, по всей видимости, после 26 октября 1830 года,³⁹ при жизни поэта он напечатан не был. В. А. Жуковский, публикуя его впервые в 1841 году, включил текст в число «Подражаний Данту», очевидно, усмотрев связь с дантовской темой в строфической форме отрывка.

Но «дантовский» ключ, подсказанный Жуковским, не дал ответов на многие вопросы. Стихотворение, написанное от первого лица, полное размытых квазибиографических отсылок, при этом лишенное «исторической и бытовой конкретности»,⁴⁰ вызвало самые разнообразные прочтения. Предметом рассмотрения и дискуссии становились его жанровая принадлежность (лирическое стихотворение? поэма? поэма какого рода?), строфическая форма (почему Пушкин обращается к терцинам?), антураж (о какой школе идет речь? о какой исторической эпохе?), лирический герой (это Пушкин? Данте? неназванный юный поэт?), упомянутые персонажи (кто такая «величавая жена» и окружающие ее дети?) и реалии (о каком саде и каких статуях идет речь?).⁴¹

Не надеясь поставить точку в этих дискуссиях, связанных с комплексным пониманием отрывка в его отношении к пушкинской биографии, Данте, религии, культуре Возрождения, аллегорической поэзии и т. д., мы хотим указать на вероятный источник пушкинского замысла и целого ряда образов — незавершенную поэму Уайта «Детство» (точнее, ее первую часть), напечатанную в томе издательства Галиньяни 1829 года.⁴² Обнаружение этого прототекста, как кажется, позволяет прояснить некоторые темные места пушкинского фрагмента.

«Детство» состоит из двух частей. Первая, напечатанная в две колонки, занимает всего полторы страницы галиньяновского тома. Метр — 5-стопный ямб, рифмовка смежная, текст разбит на стихотворные абзацы разной длины. Начинается поэма упорядоченно — серией из четырех десятистиший, составляющих вступление, но затем стройные «графические» строфы исчезают

³⁸ Морозов П. О. Примечания к стихотворениям 1830 года // Библиотека великих писателей под ред. проф. С. А. Венгерова: Пушкин: [В 6 т.]. СПб., 1911. Т. 5. С. LXI; Розанов М. Н. Пушкин и Данте // Пушкин и его современники. Л., 1928. Вып. 37. С. 20; Вацуро В. Э. Пушкин и Данте // Лотмановский сборник. М., 1995. [Вып.] 1. С. 386; Криницын А. Б. «В начале жизни школу помню я...»: проблемы интерпретации одного стихотворения Пушкина // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1999. № 2. С. 19; и мн. др.

³⁹ Болдинский календарь 1830 года / Сост. С. Б. Федотова // Пушкин А. С. Болдинские рукописи 1830 года: В 3 т. / Авторы-сост. Т. И. Краснобородько, С. Б. Федотова. СПб., 2013. Т. 1. С. 73. Последний сохранившийся автограф, связанный с этим замыслом, — беловик с позднейшей правкой (ст. 1–42; ПД 142) — по последним предположениям пушкинистов, появился, вероятнее всего, «не ранее 1831 г., так как написан на почтовой бумаге, которая использовалась Пушкиным с начала января 1831 г. до 1836 г.» (Краснобородько Т. И., Федотова С. Б. Научное описание: Болдинские рукописи 1830 года // Пушкин А. С. Болдинские рукописи 1830 года. Т. 1. С. 84). Один из черновых автографов «В начале жизни школу помню я...» (ПД 143) датируется «<После 26 октября — ноябрь (?) 1830> или <после 18 января — середина октября 1831>» (Краснобородько Т. И. Научное описание: Рукописи, предположительно датированные Болдинской осенью 1830 года // Пушкин А. С. Болдинские рукописи 1830 года. Т. 1. С. 184). Настоящая статья, как кажется, говорит в пользу хронологической близости «В начале жизни школу помню я...» болдинским произведениям 1830 года.

⁴⁰ Муравьева О. С., Таборисская Е. М. «В начале жизни школу помню я...» // Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб., 2009. Вып. 1. А–Д. С. 214.

⁴¹ См. обзоры и биографию: Криницын А. Б. «В начале жизни школу помню я...»: проблемы интерпретации одного стихотворения Пушкина; Муравьева О. С., Таборисская Е. М. «В начале жизни школу помню я...»; Ланда К. С. «Божественная комедия» в зеркалах русских переводов: К истории рецепции дантовского творчества в России. СПб., 2020. С. 44–46.

⁴² Об этой поэме Уайта и об учительнице, воспетой в ней, пишет Саути на первой странице биографического очерка, перепечатанного в томе Галиньяни. Амедей Пишо упоминает поэму и образ учительницы в своих двух книгах об английской литературе (см. первый раздел статьи).

и уже без всякого порядка следуют восьмистишия и абзацы-строфоиды в 14, 16 и даже 18 строк.⁴³

Построфное содержание первой части поэмы таково⁴⁴ (курсивом выделены элементы, сближающиеся с пушкинским отрывком, цифры обозначают номер строфоиды).

Вступление: 1. Как сладко обращаться к детским воспоминаниям! Описание прежнего церковного двора. Картины деревенской природы. 2. Детство — «возлюбленный век невинности и улыбок». Его простые радости, уже утраченные, хочет воспеть поэт. 3. Излюбленное место уединения. Поэт снова тут, он вспоминает детские прогулки и испытывает умиление. 4. Поэт обращается к Памяти и просит помочь ему вспомнить детство во всех подробностях.

Основное содержание первой части поэмы: 5. *Описание сельской школы и учительницы*. 6. Поэт вспоминает, как началось его учение, столь трудное поначалу. *Учительница казалась мальчику суровой*. Часто она *корила* его, и он плакал. 7. Начало изучения азбуки. Мальчик проявил свои способности и быстро стал любимцем учительницы. Она нередко ласкала его, ставила в пример другим и предрекала будущие успехи. 8. Поэт восклицает: «О, думала ли почтенная дама о всех тех бедах, что несет с собой талант!» Знай она о них, она бы пожелала мальчику судьбы простого человека. 9. Лирическое отступление, посвященное детству. Детство, безмятежная пора, противопоставляется трудам и тревогам зрелости. 10. *Описание детских игр и забав, которым предавались дети после уроков*. 11. Поэт вспоминает, как учительница умиленно смотрела на детские игры, сидя за прялкой. Устав, *дети садились с ней рядом* и изумленно наблюдали за искусной работой. 12. Потом дети убегали к девушке, любившей и умевшей петь. *Они садились вокруг нее и слушали песни и страшные сказки*. Тогда они не знали, что жизнь страшнее сказок! 13. В такие моменты, сообщает поэт, в нем впервые просыпалась «романтическая мысль», поэзия очаровывала детский слух. Вскоре детские игры уже не привлекали мальчика, *он искал уединения на лоне природы*, читал старые романы (gothamse) и *парил на крыльях воображения*.

Отточие. Конец первой части⁴⁵

Уайтовский текст в общих чертах соответствует началу пушкинского отрывка, а точнее терциям 1–4, 7–8 и самому началу 9-й:

В начале жизни школу помню я;
Там нас, детей беспечных, было много;
Неровная и резвая семья.

Смиренная, одетая убого,
Но видом величавая жена
Над школою надзор хранила строго.

⁴³ 4 абзаца по 10 строк, 1 из 14 строк, 1 из 11 строк, 2 по 8 строк, 1 из 18, 1 из 16, 1 из 14, 1 из 16, 1 из 14. 11-строчную «строфу» можно признать вариантом десятистишия с одной дополнительной строкой на рифму замыкающего двустигия.

⁴⁴ Благодарю В. А. и М. Ослонов за помощь в работе с текстами Уайта.

⁴⁵ The Poetical Works of Rogers, Campbell, J. Montgomery, Lamb, and Kirke White... P. 1–2 (5-я пар.). «Детство» открывает собрание стихов Уайта, напечатанных в книге Галиньяни: поэма помещена сразу после очерка Саути. Далее тексты Уайта цитируются по этому изданию с указанием номера страницы. Во второй части поэмы, занимающей две с половиной страницы (р. 2–4), Уайт многословно обращается уже к воспоминаниям средней школы (public school), вводя и тему первой дружбы. Фрагментарный характер произведения здесь еще очевиднее: в первой части на незавершенность указывало финальное отточие, тут же последняя строка обрывается после первой стопы.

Толпою нашею окружена,
 Приятным, сладким голосом, бывало,
 С младенцами беседует она.

Ее чела я помню покрывало
 И очи светлые, как небеса.
 Но я вникал в ее беседы мало.
 <...>
 И часто я украдкой убегал
 В великолепный мрак чужого сада,
 Под свод искусственный порфирных скал.

[Там] нежила меня [тений] прохлада;
 Я предавал мечтам свой юный ум,
 И праздномыслить было мне отрада.

Любил я светлых вод и листьев шум <...>⁴⁶

Оба поэта обращаются к воспоминаниям раннего детства, возникают образы школы, шумных и веселых детей, строгой дамы, управлявшей школой, упоминается смущение, которое она вызывала у мальчика, ее укоры. Затем у Уайта говорится о бегстве от веселья, шума и радостных детских игр к сельским теням, к ручейку, у Пушкина — о бегстве от величавой жены в сад, тоже к теням и водам. Убежав, герой Пушкина предается мечтам и «праздномыслит», Уайта — читает и парит на крыльях воображения. При этом в соответствии с общими принципами своих поэтических переработок⁴⁷ Пушкин радикально сокращает Уайта, отбрасывая все многословные пассажи, а также детали, указывающие на конкретный исторический, национальный и социальный колорит (в частности, исчезают все элементы простой деревенской жизни). 159 строк источника превращаются примерно в шесть терцин, но общая структура отрывка и ключевые детали сохранены.

Конкретная словесная ткань поэмы Уайта тоже отражается в пушкинском тексте. Особенно близки текстуально описание уайтовской учительницы из пятого стихотворного абзаца и пушкинской «жены»:

The village *matron* kept her little *school*,
 Gentle of heart, yet *knowing well to rule*;
Staid was the dame, and *modest* was her *mien*;
 Her garb was *coarse*, yet whole, and nicely clean... (p. 1)

(курсив мой. — А. Б.; пер.: «Деревенская дама держала маленькую школу, / Будучи кроткой сердцем, она тем не менее хорошо умела управлять; / Дама была степенна, ее облик был скромн; / Ее одежда была грубой, но целой и безукоризненно опрятной»).

⁴⁶ Пушкин А. С. В начале жизни школу помню я... // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 3. Кн. 1. Стихотворения, 1826–1836. Сказки. С. 254–255. Далее критический текст пушкинского наброска цитируется по данному изданию без дополнительных указаний.

⁴⁷ Ср. как А. А. Долинин описывает пушкинскую редактуру «Города чумы» Вильсона: «...он избавлялся от нелепостей и излишеств дурного романтического стиля — от пышных перифрастических оборотов, — излишне цветистых, или, наоборот, стертых эпитетов, тавтологий...» (Долинин А. Пушкин и Англия. С. 39–40). О переводческой технике Пушкина см.: Владимирский Г. Д. Пушкин-переводчик // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939. [Вып.] 4–5. С. 324–327. М. Л. Гаспаров назвал переводческую манеру Пушкина «конспективным стилем» (Гаспаров М. Л. Перевод Пушкина «Из Ксенофана Колофонского» // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1986. Вып. 20. С. 28).

Ср. у Пушкина:

Смиренная, одетая убого,
Но видом величаясь жена
Над школою надзор хранила строго.

Пушкин облагораживает образ школьной дамы, но сохраняет основные элементы ее описания. Особенно важной представляется близость строк «Смиренная, одетая убого, / но видом величаясь жена» (ср. также черновой вариант «одетая стыдливо и убого»⁴⁸ из рукописи ПД 142) и «Staid was the dame, and modest was her mien; / Her garb was coarse, yet whole, and nicely clean...». Наряд учительницы Уайта скромнен и убог, как и наряд пушкинской «величавой жены». Словарь языка Пушкина трактует «убогий» как «крайне бедный, нищий, нищенский».⁴⁹ Эта обращающая на себя внимание характеристика оставалась совершенно непроясненной при попытках сближения пушкинского образа с дантовской Беатриче,⁵⁰ Знаменской иконой Божьей Матери из Царскосельского храма⁵¹ или даже императрицей Елизаветой Алексеевной.⁵² Беатриче в «Чистилище» является Данту в великолепном облачении,⁵³ не пододит нищенский наряд ни Богоматери, ни монаршей особе.

Строгость учительницы не упоминается в строках Уайта, процитированных выше, но чуть дальше, в шестом стихотворном абзаце поэмы, лирический герой сообщает, что считал учительницу строгой («Severe I thought the dame»; p. 1), и вспоминает ее жестокие упреки («And oft, when harshly she reproved, I wept»; p. 1). Описывая учительницу, Уайт упоминает ее чепчик и глаза, Пушкин же — «чела покрывало» и «очи светлые, как небеса». Детали преобразуются, но структура описания сохраняется (головной убор, глаза). Кроме того, в восьмой строфе Уайт называет учительницу «venerable matron» (p. 1), «почтенной женой».

Укажем на ряд других параллелей. Строке «В начале жизни школу помню я» функционально соответствуют первые две строки поэмы Уайта, также сразу вводящие тему воспоминания: «Pictured in memory's mellowing glass, how sweet / Our infant days, our infant joys, to greet!» (p. 1; пер.: «Запечатленные в зеркале памяти, как сладко приветствовать наши детские дни, наши детские радости!»). Можно вспомнить и строки ранней редакции пушкинского отрывка (ПД 144): «Уж плохо служит память мне моя / Ткань ветхая, протершаясь <?> убого».⁵⁴ Здесь, в ключевом месте поэтической структуры, появляется единая тема, выраженная близкими риторическими средствами: и у Уайта, и у Пушкина память уподоблена предмету — зеркалу и истершейся ткани соответственно.

Строкам «Там нас, детей беспечных, было много; / Неровная и резвая семья» тематически соответствует строфа 10 и конкретно стихи «What clamorous throngs, what happy groupes were seen, / In various postures scatt'ring o'er the green!» (p. 2; пер.: «Какие шумные толпы, какие счастливые группы виделись / Разбросанные в разных положениях по траве!»).

⁴⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 3. Кн. 1. С. 866.

⁴⁹ Словарь языка Пушкина: В 4 т. М., 1961. Т. 4. С. 647.

⁵⁰ Розанов М. Н. Пушкин и Данте. С. 21–22.

⁵¹ Васильев Б. А. Духовный путь Пушкина. М., 1994. С. 186–193.

⁵² Аринштейн Л. М. «Елисавету втайне пел...» // Вестник Российской Академии наук. 1999. Т. 69. № 3. С. 216–227.

⁵³ Ср.: «donna m'apparve, sotto verde manto / vestita di color di fiamma viva» (Purg., XXX, 32–33; пер.: «...предо мной явилась донна, под зеленым покрывалом / в платье цвета пылающего огня» (ит.)).

⁵⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 3. Кн. 1. С. 863.

Строки «Толпою нашею окружена, / Приятным, сладким голосом, бывало, / С младенцами беседует она» могут являться контаминацией строф 11 и 12, а именно седьмой строки 11-го строфоида: «When tir'd with play, we'd set us by her side...» (р. 2; пер.: «Устав от игр, мы сядились около нее» (учительницы)) и строк 3–6 12-го стихотворного абзаца:

Many's the time I've scampered down the glade,
To ask the promis'd ditty from the maid,
Which well she lov'd, as well she knew to sing,
While we around her form'd a little ring <...> (р. 2)

(курсив мой. — А. Б.; перевод: «Часто я стремглав сбегал по поляне / Просить у служанки обещанную песенку, / Она любила и умела петь, / Пока мы сидели вокруг нее маленьким кольцом»).

Образ уайтовской учительницы, по всей видимости, соединяется с образом девушки, певшей детям страшные сказки. И у Пушкина, и у Уайта группа детей окружает женскую фигуру («we around her form'd a little ring», «Толпою нашею окружена»), оба поэта отмечают красоту пения («she knew to sing», «Приятным, сладким голосом»).

Седьмой и восьмой терцинам пушкинского отрывка тематически соответствует последний стихотворный абзац первой части уайтовской поэмы:

Far from the scene of gaiety and noise,
Far, far from turbulent and empty joys,
I hid me to the thick o'er arching shade,
And there, on mossy carpet listless laid,
While at my feet the rippling runnel ran,
The days of wild romance antique I'd scan;
Soar on the wings of fancy thro' the air,
To realms of light, and pierce the radiance there. (р. 2)

(курсив мой. — А. Б.; пер.: «Дальше от сцены веселья и шума, / Дальше, дальше от бурных и пустых радостей, / Я спешил к густой сводчатой тени, / И там вяло ложился на моховой ковер, / Пока у моих ног бежал журчащий ручеек, / Дни старинных диких преданий я <в памяти> перебирал; / Парил на крыльях воображения по воздуху, / В царства света, и рассекал сияние там»).

Ср. у Пушкина:

И часто я украдкой *убегал*
В великолепный *мрак* чужого сада,
Под *свод* искусственный порфирных скал.

Там нежила меня *тень* прохлада;
Я *предавал мечтам* свой юный ум,
И *праздномыслить* было мне отрада.

Любил я светлых *вод* и листьев *шум*...
(курсив мой. — А. Б.)

У Уайта мальчик убегает от веселых, но пустых детских игр к густой сводчатой тени («thick o'er arching shade»), к журчащему ручейку («rippling runnel») и в уединении на лоне природы предается мечтам («Soar on the wings of fancy»). Лирический герой Пушкина убегает от величавой жены

в тенистый сад, под «свод» скал, чтобы «предаваться мечтам» и «праздно-мыслить».

Тема школьных лет как часть важной романтической темы детства активно разрабатывалась английскими поэтами конца XVIII — начала XIX века. Амедей Пишо в краткой биографии Уайта, помещенной в книге «Living Poets of England», указывал на один из образцов, использованных поэтом: «Его поэма, озаглавленная „Детство“, сложенная в возрасте 13 лет, представляет не одну изящную картину, которой мог бы позавидовать Голдсмит. Портрет его старой школьной учительницы — аналог портрета школьного учителя из „Покинутой деревни“». ⁵⁵ Современные комментаторы уайтовской поэмы называют ряд текстов, послуживших ее образцами: это «Il Penseroso» Мильтона, «Pleasures of Melancholy» Уортона (Warton), «School-Mistress» Шенстона, «Eton College Ode» Грея и «The Deserted Village» Голдсмита. ⁵⁶ Просмотр двух томов второстепенных английских романтических поэтов, изданных Галиньяни, также позволяет обнаружить образы, связанные с темой школы и детства, у Роджерса, Монтгомери, Лэма, Боулза и Вильсона. Но ни в одном из всех названных произведений и ни у одного из поэтов тема школы не разрабатывается так, как у Уайта и Пушкина: ни в том, что касается структуры изложения, ни в области конкретных образов, мотивов и словесных формул. ⁵⁷

Думается, неслучайно само слово «школа» в значении «учебное заведение для детей» встречается в поэзии Пушкина лишь дважды — в рассматриваемом наброске и песне Мери из «Пира во время чумы». Это совпадение дополнительно указывает на возможность «английского» происхождения школы.

Тот факт, что «Детство» Уайта представляет собой незавершенную поэму, состоящую из двух очевидно фрагментарных частей (повторим, что первая часть заканчивается отточием, а вторая вообще обрывается на полуслове, в начале строки), позволяет предполагать, что и пушкинские терцины задумывались как отрывок.

Уайтовская поэма, однако, не объясняет целого ряда элементов пушкинского текста. Пушкин пишет свой отрывок пятистопным ямбом — размером уайтовской поэмы, но не копирует его строфику. Изучение рукописей «В начале жизни школу помню я...» показывает, что Пушкин не сразу принял за терцину. Исследователи заметили, что первоначально отрывок начинался октавой («...одновременно с „Домиком в Коломне“ он начинает набрасывать октавой самостоятельное стихотворение, в котором затем меняет строфу на терцины»). ⁵⁸ Октава, в этот момент бывшая для Пушкина столь же или скорее «английской», чем «итальянской», вполне могла выступить эквивалентом уайтовских свободных строф (две из них содержат по восемь строк), но «переход» на терцины объяснить связью с Уайтом невозможно. Также вызывают вопросы детали образа «величавой жены», сообщаемые в терцинах 4–6 (он далеко не совпадает с простой старушкой Уайта), и все последующее темати-

⁵⁵ [Pichot A.]. Living Poets of England. Т. 2. P. 531.

⁵⁶ [Radcliffe D. H.]. [Commentary on:] H. K. White. Childhood: a Poem // Radcliffe D. H. Spenser and the Tradition: English Poetry 1579–1830. <http://spenserians.cath.vt.edu/TextRecord.php?action=GET&textsid=37128> (дата обращения: 25.04.2022).

⁵⁷ А. А. Долинин, выступая в 2008 году на Эткиндовских чтениях, рассказывал, что еще в молодости предположил существование английского источника «В начале жизни школу помню я...» и с тех пор безуспешно пытался его найти (Мильчина В. Хроники постсоветской гуманитарной науки: Банные, Лотмановские, Гаспаровские и другие чтения. М., 2019. С. 476). Как сообщил мне А. А. Долинин в электронном письме от 19 июня 2021 года, «никто из пушкинистов <...> не верил, М. Л. Гаспаров сомневался».

⁵⁸ Вацуро В. Э. Пушкин и Данте. С. 386.

ческое развитие фрагмента (темы сада и таинственных кумиров). Вопросы семантики поэтических форм были слишком важны для Пушкина, чтобы предполагать в выборе строфы простую случайность.⁵⁹

Песня Вальсингама и «Зимняя песня» Уайта

Маленькая трагедия «Пир во время чумы», как известно, представляет собой перевод отрывка из драматической поэмы Джона Вильсона «Город чумы» («The City of the Plague»). Новейшие комментаторы пушкинского произведения так описывают отношение «Пира» к своему основному источнику: «Первоисточником „Пира во время чумы“ явилась большая часть (первые 334 из 421-го стиха) 4-й сцены I акта „Города чумы“. Отношение пушкинского текста к оригиналу в общем виде можно определить как сокращенный перевод с подвижной степенью точности, в который вставлены два фрагмента — песня Мери и гимн чуме Вальсингама, написанные Пушкиным почти без опоры на английский источник».⁶⁰

Действительно, если переработка большей части оригинала носила преимущественно композиционный характер,⁶¹ то в песнях Пушкин отказался следовать за текстом Вильсона и достиг, по единодушному мнению критики, выдающегося художественного результата:⁶² именно песни составили новый художественный каркас драматической сцены, радикально реорганизовав семантическое пространство пушкинской маленькой трагедии по сравнению с вильсоновским оригиналом.

Гимн Председателя, особенно его последние строфы, стал одним из самых обсуждаемых пушкинских текстов и получил за почти два столетия «целый веер разноречивых интерпретаций».⁶³ Наряду с прочтениями, обнаруживающими философские подтексты гимна и источники выраженного в нем мировоззрения, предпринимались попытки предложить и непосредственные

⁵⁹ Вопрос выбора поэтической формы терцины может отчасти прояснить сопоставление «В начале жизни школу помню я...» с некоторыми мотивами поэзии Сент-Бева. Этой теме я надеюсь посвятить отдельную работу.

⁶⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2009. Т. 7. С. 858 (комм. М. Н. Виролайнен, А. А. Долинина).

⁶¹ См., например: *Terras V. Puškin's «Feast during the Plague» and its original: A structural confrontation // Alexander Puškin: A symposium on the 175th anniversary of his birth / Ed. A. Kodjak, K. Taranovsky. New York, 1976. P. 209.*

⁶² См., например: «У Вильсона эти песни играют второстепенную роль, даны в качестве внешних аксессуаров пира и, хотя обе они на тему о чуме, никак не связаны с фабулой пьесы. Наоборот, у Пушкина песни Мери и председателя являются наиболее яркими и внутренне значительными, а потому особенно волнующими местами всей сцены пира, представляют собой как бы две кульминационные точки, два центра, вокруг которых располагается весь остальной материал» (*Благой Д. Д. Мастерство Пушкина. М., 1955. С. 170*); «Пересматривая глазами взыскательного художника наиболее яркую часть драматической поэмы Вильсона „Город чумы“ (4-ю сцену 1-го акта), Пушкин не только внес мелкие „исправления“, но и заменил песни, находившиеся в этой части, песнями собственного сочинения. Эти песни обладали такой силой, что трагедия как бы отделилась от своего источника и вошла в сознание читателей именно как пушкинское, притом гениальное произведение» (*Фридман Н. В. Песня Мери // Известия АН СССР. Серия лит. и яз. 1974. Т. 33. № 3. С. 242*). Знамениты слова Марины Цветаевой, писавшей: «Что у нас остается (в ушах и в душах) от Пира? Две песни. Песня Мери — и песня Вальсингама» (*Цветаева М. Соч.: В 2 т. / Сост., подг. текста, вступ. статья и комм. А. Саакянц, М., 1988. Т. 2. С. 379*).

⁶³ Долинин А. Пушкин и Англия. С. 112. В главе книги, посвященной «Пиру» (с. 103–129), помимо авторского прочтения представлен краткий обзор других трактовок гимна (с. 112–113), там же см. библиографию; укажем также недавнюю работу О. А. Проскурина (*Proskurin O. «И бездны мрачной на краю» // A/Z: essays in honor of Alexander Zholkovsky / Ed. by D. Ioffe, M. Levitt, J. Peschio, I. Pilshchikov. Boston, 2018. P. 447–464*).

литературные параллели: в частности, гимн соотносили с «песней Вайделота» из «Конрада Валленрода» (1828) Адама Мицкевича с ее образом олицетворенной Чумы, наступающей на Литву.⁶⁴

Среди произведений Уайта, напечатанных в томе Галиньяни, обнаруживается еще один возможный прототекст гимна Председателя: это стихотворение «Зимняя песня» («Winter song»).

Песня Вальсингама в «Городе чумы» Вильсона построена на серии сравнений: чума последовательно сопоставляется с другими смертельными опасностями. Пушкин обращается к отчасти схожей конструкции, основанной на параллелизме: сравниваются чума и зима. Сравнение поддержано созвучием двух слов (случай паронимической аттракции): оба они женского рода, двусложны, несут ударение на финальном слоге, который в этих двух словах совпадает (*чума / зима*).

Однако если задуматься о смысловой стороне сопоставления, нельзя не заметить, что зима с трудом может служить аналогом вильсоновских болезней и битв, ведь она не несет смерти сама по себе. Таким образом, Пушкин вводит не только знаменитый мотив «упоения опасностью», отсутствующий у Вильсона,⁶⁵ зимняя тема также возникает без опоры на английский оригинал.⁶⁶ Отмечалась еще одна особенность гимна: «...Председатель в сочиненном накануне гимне поет не прямо о себе и своих друзьях: их пир происходит при дневном антураже, на улице; в гимне же он развертывается при огнях, в закрытом помещении...».⁶⁷

Названные детали пушкинского текста, не имеющие соответствия у Вильсона, — антураж песни и образ олицетворенной зимы, — могли быть заимствованы поэтом из стихотворения Генри Керка Уайта «Winter song».⁶⁸ Вот строки первых двух строф этого текста и их подстрочный перевод (курсивом выделены слова, имеющие прямое соответствие в пушкинском гимне):

Rouse the blazing midnight fire,
Heap the *crackling* faggots higher;

⁶⁴ Асеев Н. Переводы из Адама Мицкевича. Заметки переводчика // Новый мир. 1946. № 1–2. С. 150–153. Указывалось также на «известное сходство в тоне» гимна с песней Барри Корнуолла «King Death» (Михайлов М. Л. Драматические сцены Барри Корнуолла // Русское слово. 1860. № 3. С. 215; Яковлев Н. В. Об источниках «Пира во время чумы» (Материалы и наблюдения) // Пушкинист. М.; Пг., 1922. Т. 4. Пушкинский сборник памяти С. А. Венгерова. С. 131–132). Сходство крайне отдаленно, кроме того, как указал уже Н. В. Яковлев, у нас нет никаких сведений о знакомстве Пушкина с этим текстом Корнуолла, не включенным в «книгу четырех поэтов» Галиньяни.

⁶⁵ Анализируя смысл вальсингамовской песни из «Города чумы» в ее сравнении с пушкинским гимном, Д. Д. Благой подчеркивал изменение основной идеи: «Вальсингам Вильсона в своей песне, полной романтически приподнятых образов, эффектных олицетворений и метафор, славит чуму за то, что смерть от нее скорее и легче, чем на море во время морского боя или на суше в часы кровопролитного сражения; провозглашает чуму царицей болезней, ибо она, в противоположность лихорадке, чахотке, даже параличу, убивает свои жертвы наверняка; наконец, восхваляет ее за то, что она срывает покровы со всяческого лицемерия <...> Но в песне вильсоновского Вальсингама совсем нет мотива упоения опасностью, всем тем, что „гибелью грозит“, безбоязненного стремления померяться с этими силами, противопоставить этому бесстрашию „сердца смертного“ — человеческого духа. Наоборот, именно этот-то мотив и составляет пафос „гимна в честь чумы“ председателя пира у Пушкина...» (Благой Д. Д. Мастерство Пушкина. С. 172–173).

⁶⁶ Во всем оригинальном отрывке зима упомянута лишь единожды — в песне Мери: «...when winter is over», в песне Вальсингама один раз упомянут снег, в составе сравнения: «Descending fast, as flakes of snow», в словах хора звучит прилагательное «snow-white».

⁶⁷ Фридман Н. В. Песня Мери. С. 251.

⁶⁸ Сам факт того, что стихотворение Уайта названо «песней», мог обратить на себя внимание Пушкина, пересоздавшего песни из Вильсоновой сцены. Размер «Winter song», четырехстопный хорей, совпадает с размером песни Мери.

Stern December reigns without,
With old Winter's blust'ring rout.

Let the jocund timbrels sound,
Push the jolly goblet round;
Care avaunt, with all thy crew,
Goblins dire and devils blue.⁶⁹

(пер.: «Взвейте пылающий полуночный огонь, / Сложите трескучий хворост повыше; / Суровый Декабрь царит снаружи / С бушующей свитой старой Зимы. / Пусть звучат радостные бубны, / Пустите веселый кубок по кругу; / Забота, прочь! — со всей твоей шайкой, / Ужасными гоблинами и синими чертями»).

Первые две строфы песни Уайта соотносятся с первой и третьей строфами гимна Вальсингама:

Когда могущая Зима,
Как бодрый вождь, ведет сама
На нас косматые дружины
Своих морозов и снегов,
Навстречу ей трещат каминь,
И весел зимний жар пиров.

<...>

Как от проказницы Зимы,
Запремся так же от Чумы,
Зажжем огни, нальем бокалы,
Утопим весело умы
И, заварив пиры да балы,
Восславим царствие Чумы.⁷⁰

Строки Уайта «Stern December reigns without, / With old Winter's blust'ring rout» и «Care avaunt, with all thy crew, / Goblins and devils blue» параллельны строкам, описывающим олицетворенную Зиму, наступающую со своим войском: «Когда могущая Зима, / Как бодрый вождь, ведет сама / На нас косматые дружины / Своих морозов и снегов». Пушкинские дружины соответствуют уайтовским «rout» 'шумная толпа, сборище, сброд, чернь, свита' и «crew» (с тем же значением), от гоблинов и чертей остается «косматость», совпадает сама идея морозного войска.

Можно предполагать, что Пушкин превращает полчища нечисти (гоблины и черти) в метафору («косматые дружины морозов и снегов»), сообразуя диковатый романтизм Уайта с требованиями собственного поэтического вкуса. Пушкинские строки «Навстречу ей трещат каминь» параллельны уайтовским «Hear the crackling faggots higher», с глаголом «to crack» 'трещать', а призыв «Зажжем огни, нальем бокалы» схож по своей грамматической структуре и семантике со строками «Rouse the blazing midnight fire» и «Push the jolly goblet round».

Уайтовский претекст угадывается и в черновых вариантах первых строк: «Несколько раз переделывается Пушкиным уже самое начало гимна: „Когда могущая зима, Как бодрый вождь, ведет сама“. Вторую строку Пушкин сперва начинает: „Как старьй вождь“, затем последовательно переделывает:

⁶⁹ The Poetical Works of Rogers, Campbell, J. Montgomery, Lamb, and Kirke White... P. 5 (5-я паг.). Как видно, стихотворение начинается на пятой странице, в то время как поэма «Детство» помещена на страницах 1–4.

⁷⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 7. С. 171. Курсив мой. — А. Б.

„Как старьй царь зовет“, „Как старьй царь ведет“ и, наконец, дает окончательное чтение». ⁷¹ Возможно, эпитет «старый», от которого Пушкин затем отказался, заменив его на «бодрый», был задан английским текстом («With old Winter's blust'ring rout»). Слово «царь» из черногового варианта могло быть подсказано глаголом «to reign» ‘царить, царствовать’.

Уайт в своей песне призывает посильнее разжечь трескучий огонь и пировать, не обращая внимания на суровую Зиму с ее полчищами. Пушкин, вспоминая зимние пиры, призывает пировать и пред лицом смертельной Чумы.

Два уайтовских мотива, совпадающих с гимном в честь Чумы, — зимнего пира в уютном отъединенном пространстве и олицетворенной Зимы — разрабатывались Пушкиным и раньше его вероятного знакомства с Уайтом. ⁷² Первый является топосом, ведущим свою историю еще с античности (например, у Горация, *Сарм.* I, IX), и часто встречается у Пушкина. ⁷³ Второй же отчасти перекликается с описанием начала зимы в седьмой главе «Евгения Онегина» (1827–1828; «...и вот сама / Идет волшебница зима»; ср. также «проказы матушки-зимы» этого фрагмента с «проказницей Зимой» гимна). Предполагаемая параллель с Уайтом интересна не наличием рассматриваемых мотивов как таковых, а именно их соединением в одном контексте, а также наличием совпадающих текстуальных деталей.

Следующие пять строф уайтовской «Зимней песни» уже не обнаруживают текстуальных сближений с пушкинским гимном Чуме:

Hark! without the tempest growls:
And the affrighted watch-dog howls;
Witches on their broomsticks sail,
Death upon the whistling gale.

Heap the crackling faggots higher,
Draw your easy chairs still nigher;
And to guard from wizards hoar,
Nail the horse-shoe on the door.

Now repeat the freezing story,
Of the murder'd traveller gory.
Found beneath the yew-tree sear,
Cut, his throat, from ear to ear.

Tell, too, how his ghost, all bloody,
Frighten'd once a neighb'ring goody;
And how, still at twelve he stalks,
Groaning o'er the wild-wood walks.

Then, when fear usurps her sway,
Let us creep to bed away;
Each for ghosts, but little bolder,
Fearfully peeping o'er his shoulder. ⁷⁴

⁷¹ *Благой Д. Д.* Автограф «Пира во время чумы» // Пушкин — родоначальник новой русской литературы: Сб. науч.-исследовательских работ. М.; Л., 1941. С. 20. Варианты см.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 7. С. 416.

⁷² Я благодарю А. С. Бодрову, указавшую мне на этот аспект темы.

⁷³ См., например, «Зимний вечер» и вступление к «Медному Всаднику».

⁷⁴ *The Poetical Works of Rogers, Campbell, J. Montgomery, Lamb, and Kirke White.* P. 6; 5-я паг. Пер.: «Чу! Снаружи рычит буря / И воет испуганная сторожевая собака; / Ведьмы плывут на метлах, / Смерть — на свистящем вихре. // Сложите повыше трескучий хворост, / Сдвиньте еще теснее кресла, / И для защиты от колдунской изморози // Прибейте подкову к двери. //

Вторая строфа гимна Вальсингама никак не связана с текстом Уайта,⁷⁵ если не считать образа олицетворенной враждебной силы, наступающей на людей: Пушкин здесь увязывает текст-источник с основной темой маленькой трагедии и с Вильсоном. Так же и знаменитые четвертая и пятая строфы, философский центр гимна, не имеют аналога в «Winter song». Д. Д. Благой, анализируя рукопись «Пира...», указывает, что начиная с 4-й строфы почерк Пушкина меняется: «Судя по характеру почерка, Пушкин перебелил „Пир“, не отрываясь и без всяких сколько-нибудь значительных остановок до самого начала „Гимна чуме“. Первая строка гимна написана тем же широким „беловым“ почерком, как и все предшествующие ему строки. Однако после первой строки картина резко меняется: Пушкин на какой-то промежуток времени остановился, творчески задумался; когда он снова начинает писать, почерк приобретает и другой наклон, и более нервный, торопливый, „черновой“ характер <...>. Со второй строфы гимна почерк снова становится „беловым“, и так идет до начала четвертой строфы — до строки „Есть упоение в бою“ включительно. Затем новый резкий слом почерка, при котором пятая — наиболее знаменитая — строфа приобретает вид типичного черновика с поспешными зачеркиваниями, стремительными заменами одного слова другим, с большим количеством разночтений...».⁷⁶

Можно предполагать, что Пушкин, не удовлетворенный текстом песни у Вильсона, воспользовался «Зимней песней» Уайта как материалом для гимна Вальсингама. Уайтовский мотив «радостного пира в окружении враждебных сил стихий» мог стать той точкой, оттолкнувшись от которой Пушкин приходит к одному из своих тематических лейтмотивов, или инвариантов — «упоению гибельной опасностью».⁷⁷ Как уже было сказано выше, анализу этой важнейшей пушкинской темы посвящена обширная библиография. Если «Зимняя песня», в соответствии с моим предположением, является одним из источников гимна Вальсингама, ее обнаружение в очередной раз обнажает перед нами один из постоянных механизмов творческой работы поэта, строящейся на отталкивании от разнообразного материала и приспособлении его под свои «поэтические нужды».

А. А. Долинин так писал об особенностях пушкинской рецепции английских авторов: «...непосредственное знакомство Пушкина с английской литературой в 1830-е годы имеет значительные творческие последствия только в тех случаях, когда он использует ее как источник новых тем и сюжетов,

Теперь повторите ледящую историю, / Об окровавленном убиенном путнике, / Найденном под чахлым тисом, / С горлом, перерезанным от уха до уха. // Расскажите также, как его призрак, весь в крови, / Напугал как-то соседскую хозяйку; / И как он все еще крадется в полночь, / Стеная над лесными тропами. // Затем, когда страх установит свою власть, / Уползете в кровать, / Каждый <из нас>, не <становясь> смелее, призраков / Боязливо высматривая через плечо» (англ.).

⁷⁵ При этом она особенно сближается с «песней Вайделота» из «Конрада Валленрода» (1828) Адама Мицкевича (см. выше).

⁷⁶ Благой Д. Д. Автограф «Пира во время чумы». С. 19–20. Н. В. Перцов не вполне согласен с интерпретацией Д. Д. Благого: «Гимн Чуме дан на 7-й, 8-й и 9-й страницах этого автографа (лл. 4–4 об.), там в первой строфе совсем нет „крутого“ сгущения поправок, каковое усматривает Благой. <...> вот на 8-й странице в 5-й — предпоследней — строфе («Все все что гибелью грозит <...>») правка, действительно, крутая — тут Благой прав. Однако в самой потрясающей 4-й строфе («Есть упоение в бою <...>») <...> правки практически нет — только в предпоследней строке» (сообщено в электронном письме от 4 ноября 2020 года). Соглашаясь с Н. В. Перцовым в том, что касается интерпретации характера правки, я в то же время солидаризуюсь с Благой в том, что касается изменения почерка в строфах 4-й и 5-й: они написаны с иным наклоном и выделяются на фоне окружающего текста.

⁷⁷ Жолковский А. К. Инварианты Пушкина // Труды по знаковым системам XI. Тарту, 1979. С. 17 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 467).

подхватываемых и развиваемых в диалоге-соревновании с оригиналом. Подобная стратегия отчетливо прослеживается во всех поздних стихотворениях Пушкина, которые, как давно установили исследователи, восходят к английским источникам». ⁷⁸ Это утверждение оказывается верным и для возможного пушкинского диалога с поэзией Г. К. Уайта.

Как в случае «В начале жизни школу помню я...», так и в случае гимна Председателя, образы, вероятно подсказанные уайтовской поэзией, были использованы Пушкиным для создания произведений, глубоко связанных с магистральными темами собственного творчества. В «Пире во время чумы» Пушкин отталкивается от образов «Зимней песни» Уайта и приходит к блестящей поэтической разработке темы «упоеания гибельной опасностью», инвариантной для его поэзии. Подобным образом в отрывке «В начале жизни школу помню я...» Пушкин, заимствуя из поэмы Уайта идею романтического повествования о раннем детстве, переходит к разработке целого ряда ключевых для его лирики мотивов, в частности мотива статуи, ⁷⁹ Лицея и изоморфных мотивов «любовных страстей» и «поэтического творчества». ⁸⁰

В то же время нельзя не отметить пунктуальную работу поэта с английским источником. Заимствуется не только общий антураж, образы и композиционные элементы, но и конкретные словесные формулы: это дает основание предполагать, что Пушкин достаточно внимательно прочел Уайта.

Установление неизвестных прежде источников «В начале жизни школу помню я...» и гимна в честь Чумы позволяет в очередной раз постулировать один из конституирующих принципов творческой работы Пушкина; он заключается в отталкивании от источника и «улучшении» заимствованного, очищении его от лишнего, переработке и встраивании в свой поэтический мир («систему инвариантных мотивов, характеризующих тексты одного автора», ⁸¹ по определению А. К. Жолковского). В довершение находка ставит перед пушкинистикой новые вопросы, в частности, указывает на необходимость новой интерпретации загадочного (псевдо?) дантовского наброска в терцинах. Не исключено, что дальнейшее изучение «книги пяти поэтов» издательства Галиньяни позволит предложить и другие литературные параллели к пушкинским произведениям 1830-х годов. ⁸²

⁷⁸ Долинин А. Пушкин и Англия. С. 42.

⁷⁹ См.: Якобсон Р. О. Статуя в поэтической мифологии Пушкина // Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М., 1987.

⁸⁰ Жолковский А. К. Инварианты Пушкина. С. 22.

⁸¹ Там же. С. 3.

⁸² В частности, заслуживает внимания тема «ночной поэзии» в стихотворениях Уайта и Пушкина («Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы»). Мотив ночного творческого бодрствования не раз возникает в очерке Саути о жизни Уайта, сам поэт делает к своим стихам помету «written at midnight», и именно этот аспект жизни Уайта подчеркнут в описании жизни Жозефа Делорма.

«МЕДИЦИНСКИЙ ТЕКСТ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-27-34

© О. Л. ФЕТИСЕНКО

К. Н. ЛЕОНТЬЕВ: ВРАЧ, ПИСАТЕЛЬ, ПАЦИЕНТ

Писатель, мыслитель, публицист, дипломат и врач К. Н. Леонтьев (1831–1891) еще в молодости сказал в письме к матери, что медицина — его «нелюбимая жена» (любимая — литература),¹ и позднее подтвердил в автобиографических записках «Моя литературная судьба» (1874): «Она всегда тяготила меня, и я от нее освободился при первой возможности» (6, 1, 28), но, тем не менее, справедливо считается, что именно изучение медицины и «влияние естественнонаучного детерминизма»² формировали сам способ мышления Леонтьева,³ особенно в его политической аналитике, а медицинская терминология «подсказывала» яркие образы вроде поставленного им современному человечеству в статье «О всемирной любви» (1880) психиатрического диагноза: эпидемическое умопомешательство «*mania democratica progressiva*» (9, 213). Кроме того, именно медицина в свое время помогла Леонтьеву, по выражению И. С. Тургенева, его тогдашнего литературного наставника, «броситься в жизнь» (6, 1, 59).

Стать врачом Леонтьева заставили два обстоятельства. Во-первых, трудное положение настаивавшей на выборе именно такой профессии матери, у которой он был седьмым, последним, ребенком. Ф. П. Леонтьева резонно полагала, что хороший врач сможет обеспечить себя лучше, чем обедневший помещик. К чиновничьей же службе у нее, по семейной традиции, было большое отвращение (в доме ее матери чиновников именовали не иначе как «приказными», что в XIX столетии звучало однозначно уничижительно⁴). Второй причиной было ограничение приема в 1849 году на все факультеты Московского университета, кроме медицинского.

Леонтьев сначала тяготился учебой. (О том, как она протекала, мы знаем по его мемуарному очерку «Воспоминание о Ф. И. Иноземцове и других московских докторов 50-х годов» (1882), а отчасти можем судить по воспоминаниям его однокашников, таких как И. М. Сеченов и Н. А. Белоголовый, описавших, какие предметы кто преподавал и на каком курсе, как принимались экзамены и т. д.⁵) На третьем курсе Леонтьев даже «не сдал экзамена и остался на второй год» (6, 2, 29). Это произошло осенью 1852 года. Четвертый курс, где было больше клинической практики, вызвал его интерес. В те же годы укрепилось и увлечение Леонтьева физиологией, френологией, краниоскопией, возникшее чуть ранее.

¹ *Леонтьев К. Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. / Подг. текста и комм. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб., 2018. Т. 11. Кн. 1. С. 61. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома, книги и страницы.

² *Котельников В. А.* Константин Леонтьев. СПб., 2017. С. 43.

³ Подробнее см.: *Хатунцев С. В.* Константин Леонтьев: Интеллектуальная биография. 1850–1874 гг. СПб., 2007.

⁴ Многочисленные примеры можно найти в дневнике бабушки Леонтьева (Дневник А. Е. Карабановой, 1819–1827 / Вступ. статья, подг. текста и комм. О. Л. Фетисенко. М., 2020).

⁵ См.: *Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917)* / Сост. Ю. Н. Емельянов. М., 1989. С. 284–294, 319–321.

Началась Крымская война, в отличие от того же Белоголового Леонтьев откликнулся на предложение досрочного выпуска в мае 1854 года с поступлением в военные лекари. Получил назначение в Белевский полк, находившийся тогда на Кавказе, но сразу добился перевода младшим ординатором в Керчь-Еникальский военный госпиталь.

О военно-медицинской службе Леонтьева мы знаем только с его слов — из его мемуарно-автобиографических произведений и из писем к матери из Крыма, имевших характер дневника,⁶ и можем дополнить эту картину мемуарными и публицистическими свидетельствами его современников врачей,⁷ единодушно отмечавших тяжелые условия, отсутствие самых необходимых лекарств и инструментов. Именно поэтому Леонтьев позднее будет говорить: «...иллюзия нашей военной медицинской практики» (6, 1, 66).⁸ На врача лежала огромная ответственность. Впоследствии Леонтьев охарактеризует ее так: «...власть <...> — одна из самых мощных, одна из самых жестоко ответственных перед собственной совестью и из самых безответственных и перед внешним законом, и перед мнением людским» (6, 2, 69–70). Доходило до того, что в его «почти бесконтрольном распоряжении» бывало «до 250 коек» (6, 2, 70). Леонтьев продолжал занятия по привезенным с собой книгам, просил присылать и другие (см.: 11, 1, 41–42, 59, 137). Скоро он «стал лечить недурно и часто удачно» (6, 1, 28), радовался, когда начал уверенно делать ампутации.⁹ Написал две научные статьи — «Fungus durae matris у гипохондрика» и «Острое воспаление селезенки (Lienitis acuta)» (при жизни была опубликована вторая; см.: 7, 2, 271–273, 282–286). Своеобразными «каникулами» было прикомандирование к Донскому казачьему полку. Затем снова возвращение к госпитальной службе, опять недолгое время у казаков и вновь госпитальная рутинная.¹⁰ Последние месяцы, уже после заключения мира, он всеми силами уклонялся от службы, добиваясь отпуска, а потом и отставки.

Больше всего Леонтьева привлекала практика домашнего врача в богатом имении. Так он жил у И. Н. Шатилова в Тамаке, большом имении в восточном Крыму, сразу после войны. Лечил крестьян и окрестных помещиков, изучал орнитологию по домашнему музею Шатилова, занимался в его библиотеке. Тут, как вспоминал он потом, был «виден результат, <...> было меньше иллюзии» (6, 1, 67). Ради подобной жизни Леонтьев отказался потом от лестного для любого молодого врача предложения Ф. И. Иноземцова работать с ним и после недолгих поисков стал врачом в имениях барона Д. Г. Розена и А. Х. Стевена (Штевена, сына директора Никитского ботанического сада, с которым Леонтьев был знаком), а также стал наставником детей Розенов. От этого времени сохранились несколько рапортов в Нижегородскую врачебную

⁶ Небольшая выборка из этих писем была опубликована в девятом томе изданного прот. И. И. Фуделем собрания сочинений Леонтьева (СПб., 1914. С. 155–186), в полном объеме (включая и ранее не переводившиеся с французского) они вошли в первую книгу одиннадцатого тома ПССиП.

⁷ См., например: *Л-ский И.* Впечатления военного врача в Крымскую кампанию // Русский вестник. 1873. Июль. С. 259–295.

⁸ Ср.: «Офицеры необходимее для отчизны... Они полезнее в такое время; убивать и быть убитым *вернее*, гораздо *вернее*, чем лечить и спасать. В битве нет иллюзии; чем больше у нас своих храбрых воинов, тем больше мы убьем и прогоним чужого народа; а медицина? Я исполнял свой долг в больнице, как умел, но я *мало верил* в серьезный результат наших тогдашних докторских трудов» (6, 1, 647).

⁹ Известна даже точная дата первой — 23 января 1855 года (11, 1, 46). В автобиографических записках Леонтьев вспоминал: «Я сделал в первую же зиму 7 ампутаций; — из этих людей — умерло 3-е, а 4 ушли домой здоровые; — эта пропорция для воздуха тесных больниц и изнуренных скорбью, ранами и лихорадкой людей — очень хорошая» (6, 1, 63).

¹⁰ География его перемещений по Крыму: Ени-Кале — служба в полку на аванпостах — Феодосия — Карасу-Базар — Феодосия — казачий полк — Симферополь.

управу, обнаруженных Д. В. Гуциным (см.: 10, 1, 7–10), и любопытное письмо Леонтьева к Ф. И. Иноземцову от 18 февраля 1860 года, в котором он советуется с учителем, ранее консультировавшим баронессу, правильно ли он подобрал для нее метод лечения геморроя (11, 1, 229–230). Пытался Леонтьев не забывать и о научной работе, написал проект «учебницы естествоведения в Крыму», одобренный министром, но сданный в архив (в свое время мне удалось его отыскать в РГИА, где документ так и продолжал значиться как принадлежащий «лекарю Леонтьеву» — без инициалов; см.: 7, 2, 286–324, 942–945). В те же годы Леонтьев закончил автобиографический роман «Подлипки». Служба у богатых и влиятельных помещиков подтверждает лучше всего, что Леонтьев был хорошим врачом. Если они не заменяли его другим (а эта возможность всегда у них была), значит, его уровень и талант их устраивали.

Затем была неудачная попытка обосноваться в Петербурге, занимаясь литературным трудом, десятилетие дипломатической службы, религиозное обращение, год на Афоне, отставка и жизнь в Константинополе и на о. Халки. Кстати, через год после отъезда со Святой Горы, узнав, что там появилась холера, Леонтьев в письме к старцу Макарию давал советы, какие меры предосторожности нужно предпринять (см.: 11, 1, 369–370).

Вернувшись в Россию летом 1874 года, Леонтьев довольно большую часть времени проводил в своем имении Кудинове. По старой памяти к доктору за помощью стали обращаться крестьяне.¹¹ Сохранились воспоминания М. В. Леонтьевой (племянницы) об этом. «Медицину он терпеть не мог, т. е. именно свою невольную профессию. — Но к больным относился с искренним состраданием, а пустой чувствительности к ним ни в ком не терпел. — К серьезно больным он необыкновенно был добр; не говоря о медицинской помощи, лекарствах, — он просто помогал им матерьяльно. — Если бы были средства — в Кудинове, конечно, была бы устроена больница. <...> А вот причитанья баб над больными К. Н.—ч не выносил; <...> он внутренно очень жалел больного, но не показывал этого» (6, 2, 134–135). М. В. Леонтьева рассказала подробнее лишь об одном случае — когда Леонтьев два месяца лечил от тяжелого ревматизма 12-летнего мальчика, и это закончилось полным исцелением.

Чтобы помощь была более основательной, легальной и позволяющей пациентам получать бесплатные лекарства, Леонтьев обращается к Мещовской уездной врачебной управе. Сохранился датированный 23 июня 1876 года ответ о разрешении ему врачебной практики:

«Господину лекарю Константину Николаевичу Леонтьеву

На заявление Ваше от 4 сего июня Мещовская уездная управа имеет честь уведомить Вас, Милостивый Государь, что предложение Ваше касательно лечения лиц, приходящих к Вам, Управа с благодарностью принимает и что необходимые лекарства будут отпускаться из земской лечебницы бесплатно по Вашим рецептам, лекарства можете получать чрез посредство члена Управы Афонькина, проживающего в селе Щелканове, или чрез фельдшера Щелкановского участка, а равно чрез всякое лицо, уполномоченное Вами».¹²

А осенью 1877 года Леонтьев, находившийся в полном безденежье, чуть было не стал земским врачом. В Мещовском земстве, где у него было много старых знакомых, обещали поддержку. Но когда Леонтьев узнал, какие условия ему предлагаются (жизнь в городе, разъезды по уезду и проч.), он отказался, поскольку это было несовместимо с занятиями литературой, которая, как мы помним, была у него «любимой женой». Это стало последним эпизодом биографии Леонтьева-врача.

¹¹ «Крестьяне соседние вспомнили меня и ходят ко мне лечиться», — писал Леонтьев К. А. Губастову 1 октября 1875 года (11, 1, 465).

¹² РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 2. Ед. хр. 69; подготовка текста И. М. Черваковой.

Однако медицинские знания впоследствии пригодились ему и на другом поприще — цензорском. В Московском цензурном комитете, где он служил с конца 1880-го по февраль 1887 года, ему стали поручать на рассмотрение монографии, учебные пособия и брошюры на медицинские темы (см., например: 10, 2, 162, 166, 168–170, 174–177).

Но любой врач — прежде всего человек, и не раз бывает и пациентом. О пациенте Леонтьеве тоже известно немало. Начнем с того, что он родился семимесячным, и только народная медицина помогла его выводить: «Опасаясь за его жизнь, его в первые дни после его рождения подвешивали, завернув в заячью шкурку, к потолку бани, пока он не окреп».¹³ В 17 лет юноша едва не умер от холеры 1848 года. «Доктор решил, что он не встанет» (6, 2, 140), — передавала позднее семейную историю племянница Леонтьева. И опять-таки «вылечил его крестьянин лекарь-самоучка» (6, 2, 140). Быть может, здесь причина того, с какой симпатией и добрым юмором Леонтьев опишет в повести «Лето на хуторе» деревенского лекаря — отпущенного на волю дворового Михайлу Григорьева (выучившегося по «тетрадкам» врача, у которого когда-то 10 лет жил в услужении). Он лечит «от всех болезней» (1, 100), смиренно признаваясь: «натомии не знаю», «лечу <...> с упованием» (1, 109).

В юности Леонтьев, по собственному признанию, «беспрестанно был нездоров» (6, 1, 27), у него начиналась чахотка, в Москве он уже кашлял кровью. Затем он практически исцелился в Крыму,¹⁴ но какие-то проблемы с дыхательной системой остались — впоследствии, уже в 1880-е годы, он будет страдать катаром гортани.

Серьезно подорвала его здоровье служба в глухих уголках Турецкой империи. Племянница вспоминала о том, что зимой 1869/1870 года Леонтьев «заболел лихорадкой, к<ото>рая для него была роковой болезнью» (6, 2, 100). Там была нажита и выявленная позднее в Москве доктором Боковым запущенная болезнь печени (см.: 11, 2, 31, 34). Еще до религиозного обращения, в 1860-е годы, видимо, в Константинополе, был подхвачен сифилис.¹⁵ В июле 1871-го, когда началась эпидемия холеры, с Леонтьевым произошел известный, можно сказать «экзистенциальный», эпизод болезни и чудесного исцеления, после которого он и отправился на Афон во исполнение своего обета.¹⁶ «Это не была холера... это высшее указание», — рассказывала в 1925 году М. В. Леонтьева С. Н. Дурылину.¹⁷ В начале пребывания на Афоне Леонтьеву по делам службы дважды приходилось приезжать в Салоники, и после второй такой поездки лихорадка была настолько сильной, что он возвращался на Афон с мыслью, что направляется умирать (см.: 6, 1, 129). Понадобилось даже остановиться надолго в Зографском монастыре, не доехав до русской обители.

После тяжелой зимы 1874/1875 года, проведенной в качестве послушника в Николо-Угрешском монастыре, Леонтьев снова, как в юности, начал

¹³ Александров А. А. Памяти К. Н. Леонтьева // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей. 1891–1917. Антология: В 2 кн. СПб., 1995. Кн. 1. С. 359.

¹⁴ Ср.: «...грудь как-то слаба, но все же лучше московского гораздо» (11, 1, 34).

¹⁵ О лечении у доктора Л. С. Медведева, врача московской Лечебницы для приходящих немощных больных, см.: 11, 2, 125, 126, 135–136, 139, 622. Современный исследователь, впервые затронувший тему недугов Леонтьева по поводу их влияния на его мировоззрение, замечал как раз по сходному поводу: «...нужно ли обо всем этом писать? Думается, нужно...» (Жуков К. А. Восточный вопрос в историсофской концепции К. Н. Леонтьева. СПб., 2006. С. 16).

¹⁶ См.: Коноплянец А. М. Жизнь К. Н. Леонтьева в связи с развитием его мирозерцания // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. † 1891 г.: Литературный сб. СПб., 1911. С. 71–77.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 4.

кашлять кровью. «Изнеможение мое было крайнее. — Врачи откровенно говорили, что не знают — может быть, у меня чахотка» (6, 1, 240). Но через месяц «врачи все сказали, что это не чахотка, а одышка, а крови вышло немного, оттого, что ткани слабы и я особенно февральскими подвигами изнурен очень» (11, 1, 423). В 1878 году одна болезнь помешала Леонтьеву продолжить хлопоты о возвращении на дипломатическую службу, а потом другая — доехать до Константинополя, куда он было направился в качестве корреспондента «Московских ведомостей» (см.: 11, 2, 221–223). Зимой 1886-го он едва не умирает («...был положительно при смерти...»; 12, 1, 200) в Москве от осложнений инфлюэнцы и гнойного заражения крови (12, 1, 198, 285). Еще до этого его постигло тяжелое, почти не поддававшееся лечению кожное заболевание, вызывавшее кровоточащие язвы на ладонях и ступнях. Катар гортани привел к тому, что Леонтьев не мог выходить на улицу без респиратора, начиная с первых осенних заморозков. (В цензурном комитете понимали эту проблему и позволяли ему в таких случаях не посещать проходивших дважды в неделю заседаний, отмечая, тем не менее, в журнале его «присутствие».) Леонтьев насчитывал у себя то 4–5 чередующихся, то даже 10 болезней, опасался даже паралича, но особенно беспокоило его сужение мочевого канала (он думал, что умрет от уремии; см.: 11, 2, 457; 12, 1, 101; 12, 3, 155–156). Множество жалоб на болезни содержится в его письмах к друзьям, даже к женщинам, как, например, к О. А. Новиковой (см., в частности: 12, 1, 58).

Что можно сказать о Леонтьеве как пациенте? Будучи сам врачом, он уважал коллег, но часто и спорил с ними. Впрочем — не о методах лечения, а о вопросах мировоззренческих (ср.: 11, 2, 135–136). Мог говорить и о своем неверии в могущество и торжество науки. Она, считал Леонтьев, должна помнить свое скромное место: медицина может лишь слегка облегчать страдания, но не избавить мир от них. Ср. в записках: «Я не верю особенно в Медицину...»; «это все условно и сомнительно...», «но надо по крайней мере стараться не убивать больных...» (6, 1, 57). Неоднократно он повторял слова великого Н. И. Пирогова: «Самые хорошие врачи едва-едва колеблют среднюю цифру смертности» (см., например: 7, 2, 19). Назначения, однако, аккуратно выполнял,¹⁸ был приверженцем аллопатии (всячески уклонялся от советов Т. И. Филиппова прибегнуть к помощи гомеопатов), приобретал необходимые приспособления вроде респираторов, пульверизаторов, каких-то особых, издаലെка выписываемых катетеров и проч. Один из лечивших Леонтьева врачей (А. С. Парцевский, приятель опекаемого Леонтьевым в то время драматурга Н. Я. Соловьева) даже оставил воспоминания о нем,¹⁹ в которых, впрочем, деликатно не касался медицинских аспектов.

Тема врачей и пациентов широко отражена в творчестве Леонтьева-беллетриста. Рамки статьи заставляют ограничиться лишь беглым перечислением.

1. Герой незавершенного и несохранившегося раннего романа «Булавинский Завод» (1851–1852) — скромный доктор Руднев, мечтающий быть полезным бедным. Этот персонаж будет затем перенесен в роман «В своем краю». В обоих случаях это сирота, к тому же большой грудью, как и сам автор. «Я сделал Руднева любящим медицину, как полюбил бы, вероятно, ее и я, если бы мечты об искусстве не охлаждали меня к ней» (6, 1, 39).

2. Об образе лекаря Михайлы Григорьева в повести «Лето на хуторе» (опубл. 1855) уже упоминалось выше. У него с успехом лечится декохтом из пырея, одуванчика и цикория главный герой этого произведения, молодой учитель.

¹⁸ «Все больше и больше на докторов и лекарства трачу...» (12, 1, 204).

¹⁹ Парцевский А. С. К биографии К. Н. Леонтьева // Известия Одесского библиографического общества. 1912. Т. 1. Вып. 7. С. 255–260.

3. В рассказе «Сутки в ауле Биюк-Дортэ» (1857) описано госпитальное отделение с двумя врачами и смотрителем, точно такое, в каком служил и сам Леонтьев. Запоминаются образы молодого доктора Федорова²⁰ и безграмотного и всегда «нетрезвого» главного лекаря Григория Ивановича, занимающегося махинациями со статистикой смертности. Федоров — «деятельный», «оператор <...> лихой», «весело и умно мирился с своим печальным ремеслом» (1, 253, 252, 250). «На деятельность его нельзя было не любоваться» (1, 248). В то же время он вызывает какое-то отвращение: «Много болтает и хвалится... А ума мало» (1, 256), подобострастен к высшему начальству, берет взятки — и главное: к неудовольствию повествователя и главного героя очерка заявляет, что «всякий врач космополит» (1, 262).

4. На рубеже 1850–1860-х годов Леонтьев работал над романом «Война и Юг» (не сохранился), в котором, возможно, собирался использовать собственные воспоминания военного врача.

5. В романе «В своем краю» (1861–1863; опубл. 1864) Леонтьев «разделил» свои качества между противоположными по характеру героями Василием Милькеевым и Василием Рудневым. Автобиографические черты второго персонажа: отвращение от медицины при учебе (когда герою открылись «язвы» большого города), увлечение физиологией мозга и краниоскопией. В образе Руднева воплощены представления Леонтьева об идеальном враче — скромном альтруисте, желающем помогать людям. Разнообразны пациенты в романе — от безграмотной старухи, путающей «бинт» и «винт» (она кричит, что «над ноженькой своей баловать не даст»; 2, 21), до просвещенной графини Новосильской, чьим прототипом была баронесса М. Ф. Розен. Есть — для контраста с главным героем — и образ врача-стяжателя Воробьева.

6. Эпизод с посещением прозекторской военного госпиталя в Симферополе содержится в повести «Исповедь мужа» (1864, опубл. 1867). Рассказчик неприятно поражен поведением одного из врачей: «...молодой, почти дитя, белый, розовый, кудрявый, дерзко облокотился на груп...» (2, 360).

7. Несколько колоритных образов врачей-греков, учившихся в Европе, встречаем в цикле «восточных повестей», к которому примыкает и самое крупное произведение Леонтьева-беллетриста — роман «Одиссей Полихрониадес» (1871–1878). Не любивший Восток доктор Петропулак в повести «Пембе» (1869), воспитывавшийся в Париже и Германии, «человек крайне нервный» (3, 95). Не названный по имени доктор-вития, любитель старины, большой русофил, патриот, но хорошо применяющийся и к туркам (кефалонит, он поселился в Турецкой империи), в повести «Аспазия Ламприди» (1871), «образованный, умный, очень живой и страстный ритор» (3, 250). Скромный и серьезный Арванитаки, больше похожий «на германского профессора, чем на грека» (4, 268), и напоминающий итальянца (и учившийся в Италии) бурный и подвижный Коэвино в «Одиссее Полихрониадесе». (Последнему посвящено несколько глав.) На страницах первой части романа появляется загорский «эмпирик» (т. е. такой же примерно самоучка, как русский Михайло Григорьев) «добрый старичок Стилов» (4, 55). Наконец, в повести «Сфакиот» (1877) активное участие в развитии действия принимает «лучший доктор в городе и у паши в большом уважении» (3, 552) критянин Вафиди, обладающий тонкими дипломатическими способностями (может ладить с пашой) и осуждающий «анафемский и ослиный фанатизм» греков (3, 640). Он заявляет: «...люблю свою родину и свой народ; но ненавижу тех,

²⁰ Его прототип — Василий Владимирович Лотин (1833–1901), который впоследствии станет основателем Казанского военно-санитарного общества. Отзывы о нем в письмах Леонтьева к матери см.: 11, 1, 50–51, 57, 142.

которые пустословят из тщеславия и вредят этим народу, возбуждая его нектати...» (3, 558). Пациент этого доктора — герой-рассказчик, сфакиот Яни, которого Вафиди спас после попытки самоубийства.

8. В романе, стоящем между «восточным» циклом и «русской» прозой Леонтьева, в «Египетском голубе» (1881–1882), среди малых персонажей выделяется богатый доктор болгарин, учившийся в Италии, «простой сердцем, прямой, с виду угрюмый и осторожный, но пылкий в сочувствиях своих, религиозный...» (5, 255) Чобан-Оглу, реальным прототипом которого был адрианопольский врач Иван Найденович (1821–1877), впоследствии вынужденный эмигрировать в Грецию (комм. о нем см.: 11, 1, 635). Данный персонаж раскрыт не со стороны своей медицинской деятельности, а как носитель определенных политических убеждений — это апологет присоединения Фракии к России.

9. В романе «Две избранницы» за лекаря выходит подруга главной героини, «нигилистка» Варька. За этим стоит история свояченицы К. Н. Бестужева-Рюмина Варвары Васильевны Ешевской, в замужестве Берг (1842–?).

10. В незавершенном автобиографическом романе «Подруги» в эпизоде кончины Сергея Львова, отца главной героини Сони Львовой, рассказана реальная история болезни и смерти брата Леонтьева, Владимира Николаевича.²¹ Львова лечили два доктора. Первый, «земский врач — старый поляк Подхайский — очень опытный, очень ловкий и добросовестный» (5, 481), поставил правильный диагноз и назначил лечение, которое принесло лишь новые страдания. Вызванный молодой врач, которому прогрессист-пациент верил больше, отменил диагноз и назначил совсем другое лечение, что и погубило больного. Когда начинающий доктор понял свою трагическую ошибку, было уже ничего не поправить.

Отдельного рассмотрения заслуживает «медицинский пласт» в мемуарно-автобиографических произведениях Леонтьева. Здесь следует назвать первую часть записок «Моя литературная судьба», позднее переработанную для очерка «Тургенев в Москве» (1887), и упоминавшийся выше очерк «Воспоминания о Ф. И. Иноземцове...» с яркими портретами Иноземцова, А. И. Овера и других профессоров Московского университета и с юмором описанными эпизодами собственного студенчества. Реальное лицо стоит за образом доктора-итальянца в очерке «Разбойник Сотери» (1884): «...молодой итальянец <...> не глупый, очень вежливый, любезный и, в хорошем смысле слова, простой <...> румяный и веселый» (6, 1, 415). Этот врач из города Кавала однажды оказал Леонтьеву помощь во время его путешествия по Македонии. В очерке «Сдача Керчи в 55 году» (1887) Леонтьев снова обратился к своим воспоминаниям военного лекаря. Здесь уже под своим именем (лишь сокращенным до «Л-н») действует доктор Лотин, послуживший прототипом Федорова в рассказе «Сутки в ауле Биюк-Дортэ». В качестве малых эпизодических персонажей фигурируют другие реальные лица — лекарь Керченского центрального карантина мальтиец Крокко (в России его звали Кармил Михайлович)²² и сослуживец по керчь-еникальскому госпиталю пруссак Бутлер — один «из тех пруссаков, которые приехали к нам служить и лечить в действующую армию» (6, 1, 662). По эпистолярному наследию Леонтьева мы знаем имена двух его приятелей-врачей, с которыми он общался в годы

²¹ О В. Н. Леонтьеве см.: Фетисенко О. Л. Братья Константин и Владимир Леонтьевы в изданиях А. А. Краевского // История отечественной культуры в архивных документах: Сб. статей. СПб., 2020. Вып. 1. С. 46–57.

²² Сохранилось одно его письмо к Леонтьеву: Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 292.

дипломатической службы. На Нижнем Дунае это доктор Дмитрий Эпштейн, а в Константинополе — болгарин, врач русского посольства Васил Костов Каракановский (в написании Леонтьева — Каракановский; 1840–1905).²³ Как удалось установить, самые крупные замыслы Леонтьева — «Византизм и Славянство» и «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» — начались в форме писем, обращенных именно к молодому и либерально настроенному болгарину — чтобы спорить с ним и переубедить.

Именно в этих книгах, а позднее и в других работах Леонтьева в характеристике «болезней» современного общества начинает активно использоваться медицинская образность. Приведу несколько примеров: «Явления эгалитарно-либерального прогресса <...> сходны с явлениями, напр<имер>, холерного процесса, который постепенно обращает весьма различных людей сперва в более однообразные трупы (равенство), потом в совершенно почти схожие (равенство) остоны и, наконец, в свободные (относительно, конечно) азот, водород, кислород и т. д.»; «...почему же холеру не назвать по имени? Зачем ее звать молодостью, возрождением, *развитием, организацией?*» (7, 1, 384). В том же «Византизме...» содержится рассуждение о «субъективности» признака боли. Гангрена — безболезненна, но «сводит <...> в гроб в несколько дней» (7, 1, 388), и подобную «*болезнь* предсмертную хотя бы считать идеалом *гигиены* будущего» (7, 1, 394–395). Европа «приняла жар изнурительной лихорадки за прорезывание младенческих зубов» (7, 1, 423). Французская революция заменила «тихую сухотку — *восторженной холерой демократии и всеобщего блага!*» (7, 1, 429–430). В «Среднем европейце...» вновь задействован образ «антонова огня» (гангрены; 8, 1, 189).

В статьях из «Варшавского дневника» (1880) тоже находим и холеру (7, 2, 14, 252), и «„чумное“ *веляние* <...> духа времени» (7, 2, 142), и «внутреннее худосочие», вызывающее «ужасающие язвы» (7, 2, 12), и аксиому: «Сходные организмы страдают сходными болезнями» (7, 2, 60). В поздних работах Леонтьева снова встречаем метафору «либеральной горячки», заражения «„бактериями“ западной демократии» (8, 2, 584) или такой неожиданный — учитывая расхожее представление о Леонтьеве-«ретрограде» — и актуальный для наших дней образ: освобождение крестьян он рассматривает как «весьма рискованное, но вместе с тем и спасительное привитие искусственной болезни для предотвращения более опасного естественного недуга...» («Культурный идеал и племенная политика», 1890; 8, 2, 46).

Наиболее же известный, можно сказать, хрестоматийный пример использования Леонтьевым медицинской образности и терминологии в историко-философских сочинениях представляет собой объяснение теории триединого процесса развития в книге «Византизм и Славянство» на примере развития очага пневмонии (см.: 7, 1, 375–377). Для автора трактата выбор этого примера из множества возможных оказался пророческим: 12 ноября 1891 года Леонтьев (уже монах Климент) умер в Новой Лаврской гостинице в Сергиевом Посаде именно от острой пневмонии, которой закончилась обычная простуда, вызванная непривычкой писателя к паровому отоплению. Леонтьев не придавал значения высокой температуре, думая, что речь идет лишь о приступах лихорадки, и не стал обращаться к коллегам-врачам. Как трагично теперь звучат слова, завершающие последнее из выявленных его писем: «...принял 12 гр<амм> хинина; теперь голова плоха. — Будьте здоровы» (12, 3, 240).

²³ В 1872 году посол Н. П. Игнатьев, удивленный долгим пребыванием консула Леонтьева на Афоне, поручил этому доктору тайно освидетельствовать его психическое состояние. См.: 11, 1, 706.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-35-41

© С. А. КИБАЛЬНИК

«ПОЭТИКА МЕДИЦИНЫ» В ТВОРЧЕСТВЕ А. П. ЧЕХОВА*

Термин «поэтика медицины» не случайно стоит в заглавии нашей работы в кавычках. Очевидно, что пока он может употребляться только с определенной долей условности. Существование какой-то особой «поэтики медицины» еще нуждается в обосновании.

Открытым вопросом остается и то, в какой степени использование образов, относящихся к миру медицины, обладает в художественной литературе своей спецификой. Быть может, оно подчиняется тем же самым законам, по которым работает и обычная поэтика литературного произведения?¹

Предварительный ответ на эти вопросы, а также на вопрос об отдельных аспектах «поэтики медицины» мы попытаемся дать на примере творчества А. П. Чехова. Именно Чехов, как нам кажется, был первым из русских писателей, применительно к произведениям которого говорить о «поэтике медицины» появляются все основания.

Рассмотрим эту тему на примере трех ее аспектов, которые наиболее полно и широко представлены в творчестве писателя. Это, во-первых, медицинские рецепты как микротекст художественного текста и символический смысл так называемого «фармакологического подтекста». Во-вторых, автобиографический и биографический подтексты образов врачей у Чехова. И наконец, в-третьих, различные формы интертекстуальности, связанные с их изображением.

1

Ранее нам уже приходилось говорить о тех серьезных трансформациях микротекста медицинских рецептов, которые они претерпевают в ранних юмористических рассказах Чехова по сравнению с его письмами.² Однако в его зрелом творчестве имеет место более сложное явление.

В ряде произведений Чехов использует некоторые из медицинских рецептов, вписанных им в «Записную книжку с рецептами для больных». При этом для полного понимания этих фрагментов текста существенно знание того, от чего помогают предписанные лекарства. Возникает явление, родственное явлению так называемой «факультативной интертекстуальности» (М. Риффатер). Далеко не всякий читатель распознает возникающий при этом скрытый смысл, который, однако, чрезвычайно важен и существенно подкрепляет семантику образа, передаваемую другими, более прямыми средствами. Проиллюстрируем это положение двумя примерами.

Герой ранней пьесы Чехова «Безотцовщина» учитель Платонов в ответ на шутливое приветствие Трилецкого «Господам родственникам!» (Платонов

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00481, <https://rscf.ru/project/21-18-00481/>, ИРЛИ РАН.

¹ Впрочем, само по себе это не может служить препятствием к использованию данного понятия. Ведь существование какой-то особой, не совпадающей с поэтикой вообще «поэтики политики» также до настоящего времени не доказано, однако сам по себе этот термин уже давно и довольно широко применяется.

² Кибальник С. А. Медицинский рецепт как микротекст прозы и драматургии Чехова (на материале записных книжек писателя) // Известия Российской академии наук. Сер. литературы и языка. 2020. Т. 79. № 2. С. 5–12.

женат на его сестре) говорит ему: «А-а-а... Плохой лейб-медик ее превосходителства! Argentum nitricum... aquae destillatae... Очень рад видеть, любезный!»³

Медицинский рецепт здесь входит в состав шутового ответного приветствия Платонова Трилецкому. Рецепт «ляписа», растворенного в «дистиллированной воде» (С 11, 23), на первый взгляд, упоминается безо всякого смысла. Сам по себе он кажется лишь шуточным указанием на профессиональную принадлежность Трилецкого. Однако этот смысл все же есть, но доступен только врачам и пациентам, пользовавшимся этим средством.

В чеховской «Записной книжке рецептов для больных» указано, облегчению от чего служит этот рецепт: «(Зуд in apo)».⁴ Показательно, что все это имеет место уже в первом действии, когда личность Трилецкого и его профессиональные качества как врача читателю еще неизвестны. В дальнейшем «молодой лекарь» в полной мере оправдывает выше приведенную саркастическую характеристику его Платоновым. Он неаккуратно посещает больных и не спешит к ним, даже когда состояние их здоровья самое тревожное (С 11, 52, 73, 86, 107, 112–113, 142). Однако реплика Платонова по отношению к Трилецкому не случайно предвдывает все это: прямому изображению неаккуратного исполнения героем его профессиональных обязанностей предшествует, таким образом, фармакологическая аллюзия.

Другой пример — из чеховских «Трех сестер». Семантика образа военного доктора Чебутыкина передается в этой пьесе не только через его слова и поступки. Дополнительно она реализуется в своеобразном фармакологическом подтексте некоторых реплик, относящихся к его профессиональной деятельности. Так, например, в самом начале первого действия Чебутыкин говорит Соленому: «Так вот, я говорю вам, пробочка втыкается в бутылочку, и сквозь нее проходит стеклянная трубочка... Потом вы берете щепоточку самых простых, обыкновеннейших квасцов...» (С 13, 122).

Как и в случае с репликой Платонова Трилецкому, назначение сообщаемого Соленому рецепта большинству зрителей и читателей неизвестно. Следовательно, и смысл реплики Чебутыкина кажется такой же невнятицей, как и многое другое из того, что он говорит.

Опять-таки только из специальной медицинской литературы того времени и, к счастью, также из чеховской «Записной книжки с рецептами для больных» мы можем узнать, что Чебутыкин сообщает Соленому не что иное, как средство от клопов и мух.⁵ Таким образом, доктор дает офицеру относящийся к чисто бытовой, сниженной сфере совет.

Данный рецепт, следовательно, вновь приобретает функции своего рода скрытой символической характеристики Соленого и самого Чебутыкина, предвдвающей их дальнейшее поведение. Незадолго до этого Тузенбах говорит Соленому: «Такой вздор вы говорите, надоело вас слушать» (С 13, 122) — а вскоре после сам Соленый пророчит Тузенбаху: «Года через два-три вы умрете от кондрашки, или я вспылю и всажу вам пулю в лоб, ангел мой» (С 13, 124).

³ Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. М., 1986. Т. 11. С. 23. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием серии, номера тома и страницы.

⁴ Записная книжка А. П. Чехова с рецептами для больных / Публ. С. А. Кибальника // Русская литература. 2018. № 4. С. 208 и прим. 33.

⁵ Там же. С. 205. «Пробочка» и «бутылочка» в варианте Чебутыкина фигурируют, должно быть, потому, что речь идет не о средстве предохранения от появления насекомых в помещениях, а о средстве их травли там, где они уже завелись. Ср.: Словарь фармацевтических названий и синонимов на латинском, русском, немецком и французском языках / Сост. А. Г. Клинге. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1911. С. 97–100.

В этой связи заслуживает внимания то, что в конце первого действия Соленый сам упоминает других насекомых, относящихся к весьма близкому разряду с теми, с которыми его личность оказалась ассоциирована в рецепте Чебутыкина:

«Вершинин. А наливка вкусная. На чем это настоено?

Соленый. **На тараканах.**

Ирина (*плачуцим голосом*). Фу! Фу! Какое отвращение!..» (С 13, 136).

Аналогичным образом скрытые символические автохарактеристики Чебутыкина посредством озвученного им медицинского рецепта в дальнейшем получают прямое подтверждение в собственных признаниях героя:

«Андрей. Что мне делать, Иван Романыч, от одышки?

Чебутыкин. Что спрашивать! **Не помню, голубчик. Не знаю**» (С 13, 153);

«Чебутыкин (*угрюмо*). Черт бы всех побрал... подрал... **Думают, я доктор, умею лечить всякие болезни, а я не знаю решительно ничего, все позабыл, что знал, ничего не помню, решительно ничего**» (С 13, 160; курсив автора, выделение полужирным шрифтом наше. — С. К.).

Выше обозначенные криптографические характеристики Чебутыкина и Соленого в начале «Трех сестер» позднее реализуются также и в поведении героев: безразличие первого из них и мстительность второго приводят к трагической развязке центральной сюжетной линии пьесы.

Случай с рецептом, который Чебутыкин сообщает Соленому, по-видимому, восходит к «Безотцовщине», где шуточный медицинский рецепт, произнесенный Платоновым в начале пьесы, оказывается своего рода эпиграфом к образу Трилецкого. Только «фармакологическая аллюзия» разрастается здесь уже до своего рода подтекста.

Возможно, эта особенность присуща и некоторым другим чеховским «деталям-символам», принадлежащим, по характеристике А. П. Чудакова, «сразу двум сферам — „реальной“ и символической — и ни одной из них в большей степени, чем в другой».⁶

2

Случай доктора Чебутыкина интересен также и в другом отношении. С одной стороны, как и ряд других героев-врачей у Чехова, в том числе и скорее отрицательных — таких, например, как Ионыч, — он имеет в определенной степени автобиографический характер. Объясняется это тем, что во второй половине 1890-х годов Чехов ощущал, что уже отчасти растерял свои профессиональные качества как врач и, как вспоминают мемуаристы, неохотно брался кого-либо лечить или даже консультировать.⁷

Как это ни парадоксально, образ Чебутыкина действительно в некотором отношении автобиографичен. Разумеется, если сам Чехов брался кого-то лечить или консультировать в связи с болезнью, то старался делать это как можно более добросовестно. Однако при этом он хорошо сознавал, что многое из

⁶ Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М., 1971. С. 171–172.

⁷ Как свидетельствует И. Н. Потапенко, уже к середине 1890-х годов никакого энтузиазма по отношению к больным у Чехова не осталось: «Когда к нему обращались за врачебным советом, он отделялся самыми общими местами, и видно было, что он хотел поскорее кончить этот разговор. Может быть, это объяснялось скрытой досадой, что он так отошел от медицины, на которую потратил столько лет и энергии, или просто это было сознание, что он *в этом деле сильно отстал и не может стоять на надлежащей высоте*. Ведь тут, за что бы он ни взялся, он непременно сделает хуже, чем другие врачи, которые практикуются и следят за наукой» (А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1986. С. 308–309; курсив в цитатах, кроме особо оговоренных случаев, наш. — С. К.).

медицины забыл, а некоторые навыки утратил. Ср. цитируемую выше автохарактеристику Чебутыкина: «Думают, я доктор, умею лечить всякие болезни, а я *не знаю решительно ничего, все позабыл, что знал*, ничего не помню, решительно ничего».

По-видимому, именно присутствие существенного автобиографического начала в Чебутыкине делает понятным, почему в его монологах звучат рецепты, записанные самим Чеховым в «Записной книжке с рецептами для больных», или рецепты от облысения, присланные О. Л. Книппер самому Чехову (С 13, 122).⁸

«Мне скоро шестьдесят, я старик, — говорит Чебутыкин, — одинокий, ничтожный старик» (С 13, 125). Преклонный возраст героя, очевидно, служит затемнению его отчасти автобиографического характера. Между тем даже он находит себе параллели в автопризнаниях писателя: «...мне кажется, что моя праздность и весна продолжают *уже шестьдесят лет...*» — писал он А. С. Суворину 2 апреля 1899 года (П 8, 143).⁹

Неоднократно писали о том, что привычного (авто)биографизма — и соответственно, обычных прототипов — у Чехова нет. Однако, как показывают другие многочисленные исследования, глубоко своеобразный (авто)биографизм у него не только есть, но и представлен в его творчестве довольно широко.¹⁰

3

С другой стороны, герой-доктор нередко оказывается для Чехова средством криптографического изображения реального лица, которое с медициной не имеет ничего общего.

Так, сама по себе фамилия «Чебутыкин» построена по отношению к чеховской как анафорическая. Почти не имеющая прецедентов, она, по-видимому, носит коллажный характер. Начинается она так же, как фамилия «Чехов». Почти анафорична фамилия автора и фамилия другого отчасти автобиографического героя: «Чимша-Гималайский» — в которой вторая причудливая и экзотическая часть, очевидно, служит сокрытию автобиографичности, выраженной в начале первой.

Кончается фамилия «Чебутыкин» так же, как «Суворин», а в середину вторгается что-то непонятное. Это «бутык» несколько напоминает, однако, село «Бутёкино», которое становится в повести «В овраге» причиной раздора и убийства ребенка Липы (С 10, 170–171). Созвучно оно и имени его владельца Григория Цыбукина. Стоит, кстати говоря, обратить внимание и на неполную анаграмматичность фамилий «Чебутыкин» и «Цыбукин».

В облике женатого вторым браком на молодой Варваре старика Цыбукина, которого постепенно отстраняет от дел, а потом и вовсе выгоняет из дома старшая невестка Аксинья, можно заметить целый ряд черт, роднящих его с многолетним старшим другом и корреспондентом Чехова. Недаром Цыбукина в повести — как самого Суворина в письмах и Антона, и Александра Чехова, и многих других — называют «стариком», а Суворин также был женат вторым браком на молодой женщине.

Постепенное отстранение Цыбукина от дел: «Хозяином считается, как и тогда, *старик* Григорий Петрович, на самом же деле *все перешло в руки Аксиньи*; она и продает, и покупает, и без ее согласия ничего нельзя сделать»

⁸ Отмечено: Кубасов А. В. Проза Чехова: искусство стилизации. Екатеринбург, 1998. С. 98.

⁹ См. подробнее: Кибальник С. А. Доктор Чебутыкин и издатель Суворин (О криптоэтике «Трех сестер») // Новый филологический вестник. 2021. № 4. С. 142–154.

¹⁰ См., например: Громов М. П. Книга о Чехове. М., 1989. С. 298.

(С 10, 177) — напоминает положение владельца газеты «Новое время» Суворина, реальным хозяином которой с начала 1890-х годов был его сын, хорошо знакомый Чехову Алексей Алексеевич Суворин. «Не удивись, между прочим, если узнаешь, что я ушел из „Нов<ого> вр<емени>“. *Старика*, нашей вдохновлявшей нас силы, нет. Нет в старой машине ни смысла, ни порядка», — писал Чехову брат Александр еще в 1893 году.¹¹

А вот как отзывался о Суворине сам Чехов в письме к брату М. П. Чехову от 22 февраля 1901 года, когда тот собрался служить у него: Суворин «ужасно лжив, особенно в так называемые откровенные минуты, т. е. он говорит искренно, быть может, но нельзя поручиться, что через полчаса же он не *поступит как раз наоборот*» (П 9, 208). В письме к И. Я. Павловскому от 22 мая 1899 года отличительную черту характера И. Д. Сытина Чехов назвал «*чисто суворинскою бесхарактерностью*» (П 8, 190).

Воспоминания современников о Суворине 1890–1900-х годов доносят до нас облик человека, своим релятивизмом и равнодушием ко всему напоминающего Чебутыкина.¹²

В третьем и четвертом действиях Чебутыкин находится в состоянии запоя, вызванного смертью его пациентки, в которой, по его собственному признанию, виноват он сам. Этот запой становится толчком к новому этапу распада личности героя, который мы наблюдаем в пьесе: «Мамы так мамы. Может, я не разбивал, а только кажется, что разбил. Может быть, нам только кажется, что мы существуем, а на самом деле нас нет. Ничего я не знаю, никто ничего не знает» (С 13, 162). Фраза «Все равно» в устах этого героя самая расхожая (С 13, 153, 174, 177, 178, 187, 188). Не редкость она и в письмах Суворина. Так, на свой вопрос к сыну Михаилу в августе 1909 года: «Как идет театр и газета?» — он сам же ответил: «Впрочем, *все равно*».¹³

И. Л. Щеглов Чехов однажды сказал: «Я очень люблю Суворина, очень, но знаете ли, *Жан, бесхарактерные люди подчас в серьезные минуты жизни бывают вреднее злодеев*».¹⁴ В этих словах выражена сущность образа Чебутыкина в пьесе «Три сестры». Его равнодушие к людям вообще и к судьбе барона Тузенбаха в частности становится причиной того, что никто так и не предотвратил трагическую дуэль: «Ирина. Иван Романыч, голубчик, родной мой, я страшно обеспокоена. Вы вчера были на бульваре, скажите, что произошло там? Чебутыкин. Что произошло? Ничего. Пустяки. (*Читает газету.*) **Все равно!** <...> Барон хороший человек, но одним бароном больше, одним меньше — **не все ли равно?** Пускай! **Все равно!**» (С 13, 174, 178; курсив автора; полужирный шрифт наш. — С. К.).¹⁵

Весьма симптоматично, что Чебутыкин в пьесе все время с газетой — то читает, а то и делает выписки. Причем в тексте первой публикации «Трех сестер» были указания газет, которые он читает. А это, между прочим, «Свет»

¹¹ Письма А. П. Чехову его брата Александра Чехова. М., 1939. С. 287.

¹² См., например: *Гнедич П. П.* Книга жизни. Воспоминания. 1855–1918. Л., 1929. С. 240; *Динерштейн Е. А.* А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. М., 1998. С. 320.

¹³ Цит. по: *Динерштейн Е. А.* А. С. Суворин. С. 325. Возможно, эта манера Суворина сомневаться во всем, в том числе и в Боге, отразилась в образе уже не «старика» Григория Цыбукина, а его сына Анисима из повести «В овраге»: «...пока меня венчали, я все думал: есть бог! А как вышел из церкви — и ничего. Да и откуда мне знать, есть бог или нет? <...> Папаша ведь тоже в бога не верует. <...> Так целый день ходишь — и ни одного человека с совестью. И вся причина, потому что не знают, есть бог или нет» (С 10, 157–158). Ср. слова об Анисиме его отца: «Вот, не захотел дома жить, пошел по ученой части. Что ж, пускай!» (С 10, 148). В действительности Анисим фальшивомонетчик, а ведь сопоставление журналистики с чеканкой фальшивой монеты носит расхожий характер, так что этот элемент сюжета мог проистекать именно отсюда.

¹⁴ Лит. наследство. 1960. Т. 68. С. 488.

¹⁵ Это развещающее душу равнодушие роднит Чебутыкина со Ставрогиным и с героем «Сна смешного человека» (1877), каким мы его находим в самом начале рассказа Достоевского.

и *суворинское* (!) «Новое время». Уже в отдельном издании пьесы Чехов снял подобные детали (С 13, 438): они превращали его тонкую криптографическую игру в прямолинейные аллюзии.¹⁶

4

Что касается различных форм интертекстуальности, связанной с изображением врачей, проиллюстрируем ее на примере рассказа Чехова «Попрыгунья» (1892).

Как нам удалось показать ранее, «Попрыгунья» представляет собой сокращенный полемический гипертекст романа Г. Флобера «Мадам Бовари» (1856). Их герои, доктора Осип Дымов и Шарль Бовари, занимают сходное место в сюжетно-образной системе этих двух произведений. Оба они врачи, но чеховский герой как будто бы реализует нераскрытый потенциал, который был заложен в герое Флобера. Это уже не доктор-неудачник, а талантливый врач, обладающий всеми качествами для того, чтобы стать замечательным ученым-медиком. Тем самым Чехов не просто как бы заступает за отнюдь не чужую для него корпорацию врачей. Благодаря этому рассказ русского писателя приобретает характер полемической интерпретации романа французского классика.

В мнимых исканиях смысла жизни флюберовской Эммы, которыми в «Мадам Бовари» объясняются две ее супружеские измены, Чехов, по-видимому, скорее склонен усматривать эгоизм и безответственность, разрушающие семью и приводящие к гибели ее саму. Не случайно у Чехова в результате сходного поведения Ольги Ивановны погибает не она, а Дымов. Одновременно чеховский рассказ становится, следовательно, и полемической интерпретацией «Анны Карениной» (1873–1877) Толстого, которая была создана как явный гипертекст романа Флобера.

Критическая реинтерпретация Чеховым этих двух произведений отчетливо опирается в рассказе на своего рода «народную» мораль Муравья в хрестоматийной крыловской басне «Стрекоза и Муравей» (1808), прозрачные отсылки к которой содержат заглавие и текст «Попрыгуньи». Интертекстуальная структура чеховского рассказа оказывается прежде всего системой его претекстов, из которых одни соотносятся с ним унисонно, а другие — диссонансно. При этом первые из них составляют объект полемической интерпретации, в то время как вторые — предмет стилизации и ценностной ориентации.

5

В чеховской «поэтике медицины» можно разглядеть также явление своего рода интертекстуального подтекста. Так, исследователи колеблются в трактовке героя чеховской «Чайки» доктора Дорна, видя в нем то выразителя авторской позиции, то «скрытого трикстера». Между тем, если сказать, что Дорн воплощает в пьесе авторское критическое отношение ко всем ее героям, то обе этих позиции могут быть объединены в одну.

Справедливо отмечалось, что Чехов в ней «объективировал в лицах» некоторые суждения Мопассана. В действительности едва ли не все ее герои ре-

¹⁶ Наше предположение о том, что прототипом Чебутыкина был Суворин, становится только основательнее оттого, что ранее А. В. Кубасов пришел к аналогичному заключению относительно героя повести Чехова «Скучная история (Из записок старого человека)» (1891), «заслуженного профессора» Николая Степановича. См.: Кубасов А. В. Проза А. П. Чехова: искусство стилизации. С. 236–238.

презентируют те или иные представления о человеке, воплощенные в путевом «дневнике» Мопассана «На воде» и в его последних романах.

Чехова и в самом деле не случайно называли «русским Мопассаном». В «Чайке» русский писатель, с одной стороны, впервые признал, что в его произведениях действительно не так уж мало от Мопассана, а с другой — тонко показал, что он «не Мопассан»: «он другой». Это «другое» он выражает в основном через образ Дорна. Однако в полной мере оно становится понятно читателю только при условии считывания ее интертекстуального подтекста.¹⁷

Значительные интертекстуальные связи «Чайки» с прозой Мопассана позволяют выявить наличие в пьесе особых «смыслов интертекстуальности». Образ Дорна оказывается концентрацией своего рода интертекстуального подтекста, через который передается внутренняя художественная полемика Чехова с тем пониманием мира и человека, которое воплощено в творчестве Мопассана.

В настоящей статье нам удалось затронуть — причем, разумеется, достаточно бегло — лишь некоторые аспекты «поэтики медицины». Часть из них, по всей вероятности, присутствует также и в творчестве других писателей-врачей: К. Н. Леонтьева, В. В. Вересаева, М. А. Булгакова и др.

¹⁷ Подробнее об этом см.: *Кибальник С.* Доктор Дорн против писателя Мопассана (О криптопоэтике чеховских «Трех сестер») // *Филологические науки.* 2022. № 1. С. 62–72.

DOI: 10/31860/0131-6095-2022-3-41-49

© Н. Ю. ГРЯКАЛОВА

«ПСИХОПАТЫ»: ИСТОРИЯ ПОНЯТИЯ И ЕГО ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ*

Среди многочисленных самоописаний, характерных для русского модернизма, доминирующее место современные исследователи отводят дискурсу дегенерации, анализируя мироощущение «конца века» и переживания эпохального кризиса сквозь призму «декадентского утопизма» или же рассматривая концепцию вырождения как «большой нарратив» эпохи *fin de siècle* на материале не только литературных произведений, но и репрезентативного корпуса текстов русских психиатров конца XIX века.¹ Вовлечение в сферу внимания патографий — жизнеописаний знаменитых личностей с точки зрения их заболеваний (или психических отклонений) и «патографических текстов» в расширительном понимании,² интерпретация известных модернистских романов в свете популярных клинических теорий,³ а феномена

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00481, <https://rscf.ru/project/21-18-00481/>, ИРЛИ РАН.

¹ См., например: *Матич О.* Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и *fin de siècle* в России. М., 2008; *Николази Р.* Вырождение: литература и психиатрия в русской культуре конца XIX века. М., 2019.

² *Богданов К. А.* Врачи, пациенты, читатели: патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков. М., 2005; *Сироткина И.* Классики и психиатры: психиатрия в российской культуре конца XIX — начала XX века. М., 2008.

³ *Сконечная О.* Русский параноидальный роман: Федор Сологуб, Андрей Белый, Владимир Набоков. М., 2015.

безумия — в семиотической парадигме,⁴ выявление семантического потенциала топика болезни и соответствующего спектра поэтических метафор⁵ — эти новейшие литературоведческие и историко-культурные штудии напрямую коррелируют с «антропологическим поворотом» в гуманитарных науках. Но также и с другой важной составляющей современного знания — с фундированным фукианской эпистемологией постмодернистским интересом к маргинальным феноменам и локусам, к «инаковости», «присутствию» в человеке, в его бессознательном, «Другого», что делает его (человека) нетождественным самому себе, ставит на грань или за пределы «нормы» — психической, социальной, нравственной. Данная научная парадигма способствует дальнейшему осмыслению социальных, интеллектуальных и художественных явлений рубежа XIX и XX веков как периода радикальных изменений модусов мысли, моделей поведения, личностных характеристик, а также векторов литературного развития. В этом контексте целесообразно обратиться к «археологии» употребительного, вплоть до сегодняшнего дня, выражения «психопат», по-прежнему сохраняющего отчетливый пейоративный оттенок, и проследить траекторию его дискурсивной миграции. При этом литературным материалом послужат по преимуществу те произведения или группа произведений, где данная лексема вынесена в заглавие, что манифестирует установку на определенный дискурс, концепт или событийный контекст.

В книге «Уединенное» В. В. Розанов, создатель особого литературно-исповедального жанра, оставил выразительное психологистическое наблюдение: «В мое время, при моей жизни, создались некоторые новые слова: в 1880-м году я сам себя называл „психопатом“, смеясь и веселясь новому удачному слову. До себя я ни от кого (кажется) его не слыхал. Потом (время Шопенгауэра) многие так стали называть себя или других; потом появилось это в журналах. Теперь это бранная кличка, но первоначально это обозначало „болезнь духа“, вроде Байрона, — обозначало поэтов и философов. Вертер — был „психопат“. — Потом, позднее, возникло слово „декадент“, и тоже я был из первых. Шперк с гордостью говорил о себе: „Я, батенька, декадент“. <...> Все эти слова, новые в обществе и в литературе, выражали — ступенями — огромное *углубление человека*».⁶

Приведенный фрагмент обилием интертекстуальных отсылок — имен, цитат, концептов — настоятельно побуждает к их атрибуции, тем более что до настоящего времени эта работа проделана не была, несмотря на выход многочисленных изданий сочинений писателя. Остановимся на интересующем нас случае.

Розанов, возможно, и лукавил, приписывая себе изобретение словечка «психопат», однако в хронологии он точен. К 1880 году термины «конституциональная психопатия», «конституциональное дегенеративное психопатическое состояние» и производные от них со страниц учебников и руководств по психиатрии, принадлежавших по преимуществу профессорам невропатологии и психических болезней немецких и австрийских университетов,⁷

⁴ Семиотика безумия: Сб. статей / Под ред. Норы Букс. Париж; М., 2005.

⁵ Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика / Под ред. К. Богданова, Ю. Мурашова, Р. Николози. М., 2006; Трубецкова Е. «Новое зрение»: болезнь как прием остранения в русской литературе XX века. М., 2019.

⁶ Розанов В. В. Уединенное. СПб., 1912. С. 94, 95.

⁷ См., например, популярные у русских психиатров начала 1880-х годов издания, где представлена подробнейшая нозография психопатических состояний: Руководство к душевным болезням / [Соч.] Д-ра Генриха Шюле, врача психиатрического заведения в Илленау; пер. д-ра Д. Г. Фридберга. Харьков, 1880; Учебник психиатрии, составленный на основании клинических наблюдений для практических врачей и студентов д-ром [Р.] Крафт-Эбингом, профессором психиатрии в Грацком университете и директором Областного Штейермаркского заведения для по-

перемещаются в сферу судебно-медицинской практики. Именно в это время происходит вовлечение в компетенцию врачей-психиатров явлений, считавшихся до этого не подлежащими ведению психиатрии, и создается зона «пограничной психиатрии». Изучение психопатий — патологий характера и поведения, не являющихся психическим заболеванием в общепринятом значении, — стимулировалось рядом судебных процессов начала 1880-х годов. Их фигуранты, подсудимые со стойкими нарушениями характера и поведенческих паттернов (сужение эмоционального спектра, ослабление нравственных чувств, различные девиации и проч.), квалифицировались как «психопатические личности», т. е. психопаты и психопатки.

Ранний период развития учения о психопатии протекал под знаком психического вырождения. В течение второй половины XIX столетия создается колоссальная систематика наследственной дегенерации, породившая фигуры «вырожденца», «дегенерата», «психопата». М. Фуко, анализируя дискурсивные практики в связи с историей знания и функционированием европейских «институтов власти», фиксирует внимание на генерализации психиатрии в описываемый период и изобретении ею концепта «наследственность»: «Наследственность функционирует как фантастическое тело то телесных, то психических, то функциональных, то поведенческих аномалий».⁸ Считалось, что развитие психопатии детерминировано дурной наследственностью и в значительной степени связано с инцестом и бастардизацией, т. е. со смешением родственного или чужеродного генетического материала. Отсюда — нота нравственного осуждения и негативной оценки «психопатов», сохранившаяся даже тогда, когда клиническая картина личностных расстройств освободилась от фантома дегенеративной наследственности.

Открывало череду громких судебных процессов слушание по уголовному делу Прасковьи Качки, 19-летней девушки, дворянки, из ревности убившей своего возлюбленного, студента Медико-хирургической академии. Это случилось в меблированных комнатах на Васманной во время товарищеской вечеринки. Выстрел из револьвера был произведен подсудимой в момент исполнения ею романса на стихи Н. А. Некрасова «Еду ли ночью по улице темной...». И это не просто конкретная деталь криминального дела, но факт, существенный для понимания истории социального функционирования литературного текста. Его сюжет в прямой проекции на предысторию жизненной драмы подсудимой (детство, лишенное материнской заботы, наследственность, отягощенная алкоголизмом отца) орнаментировал защитительную речь «московского златоуста» Ф. Н. Плевако, которую современники относили к шедеврам судебного красноречия.⁹ «Дело Качки», которое слушалось 22 и 23 марта 1880 года в Московском окружном суде, было не столь резонансным, как процесс по делу И. Мироновича, Е. Семеновича и М. Безака (1883–1885), о чем речь пойдет далее. Однако именно оно, по мнению историков психиатрии, было первым случаем применения понятия психопатия в рамках судебно-

мешанных: В 3 т. / Пер. с нем. А. Черемшанского, врача Клиники душевных болезней при С.-Петербургском клиническом военном госпитале; с прим. переводчика и доп. к некоторым статьям, сделанными проф. психиатрии в СПб. мед.-хир. акад. И. П. Мерзеевским. СПб., 1881–1883.

⁸ Фуко М. Ненормальные. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 учебном году. СПб., 2005. С. 374.

⁹ См.: Плевако Ф. Н. Дело П. П. Качки, обвиняемой в убийстве дворянина Байрашевского // Плевако Ф. Н. Избр. речи. М., 1993. С. 332–341. В риторической стратегии речи адвоката нашлось место и цитатам из трудов по психиатрии, в частности, уже упоминавшегося Г. Шюле, сторонника теории наследственной дегенерации. Ср.: «Особенное впечатление производят страницы из книги доктора Шюле из Илленау («Курс психиатрии») о детях-наследственниках. Кажись, что это — не из книги автора, ничего не знавшего про Прасковью Качку, а лист, вырванный из истории ее детства» (Там же. С. 335).

медицинского производства.¹⁰ 29 апреля 1880 года на конференции в Преображенской психиатрической больнице московский психиатр С. С. Корсаков, приглашенный к медицинскому освидетельствованию подсудимой, выделил ее психическое состояние в отдельную форму, отличную от признанных законом того времени понятий «безумие» и «сумасшествие», а свойственные ей черты характера — дисгармоничность чувств, аффективная неустойчивость, смена эмоциональной направленности, «раздвоение душевной жизни» — были подведены под понятие психопатия. Это существенным образом сместило фокус диагностики с генетически обусловленной патологии к расстройству личности, что входило в компетенцию психиатрии и служило гуманизации судебного процесса (поскольку ставился вопрос о вменяемости / невменяемости подсудимого). В итоге «присяжные заседатели признали факт преступления доказанным, а подсудимую — действовавшей в состоянии умоисступления. Суд определил отдать П. П. Качку для лечения в больницу».¹¹ С этого времени обозначение дисгармоничных личностей как психопатических все шире входило в психиатрическую терминологию и в конце концов прочно закрепилось в ней.

Возвращаясь к комментируемому фрагменту, заметим: конкретная датировка появления новейшего motto и соответствующая самопрезентация писателя («сам себя называл „психопатом“») должны были быть обеспечены глубоко пережитым личным опытом, чтобы по прошествии многих лет остаться в памяти. И такой «психопатический» след в биографии писателя присутствует. Именно в ноябре 1880 года Розанов, студент Московского университета, узаконил свои отношения с Аполлинарией Суловой,¹² бывшей возлюбленной Достоевского, *femme fatale* своего времени. Автор современной биографии писателя подчеркивает «влияние на Розанова факта прежней близости Суловой с Достоевским, которого он в те годы буквально боготворил», как одну из «странных», «почти психопатических особенностей этого „идейного“ брака».¹³ Привязанность к этой «инфернальной» женщине и поведение которой были отмечены чертами истерического расстройства, обернулась для писателя, по его позднему признанию, «бесконечным несчастьем, многолетним унынием, помрачением ума, совести, всего».¹⁴

В речевой обиход слова «психопат» и «психопатка» стремительно входят на волне общественного интереса к сенсационному делу об убийстве 13-летней Сарры Беккер, совершенном при ограблении ссудной кассы (ломбарда) на Невском проспекте. Ход судебных заседаний ежедневно освещался в прессе — как крупными столичными газетами, так и полицейскими и «бульварными» листками. Процесс, длившийся с 1883 по 1885 год, превратился в крупнейшее медийное событие эпохи.¹⁵ Из трех фигурантов дела особое внимание

¹⁰ См.: *Кербилов О. В.* Судебные процессы 80-х годов и учение о психопатиях в отечественной медицине // Кербилов О. В. Избр. труды. М., 1971. С. 37–55 и след.

¹¹ *Плевако Ф. Н.* Избр. речи. С. 334.

¹² К моменту знакомства гимназиста Розанова с Суловой ему было 20 лет, ей — 36.

¹³ *Фатеев В. А.* Жизнеописание Василия Розанова. СПб., 2013. С. 89. См. также: «Мистическая трагедия»: В. В. Розанов и А. П. Сулова (по материалам архивных разысканий) // Вступ. статья, подг. текста, комм. Е. И. Гончаровой // Русская литература. 2022. № 3. С. 145–156.

¹⁴ *Ибис* [Розанов В. В.]. Иван Ляпунов // Новое время. 1900. 16 июля. № 8758. С. 2 (см.: *Розанов В. В.* Собр. соч. М.; СПб., 2009. Т. 27. Юдаизм. Статьи и очерки 1898–1901 гг. С. 512). Характерно, что, публикуя очерк, выдержанный в стилистике интимного признания, прототипа психоаналитического досье, Розанов прибегнул к приему двойного кодирования: вывел автобиографического героя под вымышленным именем, скрыв авторство под псевдонимом.

¹⁵ См.: Дело о Мионовиче, Семенов и Безак, в судебно-медицинском отношении / Сост. проф. И. М. Сорокин. СПб., 1885; *Андреевский С. А.* Дело Мионовича // Андреевский С. А. Защитительные речи. СПб., 1891. С. 133–216; *Кербилов О. В.* Избр. труды. С. 39–42. Свод материалов прессы по данному делу см.: *Курганов Е.* Преступление без наказания. М., 2017.

и публики, и прессы, и экспертного сообщества привлекала личность Екатерины Семеновой. Сначала давшая признательные показания, затем отказавшаяся от них, покушавшаяся на самоубийство, лжесвидетельствовавшая, она в конце концов была признана невменяемой. Судебно-медицинская экспертиза в лице известных психиатров профессоров О. А. Чечотта и И. М. Балинского, проведя освидетельствование подсудимой, апеллируя к психическим и поведенческим девиациям в анамнезе, пришли к заключению: не страдавшая определенной формой психического расстройства, она, тем не менее, находится в «психопатическом состоянии», т. е. является «психопаткой». Мнение экспертов было мгновенно растиражировано репортерами «Нового времени», «Судебной газеты», «Санкт-Петербургского полицейского листка», объявившими фигурантку процесса «первой публично обнародованной психопаткой».¹⁶ Согласно вынесенному вердикту, И. И. Миронович, владелец кассы, был оправдан, М. Безак, инициатор ограбления, признан виновным в преступлении и приговорен к ссылке в Сибирь, сама же Семенова, признанная невменяемой, помещена в психиатрическую больницу. Таким образом, и в истории психиатрии, и в юриспруденции, и в общественном сознании появление термина «психопат» прочно связалось с данным процессом.¹⁷

Еще одним каналом трансляции и распространения термина «психопат» стал интеллектуальный бестселлер эпохи — книга М. Нордау «Вырождение» («Entartung», 1892; на рус. яз. 1893), точнее — ее русский перевод, осуществленный Р. И. Сементковским. В предисловии ко второму изданию редактор и переводчик, вновь отметив приоритет О. А. Чечотта во введении в общее употребление этого термина, сделал еще один ход. Конкретизировав его семантику сравнительно с термином «вырождение», он предложил адаптировать последний к условиям русскоязычного узуса: «...у нас слово „психопат“ приобрело именно то значение, в каком Нордау употребляет слово „entarteter“ (выродившийся субъект), и поэтому мы позволили себе заменить в переводе последнее более родственным, а вместе с тем и понятным для нас словом „психопат“».¹⁸ Редактор подчеркивал, что в представляемой книге под термином «вырождение» подразумевается не только «отклонение от нормы в физическом отношении вследствие наследственных причин», но

¹⁶ Свет. 1884. 13 (25) дек. Позднее П. И. Ковалевский в своей «Судебной психопатологии» (1900) также упоминал о Семеновой как о «первой всероссийской психопатке». В 1902 году В. П. Сербский, возвращаясь к нашумевшему делу, констатировал: «...наше общество благодаря ему чуть не впервые услышало быстро затем привившееся название „психопат“» (цит. по: *Кербинов О. В.* Избр. труды. С. 39). В настоящее время исследователи на основе анамнеза и статуса психопатологических симптомов, содержащихся в экспертном заключении по делу Семеновой, пришли к выводу об отсутствии у нее психопатии «в современном диагностическом понимании» (*Литвинцев С. В.* К вопросу о границах психопатий // *Обозрение психиатрии и медицинской психологии.* 2017. № 1. С. 13).

¹⁷ Во имя исторической справедливости следует отметить первопроходческую роль В. Х. Кандинского в отграничении психопатий, еще до судебно-медицинского заключения по «делу Семеновой» рассмотренного «Случай сомнительного душевного состояния перед судом присяжных (Дело девицы Юлии Губаревой)» (1883; наст. фам. подсудимой Островлева), см.: *Пятницкий Н. Ю.* Эволюция концепции «психопатии» от В. Х. Кандинского до С. А. Суханова // *Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова.* 2020. № 120 (6). С. 75–81. В. Х. Кандинский (1849–1889) — один из основоположников русской психиатрии, параллельно с французским психиатром Гаэано Гасьено де Клерамбо описал синдром психического автоматизма (галлюцинаторно-параноидный синдром), получивший название «синдром Кандинского — Клерамбо»; сам страдал шизофренией и некоторые выводы сделал на основе самонаблюдений. Состоял в родстве (троюродный брат) с художником В. В. Кандинским.

¹⁸ *Сементковский Р.* Назад или вперед? (Предисловие к русскому изданию) // Нордау М. *Вырождение (Entartung): Психопатические явления в области современной литературы и искусства.* 2-е изд. СПб., 1896. Стб. XXXIV. Ср. словарные синонимы прил. «entartet»: вырожденный, порочный, испорченный.

«уклонение от нормального типа вообще», т. е. «психическое вырождение».¹⁹ Свою мысль Нордау иллюстрировал на огромном литературном материале от «современных французов» до Г. Ибсена и Л. Толстого, рассматривая литературу как «собрание патологических случаев». Мистицизм, криптомания, интерес к «темной области нервной жизни», массовые психозы, «нервные помешательства» — такими чертами обрисована эпоха *fin de siècle*.

Современные историки психиатрии отмечают, что термин «психопатия» в художественную литературу и в повседневный речевой обиход вошел быстрее, чем в специальную психиатрическую номенклатуру, объясняя данный факт тем, что «психопатические личности оставались в жизни, вне стен психиатрических лечебниц, и психиатры в те годы редко встречались с ними как с пациентами».²⁰ Распространению и литературной легитимации термина «психопат» изначально способствовали, ни много ни мало, писатели первого ряда. Еще до окончания судебного процесса, когда «дело Семеновой» находилось на утверждении в Сенате, в февральском и мартовском номерах журнала «Новь» за 1885 год Н. С. Лесков опубликовал рассказ под заглавием «Старинные психопаты»: в этой «номинации» выступили главные герои — малороссийский помещик-самодур Степан Иванович Вишневский и его жена, Степанида Васильевна, с целью укрощения дикого нрава мужа подыскивавшая для него юных наложниц, при этом жизнь супругов текла в полном согласии и довольстве друг другом. Объясняя свой интерес к личностям неординарным, эксцентричным, курьезным и подразделяя их типологически на «героев» и «плутов», автор подводил их под общий знаменатель — «психопатов», используя «модное» слово в предупреждении к типичному для него повествованию о провинциальных чудаках: «Очевидно, фантазия людей данной местности выражает их настроение и, так сказать, создает сама себе *своих козырей* для своей игры. Но замечательно, что все эти козыри, как герои, так и плуты, — все в своем роде выходят как будто в свою очередь тоже и „психопаты“».²¹

Не прошел мимо сенсационного события и А. П. Чехов, выступив в октябре 1885 года на страницах «Петербургской газеты» с рассказом-сценкой «Психопаты», где юмористически обыграл «психопатическую» зависимость обывателя от информационного натиска прессы. Писатель доводит до алогизма и языкового абсурда репортажи из зала суда по «делу Мироновича», каким они предстают в восприятии недалеких мещан, падких на газетные сенсации. Типы новой формации и дали название скетчу, вышедшему из-под пера автора «психопатологических очерков» (так характеризовал он сам рассказы сборника «Хмурые люди»), диагноста и аналитика психопатических состояний, — тема, подробно и в разных ракурсах рассмотренная в современном чеховедении. В речи персонажей чеховских произведений середины 1880-х — начала 1890-х годов (драма «Иванов», рассказы «Тина», «Поцелуй», «Мститель», «Хорошие люди», «В потемках» и др.) модные слова «психопат», «психопатка» (и даже глагольный дериват последнего — «опсихопатилась») встречаются достаточно часто, что свидетельствует, во-первых, о распространении моделей поведения, подпадающих под данное определение, во-вторых, о вовлечении медицинского термина в повседневный языковой узус, наконец, о роли литературы как катализатора подобных явлений.

¹⁹ Там же. Стб. XXXIII.

²⁰ Бурцев А. О. Возникновение и развитие понятия «психопатия»: отечественные и зарубежные исследования личностных расстройств в XIX веке // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. Электронный научный журнал. 2014. № 3 (6). <http://humjournal.rzgm.ru/art?id=89>; дата обращения: 20.04.2022.

²¹ Лесков Н. С. Собр. соч.: В 12 т. М., 1989. Т. 7. С. 278.

Беллетристическим откликом на череду судебных процессов первой половины 1880-х годов в их «гендерной» специфике стал рассказ Я. П. Полонского «Психопатка» (1889). В нем много рассуждений о душевных расстройствах, патологиях характера, споров о том, считать ли лживость, эгоизм, отсутствие нравственных принципов отрицательными чертами личности или же признаками душевного недуга, — в этом как раз и заключен основной «посыл» произведения.²² Его главная героиня, Александра Марковна Иволгина, мошенница и шантажистка, в зале суда ведет себя неадекватно, манипулирует мнением, то клеветает, то прибегает к самооговору, но этим только привлекает внимание к своей персоне: «Процесс был в высшей степени интересен, и от публики отбоя не было... Всем хотелось видеть психопатку...».²³ На признании психопатии у подсудимой и строится линия защиты, и здесь автор достаточно точен в фиксации ее основных пунктов: «...не были забыты ни наследственность сумасшествия, ни воспитание, ни ранние годы подсудимой, проведенные при большой матери, ни даже ее, будто бы вынужденное неудачное замужество...».²⁴ Психопатка оправдана, но в речи одного из персонажей (а это газетный отклик на судебный процесс), точка зрения которого совпадает с авторской, подобный вердикт подвергается сомнению: вопрос о психопатии как болезни остается открытым, поскольку осознается возможность симуляции и использования девиантного поведения в корыстных целях. «Мы, вследствие ненормальности жизни, все более или менее психопаты. Есть психопатия и в излишествах любви и самоотвержения, и есть психопатия в излишествах порока или в явной склонности к уголовщине... <...> Не наказывайте психопатов и психопаток, если вы находите это справедливым, но будьте справедливы и к обществу, спасите и его от их разнузданной воли, пошлых страстей, низменного ума и произвола».²⁵

Целую галерею «психопатов» представил в одноименном сборнике рассказов А. В. Амфитеатров, плодовитый беллетрист, сторонник натурализма как метода беспристрастного наблюдения. Весь событийный контекст вокруг дела «первой психопатки» был ему, «охотнику до странных характеров, исключительных положений и настроений»,²⁶ хорошо известен.²⁷ В центре внимания автора — «исключительные случаи»: ситуации, выходящие за пределы рационального понимания, характеры, балансирующие на грани нормы и патологии. Бред, галлюцинации, гипнотизм, разные формы маний

²² Несколько в ином ракурсе рассматривается рассказ в статье Е. А. Гаричевой «Тема безумия в творчестве Достоевского и Полонского» (Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2007. Т. 18. С. 359–374).

²³ Полонский Я. Психопатка. СПб., 1892. С. 157 (Бесплатное приложение к журналу «Родина». 1892. № 10).

²⁴ Там же. С. 159.

²⁵ Там же. С. 160, 161–162. Позиция, заявленная в фикциональном пространстве литературного текста, существовала как альтернативное мнение и в публичном экспертном поле. Ср., например, исключительно негативную оценку манипулятивного поведения Екатерины Семеновой: «Эта-то психопатка, памятуя, что она в сумасшедшем доме, и зная о невменяемости душевных больных, захотела пустить в коммерческий оборот это ее право... Мы удивляемся, что до сих пор не нашли спекулянты, которые бы занимали психопатов не только для ответственности за сделанное преступление, но и для самого совершения преступления. В нашем обществе такая масса душевных больных, что для ловкого человека всегда можно найти подходящее лицо» (цит. по: Кербигов О. В. Избр. труды. С. 44). Далее говорилось о необходимости расширения психиатрических больниц и помещений в них «психопатов».

²⁶ Амфитеатров А. В. Случайные рассказы. СПб., 1890. С. 3.

²⁷ В одном из фельетонов цикла «Записная книжка» он с иронией упоминает о фигурантке громкого процесса: «Жила-была когда-то на свете некая Семенова, мнимая убийца Сарры Беккер, знаменитая тем, что с нее пошло в оборот и загуляло по печати слово „психопатка“» (Амфитеатров А. Заметки сердца. М., 1909. С. 134).

и девиаций, поданные с налетом таинственности и намеком на увлечения оккультизмом, всегда сюжетно мотивированы психической болезнью персонажа, дурной наследственностью («вырождением»), влиянием среды и прочими модусами позитивного знания. Кто же они, амфитеатровские психопаты? Их ряды открывает «первый психопат» — Иуда, переживающий обсецию на почве предательства и кончающий собой в состоянии аффективного возбуждения. Это обитатели уединенных поместий, зараженные криптоманией, доставшейся в наследство от дедов вместе с библиотекой мистической литературы; молодые женщины, страдающие истерией и галлюцинациями; вдовцы, жаждущие общения с туманными призраками своих умерших жен; институтки, одержимые сомнамбулическими припадками; неуравновешенные субъекты, совершившие криминальные деяния в состоянии аффекта.²⁸ Так, например, этюд «Он» имеет однозначный в своих коннотациях подзаголовок «Исповедь сумасшедшей». Повествование в форме монолога окрашено «готическим» колоритом (замок, населенный призраками прошлого, «тайны» семьи, чтение мистической литературы и т. п.), насыщено актуальными аллюзиями, выполняющими функцию «эффекта реальности» (названы имена известных психиатров — Шарко, Кожевников, модные методы лечения неврастении — душ, гипноз и пр.). Фантом больного воображения сексуально фрустрированной героини — «Он» — «странное, непонятное существо, ни человек, ни демон, ни зверь, ни призрак», однозначно интерпретируется как сгусток энергии либидо: «Он, ежедневно налагающий на меня свою тяжелую руку; он, в чьей губительной власти моя душа и тело; он, кого я днем боюсь и ненавижу, а ночью люблю всею доступной моему существованию страстью; он, неумолимо ведущий меня к скорой ранней смерти. <...> Существование человека, ступившего одной ногой за порог естественного, превращается в сплошной экстаз, в безумную смесь хандры и пафоса, восторгов и оцепенения...».²⁹ В сюжетной основе этюда «Сказка темной ночи» — встреча страдающего галлюцинациями персонажа с «призраком», воплощением своего «второго я»: «Быть может, я ничто иное, как твоя безумная, печальная, острая, злая дума в то самое мгновение, как она зарождается в твоей голове <...> отделившаяся от тебя и представшая тебе полувоплощенной... я — ничто, я — лишь отраженность ума, я — тот инстинкт, которого лишился человек, когда возвысился над природой».³⁰

Внимание писателя привлекают те неопределенные душевные состояния на грани между психическим здоровьем и помешательством, заявляющие о себе разными странностями характера — эксцентричностью.³¹ Через дневники, исповеди, записки своих персонажей он дает голос «неразумию» современной ему эпохи, создавая коллективное тело «психопата» — фигуры Иного, вытесненного культурой из своего *ratio*. Все это образцы странного, аффектированного, полубессознательного «говорения» (язык инстинкта, «ночной стороны души»), предвосхищающие практику психоанализа. Пси-

²⁸ Об интересе к психопатологическим и парапсихологическим феноменам и их отражении в творчестве писателя подробнее см.: Грякалова Н. Ю. Человек модерна: Биография — рефлексия — письмо. СПб., 2008. С. 37–57.

²⁹ Амфитеатров А. Психопаты. Правда и вымысел. М., 1893. С. 29, 33.

³⁰ Там же. С. 35.

³¹ Ср. одно из наиболее популярных в 1880-е годы определений психопатии и «психопатов»: «Лица, страдающие психопатией, не могут считаться душевнобольными в собственном смысле этого слова, но они являются теми странными, загадочными существами, которые чувствуют, мыслят и поступают иначе, нежели здоровые лица, которые нередко уже с детства являются глубоко порочными существами и которые вместе с тем представляют собой верных кандидатов на душевную болезнь» (Психопатия и ее отношение к вопросу о вменении / [Соч.] Проф. В. М. Бехтерева. Казань, 1886. С. 12).

хиатрия и психопатология, в том числе судебная, вводят в научный оборот описание клинических и криминальных случаев — патологических казусов, анамнезов, «исповедей», «досье». Таким образом этим формам дискурсивных практик открывалась дорога в литературу либо через беллетризацию, либо через включение в текст на правах «человеческого документа» — подлинного свидетельства о человеческой жизни, что предполагало использование «сырого», необработанного материала: писем, дневников, записных книжек, автобиографических признаний — прототипа психоаналитических «досье». Подробно реконструируя историю понятия, возникшего в эпоху натурализма, декларативно ориентированного на методы экспериментальной медицины Клода Бернара, современный исследователь обращает внимание на связь понятия «человеческий документ» с семантикой «болезни», его ассоциации с «больной душой», что было особенно актуально в контексте «представлений об эпохе „упадка“ и „разложения“». ³²

«Психопат», «неврастеник», «мономан», «вырожденец», «декадент» создают эпохальные конфигурации «Иного» — эмблемы того, что культура отвергает, отесняет в маргинальное пространство и в то же время стремится переосмыслить и принять. Ставкой в противостоянии между теорией вырождения (дегенерации) — доминирующим биолого-медикалистским дискурсом эпохи *fin de siècle*, и свойственными уже новой фазе модернизма антипозитивистскими воззрениями на природу творческого воображения и свободу личностного самовыражения будет «оправдание» невротического (психопатического) субъекта, моделирование его ментального горизонта, речевого поведения и в итоге — конституирование как культурного персонажа.

³² Яковлева Н. «Человеческий документ»: история одного понятия. Helsinki, 2012. С. 66, 67 (Slavica Helsingiensia; 42). Автор обращает также внимание на контекст употребления слова «психопатка» в 1880-е годы (прим. 155 на с. 63).

DOI: 10/31860/0131-6095-2022-3-49-62

© И. А. КРАВЧУК

Д. И. ХАРМС ПРОТИВ И. И. МЕЧНИКОВА: ОБ ОДНОЙ ПАРОДИЙНОЙ «ТЕОРИИ ПИТАНИЯ»*

Предметом нашего рассмотрения станет небольшая цитата из повести Д. И. Хармса «Старуха» (1939), довольно хорошо известная не только исследователям, но и широкой читательской аудитории. Речь идет о сцене, в которой герой-рассказчик заходит к своему другу Сакердону Михайловичу с бутылкой водки, сардельками и хлебом. Хозяин предлагает поставить кастрюлю с сардельками на плиту, а пока сардельки варятся, закусывать водку вареным мясом из супа: «Сакердон Михайлович поставил на керосинку кастрюльку, и мы сели пить водку.

— Водку пить полезно, — говорил Сакердон Михайлович, наполняя рюмки. — Мечников писал, что водка полезнее хлеба, а хлеб — это только солома, которая гниет в наших желудках». ¹

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00481, <https://rscf.ru/project/21-18-00481/>, ИРЛИ РАН.

¹ Хармс Д. И. Старуха // Хармс Д. И. Полн. собр. соч.: [В 4 т.]. СПб., 1997. Т. 2. С. 172.

Мотивировка этой фразы либо вовсе оставляется без внимания, либо комментируется достаточно скупо. В. Н. Сажин в примечаниях к Полному собранию сочинений ограничивается тем, что констатирует «некоторую трансформацию реальности», типичную для Хармса: «И. И. Мечников действительно писал об опасных процессах гниения в желудке человека, но при этом был настолько энергичным противником алкоголя, что даже употребление кефира не рекомендовал из-за наличия в нем некоторого процента алкоголя».² На комментарий Сажина ссылается Ю. Хейнонен, посвятивший «Старухе» специальный труд.³ Более сложную интерпретацию этого фрагмента обнаруживаем в работах А. А. Кобринского. Он обратил внимание на то, как часто в тексте упоминаются хлеб и другие зерновые продукты (водка, хлебный квас, пиво). Каждое из таких упоминаний наделено конкретной повествовательной функцией, встроено в хорошо организованную систему скрытых питат и мотивов, имеет мифопоэтические, религиозные, эротические коннотации.⁴ Подход Кобринского близок к подходу А. Стоун-Нахимовской, характеризовавшей мир повести как «исключительно упорядоченный, отличающийся педантично выстроенной сетью взаимосвязей».⁵ Как и Кобринский, исследовательница не обходит стороной сексуальный подтекст упоминания водки, полагая *распитие водки* прозрачным эвфемизмом в разговоре главного героя с незнакомой барышней.⁶

Приведенные интерпретации, однако, не позволяют понять, зачем Хармсу в этой сцене могло понадобиться имя великого биолога, лауреата Нобелевской премии по медицине и физиологии, внесшего неопределимый вклад в иммунологию. Попытаемся в этом разобраться. Необходимое методологическое предупреждение: на наш взгляд, анализируемый фрагмент — не цитата и не аллюзия на какой-либо текст или группу текстов. Мы исходим из предположения, что пародийной или иронической деконструкции в повести Хармса подвергается популярный образ выдающегося ученого, его персональный миф, сформированный множеством автобиографических, мемуарных, публицистических, художественных и научно-популярных текстов. Мечников также олицетворяет собой определенную философию, характерную для естественных наук и новейших медицинских веяний конца XIX — первой половины XX века. Следовательно, наша задача — проследить эволюционную траекторию и основные идеологические коннотации этого образа, отбирая те контексты и художественные произведения, которые не мог не заметить Хармс.

В 1920–1930-е годы убежденный материалист и сторонник научного прогресса Мечников, наряду с Сеченовым, Климентом Тимирязевым, Павловым, был взят в союзники советской модернизационной идеологии. Во второй половине жизни он много занимался проблемой старения живых организмов, в первую очередь человека. В одной из своих самых известных и переиздаваемых книг «Этюды оптимизма» (1907) Мечников популярно объяснял читателю причины и механизмы возрастных изменений. На первый план выдвигались инфекционные и клеточные процессы. Мечников неизменно старался показать первоисточник смертельных болезней в разру-

² Сажин В. Н. Примечания // Хармс Д. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 462. Комментарий Сажина не вполне точен. Мечников отдавал должное некоторым полезным свойствам кефира, но полагал его малопригодным для ежедневного употребления в течение всей жизни человека (см.: Мечников И. И. Этюды оптимизма. 4-е изд. М., 1917. С. 161–163, 167).

³ Хейнонен Ю. *Это и то* в повести *Старуха* Даниила Хармса. Helsinki, 2003. С. 107–108.

⁴ См.: Кобринский А. А. Поэтика ОБЭРИУ в контексте русского литературного авангарда XX века. СПб., 2013. С. 282–285.

⁵ Stone Nakhimovskiy A. S. Laughter in the void: An introduction to the writings of Daniil Kharmis and Alexander Vvedenskii. Wien, 1982. P. 92 (Wiener Slawistischer Almanach. Sb 5).

⁶ Ibid. P. 100–101.

шительной активности микробов. Мечниковская программа ортобиоза (букв. «правильной жизни») включала в себя предохранение человека от вредных гнилостных бактерий и достройку, «воспитание» организма при помощи полезных, благородных бактериальных культур. Ученый и сам педантично следовал своей программе. В дневниках великий биолог с удовлетворением признавал, что прожил свои зрелые годы «ортобиотически» и смог «порядочно побороть кишечное гниение».⁷

Что же касается алкоголя, продукта спиртового брожения, то он, наравне с никотином и свинцом, уверенно относился Мечниковым к категории *ядов*. Так что утверждение Сакердона Михайловича — пародийная инверсия мечниковских рекомендаций. Чем же вызвана эта трансформация?

В 1928 году в СССР вышел перевод научно-популярной книги Поля Генри де Крюи (де Крайфа, de Kruif) «Охотники за микробами» («Microbe Hunters», 1926). Сочинение де Крюи, который был не только талантливым рассказчиком, но и практикующим микробиологом, вызвало необычайный интерес юного советского читателя. Книга в переводе И. П. Червонского и с предисловием Л. А. Зильбера (видный советский микробиолог, старший брат В. А. Каверина) выдержала множество переизданий.⁸ Не лишним будет прибавить к этому, что де Крюи был не только одаренным популяризатором современных научных знаний, но и публицистом левого толка, а кроме того, был научным консультантом и фактическим соавтором романа о молодом враче и исследователе «Эрроусмит» (1925) Синклера Льюиса. Отдельная глава «Охотников» была посвящена Мечникову — его жизни, характеру, его открытиям и их научному значению. Де Крюи рисует русского ученого яркими красками: это фанатик науки, эксцентрик, не раз портивший себе ученую карьеру, одним словом, «неуравновешенный тип из романа Достоевского».⁹ С сочувственной иронией американский автор описывает *modus vivendi* своего героя: «Двадцать с лишним лет Мечников жил, строго следуя предписаниям своей новой теории. Он не употреблял алкогольных напитков и не курил; никогда не позволял себе никаких излишеств, часто показывал себя лучшим докторам того времени. Хлеб ему всегда приносили в особых стерилизованных бумажных пакетах, предохранявших его от загрязнения „дикими“ бактериями. За эти годы он выпил невероятное количество кислого молока и проглотил сотни миллиардов благодетельных болгарских палочек».¹⁰ В записных книжках Хармса сочинение де Крюи не упоминается, но сложно предположить, что сотрудник «Детгиза» никогда о ней не слышал. Вполне возможно, что именно процитированный выше фрагмент из «Охотников за микробами» стал источником пародийной инверсии, вложенной в уста Сакердона Михайловича.

Упомянем и другую яркую параллель к сцене из «Старухи» — конечно, речь о монтере Мечникове из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (1927).¹¹ Образ измученного нарзаном завгидропресса очевидно пародиен как по отношению к реноме уже покойного Мечникова, так и по отношению к его идеям. Ю. К. Щеглов обращал внимание на частое упоминание простокваши и кефира «по Мечникову» в воспоминаниях и автобиографических

⁷ Цит. по: Мечникова О. Н. Жизнь Ильи Ильича Мечникова. М.; Л., 1926. С. 187.

⁸ Детская литература. 1935. № 12. С. 46. Наиболее полно восприятие творчества де Крюи в СССР, по-видимому, отражает статья: Югов А. Охотники за микробами // Там же. 1936. № 21. С. 11–17.

⁹ Крайф П. де. Охотники за микробами. Борьба за жизнь. М., 1957. С. 148.

¹⁰ Там же. С. 165.

¹¹ Обратим внимание на характеристику, которую дает знаменитому писательскому тандему критик Е. С. Добин: «В своих сатирических новеллах И. Ильф и Евг. Петров — типичнейшие охотники за микробами. Их занимает человеческая мелкота» (Добин Е. Охотники за микробами — Ильф и Петров // Звезда. 1938. № 12. С. 249).

повествованиях о предреволюционных и раннесоветских годах. Так, о популярности мечниковской пропаганды как одной из примет времени писали В. Катаев, В. Каверин, В. Вейдле и другие авторы.¹²

Интересен и еще один литературный контекст, в котором возникает фамилия Мечникова. Несколько лет назад на него указала Т. М. Вахитова, подготовившая научную публикацию трех стенограмм открытых обсуждений повести М. М. Зощенко «Возвращенная молодость». Новаторское произведение о борьбе человека за физическое и творческое долголетие было впервые напечатано в журнале «Звезда» в 1933 году, в конце того же года было издано отдельной книгой. В марте–апреле 1934 года на разных академических и литературных площадках Ленинграда прошли публичные дискуссии, посвященные произведению и затронутым в нем проблемам. 6 апреля 1934 года в «Литературной газете» вышла специальная статья Н. А. Семашко «Можно ли вернуть молодость». Как отмечает Вахитова, «можно сказать, что литературная жизнь в Ленинграде весной 1934 г. (во время подготовки I Съезда советских писателей) проходила в размышлениях по поводу „формулы молодости“ и „секретов ее сохранения“». ¹³ Факт знакомства Хармса с повестью Зощенко, кажется, не требует специальных доказательств, но мы располагаем и непосредственным упоминанием этого текста, причем в письме Хармса К. В. Пугачевой 1933 года: «Дорогая Клавдия Васильевна, теперь я понял: Вы надо мной издеваетесь. Как могу я поверить, что Вы две ночи подряд не спали, а все находились вместе с Яхонтовым и Маргулисом! Мало этого, Вы остроумно и точно намекаете мне II-ой частью „Возвращенной молодости“ на мое второстепенное значение в Вашей жизни, а словами „Возвращенная молодость“ Вы хотите сказать, что мою де молодость не вернешь и что вообще я слишком много о себе воображаю». ¹⁴ Весь текст письма помечен ернической припиской: «Яронея», т. е. ирония. Тон хармсовского письма шуточный, но интерес Хармса к проблематике зощенковской повести мог быть и вполне серьезным.

В «Возвращенной молодости» Зощенко устами своего рассказчика совершает дерзкий выпад в сторону Мечникова: «Некоторые, спускаясь с заоблачных высот и не говоря пышных слов о душе, велели получше следить за мелкими естественными свойствами своего тела, советуя при этом кушать простоквашу, всецело рассчитывая, что это вегетарианское блюдо дает особо продолжительную жизнь, не позволяя микробам без толку скопляться в наших внутренностях и в пошлых закоулках организма, имеющих от природы низменное и второстепенное значение.

Однако автор в бытность свою учеником знал одного преподавателя, который много лет подряд кушал эту молочную диету и, захворав неожиданно легким гриппом, как говорится, „дал дуба“, оплакиваемый своими родственниками и учениками. Причем родственники и ученики в один голос утверждали, что вот именно пристрастие к кислому молоку и подкосило больного, подорвав его силы настолько, что ослабленный организм не смог сопротивляться такой, в сущности, пустячной болезни». ¹⁵

¹² Щелов Ю. К. Романы Ильфа и Петрова. Спутник читателя. СПб., 2009. С. 275.

¹³ Вахитова Т. М. Три стенограммы обсуждения повести М. Зощенко «Возвращенная молодость» (1934 г.) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2012 год. СПб., 2013. С. 830.

¹⁴ Хармс Д. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 85.

¹⁵ Зощенко М. М. Возвращенная молодость // Зощенко М. М. Собр. соч.: [В 7 т.] / Сост., и прим. И. Н. Сухих. М., 2008. Т. 5. Голубая книга. С. 19. На этот же фрагмент указывает в своей работе Кит А. Ливерс, опознавая «мечниковский подтекст» в произведениях А. Платонова, М. Булгакова и Ю. Олеси (см.: *Livers K. A. Constructing the Stalinist Body: Fictional Representations of Corporeality in the Stalinist 1930s.* Lanham, Md., 2009. P. 63–64, 87, 118–120, 147).

13 апреля 1934 года очередная дискуссия, посвященная книге Зоценко, прошла на заседании Областного Ленинградского научно-практического института охраны здоровья детей и подростков. Председателем заседания был известный детский психиатр профессор А. С. Грибоедов (1875–1944). Он и обратил внимание на смерть от простокваши в повести. Это подтолкнуло профессора к неожиданной интерпретации: «Я не знаю, о ком тут идет речь, здесь говорится, конечно, об Илье Мечникове. Это — крупный ученый, наш соотечественник, занявший место в Париже в Пастеровском институте. Это был глубокий психастеник, который жил с ранних лет под влиянием навязчивой мысли о смерти. Страх заболевания, страх смерти преследует всю жизнь этого ученого, это положило на него печать, вследствие чего он ввел строжайший режим в свою жизнь, не то чтобы это был режим, но он все делал для сохранения своего здоровья. <...> И вот в структуре своих научных изысканий и в своем знаменитом этюде о человеческой жизни он пришел к выводу, что наиболее длительная жизнь, т. е. наибольшее количество 120-летних старух и стариков, наблюдается в Болгарии. Анализируя это явление, он объяснил его тем, что болгары употребляют ягурту — сладкую простоквашу, выделил лактобациллу, образовал лактобациллин и объяснил это явление так, что лактобациллин уничтожает процесс интоксикации в кишечнике и в результате этого дает человеку продолжительную жизнь.

Он стал есть эту простоквашу, освободился от своего страха и последние 15 лет своей жизни жил спокойно, изжив в этой идее свое болезненное состояние.

До известной степени сам Михаил Михайлович [Зоценко] напоминает мне Мечникова. Он ведь в своих комментариях пишет, что он болел психастенией, что он обращался к ряду врачей и что он нашел секрет возвращения молодости, который, я надеюсь, даст ему такие же положительные результаты, которые простокваша дала Мечникову». ¹⁶

Это сравнение было подхвачено в 1935 году в журнале «Литературный критик» молодым критиком А. А. Бескиной «Лицо и маска Михаила Зоценко», которая считала, что «наука вошла в „Возвращенную молодость“ как боковая, подчиненная тема». ¹⁷ Иными словами, научно-популярный дискурс — очередная нарративная маска, используемая Зоценко. Средствами диагностики *медицинской* осуществляется диагностика *социальная*, классовая. Недостатком такого подхода, по мнению Бескиной, становится то, что он как будто застывает на полпути между сатирическим приемом и сознательной мировоззренческой установкой. Главный герой оказывается слишком ничтожным, а ироническая дистанция формируется отчасти вопреки авторскому замыслу. «Помните, как великий русский ученый Илья Мечников искал оптимизм и нашел... простоквашу? Он тоже хотел использовать медицину для разрешения больших социальных проблем. Он написал книгу „Этюды оптимизма“, которую он назвал „Трактатом о человеческой природе и о средствах изменить ее, с целью достижения наибольшего счастья“. Он написал эту книгу после разгрома Народной воли, он призывал отказаться от политической борьбы <...> Мечников предлагает оружие политической борьбы

¹⁶ Стенографический отчет № 2 обсуждения книги «Возвращенная молодость» М. Зоценко в Институте охраны здоровья детей и подростков от 13 апр. 1934 г. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2012 год. С. 876–877. Уже после смерти Зоценко сопоставление его личности с личностью Мечникова встречаем в записных книжках В. Т. Шаламова (см.: Шаламов В. Т. Записные книжки 1954–1979 // Шаламов В. Т. Собр. соч.: В 6 т. М., 2013. Т. 5. С. 355–356).

¹⁷ Бескина А. А. Лицо и маска Михаила Зоценко // Мих. Зоценко. Pro et contra: Антология. СПб., 2015. С. 586.

заменить массовым употреблением простокваши, ибо простокваша — путь к оздоровлению и молодости».¹⁸

Конечно, сам Зоценко был далек от борьбы за счастье и бессмертие при помощи простокваши. По мнению В. Ю. Вьюгина, ближе всего Зоценко была теория психоневрозов П. Ш. Дюбуа и психофизиологическое учение И. П. Павлова.¹⁹ Метод оздоровления, открытый для себя писателем, заключался в преодолении психоэмоциональной раздвоенности, в обуздании собственных аффектов при помощи разума и воли.²⁰ Идеалами Зоценко становятся Сенека, Кант, Гете, Пастер. В авторских примечаниях к «Возвращенной молодости» с восхищением переданы слова Гете о могуществе духа, способного отдалять от тела смерть, а также история о том, как автор «Фауста» усилием воли предотвратил развитие инфекции в пораненном пальце. Антипатия к теориям Мечникова, подменяющим, как казалось Зоценко, *волю диеты*, на этом фоне выглядит логично.

В примечаниях к одной из публикаций «Старухи» А. А. Александров приволил первоначальное имя и отчество Сакердона Михайловича — Николай Макарович.²¹ Это очевидное указание на чинаря и обэриута Николая Макаровича Олейникова (1898–1937). Стилистика, темы и мотивы творчества Олейникова и Зоценко неоднократно сопоставлялись.²² Однако нас будет интересовать лишь определенный аспект, объединяющий двух авторов. В работах, посвященных «Старухе», связь образа Сакердона Михайловича с фигурой Олейникова, как правило, либо вовсе остается без интерпретации, либо получает биографическую и мифопоэтическую трактовку.²³ Упоминание Мечникова и теории питания позволяет соотнести поэтику «Старухи» с «научным» контекстом олейниковской поэтики. Л. Я. Гинзбург в одной из своих работ пишет о любимой Олейниковым маске доморощенного натурфилософа: «Здесь травестируется исследовательское мышление — абсурд в оболочке научных формулировок».²⁴

В ряду «научных» мотивов олейниковской поэзии мотиву питания, диеты, обмена веществ отведено значительное место. При этом обыгрываются два базовых и взаимосвязанных аспекта питания: как биохимического процесса и как повседневной привычки. Приведем несколько примеров:

¹⁸ Там же. С. 593.

¹⁹ См.: Вьюгин В. Ю. Политика поэтики: Очерки из истории советской литературы. СПб., 2014. С. 317.

²⁰ Ср. также важные мемуарные свидетельства К. И. Чуковского: *Чуковский К. И.* Из воспоминаний // Вспоминая Михаила Зоценко. Л., 1990. С. 74–76.

²¹ [Александров А. А.]. Примечания // Хармс Д. И. Полет в небеса: Стихи. Проза. Драммы. Письма. Л., 1988. С. 531.

²² См., например: Лосев Л. В. Ухмылка Олейникова // Олейников Н. М. Иронические стихи. Нью-Йорк, 1982. С. 10; *Fay L. E. Shostakovich: A Life.* New York, 2000. P. 56; *Кротова Д. В.* Синтез искусств в русской литературе конца XIX — первой трети XX века (А. Белый, З. Н. Гиппиус, А. С. Грин, М. М. Зоценко): Учеб. пособие. М.; Берлин, 2021. С. 130–131.

²³ См.: Айзлвуд Р. Хармс и Друскин: к постановке вопроса // Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., 1996. Т. II. № 3. С. 154, 155; *Кобринский А. А.* «Старуха» Д. Хармса — финальный центон // Кобринский А. А. О Хармсе и не только: Статьи о русской литературе XX века. СПб., 2013. С. 92–93, 98, 116–117; *Юрьев О. А.* Буратино русской поэзии: Сергей Нельдихен в Стране Дураков // Новый мир. 2013. № 9. С. 172–173; *Фомичев С. А.* Повесть Даниила Хармса «Старуха»: «петербургский миф» в обэриутской интерпретации // Все страхи мира: Ноггор в литературе и искусстве: Сб. статей. СПб.; Тверь, 2015. С. 142.

²⁴ *Гинзбург Л. Я.* Николай Олейников // Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002. С. 490. См. также: *Наринс Дж. В.* Поэт и наука. Н. М. Олейников // Научные концепции XX века и русское авангардное искусство. Белград, 2011. С. 245–266; *Лекманов О., Свердлов М.* Жизнь и стихи Николая Олейникова // Олейников Н. М. Число неизреченного. М., 2016. С. 205–206.

Красавица, прошу тебя, говядины не ешь.
Она в желудке пробивает брешь.
Она в кишках кладет свои печати.
Ее поевши, будешь ты пицати.

Другое дело кролики. По калорийности они
Напоминают солнечные дни.²⁵

«Диетические» темы получают подробную разработку в стихотворениях «Фруктовое питание» (1932) и «На выздоровление Генриха» (1932). Возвращаясь к тексту «Старухи», заметим, что в нем, как и в поэзии Олейникова, мотивы питания, аппетита, пищеварения соседствуют с темой взаимоотношений мужчины и женщины, полового влечения. Выразительные примеры подобного сочетания мотивов можно обнаружить в таких стихотворениях Олейникова, как «Чревоугодие (Баллада)» (1932), «Послание (На заболевание раком желудка)» (1932). Метафорическое уподобление тела продуктам питания, а сексуального поведения — манипуляциям с этими продуктами находим в стихотворениях «Быль, случившаяся с автором в ЦЧО (Стихотворение, бичующее разврат)» (1932)²⁶ и «Лиде» (1933).²⁷ Тема здорового питания и пищеварения затрагивалась Олейниковым не только в стихотворениях. В изданиях «Детгиза» Олейников нередко выступал с научно-популярными текстами, посвященными самым разным предметам, включая здоровье и физиологию. Так, в сборнике «Советские ребята» в 1926 году был опубликован текст Олейникова «НОЖ пионера». Аббревиатура «НОЖ» расшифровывалась как «научная организация жизни». Под этим подразумевалась перестройка повседневных привычек в соответствии с требованиями современной науки о человеке. Защищался тезис «Мы ничего не умеем делать». К примеру, доказывал Олейников, человек не умеет есть: «Желудок что машина. Он свое дело знает. А вот человек обращаться с ним не умеет. Если, скажем, в печку класть большие нераздробленные куски угля, то печка перестанет работать. То же и с желудком. Нужно каждый раз хорошо прожевывать пищу так, чтобы вся она была мелко-мелко размолота, чтобы желудок работал, как надо».²⁸ Лаконичность и назидательность этого фрагмента роднят его с рассуждением Сакердона Михайловича о пользе водки и процессах гниения хлеба в организме.

Увлеченность проблемами здорового питания и гармоничной физической жизни, по-видимому, отличала Олейникова не только в его стихах и журнальных текстах для детей. По крайней мере, она была свойственна его публичному поведению, самопрезентации в кругу чинарей-обэриутов. В «Разговорах» Л. С. Липавского встречаем такую запись: «Н. М. (Олейников. — И. К.) скромно пил чай, развивая перед хозяевами свои любимые теории питания. <...> Н. М.: „У Н. А. (Заболоцкого. — И. К.) непременно должны быть глисты в кишках. Этим и объясняю прекрасный цвет его лица“. — Н. М. говорил

²⁵ Олейников Н. М. Красавице, не желающей отказаться от употребления черкасского мяса // Олейников Н. М. Число неизреченного. С. 252 (опубл. 1932).

²⁶ Лирический герой уподобляет свое тело после соития разрезанному арбузу (см.: Там же. С. 256–257).

²⁷ «И когда я в ручке Вашей вижу ножик или вилку, / У меня мурашки пробегают по затылку. <...> Если же в гостиной Вашей, разливая чай, / Лида, Вы мне улыбнетесь невзначай, — / Тогда я в порыве страсти и смущения / Покрываю поцелуями печенье, / И, дрожа от радости, я кричу Вам сам не свой: / — Ура, виват, Лидочка, Ваше превосходительство мой!» (Там же. С. 263).

²⁸ Олейников Н. М. НОЖ пионера // Советские ребята: Сб. для детей. М.; Л., 1926. № 1. С. 44.

серьезно».²⁹ В другом месте упоминается некая желудочная теория, изобретенная, по словам Липавского, Олейниковым.³⁰ Можно предположить, что теория эта как-то связана с лечебным голоданием. Из тех же «Разговоров» видно, что Олейников был горячим приверженцем этой практики, полагая, что она позволяет организму избавляться от болезнетворных *гнилостных* бактерий (и здесь снова можно вспомнить слова Сакердона Михайловича о соломе, которая *гниет* внутри человека):

«Н. М.: <...> голодание благотельно: оно сжигает те остатки пищи, которые постоянно находятся в кишках, покрывая их изнутри толстым слоем, и гниют. Голодание освобождает от них.

Д. Х.: Но перед началом голодания непременно надо поставить клизму. Это мне говорили и в тюрьме опытные люди. Иначе голодание опасно и вредно.

Л. Д.: Значит, те явления, которые обычно наблюдают у голодающих, не обязательны?

Н. М.: Да, это отравление ядами кишечника. Люди умирают от горячки. Еще до этого они начинают вонять».³¹

Такие высказывания достаточно характерны для чинарского круга. Импровизированные диспуты чинарей на ученые темы неизменно отмечены чертами автопародии, логической игры. Значимым для коллективной идентификации чинарей был принцип дилетантизма, емко выраженный Хармсом: «Среди нас есть такие, путь которых уверен и ясен. У них есть профессия. Другие в очень рискованном положении: они как бы создают новые профессии. Конечно, у нас в чем-то, в чутье, есть преимущество перед настоящими учеными; но нет необходимого — знаний. Наше общество можно вернее всего назвать обществом малограмотных ученых».³² Научный дилетантизм для Хармса — антипод застывшим формам специализированного научного знания.³³ Критика науки у Хармса иногда приобретает декларативные, эпатажные формы:

открыв наук зеленый том
я долго плакал, а потом
его закрыл и бросил в реку.
Науки вредны человеку.
науки втянут нас в беду
возьмемтесь лучше за еду.³⁴

Здесь можно вернуться к фигуре и учению Мечникова. Факт близкого знакомства Мечникова с Львом Толстым хорошо известен благодаря повести «Смерть Ивана Ильича» (1882–1886). Прототипом главного героя стал родной брат Нобелевского лауреата — тульский прокурор Иван Ильич Мечников, скончавшийся в 1881 году.³⁵ 30 мая 1909 года супруги Мечниковы посе-

²⁹ Липавский Л. С. Разговоры // «...Сборище друзей, оставленных судьбою»: Л. Липавский, А. Введенский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «Чинари» в текстах, документах и исследованиях: В 2 т. М., 2000. Т. 1. Л. Липавский, А. Введенский, Я. Друскин. С. 182.

³⁰ См.: Там же. С. 179.

³¹ Там же. С. 249. Д. Д. — Д. Д. Михайлов, Л. Д. — по-видимому, Л. С. Липавский, Д. Х. — Д. И. Хармс.

³² Там же. С. 233.

³³ См. об этом: Кукулин И. В. Высокий дилетантизм в поисках ориентира: Хармс и Гете // Русская литература. 2005. № 4. С. 80; Йовович Т. Симулирование науки у Хармса // Научные концепции XX века и русское авангардное искусство. С. 219–229.

³⁴ Хармс Д. И. Открыв наук зеленый том... // Хармс Д. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 249 (опубл. 1933).

³⁵ Гроссман Л. П. «Смерть Ивана Ильича». История писания и печатания // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1936. Т. 26. С. 680–681.

тели Льва Толстого.³⁶ Визит был задокументирован корреспондентом газеты «Русское слово» С. Спиро. Отзыв Толстого о Мечникове для «Русского слова» был весьма благожелательным.³⁷ В письмах Толстого и воспоминаниях, оставленных людьми из его ближнего круга, видим иную картину. Согласно мемуарам А. Б. Гольденвейзера, Толстой считал Мечникова гениальным специалистом, но при этом весьма ограниченной натурой: «Он — милый, простой человек, но как бывает у людей слабость — другой выпивает — так и он со своей наукой».³⁸ С этим же разговором Гольденвейзер увязывал рождение одного из толстовских изречений: «Есть люди, пересчитавшие семь тысяч видов мух, а трудно встретить таких, кто мог бы изложить сущность хотя бы самых важнейших религиозных учений мира».³⁹ В дневнике Толстого читаем запись от 1 марта 1903 года: «Читал статью Мечникова опять о том же: что если вырезать прямую кишку, то люди не будут более думать о смысле жизни, будут так же глупы, как сам Мечников. Нет, без шуток. Мысль его в том, что наука улучшает организм человека, освободит его от страданий, и тогда можно будет найти смысл — назначение жизни. Наука откроет его. Ну а как же до этого жить всем? Ведь и жили уже миллиарды с прямой кишкой. А что как, по вашей же науке, солнце остынет, мир кончится до полного усовершенствования человеческого организма? К чему же бы[ло] огород городить».⁴⁰

Мечниковская концепция долголетия строилась на том, что эволюция среды значительно опережает эволюцию человеческого организма. В результате организм накопил довольно много рудиментарных функций, рефлексов и даже органов, которые не только утратили назначение, но и стали рассадником инфекций и раковых клеток, резервуаром для болезнетворных бактерий и ядов. Вредные последствия этой дисгармонии усиливаются нерациональным поведением людей, культивирующих противоестественные привычки. Как результат, человек болеет намного чаще, а живет гораздо хуже, чем должен; большинство людей стареет до срока и далеко не реализует потенциал своего организма. Нужно привести человеческое тело в соответствие с его объективными потребностями и возможностями, устранить дисгармонию человека и среды. Интеллектуальные и физические способности человека возрастают неравномерно, и столь же неравномерно приходят в упадок: «Если бы человек рождался с такой же более высокой степенью развития, как новорожденная морская свинка, он, вероятно, гораздо лучше понимал бы рост своего познания реального мира».⁴¹

В своих наиболее известных трудах — «Этюды о природе человека» (1903) и «Этюды оптимизма» (1907) — Мечников пишет, что, помимо инстинкта жизни, живым существам, по-видимому, свойствен и инстинкт смерти, ясно указывающий человеку, что его биологический и духовный потенциал близок к окончательному исчерпанию. Дисгармония человеческой жизни приводит к тому, что люди молодые часто утрачивают интерес и волю к жизни; старики же чаще всего ценят жизнь и умирать совсем не торопятся, даже несмотря на многочисленные недуги и утрату умственных способностей. Мечников объясняет этот феномен тем, что у молодых людей еще недостаточно сформирован инстинкт самосохранения, они в определенном смысле еще «не умеют» жить. Стариковская же жажда жизни связана с тем,

³⁶ Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. М.; Л., 1936. С. 743.

³⁷ См.: Спиро С. Толстой о И. И. Мечникове // Интервью и беседы с Львом Толстым. М., 1987. С. 362.

³⁸ Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. Л., 1959. С. 348.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Толстой Л. Н. Дневник // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 157.

⁴¹ Мечников И. И. Этюды о природе человека. 7-е изд. М., [1935]. С. 59.

что физические и интеллектуальные ресурсы пожилого человека заканчиваются раньше, чем развивается инстинкт смерти. Цель науки, практической медицины, материалистической философии, по Мечникову, в том, чтобы избавить человека от подобных противоречий.

Одним из самых известных предложений Мечникова по улучшению, «редактированию» человеческого организма стало предложение избавляться от «лишних» внутренних органов. Именно эту гипотезу Мечникова бичует в своем дневнике Толстой. Мечников полагал, что большая часть желудочно-кишечного тракта человека не имеет практического значения в настоящее время. Речь идет о «бесполезном наследии, завещанном нам животными предками».⁴² Слепая и толстая кишка представляли эволюционную ценность для травоядных, позволяя им долго не опорожнять кишечник и передвигаться на значительные расстояния в поисках новых пастбищ или укрытия от хищников. В организме человека толстая и слепая кишка лишь без толку задерживают продукты пищеварения. Плачевным итогом становятся предрасположенность многих людей к хроническим запорам, размножение гнилостных бактерий, развитие раковых опухолей. Мечников утверждал: полное удаление части кишечника не причинит человеку никакого вреда. Даже желудок не является необходимым органом — для полноценного и здорового пищеварения совершенно хватает тонкого кишечника и поджелудочной железы. Мечников осторожно предполагал, что в недалеком будущем профилактическое удаление желудка и части кишечника станет такой же рутинной операцией, как удаление зубов мудрости или аппендикса. Ровно на тех же принципах основаны и наставления Мечникова по кисломолочной диете, мода на которую была впоследствии высмеяна некоторыми авторами. Кисломолочные продукты — неинвазивная альтернатива хирургическому вмешательству в деле защиты человека от патогенов. При этом ученый подчеркивал: суть его предложений не в волшебном средстве избежать рака при помощи йогурта или заблаговременной резекции, а в перестройке быта и мышления человека. «В то время как, с одной стороны, толстые кишки, служащие приютом вредным микробам, становятся источником отравления изнутри, с другой — извращенный инстинкт человека заставляет его отравлять себя спиртом, эфиром, опиумом и морфием, вводимыми извне. Громадная и столь пагубная роль алкоголизма представляет нам самый наглядный и постоянный пример дисгармонии между инстинктом при выборе пищи и инстинктом самосохранения.

Итак, пищеварительный аппарат является одним из наилучших доказательств несовершенства и дисгармонии в нашей природе».⁴³ За подобными утверждениями ясно видна основополагающая мечниковская идея: эволюция вида *homo sapiens* еще не окончена. Горячим сторонником этой мысли оказался В. В. Вересаев в «Записках врача» (1900), где цитируются сочинения Мечникова и популярно излагаются его выводы: «Человек застигнут настоящим временем в определенной стадии своей эволюции, с массой всевозможных недостатков, недоразвитий и пережитков; он как бы выхвачен из лаборатории природы в самый разгар процесса своей формировки недодетанным и незавершенным».⁴⁴

Старость — одна из центральных тем мечниковских сочинений. Ученый уделяет много внимания психологии и антропологии старости: самосознанию глубоких стариков и отношению к старикам в разных культурах. Особо вы-

⁴² Там же. С. 52.

⁴³ Там же. С. 58.

⁴⁴ Вересаев В. В. Записки врача // Вересаев В. В. Собр. соч.: В 5 т. М., 1961. Т. 1. С. 372; см. также с. 374.

деляются случаи страха перед старостью и пожилыми людьми, стремление вычеркнуть их из жизни социума: «Старость почти всегда отличается отсутствием красоты и чем-то отталкивающим и даже страшным. Маленькие дети выражают явный испуг при виде очень старых людей; поэтому их часто пугают стариками.

Всем известно, как распространено убийство стариков у первобытных народов. Туземцы Фиджи закапывают живыми своих старцев под тем предлогом, что они стали вполне бесполезными. <...> Австралийцы уважают пожилых людей, пока они деятельны, но как только старики становятся беспомощными, их покидают. Часто их убивают и поедают, что соответствует туземным религиозным понятиям.

По исследованиям *Гримма*, древние германцы „убивали стариков и больных и часто закапывали их живыми“. Современные цивилизованные народы, несомненно, далеко ушли вперед, они более не убивают стариков; они терпят их, предоставляя им, правда, право самоубийства. <...> А между тем, несмотря на эти свойства старости, делающие ее ужасной, бесполезной и в лучшем случае только терпимой, несмотря на физическую и умственную слабость стариков, инстинкт жизни сохраняется у них во всей силе. <...> В *Сальпетриэре* глубокие старухи очень многочисленны. На семидесятилетних смотрят там почти как на молодых. Главное желание девяностолетних и более старых женщин заключается в том, чтобы дожить до 100 лет. Желание жить — всеобщее». ⁴⁵

Сложно не заметить, насколько сравнительные наблюдения Мечникова напоминают те прозаические фрагменты Хармса, в которых с наибольшей резкостью и доходящим до гротеска натурализмом выражено фирменное отвращение автора к старикам. Дети и старики, согласно Ж.-Ф. Жаккару и А. А. Кобринскому, вызывали у Хармса отвращение как те, кто находится на границе бытия и небытия. ⁴⁶ Мечников намекает нам на другую возможность интерпретировать детство и старость: оба состояния дисгармоничны по своей сути. Это могло быть интересно Хармсу, поскольку исходило из представления о некоем *порядке* бытия и о *нарушении*, искажении этого порядка в ребенке и старике. ⁴⁷ Нам думается, общие истоки подобных суждений о старости и стариках могут составить тему дальнейших исследований.

Идеалом цельности, осознанности, гармонической жизни для самого Мечникова становится Иоганн Вольфганг Гете. Свои мнения о великом поэте Мечников излагал и Толстому. ⁴⁸ По Мечникову, гетевский жизненный путь — путь страстной, противоречивой природы, снедаемой жаждой любви и признания, природы, которая, познавая себя, изучая собственные страсти и воплощая их в творческих замыслах, постепенно приходит от разрушения и пессимизма к созиданию, полноте жизненного чувства, естественности и оптимизму. Биография Гете, таким образом, мыслится Мечниковым как бы завершенной конструкцией, организованной меж двух полюсов: Вертера и Фауста. В этих, вероятно, наиболее знаменитых гетевских героях Мечников видит два духовных лика их создателя. В то же время хаотическое и гармоническое начала в натуре Гете организуют структуру уже самой драмы о Фаусте: «Вопреки часто выражаемому мнению, будто обе части „Фауста“

⁴⁵ Мечников И. И. Этюды о природе человека. С. 100–101.

⁴⁶ См.: Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда. СПб., 1995. С. 384–386; Кобринский А. А. Поэтика ОБЭРИУ в контексте русского литературного авангарда XX века. С. 292.

⁴⁷ См., например, в стихотворении середины 1930-х годов «Мне стариков медлительный рассказ противен...» (*Хармс Д. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 266). Сопоставление проблематики стихотворения с проблематикой «Смерти Ивана Ильича» см.: Ямпольский М. Беспамятство как исток (Читая Хармса). М., 1998. С. 77–80.

⁴⁸ См.: Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. С. 271, 279.

составляют два совершенно независимых произведения, они, наоборот, только пополняют одна другую.

В первой части молодой пессимист, полный страсти и требовательности, готов на самоубийство и ни перед чем не останавливается для удовлетворения своей жажды любви.

Во второй части зрелый и старый человек продолжает любить женщин, хотя и иным образом; он умудрен опытом и стал оптимистом; удовлетворив стремления личной жизни, он посвящает остаток дней своих на благо человеческое; достигнув столетнего возраста, он умирает с чувством высшего блаженства, и даже почти можно сказать, что он обнаруживает при этом инстинкт естественной смерти». ⁴⁹

К этим наблюдениям Мечников прибавлял доказательства никогда не ослабевавшего в Гете интереса к женщинам. ⁵⁰ В конечном счете талант может быть отнесен к вторичным половым признакам. Мечников не останавливался на примере Гете, но и прибавлял примеры Ибсена и Вагнера. Что же касается Хармса, то, при всем его сложном отношении к Толстому, он бы, вероятно, согласился с классиком в том, что мечниковские рассказы о влюбчивости пожилого Гете — *мерзость*. Конечно, Гете, нарисованный Мечниковым, не мог быть близок Хармсу, а больше напоминал нелюбимых им *благоразумных пожилых*. ⁵¹

Мечниковская трактовка личности Гете особенно дисгармонирует с личным отношением Хармса к немецкому классику. Как указывает И. В. Кукулин, Хармс не просто высоко ценил автора «Фауста», но и во многом сопоставлял и даже отождествлял себя с ним. В «Разговорах» Л. Липавского есть известная реплика Хармса: «Я выпил свой чай. Налейте, пожалуйста, чаю бывшему Гете». ⁵² В определенный период жизни Гете стал для Хармса синонимом гениальности вообще. Кукулин подчеркивает, что ориентация на Гете была скорее нетипична для чинарско-обэриутского круга. Прочитируем Введенского: «В людях нашего времени должна быть естественная непримиримость. Они чужды всем представлениям, принятым прежде. Знакомясь даже с лучшими произведениями прошлого, они остаются холодными: пусть это хорошо, но малоинтересно. Не таков Д. Х. Ему действительно может нравиться Гете». ⁵³

На ироничное отношение к Гете со стороны другого обэриута — Олейникова — указывает начало стихотворного послания Хармса:

Кондуктор чисел, дружбы злой насмешник
О чем задумался? Иль вновь порочишь мир?
Гомер тебе пошляк, и Гете глупый грешник,
Тобой осмеян Дант, лишь Бунин твой Кумир. ⁵⁴

Вместе с тем нельзя сказать, что фигура Гете была совершенно чужда чинарям и обэриутам. Липавский именно на примере Гете и Наполеона рассуждал об «особой живучести, производительности или работоспособности», о «силе хватки, ощущении жизни и неутомности», отличающей гениев. ⁵⁵ Одновременно гений Гете — это гений обычности, скромного сознания своих сил, бескорыстного труда, ⁵⁶ счастливая комбинация энергии, цельности,

⁴⁹ Мечников И. И. Этюды оптимизма. С. 258.

⁵⁰ Там же. С. 237.

⁵¹ Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. С. 279; Хармс Д. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 88.

⁵² Липавский Л. С. Разговоры. С. 205.

⁵³ Там же. С. 189.

⁵⁴ Хармс Д. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 269.

⁵⁵ Липавский Л. С. Разговоры. С. 211.

⁵⁶ См.: Там же. С. 217.

ясности и самообладания. Пожалуй, здесь можно сблизить позиции Липавского и Мечникова, с той существенной разницей, что для Мечникова творческое долголетие Гете остается частным случаем гетевского ортобизоза; Липавскому интересен гетевский гений как таковой.

Нельзя не признать правоту Кукулина и в том, что фигура Гете влекла к себе Хармса как фигура ученого-дилетанта, свободного от академических условностей, начетничества, плоского рационализма. Выше мы уже касались этой темы в связи с хармсовской же характеристикой чинарско-обэриутского круга как «общества малограмотных ученых». Ученый может быть малограмотен не только в силу слабой профессиональной подготовки, но и в силу сознательного отказа от готовых рамок специализации, умения на какое-то время проигнорировать аксиоматику предмета, оказаться вновь в позиции не знающего и задавать вопросы. Гете известен не только как поэт и мыслитель, но и как оригинальный естествоиспытатель. «Гете умел выбирать для исследования такие области, где не требуется специальных знаний или способностей. Он внимательно слушал, что говорила природа. И поэтому он вобрал в себя два столетия, XVIII и XIX, а своим учением о цветах зашел еще дальше. В этом, а не в его одаренности, главное его величие», — заключал Липавский.⁵⁷

Попытка Мечникова поместить жизнь, характер и эстетику Гете в рамки теории «нормального жизненного цикла», ортобизоза, конечно, едва ли могла читаться Хармсом иначе, нежели попытка старой позитивистской учености приспособить немецкого гения к собственным догмам и предписаниям.

Мечников «имел неосторожность» затронуть не одного, а сразу двух авторов, занимавших видное место в личном пантеоне Хармса. И если на Гете ученый предъявлял определенные права, то с крупнейшим европейским философом первой трети XX века Анри Бергсоном вел непримиримую борьбу. Хотя собственные теории Мечникова далеко не всегда находили полное понимание у советских философов и популяризаторов науки, последовательное отрицание Мечниковым идеализма и метафизики встречало самую горячую поддержку. В 1925 году в Москве был переиздан сборник статей ученого «Сорок лет искания рационального мировоззрения». «...со всеми своими „срывами“ в сферы отвлеченного морализирования и экскурсиями в области метафизики (правда, и то и другое — для страстной полемики с Л. Толстым и А. Бергсоном) Мечников остается для нас чистейшим материалистом — со всеми наслоениями своей предреволюционной эпохи, со всеми естественными, т. е. поддающимися объяснению, уклонениями, подчас режущими глаз современного читателя», — заключал рецензент «Красной нови».⁵⁸

Не будем останавливаться на том, какое серьезное влияние оказала на Хармса философия самого Бергсона, ограничимся перечислением ряда работ по этой теме.⁵⁹ Факт этого влияния не подлежит сомнению. В глазах же

⁵⁷ Липавский Л. С. Разговоры. С. 218. Ср. также: Иванов Вяч. И. Гете на рубеже двух столетий // Иванов Вяч. И. Собр. соч.: В 4 т. Брюссель, 1987. Т. 4. С. 143.

⁵⁸ Бронштейн О. И. [Рец. на:] И. И. Мечников. Сорок лет искания рационального мировоззрения. Госиздат. Москва 1925 г. Стр. 280 // Красная новь. 1925. № 6. С. 309. См. также: Кривоцов Ст. От редакции // Мечников И. И. Сорок лет искания рационального мировоззрения. М., 1925. С. 4; Тимирязев К. А. Мечников — борец за научное мировоззрение // Тимирязев К. А. Наука и демократия: Сб. статей. 1904–1919 гг. М., 1963. С. 295–301.

⁵⁹ См., например: Шенкман Я. Логика абсурда (Хармс: отечественный текст и мировой контекст) // Вопросы литературы. 1998. № 4. С. 64–80; Ямпольский М. Беспамятство как исток. С. 166–171; Fink H. L. Bergson and Russian Modernism, 1900–1930. Evanston, Ill., 1999. P. 89–100; Рог Е. Ю. 1) Комическое в прозе Д. Хармса и концепция смеха А. Бергсона // 85 лет высшему историческому и филологическому образованию на Дальнем Востоке России. Владивосток, 2004. Кн. 2. Литература, язык, культура: Материалы науч. конф. С. 101–107; 2) Д. Хармс и концепция смеха А. Бергсона. <https://proza.ru/2015/05/21/1049>; дата обращения: 21.03.2022; Токарев Д. В. Философские и эстетические основы поэтики Даниила Хармса. Дис. ... доктора филол.

Мечникова философия Бергсона — квинтэссенция антинаучного духа, растлившего умы европейской молодежи в начале XX столетия. Разочарование в возможностях науки, интуитивизм, культ индивидуальной воли в противовес научному мировоззрению — наиболее опасные интеллектуальные тенденции, сформированные, по мысли Мечникова, антипозитивистскими учениями.⁶⁰ Популярность таких воззрений — следствие даже не разочарования в научных методах как таковых, но разочарования в способности науки избавить человека от извечного страха смерти.⁶¹ В кризисе, постигшем своих современников, исследователь видел еще один род дисгармонии, еще одно следствие незавершенности эволюционного процесса, неполной взаимной адаптации сознания, тела и среды. Грубо говоря, метафизика виделась Мечникову такой же ненормальностью, таким же вредным излишеством, как и толстая кишка: «...вопрос Бергсона „что мы делаем в этом мире“ лучше бы формулировать так: „что должны мы делать в этом мире?“ Наш ответ <...>: мы должны всеми силами содействовать тому, чтобы люди, и мы в том числе, провели весь круговорот жизни в гармоническом сочетании чувства и разума, вплоть до наступления в глубокой старости чувства пресыщения жизнью».⁶²

Сам Бергсон, надо сказать, не оставил работы Мечникова без внимания и отозвался о них без особого пиетета. В трактате «Творческая эволюция» (1907) французский философ касается проблемы физического старения и ее осмысления естественными науками. Перечисляя различные теории старения, включая мечниковскую,⁶³ Бергсон настаивает: академическое естествознание поверхностно понимает феномен старости. Развитие жизни наука делит на искусственно выделенные формы, тогда как оно отнюдь не начинается зародышем и не заканчивается со смертью конкретной особи.⁶⁴ Более адекватным реальности Бергсон считал представление о непрерывности материи, о бесконечной эволюции форм, направляемой творческим порывом, где любая конкретная форма есть лишь моментальный снимок этого бесконечного жизненного потока. Вот почему Мечников имел основания не просто защищать научную мысль от обвинений в механицизме, но и принять эту часть аргументации Бергсона на свой счет.

Как видим, Мечников покушался на многое из того, что составляло для Хармса основы его мировоззрения. Воспринял ли Хармс укол Бергсона в адрес Мечникова? Учитывал ли выпады Мечникова по отношению к Бергсону или остался равнодушен к ним? Мы не имеем окончательного ответа, однако мечниковская теория творчества Гете вряд ли могла пройти мимо Хармса, по меньшей мере благодаря знакомству с творчеством Толстого. Вот почему упоминание Мечникова в повести «Старуха» представляется отнюдь не случайным: перед нами попытка вторжения в мир хармсовского повествования чуждой этому повествованию позитивистской логики либо попытка самого повествующего «я» эвакуироваться из повествования (или то и другое одновременно). Парадоксальное искажение научного мышления Сакердоном Михайловичем обозначает крах этой попытки.

наук. СПб., 2006. С. 64–65, 73–74, 104–105, 329; Кобринский А. А. Даниил Хармс. М., 2009. С. 402–404; *Tyszkowska-Kasprzak E.* Творчество Даниила Хармса и философия Анри Бергсона // *Polilog. Studia Neofilologiczne.* 2012. № 2. S. 117–129.

⁶⁰ Ср. интерпретацию философии Мечникова в: *Зеньковский В. В.* История русской философии. М., 2001. С. 682–686.

⁶¹ См.: *Мечников И. И.* Сорок лет искания рационального мировоззрения. М., 1925. С. 10–11.

⁶² Там же. С. 14.

⁶³ См.: *Бергсон А.* Творческая эволюция / Пер. с фр. М. Булгакова // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск, 1999. С. 31–32.

⁶⁴ Там же. С. 32.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-63-73

© В. М. ДИМИТРИЕВ

«МЕДИЦИНА, НАУКА И ЖИЗНЬ» В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЕКТЕ В. С. ЯНОВСКОГО*

Творчество эмигрантского писателя В. С. Яновского (1906–1989) представляет интересный пример взаимодействия медицинского и литературного дискурсов в истории интеллектуальной мысли XX века. Врачебная практика, которую Яновский вел начиная с 1930-х годов, влияла на становление его литературного метода, при этом темы и сюжетные коллизии его романов и повестей, связанные с медицинской проблематикой, объясняются не только биографией писателя-врача, но и историко-литературными особенностями, характерными для межвоенных десятилетий в Париже. В то же время анализ своей врачебной практики становится в американский период жизни отправной точкой для философского проекта Яновского по созданию теории, в которой сосуществуют и дополняют друг друга естественно-научные и гуманитарные идеи. В статье речь пойдет о взаимовлиянии литературы и медицины в его текстах, притом отдельное внимание будет уделено англоязычной книге писателя «Медицина, наука и жизнь» (1978), в которой обе его профессии стали предметом философской рефлексии. В некотором роде антропологическая критика, которой Яновский подвергает медицинское знание в соотношении с другими формами знаний в этой книге, может быть рассмотрена в контексте междисциплинарной области «literature and medicine».¹

Яновский, хоть и известен прежде всего своими мемуарами о парижской эмиграции «Поля Елисейские. Книга памяти» (1983), пишет и публикует прозу и эссеистику с 1920-х годов.² Во многих его текстах повествователем или фокальным персонажем оказывается врач — в «Рассказе медика» (1933), «Розовых детях» (1936) или романе «Портативное бессмертие» (писался с конца 1930-х годов, отд. изд. 1953). В центре сюжета может быть переживание болезни (рассказ «Болезнь», 1956), повествовательной рамкой может стать медицинский отчет (парижская повесть «Любовь вторая», 1935), а прием у врача — нарративной мотивировкой, как в повести «Челюсть эмигранта» (1957). Осмыслению врачебного опыта посвящены нехудожественные тексты Яновского: документальные зарисовки о работе в отделении венерических заболеваний в книге «Dark Fields of Venus. From a Doctor's Logbook» («Темные поля Венеры. Из записной книжки врача», 1973) и рефлексия

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00481, <https://rscf.ru/project/21-18-00481/>, ИРЛИ РАН.

¹ О предпосылках появления и основных направлениях исследования в этом поле см.: Неклюдова Е. «Воскрешение Аполлона». Literature and medicine — генезис, история, методология // Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика: Сб. статей / Под ред. К. Богданова, Ю. Мурашова, Р. Николози. М., 2006. С. 16–27.

² Яновский-прозаик, не мемуарист, остается малочитаемым и малоисследованным автором, несмотря на возросший в последние два десятилетия интерес к так называемому незаемченному поколению русской эмиграции. Из текстов, непосредственно ему посвященных, стоит отметить обширное эссе о философском подтексте прозы Яновского: Линник Ю. Философские искания в прозе В. Яновского // Новый журнал. 1994. № 194. С. 205–231; предисловие к двухтомнику Яновского: Мельников Н. «Русский мальчик с седыми висками». Жизнь и творчество Василия Яновского // Яновский В. С. Соч.: В 2 т. М., 2000. Т. 1. С. 5–27; главу, посвященную Яновскому, в книге: Livak L. How It Was Done in Paris. Madison, 2003. P. 142–153; а также статьи М. Рубинс, в том числе предисловие 2014 года к избранной прозе писателя: Рубинс М. О. Странный писатель русского зарубежья // Яновский В. Любовь вторая: Избр. проза. М., 2014. С. 5–48.

о медицине в контексте современной жизни, науки и искусства в книге «Medicine, Science and Life» («Медицина, наука и жизнь»).

Обилие врачебных сюжетов и автобиографических героев-врачей в его прозе и эссеистике объяснимо жизненными обстоятельствами. После эмиграции из России во второй половине 1920-х годов Яновский поступает на медицинский факультет в Сорбонну и совмещает учебу с занятиями литературой. В 1937 году он защищает докторскую диссертацию по теме «Вклад в изучение ценности продуктов питания с точки зрения их энергетического потенциала». ³ В 1930-е годы подрабатывает врачом в бедных кварталах Парижа. В Америке, куда он переехал в 1942 году, Яновский осваивает профессию анестезиолога и до конца жизни занимается медициной наряду с литературой.

Однако активное использование в художественном творчестве внелитературного профессионального опыта было характерным культурным фактом эмигрантского Парижа и объясняется особенностями развития европейской литературы в 1920–1930-е годы. Оно связано прежде всего с повышением значения автобиографического и автофикционального начала в литературе русского зарубежья, а в случае Яновского также и с повествовательными и стилевыми возможностями, которые открывает профессия врача.

В эмигрантской литературе, и в частности на «русском Монпарнасе», как нередко обобщенно называют круг русских поэтов и прозаиков, начавших писать уже в эмигрантском Париже, стремление к по-новому воспринятой документальности составляло центр поэтики. Под документальностью понимались вполне конкретные особенности письма, вроде повествования от первого лица, разрушения границы между документом и фикцией, включения в тексты дневников, писем, реальных воспоминаний. Исследовательница документальной и автофикциональной прозы русского зарубежья М. Рубинс так описывает генеалогию этой литературной моды: «...человеческий документ в том виде, в каком он актуализировался в эмигрантской прозе 1930-х годов, сформировался под влиянием самых разнообразных факторов как эстетического, так и историко-социального характера: франко-русской традиции физиологического и натуралистического письма, экзистенциального кризиса послевоенных десятилетий, риторики „потерянного поколения“, раннесоветской „литературы факта“, Дада, сюрреализма, осознания эмигрантами собственной маргинальности». ⁴ Факты реальной жизни эмигрантов, иногда вместе с их настоящими именами, входят в повествование в качестве своего рода нарративных вариаций на тему биографии. ⁵ Именно потому нет ничего удивительного, что во многих текстах Яновского протагонистом оказывается именно врач, русский эмигрант, в том числе в его самом значительном сочинении парижского периода, романе «Портативное бессмертие».

В то же время врач в качестве протагониста в 1920–1930-е годы делал возможным появление новых в эволюционном смысле повествовательных и стилистических особенностей текста. Медицинская практика писателя и его героев служила мотивировкой для приемов, характерных для жанра «человеческого документа», получившего в межвоенные десятилетия новую жизнь,

³ Рубинс М. О. Странный писатель русского зарубежья. С. 10. См. илл. 13 в этом же издании, где приведена обложка диссертации Яновского.

⁴ Рубинс М. Русский Монпарнас: Парижская проза 1920–1930-х годов в контексте транснационального модернизма / Пер. с англ. М. Рубинс, А. Глебовской. М., 2017. С. 34.

⁵ Обзор автодокументальных и автофикциональных тенденций эмигрантской прозы межвоенных десятилетий см.: Яковлева Н. «Человеческий документ»: история одного понятия. Helsinki, 2012. С. 131–176 (Slavica Helsingiensia; 42); Рубинс М. Русский Монпарнас. С. 28–64.

не в последнюю очередь в контексте автодокументальной поэтики. Как показывает Н. Яковлева, уже в XIX веке новоиспеченный жанр «человеческого документа» был связан с тем, что литературе как бы прививали цели медицины, а писатель сравнивался с врачом, исследующим болезни современного общества при помощи документального описания окружающего мира или исповедального рассказа: «...в семантике понятия большое значение приобретали психофизиологические и естественнонаучные коннотации. Сравнение писателя с „собирателем человеческих документов“ стояло в общем ряду с образами „аналитиков“, „физиологов“ и „психиатров“». ⁶ Возвращение к натурализму и новому варианту «человеческого документа» в 1930-е годы в немалой степени ассоциировалось с творчеством писателя-врача Л.-Ф. Селина, чей антилитературный пафос, физиологичность описаний и цинизм соответствовали литературной моде. ⁷ Яновского в эти годы часто сравнивали с Селином, понятным нередко в очень своеобразном, едва ли не религиозном ключе. ⁸

Натуралистические описания, совмещение физиологических подробностей и мистических видений, разговорный синтаксис, иронический и пародийный модусы в речи протагониста, разрушение гуманистических нарративов при помощи демонстрации болезненной неприукрашенной стороны жизни, а также подчеркнутая пессимистичность и цинизм идеологической позиции рассказчика — все эти черты и вправду роднили русского и французского писателей. Впрочем, если мода на новый натурализм объединяла Селина и Яновского, были между ними и существенные различия: к числу значимых относится «тот факт, что для Селина распад был самоценен и составлял отбросить все надежды. В то время как Яновский намеревался осуществить религиозную программу, увиденную в „Путешествии на край ночи“ теми читателями, для которых распад был необходимым условием духовного спасения». ⁹

Цинизм повествователя и натуралистичность описания, связанные с врачебной практикой и литературными трендами межвоенного Парижа, совмещены для Яновского с идеей внезапного и немотивированного мистического озарения. Так, к примеру, в повести «Любовь вторая» главная героиня, доведенная отчаянием эмигрантской жизни до самоубийства, неожиданно и сюжетно не мотивированно обретает веру в Бога, «вторую любовь», перед прыжком с вершины Собора Парижской Богородицы. Подобный дуализм телесного и духовного прямолинейно выражен в коротком «Рассказе медика»: детализированная сцена вскрытия трупа в парижском госпитале перемежается лирическими интермеццо, описаниями скульптурного изображения Христа и цитатами из Евангелия, находившимися на фасаде часовни, которая располагалась напротив госпиталя. Роман «Портативное бессмертие»

⁶ Яковлева Н. «Человеческий документ». С. 30. Впрочем, подобная трактовка роли писателя в русской традиции идет еще от (анти)эстетики «натуральной школы» 1840-х годов.

⁷ О роли Селина в становлении эмигрантской эстетики см.: *Livak L. How It Was Done in Paris*. P. 135–142; *Красавченко Т. Н.* Л.-Ф. Селин и русские писатели-младоземляки первой волны (В. Набоков, Г. Газданов, В. Яновский и др.) // *Русские писатели в Париже: Взгляд на французскую литературу: 1920–1940*. М., 2007. С. 180–200; *Рубинс М.* Русский Монпарнас. С. 35–39.

⁸ «Впрочем, через много лет в интервью Юлии Троль Яновский отрицал влияние на свое творчество Селина, отмечая лишь общность восприятия: „Меня потом Бердяев несколько обвинял в том, что я подражаю Селину <...> Но мы оба были <...> докторами парижской школы, и очень многое, что он видел, я видел, и гуманитарные реакции к нищете, боли, нужде у нас могли быть те же. Я не думаю, что я был под влиянием Селина <...>“» (*Рубинс М.* Странный писатель русского зарубежья. С. 7).

⁹ *Livak L. How It Was Done in Paris*. P. 146.

совмещает две сюжетные линии: рассказ о врачебной практике в нищих кварталах Парижа и повествование о мистическом братстве, одержимом идеей при помощи механического изобретения преобразовывать души людей.

Подобное совмещение натурализма с мистикой и религией имело для Яновского принципиальное значение и было связано в том числе с участием в деятельности религиозно-философского и литературного общества «Круг», организованного в 1935 году И. И. Фондаминским-Бунаковым. «...„Круг“ стал местом встречи двух эмигрантских поколений и в какой-то степени помог преодолеть отчуждение „эмигрантских сыновей“ — литераторов-монпарнасцев, увлеченных учением гностиков и склонных „толковать христианство в духе восточного дуализма, отрицающего мир и историю“ — от „отцов“, среди которых тон задавали близкие „Новому граду“ Г. П. Федотов, К. В. Мочульский, мать Мария, Н. А. Бердяев и другие мыслители, исповедующие идеалы социально-активного, творческого христианства».¹⁰

Стремление совместить художественные, научные и религиозные интересы характеризует Яновского-писателя на протяжении всей жизни. Уже в Америке он активный участник экуменического движения «Третий час», организованного Еленой Извольской и близкого идеям «Нового града» и «Круга».¹¹ Яновского следует потому читать не только в контексте схожей литературы 1930-х годов, но также и в контексте некоторых философских и мистических идей, на которых он сам, как и его окружение, воспитывался. Внимательный читатель Н. Федорова, А. Бергсона и впоследствии П. Тейяра де Шардена, Яновский предполагал в будущем возможность согласования научных достижений и метафизических исканий и призывал к «этическому» осмыслению современного технического прогресса.¹² Подобное этическое преобразование должно коснуться также и медицины, поскольку нынешнюю врачебную практику до сих пор сопровождают устаревшие метафизические модели. Желание согласовать медицину и эстетику, а также литературное творчество с новейшими научными открытиями и определяет пафос художественных текстов и эссеистики Яновского американского периода.

В документальной книге «Темные поля Венеры. Из записной книжки врача», написанной по-английски, Яновский дает целую россыпь врачебных случаев из своей работы консультантом в отделении венерических заболеваний, куда он временно устраивается в 1970 году после того, как больница, где он работал анестезиологом, из-за легализации аборт в Нью-Йорке стала для него этически неприемлемым местом — и как для верующего человека, и как для врача, активно выступающего против произвольного хирургического вмешательства. Записи «Темных полей Венеры» прошли, вероятно, минимальную редактуру. Перед нами 327 коротких рассказов, каждый из которых посвящен визиту к врачу в связи с подозрением на венерические заболевания. Повествователь фиксирует беседы с пациентами, зачастую снабжая свои рассказы едкими критическими и в то же время моралистическими замечаниями как в адрес судебного и медицинского устройства Америки, так и в адрес его пациентов, не стесняясь нарушать врачебные границы.¹³ В постскриптуме

¹⁰ Мельников Н. «Русский мальчик с седыми висками». С. 13.

¹¹ См.: Яновский В. Елена и ее «Третий час» / Пер. с англ. М. Рубинс // Яновский В. Любовь вторая. С. 446–452.

¹² Ср. пересказ Яновским идей Н. Федорова: Яновский В. Общее дело // Там же. С. 455–458.

¹³ Книга вызвала, согласно дневниковой записи Яновского, благосклонный отзыв У. Х. Одена: «Это очень грустная и очень хорошая книга. У нее будет успех, но, разумеется, по ложной причине» (Яновский В. У. Х. Оден / Пер. с англ. М. Рубинс // Там же. С. 438). Книга не получила широкой известности.

Яновский подытоживает «мораль» своего медицинского коллажа, приведя назидательный «пример из жизни». Он бросил курить, обнаружив, что пытается поджечь сигарету в углу рта, когда у него в противоположном углу рта уже была зажженная сигарета, таким образом поняв, что «в реальности он искал что-то еще, для чего табак был только субститутотом, который, очевидно, не удовлетворял» его. Яновский предлагает аналогию: «У меня такое же впечатление теперь от всех этих одиноких людей, пар и треугольников, молодых и старых, гетеро- и гомосексуалов, этих жен, мужей, любовников и любовниц: им всем что-то нужно, и секс только субститут, который, очевидно, не удовлетворяет их. Дело учителя, философа и врача — донести это до каждого ученика, ближнего и пациента, оказавшихся на их пути. Каждый раз, как я наполнял шприц, я чувствовал: пенициллина недостаточно!»¹⁴ Яновский в этом пассаже развивает идею о перераспределении энергии любовного влечения, которую он заимствует у Федорова, с другой стороны, он продолжает излюбленное противопоставление телесного и духовного: детализированное описание жизни тела, как и в ранних рассказах и романах, ставит для него вопрос не об эмансипации тела, а скорее о желании через эту физиологичность или вопреки ей достичь духовной экзальтации.¹⁵

Размышлениям о медицине и ее отношениях с другими сферами социальной жизни целиком посвящена англоязычная книга Яновского «Медицина, наука и жизнь», которая, как и «Темные поля Венеры», ранее не рассматривалась в исследовательской литературе о писателе. В книге пять частей, связанных друг с другом иерархически; перечислим их в порядке очередности: «Анестезия» («Anesthesia»), «Хирургия» («Surgery»), «Медицина и здоровье» («Medicine and the Sense of Well-Being»), «Новая наука» («The New Science»), «Новая реальность» («The New Reality»). Книга сопровождается предисловием и заключением автора. Композиция подразумевает восхождение Яновского ко все более абстрактным идеям и ко все более высокому уровню идейной интеграции.

Фрагменты из этой книги публиковались до выхода отдельного издания. Отрывок из «Анестезии» был напечатан по просьбе У. Х. Одена в сборнике 1970 года «A Certain World. A Commonplace Book».¹⁶ Фрагмент из третьей части «Медицина и здоровье» появляется в 1973 году на русском языке под заглавием «Самосохранение или самоуничтожение».¹⁷

Замысел книги, вероятно, возникает 5 сентября 1957 года, когда Яновский заносит в дневник: «Хочется вдруг писать, а отвык и как будто не о чем... 1. Свои Воспоминания, 2. Теория искусства (Толстого, Джойса, Бергсона, Пруста и свое), 3. О докторах (составить кусочек для печати)».¹⁸ Все три

¹⁴ Yanovsky B., M. D. The Dark Fields of Venus. From a Doctor's Logbook. New York, 1973. P. 241. Здесь и далее перевод с английского наш. — В. Д.

¹⁵ См., как, к примеру, Рубинс определяет влияние Федорова на один из главных послевоенных романов Яновского «По ту стороны времени»: Рубинс М. «Сделать бывшее небывшим»: (Анти)утопические романы Василия Яновского // Яновский В. С. Портативное бессмертие: Романы. М., 2012. С. 23–32.

¹⁶ Yanovsky B. Anesthesia // Auden W. H. A Certain World: A Commonplace Book. New York, 1970. P. 18–21. На тот момент еще не вышедшая в свет книга, из которой Яновский заимствует фрагмент об анестезии, носила название «Философия науки», как следует из дневниковых записей писателя, включенных в воспоминания об Одене. Яновский приносил другу свою неопубликованную англоязычную книгу. См.: Яновский В. У. Х. Оден. С. 433–434, 436; Рубинс М. Комментарии // Яновский В. Любовь вторая. С. 585.

¹⁷ Яновский В. С. Самосохранение или самоуничтожение // Вестник русского студенческого христианского движения. 1973. № 107. С. 113–115. К заглавию отрывка поставлена сноска: «Из книги „Философия обратимости“».

¹⁸ Яновский В. С. Из дневника 1955–1959 гг. / Публ. и прим. В. Крейда // Новый журнал. 1997. № 209. С. 175. Хотя В. Крейд так комментирует третью запись: «Рукопись о докторах

замысла были впоследствии реализованы: мемуары об эмиграции «Поля Елисейские. Книга памяти», эссе «Пути искусства» (1960) и книга «о докторах», называемая то «Философия науки», то «Философия обратимости», то уже в печатном варианте «Медицина, наука и жизнь». 20 августа 1958 года появляется также запись: «Почему мне не написать „Дневник анестетиста“: потому что в результате, вероятно, лишусь работы».¹⁹ В сентябре 1960 года Яновский подытоживает: «Написал „Философию анестезии“. Время не исчезнет в истории, но может преобразиться, принять иные формы, так что прошлое, и будущее, и настоящее должно видоизмениться в своих соотношениях».²⁰ 3 декабря 1962 года Яновский сообщает о продолжении работы: «Пишу „Philosophy of Medicine“», и 19 декабря: «Закончил в эти дни черновик „Философия «хирургии»“. Изабелла переводит главу (100 стр.) на английский».²¹

Фрагменты, о которых идет речь в дневнике, вероятно, соответствуют главам «Медицина и здоровье» и «Хирургия» в будущей книге. Дальнейшие дневниковые записи 1964 года, в свою очередь, подготавливают главы «Новая наука» и «Новая реальность», центральная тема которых — согласование научных открытий с нашими представлениями о границах и функциях собственного тела.

Эта главная тема теперь связывается Яновским с философией обратимости, ставшей для писателя узловым моментом эстетической и медицинской рефлексии. 6 ноября 1963 года он пишет: «Философия обратимости. Охватывает всю историю, науку, религию, искусство. Медицина есть попытка вернуть здоровье, молодость, силы... Анестезия вводит смертные яды и немедленно занимается обратимостью процесса...».²² Яновский начинает верить даже религиозные идеи научными теориями. 11 августа 1964 года: «Как Бог и один, и три (и не один, и не три)... Как электрон — частица и не частица, волна и не волна: и частица и волна, и не частица и не волна...».²³ 24 августа 1964 года: «„Complementary“ истины Бора и принцип неопределенности Гейзенберга относятся не только к атому, но и к человеку, и к Богу. О Боге мы можем знать только отдельные (комплиментарные) истины „в профиль“ (не одновременные или не одноместные)».²⁴ 8 сентября 1964 года: «Как нет отвлеченного атома или электрона с его движением и местонахождением, а есть только сплав между наблюдающим за атомом человеком и характеристикой этого атома, так нет вообще абстрактного Бога, а только некая смесь между обращающимся к Богу человеком и самим человеком, своими чувствами и органами влияющим на образ Бога».²⁵ 20 ноября 1964 года: «Предопределение (в смысле благодати) значит только, что благодать — вне причинно-следственной цепи земных категорий и что человек *свободно* ее получает или от-

в литературе, подготовленная по-английски, не была напечатана» (Там же. С. 203) — о существовании такой рукописи нам неизвестно.

¹⁹ Там же. С. 185.

²⁰ Яновский В. С. Из дневника 1960–1964 гг. / Публ. и прим. В. Крейда // Новый журнал. 1999. № 214. С. 136. Рассуждения о времени здесь неслучайны. Анестезия для Яновского доказывала возможность обратного течения времени: человек сперва специально дозированным отравлением доводится до почти растительного состояния, чтобы потом постепенно вернуться к привычному функционированию организма. Именно по этой причине книга в русской публикации 1973 года названа «Философия обратимости» (см. выше, прим. 17). Параллельно с рассуждениями об анестезии Яновский работает над романом «По ту сторону времени», где пытается воплотить свою сциентистскую и мистическую в одно и то же время утопию обратимого времени.

²¹ Там же. С. 142–143.

²² Там же. С. 147.

²³ Там же. С. 149.

²⁴ Там же. С. 151.

²⁵ Там же. С. 153.

казывается от нее *на уровне своих клеток* (т. е. только если все его существо этого желает, а не только подсознание)».²⁶

По этим записям можно видеть, что публикации книги предшествовал длительный период работы; притом два отрывка появились в печати до выхода финального текста, а отдельные части Яновский давал читать близким людям, таким как Оден. Сложно сказать, был ли у Яновского уже в 1960-е годы готов финальный текст, или же он вносил изменения вплоть до 1978 года. Для нас важно, что междисциплинарная теория, построение которой он затевает, занимает его на протяжении большей части жизни в Америке и воплощается и в его эссеистике, и в художественном творчестве.

«Медицина, наука и жизнь» примечательна еще и тем, что в ней Яновский совмещает методы исследователя и литератора: он активно включает в книгу опыт своей врачебной практики, вместе с тем саму эту практику описывает так, как если бы сочинял роман.²⁷ К примеру, в начале книги он в деталях изображает сценку в операционной: команда хирургов вырезает некой женщине опухоль; ее родные терпеливо дожидаются диагноза, чтобы узнать, доброкачественная она или злокачественная. Фигура врача у постели больного вырастает до масштабов рока. «Едва ли найдется в жизни ситуация, по значимости сравнимая с появлением врача у постели больного. В великом переломном моменте болезни и смерти фигура врача присутствует всегда, отражая наши надежды и страхи. В такие решающие моменты он кажется стоящим над жизнью сверхчеловеком, имеющим большее значение, чем герой и тираны в классической трагедии. Таким его видит больной, таким хочет его видеть» (р. 2–3). Притом Яновский подчеркивает на протяжении книги, что роли врача и пациента в том виде, в котором они существуют в известной ему системе, — следствие социального пакта, принятого в современной медицине.

Изучить философские основания такого рода пакта — одна из задач писателя. Следующий шаг — предложить новую, согласованную с актуальными достижениями науки философию медицины. Яновский утверждает: «...чтобы ответить на вопрос: „Что такое медицина, какой может быть роль врача в нашей жизни (и какой она быть *не* может?)“ — нам необходимо прежде со всей серьезностью определить, кем *мы* в действительности являемся и кем *мы* должны быть» (р. 3). Врач в этой перспективе должен быть не только врачом-телом, но и современным философом и ученым, стремящимся построить целостное представление о здоровье и с этой целостной точки зрения подходящим к лечению пациента. Большая часть книги основана на личном опыте Яновского, в частности на его опыте работы анестезиологом в американских больницах. Статистические выкладки и конкретные врачебные наблюдения, как и в его прозе, здесь чередуются с философскими обобщениями и мистическими идеями.

Попробуем кратко реконструировать композицию книги.

Первая часть посвящена анестезии. Для Яновского эта область медицины — средоточие всех ее современных достижений и требует учета всех сфер врачебного знания, раз уж предполагает умение почти умертвить человека,

²⁶ Там же. С. 154.

²⁷ В книге можно найти большое количество любопытных метафор для описания различных аспектов медицинской работы. Ср.: «Стресс от введения в анестезию в некоторых случаях настолько велик, что его можно сравнить с вождением тяжелого грузовика в плохую погоду» (*Yanovsky V. Medicine, Science and Life. New York, 1978. P. 15*; далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием в скобках номера страницы); «Операция во многом похожа на боксерский поединок; чем больше раундов, тем более истощены претенденты» (р. 17).

а затем вернуть его в прежнее состояние: «Природа анестезии состоит в том, чтобы биологически раздеть пациента донага и провести его через различные предшествующие стадии эволюции. <...> Больной, как бы проходя путь вспять через филогенетические стадии — от человека обратно к позвоночному и амебе, — может проявлять себя в примитивных формах, последовательно напоминая антропоида, грызуна, рыбу, моллюска, растительность» (р. 11). Анестезия доказывает, по Яновскому, возможность обратимости времени и предполагает вызов инстинкту самосохранения, поскольку для проведения операции необходимо ослабить защитные механизмы организма. Время для пациента в состоянии анестезии и для врачей в операционной становится относительной величиной, как в специальной теории относительности Эйнштейна (р. 21). Резистентность организма зависит от множества сложно уловимых факторов, где боль и страдание не всегда будут бессмысленны. Отчасти именно анестезиологу предстоит внимательно изучить историю пациента и понять, насколько для этого конкретного пациента в этот конкретный момент времени вообще возможна и продуктивна анестезия для проведения какой-либо операции. Но анестезиолог в драме Яновского — одинокая фигура, к которой не прислушиваются и которая отодвинута на задний план главным героем — хирургом, чьи решения только и могут быть приняты в расчет.

Вторая часть книги называется «Хирургия». «Герой наших сегодняшних сказок, кино, телевидения, газетных репортажей, школ и, конечно же, больниц — хирург. Он сверхчеловек среди врачей, бог, обладающий силой восстановления и спасения» — с язвительной иронией пишет Яновский (р. 27). Хирург — антагонист в драме Яновского. Именно он совершает множество бессмысленных операций, руководствуясь принципом «play it safe», в любой неясной ситуации он предлагает разрезать тело пациента, чтобы нейтрализовать опасность «на всякий случай». Яновский выступает против хирургического вмешательства как панацеи — а именно такой «хирургический» подход характеризует для него мир современной клиники: «Неужели миндалины совсем бесполезны, матка устаревает после родов, любой ли камень в желчном пузыре ни для чего не нужен — и решит ли холецистэктомия все проблемы?» (р. 29). Яновского интересует, почему человек XX века, не верящий в Бога и ни в чем в своей жизни не уверенный, спокойно доверяется операционному столу и мнению хирурга. Ему представляется, что научный статус медицины во многом создан искусственно, что так называемые медицинские факты есть лишь материал для интерпретации, сама же интерпретация будет в плену различных философских установок. И если анестезия — это обратимость, то хирургия может быть охарактеризована как необратимость (р. 46). Хирург не должен быть главным героем медицинской драмы, на его место должны встать эксперты со стороны, убежден Яновский, такие как ученые и философы.

Третья часть озаглавлена «Медицина и здоровье» и строится в целом вокруг вопроса о шаткой, подвижной границе между здоровьем и болезнью и вокруг различных способов философского осмысления этих базовых медицинских понятий. Яновский связывает представления о здоровье и благополучии пациента с властными отношениями в обществе: «Здоровье считается частью социальной структуры. Гражданин обязан защищать свое здоровье, в этом заинтересовано государство. От члена нашего общества ожидается, что он будет вести здоровый образ жизни и соблюдать закон, чтобы поддерживать принятый образ жизни и не мешать благополучию других» (р. 60). Такое прикладное понимание здоровья обусловлено тем, что в основу современной медицины положена детерминистская метафизика, дарвинизм и марксизм, принцип

«play it safe», годящийся для ведения бизнеса, но не для решения врачебных вопросов, в то время как «врач, заботящийся о самочувствии больного, должен снова стать философом, богословом, ученым, даже художником, занятым проблемами здоровья, гармонии, добра и свободы» (р. 65). Яновский именно в этой части книги восстает против требования, обращенного к человеку, защищаться и приспособливаться во что бы то ни стало. Самозащита не всегда необходима: в доказательство Яновский приводит случаи, когда пересаженные органы не приживались. С его точки зрения, человек способен управлять вегетативной нервной системой, и на молекулярном уровне каждая клетка организма обладает собственной спонтанной волей, которая делает невозможным позитивистское применение статистики во врачебных решениях.

Спонтанная воля человека ведет его к поиску обратимости, лучшему состоянию, утраченному в прошлом. Яновский приводит в пример «Детство» Л. Толстого и эпопею М. Пруста как литературное доказательство этого естественного устремления человека (р. 87). Больной помнит «здоровое» состояние своего организма и хочет вернуться «к юности, силе, счастью, утерянным горизонтам, утерянным друзьям, утерянным возможностям. Но вот приходит старомодный лжеученый и говорит пациенту: „Будь разумным. Будь зрелым. Термодинамические процессы необратимы. Будь сильным и убивай, пока можешь; когда ты ослабнешь, наиболее приспособленный сделает с тобой то же самое. Принимай эти таблетки два раза в день. Расслабься и подчинись законам науки!“ Больной проглатывает таблетку. Но стоит ли удивляться, что он не будет удовлетворен, даже если его боль утихнет?» (р. 86).

Яновский убежден, что бесплодные надежды больного в свете современных научных открытий становятся вполне осуществимы. Именно этому вопросу посвящена четвертая часть книги «Новая наука». Яновский пытается дать философское и медицинское толкование принципу неопределенности В. Гейзенберга и принципу дополненности Н. Бора — двум важнейшим основаниям квантовой механики: «В квантовой механике провозглашается необычная (даже абсурдная) двойственная реальность — двойственная по крайней мере в своих проекциях, реальность частицы и волны (а возможно, ни частицы и ни волны) — и принцип неопределенности, вернувший природе спонтанность и свободу воли, хотя бы на атомном уровне. Мы, таким образом, более не связаны диктатом причины и следствия, к которым наши ученые так долго были прикованы» (р. 149). Комплементарный характер истины, с точки зрения Яновского, сулит большие надежды для преодоления детерминизма и для обоснования иррациональных явлений в мире. Свободы может не быть у человека, но она есть у каждой его клетки, способной восстать против целого, и это поверяется, считает писатель, существованием спонтанных генетических мутаций.

В заключительной пятой части «Новая реальность» Яновский пытается обосновать свой поход против детерминизма уже в сфере повседневной жизни, религии и искусства. Достижения квантовой механики и генетики, как ему представляется, способны доказать, что каждую секунду любой живой организм на молекулярном уровне совершает выбор, причины и последствия которого могут быть не ясны с точки зрения классической физики: «Высший организм отторгает трансплантаты, отвергает инородные тела, пожирает микроорганизмы, поглощает вводимые вещества. Когда клетка перестает различать и пропускает все (или не пропускает ничего) через свою мембрану, мы понимаем, что она мертва. Эти выборы делаются не капризно, наобум, а соответствуют какому-то внутреннему идеалу (настоящему или будущему) этого организма. Случайный выбор в долгосрочной перспективе будет иметь

катастрофические последствия, а отсутствие выбора равносильно смерти» (р. 130). Именно поэтому любое врачебное решение должно приниматься, по мнению Яновского, на основании длительного и глубокого знакомства с больным и/или осведомленности в вопросах науки и философии.

Религию и искусство Яновский также ставит в зависимость от законов квантовой механики. Индетерминизм должен избавить современный роман от психологизма и причинно-следственной связи; именно в романе должны находить обоснование спонтанные и иррациональные поступки и события. Начало подобной «квантовой» прозе положил, по мнению писателя, Кафка, тексты которого необходимо интерпретировать с точки зрения нарушения логической последовательности событий: так, в «Процессе» наказание предшествует преступлению. Движение в сторону спонтанности и абсурда может происходить не на уровне органов и организмов, где царит борьба, а на клеточном, молекулярном уровне, где вопрос о здоровье и благополучии удасться поставить не только в пределах «фрагментарного и разъединенного мира» (р. 151).

Сциентистская и мистическая утопия Яновского, которую мы вкратце попытались пересказать, опуская многочисленные вводные рассказы, — любопытна в нескольких отношениях.

С одной стороны, Яновский пытается, вооружившись актуальными достижениями науки и медицины, а также своим врачебным опытом, продолжить идеи русской религиозной философии, линию В. Соловьева, Н. Федорова, Г. Федотова, совместив их с идеями позитивной метафизики А. Бергсона и П. Тейяра де Шардена. Он рассчитывает вернуть теологический пафос современной науке и даже пытается доказать, что как раз эта-то наука не только не противоречит религиозным истинам, но подтверждает их, и даже дает основания для самых смелых надежд человека на преодоление времени и смерти.

С другой стороны, анализ медицины в Америке с точки зрения системы властных отношений и способов «мягкого» принуждения человека к определенному социальному устройству неожиданно ставит замысел Яновского в ряд критических проектов 1960–1970-х годов, в рамках которых клиника рассматривалась как институционализируемая форма насилия и основанная на позитивизме дискурсивная практика. Наиболее известным автором, предпринявшим такой подход к медицине, является М. Фуко с книгой «Рождение клиники» (1963).

Наконец, стремление Яновского «научить» медицину этике и убежденность в необходимости приблизить профессию врача к деятельности учителя и философа — делают эмигрантского писателя пионером междисциплинарной области «literature and medicine», в рамках которой в том числе предполагалось составлять курсы чтения для студентов медицинских вузов, чтобы развивать чуткость к этическим проблемам, связанным с работой врача.²⁸ Специалисты в этой междисциплинарной области М. Маклеллен и Э. Джоунс в 1996 году отмечали, что эволюция исследований в поле «literature and medicine» заключалась в «переходе от описательной работы к анализу, при этом ученых интересовало не столько то, как литература отражает медицину, сколько то, как ее можно использовать для анализа, критики и укрепления медицинской эпистемологии и практики».²⁹ Яновский выступает в своих текстах одновременно как медик и как писатель. Границы между разными обла-

²⁸ Неклюдова Е. «Воскрешение Аполлона». С. 16–17.

²⁹ McLellan M. Faith, Jones A. Hudson. Why Literature and Medicine? // The Lancet. 1996. 13 July. Vol. 348. P. 110.

стями знания, особенно в его эссеистике, рушатся, и на их место встает специфический вариант междисциплинарной или внедисциплинарной утопии, где любая деятельность человека может быть переведена на язык другой деятельности. Такая конвертируемость языков связана для самого Яновского с утопией духовного делания, вместе с тем он стремится оставаться в рамках научного дискурса.

Русский и американский писатель Яновский с 1930-х годов совмещает литературные занятия и медицинскую практику. С первых своих рассказов он включает в художественные тексты врачебные случаи, известные ему по обучению на медицинском факультете Сорбонны или по собственной практике. Значительное место, которое занимают медицинские темы и сюжеты в его прозе, с одной стороны, объясняется биографией писателя, а с другой — обусловлено литературной модой межвоенных десятилетий: повышением автобиографического начала и становлением нового варианта «человеческого документа». Занятия медициной оказались мотивировкой для того, чтобы следовать этой литературной моде, получившей к тому же большое распространение на русском Монпарнасе, к которому Яновский имел непосредственное отношение. Впрочем, натурализм был лишь одной из сторон, интересовавших писателя в медицинском дискурсе. Еще с 1930-х годов Яновский ищет духовный эквивалент предельной телесности своей прозы и доводит своих героев, даже вопреки повествовательной логике, до религиозной экзальтации. Его близость к религиозно-философским кругам русского зарубежья во Франции, а впоследствии и в Америке — и в послевоенное время определяла для Яновского главный ориентир его разнообразной прозы: поиск философского ключа к проблемам и медицины, и эстетики, и науки, и повседневной жизни. Это обусловило пафос итоговой нехудожественной книги американского периода «Медицина, наука и жизнь».

Случай Яновского позволяет уточнить механизмы взаимодействия медицинского и литературного дискурса во второй половине XX века. Его творчество представляет собой хороший пример такого взаимодействия не только потому, что писатель на протяжении всей жизни совмещал врачебную и литературную работу, но и потому, что сам стремился понять их в русле синкретической и всеобъемлющей философской теории.

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. А. КУЗМИНА

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-74-86

© А. С. Пахомова

«ТАЛЫЙ СЛЕД» М. А. КУЗМИНА: НЕУДАВШИЙСЯ РОМАН О СОВРЕМЕННОСТИ

В конце 1921 года в альманахе «Часы. Час первый» был опубликован отрывок из романа Михаила Кузмина «Талый след». На двадцати страницах завязывалась интрига с участием Викентия Дмитриевича Дерюгина, его матери, от которой он был отлучен в детстве после загадочного самоубийства отца, старого слуги, готового приоткрыть семейные тайны, и семейства Диевых, которое автор должен быть представить читателю в следующих главах. Однако знакомства не произошло: альманах не был продолжен, роман не появился в иных изданиях, а впоследствии и вовсе исчез из корпуса кузминской прозы, встроившись в череду незавершенных и малоуспешных предприятий Кузмина 1920-х годов, таких как альманах эмоционалистов «Абракасас», сборник «Параболы», оставшийся почти неизвестным в России, и многие другие.

Обращение к архиву писателя позволяет приоткрыть тайны «Талого следа». Во-первых, «Талый след» остался неоконченным, однако не ограничился двумя главами. Сохранилось два автографа романа, разных по объему. Первый находится в Отделе рукописей РНБ:¹ это фрагмент первой главы, обрывающийся на ее середине. Второй — из кузминского собрания РГАЛИ² — представляет собой уже переработанный вариант части первой главы, а также вторую — вместе они идентичны тому фрагменту, что был помещен в «Часах». Этот автограф содержит также начало третьей главы, которая не была издана при жизни Кузмина и не публиковалась впоследствии.³

Во-вторых, в «Часах» появилась вовсе не новинка — в списках произведений Кузмина за 1920 и 1921 годы⁴ текст с таким названием не упоминается. Рукопись РГАЛИ содержит датировку, проставленную рукой писателя на титульном листе, — 1917 год,⁵ и ее подтверждает авторский список произведений за этот год.⁶ Революционный год был отмечен для Кузмина творческим подъемом: им было создано более тридцати стихотворений, пять рассказов, семь пьес и несколько музыкальных произведений. Однако роман был начат только один, что существенно выделяет его в общем массиве текстов этого времени.

¹ Кузмин М. А. Талый след. Неоконченный роман 1921 года <sic> // РНБ. Ф. 400. Оп. 1. Ед. хр. 4.

² Кузмин М. А. «Плавающие и путешествующие», «Талый след»: Отрывки из романов // РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 24–51 об.

³ «Талый след» в его «альманажном» виде был перепечатан только однажды: Кузмин М. А. Талый след // Кузмин М. А. Проза. Berkeley, 1990. Т. 9. С. 313–325.

⁴ Кузмин М. А. 1) Рабочая тетрадь 1920-х гг. // ИРЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 320. Л. 188–208; 2) Списки поэтических, беллетристических и музыкальных произведений и план сборника «Условности». 1890–1923 гг. // РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 12.

⁵ Кузмин М. А. «Плавающие и путешествующие», «Талый след»: Отрывки из романов // Там же. Ед. хр. 23. Л. 24.

⁶ Кузмин М. А. Списки поэтических, беллетристических и музыкальных произведений... Л. 11 об., 15 об.

На 1917 год пришелся период краткого, но плодотворного интереса Кузмина к общественным и политическим событиям. Весной писатель вступил в группу И. Зданевича «Свобода искусству», а затем — в «Союз деятелей искусств», в котором примкнул к «левому» крылу. Также писатель опубликовал несколько стихотворений, пронизанных революционным энтузиазмом («Русская революция», «Волынский полк», «Майский день» и др.). Приход большевиков к власти Кузмин сперва встретил восторженно, однако уже в начале 1918 года его отношение к новым порядкам изменилось. В связи с этим уместно привести неоднократно цитировавшиеся в научной литературе записи, наглядно представляющие динамику отношения писателя к пореволюционным событиям:

26 октября 1917 года: «Чудеса свершаются. Все занято большевиками. Едва ли они удержатся, но благословенны»;

4 декабря 1917 года: «Солдаты идут с музыкой, мальчишки ликуют. Бабы ругаются. Теперь ходят свободно, с грацией, весело и степенно, чувствуют себя вольными. За одно это благословен переворот»;

10 марта 1918 года: «Господи, год тому назад было как-то более блестяще. Действительно, дорвавшиеся товарищи ведут себя как Аттила, и жить можно только ловким молодцам, вроде Рюрика и Анненкова, или Лурье и Альтмана»;

6 июня 1918 года: «Ах, как надоело и недостаток муки, и то, что электричество гасят, и все дорого. Ужасно. Уж эта „арена истории“!»;

20 июля 1918 года: «Впечатление все такое же мерзкое: холерные могилы, дороговизна, лень, мобилизации и это подлое убийство — все соединяется в такой букет, что только зажимай нос. Безмозглая хамская сволочь, другого слова нет. И никакой никогда всеобщей социальной революции не будет. Наш пример всем будет вроде рвотного».⁷

Смена настроений Кузмина позволяет довольно точно локализовать тексты, созданные писателем в этот период, разместив их между двумя полюсами: энтузиастическими стихами весны и все более отстраненными от действительности произведениями осени 1917-го — начала 1918 года. Помещение на эту условную шкалу «Талого следа» позволит определить время и прагматику написания романа; для этого необходимо будет выявить позицию Кузмина, отразившуюся в тексте. Также будет интересно прояснить, чем была вызвана актуализация произведения спустя четыре года после написания; какие авторские стратегии Кузмин реализовал в период создания «Талого следа» и какие — в момент его публикации.

Но для начала необходимо взглянуть на ту часть романа, которая появилась в печати. Принимая во внимание ее сложный текстологический статус, мы будем рассматривать две главы, опубликованные в «Часах», как самостоятельный текст — отрывок из неоконченного романа Кузмина.

Первую главу занимает завязка сюжета: вследствие дорожного происшествия случается неожиданная встреча сына с матерью. В начале второй главы герой сталкивается со стариком-слугой, который хочет ему сообщить «самоважнейшие тайны» (намекая на то, что ему известны причины гибели отца Викентия и его отлучения от матери), а в ее конце — подходит к дверям дома, где его, вероятно, ожидает возлюбленная. Композиция выстроена так, что читатель вправе ожидать от «Талого следа» авантюрно-бытового романа, в котором семейная история сочетается с романтической. Таким образом, эти две главы вполне соответствуют жанру, который Кузмин начал культивировать в своей прозе 1910-х годов — короткого рассказа или повести с занимательной интригой, в основе сюжета которых лежит забавное или таинственное происшествие.

⁷ Здесь и далее дневниковые записи Кузмина 1917–1920 годов цитируются по подготовленным к печати материалам, предоставленным нам Н. А. Богомоловым.

Поворот Кузмина к таким сюжетам можно условно датировать 1912 годом, когда писатель резко сменил места публикации своих произведений, и его рассказы стали появляться не в «Аполлоне», а в популярных еженедельных журналах, платформа которых была эклектична (если вообще существовала): «Нива», «Огонек», «Лукоморье», «Аргус» и т. п. до конца 1910-х годов станут постоянными местами выхода кузминских рассказов и повестей. Вопреки устоявшемуся мнению о том, что эти жанровые изменения выявляли растерянность Кузмина-прозаика, его неудачные поиски новой манеры и меркантильные расчеты,⁸ мы предлагаем видеть за ними выстраиваемую писателем в эти годы авторскую стратегию. Разрушая свой, сложившийся под влиянием первых печатных выступлений, образ эстета и модерниста, Кузмин искал выход к новому, широкому читателю, для чего стремился выработать более простую и понятную (но при этом не менее художественную) манеру. Соразмерность языка и сюжета литературного произведения станет главной целью Кузмина, что он выразит в своей программной статье «О прекрасной ясности. Заметки о прозе» (1910): «Необходимо, кроме непосредственного таланта, знание своего материала и формы, и соответствия между нею и содержанием».⁹

Кроме того, в малой прозе 1910-х годов Кузмин переориентируется с составивших его славу стилизаций (какими были «Приключения Эме Лебефа» (1907), «Подвиги Великого Александра» (1909) и др.) на современность, предлагая не удаляться от стихии повседневности, а стремиться разглядеть в ней вечные сюжеты и образы. «Высокая простота» и «хороший второй сорт», адептом которых Кузмин оставался на протяжении всей своей творческой жизни, именно в эти годы становятся его магистральной художественной задачей: «Почти все великие произведения имеют избитые и банальные сюжеты, предоставляя необычайные вещам посредственным».¹⁰ Рассказы Кузмина 1910-х годов обнаруживают его сознательную установку на простоту стиля и интриги; легкость языка, неприязнательность сюжета писатель призывал считать приметам настоящей литературы, художественные достоинства которой определяются исключительно мастерством рассказчика.

Как раз один из таких «вечных» сюжетов — обретение потерянных родителей — Кузмин выбирает для «Талого следа». Он же встречается в двух его рассказах, во времени написания примыкающих к «Талому следу» — «Папаша из дымовой трубы» (Москва. 1918. № 12) и «Княгиня от Покрова» (Нива. 1918. № 10–12), которые композиционно подобны нашему роману: утрата родителей окружена тайной, воссоединение с ними случайно, а основная интрига разворачивается после нахождения семьи.

Начальные строки «Талого следа» типичны для прозы Кузмина упомянутого периода: исходное событие будто выхвачено из потока жизни, детальность описания сразу погружает читателя в изображаемый автором мир, а маркеры внезапности («вдруг», «казалось», «неожиданно») помогают завязать интригу с первых строк: «Дождь янтарной и прозрачной сеткой полил-

⁸ Многочисленные сборники прозы, вышедшие в 1913–1916 годах, в исследовательской литературе принято оценивать скорее негативно: «...эти книги и отдельные произведения почти никогда не достигают того уровня, на котором стояли прежние. Кузмин становится проще, яснее — и оттого примитивнее. Продолжающаяся неприязнь к психологизму уже довольно редко возмещается притягательной стилизацией или острым сюжетом» (Богомолов Н. А., *Малмстад Дж. Э. Михаил Кузмин*. М., 2013. С. 222).

⁹ Кузмин М. О прекрасной ясности (Заметки о прозе) // Кузмин М. А. Проза и эссеистика: В 3 т. М., 2000. Т. 3. С. 7 (впервые: Аполлон. 1910. № 4). Нелишним будет напомнить, что манифест «кларизма» никогда не стремился стать чем-то большим, чем объяснением собственной творческой практики (а конкретнее — прозаического творчества) его создателя.

¹⁰ Кузмин М. А. Раздумья и недоумения Петра Отшельника // Кузмин М. А. Проза и эссеистика. Т. 3. С. 363 (впервые: Петроградские вечера. 1914. Кн. 3).

ся совершенно неожиданно из почти безоблачного неба. Казалось, что на Васильевском Острове должно быть еще солнце и даже пыль». Схожая экспозиция присутствует в других рассказах тех лет. См., например: «Казалось, что девушка никогда не бывала в гостиницах, — так испуганно она взглядывала на полутемную лестницу, узкий, грязный коридор с окном в конце, которое выходило в угол двора» («Предрассудок», 1916);¹¹ «Вдруг он необыкновенно заинтересовался мастером, который был взят в солдаты» («Прощальная середка», 1916).¹² Редуцированная до нескольких слов завязка отвечала требованиям избранного Кузминым короткого энергичного сюжета, а также выявляла его ориентацию на французскую новеллу, прежде всего на творчество Анатоля Франса, авторитет которого писатель неоднократно подчеркивал в статьях этого времени.¹³

Однако третья глава «Талого следа» нарушает все жанровые ожидания. Сюжет, заявленный в предыдущих главах, здесь не развивается: две трети текста занимают споры посетителей квартиры Диевых, свидетелем которых становится Викентий.

Насколько первые две главы типичны для прозы Кузмина 1910-х годов, настолько третья отличается от всего, написанного автором в эти годы. Наиболее заметно то, что обилие персонажей, с которым читатель сталкивается в этой главе, не свойственно художественному миру Кузмина: обычно он ограничивается несколькими людьми, непосредственно участвующими в разрешении конфликта. Если бы «Талый след» шел по проторенному пути, он бы обошелся фигурами Викентия, его матери, слуги, Лизы Диевой и, возможно, Клавдии Ибиковой. Третья глава разворачивает перед читателем идеологический спор, в котором каждый из четырех героев стоит на определенной позиции, его слова дидактичны, шаблонны и направлены, словно лозунги, вовне. Столь же красноречивы и даже стереотипны имена и внешний вид спорщиков. Все это особенно ощутимо на фоне другой кузминской прозы этого времени, доминирующая речевая стихия в которой — повседневность, будничная речь обывателей, далекая от абстрактных обобщений. Показательно, что именно в середине 1910-х годов Кузмин начинает экспериментировать с повествованием от первого лица, что приводит его к сказу («Капитанские часы», 1913; «Пастырь воинский», 1914) или дневнику («Третий вторник», 1915; «Измена», 1915). Дидактизм и формульность неизбежно уводят в сторону, противоположную его магистральному творческому пути.

Почему же автор вводит подобную сцену в свой текст? Здесь мы ступаем на зыбкую почву догадок и предположений — никакими доказательствами, документами или записями самого Кузмина о романе мы не располагаем. Строго говоря, мы даже не можем определенно судить о текстологическом статусе третьей главы: неизвестно, была ли она завершена в структуре романа, либо это был черновик, набросок, который писатель намеревался переделать или изменить полностью, как неизвестно, была ли она создана в 1917 году либо же дописана позднее. Однако герои и некоторые их реплики позволяют,

¹¹ Кузмин М. А. Проза. Т. 7. С. 197.

¹² Там же. С. 183.

¹³ См., к примеру: «...он (А. Франс. — А. П.) во всем — прекрасный стилист, и в статьях, и в современных романах, и в чем угодно. Это значит, что он сохраняет последнюю чистоту, логичность и дух французского языка, делая осторожные завоевания, не выходя из пределов характера этого языка» (Кузмин М. А. О прекрасной ясности. С. 8); «Лучшая проба талантливости — писать ни о чем, что так умеет делать Ан. Франс, величайший художник наших дней, недостаточно оцененный за чистоту своего искусства» (Кузмин М. А. Раздумья и недоумения Петра Отшельника. С. 363). Подробнее об ориентации Кузмина на французскую новеллистику см.: Пахомова А. С. «Военные рассказы» М. Кузмина: Попытка реинтерпретации // Slavica Revalensia. 2021. Vol. 8. С. 56–79.

хотя и с неизбежной долей условности, восстановить актуальный для Кузмина контекст и отчасти прояснить его творческую задачу.

Первый спорщик, который появляется в третьей главе, — это Остап Фомич Полоток, украинский патриот. Ему даны не только характерное национальное имя (отсылающее к гоголевскому герою, что усиливает проукраинскую направленность его речей, особенно стремление «защищать зубами и ногтями» свою родину) и фамилия, но и облик: он «как дуб стоял в передней, сняв пальто, но еще в смушковой шапке, в которой ходил до глубокого лета и расставался с которой весьма неохотно». Подчеркнута яркая деталь гардероба — овчинная шапка (вероятно, казацкая). Стереотипным патриотизмом проникнуты и слова героя, в которых он обнаруживает симпатии автономии и созданию национального украинского государства: «Если бы вот в Киеве устроили государство (без всяких там панукраинских фантазий), я бы уцепился, защищал бы я зубами и ногтями».

На первый взгляд, патриотизм Полотка не привязан к конкретному времени. Однако следующая за его словами реплика одной из героинь позволяет несколько локализовать события: «Да и Киев свой вы бы сами защищали, а не вятских мужиков из-под палки гнали бы умирать за ваши галушки! — окрысилась одна из девиц».

Можно осторожно предположить, что речь здесь идет о Первой мировой войне и взятии Галиции сначала русскими, а потом германскими войсками. Это предположение поддерживается появившимся ранее описанием Викентия — он стоит в толпе «в солдатской шинели», а также его же фразой: «Опять о войне и родине?». Как кажется, косвенно это может говорить о том, что действие романа разворачивается в годы Первой мировой войны.

В этой связи уместно вспомнить, что в начале XX века, накануне мировой войны и русской революции, национальное движение на Украине приобрело новые масштабы. А сразу после событий февраля 1917 года стали выдвигаться требования территориальной автономии страны, которая была признана после обнародования Украинской Центральной Радой Первого универсала. После октября 1917 года была создана Украинская Народная Республика. Таким образом, кажется возможным, что «государство в Киеве», которое хочет защищать Полоток, — не абстрактный образ, а определившаяся реальность конкретного времени.

Полилог подхватывает другой герой — отец Иринарх, чей внешний облик отличается благообразностью. Он осторожно высказывается против сепаратизма Полотка, утверждая, что единство Руси — в христианской вере и смирении. Если мы предположим, что время действия романа — разгар Первой мировой войны и канун революции, то и в этих словах также можно увидеть отголоски вполне определенных идей. О религии как фундаменте русской идентичности в те годы говорили многие представители интеллигенции. Например, Вяч. И. Иванов настаивал в своих статьях 1917 года на невозможности внерелигиозного протекания революции, поскольку «где есть целостность личного или общественного сознания, — есть и религия. Россия — не арифметическое слагаемое из партий и групп; но волею духовной целостности доселе не может вдохновиться наше революционное строительство, — вдохновиться и впервые ожить».¹⁴ Эта статья «Революция и народное самоопределение» была впервые опубликована в журнале «Народоправство» (1917. № 14. С. 7–10), разделяющем либерально-патриотическую платформу. Авторы, печатающиеся в нем (кроме Иванова, это редактор журнала Г. И. Чулков, а также А. Н. Толстой, Н. А. Бердяев, С. М. Соловьев и др.), активно использовали

¹⁴ Иванов Вяч. Собр. соч.: В 4 т. Брюссель, 1979. Т. 3. С. 360.

для описания происходящих событий новозаветную символику, причем, по наблюдению О. А. Богдановой, делали это в конкретный временной период: «...обращения к новозаветным образам и мотивам весьма немногочисленны в июне–июле 1917 г., когда были еще живы надежды на либерально-демократическое правление в России. Затем их число заметно возрастает в сентябрьских номерах <...> из-за возросшей тревоги по поводу бессилия Временного правительства остановить сползание страны в анархию и разруху и противостоять рвущимся к власти большевикам».¹⁵ Пересечение реалий, упомянутых в речи нескольких человек, позволяет локализовать действие романа 1917 годом, вплотную приблизив его к возможному времени создания.

Другого спорщика, молодого человека Евлогия Петровича, Кузмин делает защитником идеи «государственности» и обладателем «гнилого лица». Из принадлежащих герою слов сложно вывить его взгляды: ясно только, что он отчасти антисемит («И у евреев, кроме Моисея и пророков не было гениев!») и негативно относится к церкви (на реплику отца Иринарха о Спасителе он отвечает «с жадной злостью»). Совокупность разных черт Евлогия, его болезнь туберкулезом, «гнилостное лицо», нетерпимость к религии и истеричность («У Евлогия Петровича — туберкулез, по-моему, и истерия») обнаруживают параллели с другим известным чахоточным больным, Ипполитом Терентьевым, героем романа Ф. М. Достоевского «Идиот», постоянными характеристиками которого были визг и истеричный смех («Позвольте, — визжал Ипполит»;¹⁶ «Вы не верите? — истерически смеялся Ипполит»¹⁷ и др.). К традиции литературного богоборчества отсылает и «нигилистический лопух», который упоминает Евлогий, имея в виду известные слова тургеневского Базарова.

Если в случае Евлогия актуализированы литературные традиции, то в словах следующего спорщика более выразительны идеи, обсуждаемые в прессе. Борух Малинер имеет подчеркнутые еврейские имя и фамилию и несколько карикатурный облик. В романе он становится эмблемой «еврейского вопроса» и предлагает очередную трактовку понимания «отечества» и народа: Малинер говорит о народе как единственном носителе идеи государственности и культуры. Этому герою Кузмин отвел лишь одну реплику, однако она целиком составлена из реалий — возможно, наиболее конкретных из всех, появившихся в романе. Обострившийся в годы Первой мировой войны еврейский вопрос отличался фиксацией на идее национального государства и освобождения от «власти земли», т. е. соотносительности нации и занимаемой ею территории, что открывало возможности для создания нового государства в исторически не принадлежащих народу землях. Как писали в прессе тех лет, «надо признаться, что давно идея национального государства не пользовалась такой популярностью, как теперь. Даже такая, казалось, навеки погребенная идея, как независимость Польши, воскресла из мертвых. Национально-государственные границы получили подвижность, и географическая карта перечерчивается и перекраивается в различных направлениях». Надежды на «внетерриториальное решение национального вопроса» связывались с грядущей революцией.¹⁸

Комментарием к словосочетанию «еврейский народ» (см. слова Малинера: «И еврей-таки есть, есть такой народ») могут быть события ноября 1917 года, когда была обнародована так называемая декларация Бальфура — официальное письмо министра иностранных дел Великобритании А. Д. Бальфура к Л. У. Ротшильду — выражающая сочувствие еврейскому народу и готовность

¹⁵ Богданова О. А. Об особенностях художественно-публицистического дискурса журнала «Народоправство» (1917–1918 гг.) // *Studia Litterarum*. 2018. Т. 3. № 4. С. 190.

¹⁶ Достоевский Ф. М. Идиот // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. 8. С. 227.

¹⁷ Там же. С. 241.

¹⁸ Заславский Д. Власть земли // *Еврейские вести*. 1917. № 1 (10). 5 янв. Стлб. 5.

содействовать созданию в Палестине «еврейского национального очага». Декларация сыграла решающую роль в становлении и легитимации идеи «еврейского народа».¹⁹ Обнародование Декларации было воспринято энтузиастически, особенно в России, где праздничные демонстрации проходили одновременно «под сионистскими и революционными знаменами, сочетая в себе национальную и революционную символику».²⁰ Следствием этих событий стало усиление национальных настроений среди евреев, что отразилось в печати.²¹ Именно их и выражает в романе Малинер, в реплике которого сближаются евреи и поляки — точно так же, как они сближались на страницах газет.

Косвенные признаки и прямые соответствия слов некоторых героев поднят в прессе военного времени темам подтверждают, что «Талый след» был задуман как роман о современности, действие которого максимально приближено ко времени написания. Кроме того, в сохранившемся дневнике за осень—зиму 1917 года есть следующая запись, датированная 31 октября: «Зашел к предс<едателю> комитета; жид в халате, перепуганный и наглый. Черт с ними. Зашел к Кричевским, но <тот> ничего не сказал. Сидела Бельтер, очень мило одета, вышивала, рассуждая о русской душе, социализме и важности крови. Чирикала Любовь Исидоровна. Все вышли. <...> Пришел Рославлев. Сделался комиссаром от большевиков, реквизирует муку. М<атвей> И<ванович> скучно и теоретически рассуждал». Как видим, Кузмин фиксирует здесь те же темы, что были подняты им в романе.

Изображенный в «Талом следе» спор не только повторяет темы газетных статей и хроники, но и сам по себе созвучен популярному сюжету пореволюционной прессы второй половины 1917 года, вызванному спадом энтузиазма и недовольством затянувшимся периодом политической неопределенности. Речь идет о пафосной и, как правило, бессмысленной перепалке, столкновении сторонников разных политических партий в разных неуместных ситуациях. Отличительной особенностью таких столкновений становится их риторичность и отсутствие разрешения конфликта. Очерки и рассказы, развивающие этот сюжет, были распространены в иллюстрированных журналах, с которыми сотрудничал и Кузмин: на их страницах мы встречаем, например, разговор на улице, перешедший в митинг,²² или политический спор в болоте.²³

Мы уже отмечали, что периодика была одним из основных источников «революционной» лирики Кузмина.²⁴ На первый взгляд, третья глава «Талого сле-

¹⁹ Friedman I. Balfour Declaration // Encyclopaedia Judaica. 2-nd ed. Detroit; London, 2007. Vol. 3. P. 85.

²⁰ Об этом см.: Мосс К. Революция в еврейской культуре // История еврейского народа в России: В 3 т. М., 2017. Т. 3. От революций 1917 года до распада Советского Союза. С. 71. См. также: Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М., 2005. С. 76; Gitelman Z. Y. Jewish Nationality and Soviet Politics. Princeton, 2015. P. 75–76.

²¹ Об этом см.: Сегал Д. «Сумерки свободы»: О некоторых темах русской ежедневной печати 1917–1918 гг. // Минувшее: Исторический альманах. 1987. Вып. 3. С. 192–194.

²² «Митинги у нас происходят обыкновенно так.

Идет себе человек по Невскому и вдруг останавливается и говорит:

— Ах, да...

Идущий позади этого человека спрашивает:

— Что «да»?

— Да вот забыл дома папиросы.

— Что папиросы — Россию забывают, — подхватывает третий проходящий и останавливается. <...> В нем (митинге. — А. П.) принимают участие: революционные войска Петрограда, уклонившиеся от призыва, белобилетники, женщины тыла. И говорят, говорят, говорят...» (В. Ф. В тылу: Блокнот революции // Лукоморье. 1917. № 22–23. С. 4).

²³ Д'Актиль. Весна // Синий журнал. 1917. № 22. Июнь. С. 10.

²⁴ См.: Пахомова А. Писательская стратегия и литературная репутация М. А. Кузмина в раннесоветский период (1917–1924 гг.). Тарту, 2021. С. 74–83.

да» поддерживает эту линию его творчества. Однако в ней можно заметить смену метода работы автора с источниками. В стихотворения весны 1917 года вкрапляются популярные образы и мотивы революционной риторики, причем Кузмин вставляет их не механически, а наделяя содержанием, связанным с его личной поэтической традицией: таковы образы весны, моря, мотив братства.²⁵ В «Талом следе» использование реалий иное: узнаваемые приметы времени нужны автору, чтобы локализовать действие, придать фикциональному сюжету реальное измерение. «Современность», напрямую не участвуя в разворачивании интриги, становится фоном для основных действий — сюжета, который сам по себе нельзя считать особенно актуальным или злободневным.

С этой точки зрения, «Талый след» встраивается в одну из основных идей Кузмина 1910-х — начала 1920-х годов, а именно в поиски наилучшего отображения современности в литературе. По мнению Кузмина, одушевляет и актуализирует произведение искусства не документальное воспроизведение реалий, а подлинный личный интерес автора к действительности, проявляющийся во внимании к любым, даже самым незначительным ее сторонам. Такая позиция расширяет временные и творческие рамки: «современности» нет как таковой, потому что все, что выходит из-под пера, актуально и злободневно. В 1916 году Кузмин писал о кризисе «современного» романа,²⁶ подразумевая распространившийся среди писателей приоритет буквального отображения реальности над художественным ее воссозданием. В 1917 году писатель сам берется за создание романа «из современной жизни», желая, вероятно, продемонстрировать иные творческие решения назревшей задачи. Расширенная трактовка автором «художественной современности» привела к тому, что «Талый след», несмотря на его кажущуюся злободневность, оказался организован вокруг вневременного, а не актуального сюжета.

Итак, в неоконченном романе 1917 года Кузмин пытается соединить два сюжета популярной литературы: лишенное временной привязки мелодраматическое разлучение ребенка с родителями и специфически-пореволюционный политический спор. Можно предположить, что «Талый след» задумывался Кузминым как произведение в духе его «Военных рассказов»: центром должен был стать частный, интимный сюжет, а политические и общественные события создавали бы исторический фон и не затрагивали напрямую судьбы героев. По всей видимости, Кузмин и вовсе собирался развести «мысль семейную» и политику: героям романа споры «о войне и родине» откровенно не нравятся. Однако различные прагматика и природа этих сюжетов создают композиционное напряжение и очевидный дисбаланс сюжетов, и действие в третьей главе заметно провисает. Спор не встроен в структуру романа: третья глава начинается и обрывается на романтической линии, которая бы ничуть не изменилась, если бы обсуждались иные темы и проблемы.

Содержание изображенного спора позволяет приблизиться к пониманию того, какую общественную позицию разделял Кузмин в момент написания романа. Лиза Диева прекращает разговор, задавая вопрос о судьбе России, после чего сама же на него отвечает — России поможет Спаситель, с чем солидарен отец Иринарх. Это важный вывод, который оказывается несколько затушеван полилогом и следующим прямо за ним интимным разговором героев: среди политических деклараций и актуальных контекстов торжествуют христианское смирение и любовь. Главный герой, Викентий (который, как

²⁵ Там же. С. 82–83, 95–99.

²⁶ «Вот так и приходится скакать, хвататься за голову, торопиться и волноваться авторам, поверившим неизобразенным критикам, что дело литераторов — отражать современность. Где ты, милая современность?» (Кузмин М. А. Скачущая современность // Кузмин М. А. Проза и эссеистика. Т. 3. С. 607; впервые: Биржевые ведомости (веч. вып.). 1916. 9 сент. № 15792).

и Кузмин, провел свое детство в Саратове), не согласен ни с одним из говорящих и оказывается безмолвным наблюдателем спора, в котором не видит смысла: «...с тоскою думал, что у Диевых будет много посторонних лиц, наверное оба Полотка, может быть, Клавдия Алексеевна Ибикова, медик и о. Иринарх, кто-нибудь совсем незнакомый, всегда приведут. Споры, дебаты без конца и толку». Основные интриги, в которые погружен главный герой, — семейная и любовная, что демонстрирует симпатии самого Кузмина и направляет повествование в рамки более привычного для него жанра.

Мысль о торжестве любви — постоянная идея творчества Кузмина — актуализируется и в произведениях пореволюционного времени (например, в оде «Враждебное море»). На протяжении 1917–1920 годов автор будет обращаться к религии как к единственной опоре в постоянно меняющейся по октябрьской реальности, неоднократно записывая в дневнике: «Господи, что нам делать» (11 и 20 ноября 1917 года), «Господи, спаси нас!» (15 ноября 1917 года). В творчестве эта идея развернется спустя какое-то время: в 1919–1920 годах появится, к примеру, знаменитое стихотворение «Декабрь морозит в небе розовом...» (1920) со строками «Пошли нам крепкое терпение, / И кроткий дух, и легкий сон, / И милых книг святое чтение, / И неизменный небосклон!»²⁷ или трогательная надпись Ю. Юркуну от 29 декабря 1919 года, содержащая такое уверение: «...всегда с ним я, моя любовь и мое искусство, <...> надо всеми не спящий Господь, пути которого часто нам непонятны, но всегда благи и великодушны, <...> немного времени еще пождать».²⁸

Вполне вероятно, что в третьей главе «Талого следа» отражены растерянность и усталость автора от пертурбаций пореволюционной действительности. В этих условиях он и обращается к любви, религии, «вечным» сюжетам. Возможно, в 1917 году «Талый след» выполнял бы стабилизирующую функцию, напоминая в атмосфере политических дряг о единственно верном и незыблемом — стихии частной жизни, не подвластной идеологии. Эти настроения позволяют предположить, что роман создавался во второй половине 1917 года, когда революционный энтузиазм Кузмина несколько угас, однако явные антибольшевистские настроения еще не проявились.

«Талый след» оказался одним из последних романов автора: после революции число его прозаических произведений резко сократится. Тем значительнее становится тот факт, что о «Талом следе» Кузмин «вспомнил» в 1921 году, открыв им «Часы» — первое издание группы, вскоре назвавшей себя эмоционалистами.

Эта публикация выглядит неожиданным шагом Кузмина: в его собственное предприятие, первое спустя многие годы, он помещает вещь, которая, по всей видимости, не имела для него большого значения — не дописав роман в 1917 году, он едва ли планировал его дописывать позднее (такое разнесение работы над замыслами во времени не было характерно для писателя). Между тем публикация в «Часах» имела несколько причин. Начнем с поверхностной: как минимум новый роман Кузмина приковывал внимание к альманаху, в котором, помимо самого Кузмина и В. Хлебникова, выступали в основном на тот момент малоизвестные авторы (Ю. Юркун, А. Радлова, Б. Папаригополу, И. Эверт и только набирающий популярность В. Шкловский). Кузмин мог использовать нехитрый прием обещания своего романа как рекламу. То, что «Талый след», лишенный третьей главы, походил на дореволюционные произведения Кузми-

²⁷ Кузмин М. А. Стихотворения / Вступ. статья, сост., подг. текста и прим. Н. А. Богомолова. 2-е изд., испр. М., 2000. С. 645 (Новая Библиотека поэта).

²⁸ Богомолов Н. А. О Михаиле Кузмине. З. Неизданный Кузмин из частного архива // Богомолов Н. А. Русская литература первой трети XX века: Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999. С. 280.

на, вызывало дополнительный интерес читателей: пореволюционное творчество писателя было встречено критиками не слишком благожелательно,²⁹ а «возвращение» к «кузминским» темам могло обеспечить лояльность аудитории.

Просматриваются и иные причины такого шага. Мысль Кузмина о творимой самим писателем современности стала одним из пунктов «Декларации эмоционализма» (1923): «Не существует ни прошедшего, ни будущего вне зависимости от нашего, всеми силами духа эмоционально воспринимаемого, священнейшего настоящего, на которое и направляется искусство».³⁰ В своих «эмоционалистских» статьях Кузмин будет неоднократно отстаивать право писателя на «духовное», а не «документальное» отображение современности: «Нужно доверять искусству, и как бы ни кричала видимость о несоответствии момента с искусством, в нем протекающем, верить следует последнему, а не видимости», выступая против «фотографичного» ее изображения: «Не думаю, чтобы пафос современности заключался в трудовых карточках, пайках, отсутствии дров и комиссарских именинах».³¹ Альманашный вариант «Талого следа» ограничился двумя главами — третья была изъята не только потому, что утратила свою злободневность, но и потому, что не отвечала новой программе Кузмина: декларативные, «газетные» формулы были тем материалом, которого писатель теперь избегал. Вместе с главой в публикацию не попала и подводящая к ней фраза из начала второй главы — «Споры, дебаты без конца и толку», что свидетельствует о том, что третью главу Кузмин, скорее всего, не стремился включать в текст романа вовсе.

Так «Талый след», при всей его незначительности, неоконченности и, казалось бы, ненужности в 1921 году, предстает связующим звеном между творческими установками Кузмина второй половины 1910-х годов и идеями, легшими в основу эмоционализма в начале 1920-х. Не будучи особенно занимательным текстом сама по себе, третья глава романа исключительно важна для исследователей: неудача писателя явно показывает изменения, произошедшие в творческом методе Кузмина за несколько пореволюционных лет.

Ниже публикуется текст третьей главы романа «Талый след» по рукописи из кузминского собрания РГАЛИ: Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 43–51 об. Орфография и пунктуация приведены к современной норме, явные опiski устранены.

ПРИЛОЖЕНИЕ

М. А. Кузмин

ТАЛЫЙ СЛЕД. РОМАН 1917 ГЛАВА 3

У Лизы Диевой было на этот раз женское общество, и один Остап Фомич Полоток, как дуб, стоял в передней, сняв пальто, но еще в смушковой

²⁹ См., например, рецензию на один из пореволюционных стихотворных сборников Кузмина: «...так привык любить Кузмина, так привык ставить его на одном из первых мест после Блока, <...> так привык чувствовать волнующую прелесть его стихов <...> А здесь (в сборнике «Эхо». — А. П.) <...> нет прежнего Кузмина, а есть кто-то другой, то пишущий под Маяковского, <...> а то и пишущий что-то совсем уж непонятное...» (Свенцицкий А. [Рец. на:] М. Кузмин. «Эхо», изд. «Картонный Домик». П., 1921 // Вестник литературы. 1921. № 9 (33). С. 12).

³⁰ Кузмин М., Радлова А., Радлов С., Юркун Ю. Декларация эмоционализма // Абракасас. 1923. Вып. 3. С. 1.

³¹ Кузмин М. А. Письмо в Пекин // Кузмин М. А. Проза и эссеистика. Т. 3. С. 613, 614.

шапке, в которой ходил до глубокого лета и расставался с которой весьма неохотно.

Сама Лиза, Оксаночка, две старшие мастерицы, худая Клавдия Алексеевна Ибикова окружили его говорливым и пищащим венком. Две фигуры с длинными волосами и без бород тоже можно было принять за девиц. То был молодой монах о. Иринарх, у которого при богатейшей шевелюре по странной игре судьбы не было на щеках и подбородке никакой растительности, и брат Лизин Евлогий Петрович, худосочный, бритый мальчик с болезненным и каким-то гнилостным лицом.

Очевидно, в передней доканчивали спор, начатый в столовой, и Оксаночка придралась к случаю вернуться к интересовавшему ее предмету. Остап Фомич ораторствовал попросту, хотя и был себе на уме, чего и не скрывал, в минуты откровенности говоря, что он — «хитрый малоросс».

— Киев, либо [Могилев] Полтава, Харьков вот еще — я понимаю, это — родина: там все мне говорит, что говорит... поет о детстве, о родителях, этот воздух питал меня, от него образовались вот эти руки, эти волосы, эта грудь (он выпятил ее), там говорят моим языком, думают моими думками, мое сердце бьется там в каждом пастухе. А за сто, двести верст уедешь и все чужое. Что за нужда мне любить это чужое? Взять хотя бы ваш Петербург или Петроград (дурацкое <название?>). Да шут ли мне в нем? Что он, что Берлин, — все равно. Жить могу, интересоваться — очень интересуюсь (я, м<ожет> б<ыть>, и Пекином интересуюсь, такой вот оригинал), но любить — нет. Чтобы <полюбить?> государство российское и <государственную?> родину, мне надо забыть свою родину <запечную?>, вынуть мозги, перевернуть их, положить отдельно от себя и думать. Но у меня же есть сердце и плевать хочу на посторонние мысли! Если бы вот в Киеве устроили государство (без всяких там панукраинских фантазий), я бы уцепился, защищал бы я зубами и ногтями. Умер бы, а с Марусейками не расставался бы.

— Да у вас их никто и не отнимал бы, — тихо возразил монах. — Владыка Флавиан¹ золотое слово сказал. Вошел в пещеры,² благостный сумрак лампы, ароматы. Поднял он очи к небу, указал рукою и говорит: «Пока это есть, и Русь есть, а если это может погибнуть, не стоит и Руси быть».

— Да и Киев свой вы бы сами защищали, а не вятских мужиков из-под палки гнали бы умирать за ваши галушки! — окрысилась одна из девиц.

— Опять о войне и родине? — спросил Викентий, щурясь с улицы. — Остап бужует?

— Да что же мне поделывать, когда люблю я воздух родной?! — ответил тот и помахал рукою перед носом.

— Ну, воздух-то переделать едва ли кто может! — ответил опять Иринарх очень серьезно.

— А выгонять, да, меня?

— Воздух-то родной от этого не изменится. Можно жить и в изгнание, тяжело, но можно. Христианам же к местам привязываться не очень рекомендуется. Свободы это лишает.

— Как же это возможно? как же возможно? — задергался гнилым лицом Евлогий. — Нет государства, государственности — и ничего нет, один нигилистический лопух. Вы думаете, что в Швейцарии может родиться гений?

Неожиданно вдруг обнаружился еще один спорщик; может быть, его не было видно раньше просто вследствие его небольшого роста. Черные волосы до того спутанные, что голова его казалась в ватной шапке, с вывороченными ноздрями и губами, как-то без век, словно на картоне прорезанными глазами и огромными волосатыми ушами, он, тем не менее, имел известную привлекательность. Впрочем, постоянная неряшливость и преувеличенная вырази-

тельность лица не давали времени заметить его безобразья. Переплетчик Борух Малинер был ярким интернационалистом, и вместе с тем в каждой его морщинке, в каждом звуке, жесте, волоске кричала отменная, похоже, неискоренимость. Говорил он жирно, будто все время харкал.

— А как же Польша? Вы скажете, нет польской культуры, так как на карте нет Польского королевства. И еврей-таки есть, есть такой народ. Что вы скажете?

Густой голос о. Иринарх<a> казался <нрзб.>точным в сравнении с проплеванной трубой переплетчика:

— Положим, это к вопросу не касается, что говорит почтеннейший господин Малинер. Евлогий Петрович говорил <o> внешнем благоустройстве великой державы, а не о духе государственности, а вы именно об этом последнем и изволите толковать. Дух же государственности м<oжет> б<ыть> наиболее крепок в народах, лишенных самостоятельности. Поляки и евреи могут для всех служить примером сплоченности, суженности, отдельности от других и государственности.

— И у евреев, кроме Моисея и пророков, не было гениев! — выскочил опять Евлогий.

— А Россия? — почему-то спросила Лиза, никогда не вступавшая в подобные разговоры. О. Иринарх почему-то принял ее восклицания за обращенные непосредственно к нему:

— Россия — совершенно негосударственная страна. Она так опоздала, что дождалась времени, когда сдают в архив то, до чего она не дошла. Ее спасет ея <так!> отсталость, а может быть...

Монах остановился не для эффекта, а словно стыдясь договаривать. Все замолчали, ожидая. Лиза тихо подсказала:

— Спаситель?

Кто-то фыркнул. Остап бросил на хозяйку пренебрежительный взгляд, но о. Иринарх спокойно ответил:

— Спаситель всех вообще спасет.

— А Россию в особенности? — с жадною злостью спросил опять Евлогий.

— Я этого не говорю.

О. Иринарх словно сразу заскучал и запахнул, чтобы окончательно уходить.

Ибикова стояла уже в соседней комнате у окна, напоминая довольно банальные композиции передвижников: «раздумья», «сумерки», «свет угаснет», «кто виноват?», опершись одной коленкой о венский стул.

— Скучны эти споры. А Евлогий злится. Он совершенно больной человек, — сказал, <нрзб.> к ней, Дерюгин.

— У Евлогия Петровича — туберкулез, по-моему, и истерия, — заметила девушка, не оборачиваясь и очень спокойно. В передней еще прощались и грохотал Полоток (от его смушковой шапки всегда казалось, что он ужасно стучит сапогами и пахнет дегтем).

— Клавдия Алексеевна, вы живописью не занимаетесь?

— Ну конечно, что же я иначе стану делать. Почему вы меня спросили?

— Мне показалось, что вам все на свете надоело.

Клавдия [тихонько] неприят<n>енько рассмеялась.

— Нет. Хотя в жизни так мало неожиданного.

Она говорила тонким и унылым голосом. Викентию не было ее жалко, скорее она его раздражала. Он заговорил тон<ом> балагура-доктора, который совершенно к нему не шел. Впрочем, в сумерки, когда не видно лиц, это несоответствие не так чувствовалось.

— Да что вы, Клавдия Алексеевна, мало неожиданностей! Да вот я сегодня свою мамашу встретил, чем не неожиданность, и отправляюсь скоро к ней с визитом. Видите, какое соединенье церквей!

Он говорил так, словно <нрзб.> ее по коленке. Ибикова, опять не поворачиваясь от окна, произнесла:

— Вот как.

И помолчав, добавила:

— А вы знаете вашего брата, Анатолия Павловича?

— Никогда не видывал — вот вам вторая неожиданность!

— Он совсем не похож на вас, даже до странного.

— Красивый?

— Не знаю, право. Он очень справедливый человек. Очень.

— Что это какая у вас темнота? — раздался Лизин голосок, и казалось, что она весело морщит нос.

— Теперь белые ночи! — протянула Ибикова, но Лизавета Петровна уже обращалась к Дерюгину:

— Знаешь, Вика, что я узнала о ней...

— О гетере?

— Фу, какой ты! Ну да... Это так важно, я сегодня как именинник. Она влюблена в Анатолия <нрзб.>.

Ибикова повернулась быстро-быстро и слушала, играя складным аршином, медные кончики которого чуть-чуть (очень мерно) блестяли.

— Как же это — гетера, и влюбилась?

Лиза рассердилась, конечно, полушутя и замолкла. Дерюгин начал было [прощать] извиняться, как Клавдия, не оставляя аршина, так же очень мерно ответила:

— Это все вздор.

— Ну хорошо, и вздор, и не может влюбиться, и гетера, а я вам ничего не буду рассказывать!

— Я с [вас завтра] тобою вечером поговорю, Лиза, — проговорил Викентий вместо извиненья.

— Все равно я ничего не скажу.

— Я сам тебе расскажу много интересного.

Вошел Евлогий, закашлялся и лег на диван.

— Ты совсем болен, однако, — заметил Дерюгин довольно равнодушно.

— Все эти споры дурацкие! — сказала Лиза тоже не очень ласково.

— Я же не могу, когда... — Евлогий совсем раскашлялся, схватившись за грудь.

Клавдия вдруг бросила аршин и закричала:

— Невозможно так себя рас<нрзб.>. Из-за каждой мелочи делать....

¹ Вероятно, речь идет о митрополите Флавиане (в миру — Н. Н. Городецком, 1840–1915), митрополите Киевском и Галицком, архимандрите Киево-Печерской Успенской лавры (с 1903 года). Однако указанные слова (или схожие идеи) не встречаются ни в одной из его немногочисленных сохранившихся речей.

² Имеется в виду Киево-Печерская лавра.

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-87-100

© М. А. Федотова

«КАЮЩИЙСЯ ГРЕШНИК» ДМИТРИЯ РОСТОВСКОГО

Существование пьесы «Кающийся грешник», приписываемой святителю Димитрию, митрополиту Ростовскому и Ярославскому, до сих пор ставится исследователями под сомнение. Среди противников этой атрибуции, как и факта существования самой драмы, были, например, Н. И. Петров, советовавший «не повторять эту старую басню, давно выкинутую наукой за борт»,¹ и И. А. Шляпкин (чьи заслуги в изучении творчества святителя трудно переоценить), считавший, что перу Димитрия не принадлежит ни одной пьесы, так как «у нас нет никаких сведений о драматических трудах святителя и им самим нигде о них не упоминается».² Проблема усугубляется тем, что текст драмы до настоящего времени, действительно, не был известен.

В историографии российского театра впервые эта драма Димитрия Ростовского была упомянута среди других спектаклей, поставленных по его пьесам, членом Российской академии наук Якобом Штелином сначала в немецкоязычной статье «Zur Geschichte des Theaters in Rußland» 1769 года, а затем в ее русском переводе 1779 года.³ «Аллегорическая драма Грешник кающийся» была отмечена в словарях Николая Новикова⁴ и митрополита Евгения (Болховитинова),⁵ затем она неизменно перечислялась среди сочинений Димитрия Ростовского в исследованиях, посвященных его биографии и творчеству, начиная с труда А. В. Горского.⁶

Самым убедительным свидетельством ее существования являются два хорошо известных и не раз цитируемых описания пьесы:⁷ русского драматурга князя А. А. Шаховского⁸ и актера Ивана Носова.⁹ Оба пересказа составлены на основе записи, сделанной знаменитым русским актером И. А. Дмитриевским. Изложение Шаховского — более полное и авторитетное по сравнению с заметкой Носова, чья «Хроника русского театра» считается во многом сомнительной и малодостоверной.

¹ Петров Н. И. О сочинении студента Евгения Троицкого на тему: «О драматических произведениях св. Димитрия Ростовского» // Труды Киевской духовной академии. 1912. № 3. С. 680.

² Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709). СПб., 1891. С. 343–345. Заметим также, что ни одно собрание сочинений Димитрия Ростовского в своем составе этих пьес не имеет.

³ Штелин Я. Краткое известие о театральных в России представлениях от начала их до 1768 года // Санкт-Петербургский вестник. 1779. № 4. С. 85.

⁴ Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772. С. 58.

⁵ Евгений (Болховитинов), митр. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. 2-е изд. СПб., 1827. Т. 1. С. 133.

⁶ [Горский А. В., протоерей]. Святой Димитрий, митрополит Ростовский. М., 1849. Книга была составлена на основе двух работ выпускников Московской духовной академии 1848 года: Виссариона (Нечаева), будущего епископа Костромского и Галичского, и Николая Барского, будущего ректора Ярославской духовной семинарии.

⁷ Текст см.: Ранняя русская драматургия (XVII — первая половина XVIII в.). М., 1972. Т. 2. Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. / Изд. подг. О. А. Державина, А. С. Демин, В. П. Гребенюк. С. 336–337.

⁸ См.: Театральный альманах на 1830 год. СПб., 1830. С. 125–130.

⁹ См.: Хроника русского театра Носова. С предисловием и новыми разысканиями о первой эпохе русского театра Е. В. Барсова. М., 1883. С. 32–33.

Переданное Шаховским описание Дмитриевского может относиться к петербургской придворной постановке 18 марта 1752 года, разыгранной труппой Ф. Г. Волкова.¹⁰

Е. В. Жигулин, опираясь на эти изложения, сделал вывод, что названная постановка «не соответствует эстетике постановок ростовской школы начала XVIII в.» и, «поскольку известные нам пьесы Димитрия Ростовского посвящены церковным праздникам, „Кающегося грешника“ митрополит не писал». По мнению исследователя, пьеса могла быть создана «в кругах, близких к ростовской или ярославской духовным школам 1720–1740-х гг. <...> на основе части 2-го действия „Успенской драмы“ и, возможно, с привлечением „Рождественской драмы“. <...> В пересказе „Кающегося грешника“ упоминаются те же персонажи, что участвуют во втором действии „Успенской драмы“: Советь, Ангел-Хранитель, Правосудие (Суд), Надежда. Персонажи Ада — Главный Дьявол и Черти „Кающегося грешника“ могли быть взяты из 2-го действия „Рождественской драмы“. В сцене спора с Ангелом-Хранителем Главный Дьявол мог получить реплики Нотария „Успенской драмы“».¹¹

Еще одним, к тому же самым ранним доказательством существования пьесы «Кающийся грешник» является ее использование в драме рязанского школьного театра 1720-х годов. С. И. Николаев, обнаруживший программу представления «рязанской» драмы (название и сам текст пьесы неизвестны), поставленной, вероятно, в апреле 1727 года, полагает, что «на основании многих совпадений» литературным источником 4-го действия рязанской постановки можно считать «Кающегося грешника».¹² Встает, однако, вопрос, был ли этим источником «Кающийся грешник», или материалом стала сама «Успенская драма», к которой восходит «Кающийся грешник», так как 2–5 явления 4 действия «рязанской» пьесы, согласно программе, почти полностью соответствуют 1–4 явлениям 2 действия «Успенской драмы».

Возможно, ответить на этот вопрос поможет обнаруженная нами в рукописи РГБ. Ф. 394 (Собр. А. И. Хлудова). № 25,¹³ среди сочинений Димитрия Ростовского, на л. 609 об. — 616 пьеса под названием «Суд кающегося грешника пред Богом».

Рукопись из собрания А. И. Хлудова относится к тем сборникам сочинений Димитрия Ростовского (большинство текстов в них — проповеди), которые были написаны с использованием автографов Димитрия или авторизованных списков (т. е. списков, написанных писцами, но с правкой самого святителя Димитрия), хранившихся в ростовском скриптории.¹⁴ Так, например, в этой рукописи при «Слове в субботу 4 недѣли Великаго Поста» имеется помета «По Феодору Яков[личу] Турчанину, по[минает] сын его Андрей, в церкви Ко[змы и Дамиана] в Ка[дашевѣ], ноемвриа [27], 1705» (л. 47),¹⁵ сходная с названием проповеди и пометой-автографом в авторизованной рукописи митрополита ГИМ. Собр. М. И. Соколова. № 81. Л. 165: «An. 1705 Nouembr: 27. Панахида по Феодору Яковличу Турченину, поминатель син его Андрей, в церквѣ Козмы и Дамиана в Кадашевѣ».

¹⁰ «Комедия о покаянии грешного человека» входила в репертуар ярославского театра. См.: [Всеволодский-Гернгросс В. Н.]. История русского драматического театра: В 7 т. М., 1977. Т. 1. От истоков до конца XVIII века. С. 143. А. А. Шаховской также свидетельствовал, что Ф. Г. Волков собрал и переписал «все духовные трагедии, приписанные Димитрию Ростовскому». См.: Театральный альманах на 1830 год. С. 125.

¹¹ Жигулин Е. В. Художественное своеобразие театра Димитрия Ростовского. Дис. ... канд. искусствоведения. М., 1995. С. 67–68.

¹² Николаев С. И. Из истории рязанского школьного театра 1720-х гг. // Традиция и литературный процесс. Новосибирск, 1999. С. 77.

¹³ Рукопись 1760-х годов, 2^о, 678 л. (Филигрань: герб Ярославля с литерами ЯМСЯ (3 тип), см.: Клепиков С. А. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX века. М., 1959. С. 20, 23). Краткое описание рукописи см.: Викторов А. Е. Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев за 1866 г. М., 1898. С. 52. Рукопись выставлена на сайте НИОР РГБ: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/394/f-394-25/>; дата обращения: 10.04.2022.

¹⁴ К такого типа сборникам с сочинениями Димитрия Ростовского относятся также рукописи Ростовского музея-заповедника Р-828 и РНБ. Собр. А. А. Титова. № 3557.

¹⁵ Поля в рукописи до реставрации были в плохой сохранности, текст в квадратных скобках восстановлен нами.

«Суд кающегося грѣшника пред Богом» в рукописи из собрания А. И. Хлудова, на наш взгляд, представляет собой не что иное, как пьесу «Кающийся грешник», которая была создана в качестве отдельной декламации на основе «Успенской драмы» Димитрия Ростовского.

Пьеса в одном действии состоит из четырех явлений и посвящена теме заступничества Пресвятой Богородицы за кающегося грешника перед Судом Божиим. Текстологическое исследование показало, что она почти полностью (хотя и с некоторыми различиями) соответствует 1–4 явлениям 2 действия «Успенской драмы», при этом по чтениям ближе Музейскому списку пьесы.¹⁶ Самыми существенными являются различия в репликах Гнева, Суда и Грешника в конце 1 явления (вместо реплики Грешника идет реплика Суда); Нотария и Хранителя — в 4 явлении (четыре отдельные реплики в «Успенской драме» объединены в две в «Кающемся грешнике»).

«Успенская драма»	«Кающийся грешник»
<i>2 действие 1 явление</i>	<i>1 действие 2 явление</i>
Гнев	Гнѣв
Горд, завистник, нечистый, праздноглаголивый. Пьяница, обжирца, тат, убийца, ленивый. Тако ли есть се?	Горд, завистник, нечист, праздноглаголивый, Пьяница, обжирца, тать, убица, лѣнливый.
Грешник	Суд
Тако!	Тако ли есть се? Грѣшен тако!
<i>2 действие 4 явление</i>	<i>1 действие 4 явление</i>
Нотарий	Нотарий
Простила грехи, бывша пред отчаянием.	Простила грѣхи, бывша пред отчаянием, Потом, яже согрѣшил, стер покаянием.
Хранитель	Хранитель
Потом, яже согрешил, стер покаянием.	
Нотарий	
А яже суть не стерта, где сия поденеш?	Вложи на свою выю, что ся со мною преѣш. А яже суть не стерта, гдѣ сия подѣеш?
Хранитель	
Вложи на свою выю: что со мною преѣш.	
Благоутробие	Благоутробие
Перестан человека смертна искушати, Перестан ему дорогу в небо препинати! ¹⁷	Перестань человекѣка смертна искушати, Перестань ему дорогу в небо препинати. ¹⁸

С другой стороны, пьеса «Суд кающегося грѣшника пред Богом» соответствует программе 2–5 явлений 4 действия рязанской пьесы. И если все-таки предположить, что автор последней воспользовался «Успенской драмой» Димитрия Ростовского, то тогда нужно признать, что он заимствовал только этот фрагмент — фрагмент суда над кающимся грешником и покровительства Пресвятой Богородицы. В рукописи из собрания А. И. Хлудова, № 25 явление 1 (начало: «Погибох окаянный над всѣ человекѣ / Увы предахся аду на вѣчныя вѣки...») обозначено как явление 2 (именно им открывается пьеса, см. л. 609 об.), и это, возможно, не ошибка (описка) писца данного сборника, так как в программе рязанской пьесы явление, полностью соотносимое с ним по содержанию, также отмечено как 2 явление 4 действия, следовательно, такое надписание могло быть в протографе обоих текстов. Таким образом, вероятно, следует признать верным наблюдение Николаева, что источником рязанской пьесы был «Кающийся

¹⁶ «Успенская драма» Димитрия Ростовского сохранилась в двух списках — ГИМ. Музейское собр. № 1199. Л. 60 об. — 93 и РГАДА. Ф. 381 (Рукописное собрание библиотеки Московской Синодальной типографии). № 1236. Л. 1–25 об.

¹⁷ Димитрий Ростовский. Успенская драма (Комедия на Успение Богородицы) // Ранняя русская драматургия. Т. 2. С. 205, 214.

¹⁸ ГИМ. Собр. А. И. Хлудова. № 25. Л. 611, 615 об.

грешник», а не «Успенская драма», как можно было бы предположить, а значит, пьеса «Кающийся грешник» (или, как она названа в списке РГБ. Собр. А. И. Хлудова. № 25, «Суд кающегося грѣшника пред Богом») была создана до 1727 года — года постановки, согласно датировке Николаева, рязанской школьной драмы, являющейся «подношением» учителей и учеников Рязанского духовного училища Гавриилу Бужинскому.¹⁹

По мнению Жигулина, как указывалось выше, пьеса «Кающийся грешник» могла быть написана в кругах, близких к ростовской или ярославской духовным школам 1720–1740-х годов. Однако в Ростовской епархии в период между закрытием в 1706 году Ростовской школы святителя Димитрия и открытием в 1747 году Арсением (Мацевичем) Ярославской духовной семинарии существовала, как нам известно, еще только одна Славяно-латинская школа. Она была открыта в 1739 году в Ростовском архиерейском доме по инициативе архиепископа Иоакима, после смерти которого в 1741 году школа была почти сразу закрыта,²⁰ а значит, пьеса «Суд кающегося грешника перед Богом» как отдельная декламация, «извлеченная» из «Успенской драмы», была создана и поставлена, вероятно, в школе святителя Димитрия или после ее закрытия, но до 1709 года (года смерти митрополита) в кругах ростовского святителя.

Сама программа, композиция «Успенской драмы», действительно, располагала к созданию, отделению от основного текста таких декламаций. Л. А. Софронова отмечала, что две части, два действия «Успенской драмы» автономны, связаны «только общей идеей <...> Никаких связывающих их сюжетных элементов они не имеют <...> Они связаны между собой, как могут быть связаны тема и пример, ее иллюстрирующий. В действии I развивается тема величия Богородицы, ее Успения, действие II — конкретный пример заступничества Богородицы за грешников».²¹ «Суд кающегося грешника» в качестве отдельной пьесы, выделенной из состава «Успенской драмы», как представляется, не единственный тому пример. Совершенно независимой является первая часть 3 явления «Успенской драмы», которая могла быть также если не отдельной пьесой, то самостоятельной декламацией: она требовала минимум исполнителей — Плач церковный, Утешение, Вравие и, возможно, 12 отроков-певчих, участвовавших в процессии.²² И не случайно, вероятно, что в одном из двух сохранившихся списков «Успенской драмы» эта часть (со слов Плача церковного «Мати Бога пречиста, нынѣ преставленна / И от долних в горняя славно преселенна...» до слов «Со ужомом ниц падиши тайно поклонихся / Божией отидох, и то възвѣщаю. / Вам, о друзи, от ас же болш слышати чаю») помещена и читается отдельно в конце пьесы после Пролога.²³ Такой же «неисправностью» отличается Бахрушинский список²⁴ «Рождественской драмы» Димитрия Ростовского, содержащий только часть пьесы и перепутанный порядок явлений, что может свидетельствовать не о дефекте списка, а о тенденции постановки отдельных частей пьес Димитрия Ростовского в виде небольших декламаций.²⁵

Таким образом, пьеса «Суд кающегося грешника перед Богом» была создана при Димитрии Ростовском. Как минимум еще один ее список, кроме списка из собрания

¹⁹ Николаев С. И. Из истории рязанского школьного театра 1720-х гг. С. 76.

²⁰ «Вследствие указа императрицы Анны он (архиепископ Иоаким. — М. Ф.) учредил в 1739 г. при своем архиерейском доме славяно-латинскую школу, для которой учителя были вызваны, за неимением русских, из Малороссии. Надо сказать, что после смерти преосвященного Димитрия митрополита просвещение в Ростове сильно упало и школ никаких не было. Впрочем, и эта небогатая школа, заведенная Иоакимом, существовала лишь до 1742 г. и стала упадать» (Летописец о ростовских архиереях / С прим. чл.-корр. А. А. Титова. СПб., 1890. Примечания. С. 46; ср.: Вахрина В. И., Кочетов Д. Б. Иоаким // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 23. С. 151).

²¹ Софронова Л. А. Поэтика славянского театра XVII — первой половины XVIII вв.: Польша, Украина, Россия. М., 1981. С. 165.

²² Ср.: Жигулин Е. В. Художественное своеобразие театра Димитрия Ростовского. С. 62.

²³ См.: ГИМ. Музейское собр. № 1199. Л. 52 об. — 60 об.

²⁴ Государственный центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина. № 162040. Л. 1–13 (первая половина XVIII века, 4^я, 145 л.).

²⁵ Ранняя русская драматургия. Т. 2. С. 334.

А. И. Хлудова, был известен автору рязанской постановки. В 1740–1750-е годы, в период царствования Елизаветы Петровны, существующая драма в постановке ярославской труппы Ф. Г. Волкова, возможно, была дополнена новыми персонажами и новыми сценами, тем самым став новой сценической редакцией «Кающегося грешника» Димитрия Ростовского.

Текст пьесы «Суд кающагося грѣшника пред Богом» публикуется по рукописи РГБ. Ф. 394 (Собр. А. И. Хлудова). № 25. Л. 609 об. — 616. Из букв кириллического алфавита сохраняется только ѣ, остальные буквы заменяются современными, ъ воспроизводится только в середине слова; титла раскрываются; выносные буквы вносятся в строку в соответствии с написанием подобных слов в данной рукописи; пунктуация современная. Киноварь передается полужирным шрифтом. Исправления, сделанные по списку ГИМ. Музейское собр. № 1199, выделяются курсивом.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СУД КАЮЩАГОСЯ ГРѢШНИКА ПРЕД БОГОМ

Дѣйство 1. Явление 2

Погибох окаянный над всѣ человекѣ,
Увы, предахся аду на вѣчныя вѣки.
Нѣсть грѣха, егоже аз не сотворих блудный,
Нѣсть скверны, еяже аз не содѣях студный,
Толь много грѣхов на мнѣ, сколь звѣзд имат небо.
Коль песку воскрай моря, я сам знаю, се бо
Грѣхъми, аки звѣздами, живу испещренный,
Не як в песку, но во смрадном блатѣ очерненный.
Не помянух суд страшный, ни лютоя смерти,
Не помянух имуща ада мя пожрети.
Поглядаю на красно небо окаянный,
Но бысть в нем ненадежен, гину отчаянный,
Гину да гину, иду во пропасть безденну
Отчаян спасения, иду во геенну.

Совѣсть

О горе, человеце, что се глаголеши,
Отчаянием себе в геену влечеши!
Или не вѣси, грѣшне, милостива Бога,
Могущаго отпустить многим грѣхи многа!
Помяни согрѣшивших: Петра, Магдалину,
Ниневитян, Монасию и египтянину.
Не вѣси ли, яко ти Богу согрѣшиша,
Кающесе простыню грѣхов получиша.
Ты же отчаянному послѣдствуеши Июдѣ,
Хотящ быти кушно с ним в серчистом сосудѣ.
Се уже от тя отступил и аггел хранитель,
Скорбен отиде от тя твой руководитель.

Грѣшник

Вѣм, яко мя остави, спасти бо не може,
Уже бо ношу с собою геенское ложе.
Не возможе от руку тѣх мя изхитити,
Иже мя уловиша адовыми сѣти // (л. 610)

С о в ѣ с т ь

Послушай мя, полезныя совѣсти твоя,
 Послушай и здравыя породы моя.
 Прежде смерть не постигла, истинно покайся,
 Умилостивиш Бога, вѣруй, не отчайся.
 Стяжи ходатаицу Дѣвую Пречистую,
 Марию, Матерь Бога, безбрачну невѣсту.
 Та — покров, заступница людем есть едина,
 Умолит и о тебѣ Бога си и Сына.
 Аще на земли пришедши жителствует,
 Обаче спасение всѣм ходатайствует.
 Рцы к ней: «Спаси, Марие, спаси, погибаю,
 Чрез тя у Создателя милости прошаю!»
 Помолися, улучиш грѣхов простыню
 И вѣчную восприемлеш тебѣ благостыню.

Г р ѣ ш н и к

Что всеу глаголеши, егоже не чаю,
 Не хощу тя слушати, уши затыкаю.
 Первѣ солнце згаснет, звѣзды потемнѣют,
 Первѣ свѣтозарные небеса изтлѣют.
 Первѣ источатся источницы в мори,
 Первѣ непроходныи во путь пойдут горы,
 Первѣ возглаголют каменные стѣны,
 Неже мя помилует Бога благостыни.

С о в ѣ с т ь

Встань, ах, встань, Гнѣв Божий наступает,
 На грѣшную ти व्यю меч свой изошряет,
 Се ти погибель в сем часѣ настоит.

Г р ѣ ш н и к

Вѣм, яко и геенна огниста предстоит,
 Ты же, Совѣсти, молчи, аз сам разум имѣю,
 Память, волю — тѣми мя в сем часѣ радѣю.

Пѣние, аще возможно. // (л. 610 об.)

С о в ѣ с т ь

Встань, встань! Доколь в тинѣ грѣховно лежиши,
 Доколь непокаянством аггелов смутиши?
 Се Гнѣв Божий находит мечем тя погубити,
 Ах, Пречистая Дѣва, не дай погубити.

Г н ѣ в Б о ж и й

Лежиш здѣ, окаяние, прогнѣвавши Бога,
 На число песка морскаго зла сотвори многа,
 Совѣстию обличен, непокаявыйся,
 В вѣк милости Божой здѣ отчаявыйся.
 Нынѣ же кто тя измет от моею руку,
 Утоплю меч во утробу, пошлю в вѣчную муку.
 Будеш, будеш в плачевном адѣ ввѣк сидѣти,
 Будеш в неугасимом огнѣ ввѣк горѣти.
 Прежде даже в уши ти не придет глас трубный.
 Тма, огонь, червь обимет тя, плачь и скрежет зубный.

Судом Бога послан есмь Гнѣв тебе убити
И всѣх некающихся племя истребити.
Преклони выю, вскорѣ падши на колѣна,
Да приймет нагороду грѣхов твоих вина.

Г р ѣ ш н и к

Гнѣве Божий, потерпи поне мало время,
Да грѣхов моих сложу нечистое бремя.

Г н ѣ в

Доселѣ имѣл еси разум, уже не время память, волю,
Могущу каяться, в вѣчну днесь идеши неволю.

Г р ѣ ш н и к

Поне час или два ны продолжи молити.

Г н ѣ в

Приими мзду по дѣлом ти, ни полминуты, и болшую приемлещ,
Егда ся огнем вѣчным геенским обимеш.

Благоутробие Богородицы

Стой, умилосердися, Гнѣве Божий правый,
Не губи, егоже Бог во образ свой создавый. // (л. 611)
Той его кровию си искупи от смерти,
Ты же напрасно аду не предай пожерти.
Остави согрѣшившу, падшаго помилуй,
Божию того Суду предстоит усилуй.
Аз, Благоутробие, тебе умоляю,
На судѣ кроток буди, главу ти склоняю.

Г н ѣ в

Добрѣ, но и Суд Божий так будет судити,
Не схощет бо без казни того отпустить.
Гряди на суд и его веди с собою.

Благоутробие

Добрѣ, гряду по тебѣ, ко истинну суду,
Да его не погубит, умоляти буду.

Г н ѣ в

Суде Божий, осуди сего, пришеды к суду чловѣка,
Тот грѣхов полны, яко никто же от вѣка.

Суд

Кии суть того грѣхи, исповѣждь подробну,
Мы того мучению предадим подобну.
Ты же, Извѣте, пиши глаголемая,
Тебѣ истинно да будут внемлѣма.

Г н ѣ в

Горд, завистник, нечист, праздноглаголивый,
Пиияница, обжирца, тать, убица, лѣнивый.

Суд

Тако ли есть се? Грѣшен тако!

Г н ъ в

Слыша, разсудѣте,
По величеству грѣхов казем предадѣте.

С у д

Всяк грѣх смертный, за всяк есть он смерти достойный,
На вѣчну смерть напиши извѣт ему пристойный. // (л. 611 об.)

Б л а г о у т р о б и е

Суде Божий, за имя Пречистой Марии
Напиши: Со грѣшником преклоняем выи.
Потерпѣ немощем грѣшна челоуѣка
Чрез ту, яже Бог избрал за Матерь от вѣка.
Немощен челоуѣк, а супостат силнѣйший,
Тѣм падеся и Адам, челоуѣк первѣйший,
Колми паче в нынѣшнем послѣднѣйшем вѣцы
Како не имут пасти слабы челоуѣцы?

И с т и н н а

По падении Адам скоро был казимый,
Из Рая от херувим мечем изгонимый.
И умилостивити не можаше Бога,
Не вѣдома ему бысть покуты дорога.
Он грѣхи покутам могл бы очистити
И милостива Бога себѣ сотворити,
Не единожды Совѣсть его обличала
И ко покаянню зѣлнѣ привлекала.
Но понеже не хотѣ достоин есть муки,
Достойн предатися в Лицыпера руки.

Б л а г о у т р о б и е

О, Истинно Божия, буди благосерда,
Буди, якоже и Бог, грѣшным милосерда.
Милосердие Бога да не упразднится,
Но на сем грѣшницѣ вами да явится.

И с т и н н а

Не была бых Истинна, грѣшных не казнящи,
Не трудися болѣ сѣмо предстоящи.

С у д

Прочти Истиннѣ, Извѣт, како осужденны
Пойдет, на коем мѣстѣ будет посаженный.

И з в ѣ т

Истинным Судом Божиим дается извѣт
На грѣшника сего за премногая злодѣяния и
Отчаяния, да емлется в тму кромѣшную, // (л. 612)
Идѣже плачь и скрежет зубный, червь
Неусыпаемый и огонь неугасимый.

С у д

Раба сего лукава в темницу ввержете.

Благодарение

Суде Божий, мало на время пождѣте
На небеси Дѣвая Богу предстоящи,
Не престае за грѣшных Иисуса молящи.
От имени тоя аз тебѣ умоляю.

Суд

Аз от имени ея тебе послушаю,
Не предаю грѣшнаго под адское бремя,
Но в крѣпкую темницу заключаю на время.

Явление 2

Грѣшник в темницѣ въздыхает

О мя, преокаянна, в сих заклѣпах суца,
Помощи ни от кого бѣдна не имуща.
Истинным Судом Бога есмь здѣ посажденны,
Но не вѣм, чрез кого аз буду свободенный.
И Истинна с Судом Бога согласным совѣтом,
Ах, на вѣчную мя смерть предаша извѣтом.
Ах, на вѣчную.
Ах, кто мнѣ, грѣшну, нынѣ даст помощь и руку,
Да не пойду осужден во вѣчную муку.
Оле во жизни моей всего окаянства:
Чревообядения, зависти и пьянства,
Гордость и нечистоту хотѣх бых оставить,
И прочая хотящи житие исправить.
Но горе мнѣ, блудному, уже днесь не время,
Влечет мя в дно геенны грѣхов моих бремя.
Аще толкати в небо молитвою тщуся,
Внѣ со буйими дѣвы горе обращаюся:
«Господи, отверзи ми, да аз исповѣм тя».
Он непотѣшным гласом отповѣт: «Не вѣм тя.
Ах, горе, — рече, — поиди от мене, проклятый,
Во огонь вѣчный, там будешь диаволы яты, // (л. 612 об.)
Будешь во тмѣ кромѣшной навѣки сидѣти,
Будешь зубами скрежащ в гееннѣ горѣти».
О, муки, ах, о, рѣки серчистой пловущей.
О, муки, во всѣм вѣцѣ конца не имущей.
Лучшии есть звѣрие, живши безразумныи,
Нежели аз, человек грѣшащ, суца умный.
Та погибнут, умерши душею и тѣлом,
Аз же истязан буду по моим злым дѣлом.
Покайся, ах, покайся, всяк нынѣ грѣшащи,
Нѣсть ми покаяния в час сей настоящий.
Покайся, егда ты Гнѣв не постиже Бога,
Уже ми загладися к небеси дорога.

Совѣсть

Се нынѣ, окаянне, людей увѣщаеш,
Егда не само себе погибели ти знаеш.
Не глаголах ли тебѣ: «Покайся, покайся,
Покайся, человекче, Бога не отчайся!»
Но от словес моих ум тебѣ потемнися,

А нынѣ в сей темницѣ ноцной просвѣтися.
Увы мнѣ, окаянной Совѣсти твоея,
Не слушав хранителя, ни рады моея.

Г р ѣ ш н и к

Истинну глаголеши, Совѣсти тщалива,
Не убояхся впасти в руцѣ Бога жива,
Согрѣших, отчаяхся, погибох вѣвки вѣком,
Скотом уподибихся, а не челоуѣком.
Лучше бо безумным скотом родити,
А нежели умному в гееннѣ горѣти.
Щастлив скот: умирающ вѣвки умирает,
О неразумна муки вѣчной не знает.
Аз же создание есть Боже, разумно,
Но погубих ум живый на земли безумно!
Создан во образ Бога, но уподобихся
Диаволу, в того бо образ премѣнихся.
Первым грѣхом — гордостію есть соравненный:
Он с неба, аз же з земли во ад низверженный. // (л. 613)
Горе, скорбь мя снѣдает, мука безконечна,
Плачите мя, людие и вся подсолнечна.

С о в ѣ с т ь

Не буди отчаянны, еще Бога Мати
Не отяла от тебе своей благодати.
Ей обычно есть грѣшных всѣх не оставляти,
Но оставлении грѣхов умоляти.
Возведи очи в небо и воздѣй к ней руцѣ,
Помолися, да вѣчной не предаст тя муцѣ.

Г р ѣ ш н и к

Во время погибели тебе послушаю,
Чрез заклепы к ней руцѣ горѣ воздѣваю:
«О, красото пресвѣтла небеснаго града,
Не остави мя суца в преддверии ада!
Призри на погибшаго, яко ти обычно
Всѣх нас грѣшных спасати тебе есть прилично.
Умоли Христа Бога, сладкаго ти Сына,
Всѣм нам грѣшным надежда ты суть едина.
Да вѣк к покаянію мнѣ, грѣшному, пробавит,
Благоутробием ты милости на мнѣ явит».

Н а д е ж д а

Не погубляй надежды, грѣшный челоуѣче,
Милость Дѣвы Марии на тебѣ приниче,
Теплѣйшия молитвы к Сыну проливает, восылает,
Егда твоему гласу молебну внимают.
Не отчаявайся — ти Надежда вѣщаю,
Спасение Дѣвою тебѣ обѣщаю.
Аще предстанеш Суду, ничтоже сумнися,
Токмо умом к Дѣвѣ Пречистой молися.
Та облечет тя в первую нетлѣнну одежду,
Вѣруй, яко приемлеш, имѣй мя, Надежду.
Во время, когда имаш предан быти
Мукам, на небо не престань смотрѣти.
Узриши по лѣствицы аггела сходяща,

Мариины молитвы пред Бога приносяща.
 Та молба тя избавит от вѣчныя муки,
 И от Божия Гнѣва избавит тя руки, // (л. 613 об.)
 Буду спаситися надежень, яко Ной в ковчезѣ,
 Не будеш во пеколном, но на *небесном* брезѣ,
 Чрез мя сучец масличен шлет ти голубица,
 Мария Матерь Бога, нескверна дѣвица.

Г р ѣ ш н и к

Благодарю, Надеждо, за вѣсть ти такову,
 Юже ми спасения возвѣстила нову.
 О, да бы твои слова собылися дѣлом,
 Желаю всеусердно душею и тѣлом!

Явление 3

С у д

На Благоутробия молитву прирѣвши,
 Грѣшнику время жизни мало умедливши.
 Сотворѣмо истинну и суд Божий правый,
 Да погибнет от земля Божий раб лукавый.
 В нюже всади, в темницу идите,
 Грѣшника скоро сѣмо представите.
 Достоин еси скверне за грѣхи приличну,
 Ити, приявши извѣт, во геенну вѣчну.

Молитва

Владыко, Человѣколюбче, Господи Иисусе Христе Сыне Боже мой! Аз, смиренная раба и Мати Твоя, надѣяся на милость благоутробия Твоего, дерзаю матерски к Тебѣ простирати молбы о грѣшницѣ, иже в предвериах ада сущи, всемогущая имя Твое и мене, Матерь Твою, на помощь призвах. Помяни щедроты Твоя и милости Твоя, яже от вѣка суть, да не одолѣет грѣшных злоба Твоей неизреченной благодати. Помяни безконечную ко грѣшным милость Твою, еяже ради с небеси на землю низшел еси и поклонился еси, убо о преблагий Иисусе, хотящи всѣм // (л. 614) спаситися ради воплощения и рождества Твоего, ради со человѣки пожития Твоего волнаго распятия, преславнаго воскресения и на небеса вознесению. Аще угодна есть молитва моя пред Тобою, да исправится, избави от вѣчныя смерти человѣка сего, от негоже того чистою си искупил кровию. Помяни, о прелюбезный Сыну, о Всемилостивый Боже, Матерь Твою, молящуюся о его согрѣшении и прощении. Помяни очеса моя, любезно на Тя смотрѣвшая. Помяни ушеса моя, усердно Тя Послушавшая. Помяни уста моя, матерски Тя лобзавшая. Помяни руцѣ мои, мягцѣ Тя пеленами повившая и носившая. Помяни нозѣ мои, от лютаго Ирода во Египет Тебе ради бѣгшия и паки тридневно тебе ищущия. Помяни сердце мое, еже Тебѣ, суцу на крестѣ, оружие проиде. Всѣм сердцем, всѣми силами души и тѣла моего молю Тя, не помяни беззакония его, ниже предаждь его вѣчной муцѣ, не мертвии бо восхвалят Тя, Господи, ни вси, нисходящии во ад. Да не возвеселится враг о погибели его, но да возрадуются престолу Твоему аггелы предстоящии, к ним иже и того сопричти, да с тѣми хвалит Тя вовѣки. Аминь.

Аггел с неба с молитвою

Да адская грѣшника не поимет ловитва,
 Сие Марии Дѣвы сотвори молитва,
 Та умолила Сына своего едиnorodна
 И от вѣчныя смерти сотвори свободна.
 Се в знамение, молитву приемши, прочтѣте,
 Человѣка в одежду первую облечете.

Суд

Извѣте, чти молитву, возми на мѣрала,
Аще за грѣхи того довлѣ сотворила. // (л. 614 об.)
Здѣ грѣхи клади, аще молитва превышит,
Человѣк ся вѣчнаго живота не лишит.

Истинна

Достойно и праведно волна сотворити,
Ты же вѣкъ не забуди Марию блажити.

Благоутробие

Гряди, аггеле Божии, изволь повѣдати,
Что здѣ бысть, Хранитель же его сѣмо поспѣшати
Да изволит, уже бо за грѣхи прощенны
Паки оному отселѣ врученны.

Суд

Гнѣве Божий, Истинно, оружия скрыйте,
В одежду человѣка первую окрыйте.

Истинна

Низвержи скверну, чисту восприими одежду,
Благодари благу Дѣву, ти надежду.
Поклонися до земли, воздѣй в небо руцѣ,
Яко ты не предаде безконечной муцѣ.

Грѣшник

Благодарю тя, Дѣва, раб непотребнѣйший,
Во всем вѣцѣ паче всѣх грѣшников грѣшнѣйший.
Благодарю за любовь к Сыну ти и Богу,
Благодарю за милость матерню премногу.
Благословенный буди един в Троицы, Боже,
Буди благосклонна, Царица Госпоже.

Явление 4

Грѣшник

Егоже видѣсте мя, грѣшна человѣка,
Уже с тѣлом и душею погибша вѣкъ вѣка.
Уже бѣх окаянный в преддверии ада,
Не в преддверии и внутрь пекелнаго града.
Аще бы не дала ми та помощь и руку,
Яже не хочет грѣшным поити в вѣчную муку, // (л. 615)
Мария, Матерь Бога, чистая дѣвица,
Жилцев неба и земли крѣпкая царица,
Надежда грѣшным, помощь отчаянным,
Спасение погибшим и в муку посланным.
Та во адских заклѣпах и мнѣ, грѣшну сущу
И на вѣчныя муки в геенну идущу,
Поможе молитвою к Сыну си и Богу,
Еяже удивила на мнѣ милость многу.
Благоутробием си спасе мя оттуду,
О чесом ея милость хвалить не забуду.
Вы же, о человѣцы, прилѣжно внимайте,
Марию человѣком заступницу знайте.

Аще кто когда впадает в коликия бѣды,
Аще кто и заблудит на грѣшници слѣды,
На земли, во пустыни и промежду горы,
В кровавых бранех на поле, такожде и на мори,
Взывай на помощь Дѣву, та будет ти щитом,
Та предстанет ти в помощь со аггелским синклитом,
Та прогнание будет полков невидимых,
Та мечь, та оружие на врагов видимых.
Яко на себѣ дознах, истѣ вам вѣщаю,
Болѣе не глаголю, ибо смерть чаю.
Дух ми сказует, яко близ моя кончина,
Уже тѣло слабѣет, яко паучина.
Вся кости и вся уды уже изнемогают,
Уже к темному гробу конечни зближают,
Иду убо на одрѣ немощен почити,
Вы же умирающа изволте простити.

Нотарий (ремарка — подячий)¹
Зри, человекче, ко гробу идущий,
Коль согрѣшилес чрез вѣк твой плывущий.
Се грѣхов твоих книга исполнена,
Да размотриш, се тебѣ разгбенна.

Хранитель
Не смущай человекча, при кончинѣ суща,
От временной жизни ко вѣчной идуща. // (л. 615 об.)
Дѣвая Пречистая Христа умолила,
Чрез Христа человекчу вся грѣхи простила.

Нотарий
Простила грѣхи, бывша пред отчаянием,
Потом, яже согрѣшил, стер покаянием.

Хранитель
Вложи на свою выю, что ся со мною преѣш.
А яже суть не стерта, гдѣ сия подѣш?

Благодѣтелие
Перестань человекча смертна искушати,
Перестань ему дорогу в небо препинати.

Нотарий
Како препинаю, аз Истинныи требую,
Да долг за грѣхи отдаст, на то усилую.

Благодѣтелие
О, Истинно Божия, скорѣ прииди сѣмо,
Настоятель сего от нас ижденемо.

Истинна
Что мя здѣ желаете, се стою, готова,
Рцете, яже имате ко мнѣ кии слова.

Благодѣтелие
Близко смерти сущаго сего человекча
Устрашает грѣхами, бывшими от вѣка,

Дѣвья же молитвы аки бы не знает
И каения его не воспоминает.
Возми, молю, благии на мѣрило дѣла
Купно покуту, яже довлѣ сотворила,
Ты, свою сѣмо да положит книгу.

Истинна

Человѣкъ сей адскому не подлѣжит игу,
Уступи человѣку, дай мирно умерти,
Не достоин онаго геенна пожерти.
Благоутробие здѣ неотступно буди,
Ты такожде, Хранитель тщаливы, пребуди. // (л. 616)

Хранитель

Сорадуйтемя всѣ аггелския хоры,
Сорадуйтемя всѣ аггелския дворы,
Яко человѣка, мнѣ по Христѣ вручена,
Вижду ликов небесных днесь неотлученна.
Молю со усердием: небеса приклоните,
Со радостію душу в небо понесѣте,
Пойте разлучаемой днес души от тѣла,
«Аллилуиа» воспойте радостно до зѣла.

¹ Глосса является, согласно азбуконникам, переводом слова: нотариий — подьяк. См. многочисленные примеры на сайте «История русской лексикографии»: <http://www.oldlexicons.ru/node/7554>; дата обращения: 20.04.2022.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-100-107

© К. Б. Егорова

ПЕРЕВОД И ПОДРАЖАНИЕ ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КУЛЬТУРЕ НАЧАЛА XIX ВЕКА*

Проблема определения границы между переводом, собственным литературным творчеством и подражанием является первостепенной исследовательской задачей, с которой сталкивается историк русской переводной художественной литературы начала XIX века. Ее решение требует внимательного изучения материала предшествующих столетий, установления отношения переводчика к своему и чужому тексту в Петровскую эпоху, которая, в свою очередь, наследовала теоретические основы перевода художественного текста из эстетики барокко, когда поэтический перевод еще не осознавался как вид литературного творчества.¹ Он был интерпретацией, подражанием; упражнялись в переводе и подражании образцам изящной словесности ученики духовных училищ, в поэтики XVII–XVIII веков часто входили разделы о подражании, устанавливавшие правила для данного рода литературного упражнения.

Первые десятилетия XIX века привнесли в русскую словесную культуру отчетливое понимание роли автора в создании текста, которое не было тождественно роли переводчика, что приблизило появление и узаконивание идеи об авторском праве на литературное творчество (первый закон в этой области появился в России в 1828 году).

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ (№ 21-78-10052), в Институте истории СПбГУ.

¹ Николаев С. И. Литературная культура Петровской эпохи. СПб., 1996. С. 15.

Отсутствие четкой границы между своим и чужим, а также убежденность в том, что перевод функционирует в новой принимающей культурной среде как самостоятельный текст, не соотносимый с оригиналом, а значит и с автором, вплоть до декабрьского восстания оставались характерными приметам переводной художественной литературы в России; и если в предшествующие эпохи отношение к переводческой деятельности как к процессу создания нового произведения являлось естественным представлением о литературном творчестве, то в первой четверти XIX века соотношение перевода и подражания уже расценивалось как теоретическая проблема. Так, на заседании «Вольного общества любителей российской словесности» 5 июня 1822 года было зачитано сочинение Б. М. Федорова «Несколько слов о переводе и подражании», которое было одобрено членами общества. Вынесенная в заглавие формулировка указывает на то, что проблема уже была предметом дискуссии. К первым десятилетиям XIX века относится «Опыт перевода и подражания Горациевых од» В. В. Капниста, в предисловии к которому содержатся размышления автора о характере литературного перевода и его соотношении с подражанием.

Говоря о творческой манере Капниста, А. О. Дёмин отметил, что «после 1810 г. подражания Горацию вообще уходят из поэтической практики Капниста».² Исследователь связал это явление с дружеским влиянием И. М. Муравьева-Апостола, знатока древних языков и переводчика Горация. Вероятно, в 1810–1820-е годы постепенно происходит иерархизация и систематизация переводческих жанров (подражание, переложение, перевод).

Изучение истории создания и бытования литературных подражаний в русском обществе первой четверти XIX века является актуальной задачей, поскольку в нашем знании об истоке формирования представления об авторе и авторстве в русской культуре существуют лакуны, не позволяющие во всей полноте показать, как из области умозрительных размышлений о природе изящной словесности перевод постепенно переходит в сферу правового регулирования. Этот переход, ознаменовавший появление в России нового типа писателя и переводчика, практически не рассматривался в отечественной и зарубежной науке. Так, С. И. Николаев отмечает в целом недостаточную исследованность теории подражания на русском материале.³

Обращение к истории переводной литературы начала XIX века дает богатый материал для изучения подражаний европейским образцам в русской словесности в эпоху перехода к современному пониманию ремесла переводчика. Обзор всего корпуса русской переводной художественной литературы показывает, что подражание французской, немецкой, английской литературе занимали видное место среди других переводческих практик (составление корпуса русской переводной художественной литературы велось в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН). Переводы и подражания польской словесности играли не столь важную роль, как иные европейские произведения, однако привлекают внимание исследователя польско-русских связей, поскольку маркируют новый период в истории взаимоотношений этих славянских культур. Первые два десятилетия XIX столетия готовили уже скорое восприятие в русской литературе творчества Адама Мицкевича.

В рамках статьи будут проанализированы несколько примеров подражания польской словесности: литературные опыты Ф. М. Рындовского и А. В. Склабовского, польские источники отдельных произведений К. Ф. Рылеева и О. М. Сомова. Обращение к столь разрозненному материалу дает возможность охарактеризовать такое значимое для литературного процесса первой четверти XIX века явление, как подражание, выявить его особенности и корреляции с традицией литературного перевода, а также обозначить роль польского языка в формировании языка эпохи.

К изучению польско-русских литературных связей начала XIX века неоднократно обращались польские ученые, которые писали об истории перевода и подражания

² Капнист В. В. Опыт перевода и подражания Горациевых од / Изд. подг. А. О. Дёмин; отв. ред. С. И. Николаев. СПб., 2013. С. 353 (сер. «Литературные памятники»).

³ Николаев С. И. Литературная культура Петровской эпохи. С. 32.

польской изящной словесности.⁴ Подражание литературному образцу, отдельному риторическому или поэтическому жанру, приему было частью программы в учебных заведениях Российской империи в первой четверти XIX века. Постепенно из школьного упражнения подражание переходит в статус самостоятельного литературного творчества и утверждается на страницах литературно-художественных журналов. Правда, на очень короткое время. Его золотой век (рассматриваются только те произведения, которые имеют указание на польский язык в качестве источника или на польского автора) пришелся на первые десятилетия XIX столетия, и уже к началу 1820-х годов этот вариант работы с иностранным литературным текстом уходит из творческой практики русских писателей.

Вероятно, связь со школьной и студенческой практикой обусловила появление первых ярких подражаний польской словесности в стенах университетов. Так, Александр Васильевич Склабовский (1793–1831),⁵ активный и талантливый студент Харьковского университета, был в числе первых слушателей курса польского языка и словесности, который торжественно открылся на историко-филологическом факультете в 1818 году.⁶

Склабовский организовал студенческий литературный кружок, стал инициатором издания первого собрания ученических упражнений в стихах и прозе «Труды студентов-любителей отечественной словесности в Императорском Харьковском университете» (1819). По окончании университетского курса в 1820 году Склабовский получил место адъюнкта кафедры истории русской литературы. В 1825 году Склабовский покинул университет и перешел на должность старшего письмоводителя. Автор первой биографической работы о Склабовском Н. Ф. Сумцов прокомментировал это решение следующим образом: «...чиновник подавил в Склабовском ученого и поэта».⁷

Итогом его литературной деятельности стала книга «Опыты в стихах»,⁸ которая объединила все произведения, появившиеся в 1818–1819 годах. Книга состоит из трех частей: «Лирические стихотворения», «Послания» и «Смесь». В последний раздел помещены переводы с польского языка и подражания польским поэтам, все эти произведения к тому времени уже появлялись в печати и вошли в сборник без изменений. Таким образом, одни и те же тексты без каких-либо существенных поправок со стороны автора (в некоторых случаях вторая или третья редакция получала эпиграф или посвящение) были опубликованы в Харькове трижды в течение одного 1819 года.

Первый перевод Склабовского⁹ — «Идиллия: Дафна и Коридон. Подражание Карпинскому».¹⁰ Францишек Карпиньский (1741–1825) был одним из главных представителей польского сентиментализма. Идиллия «Дафна и Коридон» вошла в первый сборник его стихотворений «Zabawki wierszem i przykłady obyczajne» (Львов, 1780), а также в последующий — «Zabawki wierszem i prozą» (Варшава, 1782. Т. I). Вероятнее всего, русский студент читал Карпиньского в издании, подготовленном Францишком

⁴ См.: *Luźny R. Polsko-rosyjskie związki literackie w pierwszych dziesięcioleciach wieku XIX a tradycje Oświecenia // Spotkania literackie. Z dziejów powiązań polsko-rosyjskich w dobie romantyzmu i neoromantyzmu. Wrocław, 1973. S. 7–32; Czernobajew W. Ignacy Krasicki w literaturze rosyjskiej // Pamiętnik Literacki: czasopismo kwartalne poświęcone historii i krytyce literatury polskiej. 1936. T. 33. № 1/4. S. 41–62.*

⁵ О нем см.: *Сумцов Н. Ф. 1) Склабовский // Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905) / Под ред. М. Г. Халанского и Д. И. Багаля. Харьков, 1908. С. 59–71; 2) А. В. Склабовский как поэт и ученый. Харьков, 1904.*

⁶ См. об этом: *Багаля Д. И. Гулак-Артемовский // Историко-филологический факультет Харьковского университета... С. 319–326.*

⁷ *Сумцов Н. Ф. А. В. Склабовский как поэт и ученый. С. 4.*

⁸ *Склабовский А. Опыты в стихах. Харьков, 1819.*

⁹ Одним из первых к переводческим опытам Склабовского обратился С. И. Николаев. См.: *Николаев С. И. О нескольких польских стихотворениях в русских журналах 1819 года // Русская литература. 1992. № 2. С. 75–79.*

¹⁰ *Склабовский А. Опыты в стихах. С. 99–106. Первая публикация — «Украинский вестник» (1819. № 3. С. 352–358). Вторая: Труды студентов-любителей отечественной словесности в Императорском Харьковском университете. Харьков, 1819. С. 75–81.*

Ксаверием Дмоховским,¹¹ членом Варшавского общества друзей наук, к которому был близок учитель Склабовского Гулак-Артемовский, формировавший литературные предпочтения своих учеников и знакомивший их с произведениями современной польской словесности. Несмотря на то что русская редакция идиллии «Дафна и Коридон» имеет подзаголовок «подражание», это был достаточно точный перевод стихотворения Карпиньского, первая попытка представить этого писателя русскому читателю. Склабовский издал еще два подражания Карпиньскому — «Романс»¹² и «Прохожий и Поток».¹³ Первая публикация «Романса» также имела подзаголовок «подражание», было указано и имя автора, произведение которого вдохновило Склабовского. Однако в журнальной публикации присутствует эпиграф, который был снят в последующих редакциях: «Potok płynie doliną / Nad potokiem jawogę...». Это начало идиллии «Przypomnienie dawnej miłości. Pieśń pasterska», также вошедшей в собрание Дмоховского. Склабовский оттолкнулся от общей сюжетной линии, которая, впрочем, мало отличалась от классического идиллического сюжета (воспоминание пастуха о любви пастушки и тоска по ушедшему чувству), и значительно дополнил текст Карпиньского. Таким образом, он оказался практически не узнаваем в переложении. Подобная «вариация на тему» была характерна для переводов-подражаний, авторами которых являлись слушатели польского курса. Так, вслед за публикацией «Романса» в апрельском номере «Украинского вестника» было помещено еще одно подражание — «Идиллия» Д. Сафонова, студента Харьковского университета, сведений о котором практически не осталось. И хотя имя польского автора сообщено не было, эпиграф («Łąko zielona, nie zwabisz mię więcej / ani piezczony przedtem głos ptaszęcy...») указывает, что в основе этого подражания лежит идиллия Карпиньского «Коридон» («Korydon»).

Еще одним русским автором, упражнявшимся в подражании польской словесности, был Федор Михайлович Рындовский (1783–1839).¹⁴ Трудно однозначно сказать, откуда он знал польский язык, потому что его биография еще не становилась предметом специальных научных разысканий. Рындовский обучался в знаменитом Черниговском коллегиуме, где равно звучали польский и латинский языки: «Известно, что в Черниговском коллегиуме с самого его основания обучение проходило на нескольких языках: по-славянски, на латыни и по-польски <...> Сохранились записи, которые вели ученики синтаксического класса Переяславского коллегиума в 1742–1744 годах, содержащие типовые „Adagia polono-latina“ — записи с параллельными польским и латинским текстами».¹⁵ Можно предположить, что именно здесь за несколько лет язык был освоен или усовершенствован.

Рындовский продолжил обучение в петербургской Медико-хирургической академии, из которой вышел со званием лекаря.¹⁶ Первый сборник его стихотворений — «Печальные, веселые и унылые тоны моего сердца» — был опубликован в Санкт-Петербургской медицинской типографии в 1809 году. В нем проявилось тонкое знание поэтики сентиментализма, знакомство с новыми литературными жанрами (элегия, дружеское послание), отметившими рубеж XVIII–XIX веков. И хотя этот сборник не содержит прямого обращения к польской поэзии, подражаний ее образцам, польская

¹¹ Dzieła Franciszka Karpińskiego wierszem i prozą / Edycja nowa i zupełna, wielą pismami od autora nadesłanemi pomnożona. Warszawa, 1806. Т. 1.

¹² Склабовский А. Опыты в стихах. С. 112–115. Первая публикация — «Украинский вестник» (1819. № 4. С. 93–95). Вторая: Труды студентов-любителей отечественной словесности... С. 99–100.

¹³ Склабовский А. Опыты в стихах. С. 148–152. Первая публикация — «Украинский вестник» (1819. № 5. С. 241–244). Вторая: Труды студентов-любителей отечественной словесности... С. 119–122.

¹⁴ См. о нем: Русские писатели: 1800–1917. Биографический словарь. М., 2007. Т. 5. С. 410–412 (статья С. И. Николаева); Двойченко-Маркова Е. М. Красицкий в ранних русских переводах и подражаниях // Польско-русские литературные связи. М., 1970. С. 108–109.

¹⁵ Посохова Л. Ю. На перехресті культур, традицій, епох: православні колегіум України наприкінці XVII — на початку XIX ст. Харків, 2011. С. 66–68. Перевод здесь и далее наш. — К. Е.

¹⁶ См., например, подносные стихи лекаря Рындовского Александру I: РГИА. Ф. 1486. Оп. 21. Д. 1734.

тема присутствует в книге: многие дружеские послания автор пишет из страны, что «прежде Польшею звалась».¹⁷

С 1810 года Рындовский появлялся на страницах «Северного Меркурия», издаваемого А. В. Лукницким: в майском номере он выступил с полемической статьей в защиту своего сборника,¹⁸ который не был благосклонно принят критикой.¹⁹

В 1811 году Рындовский был направлен в Казань, где не оставлял своей литературной и просветительской деятельности, а в 1820–1830-е годы вместе с женой, Поликсей Ивановной Панаевой (1789–1848), организовал казанский литературный салон.

Первые переводы и подражания польской поэзии Рындовский опубликовал в «Благонамеренном» — печатном органе «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств». Анализ архива общества показывает, что стихотворения Рындовского несколько раз представлялись председателем, А. Е. Измайловым, на собраниях после отъезда поэта в Казань.²⁰ В 1818–1821 годах на страницах журнала появились следующие переводы и подражания Рындовского:

1. К приятелю в столицу из деревни («Простившись с шумною мечтою...») / С польского, Ф. Рындовский // Благонамеренный. 1818. Ч. 2. № 5. С. 142–144.

2. Мое счастье (Подражание польскому) («Зачем алкать приманок света?..») / Ф. Р. // Благонамеренный. 1818. Ч. 2. № 6. С. 270.

3. Век просвещения («Любовь есть сердца наслажденье...») / С польского, Рындовский // Благонамеренный. 1818. Ч. 1. № 1. С. 15–16.

4. Модница, или Жена, каких везде довольно («Позволь с супругою поздравить молодою...») / С польского, Ф. Рындовский // Благонамеренный. 1821. Ч. 13. № 5. С. 256–268.

5. К самому себе («Я настоящим наслаждаюсь...») / С польского, Ф. Р. // Благонамеренный. 1821. Ч. 15. № 13. С. 17.

В случае с публикациями Рындовского проявляется примечательная черта русского литературного процесса первой четверти XIX века, унаследованная от предыдущего столетия, — отсутствие указания имени иностранного автора, чей текст лег в основу перевода или подражания.

Источником для литературных опытов Рындовского были произведения польских писателей Игнатия Красицкого (1735–1801), известного русскому читателю, главным образом, своими баснями и сатирическими произведениями, и Францишека Карпиньского, яркого представителя польского сентиментализма²¹ (вероятно, именно польский сентиментализм, а не поэтика Н. М. Карамзина, как посчитала критика, повлиял на чувствительный настрой первого стихотворного сборника Рындовского).

Подражанием сатирической манере Красицкого могут быть названы «Модница, или Жена, каких везде довольно» («Позволь с супругою поздравить молодою...»)²² и «Век просвещения» («Любовь есть сердца наслажденье...»)²³. Оба стихотворных переложения обращаются к одному и тому же тексту Красицкого — «Модная жена» («Żona modna», 1784). Рындовский разделил текст Красицкого на две части и перевел эти стихотворные отрывки. В собственном литературном творчестве Рындовский позже возвращался к «Модной жене», по-разному обыгрывая понравившийся сюжет. Результатом этого поэтического эксперимента стали два стихотворения — «Непостоянство женщин» (1832) и «Модная жена» (1833), которые по сути своей являлись подражанием польскому поэту, однако его имя было сокрыто от читателя. Можно пред-

¹⁷ Рындовский Ф. Печальные, веселые и унылые тоны моего сердца. СПб., 1809. С. 47.

¹⁸ Рындовский Ф. Рассмотрение критики на книжку под названием «Печальные, веселые и унылые тоны моего сердца» // Северный Меркурий. 1810. № 17. С. 114–165.

¹⁹ См.: Цветник. 1810. № 2. С. 231–251.

²⁰ См. протоколы заседаний от 20 января, 12 мая и 1 сентября 1821 года: Архив Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ. Архив ВОЛСНХ. Д. 1. 1821. № 1, 7, 16. Л. 1–2 об., 10–11, 30–30 об.

²¹ См.: *Kostkiewiczowa T. Model liryki sentymentalnej w twórczości Franciszka Karpińskiego*. Wrocław, 1964; *O życiu i pismach Franciszka Karpińskiego* // *Pisma rozmaite Kazimierza Brodzińskiego*. W Warszawie, 1830. T. 1. S. 50–65.

²² Благонамеренный. 1821. Ч. 13. № 5. С. 256–268.

²³ Там же. 1818. Ч. 1. № 1. С. 15–16.

положить, что это были последовательные попытки работы с переложением сатиры Крашицкого на русский язык.

Отзвуки поэтической манеры сентименталиста Карпиньского различимы в стихотворении «К приятелю в столицу из деревни».²⁴ Рындовский вновь указал, что это перевод с польского языка, но не раскрыл автора. Представляется, что казанский поэт черпал вдохновение из творчества Карпиньского, точнее его элегии «Возвращение из Варшавы в деревню». Польский поэт работал над этим стихотворением в конце 1783-го и 1784 году, когда после нескольких лет варшавской жизни решил перебраться в уединенную деревню. Вероятно, судьба Карпиньского не оставила равнодушным русского поэта, который надел на себя маску изгнанника, вынужденного покинуть блистательный петербургский свет и перебраться сначала в деревенскую глушь, а позже — в провинциальную Казань. Перевод Рындовского — печальное письмо к приятелям в столицу, где все еще близко и дорогу поэту, но он уже ощущает влияние истинных природных чувств и мыслей, которые возможны только в деревенском уединении.

В журнале «Благонамеренный» в 1821 году было напечатано еще одно подражание польской словесности, история появления которого примечательна — это «Песнь о Богдане Хмельницком, освободителе Малороссии» О. Сомова.²⁵ Перед публикацией оно было представлено на собрании «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» 26 мая 1821 года. В протоколе значится, что Сомова слушали девять литераторов, в числе которых был Измайлов, покровительствовавший Рындовскому. Сомов не скрывал имени польского поэта, которому подражал в своей «Песни о Богдане Хмельницком...»; это молодой литератор и студент Виленской гимназии Леон Рогальский, печатавшийся на страницах «Виленского еженедельника». Сложно сказать, почему зрелый российский литератор обратился к произведению студента, обратил на него внимание и выбрал в качестве источника для подражания (при этом Сомов не ориентировался на украинский текст думы, который предварял польскую «Песнь о Богдане Хмельницком» в номере; в поле внимания русского поэта была работа с польским образцом). «Виленский еженедельник» был солидным изданием, к которому обращались российские литераторы наряду с варшавскими журналами, а потому Леон Рогальский мог показаться состоявшимся автором, поэтической манере которого можно подражать.

Представляется, что наибольшее влияние оказала польская словесность на формирование нового литературного жанра²⁶ — русской думы, отличной от думы украинской, жанра лирической поэзии, образцы которого наполняли русские песенники с конца XVII века, и близкой к старопольской думе, получившей свое развитие в «Исторических песнях» Юлиана Урсына Немцевича (1758–1841).

Обратимся к истории думы «Глинский» (1822), которая вошла в цикл К. Ф. Рылеева «Думы», создававшийся в 1820–1825 годах и оформившийся в единый замысел в 1824 году.

«Глинский» несет отпечаток размышлений автора о поэтике Немцевича и близок польской «Думе о князе Михаиле Глинском», вошедшей в цикл «Исторические песни». В соответствии с распространенной практикой начала XIX века Рылеев не указывал, что перед нами переложение польской исторической песни, нигде не маркировал границы собственного творчества при работе с текстом другого писателя. Дума прочитывается как оригинальное произведение, вписанное в общий замысел Рылеева и оформленное в соответствии с его законами (поэтическому тексту предпослан краткий комментарий, проясняющий исторический контекст и сюжетную линию произведения).

Б. Гальстер в исследовании «Творчество Рылеева в историческом контексте» отметил, что «возведение думы в ранг нового литературного жанра было продиктовано желанием русской литературы адаптировать форму украинской народной песни, которую в польскую поэзию привнес Немцевич».²⁷

²⁴ Там же. Ч. 2. № 5. С. 142–144.

²⁵ Подробнее о польском источнике подражания см.: *Егорова К. Б.* «Песнь о Богдане Хмельницком, освободителе Малороссии» Ореста Сомова и ее польский источник // *Русская литература*. 2016. № 4. С. 59–63.

²⁶ Об оживленной полемике вокруг нового литературного жанра писал Л. Г. Фризмэн, см.: *Рылеев К. Ф.* *Думы* / Изд. подг. Л. Г. Фризмэн. М., 1975. С. 173 (сер. «Литературные памятники»).

²⁷ *Galster B.* *Twórczość Rylejewa na tle prądów epoki*. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1962. S. 59.

Дума как синтез лирического и историко-героического начал давала писателям-романтикам богатый материал для развития новой эстетической системы и эксперимента на русской почве с такими европейскими жанрами, как баллада и элегия.²⁸ Первое произведение из рылеевского цикла, «Курбский», имеет подзаголовок «элегия», который красноречиво указывает на то, что дума как жанр русской литературы еще не устоялся, не был определен и мог актуализировать свое лирическое элегическое начало. Создавая «Курбского», поэт находился под впечатлением от прочтения «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

Идея внедрения жанров восточнославянского фольклора в литературу могла быть связана и с поездкой Рылеева на Украину весной 1821 года, незадолго до создания «Курбского».

Вторым важным источником для формирования на русской почве жанра думы, образца гражданской поэзии, была польская литературная модель. Гальстер считает, что «истоки интереса Рылеева к польской литературе следует искать в фактах его биографии, а также в социальных, политических и культурных явлениях, характерных для русской жизни».²⁹ В России не было недостатка в информации о польском литературном движении. Так, в изобилии польские книги были представлены в библиотеке «Вольного общества любителей русской словесности», членом которого являлся Рылеев.

Рылеев был хорошо знаком с произведениями польской поэзии, высоко отзывался о творчестве Немцевича. Будущий поэт-декабрист неоднократно подчеркивал связь своих «Дум» с прославленным литературным делом Немцевича, которого упомянул и в предисловии к первому изданию сборника «Думы».

В польской литературе слово «дума» появилось задолго до публикации песен Немцевича и было известно еще в старопольском языке,³⁰ но именно он первым начал использовать его для обозначения определенного литературного жанра — короткой исторической героической песни. До этого слово «дума» часто использовалось в другой функции: для описания процесса размышления или созерцания. Чеслав Згожельский считает, что «литературная практика Немцевича, вопреки традициям польских дум XVII века, обозначила словом «дума» произведения преимущественно эпического характера».³¹ Однако Немцевич закрепил жанровую принадлежность к думам только в трех произведениях: о Жолкевском, Глинском и Потоцком.

Проблема соотношения жанровой традиции думы в творчестве Рылеева с «Историческими песнями» Немцевича недостаточно разработана в отечественной и зарубежной науке.³² Одним из первых обратил внимание на то, что Рылеев знал польский язык, Д. Кропотов.³³ Эту мысль позднее развил Гальстер, подчеркнув военный опыт Рылеева: «Дополнительную роль в развитии польских интересов Рылеева сыграл биографический фактор. Русский поэт выучил польский довольно рано, вероятно, во время пребывания в кадетском корпусе. В 1815 году, после возвращения русских войск из Франции, Рылеев, как известно, был расквартирован со своим полком в Несвиже, в ставке Радзивиллов, где он непосредственно соприкоснулся с польской культурой».³⁴ Таким образом, Рылев, предположительно, изучил польский язык до 1815 года.

²⁸ Подробнее об этом см.: *Zgorzelski Cz. Duma poprzedniczka ballady*. Toruń, 1949. S. 65; *Szczerbicka-Słęk L. Duma staropolska. Z dziejów poezji melicznej*. Wrocław, 1964; *Zityński O. Dawna дума ukraińska i polska w świetle danych historycznych* // *Slavia Orientalis*. 1973. № 4. S. 100–116.

²⁹ *Galster B. Twórczość Rylejewa na tle prądów epoki*. S. 49.

³⁰ *Oświeceni o literaturze. Wypowiedzi pisarzy polskich: 1740–1800* / Oprac.: Т. Kostkiewiczowa i Z. Goliński. Warszawa, 1993. S. 85.

³¹ *Zgorzelski Cz. Duma poprzedniczka ballady*. S. 65.

³² См.: *Berndt M. J. Niewcewicz und K. Ryleev*. Berlin, 1961; *Кирибаум Г. Жанровые империализмы. Спор о принадлежности дум* // *Новое литературное обозрение*. 2017. № 2 (144). С. 72–92; *Либрович С. Рылеев и Немцевич* // *Вестник литературы*. 1916. № 4. С. 10–25; *Супотнин А. Н. Рылеев и Немцевич* // *Русский архив*. 1898. Кн. 1. С. 5–15.

³³ *Кропотов Д. Несколько сведений о Рылееве: По поводу записок Греча* // *Русский вестник*. 1869. Т. 80. Кн. 3. С. 235–250.

³⁴ *Galster B. Twórczość Rylejewa na tle prądów epoki*. S. 61.

Известна переписка Рылеева с Немцевичем, которая велась на польском языке. В письме от 11 сентября 1822 года Рылеев сообщал: «Ваши „Исторические песни“ стали для меня отличным образцом, для чтения которого я выучил язык, украшенный именами Кохановских, Красицких, Трембецких и Немцевичей».³⁵ Если принять во внимание предположение Гальстера о том, что Рылеев знал польский язык еще со студенческой скамьи, то слова русского поэта, приведенные выше, являются свидетельством уважения к польской культуре и ее видному представителю — Немцевичу. Впрочем, те же слова о польском языке можно найти в письме А. А. Бестужева-Марлинского. В сентябре 1821 года он писал Булгарину: «Я изучаю польский язык в стране, прославленной именами Нарушевича, Немцевича и Красицкого».³⁶ Возможно, перед нами вариант устойчивого для того времени эпистолярного оборота.

В среде декабристов особое внимание уделялось роли поэта в обществе, формировалось представление о поэзии как о школе гражданского патриотизма; дума была призвана стать жанром новой русской гражданской поэзии, наделенной дидактическим смыслом, который раскрывается через апелляцию к историческому прошлому и опыту народа. Дума создавалась как средство выражения представления о поэте и литературном творчестве, маркировала появление нового типа писателя и писательства.

Польская поэзия в начале девятнадцатого столетия является образцом для подражания наряду с французской, немецкой и английской литературами. На перевод и подражание литературным памятникам влияла школьная традиция преподавания риторики, в которой еще присутствовали видные польские писатели. Хотя роль польской литературы в России первой четверти XIX века не так велика, как в предшествующие эпохи, значение ее для формирования русского литературного и позже поэтического языка начала XIX века сложно переоценить.

³⁵ Рылеев К. Ф. Соч. / Сост., вступ. статья и комм. С. А. Фомичева. М., 1987. С. 201.

³⁶ Цит. по: Mucha B. Polska i Polacy w życiu i twórczości Aleksandra Biestużewa-Marlińskiego // Prace historycznoliterackie. Kraków, 1974. Z. 29. S. 156–157.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-107-120

© Е. В. Казарцев, © Е. Т. Наконечная

ПРОСОДИЯ СТИХОПОДОБНЫХ ФРАГМЕНТОВ В ПРОЗЕ А. С. ПУШКИНА (НА МАТЕРИАЛЕ СЛУЧАЙНЫХ 4-СТОПНЫХ ЯМБОВ)*

Просодическая организация прозы и стиха была предметом различных стиховедческих и лингвистических работ, в которых проза, как правило, рассматривалась как нейтральный языковой фон для выявления особенностей поэтической просодии. Еще в 1920-е годы проводились исследования ритма русской прозы в сравнении со стихом, в которых широко применялись точные методы и статистика. Тогда впервые были составлены так называемые словари ритмических слов (РС): односложных, двусложных, трехсложных, четырехсложных и т. д.,¹ дающие информацию о частоте их употребления в текстах. Наблюдения показали, что статистика распределения РС в стихе и в прозе различается.

Внимание к прозе усилилось в конце 1960-х и в 1980-е годы в связи с применением вероятностной модели размера. Эта модель была предложена А. Н. Колмогоровым, ее

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Санкт-Петербургского государственного университета (проект № 92565342).

¹ Ритмическим словом считается комплекс слогов, объединенный одним значимым ударением: *в делáх* (двусложное с ударением на втором слове), *сказа́л он* (трехсложное с ударением на втором слове), *за сто́лом* (трехсложное с ударением на третьем слове), *не выезжа́л он* (пятисложное с ударением на четвертом слове) («Дубровский»).

стали называть вероятностной или языковой моделью, сокращенно ЯМ. Она рассчитывалась как раз на основе прозаических частот РС, поскольку художественная проза воспринималась как нейтральный языковой фон. В соответствии с этой моделью формируется представление о вероятностном распределении слогуударных конфигураций в стихе на основе языковых предпосылок, отраженных в прозе. Вероятности слов, образующих строку (стих), находятся в соответствии с их частотами в речи, т. е. на основании ритмического словаря, рассчитанного по корпусу прозаических текстов или по какому-то одному крупному тексту. Вероятность самой строки соответствует произведению вероятностей составляющих ее слов. В целом ЯМ показывает, какой была бы ритмика стиха, если бы поэт сочинял его, как прозаик прозу, но только стремился бы соблюсти стихотворный размер.

В основу ЯМ, главным образом, положены две гипотезы. Первая — гипотеза о независимости: предполагается, что выбор слов в прозаическом тексте происходит независимо, «ритмические типы последовательных слов в прозе статистически независимы».² В стихе, как правило, наоборот, выбор слова в значительной мере зависит от ритмического контекста и от метра. Другая гипотеза — об однородности: вероятности появления одних и тех же ритмических слов в разных текстах одинаковы.³

Модель работает в том случае, если обе эти гипотезы приемлемы. Однако проведенные испытания установили, что полной независимости и полной однородности практически не существует. Эти качества присущи некоему идеальному образцу, эталону. Реальные тексты лишь «приближаются» к нему. Тем не менее гипотеза о независимости, проверявшаяся неоднократно, получила поддержку.⁴ Проверка показала, что «гипотеза о независимости соседних ритмических слов нарушается <...> лишь в некоторых частностях», при этом «верность модели сохраняется в большинстве показателей».⁵

Оказывается, что на материале русской прозы можно выделить представительный корпус текстов, частоты ритмических словарей которых обнаруживают принадлежность одной генеральной совокупности — их ритмика практически однородна. На основе этого корпуса были рассчитаны эталонные вероятности РС.⁶ Гипотеза об однородности, таким образом, также получила поддержку. Был выявлен корпус текстов, просодические характеристики которых содержат лишь незначительные отклонения от эталона и после простых и вполне обоснованных преобразований могут быть сведены к нему. Получается, что «эталонные вероятности имитируют некое общее, базовое распределение, а отклонения возникают в результате наложения на него частных тенденций».⁷ Таким образом, обе гипотезы, лежащие в основе ЯМ, соответствуют некоему эталону, из которого могут быть легко выведены и к которому также могут быть легко сведены конкретные случаи речевой реализации.

Проза поэта

Следует отметить, что среди большого корпуса русской художественной прозы выделяются тексты и даже группы текстов, характеризующиеся весьма своеобразным распределением ритмических слов, с трудом выводимым из эталонных показателей. Речь прежде всего идет о прозе, которую писали поэты — ее ритмика, как правило, значительно отличается от обычной прозы.⁸

² Колмогоров А. Н. Труды по стиховедению / Ред.-сост. А. В. Прохоров. М., 2015. С. 189.

³ Выделяется еще и третья гипотеза — о постоянстве вероятностей, которая состоит в том, что не только в разных текстах вероятности ритмических слов одинаковы, они одинаковы (постоянны) и на разных участках одного и того же текста (Красноперова М. А. Основы сравнительного статистического анализа ритмики прозы и стиха: Учеб. пособие. СПб., 2004. С. 14).

⁴ См.: Колмогоров А. Н., Прохоров А. В. Модель ритмического строения русской речи, приспособленная к изучению метрики классического русского стиха (введение) // Русское стихосложение. Традиции и проблемы развития. М., 1985. С. 113–133; Красноперова М. А. Основы сравнительного статистического анализа ритмики прозы и стиха.

⁵ Там же. С. 53.

⁶ Там же. С. 29.

⁷ Там же. С. 27–28.

⁸ Результаты исследований, проводимых в этом направлении, были обобщены в последней монографии М. А. Красноперовой 2004 года. В предыдущих работах Е. В. Казарцева были показаны

Мы не рассматриваем здесь сознательно ритмизованные прозаические произведения, как, например, у Андрея Белого или Марины Цветаевой, а имеем в виду «стандартную» прозу, но созданную поэтами: А. С. Пушкиным, М. Ю. Лермонтовым, А. К. Толстым, Б. Л. Пастернаком и др., чьи сочинения писались как «чистая» проза, без какой-либо установки на ритмизацию. Однако расхождение ритмических характеристик таких произведений с эталоном и с прозой «чистых» прозаиков оказывается, как правило, значимым. Можно предположить, что наблюдаемая ритмическая неоднородность вызвана влиянием стихотворного опыта.⁹

Случайные ямбы

Настоящая статья посвящена анализу возможного влияния стихотворного ритма на прозу Пушкина. Речь идет, прежде всего, о воздействии альтернирующей ритмики стиха, отличающейся от языковых предпосылок, заложенных в ЯМ.¹⁰ Гипотеза о таком влиянии была сформулирована ранее одним из авторов этой статьи в связи с изучением «Повестей Белкина».¹¹ Описываемое здесь исследование проведено на более широком материале с учетом стихоподобных речевых колонов: в прозе встречаются краткие фрагменты, по своей структуре (количеству слогов и положению основных ударений) соответствующие стихотворным строкам 4-стопного ямба (Я4). Их называют случайными ямбами, например: «Дубровский мало знает толку» («Дубровский»), «услышал дальний стук кареты» («Пиковая дама»), «и быстро вывел их на воздух» («Капитанская дочка»).

Русский 4-стопник, как известно, представлен восемью слогаударными конфигурациями. Первая (форма 1) — полноударный стих; вторая (форма 2) содержит пропуск ударения на первом икте; третья (форма 3) отличается отсутствием ударения на втором икте, четвертая (форма 4) — на третьем, далее идут формы с пропуском двух метрических ударений. Ниже приведены примеры случайных ямбов, соответствующие всем возможным формам Я4:¹²

1. — — — — ()	таких романов нынче нет
2. — — — — ()	и закусил себе губу
3. — — — — ()	столбняк ли на тебя нашёл
4. — — — — ()	она уж очень постарела
5. — — — — ()	не удовлетворить его (пример Н. Журбиной)
6. — — — — ()	мелкопоместный грубиян
7. — — — — ()	наплáчется он у меня
8. — — — — ()	и не из-за неурожáя (пример Н. Журбиной) ¹³

особенности ритмики прозы поэта в сравнении с языковыми характеристиками и с прозой чистых прозаиков: Казарцев Е. В. 1) Ритмика «случайных» четырехстопных ямбов в прозе поэта // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1998. № 1. С. 239–267; 2) The Rhythmic Structure of The Tales of Belkin and the Peculiarities of a Poet's Prose // «A Convenient Territory». Russian Literature at the Edge of Modernity. Essays in Honor of Barry Scherr. Bloomington, Indiana, 2015. P. 55–65.

⁹ Казарцев Е. В. Сравнительное стиховедение: метрика и ритмика = A comparative study of verse meter and rhythm. СПб., 2017. С. 58.

¹⁰ В. Е. Холшевниковым отмечалась «стихотворная» тенденция в ритмике случайных ямбов Л. Н. Толстого и А. П. Чехова, напоминающая альтернирующий ритм русского ямба (Холшевников В. Е. Случайные четырехстопные ямбы в русской прозе // Русское стихосложение. Традиции и проблемы развития. М., 1985. С. 141). Эта тенденция в художественной прозе «чистых» прозаиков была вызвана, прежде всего, за счет большого числа фрагментов, соответствующих 6-й форме Я4 (и добродетельной борьбе). Однако М. А. Красноперова показала несостоятельность мнения о том, что в данном случае мог влиять стихотворный ритм, а относительно высокая частота 6-й формы была объяснена синтаксическими особенностями прозы (Красноперова М. А. Основы сравнительного статистического анализа ритмики прозы и стиха. С. 80).

¹¹ См.: Казарцев Е. В. 1) Ритмика «случайных» четырехстопных ямбов в прозе поэта; 2) Введение в сравнительное стиховедение: методы и основы анализа. СПб., 2015. С. 57.

¹² Примеры взяты из «Пиковой дамы» и «Дубровского».

¹³ Поскольку в нашей выборке формы 5 и 8 отсутствуют (они в принципе очень редки), мы рассматриваем только формы 1–4; 6–7.

Обобщенные данные по ритмике таких фрагментов, выбранных из прозы, составляют так называемую речевую модель (РМ) ямба. Предполагается, что РМ представляет собой реализацию определенных языковых предпосылок, заложенных в вероятностной модели, т. е. в ЯМ. Начало традиции изучения ритмики случайных ямбов было сопряжено с необходимостью проверки вероятностной модели. Ведь если данные РМ и ЯМ совпадают или близки, значит, ЯМ работает: гипотезы, лежащие в ее основе, справедливы, вероятности ритмических структур найдены верно.

Впервые испытание ЯМ с помощью РМ было проведено А. В. Прохоровым на материале «Пиковой дамы». ¹⁴ Из текста пушкинской повести выбирались отрезки, соответствующие строкам Я4. Результат был положительный, данные РМ в значительной мере оказались близки ЯМ, что подтвердило справедливость вероятностной модели. Тем не менее наблюдались некоторые характерные расхождения, при том что РМ обнаружила определенную близость реальному стиху. ¹⁵

Следует сказать, что Прохоров выбирал из прозы отрезки, соответствующие метру, но без учета их синтагматической цельности. ¹⁶ Допускалась также выборка пересекающихся фрагментов, например:

«в своих записках говорит» — «записках говорит, что он»;
 «она дала ему три карты» — «дала ему три карты, с тем»;
 «и отвечала за погоду» — «погоду и за мостовую».

Такой отбор вполне оправдан условиями проверки вероятностной модели, ведь речь идет о формировании ямба по принципу случайности и на основе независимого сочетания слов. Позднее В. Е. Холшевниковым был предложен иной принцип учета случайных ямбов, который заключался в выборе только синтагматически цельных и непрерывающихся фрагментов. ¹⁷ В дальнейшем стиховеды в основном перешли к выборке именно таких фрагментов, соответствующих структуре стиха. По этому принципу Холшевников и его ученики сделали анализ ритмики случайных Я4 в различных произведениях русской прозы. ¹⁸ В нашей работе мы придерживаемся именно этого принципа.

Поясним, почему для нас важен именно такой отбор случайных ямбов. Считается, что строка в классических образцах русской поэзии стремится к синтагматической завершенности, цельности. Предполагается, что пишущий прозу поэт в условии цельного речевого колона, напоминающего ямб, находится как бы в микроситуации стиха и может «обнаружить себя», иными словами, в ритмике таких стихоподобных фрагментов может бессознательно проявиться его поэтический опыт. ¹⁹

Предлагаемая статья продолжает традицию изучения случайных ямбов в прозе поэта. К анализу привлечены все прозаические сочинения Пушкина, написанные в 1830-е годы: «Дубровский» (1832–1833), «Пиковая дама» (1833), «Капитанская доч-

¹⁴ Данные взяты из работы А. В. Прохорова: *Прохоров А. В. О случайной версификации (к вопросу о теоретических и речевых моделях стихотворной речи)* // Проблемы теории стиха. СПб., 1984. С. 94.

¹⁵ «Сходство между частотами таково, что гипотеза о независимости может быть принята. Однако, если ограничиться только частотами форм III и IV: теор. III — 0.268, IV — 0.295; эксп. III — 0.222, IV — 0.344, то статистический анализ показывает, что теоретические величины значимо расходятся с результатами непосредственной выборки (отметим, что соотношение форм III и IV в выборке сопоставимо с соотношением этих форм в ямбе Пушкина)» (*Прохоров А. В. О случайной версификации*. С. 92–93).

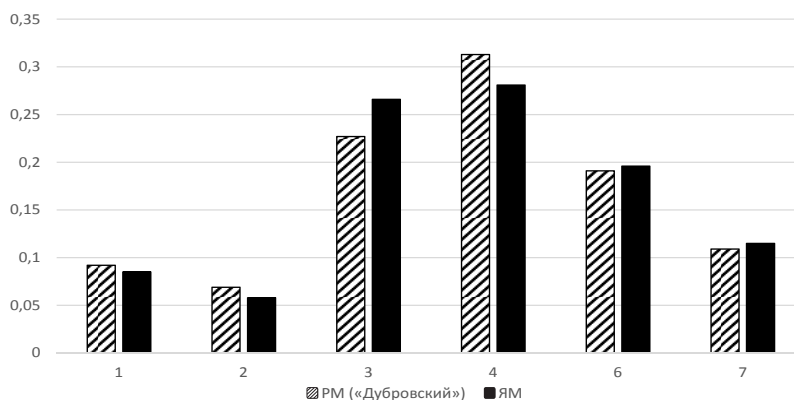
¹⁶ О различных подходах в отборе «случайных ямбов» см. в работе М. А. Красноперовой (*Красноперова М. А. Основы сравнительного статистического анализа ритмики прозы и стиха*. С. 73–75).

¹⁷ «Из каждого текста выделялись синтагмы в 8 и 9 слогов, например: „Я ехал на перекладных из Тифлиса“. Каждое слово учитывалось только один раз; например, из предложения „но ни один сухой листок не шевелился“ можно было бы выделить две синтагмы: „но ни один сухой листок“ и „сухой листок не шевелился“; вторая исключалась, так как содержала слова, заключенные в первой» (*Холшевников В. Е. Случайные четырехстопные ямбы в русской прозе*. С. 137).

¹⁸ См.: Там же. С. 134–143.

¹⁹ *Kazartsev E. The Rhythmic Structure of The Tales of Belkin and the Peculiarities of a Poet's Prose*. P. 61.

График 1. Случайные ямбы в повести «Дубровский» на фоне ЯМ

Данные к графику 1

Форма Я4	PM («Дубровский»)	ЯМ
1	0,092	0,085
2	0,069	0,058
3	0,227	0,266
4	0,313	0,281
6	0,191	0,196
7	0,109	0,115

ка» (1833–1836), «Кирджали» (1834) и «Египетские ночи» (1835).²⁰ При отборе стихоподобных фрагментов применялся синтагматический подход.

Анализ данных

Ритмика случайных Я4 в прозе Пушкина исследовалась, прежде всего, на фоне ЯМ. При этом мы рассчитали ЯМ по словарю наиболее крупного текста — повести «Капитанская дочка»²¹ — и сверили наши подсчеты с моделью, построенной Прохоровым по словарю «Пиковая дама», оказалось, что эти модели очень похожи (см. Приложение, таблица 1). В дальнейшем в настоящей статье мы будем использовать в основном данные нашей модели.²²

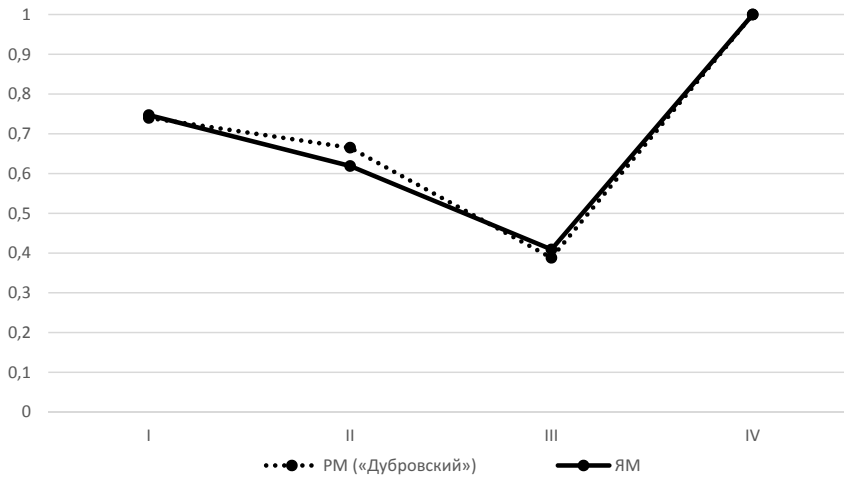
Анализ ритмики случайных четырехстопных ямбов, которые были взяты из незаконченного романа-повести «Дубровский», в целом дает представление о справедливости вероятностной модели. Как и в исследованиях Прохорова по «Пиковой даме», показатели РМ по повести «Дубровский» практически совпали с вероятностными параметрами. График 1 позволяет сравнить ЯМ и РМ.

²⁰ Анализ текстов проводился по Полному собранию сочинений А. С. Пушкина в 10 томах: «Дубровский» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1978. Т. 6. С. 142–209), «Пиковая дама» (Там же. С. 210–237), «Кирджали» (Там же. С. 238–243), «Египетские ночи» (Там же. С. 244–257), «Капитанская дочка» (Там же. С. 258–370).

²¹ Расчеты ритмических словарей, ЯМ и РМ осуществлены при помощи специальной компьютерной системы исследования просодических параметров текста (СИПТ), разработанной В. Э. Вашченковым и Е. В. Казарцевым в рамках проекта «Современные модели поэтики: реконструктивный подход», поддержанного РНФ.

²² Данные ритмических словарей, по которым были рассчитаны модели, см. в Приложении, таблица 1.

График 2. Профиль ударности РМ по повести «Дубровский» на фоне ЯМ

Данные к графику 2

Икты	РМ («Дубровский»)	ЯМ
I	0,740	0,747
II	0,665	0,619
III	0,388	0,409
IV	1,000	1,000

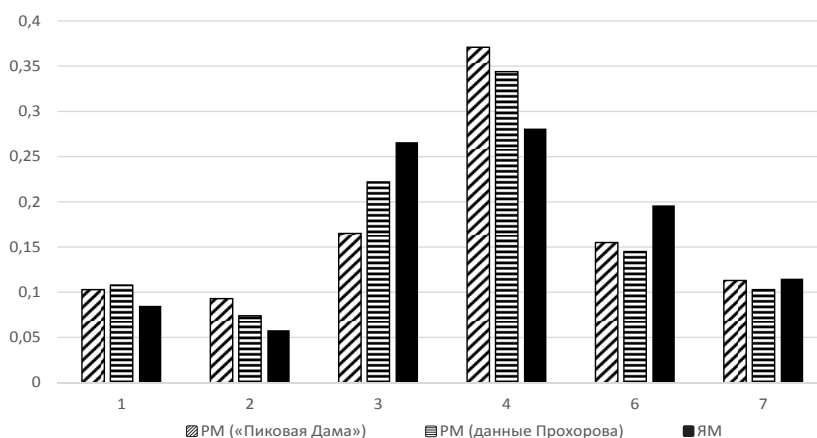
Отклонение показателей РМ от ЯМ незначимо: сравнение проводилось с использованием критерия χ^2 , вероятность ошибки отвержения гипотезы об однородности сравниваемых параметров очень велика, $p\text{-value} = 0,859$.²³ Тем не менее некоторые расхождения наблюдаются в показателях форм 1, 2, 3, 4 и 6. Причем характер этих расхождений напоминает отличие ритмики реального русского 4-стопника от ЯМ: частота полноударной формы повышена — в стихе тоже наблюдается увеличение доли этой формы по сравнению с вероятностной моделью; повышены также частоты 2-й, 4-й и 6-й форм, при этом частота 3-й формы понижена, что тоже согласуется с альтернирующей стихотворной тенденцией этого периода, направленной на расподобление ударности четных и нечетных иктов. Ниже приведены профили ударности РМ и ЯМ, см. график 2 и таблицу к нему. Профили обнаруживают незначительное отклонение РМ от ЯМ, которое проявляется лишь в отношении второго «икта», в целом показатели РМ и ЯМ очень близки.

Полученный результат позволяет предполагать, что при первом опыте создания большой эпической формы, романа-повести «Дубровский», Пушкин старается «искоренить» в себе поэта, ритмика его прозы в целом соответствует языковым предпосылкам. Едва ли здесь можно говорить о заметном влиянии стиха. Однако предыдущие исследования показали, что в «Повестях Белкина», написанных ранее, это влияние обозначалось весьма четко, показатели РМ удалялись от ЯМ вполне выражено, типологически сближаясь с реальным стихом,²⁴ в котором, как известно, в этот период под

²³ Значимое отклонение — количественный показатель, обозначающий вероятность ошибки при отвержении изучаемой гипотезы.

²⁴ См.: Казарцев Е. В. Ритмика «случайных» четырехстопных ямбов в прозе поэта.

График 3. Случайные ямбы в повести «Пиковая дама» на фоне ЯМ

Данные к графику 3

Формы Я4	PM («Пиковая дама»)	PM (данные Прохорова)	ЯМ
1	0,103	0,108	0,085
2	0,093	0,074	0,058
3	0,165	0,222	0,266
4	0,371	0,344	0,281
6	0,155	0,145	0,196
7	0,113	0,103	0,115

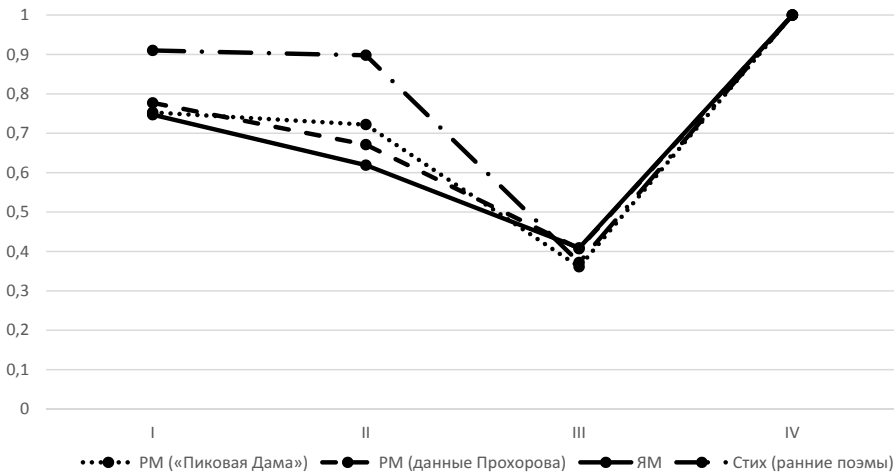
действием закона регрессивной акцентной диссимилиации (ЗРАД) сложилась особая тенденция.²⁵ ЗРАД приводил к более частой реализации четных сильных мест (СМ) Я4 по сравнению с нечетными — возникла как бы вторичная альтернатива русского стиха: альтернирующий метр (ямб) приобретал альтернирующий ритм.

Надо сказать, что в дальнейшем Пушкин-прозаик в большей степени проявляет себя как поэт. Просодика стихоподобных фрагментов «Пиковой дамы» выглядит несколько иначе. Ритмика выбранных нами по тексту этой повести синтагматически цельных фрагментов, соответствующих Я4, обнаруживает более выраженное отклонение от ЯМ, см. график 3 и таблицу к нему.

Хотя отклонение и здесь незначимо, но вероятность ошибки отвержения гипотезы об однородности существенно ниже, чем при сравнении ЯМ и PM «Дубровского», $p\text{-value}=0,423$. Заметим, что наши данные по PM несколько отличаются от результата, который был получен Прохоровым, когда PM «Пиковой дамы» строилась «свободно», без учета синтагматики. Рассчитанная нами речевая модель в целом больше расходится с ЯМ, чем PM Прохорова. Как видно на графике 3 и в соответствующей таблице, отличие моделей свидетельствует о том, что в ритмике случайных ямбов ощутимо присутствует тенденция к альтернативе, характерная для реального стиха: в PM по сравнению с вероятностной моделью заметно повышается частота 2-й и 4-й форм, понижается частота 3-й. Причем в нашей выборке эта тенденция прослеживается отчетливее,

²⁵ ЗРАД был открыт Тарановским (Тарановски К. Ф. Руски дводелни ритмови. Београд, 1953). Процесс возникновения ЗРАД описан Красноперовой (Красноперова М. А. 1) К вопросу о законе регрессивной акцентной диссимилиации и его причинах // Russian Literature. 1982. № 2. P. 217–225; 2) Основы сравнительного статистического анализа ритмики прозы и стиха. С. 123).

График 4. Профиль ударности РМ по повести «Пиковая дама» на фоне ЯМ и ритмика стиха

Данные к графику 4

Икты	РМ («Пиковая дама»)	РМ (данные Прохорова)	ЯМ	Стих (ранние поэмы)
I	0,753	0,777	0,747	0,910
II	0,722	0,671	0,619	0,898
III	0,361	0,407	0,409	0,372
IV	1,000	1,000	1,000	1,000

чем у Прохорова. Напомним, что анализ, сделанный Прохоровым, тоже обнаружил отклонение ритмики РМ в сторону стиха. Вполне естественно, что в условиях синтагматической цельности эта особенность стала еще более заметной. Близость к стиху становится особенно очевидной при сравнении профилей ударности РМ и ЯМ на фоне данных по акцентуации СМ в ранних поэмах Пушкина, см. график 4 и соответствующую таблицу.

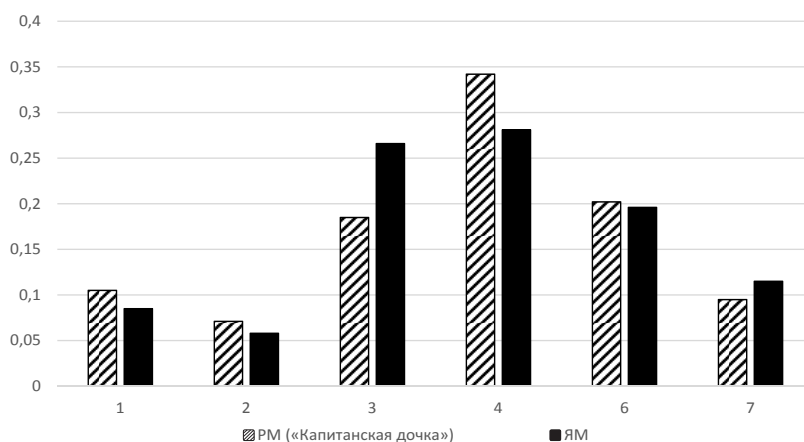
В целом профили ударности РМ «Пиковой дамы» обнаруживают явное отклонение от ЯМ: заметно усиливается акцентуация второго «икта», при этом понижается ударность нечетных СМ, первого и третьего. Причем в нашей выборке эта тенденция выражена отчетливее, чем в РМ Прохорова. По нашим данным, она распространяется на все динамические икты, от первого до третьего.

Надо сказать, что распределение ударений в нашей РМ очень напоминает профиль ударности ранних поэм Пушкина, написанных в 1820-е годы, когда действие ЗРАД еще только набирало силу, в связи с чем ударность первых двух иктов в стихе была практически равной. Типологическое сходство профилей РМ и стиха очевидно: линии параллельны в первой части графика и практически совпадают во второй.

Показатели речевой модели «Капитанской дочки» отклоняются от ЯМ еще заметнее, χ^2 близок к стандартному порогу значимости 5 %, $p\text{-value}=0,060$. При этом характер отклонения такой же, что и в «Пиковой даме». В целом альтернирующая тенденция здесь усиливается и охватывает весь спектр слогаударных конфигураций: частоты 1-й, 2-й, 4-й и 6-й форм оказываются выше, а 3-й и 7-й ниже, чем предсказывает вероятностная модель, см. график 5 и таблицу к нему.

Ниже приведен профиль ударности РМ «Капитанской дочки» на фоне ЯМ и ранних поэм Пушкина: линия, соответствующая речевой модели, существенно отклоня-

График 5. Случайные ямбы в повести «Капитанская дочка» на фоне ЯМ

Данные к графику 5

Формы Я4	PM («Капитанская дочка»)	ЯМ
1	0,105	0,085
2	0,071	0,058
3	0,185	0,266
4	0,342	0,281
6	0,202	0,196
7	0,095	0,115

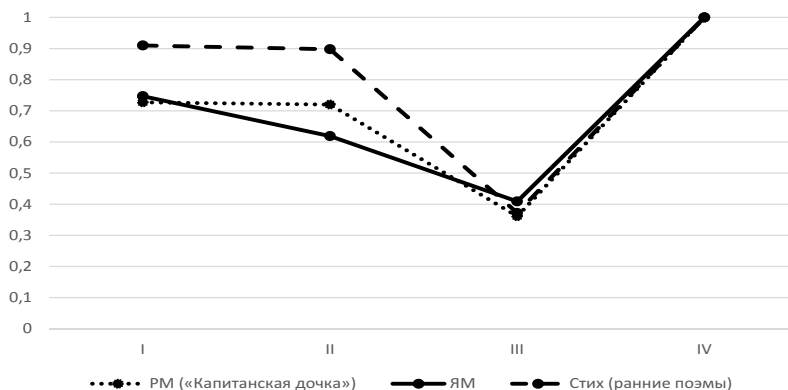
ется от вероятностных показателей, она практически параллельна профилю ударности стиха в первой части графика и совпадает с ним во второй (см. график 6 и таблицу к нему). Очевидно, что тенденция к альтернации выражена здесь более отчетливо, чем в «Пиковой даме», прежде всего за счет уменьшения ударности первого «икта», в результате чего данные по первому и второму СМ фактически сближаются, что характерно для ранних ямбов Пушкина. В целом получается, что речевая модель «Капитанской дочки» явно удаляется от языковых предпосылок и сближается с реальным стихом.

Анализ небольших повестей «Кирджали» и «Египетские ночи» позволил сделать интересные наблюдения. Оба текста написаны практически в одно время: «Кирджали» датируется 1834 годом, а «Египетские ночи» — 1835-м. Но несмотря на это, ритмика стихоподобных фрагментов в них отличается. РМ «Кирджали» хоть и содержит довольно резкое повышение частоты второй формы по сравнению с вероятностными параметрами (0,154 против 0,058), в целом обнаруживает близость с ЯМ. Отклонение РМ и ЯМ сопоставимо с тем, которое было при анализе повести «Дубровский», $p\text{-value}=0,831$. Соответственно профили ударности моделей вновь сближаются (графики 7 и 8). Эта «новая» близость РМ и ЯМ интересна, особенно после их достаточно резкого расхождения, которое мы наблюдали при изучении «Капитанской дочки».

Совершенно иначе выглядит ритмика случайных ямбов в повести «Египетские ночи». Существенно отличаясь от ЯМ при $p\text{-value} = 0,271$,²⁶ она представляет собой, по-видимому, уникальное для пушкинской прозы явление: здесь в речевой модели, вероятно,

²⁶ Отклонение значимо при 30-процентном уровне значимости, принятом в других аналогичных работах, см. Приложение, таблица 3, прим. 2.

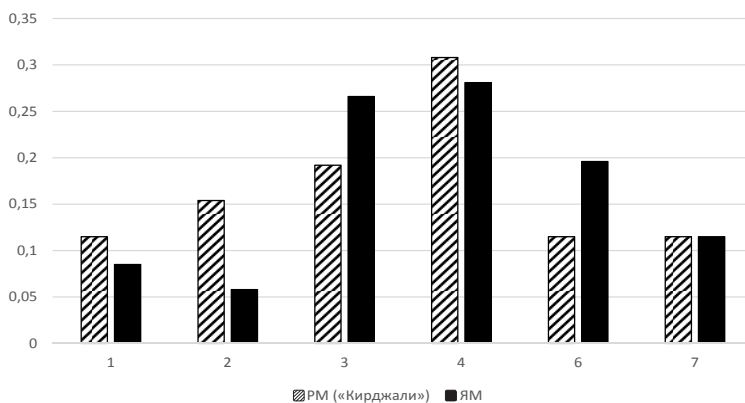
График 6. Профиль ударности случайных ямбов по повести «Капитанская дочка» на фоне ЯМ и ритмика стиха

Данные к графику 6

Игты	РМ («Капитанская дочка»)	ЯМ	Стих (ранние поэмы)
I	0,727	0,747	0,910
II	0,720	0,619	0,898
III	0,361	0,409	0,372
IV	1,000	1,000	1,000

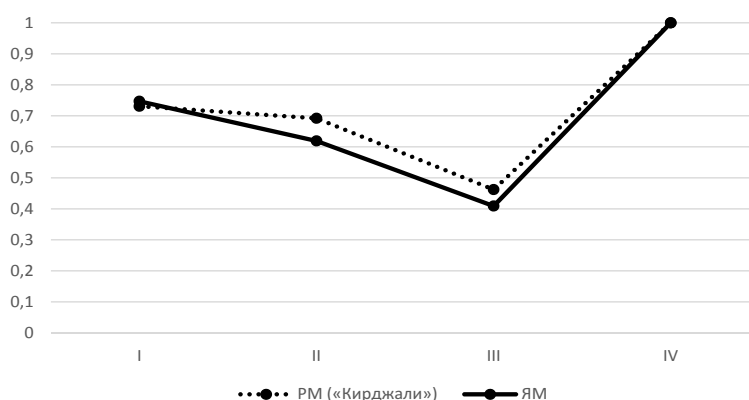
График 7. Случайные ямбы в повести «Кирджали» на фоне ЯМ

Данные к графику 7

Формы Я4	РМ («Кирджали»)	ЯМ
1	0,115	0,085
2	0,154	0,058
3	0,192	0,266
4	0,308	0,281
6	0,115	0,196
7	0,115	0,115

График 8. Профиль ударности случайных ямбов по повести «Кирджали» на фоне ЯМ

Данные к графику 8

Икты	РМ («Кирджали»)	ЯМ
I	0,731	0,747
II	0,692	0,619
III	0,462	0,409
IV	1,000	1,000

наблюдается отражение ЗРАД, действующего в это время в стихе.²⁷ Как бы то ни было, ритмика случайных ямбов здесь приближена к показателям зрелого пушкинского 4-стопника (см. ниже, графики 9 и 10 и соответствующие таблицы).²⁸ Отметим, что при этом ощущимо повышена частота 6-й формы («импровизатор отвечал»), которая, как известно, в реальном стихе («Адмиралтёйская игла») в этот период также заметно увеличена.

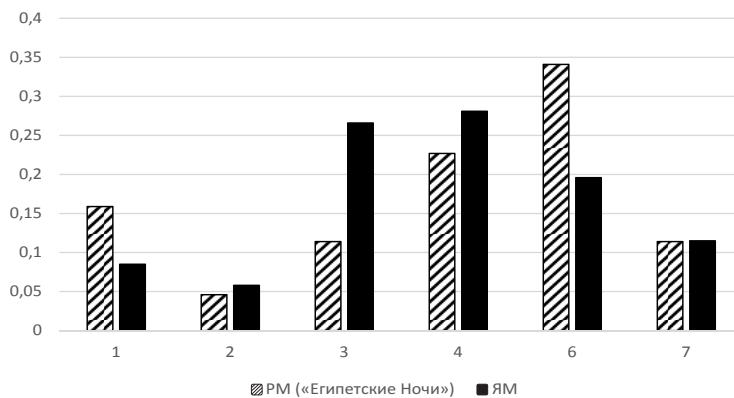
В целом распределение ударений в случайных Я4 в повести «Египетские ночи» отражает ритмику развитого пушкинского ямба: профили ударности РМ и стиха альтернирующие, они почти параллельны в первой части графика и очень близки во второй. Такой ритмический рисунок в целом противоречит языковой модели.

Получается, что в двух рассматриваемых здесь прозаических текстах, написанных в один период (1834–1835), ритмика стихоподобных фрагментов разнится. Почему так происходит? Мы предполагаем, что это отличие обусловлено жанровыми установками. «Кирджали» — короткая повесть, рассказ о жизни разбойника, требующий сугубо прозаического нарратива. Поэтому и ритмика немногочисленных стихоподобных фрагментов здесь мало чем отличается от языковых предпосылок. «Египетские ночи» — произведение другого склада, оно посвящено поэту-импровизатору, отсюда иной тип повествования, иной стиль и просодия. Поэтическая стихия наполняет текст этой повести, в котором много стихотворных фрагментов, что могло влиять на структуру прозы. Как бы то ни было, в «Египетских ночах» Пушкин, очевидно, раскрепощается: его поэтический опыт сказывается в полной мере, ритмика стиха как бы переливается в прозу.

²⁷ Новый взгляд на эволюцию русского ямба и на действие ЗРАД представлен в исследованиях С. Е. Ляпина: *Liapin S. Rhythmical Structure of Russian Iambic Tetrameter and its Evolution. Quantitative Approaches to Versification* / Ed. Robert Kolár, Petr Plecháč, Barry P. Scherr. Prague, 2019. P. 125–130.

²⁸ Анализ ритмики поэмы «Медный всадник» (см. график 10) проводился по корпусу, представляющему собой часть компьютерного аппарата СИППТ, текст поэмы соответствует изданию: *Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 4. С. 273–288.*

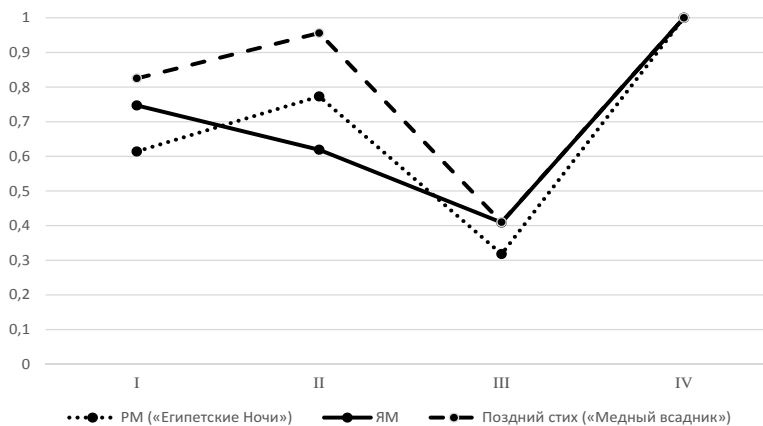
График 9. Случайные ямбы в повести «Египетские ночи» на фоне ЯМ

Данные к графику 9

Формы Я4	PM («Египетские ночи»)	ЯМ
1	0,159	0,085
2	0,046	0,058
3	0,114	0,266
4	0,227	0,281
6	0,341	0,196
7	0,114	0,115

График 10. Профиль ударности случайных ямбов по повести «Египетские ночи» на фоне ЯМ и ритмика стиха

Данные к графику 10

Икты	PM («Египетские ночи»)	ЯМ	Поздний стих («Медный всадник»)
I	0,614	0,747	0,825
II	0,773	0,619	0,956
III	0,318	0,409	0,410
IV	1,000	1,000	1,000

Таким образом, в данном случае, несмотря на незначимость отклонения показателей РМ от ЯМ,²⁹ проведенный анализ позволяет усомниться в том, что проза поэта может служить подходящим языковым фоном для исследования особенностей стихотворной просодии.

Итог

Исследование обнаружило признаки влияния стихотворной ритмики на прозу Пушкина: гипотеза о таком влиянии, высказанная ранее в связи с анализом «Повестей Белкина», получает поддержку на новом, более широком материале. Кроме того, есть основания считать, что просодия стихоподобных фрагментов в прозе эволюционирует под действием стиха. Очевидно, при написании повести-романа «Дубровский» Пушкин как бы старается быть «чистым» прозаиком, практически полностью следуя ритмике языка. В определенной мере это ему удается и в роли рассказчика в «Кирджали». Однако случайные ямбы «Пиковой дамы» выдают автора как поэта: в них ощущается звучание ритма его ранних поэм, в которых уже наметилось действие ЗРАД. Еще ярче эта тенденция проявляется в стихоподобных фрагментах «Капитанской дочки», где связь с языковой ритмикой явно ослабевает. Наконец, в «Египетских ночах» ритм случайных ямбов напоминает наиболее характерный для того времени тип 4-стопника, который сформировался в условиях действующего ЗРАД. Можно сказать, что в этой повести просодический рисунок стихоподобных колонов отражает альтернирующую природу развитого пушкинского ямба 1830-х годов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. Вероятностные модели (ЯМ) по прозе А. С. Пушкина

Формы	ЯМ («Капитанская дочка»)	ЯМ («Пиковая дама») ³⁰
1	0,084	0,113
2	0,058	0,067
3	0,266	0,268
4	0,281	0,285
5	0,000	0,003
6	0,196	0,148
7	0,115	0,116
Икты		
I	0,747	0,782
II	0,619	0,613
III	0,409	0,451
IV	1,000	1,000

Примечание 1. Показатели обеих ЯМ очень близки как в отношении форм, так и в профилях ударности; небольшое отличие наблюдается лишь в расчетах вероятностей полноударной и 6-й форм, которое, очевидно, вызвано различием частот некоторых длинных и коротких РС в ритмических словарях, составленных по текстам «Капитанской дочки» и «Пиковой дамы».

²⁹ Наблюдаемое отклонение от вероятностных показателей РМ «Капитанской дочки» и «Египетских ночей» значимо при повышении уровня значимости, см. Приложение, таблица 3, прим. 2.

³⁰ Данные А. В. Прохорова.

Таблица 2 (сводная). Случайные ямбы (РМ) в прозе А. С. Пушкина

Формы	«Дубровский»	«Пиковая дама»	«Капитанская дочка»	«Кирджали»	«Египетские ночи»
1	0,092	0,103	0,105	0,115	0,159
2	0,069	0,093	0,071	0,154	0,046
3	0,227	0,165	0,185	0,192	0,114
4	0,313	0,371	0,342	0,308	0,227
6	0,191	0,155	0,202	0,115	0,341
7	0,109	0,113	0,095	0,115	0,114
Всего строк	304	97	410	26	44
Икты					
I	0,740	0,777	0,727	0,731	0,614
II	0,665	0,671	0,720	0,692	0,773
III	0,388	0,407	0,361	0,462	0,318
IV	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000

Таблица 3. Показатели отклонения РМ от ЯМ (по формам), р-значения (p-value)

	«Дубровский»	«Пиковая дама»	«Капитанская дочка»	«Кирджали»	«Египетские ночи» ³¹
p-value	0,859	0,423	0,060	0,831	0,271

Примечание 2. При повышении уровня значимости до 0,30 отклонение РМ «Капитанской дочки» и «Египетских ночей» от данных ЯМ оказывается значимым. Такой уровень значимости принимался ранее на основе системного анализа данных в аналогичных исследованиях, проводимых М. А. Красноперовой и Е. В. Казарцевым.

Таблица 4. Ритмика ранних и поздних ямбов А. С. Пушкина

Формы	Ранние поэмы	«Медный всадник»
1	0,295	0,306
2	0,045	0,065
3	0,100	0,040
4	0,515	0,476
6	0,044	0,110
7	0,002	0,004
Всего строк	3354	482
Икты		
I	0,909	0,825
II	0,898	0,956
III	0,440	0,410
IV	1,000	1,000

Примечание 3. Статистика по ранним поэмам Пушкина — совокупные данные К. Ф. Тарановского по поэмам «Руслан и Людмила» и «Бахчисарайский фонтан».

³¹ В этом случае из-за малых абсолютных значений при сравнении по χ^2 данные типологические родственных форм 2 и 6 были объединены.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-121-131

© В. А. Котельников

РОМАНИСТ ПЕРЕД ЗАКАТОМ ИМПЕРИИ (К 200-летию со дня рождения Б. М. Маркевича)

О романе Б. М. Маркевича «Перелом» К. Н. Леонтьев заметил, что он «имеет достоинство историческое». ¹ Это можно сказать о всех романах писателя. В их совокупности эпически представлена жизнь России с 1850-х по 1880-е годы, когда империя начинала клониться к упадку. Поместное дворянство, петербургский свет, правительственные сферы этой эпохи изображаются Маркевичем с реалистической, подчас с документальной достоверностью лиц и обстановки, и тем более убедительно проступают во всей картине черты постепенной общественной и государственной деградации.

Болеслав Михайлович Маркевич (1822–1884) принадлежал к поместному дворянству Юго-Западной России, его род вел свое происхождение от польского шляхетства. Родившись в Петербурге, он провел детские годы в Волынской губернии, и с тех пор самым близким и любимым миром оставались для него помещичья усадьба, быт и культура просвещенного дворянства, природа того края, описания которой вносят в его прозу свежие поэтические краски, не лишённые лирических оттенков. Не увядшая свежесть первого впечатления от той природы отразилась и в позднейшем воспоминании о ней, возбужденном гоголевскими «Вечерами...»: «Я жил на земле „старой гетманщины“⁴, под Уманью, мне знакомы были не по одной этой книге божественные украинские ночи, заросшие вербами пруды, вишневые сады с их сыпающимся весной снежно-розовым цветом...».²

С 1827 года семья Маркевича жила в Киеве, где Болеслав получил хорошее домашнее образование под руководством губернатора-француза, «поэта ламартиновской школы» Queiréty (11, 363),³ а с десятилетнего возраста языку и литературе его обучал «русский учитель» Василий Григорьевич Юшков (11, 358), бывший любимым педагогом мальчика.⁴ В 1836 году Маркевичи переехали в Одессу, где Болеслав поступил в пятый класс гимназии при Ришельевском лицее (до 1847 года он назывался благородным воспитательным институтом). Через два года он стал студентом юридического отделения этого лицея, курс которого окончил в 1841 году. Служебная его карьера складывалась успешно, начавшись в 1842-м в Министерстве государственных имуществ, где в 1848 году он получил должность чиновника особых поручений при министре. Вскоре его перевели в Москву на ту же должность при военном генерал-губернаторе графе А. А. Закревском. В 1850 году он был назначен директором Московского попечительного совета о тюрьмах. Затем в порядке повышения снова оказался в Петербурге в должности экспедитора в Государственной канцелярии. Пребывая в столице, Маркевич приобрел обширные связи в светском обществе, при Дворе (он был своим человеком в кружке императрицы Марии Александровны), в высшей администрации. Обеспечивали видное положение Маркевича его многочисленные дарования — острый ум и образованность, таланты рассказчика и актера, делавшие его весьма интересным собеседником в столичных салонах. К этому присоединялось и обаяние его личности.

¹ Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. / Глав. ред. В. А. Котельников; подг. текстов, комм. В. А. Котельникова, О. Л. Фетисенко. СПб., 2014. Т. 9. С. 153.

² Маркевич Б. М. Из прожитых дней. II. Профили старых времен // Маркевич Б. М. Полн. собр. соч.: В 11 т. М., 1912. Т. 11. С. 360. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

³ Образ этого губернатора, под собственным его именем, Маркевич воспроизвел в романе «Забытый вопрос», со всеми подробностями его воспитательной деятельности. Queiréty преподавал Болеславу «полный подробный курс французской грамматики и словесности от Alain Chartier и Charles d'Orléans, поэтов XIV и XV веков, до Виктора Гюго и романтиков включительно», мифологию и географию и очень подробный курс истории «от мидян и персов» «до самой семилетней войны» (11, 363). Все эти познания нашли отражение в беллетристике Маркевича.

⁴ Он фигурирует, также под собственным именем, в романной трилогии Маркевича.

Е. Ю. Хвоцинская вспоминала о своей первой встрече с ним: «Но кто меня окончательно очаровал в первый мой выезд — это Б. Маркевич, наш талантливый романист. Он был красавец, и при этом все в нем было элегантно и благородно; его открытый белый лоб, пышные белокурые волосы придавали его лицу что-то особенно красивое и поэтическое».⁵

Вероятно, по причине разлада со своим начальником государственным секретарем В. П. Бутковым (оба отличались неуступчивостью характера) Маркевич в марте 1860 года покинул службу. А. К. Толстой, познакомившийся с ним в начале 1850-х годов и до конца жизни поддерживавший дружеские отношения, был огорчен неприятностями Маркевича и писал ему 21 апреля (6 мая) 1860 года, предварив письмо эпитафией

Где нет толку никакого,
Где сумбур и дребедень,
Плюнь, Маркевич, на Буткова
И явись, как ясный день!

Далее следовало: «Напишите, не надеетесь ли Вы получить место, более соответствующее Вашим вкусам и наклонностям, чем то, которое потеряли? Нельзя ли предпринять что-нибудь у Великой княгини Елены, или же в Академии художеств, или же в Министерстве просвещения?»⁶

Можно предположить, что не без неких протекций Толстого (близкого ко Двору и с детства знакомого великому князю Александру Николаевичу, ставшему императором) Маркевич вновь «явился, как ясный день» на служебном поприще. На этот раз в Министерстве внутренних дел в качестве чиновника по особым поручениям, а с 1866 года в той же должности в Министерстве народного просвещения, как и предвидел Толстой. В 1868-м он получил чин действительного статского советника, в 1866-м стал камергером, в 1873-м — членом Совета министерства.

Карьера неожиданно прервалась в 1875 году, когда Маркевича обвинили в злоупотреблении служебным положением и он был вынужден уйти в отставку. Суть довольно неясной истории заключалась в том, что Маркевич способствовал передаче газеты «Санкт-Петербургские ведомости» из ведения Академии наук, у которой арендовал ее издание В. Ф. Корш, в Министерство народного просвещения и вместе с тем помог переходу аренды к финансовому деятелю и издателю Ф. П. Баймакову, за что будто бы получил от последнего крупное вознаграждение. По свидетельству знавшего всю подноготную Е. М. Феоктистова, прежде всего сам Корш за уступку аренды получил от Баймакова пятьдесят тысяч рублей, а инициатива передачи издания в ведение Министерства принадлежала не Маркевичу, а самому министру графу Д. А. Толстому, который, однако, «неумело распорядился <...> в этом случае».⁷ Имени Маркевича в связи с этим Феоктистов вовсе не упоминает, хотя, по нерасположению к нему, не преминул бы это сделать, если бы нашлись порочащие его факты. Недруги Маркевича придали происшествию скандальный характер, Маркевич оправдывался, но дело приняло неблагоприятный оборот, репутация его была испорчена, и после отставки он уехал в Галич. В Петербург он вернулся в 1877 году, эпизод был публично истолкован М. Н. Катковым как несчастная ошибка Маркевича, и их сотрудничество продолжилось.

В годы службы Маркевич имел возможность из первых рук узнавать о работе правительственных учреждений, о направлениях внутренней политики, о придворных и административных интригах. Получил он достаточно точные представления и о личностях многих деятелей высшей администрации, о их репутациях «в верхах», их наме-

⁵ [Хвоцинская Е. Ю.]. Воспоминания // Русская старина. 1898. Т. 94. С. 643.

⁶ Толстой А. К. Полн. собр. соч. и письма: В 5 т. / Глав. ред. В. А. Котельников; подг. текстов, комм. В. А. Котельникова. М., 2018. Т. 5. С. 119; подлинник по-французски.

⁷ Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы (1848–1896). Воспоминания. М., 1991. С. 186.

рениях. Благодаря этому он оказался ценным сотрудником для Каткова, с которым сблизился на почве консервативных убеждений и которого снабжал материалами для его публикаций в «Московских ведомостях», «Современной летописи». В этих изданиях печатались и собственные статьи, фельетоны Маркевича, в частности циклы «Из Петербурга», «С берегов Невы». В катковском «Русском вестнике» появлялись и его главные беллетристические произведения, и, что примечательно, — наряду с романами Тургенева, Достоевского, Л. Толстого, печатавшимися там в те же годы, поэтому нельзя говорить, что публикация романов Маркевича в этом журнале связана исключительно с консервативной тенденцией собственно его произведений и самого издания Каткова. Не следует также преувеличивать роль Маркевича в подчас жестком проведении Катковым, консерватором-государственником, идеологической и политической линии в названных органах печати. Его сочувствие позиции Каткова, склонность поддерживать «охранительное» направление его деятельности мотивировались давно сложившимися общественно-политическими и эстетическими воззрениями.

Все литературные, исторические и социокультурные ориентиры Маркевича установились весьма рано и закрепились окончательно в годы учебы. Они окрашивались эмоционально, определяли его предпочтения, которые, в силу темперамента, становились пристрастиями, управлявшими его мнениями и зачастую творчеством.

Мир воспринимался им прежде всего через поэзию, которую, как вспоминал Маркевич, он сам и друг его детства Л. И. Арнольди любили «до какого-то бешенства, оба владели на стихи огромною памятью, <...> знали наизусть Пушкина, Лермонтова, Баратынского, Виктора Гюго, Шенье, все непропускаемые или урезываемые тогдашнею цензурою стихотворения и строфы русских поэтов...» (11, 342). Центром этого мира был Пушкин, чьи стихи покорили восьмилетнего мальчика, еще прежде смысла их, своей музыкальностью, что поддерживалось фортепианными импровизациями отца на стихи поэта.

Оглядываясь в 1884 году на детские встречи с поэзией Пушкина и на значение ее в своей жизни и в творчестве, Маркевич в воспоминаниях патетически высказался об исключительной любви к ней — и рядом с тем, все еще болезненно переживая эпоху «отрицания» 1850–1870-х годов, с не прошедшими горечью и негодованием вспоминал «о тех, обреченных на проклятие потомства, годах, когда сброд диких семинаристов и нахальных недоучек» (11, 372) ниспровергал Пушкина под одобрительные крики «прогрессивной общественности». Именно та социокультурная коллизия, глубоко травмировавшая нравственное и эстетическое чувство Маркевича, нашла выражение в его романах в теме неразрешимого конфликта между миром традиционных ценностей и вызывающе заявившим о себе в обществе и в литературе нигилизмом.

Продолжавшиеся в лицее курсы словесности Маркевич воспринимал не просто с умственной жадностью, но с чрезвычайным эмоциональным возбуждением, что вообще было свойственно его натуре. Захваченный «поэтическими красотоми Вергилия и Горация» в лекциях профессора Беккера, читавшихся на латыни, он почти со слезами восторга декламировал и переводил с листа стихи из «Carmen saeculare» (11, 374–375). В его «огромной массе чтения, самого разнообразного по содержанию» (11, 373), кроме русской и европейской литературы, немалое место занимали исторические сочинения. Он проштудировал «Иоганна Миллера («Всеобщая история»), Гиббона, Нибура, Мишо («История крестовых походов»), Гизо («История цивилизации Европы»), Робертсона («История Карла V» и «Открытие Америки»), Амедея Тьера («История завоевания Англии»), „Историю Англии“ Юма и Галама „Middle age“, Карамзина и Полевого («История русского народа»), Тьера и Минье («История французской революции»), массу французских мемуаров...» (11, 377). Следы литературного и исторического чтения (вплоть до прямых цитат) в изобилии присутствуют в его романистике и создают широкий и насыщенный культурный контекст описываемых лиц и событий. В этом отношении с текстами Маркевича не могут сравниться романы других русских писателей.

В немногочисленном кружке ближайших лицейских товарищей Маркевича ценилось «знание единственно для знания, безотносительно к тому, на что оно могло

пригодиться нам в действительности» (11, 376). Они претендовали лишь на одно — на звание «образованного человека»; это было маленькое содружество идеалистов, каковым был тогда и оставался впоследствии сам Маркевич. Тем ближе была им идея «искусства для искусства» и тем более отталкивал провозглашавшийся с середины века утилитаризм в культуре. В студенческие годы в их среде выработывался «идеал, страстное отношение к человеческой цивилизации, к искусству, вера в светлое будущее, ожидающее мир, просветленный знанием» (11, 382), которым никогда не изменял Маркевич. Вместе с тем он ясно осознавал и гражданское, и культурное значение того идеализма.⁸ «Не забудем, впрочем, и того, что идеализм этой нашей, так нагло оплеванной следовавшим за нами поколением „прогрессистов“ эпохи не мешал, чтобы не сказать прямо — способствовал людям ее служить отечеству своему незабвенную службу в деле освобождения русского народа от крепостного состояния и создать целый ряд высокохудожественных произведений» (11, 382). Однако Маркевич не упускал из виду и другой стороны тогдашнего идеализма: отвлеченности мирозерцания, отстраненности от жизненной почвы, некоторой книжности представлений о мире и человеке. Маркевичу помогли избежать этой отвлеченности, «беспочвенности» его тесная связь с коренными началами жизни, его вдумчивое отношение к окружающему, опыт деятельного общения в разных слоях общества.

Маркевичу еще до того, как он стал вхож в петербургский большой свет и в придворный круг, довелось познакомиться с несколькими лицами из высшего дворянства, что дало ему живое представление о лучших людях сословия и о его значении в обществе и государстве.

В бытность свою в Одессе он встречался с графом М. С. Воронцовым, с сыном которого учился в лицее. Граф Воронцов (с 1845 — князь, с 1852 — светлейший князь), вспоминал Маркевич, «был *grand seigneur*, и притом русский барин в полном значении этого слова»; «наружность его поражала своим истинно барским изяществом». В то же время Маркевич видел в нем, воспитывавшемся в Англии, «тип утонченного временем и цивилизацией потомка одного из железных сподвижников Вильгельма Завоевателя. Высокий, сухой, замечательно благородные черты, словно отточенные резцом, взгляд необыкновенно спокойный» (11, 394–395). Под этим впечатлением у Маркевича складывалась эстетика аристократизма, определявшая затем черты соответствующих романых персонажей. Вместе с тем «утонченные формы учтивости и наружная либеральность» скрывали в нем «беспредельную спесь и неукротимое своевластие» (11, 394), что приводило в бешенство служившего в 1823–1824 годах под его началом Пушкина и стало поводом для известных эпитграмм. Но вопреки осмеянной поэтом «половинчатости» Воронцова, Маркевич утверждал, что «это был совершенно цельный характер и ум несомненно государственный — и вся деятельность его носит на себе именно этот отпечаток просвещенности, который, сама собою, исключает упрек в „полунежестве“, делаемый ему Пушкиным» (11, 393).

В доме Воронцова Маркевич познакомился с жившей там родственницей графа Варварой Григорьевной Шуазель, урожденной княжной Голицыной, обаятельной женщиной, обладавшей замечательной музыкальностью, «врожденною всей ветви Голицыных, к которой принадлежала она» (11, 402). В пору московской службы Маркевич узнал Марию Аполлоновну Волкову, «умную, живую, наблюдательную и образованную особу, принадлежавшую к высшему кругу общества ее времени», «фрейлину императрицы Марии и Елисаветы, весьма ценимую императором Николаем, любившим ее „прямодушную московскую речь“ и искавшим бесед с нею» (11, 349). Она в своем доме, где «все, от почтенных седых слуг и до фарфоровых горшков с цветами на окнах, носило на себе печать стародворянского жития, возродившегося на пожарах 12-го года, — представляла собою бережно сохранившийся образчик своеобразного духа, независимых понятий и благовоспитанных привычек образованных людей того време-

⁸ Именно это умонастроение в поколении самого Маркевича и изображаемых им героев выдвинул на первый план и вынес в заглавие своей пьесы «Идеалисты» (1895) Н. С. Дронин, написавший ее по роману «Четверть века назад».

ни. Память у нее была огромная; читала она все интересное, дельное, появлявшееся тогда в европейских литературах и следила за событиями с какою-то совершенно молодой жадностью» (11, 349).

Таков был любимый Маркевичем мир, с его людьми, поэзией, культурой, бытом. Художественно воссоздать его, удержать в слове его исчезающий дух и предания стало потребностью и творческой задачей писателя. Но он не мог не видеть симптомы неотвратимого разрушения этого мира, до сих пор сохранявшегося в оболочке имперской государственности. Об одной из своих авторских задач в романе «Перелом» Маркевич писал И. С. Аксакову 21 февраля 1882 года: «Я, по мере сил, старался изобразить патологические состояния нашего общества вслед за реформами 19го февраля».⁹ И он не мог не понимать, кто виновен в этих «патологиях», кто стал разрушителями прежнего, столь дорогого ему общественного уклада. При нетерпимости Маркевича ко всему неэстетичному, грубому, низкому, наиболее враждебной этому миру силой представлялись ему деятели леворадикального, революционного движения, многие из которых пришли под знаменем нигилизма. Его реакция на них была закономерной и адекватной, даже при некоторой утрированности в изображении нигилистов. Но вот что очень существенно: реакция эта возникает в романах «Марина из Алого Рога» (1873), «Перелом» (1880–1881), «Бездна» (1883–1884) лишь пунктирно (в «Четверти века назад» (1878) она отсутствует вовсе) и лишь в связи с несколькими ситуациями. События с участием нигилистов, революционеров, сами их фигуры составляют побочную линию повествования. Хотя они и служат нескольким сюжетным обострениям, но отнюдь не занимают центрального места в романной трилогии. Тут дело не в самом Маркевиче.

Не столько его романы были «тенденциозными», сколько крайне тенденциозной была демократическая и леворадикальная критика, непомерно преувеличившая — в партийных интересах и вопреки реальному содержанию романов — размеры и место названной темы у Маркевича и тем самым подавившая все множество других тем, других образных и сюжетных линий. Писатель был внесен в литературные проскрипции той критикой и журналистикой еще в 1870-е годы, и в части общества, которая находилась под их влиянием, репутация «писателя-ретрограда», врага свободы и прогресса закрепилась за ним надолго. Маркевич был помещен в своего рода литературное гетто, получившее название «антинигилистический роман», где также оказались В. В. Крестовский, В. П. Авенариус, В. Г. Авсеенко, авторы «Бесов», «Обрыва», «На ножах» и другие. Уже то, что произвольно сведены в одну группу столь разные писатели, обнаруживает намерение оппонентов объединить их в некую клику воинствующих ретроградов по единственному (зачастую навязчиво подчеркиваемому) тематическому признаку, который был идеологически главным для критиков и публицистов левого лагеря и очевидно второстепенным с точки зрения литературной ценности вещи. Признак этот — критическое отношение автора к нигилизму, а вся художественная сторона произведения подавалась при этом превратно или просто отбрасывалась. Между тем замыслы, персонология, стилистика у названных авторов слишком различны, и общее им лишь пристальное внимание к возникшему новому идейному течению и его деятелям, которые вызывали обоснованную тревогу и опасения.

К. Ю. Зубков вполне убедительно показал происхождение и назначение понятия «антинигилистический роман».¹⁰ Под ним в той критике подразумевалось не собственно литературное явление в ряду других таких же, а коллективный идейный враг, принявший литературное обличье, он должен был стать политической мишенью для обстрела критиками. Затем и создавалось ими литературное гетто, чтобы там можно было скопом третировать идеологических противников за их консерватизм, реакционность, враждебность прогрессу, за апологию дворянства и поддержку имперской государственности. Приемами, которые позволяли обходить цензурные препятствия, велась ожесточенная война; простым и распространенным способом дискредитировать

⁹ ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 8. № 31. Л. 1 об.

¹⁰ Зубков К. Ю. «Антинигилистический роман» как полемический конструкт радикальной критики // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2015. № 4. С. 122–140.

произведение и автора было оболгать его героев. Роман Маркевича «Четверть века назад», в котором вовсе нет «антинигилистической» темы, подвергся именно такой экзекуции, поскольку автор уже был замечен в неприязни к нигилисту Левиафанову в романе «Марина из Алого Рога» и теперь подлежал наказанию. Анонимный рецензент писал: «...между всеми разнокалиберными и разномастными персонажами г. Маркевича нет ни одного, буквально ни одного честного человека», в романе царит «повальная безнравственность»; в отношениях славянофила Гундурова к народу рецензент видит только «плоскости и пошлости», к тому же этот герой «мучит бессмысленными капризами любимую девушку», Ашанин «бессердечный негодяй и феноменальный развратник», а автор «следует трафарету всех суздальских балетристов <...> „Русского вестника“». ¹¹ Здесь все утверждения ложны, но они были приняты читателями на веру в авторитетных для «прогрессивной общечественности» «Отечественных записках». Вождь этой общечественности и ведущий сотрудник цитированного журнала Н. К. Михайловский не преминул в своей манере иронизирующего малосодержательного многословия отчитаться перед публикой о чтении сочинений Маркевича и заключить обо всех, что автор «писал резко тенденциозные вещи, но не от себя, не из души, а в угоду другим и даже прямо по заказу», ¹² намекая на «заказы» редактора «Русского вестника» Каткова. Что также является ложным утверждением, поскольку, как говорилось выше, Маркевич писал под влиянием сильных внутренних мотивов социально-этического и эстетического порядка.

Негодую на такую критику, Маркевич жаловался И. С. Аксакову 24 февраля 1882 года: «Писатели так называемого „консервативного лагеря“ (то есть лагеря здравого смысла) находятся в переживаемое нами время в самом печальном положении. Для них нет путеводных звезд, спасительных маяков, надежных пристаней. Бессовестное parti pris <здесь: предвзятость — фр.> брани во что бы то ни стало, наглые искажения, притворное непонимание или намеренное принижение задач автора — вот что единственно встречает каждое из его произведений со стороны враждебной критики». ¹³

И наиболее серьезный либеральный критик и публицист К. К. Арсеньев в 1888 году, через четыре года после ухода Маркевича из жизни, не удержался от новых выпадов против вышедшего еще в 1878-м его романа «Четверть века назад». Казалось бы, роман давно погребен под завалами критических поношений, выброшен из литературы, но что-то заставляет Арсеньева вновь сводить счеты с одиозным писателем и его персонажами. Отрицая реалистичность созданной Маркевичем картины общества того времени, не допуская даже, что в ней есть «хотя бы мимолетная иллюзия», он пишет: «Его „идеальные лица“ — неземная княжна, славянофильствующий jeune premier, сентиментальный учитель — до крайности бледны, их стремления мелки, тусклы, неопределенны; героического в них столь же мало, как и в той среде, представителями которой они служат». ¹⁴ Такой набор выхваченных «лиц» недопустимо скуден для объективного суждения о романе, характеристики этих «лиц» ложны и предвзяты. В подтексте же — неистребимое негативное отношение критика к «той среде», т. е. к дворянству. К. К. Арсеньев, интеллигентный выходец из духовенства, внук сельского священника и сын семинариста, историка и географа К. И. Арсеньева, не мог преодолеть свои сословные предубеждения. Не случайно им осмеяна «неземная княжна» Лина, отброшен старый князь Шастунов. Какую же картину той эпохи, какие «героические» лица хотел бы видеть Арсеньев вместо антипатичной ему аристократии и поместного дворянства? Разумеется, картину подъема революционного движения, активности разночинной массы, лица ее идейных предводителей, ведущих

¹¹ [Б. п.]. Четверть века назад. Правдивая история, соч. Б. М. Маркевича, части I и II, Москва, 1879 // Отечественные записки. 1880. Т. 248. № 2. Разд. «Новые книги». С. 207–209.

¹² Н. М. [Михайловский Н. К.]. Дневник читателя. О крокодиловых слезах // Северный вестник. 1886. № 10. С. 164.

¹³ ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 8. № 31. Л. 1.

¹⁴ Арсеньев К. К. За кулисами ретроградного романа. Письма Б. М. Маркевича к графу А. К. Толстому, П. К. Щербальскому и др. // Вестник Европы. 1888. № 10. С. 701.

борьбу против «давно отживших порядков». ¹⁵ Кто же в таком случае более тенденциозен?

Между тем К. Н. Леонтьев, знавший о том времени по собственным наблюдениям и из живых источников, прочитав «Четверть века назад», заявлял в 1880 году, что «г. Маркевич (особенно в последнем великолепном произведении своем «Четверть века тому назад») стал для русского романа, т. е. не то, чтобы реакционером, а почти что так... *напоминателем забытого, но еще существующего*». ¹⁶ Что такое «забытое существующее»? Это жизнь, переходящая из одних исторических форм в другие, меняющаяся — но и сохраняющая свои неизменные ценности в людях и вещах. А в письме к К. А. Губастову от 4–19 июля 1885 года Леонтьев вспомнил о времени, когда впервые прочел роман и еще не был знаком с его автором, который тогда «вдруг составил себе имя романом „¼ века тому назад“. Роман прелестен, и весь Тургенев — одной главы этого романа не стоит!» ¹⁷

Сам Маркевич по поводу «Четверти века назад» писал помощнику Каткова Н. А. Любимову 14 июля 1878 года: «Роман мой имеет предметом изображение московского общества 25 лет тому назад с теми интересами, идеалами, побуждениями, какими жили <вставлено: люди. — В. К.> той эпохи; герой мой имеет совершенно определенный оттенок мнений известной тогдашней партии». ¹⁸ И в этом изображении романист был вполне точен в историческом и социальном отношении.

В том же письме он сетовал, что редакция «Русского вестника» исказила некоторые образы, а главное — в повествовании обесцветила «колорит времени» (что потом было отчасти исправлено в отдельном издании). Этот-то «колорит времени», или «*веяние* известным духом времени или среды», ¹⁹ как определял Леонтьев, высоко ценивший такое свойство эпического письма, критик находил у двух писателей. Прежде всего, у Л. Н. Толстого, в частности в светских сценах «Войны и мира», «так красиво, так тонко и как бы благоуханно» изображенных, — и здесь же восклицал: «У кого мы это еще найдем! — Только у Маркевича в „Четверти века“ и „Переломе“». ²⁰

Однако в этих романах Маркевич отнюдь не только «напоминатель» и живописатель той жизни дворянства, столичного и поместного, правительственных и придворных кругов, которую он во всех подробностях знал изнутри, не только собиратель ушедших «типов прошлого» (название его романа 1867 года) — он, в сущности, эпик-драматург, работающий с материалом этой жизни, придающий ее изображению форму тяжелой социально-политической драмы, трагическую развязку которой ничто и никто уже не может предотвратить.

В «Четверти века назад» один акт личной драмы разыгрывается на сцене и за кулисами — в домашнем театре и в имении княгини Аглаи — в ходе подготовки и постановки «Гамлета». Между участниками спектакля, обитателями дома возникают напряженные отношения, развитием которых управляет шекспировская мысль о трагичности жизни, шекспировская драматургия характеров и сценического действия;

¹⁵ Там же. Позднее изучавший русскую литературу с либеральных позиций И. И. Замотин дал сравнительно объективную оценку творчеству Маркевича, посвятив ему одному более трети обзорной главы «Тенденциозная беллетристика 60-х — 70-х годов» в «Истории русской литературы XIX века» под редакцией Д. Н. Овсяннико-Куликовского (М., 1911. Т. 4. С. 146–158). Разумеется, он говорит о «школе реакционной беллетристики», но выделяет в ней Маркевича как самого «яркого и в своем роде единственного ее представителя» (Там же. С. 146–147). Послереволюционное литературоведение в течение десятилетий если и упоминало Маркевича, то узко и предвзято трактовало его исключительно в замкнутом контексте пресловутого «антинигилистического романа».

¹⁶ Леонтьев К. Н. Еще о «Дикарке» гг. Соловьева и Островского // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем. Т. 9. С. 124.

¹⁷ Леонтьев К. Н. Письмо к К. А. Губастову от 4–19 июля 1885 г. // Там же. Т. 12. Кн. 1. С. 116–117.

¹⁸ ИРЛИ. Ф. 160. № 2. Л. 222.

¹⁹ Леонтьев К. Н. Анализ, стиль и веяние. О романах гг. Л. Н. Толстого. Критический этюд // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем. Т. 9. С. 243.

²⁰ Там же. С. 260.

завершается роман смертью исполнявшей роль Офелии княжны Лины и самоубийством старого князя Шастунова.

Оставаясь верным классической жанровой традиции, Маркевич существенно обновил ее, впервые создав своеобразный «роман-театр». При этом автор выступает блестящим комментатором всего происходящего на сцене и за кулисами в романной постановке «Гамлета», он оказывается отличным театральным критиком, точно передающим и все нюансы, и смысл игры каждого из участников спектакля. Едва ли не единственный пример в русской литературе соединения в одном образе двух лиц: исполнителя роли в пьесе и героя основного повествования: Гамлет-Гундуков, Офелия-Лина, Полоний-Акулин и др. Они наполняются большим содержанием, чем то могло быть передано в простом рассказывании о них, они живут как будто независимо от реальной жизни, выходящей за пределы авторской компетенции. Используя такую театрализацию романских персонажей, Маркевич удваивает психологические мотивы героев, получающие выражение в сценическом и бытовом поведении персонажей. При этом он обнаруживает тонкую пронизательность и изощренность в обрисовке их внутреннего мира, чему также способствуют портретные и пейзажные описания, принадлежащие к лучшим страницам русской прозы.

Выше уже говорилось о той социальной коллизии, которая послужила впоследствии источником пессимистического восприятия Маркевичем процессов, происходящих в обществе и в государстве. На первых ее стадиях она многим представлялась преимущественно нравственно-психологической драмой поколений. Так воспринимал ее Тургенев, так он отразил ее в «Отцах и детях» (1862). И Маркевич писал о том же 4 июня 1861 года своему ровеснику и другу М. Н. Лонгинову. Излагая свои «размышления, полные какой-то безнадежной грусти», как он их определял, Маркевич вопрошал: «Кто же наконец прав в глазах этого сменившего нас поколения, какая же заслуга, какая жизнь уважена им <...> И что же заключить из этого окончательного упразднения всякого авторитета, чего надеяться от поколения, воспитывающегося на отрицании всякой традиции, на беспощадном разрыве с людьми прошедшего. Но где же этот, наконец, идеал *improvisé*, этот изобретенный этими новыми людьми идеал, к которому точно так же не стремились все эти люди прошедшего, в которых они кидают грязью <...>. Я искренне скорблю душой, читая русские журналы. Неужели же наше будущее должно быть этот бюрократически-социальный мир, построенный на экономических комбинациях, в котором нет места ни личной свободе человека, ни поэзии, ни искусству и который гг. Чернышевские выдают нам плодом своего высшего учения?»²¹

Тогда лишь немногие увидели в этой коллизии явление, чреватое большими потрясениями. Среди них В. И. Кельсиев, порвавший с нигилизмом, В. В. Крестовский, некоторое время сочувствовавший радикалам-демократам, а затем показавший их деятельность в «Кровавом пуфе» (1875), Лесков, от оправдания «нигилистов» в рецензии на «Что делать?» (1863) пришедший к осуждению их в романах «Некуда» (1863–1864) и «На ножах» (1870–1871).

Постепенно Маркевичу становилось ясно, из кого составляется эта набирающая силу орда, какова ее идеология и практика, какие цели она преследует. Основная ее масса — выходцы из разночинной среды, из духовенства и мещанства, получающие доступное им образование (преимущественно естественно-научное, медицинское, техническое), но по низовому происхождению и воспитанию остающиеся в пределах упрощенного и огрубленного отношения к миру. Зачастую это недоучившиеся студенты, семинаристы, которые, по недостаточности основательных знаний и умственной узости, некритично схватывали популярные доктрины, вульгаризуя их и превращая в фанатические убеждения. Во многих из них претензии на идейную «прогрессивность», противостоящую «косному» обществу, порождали заносчивое самомнение, сочетавшееся в то же время с болезненным чувством приниженности своего положения, с недопрашиваемой обидой на господствующее в обществе неравенство и угнетение. Такое чувство особенно обострялось у тех, кто имел какие-то таланты.

²¹ ИРЛИ. 23.210/CLXVIб.14. Л. 1–1 об.

Маркевич точно уловил эти черты возникшего социального типа и дал ему несколько литературных воплощений. Один из первых персонажей в этом ряду — Андрей Кирилин в романе «Типы прошлого» (1867). Сын экономки барина Чемисарова, воспитанный им, проучившийся на его средства два года в Петербургском университете, одновременно занимавшийся музыкой и ставший прекрасным скрипачом, возвращается в имение Чемисаровых совсем другим человеком. Под влиянием столичных леворадикальных идеологов, печатной пропаганды социалистических идей он стал ярким демократом, тем более что его сознание уже давно было отравлено мыслью о собственной социальной ущербности. Хотя он не совсем утратил прежние свойства своей природы, но презрение к благодетелю-аристократу, плебейская злоба на мир возобладали в нем. Движимый не только вожделем, но и мстительной ненавистью к аристократке, он соблазняет дочь Чемисарова. Понимая, что будет оскорблен и наказан ее отцом, Кирилин кончает с собой.

Все лица и события в этом романе еще заключены в круге частной жизни героев, в котором остается и поведение нигилиста Кирилина, не выходящее на социально-политическую арену, хотя он вполне готов действовать на ней. На ее пороге уже стоит учитель Левиафанов в романе «Марина из Алого Рога» (1873), закоренелый в своей ненависти к общественному и государственному строю России, к «обскурантизму» образовательной системы и намеревающийся насаждать «прогрессивные» идеи в петербургской военной гимназии. И надежды его на успех разрушительной работы на этом поприще имеют основание: сочувствующий Левиафанову предприниматель Верман, в чьи слова Маркевич вкладывает свое знание современного состояния общества, с удовлетворением замечает: «...самая настоящая либеральная цивилизация теперь в военном ведомстве» (3, 183). Действительно, радикально-демократическая идеология в ту пору уже находила, причем в возрастающем числе, своих адептов в офицерской среде, даже в высших ее слоях. В этом романе впервые автор прямо указывает на опасный симптом общероссийских «патологических» процессов. Позже он подтвердит и усилит такую симптоматику в «Переломе», обнаружив ее на верхах российского воинства и показав в образе ученого подполковника Блинова, офицера-прогрессиста новейшего типа, который сочувствует арестованному нигилисту и способствует его побегу. Из реальных фактов того времени исходил и Достоевский, упоминая в «Бесах», что Петр Верховенский создал в уезде свою «пятерку <...> между офицерами».²²

В «Переломе» и «Бездне» представлены уже крупные фигуры разрушителей — в их убеждениях, в подробностях их деятельности, в резко, подчас до утрировки, очерченных характерах. Прежде всего это Иринарх Овцын, реализующий революционно-анархическую программу разложения общества, дискредитации власти, возбуждения крестьян к бунту. Рядом с ним неслучайно поставлена личность его отца, насмешливо прозванного Ламартином за его идеализм, впрочем комически мелкий. Он, в сущности, оправдывает и поддерживает дело сына. В его отношениях к Иринарху очевидна близость к образу Степана Трофимовича Верховенского в его отношениях к сыну Петруше, они в романе Достоевского «Бесы» выступали один — как носитель идей сороковых годов и тип идеалиста той эпохи, а второй — как порожденный ею же идеолог и практик нигилизма и радикального разрушения. Надо заметить, что именно этот роман повлиял на появление саркастической иронии в развитии социально-критической темы в трилогии и к нему восходит нарастающий пессимизм Маркевича в художественной трактовке общественно-политической жизни России в 1860–1880-е годы.

В образ Иринарха Маркевич вложил отталкивающие черты, которые он настойчиво подчеркивает в его внешности и характере. И уже на грани бестиальности изображается в «Бездне» «свирепый» революционер-террорист по кличке «Волк». Связанный с русскими «бомбистами» и революционной эмиграцией, по облику, манере поведения он, несомненно, имеет своим прототипом революционера А. И. Желябова. Тот был судим на «процессе 193-х», в ходе которого оказался оправдан, участвовал

²² Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1974. Т. 10. С. 302.

в организационной и пропагандистской работе «Народной воли», в подготовке покушений на Александра II. Сам Маркевич писал о «Волке» П. К. Щербальскому 30 октября (11 ноября) 1882 года, что этот «нигилист новой формации», который «от Добролюбовских теорий» перешел «к бакунинской „анархии для анархии“, — тип Желябовых и К^о. Смею думать, что он мне удался лучше, чем *деревянная* фигура Овцына». ²³ И в том же письме приводил слова А. Н. Майкова об этом персонаже: «Не в пример *глубже взято*». По поводу «деревянной», «без полутонов» фигуры Овцына Маркевич поясняет: «Впрочем, Чернышевский, Добролюбов e tutti quanti (и прочие подобные. — *итал.*), которых я лично знал, были именно такие *сплошные*, без полутонов люди... Intuition (предвидение. — *фр.*) для моего *Буйносова* дал мне процесс царубийц, на котором я присутствовал от начала его и до конца, прилежно изучая физиономию, пошиб речей и tenue²⁴ (здесь: манера держаться. — *фр.*) этих маниаков злодейства». ²⁵ Кроме того, источником сведений о русских революционерах и террористах Маркевичу послужила полученная им в Вене от К. А. Губастова книга «La Russia sotterranea» («Подпольная Россия», 1882), в которой были собраны очерки революционного деятеля, прозаика, публициста С. М. Степняка-Кравчинского, первоначально публиковавшиеся в 1881 году в миланской газете «Il Pungolo» («Стимул»).

В подрывную работу вовлечены не только такие озлобленные люди низкого происхождения, как Троженков, тайный корреспондент «Колокола», но и аристократ Владимир Буйносов, зараженный революционно-анархической идеологией, юный Гриша Юшков, сын севастопольского героя, совращенный Иринархом в нигилизм.

Помимо рядовых разрушителей, Маркевич выводит на социально-политическую арену фигуры, принадлежащие к разным структурам государственного управления и прямо или косвенно способствовавшие распространению нигилистической и анархической «патологии» в России. На нижних этажах власти это губернский товарищ прокурора Тарах-Таращанский, откровенно объявляющий себя демократом и противником всяких действий администрации, стесняющих «свободу гражданина», в чем его вполне поддерживает новый губернатор Савинов, также намеревающийся действовать в духе новейшего гуманизма и устранять «полицейские чины», слишком ревностно служащие государственным интересам. Именно товарищ прокурора, недовольный, как он говорит, «нашим убогим правительством» (10, 152), склонен, из сочувствия к «интеллигентному студенту», отпустить Иринарха, посаженного в острог за агитацию среди крестьян.

Но и на самых верхних этажах потакают таким антигосударственным тенденциям или признают в бессилии им препятствовать. Эта тема разворачивается в «Переломе» в свете эпиграфа «*Безумный натиск здесь, а там отпор бессильный*», представляющего собой измененную Маркевичем строку из стихотворения Пушкина «К вельможе» (1830), превращенную им в характеристику отношений между агрессивными радикалистскими элементами и властью, не противодействующей им. У Пушкина: «Здесь натиск пламенный, а там отпор суровый».

Центральным для этой темы является эпизод встречи Троекурова с сановником Павановым, который наделен некоторыми чертами графа П. А. Валуева, с 1861-го по 1868 год занимавшего пост министра внутренних дел. Троекуров, излагая свою историю «наказания нагайкой» нигилиста Иринарха за его гнусный поступок, которая стала известна наверху из публикации в «Колоколе», просит Паванова «*буквально* передать ее туда, где интересовались ею, так как она может служить лучшим образчиком того беспомощного положения, в которое ставит в настоящую минуту всех людей порядка в России полное отсутствие в ней власти и системы в управлении» (7, 335). На что Паванов откровенно признается ему как близкому некогда человеку: «Nous ne pouvons rien; le torrent nous emporte» («Мы ничего не можем, поток несет нас». — *фр.*). И заявляет, что Россия идет в никуда.

²³ Письма Б. М. Маркевича к графу А. К. Толстому, П. К. Щербальскому и другим. СПб., 1888. С. 169.

²⁴ В источнике цитаты *terne* (тусклый — *фр.*), что не имеет здесь смысла и является опечаткой.

²⁵ Там же. С. 169–170.

Единственный (и наиболее близкий автору) герой, противостоящий в своих убеждениях, в практической деятельности всей общественной «патологии», — это Борис Васильевич Троекуров, который в романах «Перелом» и «Бездна» по-леонтьевски героичен и эстетичен. Славянофил Гундулов же, не способный занять такую позицию, вполне чужд Маркевичу, о чем он писал П. К. Щебальскому 23 июля 1880 года в разгар работы над романом: «Доктринерство Гундулова не только не владеет моими сочувствиями, — оно, как говорится, *pretit* всем моим инстинктам (оно не *эстетично*, уже прежде всего). Но я — *русский* художник (*passez moi cette forfanterie* (простите мне это бахвальство. — *фр.*)); чувство правды берет у меня верх над всеми моими ображениями. Если у меня Гундулов говорит „умнее“ Наташанцева, то это потому, что, увы, в действительности это было так. Я знал оба лагеря тех времен. <...> Гундулов „умен“, не столько *an sich* (здесь: сам по себе. — *нем.*), как теми фактами истории, на которых сидит он верхом...»²⁶

Действительно, хорошо зная лагеря и славянофилов, и западников, высшую бюрократию и местную администрацию, прогрессистов и нигилистов, Маркевич, как, может быть, немногие из писателей той эпохи (среди них прежде всего автор «Бесов»), ясно видел масштабы и темпы социально-политических процессов, ведущих к разложению имперского организма и чреватых неизбежной революцией. Как и Достоевский, он показал эти процессы в глубоко драматизированном эпическом повествовании.

²⁶ Там же. С. 149.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-131-144

© Е. В. Кузнецова

МЕТАФОРЫ ТВОРЧЕСТВА В ЛИРИКЕ З. Н. ГИППИУС*

Зинаида Гиппиус была одной из самых известных, успешных и уважаемых писательниц, художественных критиков и общественных деятельниц своего времени. Такая активная жизненная позиция, претендующая на собственное мнение по социально-историческим, религиозным, философским и художественным вопросам, а также на интеллектуальное равенство с мужчинами, не вызывает сейчас удивления. Однако выступать в роли мыслителя и оригинального творческого субъекта было для женщины рубежа XIX–XX веков не столь легко. Определенные культурные предпосылки делали проблему авторства острой и болезненной как для Гиппиус, так и для целого ряда ее последовательниц и современниц.

Причина этого заключается во многом в том, что гендерный порядок эпохи «рубежа веков» был маскулинным. Как пишет К. Эконен, для андроцентричного общества характерны, во-первых, «бинарное и комплементарное противопоставление полов» и, во-вторых, «нейтральность» маскулинной и «маркированность» фемининной категорий. Иными словами, маскулинное отождествляется с общечеловеческим, а фемининное — это сугубо женское, при этом фемининное не функционирует самостоятельно, но лишь вместе с категорией маскулинного, стоящей к ней в оппозиции.¹ Культуре русского модернизма был свойственен взгляд на женщину как на объект поклонения, прекрасный, возвышенный образ, идеал, вдохновляющий художника, но при этом лишенный права на собственный голос. Эта установка ярче всего иллюстрируется образами

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10100 «Конструирование феминности в литературе и культуре русского модернизма») в ИМЛИ РАН.

¹ Эконен К. Творец, субъект, женщина: Стратегии женского письма в русском символизме. М., 2011. С. 29–30.

Данте, идеального субъекта, и Беатриче, идеального объекта творения. Фемининность как отвлеченная категория была при этом чрезвычайно востребована культурой и философией Серебряного века. Через нее осмыслялось подсознание, глубины души творческого субъекта, женщина могла выступать также в роли музы, медиума или в качестве зеркала, смотря в которое мужчина-творец постигал собственное «Я».²

Но все эти важнейшие функции предписывали женскому началу (и его реальным носительницам) пассивность и порождали глубокое противоречие: отказ от пассивности означал утрату женственности, а сохранение женственности означало отказ от способности действовать и творить. К. Эконен поясняет сущность данного надлома следующим образом: «В сфере социального поведения это проявляется в том, что, с одной стороны, к женщине относятся с рыцарским восхищением и желанием спасти. С другой стороны, ей отказывают в творческих способностях и праве на субъектность. В сфере эстетики двойственное отношение к фемининности выражается в том, что фемининность выполняет важнейшую функцию в творчестве, хотя одновременно символизирует отсутствие творчества».³ Осознав ущербность подобных представлений, многие талантливые представительницы эпохи модернизма предприняли попытки выйти из такого ограниченного положения, что породило кризис самоопределения и распределения ролей между полами. Н. Бердяев описал эти изменения следующим образом: «Женщина как бы уже не хочет быть прекрасной, вызвать к себе восхищение, быть предметом любви, она теряет обаяние, грубеет, заражается вульгарностью. Женщина не хочет быть прекрасным творением божьим, произведением искусства, она сама хочет создавать произведения искусства. Это глубокий кризис...»⁴ Приведенная цитата доказывает тот факт, что женская активность и субъектность воспринимались как утрача внешней привлекательности и душевной деликатности.

Понимали это конфликтное положение дел и сами женщины. Критик Е. Колтоновская в очерке «Женское (Вместо предисловия)», предварившем ее сборник характеристик «Женские силуэты: Писательницы и артистки» (1912), констатирует, что стремление реализовать творческие способности неизменно приводит женщину к внутреннему надлому: «Отыскав в себе ростки творчества и мужские свойства, а иногда и стараясь приблизить свою психику к мужской, ей так легко подавить и обесцветить собственную природу, утратить оригинальность... Каковы же в таком случае окажутся результаты „творчества“? Стоит ли о нем хлопотать? <...> А с другой стороны, разве те крохи творчества, которые в нее чудом вкраплены, не имеют права жить, законодательствовать и по-мужски деспотически требовать себе всевозможных жертв? <...> Зачатки борьбы двух противоположных начал — пассивного статического и динамического творческого — есть в каждой женщине. Чем одареннее женщина, тем сильнее должна быть эта борьба, по характеру своему роковая. <...> И потому исход борьбы чаще всего оказывается для женской индивидуальности фатальным».⁵

Первопроходцем в деле самореализации и саморепрезентации явилась, несомненно, Зинаида Гиппиус. Осознавая приоритет мужской позиции в достижении творческого признания в андроцентричной культуре, она использовала разные способы присвоения себе мужского активного начала, например, проводила эксперименты с мужским костюмом, аксессуарами и стилем поведения, конструируя свой гендер как в жизни, так и в слове. Ее цель состояла в получении права на высказывание независимых суждений и возможности стать самостоятельным игроком на литературно-критическом поле. На первых порах на помощь молодой писательнице приходит авторитет мужа и соратника Д. С. Мережковского, под именем которого она публикует некоторые свои стихотворения и статьи. Прибегала она и к многочисленным мужским псевдонимам (Антон Крайний, Н. Ропшин, Лев Пуцин, Антон Кирша, В. Витовт и др.). Обозначенные философско-социальные стереотипы, царящие в обществе, обусловили нетипич-

² Подробнее см.: Там же. С. 61–104.

³ Там же. С. 181.

⁴ Бердяев Н. Метафизика пола и любви // Перевал. 1907. № 6. С. 27.

⁵ Колтоновская Е. Женское (Вместо предисловия) // Колтоновская Е. Женские силуэты. Статьи и воспоминания (1910–1930). М., 2020. С. 197.

ное лирическое «Я» ее стихов, представленное за исключением единичных произведений в мужском роде.⁶ Поясняя авторскую маскулинную стратегию писательницы, А. В. Лавров анализирует ее важнейшую статью «Зверобог» (1908), посвященную проблемам пола и полемически развивающую идеи Отто Вейнингера: «Мужскому началу, как мыслительной категории, присуща активность, энергия мысли и творчества, примат индивидуальности, женскому — пассивность, безличность, тенденция к ассимиляции».⁷ В статье «Зверобог» Гиппиус соглашается с представлением Вейнингера, а также Вл. Соловьева, Н. Бердяева и многих других мыслителей рубежа XIX–XX веков о женском начале как о лишенном активности, творческой потенции, интеллекта, но спорит с тем, что между реальной женщиной и женственностью можно поставить знак равенства, так как «физическая женщина» не исчерпывается только фемининным началом и несводима к нему. В этом и заключается, по мнению писательницы, заблуждение всей современной культуры и философии.⁸ Приведенные цитаты свидетельствуют о том, что Гиппиус отлично осознавала невозможность в сложившейся культурной ситуации авторства от женского лица как Творчества, равного мужскому и признаваемого другими участниками культурного процесса, поэтому она не пыталась утвердить или отстоять женского субъекта. Она приспосабливается к тому положению, при котором субъектность является маскулинной. Попытки других писательниц, например Н. Петровской или Л. Вилькиной, выступить от лица женщины оказались, с точки зрения К. Эконен, менее удачными для достижения авторитетной позиции, чем гендерный маскарад Гиппиус, хотя и по-своему интересными.⁹

Гиппиус также импонировала концепция андрогинности, предложенная в книге О. Вейнингера «Пол и характер. Принципиальное исследование» (1902, переведена на русский в 1908 году) и развивавшаяся также в трудах В. Розанова.¹⁰ Эта теория утверждала возможность присутствия в каждом человеке противоположных начал, мужского и женского, в разных пропорциях. Андрогин, по мнению О. Матич, представлялся Гиппиус идеальным полом, преодолевающим ограничения женского и мужского пола по отдельности и позволяющим творящему субъекту достичь богоподобного состояния.¹¹ Казалось бы, эта концепция могла быть положена в основу новаторской авторской стратегии писательницы, однако этого не происходит, так как «андрогинность как женская авторская стратегия не действует полноценно вследствие того, что в идеологии модернизма андрогин является мужчиной с фемининными качествами»,¹² а не женщиной с маскулинными. В связи с вышесказанным становится понятно, почему Гиппиус всеми возможными способами конструирует в своем творчестве маскулинного субъекта, находя при этом черты мужского склада ума и психики в себе самой.¹³

От мужского лица создавала лирические стихотворения современница и близкая подруга Гиппиус Поликсена Соловьева (*Allegro*), однако причины, побудившие ее к этому выбору, были не только социокультурного, но и личного свойства. Как и Гиппиус, она стремилась к достижению нарративной авторитетности и признавала тот факт, что «творчество является занятием маскулинного субъекта», а также подчеркивала

⁶ Подробнее см.: Лавров А. В. З. Н. Гиппиус и ее поэтический дневник // Лавров А. В. Русские символисты: этюды и разыскания. М., 2007. С. 10–11, 41.

⁷ Там же. С. 41.

⁸ Гиппиус З. Зверобог // Образование. 1908. № 8. Отд. III. С. 20, 21.

⁹ Эконен К. Творец, субъект, женщина. С. 334–337.

¹⁰ Подробнее см.: Протопопова А. В., Протопопов И. А. Между Отто Вейнингером и В. В. Розановым: о конструировании феминности и маскулинности в творчестве Д. С. Мережковского // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6. № 3. С. 204–221.

¹¹ См.: Матич О. 1) Zinaida Gippius and the Unisex of Heavenly Existence // *Die Welt der Slaven*. Wien, 1974–1975. Bd 19–20. S. 98–104; 2) Androgyny and the Russian Silver Age // *Pacific Coast Philology*. 1979. Vol. 14. Oct. P. 42–50; Матич О. Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siècle в России / Пер. Е. Островской. М., 2008.

¹² Эконен К. Творец, субъект, женщина. С. 185.

¹³ Подробнее см.: Протопопова А. В., Протопопов И. А. Проблема конструирования женского субъекта в творчестве З. Гиппиус в контексте гендерной теории Вейнингера // *Вестник славянских культур*. 2022. Т. 63. С. 163–183.

и пародийно демонстрировала «сделанность» как категории фемининности, так и категории маскулинности в художественном дискурсе русского модернизма.¹⁴ Однако мужская литературная маска Соловьевой, как и ее мужской костюм, парадоксальным образом является более правдивой, нежели маска Гиппиус, и, возможно, более соответствующей ее внутреннему самовосприятию. За мужском «Я» ее стихов не скрывается женщина, пишущая на самом деле о возлюбленном, т. е. о мужчине, но прячущая его под маской возлюбленной. В нем отражается лесбийская ориентация автора, реальным адресатом посланий которого является конкретная женщина, т. е. «возлюбленная» Соловьевой реальна, тогда как у Гиппиус она виртуальна. Мужской образ для Гиппиус представляет собой в большей степени игровое перформативное поведение, нежели для Соловьевой.¹⁵ Соловьевой посвящено одноименное металирическое стихотворение Гиппиус 1906 года, наполненное печалью и отчаянием по поводу бессмысленности женских песен «о внешней любви», «о любви небывалой» для дела претворения социального хаоса и преодоления духовной слабости самого автора и адресата его послания.¹⁶

Очерченные особенности культурного контекста эпохи и авторской стратегии Гиппиус нашли отражение в том, как осмыслялось и метафорически воплощалось в ее лирике представление о собственной поэзии. Поэтесса исследует креативные способности женского субъекта вообще и свои собственные в частности, в результате с глубинными переживаниями писательницы по поводу полноценности/неполноценности ее лирики переплетаются размышления о творческом процессе в целом. В данной статье мы бы хотели обратиться к анализу нескольких стихотворений, которые можно интерпретировать как *металирические*, и рассмотреть возникающие в них метафорические определения творчества в контексте гендерного кризиса эпохи модернизма и проблемы субъектности женского лирического «Я».

Рассуждения Гиппиус о собственном литературном труде и о женской субъектной позиции зачастую метафорически осмыслены и требуют истолкования. Женское «Я» автора скрывается, прячется за разными голосами, тогда как фемининность в целом объективизируется (предстает в том или ином традиционно женском обличье) и подвергается строгому анализу. В завуалированной форме эти тексты говорят о протекании процесса созидания у творца, лишённого в силу половой принадлежности исконного креативного начала, активной субъектной позиции.

Стихотворение «Гризельда» 1895 года является одним из самых ранних произведений, в котором возникает женский персонаж. Он обретает имя, черты характера и биографии героини новеллы Дж. Боккаччо и сказки-поэмы Шарля Перро:

Над озером, высоко,
Где узкое окно,
Гризельды светлоокой
Стучит веретено. <...>

Гризельда не устанет,
Свивая бледный лен,
Не выдаст, не обманет
Вернейшая из жен.

Неслыханные беды
Она перенесла:

¹⁴ Эконен К. Творец, субъект, женщина. С. 296.

¹⁵ Подробнее см.: Forrester S. Wooing the Other Woman: Gender in Women's Love Poetry in the Silver Age // *Engendering Slavic Literatures* / Ed. by P. Chester and S. Forrester. Bloomington; Indianapolis, 1996. P. 107–134. О мужских масках женской лирики см. также: Зусева-Озкан В. Б. «Мужская маска» женской поэзии: З. Н. Гиппиус и ее последовательницы // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7. № 1. С. 316–337.

¹⁶ Гиппиус З. Стихотворения / Вступ. статья, сост., подг. текста и прим. А. В. Лаврова. СПб., 1999. С. 299–300 (Новая Библиотека поэта).

Искал над ней победы
Сам Повелитель Зла.

Любовною отравой,
И дерзостной игрой,
Манил ее он славой,
Весельем, красотой... <...>

Но Сатана смирился,
Гризельдой побежден.
И враг людской склонился
Пред лучшею из жен. <...>

Ряд мирных утешений
Гризельде предстоит;
Обняв ее колени,
Кудрявый мальчик спит. <...>

Гризельда смотрит в воду,
Нежданно смущена,
И мнится, про свободу
Лепечет ей волна,

Про волю, дерзновенье,
И поцелуй, и смех...
Лепечет, что смиренье
Есть величайший грех. <...>

Все тише ропот прялки,
Не вьется бледный лен...
О, мир обмана жалкий!
О, добродетель жен!

Гризельда победила,
Душа ее светла...
А все ж какая сила
У духа лжи и зла!

Увы! Твой муж далеко,
И помнит ли жену?
Окно твое высоко,
Душа твоя в плену.

И сердце снова жаждет
Таинственных утех...
Зачем оно так страждет,
Зачем так любит грех?

О, мудрый Соблазнитель,
Злой Дух, ужели ты —
Непонятый Учитель
Великой красоты?¹⁷

История, рассказанная в этом стихотворении, напоминающем по строфике и ритмике старинную балладу, весьма примечательна. Молодая женщина прядет в высокой

¹⁷ Гиппиус Э. Стихотворения. С. 82. Курсив мой. — Е. К.

башне замка, ее соблазняет Дьявол, но она остается благочестивой. В награду она получает замужество («верная жена»), материнство («кудрявый мальчик»), спокойствие, полную защищенность за толстыми стенами замка, но теряет все, что относится к самореализации в большом мире и в обществе других мужчин: славу, свободу, веселье, любовные утехы. Гризельда является героиней многократно повторяющегося в европейской литературе сюжета, первая письменная фиксация которого известна с XIV века. Она образец супружеской покорности, послушания и преданности. Претерпевая жестокие испытания, которым ее подвергает муж, или искушения дьяволом в некоторых вариантах, она остается верной и послушной супругу, и в конце концов ее терпение вознаграждается.¹⁸

Анализируемое стихотворение Гиппиус представляет собой редкий для ее лирики пример обращения к известному фольклорно-литературному сюжету. В отличие от других поэтов-символистов ей не свойственна «установка на освоение всего культурного универсума, вариации „чужих“ сюжетов, мотивов, образных построений», созданных многовековой литературной традицией, с целью расширения их семантического потенциала.¹⁹ Сам факт внимания Гиппиус к сюжету о Терпеливой Гризельде доказывает важность и даже, возможно, болезненность для нее смыслового ореола образа верной жены и матери. И тем интереснее то переосмысление, которому подвергается фабула, чувства и мотивы героини. Во-первых, акцент сделан не на страданиях женщины. Внешне ее жизнь в замке вполне благополучна («душа ее светла»), у нее никто не отнимает детей, муж далеко, но не потому, что бросил или прогнал ее, а скорее потому, что сфера его интересов находится вне дома. Во-вторых, не супруг подвергает Гризельду испытаниям, а Дьявол. Несчастья не происходят на самом деле, а заменяются соблазнами, обещаниями иной, более интересной жизни, умозрительными картинками более интенсивных чувств и впечатлений.

Помимо гендерной проблематики, стихотворение интересно возникновением в нем метафоры творчества — *прядения*, — иносказательно кодирующей процесс созидания художественной ценности, инициированный женским субъектом. Пока Гризельда еще не сделала выбор, пока она соблазняется посулами Духа Зла — она *созидает*, но как только она побеждает искушения и утверждает себя на позициях женской добродетели — ее прялка замирает, она утрачивает способность к прядению. Таким образом, прядение можно интерпретировать как творческую способность, присущую исконно женщине, но требующую для ее проявления отказа от того, что традиционно понимается под женской сущностью: материнства, верности, добродетели.

¹⁸ Первая опубликованная версия истории о Гризельде — десятая новелла десятого дня «Декамерона», написанная Дж. Боккаччо в 1350 году и повествующая о жестоких испытаниях, которым подвергает муж, маркиз Салуццкий, свою кроткую и верную жену. Известны многочисленные переводы этой новеллы на русский язык, в том числе перевод К. Н. Батюшкова, опубликованный в «Опытах в стихах и прозе». Петраркой она была переведена на латынь под названием «История Гризельды» («Historia Griseldis»), Дж. Чосером в «Кентерберийских рассказах» дан вариант этого сюжета в «Рассказе студента». Позже, в 1691 году, Ш. Перро переработал историю в стихотворную поэму-сказку «Маркиза де Салюс, или Терпение Гризельды» («La Marquise de Salusses ou la Patience de Griseldis») с внесением вариаций в фабулу и смягчением образа действий и мотивов мужа главной героини. Как образец супружеской чистоты и верности Гризельда упоминается в комедии У. Шекспира «Укрощение строптивой». Сюжет о Гризельде лег в основу множества пьес (Г. Сакс, Дж. Филипп, Лопе де Вега, Ф. Гальм и др.) и опер (А. М. Бонoncini, Дж. Бонoncini, А. Вивальди и др.). Если в Средние века и эпоху Возрождения жестокость по отношению к Гризельде воспринималась естественно, как испытания, ниспосланные человеку Богом, а ее безвольная покорность прославлялась как добродетель, то в XIX — начале XX века такая трактовка начинает терять популярность, покорность воспринимается с негативной коннотацией как рабство, а образцовой героиней становится женщина, вступающая в конфликт с мужем ради отстаивания независимости и самостоятельности своей личности (подробнее см.: *Цуканов А. Л.* Гризельда // Энциклопедия литературных героев / Ред. и сост. С. В. Стахорский. М., 1997. С. 105; *Калашников А. В.* Новелла о Гризельде из «Декамерона» в русских переводах. К 700-летию со дня рождения Дж. Боккаччо // Мир русского слова. 2013. № 2. С. 45–51; *Лавров А. В.* Примечания // Гиппиус З. Стихотворения. С. 460).

¹⁹ *Лавров А. В.* З. Н. Гиппиус и ее поэтический дневник. С. 31.

тельности, покорности. Этот важный для эпохи модернизма смысловой узел точно артикулировала Колтоновская: «Женщина — мать и жена — неизбежно консервативна и враждебна всякой созидательной стремительной деятельности, враждебна не только творческой жизни мужчины, но и тем творческим зовам, которые иногда звучат в ней самой».²⁰

При этом способность созидать в стихотворении «Гризельда» в духе декаданса приписывается скорее началу дьявольскому, нежели божественному. Великой красотой искусства и свободой соблазняет героиню Злой Дух, т. е. Сатана. Сделав предписываемый порядочной женщине выбор, Гризельда оказывается несчастна, одинока и в душе не удовлетворена. Слишком большую жертву (свободу и самореализацию) она приносит ради своей женственности, которая осмысливается автором как клеймо, роковая печать пола. Завуалированно Гиппиус отрицает традиционную женскую социальную роль и критикует сложившиеся гендерные стереотипы, лишаящие ее героиню «таинственных утех» познания неведомого и созидательной активной позиции, творческой потенции, метафорически выраженной в прядении льна.

Шитье, другая метафора творчества, также относящаяся к сфере женского рукоделия, возникает в стихотворении «Швея» 1901 года:

Уж третий день ни с кем не говорю...
А мысли — жадные и злые.
Болит спина; куда ни посмотрю —
Повсюду пятна голубые.

Церковный колокол гудел; умолк;
Я всё наедине с собою.
Скрипит и гнется жарко-алый шелк
Под неумелою иглою.

На всех явлениях лежит печать.
Одно с другим как будто слито.
Приняв одно — стараюсь угадать
За ним другое, — то, что скрыто.

И этот шелк мне кажется — Огнем.
И вот уж не огнем — а Кровью.
А кровь — лишь знак того, что мы зовем
На бедном языке — Любовью.

Любовь — лишь звук... Но в этот поздний час
Того, что дальше, — не открою.
Нет, не огонь, не кровь... а лишь атлас
*Скрипит под робкою иглою.*²¹

Первые два четверостишия рисуют героиню, поглощенную тяжелым трудом: в течение трех дней она шьет, не разгибая спины. Третье четверостишие указывает читателю, что шитье следует понимать иносказательно, как процесс познания, интуитивного постижения тайного смысла, скрытого за миром явлений, и выражения результатов этого познания в слове, что и было для Гиппиус сутью литературного творчества (символика крови, любви и алого цвета актуализируется поэтессой в другом стихотворении этого же периода «Кровь»). Словосочетание «неумелая игла» можно интерпретировать как самохарактеристику способности Гиппиус к стихосложению. А. В. Лавров сообщает, что в письмах поэтесса неоднократно признавалась, что сочиняет стихи исключительно для самовыражения, не ощущая потребности в упражнениях

²⁰ Колтоновская Е. Женское (Вместо предисловия). С. 198.

²¹ Гиппиус Э. Стихотворения. С. 119. Курсив мой. — Е. К.

по версификации, и «даже бравировала собственным „непрофессионализмом“, не устывая повторять, что она «в сущности, только неудавшаяся стихотворица».²²

Превращение красного шелка в огонь и алую кровь, которые становятся материальными знаками любовного чувства, также свидетельствует о том, что под шелком подразумевается словесная ткань, вдохновленная Любовью, созданная ее силой. Эта метаморфоза вписывается в философскую концепцию Гиппиус, в которой Любовь занимала исключительное положение, являясь первоначалом Бытия и единственным способом познания Бога, другого человека и самого себя: «В символистский период (приблизительно с середины 90-х годов) в поэтической системе Гиппиус центральное место принадлежит категории любви, осмысленной как единственное средство, противостоящее ужасу смерти и хаосу жизни».²³ Завершается стихотворение обратной метаморфозой: огонь и кровь снова становятся только красным шелком. Финальные строки и все стихотворение в целом можно истолковать как метафорическое описание любого двунаправленного творческого процесса: умения видеть за материальными объектами явления феноменальные, а абстрактные, умопостигаемые категории и переживания воплощать в конкретных образах. Дата написания этого произведения свидетельствует, что метафора шитья кодирует помимо писательства еще и другой творческий по своей сути акт: созидание новой церкви и новой веры. Ведь именно в 1901 году Гиппиус, Мережковский и Философов активно размышляют над проектом церкви Третьего Завета и совершают особые домашние богослужения, для которых Гиппиус сама шила торжественные облачения из парчи и покрывало из «красного атласа», о чем она сообщает в своем дневнике «О Бывшем»: «Я странно приехала домой — все спали, а я была точно не я и села шить — и шила до утра, до света».²⁴

Следующим важнейшим металирическим текстом Гиппиус, к которому мы хотели бы обратиться, является стихотворение «Женское „Нету“» (1907):

Где гниет седеющая ива,
где был и ныне высох ручеек,
девочка, на краю обрыва,
плачет, свивая венок.

Девочка, кто тебя обидел?
скажи мне: и я, как ты, одинок.
(*Втайне я девочку ненавидал,*
не понимал, зачем ей венок.)

Она испугалась, что я увидел,
прошептала странный ответ:
меня Сотворивший меня обидел,
я плачу оттого, что меня нет.

Плачу, *венок мой жалкий сплетая,*
и не тепел мне солнца свет.
Зачем ты подходишь ко мне, зная,
что меня не будет — и теперь нет?

Я подумал: это святая
или безумная. *Спаси, спаси!*
Ту, что плачет, венок сплетая,
взять, полюбить и с собой увести...

²² Лавров А. В. З. Н. Гиппиус и ее поэтический дневник. С. 28.

²³ Нартыев Н. Н. Декадентский извод в русской поэзии конца XIX — начала XX века (на материале творчества З. Гиппиус) (Статья вторая) // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 8. Литературоведение. Журналистика. 2014. № 1 (13). С. 17–18.

²⁴ Гиппиус З. Дневники: В 2 кн. / Вступ. ст. и сост. А. Н. Николокина. М., 1999. Кн. 1. С. 95–96; См. также: Бонецкая Н. Дух Серебряного века (феноменология эпохи). СПб., 2016. С. 279–280.

— О, зачем ты меня тревожишь?
 мне твоего не дано пути.
 Ты для меня ничего не можешь:
того, кого нет, — нельзя спасти. <...>

Не подходи к обрыву, к краю...
 Хочешь убить меня; хочешь любить?
 я ни смерти, ни любви не понимаю,
дай мне венок мой, плача, вить.

Зачем я плачу — тоже не знаю...
 высох — но он был, ручеек...
 Не подходи к страшному краю:
*мое бытие — плача, вить венок.*²⁵

Плетение венка — один из центральных образов этого аллегорического произведения — является еще одной метафорой для обозначения творческого акта и его результата. Семантическое поле лексемы «венки» соприкасается с понятием «творчество» через символику лаврового венка, в античной культуре служившего наградой поэту, победившему в литературном состязании. Таким образом, «венки» ассоциируется со славой и признанием. «Плетение» само по себе также является языковой метафорой для обозначения процесса создания текста, сочинительства (и даже лжи, так как «плести» — значит в том числе лгать), что отражено, например, в названии стиля древнерусской литературы — «плетение словес».

Это стихотворение еще в 1912 году привлекло внимание Колтоновской, к работе которой мы уже обращались. Критик удивительно тонко почувствовала трагизм этого произведения: «Вместо бытия — пустота, вместо собственного содержания — только способность отражать чужое... Полная пассивность и зависимость от мужчины! Можно ли представить себе более злую и жестокую характеристику женской природы, более горькое признание со стороны женщины? К счастью, смысл и значение этой беспощадной характеристики ослабляется тем соображением, что она должна быть отнесена насчет женского начала, женской стихии, а не конкретной женской индивидуальности — женщины во плоти».²⁶

«Женское „Нету“» как важнейшее произведение, раскрывающее самоощущение Гиппиус в роли автора-творца внутри маскулинной культуры, подробно анализирует К. Эконен. Исследовательница полагает, что «плетение венка ассоциируется с органическим и автоматическим творчеством природы», которое в культуре символизма получает негативную окраску в противовес искусству, творчеству более высокого порядка.²⁷ Вместе с другими метафорами, относящимися к миру женского рукоделия (шитье, прядение), плетение венка характеризует, по мнению К. Эконен, не творчество вообще, а именно женское творчество и оценивает его как механический процесс производства некоего продукта, ремесло, лишенное вдохновения и гениальности. При этом сам субъект, девочка, даже не осознает созидательную природу своих действий, так как не чувствует своей субъектности (она не понимает ни любви, ни смерти и даже не знает, зачем она плачет). Взгляд на женщину как на объект, точку приложения мужской активности, привычный для культуры модернизма, демонстрируется в стихотворении в речи мужского персонажа: он хочет спасти, взять, полюбить и с собой увести девочку, т. е. совершить какие-то действия, направленные на нее. Но одновременно он ненавидит героиню за ее странное занятие — плетение венка, узурпирующее мужскую созидательную прерогативу («Втайне я девочку ненавидел, / не понимал, зачем ей венки»). Таким образом, женское творчество показано в стихотворении «Женское „Нету“» как абсурдное действие, как то, чего не может быть в силу того, что женщина

²⁵ Гиппиус Э. Стихотворения. С. 179–180. Курсив мой. — Е. К.

²⁶ Колтоновская Е. Женское (Вместо предисловия). С. 196.

²⁷ Эконен К. Творец, субъект, женщина. С. 182.

не может существовать как созидающий субъект. Соответственно и героиня стихотворения неоднократно заявляет, что ее нет: «Того, кого нет, нельзя спасти». Женская субъектность оборачивается абсурдностью.²⁸ В статье «Зверобог» Гиппиус говорит об этом следующим образом: «„Женская мысль“, „женское творчество“, „женское движение“ (эмансипация), развитие — все величайшие абсурды, ибо в „Женском“ не содержится ни ума, ни силы созидания, и в корне своем оно неподвижно. Вейнинггер опять прав».²⁹ Но парадоксальным образом героиня стихотворения существует и, плача, продолжает плести свой венок. Тем самым в художественном творчестве Гиппиус отчасти опровергает свои собственные критические построения и скрыто дискутирует с Вейнинггером.

Соглашаясь с основными положениями анализа, высказанными К. Эконен, хочется уточнить один момент. В контексте проанализированных выше стихотворений «Гризельда» и «Швея» нельзя согласиться с тем, что метафоры *прядения, шитья и плетения венка* характеризуют женское творчество как механическое и лишенное вдохновенной интуитивности. Косвенные указания на способность героини к творческому прозрению содержатся в обоих текстах («И снова сердце жаждет / таинственных утех»; «Приняв одно — стараюсь угадать / За ним другое, — то, что скрыто»). Скорее, такая оценка — это демонстрация внешнего снисходительного и пренебрежительного мужского взгляда на занятие женщины творческой деятельностью. Сама Гиппиус как автор признает высшую ценность за продуктом креативных усилий женщины, по крайней мере за своим собственным, так как созидающим началом, как мы уже писали выше, все равно является начало мужское, присутствующее и в эмпирической женщине.

Итак, стихотворение «Женское „Нету“» — это многоплановый текст, не лишенный авторской иронии. На уровне прямого высказывания Гиппиус предъявляет господствующее представление о женщине и женском творчестве (то, что не существует полноценно и полноправно, или вообще немислимо и абсурдно), а на уровне подтекста она с ними полемизирует, отрицает сложившиеся стереотипы, вскрывает их внутренние противоречия. Отрицание в маскулинной культуре наличия в женщине активного и продуктивного начала означает для Гиппиус отказ в праве женщины на бытие вообще, на существование в том онтологическом смысле, в каком оно доступно мужчине. В статье «Зверобог» она пишет, что женщина в общественном сознании не существует сама по себе, а всегда только в какой-то роли: мать, жена, любовница, мученица и при этом она «всегда „объект“, постигаемое, хотя и не постижимое. Если она *мне* не мать, не возлюбленная, если я ею не восхищаюсь, не возмущаюсь, если она *мне* никак не нужна — она не существует. Объекта нет, если отходит наблюдающий».³⁰ Ю. В. Лыкова отмечает, что «символика венка — метафора круга, из которого не может вырваться женское начало, ведь в финале все циклично повторяется: „мое бытие, плача вить венок“. Бытие „девочки“ синонимично небытию, заявленному в названии стихотворения „Нету“».³¹ Гиппиус и констатирует подобное представление о женщине, и спорит с ним: девочка, которая онтологически не может существовать, существует в художественном мире ее стихотворения. Тем самым автор утверждает возможность полноценного и независимого от мужчины бытия женщины, заявляющего о себе способностью к творческой деятельности.³² Иронический авторский взгляд направлен и на героя-мужчину, и на девочку, которая слаба, нелепа, как бы обижена Богом, но существует все же сама по себе, а ее упорство в продолжении своего занятия, плетения венка, заслуживает уважения.

²⁸ Там же. С. 179–183.

²⁹ Гиппиус З. Зверобог. С. 23.

³⁰ Там же. С. 21.

³¹ Лыкова Ю. В. Вечные «женственность» и «женскость» в поэзии З. Гиппиус: гендерный аспект // Сибирский филологический журнал. 2010. № 2. С. 132–139.

³² В этом плане стихотворение «Женское „Нету“» в силу того, что это текст художественный, живущий по своим законам, смелее и провокативнее идей Гиппиус, высказанных в аналитической статье «Зверобог», где она не решается проповедовать идею независимого онтологического существования женщины.

В русской поэзии Серебряного века метафора плетения венка была чрезвычайно продуктивной и в мужской, и в женской лирике. В творчестве поэтов-мужчин (К. М. Фофанов, Д. С. Мережковский, К. Д. Бальмонт, А. А. Блок, Вяч. И. Иванов, Андрей Белый, С. М. Соловьев и др.) в символике венка на первый план выходят семантические смыслы, связанные с творческим процессом и его результатами: произведением искусства, славой и признанием. Почти столь же актуальными являются ассоциации с мученичеством и страданием, тогда венок, метафорически выражающий представление о высокой поэтической миссии, превращается в терновый венец. Особенно характерен образ венка (венца) для лирики Валерия Брюсова, автора книги «Stephanos» («Венок»), неустанно рефлексировавшего в стихах на тему собственного призвания и таланта: «Начинающему» (1906), «Поэту» (1907), «А. М. Кузмину» (1908), «Предчувствие» (1911), «Больше никогда» (1914), «Поэт — музе» (1914), «О себе самом» (1917) и др. И в женской, и в мужской поэзии (М. Лохвицкая, А. Герцык, М. А. Кузмин, С. М. Соловьев, Андрей Белый, Н. С. Гумилев) встречается также образ погребального венка, венчающего могилу возлюбленного(ой) и символизирующего любовь, скорбь и память.

В женской поэзии (М. Лохвицкая, А. Герцык, Е. Кузьмина-Караваева, Е. Дмитриева (Черубина де Габриак), А. Ахматова) чаще, нежели в мужской, упоминается венок как эмблема любви, брачный венец или отличительный знак девственности, хотя и венок как символ творчества, признания, общественного служения и религиозного подвижничества проникает в лирические произведения поэтесс (например, стихотворение Е. Кузьминой-Караваевой «Замедляю шаги торопливые...» (1914) или А. Герцык «Вешними, росными, словами-зорями...» (1907)).

Две другие важнейшие обобщающие метафоры, иносказательно кодирующие творческий акт, совершаемый женщиной, — это метафоры *молитвы* и *колдовства* (защита, ворожбы). Противопоставленные в значении «святость — греховность», они оказываются глубинно связаны и даже в чем-то тождественны в качестве способа воздействия на сакральное. С данными лексемами связаны образы монахини и колдуньи (ведьмы), занимающие важное место в творчестве поэтессы, хотя и присутствующие имплицитно (напрямую в лирике себя монахиней или ведьмой поэтесса не именует). Скрываясь под мужским «Я», она, тем не менее, примеряет на себя эти исконно женские роли, имеющие богатый культурный шлейф. Учитывая тот факт, что проблема субъектной самореализации являлась для Гиппиус мучительным и постоянно решаемым вопросом, можно утверждать, что данные абстрактные метафоры творчества (молитва и колдовство), важные и для целого круга писателей-модернистов (Ф. Сологуб, В. Брюсов, Андрей Белый, Вяч. Иванов и др.), были для нее гендерно окрашены.³³

Создание стихотворных текстов Гиппиус воспринимает как еще один способ обращения к Богу, как интимные, лично окрашенные молитвы. В предисловии к первому своему «Собранию стихов» Гиппиус пишет: «Поэзия вообще, стихосложение в частности, словесная музыка — это лишь одна из форм, которую принимает в нашей душе молитва».³⁴ Наиболее показательные произведения в этом плане — это «Молитва» (1897), «Христу» (1901), «О другом» (1901), «Божья тварь» (1902), «Белая одежда» (1902), «Благая весть» (1904), «Свобода» (1904), «Оправдание» (1904), «Возьми меня» (1904) и др. В стихотворениях-молитвах поэтесса использует традиционные обращения («Отче», «Боже», «Господи») и просьбы-призывы («прости», «освяти», «спаси», «ниспошли освобожденье», «укрой» и т. д.). Еще И. Анненский отметил *метафору молитвы* как ключевую для обозначения творчества в художественном мире Гиппиус, а также указал на проблематичность этого креативного акта: «Для З. Гиппиус, насколько я понял ее „молитвы“, не существует внешней красоты впечатлений как чего-то самооценного, все эти навязчивые мелькания, сияния и застилания — и падающий снег, и лампадные лучи, и „колючий угрюмый сад“ — ей, по-моему, только мешают молиться. Но нет для нее, увы! — и оттого-то ей, лирической,

³³ Подробнее о гендерной составляющей образа ведьмы и мотивах колдовства в поэзии Гиппиус см.: *Андрейчук К. Р.* Гендер и сакральное: конструирование образа ведьмы Зинаидой Гиппиус // *Новый филологический вестник.* 2020. № 2 (53). С. 139–151.

³⁴ *Гиппиус З.* Предисловие // *Гиппиус З.* Стихотворения. С. 72.

и в жизни так страшно — нет ничего и *над* нею, нет ничего, о чем она бы молилась, и даже чему бы она молилась, — словом, того, что она так мучительно знает: — *Должно быть* (*debet esse*).³⁵ Осмысля авторскую позицию Гиппиус, Лавров пишет: «„Молитвенные“ стихи Гиппиус представляли собой образец безусловной поэзии, однако выношенная их создательницей идея „молитвенности“ обусловила многие самоограничения, на которые она пошла в своей работе и которые бросаются в глаза при сопоставлении ее стихов с поэтическим творчеством ее современников-символистов».³⁶ К таким самоограничениям исследователь относит узость тематико-стилевого и эмоционально-интонационного разнообразия лирики поэтессы.³⁷ Таким образом, творчество однозначно соединялось в сознании Гиппиус с сакральным действием (обращением к высшему началу), однако при огромной потребности и просто невозможности жить без Абсолюта, ей не было дано внутреннее глубинное внерассудочное ощущение божественного присутствия в мире, и она часто ужасалась «пустоте небес» и сомневалась в собственных поэтических силах.

Н. А. Богомолов также отмечает особое отношение Гиппиус к своей лирике, выражающееся в стремлении вывести ее за грань литературного ремесла и эстетических рамок, поставив в ряд внеэстетических, как бы нелитературных произведений, среди которых, в первую очередь, для нее важна молитва.³⁸ Можно заметить в ее стихотворениях отсылки и к другим «нехудожественным» по своей исконной природе речевым жанрам, например к исповеди («Соблазн», «Нескорбному учителю», «Глухота» и др.) или заклинанию («Заклинание», «Опять», «Боль» и др.). На возникновение представления о молитвенности поэтического творчества, безусловно, повлияла особая религиозность писательницы, устремленность всех ее душевных сил и интеллектуальных помыслов к «Главному», под которым она понимала богоискательство и обоснование новой веры на основе переосмысленного традиционного христианства. Но возможно, за идеей «мои стихи — это молитвы» скрывается также попытка обеспечить своим лирическим текстам особый статус, вывести их из-под эстетического суда современников-мужчин. Это стремление может быть обусловлено гендерной уязвимостью авторской позиции Гиппиус, которая, несмотря на защитную маскулинную маску, так или иначе всю жизнь отстаивала свое право на самостоятельное художественное высказывание.

В качестве примера процитируем «Молитву» (1897), одно из самых репрезентативных в этом плане стихотворений:

<...>

Сжался, о *Боже*, над слабостью
Сердца, Тобой сотворенного,
Над бесконечною слабостью
Сердца, стыдом утомленного.

Я — это Ты, о *Неведомый*,
Ты — в моем сердце, Обиженный,
Так подними же, *Неведомый*,
Дух Твой, Тобою униженный,

Прежнее дай мне безмолвие,
О, возврати меня вечности...
Дай погрузиться в безмолвие,
Дай отдохнуть в бесконечности!..³⁹

³⁵ Анненский И. О современном лиризме // Критика русского символизма: [В 2 т.] / Авт.-сост. Н. А. Богомолов. М., 2002. Т. 2. С. 340.

³⁶ Лавров А. В. З. Н. Гиппиус и ее поэтический дневник. С. 29.

³⁷ Там же.

³⁸ Богомолов Н. А. Зинаида Гиппиус // Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов): В 2 кн. М., 2001. Кн. 1. С. 856.

³⁹ Гиппиус З. Стихотворения. С. 97.

Метафоричным в данном случае является само заглавие этой лирической пьесы, предписывающее особый статус всему произведению (живое и непосредственное обращение к Богу) и дающее определенную свободу автору в нарушении неписанных правил хорошего поэтического текста: тавтологические рифмы («слабостью», «безмолвие»), разговорная интонация, общая безыскусственность, неприукрашенность стихотворения.

Метафора молитвы по отношению к репрезентации собственных стихотворных опытов была воспринята и другими женщинами-поэтессами Серебряного века. Анна Ахматова назвала свой второй поэтический сборник «Четки» (1914), подразумевая тем самым молитвенно-исповедальный характер книги, чтение которой подобно перебиранию четок с произнесением отдельных молитв-стихотворений. В этом сборнике проблема женского авторства вынесена в подтекст, но она также актуальна и проговаривается в некоторых произведениях. Например, в стихотворении «В последний час мы встретились тогда...» (1914) содержатся следующие строки: «Он говорил о лете и о том, / Что быть *поэтом женщине* — *нелепость*».⁴⁰ С этим утверждением, принадлежащим мужчине, поэтесса спорит самим фактом существования поэтического сборника «Четки», снискавшего огромную популярность у читателя.

В ранней лирике М. Цветаевой стиливые черты молитвы также используются для создания стихотворных произведений и осмысления интимного характера собственной лирики, например, в стихотворениях «Молитва» (1909), «Еще молитва» (1910), «Молитва морю» (1906–1912), «Молитва лодки» (1906–1912), «Молитва в столовой» (1906–1912), «До первой звезды» (1906–1912) и др. Особая молитвенность свойственна зрелой лирике Е. Дмитриевой, поэзии А. Герцык и Е. Ю. Кузьминой-Караваевой, пронизанной религиозными мотивами и обращенной к Богу в не меньшей степени, нежели к возможному читателю.⁴¹

С другой стороны, творя, Гиппиус не только смиренно молится, но и колдует, ворожит. Оба эти процесса базируются на силе слова и дают возможность воздействовать на сакральное, управлять им. Созидательная интенция, заложенная в акте колдовства, соотносится с процессом литературного творчества, в результате которого выстраивается новый мир. В качестве примера реализации метафоры колдовства и образа ведьмы (колдуна, чернокнижника) можно привести стихотворения «В черту», «Боль», «Заклинание», «Реплика ведьмы», рассказ «Ведьма», драму «Святая кровь». В стихотворении «Мученица» воедино сливаются образы святой, подвижницы за веру, пытаемой язычниками, и ведьмы, сжигаемой на костре. Скорее всего, Гиппиус опиралась на устоявшееся представление, что женщина имеет от природы больше способностей к взаимодействию с мистической, спиритической стороной бытия, нежели мужчина. Наличие женского начала, подчеркнутая «женскость» объясняют и оправдывают способность поэтессы взаимодействовать с сакральным и тем самым придают легитимность результатам ее творческих усилий. К. Р. Андрейчук на примере прозы и лирики писательницы утверждает, что «о сакральном Гиппиус чаще всего говорит от лица женщины», а о профанном, земном, — от лица мужчины.⁴² Таким образом, женское начало осмыслялось ею как сакральное, но, переплетаясь с образами ведьмы и колдуньи, выносилось за пределы христианского софийного мифа, развиваемого младосимволистами.

Зрелая металирика Гиппиус освобождается от иносказательности. Среди произведений, созданных после 1910 года, можно выделить категорию стихотворений,

⁴⁰ Ахматова А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1998. Т. 1. Стихотворения. 1904–1941. С. 171. Курсив мой. — Е. К.

⁴¹ В творчестве некоторых поэтов-мужчин также встречаются стихотворения, стилизованные под молитвы. Лексема «молитва» входит в названия стихотворений Н. Минского, К. Бальмонта, В. Брюсова, Эллы, С. Соловьева, Ю. Балтрушайтиса, И. Эренбурга, Н. Клюева и др. Подобная тенденция была обусловлена попытками отразить в искусстве высший, сверхчувственный опыт, что приводило к стиранию границы между художественными и религиозными текстами. Однако вряд ли правомерно утверждать, что перечисленные авторы, в отличие от женщины-поэтессы, осмыслили свое поэтическое творчество в целом как особый художественный способ общения с Богом.

⁴² Андрейчук К. Р. Гендер и сакральное: конструирование образа ведьмы Зинаидой Гиппиус. С. 140.

наполненных рефлексией над процессом писания вообще и стихосложения в частности: «Банальностям» (1914), «Тише!» (1914), «Свободный стих» с подзаголовком «Молодым поэтам» (1915), «Тройное» (1927). В этих текстах поэтесса прямо и открыто высказывает свои мысли о словесном творчестве, его целях и задачах. На наш взгляд, вышеназванные стихотворения менее «женские», нежели рассмотренные ранее лирические пьесы «Гризельда», «Швея» и «Женское „Нету“». Поэтесса как бы перерастает гендерную проблематику и обретает свободу говорить о писательских стратегиях и стихотворном опыте от лица обобщенного, абстрактного лирического «Я».

Пройдя этап становления как творческая личность в непростую эпоху ломки гендерных стереотипов, Зинаида Гиппиус по-своему отразила в своей лирике неоднозначное восприятие женского авторства. Кризис традиционной феминности существовавшим образом повлиял на способы текстуализации женского опыта, так как расширился и качественно изменился и сам этот опыт. Женщина-автор учится конструировать собственную субъектность и неизбежно сталкивается с рядом проблем, неведомым авторам-мужчинам: как достичь в творчестве содержания общечеловеческого, внегендерного, и одновременно выразить саму себя? Эта дилемма представляет собой лавирование между Сциллой и Харибдой, по мнению Колтоновской: «Чрезмерная женская скрытность и затаивание своего „я“ ведет обыкновенно к бледности и сухости творчества, а иногда к его поверхностности. <...> Чрезмерная же полнота и несдержанное проявление эмоционального женского „я“ приводит не только к вынужденному однообразию и монотонности творчества, но и к его преждевременной исчерпываемости».⁴³

Зинаида Гиппиус пошла по первому пути — затаивания женского «я», прорывавшегося лишь в ряде текстов, большую часть которых мы проанализировали. Метафоры *прядения, шитья и плетения венка*, относящиеся к сфере традиционных женских занятий, используются Гиппиус для описания творческого процесса с точки зрения женского субъекта, находящегося в конфликтных отношениях с самим собой (несовпадение внутренней активной позиции с предписываемым общественным сознанием пассивным поведением) и с господствующими в андроцентричном культурном поле установками (женщина — объект).

Несмотря на литературный успех и признание, всю жизнь она выслушивала упреки в рассудочности, холодности и даже нелиричности ее стихотворных пьес, а также досужие домыслы о физиологических особенностях ее тела (гермафродитизме). Несмотря на то, что в целом ее литературная репутация складывалась удачно, а маскулинный субъект, выбранный для репрезентации собственной точки зрения в искусстве, во многом был органичен для внутреннего мира и склада ума писательницы, проанализированные стихотворения говорят о болезненности осмысления проблематики женского творчества, считавшегося на рубеже XIX–XX веков все еще чем-то маргинальным и не вполне полноценным. По мнению С. Лансер, Гиппиус не только присваивает, но и всячески подчеркивает андроцентристские установки своего времени («androcentrism») для достижения нарративной авторитетности («narrative authority»).⁴⁴ Однако проведенный анализ показывает, что и сугубо женские модели поведения и социальной реализации исследуются писательницей и также используются для конструирования образа автора.

Рутинные и механические действия (прядение, шитье и плетение венка) переосмысляются и метафоризируются для обозначения креативно-созидательных возможностей женщины, а метафоры *молитвы и колдовства* подчеркивают особый, сакральный, статус создаваемых ею литературных текстов. Действия, относящиеся традиционно к сфере «женского мира», используются Гиппиус для рефлексии над положением женщины-творца в андроцентричном социуме и литературно-эстетическом дискурсе русского модернизма, заостряя и на уровне подтекста отрицая стереотипные представления о ее несамостоятельном и пассивном положении.

⁴³ Колтоновская Е. Женское (Вместо предисловия). С. 198.

⁴⁴ Lanser S. S. Fictions of Authority: Women Writers and Narrative Voice. Ithaca; London, 1992. P. 111.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-145-156

**«МИСТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ»: В. В. РОЗАНОВ И А. П. СУСЛОВА
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВНЫХ РАЗЫСКАНИЙ)****(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
© Е. И. ГОНЧАРОВОЙ)**

История взаимоотношений Василия Розанова и его первой жены Аполлинару Сусловой (1839/1940–1918) в целом известна. Однако в научный оборот введены не все документы, касающиеся этой драмы.¹ Публикуемое ниже интереснейшее «интимное» письмо Розанова к критику А. С. Глинке-Волжскому (1878–1940), написанное весной 1916 года, где Розанов нарисовал портрет жены во всей полноте бурных и резких черт ее характера, печаталось только фрагментарно, наряду с другими материалами, и это лишало его целостности. Полный текст, несомненно, привнесет нечто новое и существенное в сюжет «Розанов и Аполлинурия Суслова». Он прояснит в некоторой степени истоки проблемы пола, имеющей первостепенное значение для писателя. Именно тема «пола» и «Бога», ключевая для Розанова, являлась средоточием его мистического мировоззрения. «Связь пола с Богом, — большая, чем связь ума с Богом, даже, чем связь совести с Богом», — заключал он в «Уединенном».² Свои взгляды Розанов начал излагать с 1897 года, но размышлять над «полом» — раньше. Во всяком случае, в исполненном отчаянья письме к Сусловой, после ее ухода в 1886 году, он сообщал о желании уйти в монастырь или стать странником: «Я стал верить в существование Бога, и все теплое, что написал в своем сочинении о религиозном чувстве, все это я почувствовал, живя с тобою».³ И хотя творчески Розанов реализовался в полной мере в браке с домашней Варварой Дмитриевной Бутягиной, истоки его идей наметились раньше. Публикуемое письмо позволяет сделать вывод, что «подполье» личности Сусловой повлияло на творчество Розанова в дальнейшем. В связи с проблемой пола получили развитие и другие сюжеты: семья, критика христианского аскетизма, постулаты о греховности тела и плоти. Пол наделялся мистическим смыслом, и отсюда отношения с Сусловой определялись Розановым как «мистическая трагедия».

Документы, проливающие свет на этот период жизни молодого Розанова, немногочисленны. Факты, касающиеся истории первого брака, излагались им прежде всего в письмах и прошениях, начиная с 1898 года. Они составлялись в тот период жизни, когда Розанову нужно было узаконить детей, родившихся от В. Д. Бутягиной, но первая жена, как будто бы мстя ему за что-то, упорно не давала развод. Эта история обсуждалась узким кругом тех лиц, с которыми Розанов был связан дружескими отношениями, надеясь на их помощь. Осенью 1901 года, когда в Петербурге началась деятельность Религиозно-философских собраний, среди его окружения появились синодский чиновник В. М. Скворцов,⁴ правая рука обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева, и В. А. Тернавцев,⁵ обещавшие ему «сильные протекции» по

¹ См.: *Сараскина Л. И.* Возлюбленная Достоевского Аполлинурия Суслова: биография в документах, письмах, материалах. М., 1994. С. 358–388; *Едошина И. А.* Суслова Аполлинурия Прокофьевна // *Розановская энциклопедия* / Глав. ред. А. Н. Николоюкин. М., 2008. Стб. 980–984.

² *Розанов В. В.* Листва: Уединенное. Опавшие листья. М.; СПб., 2010. С. 45 (*Розанов В. В.* Собр. соч. [Т. 30]).

³ РГА.ЛИ. Ф. 419. Оп. 1. № 311. Л. 12 об. Полный текст письма восстановить невозможно — оно изорвано, видимо, Сусловой.

⁴ Скворцов Василий Михайлович (1858–1932) — чиновник особых поручений при обер-прокуроре Св. Синода, редактор журнала «Миссионерское обозрение» (1896–1916), публицист.

⁵ Тернавцев Валентин Александрович (1866–1940) — друг Розанова, деятельный участник Религиозно-философских собраний (1901–1903). Вместе с Розановым и В. Д. Бутягиной совершил поездку в Италию весной 1901 года. В письме к митрополиту Антонию Розанов так охарактеризовал его: «Мой друг Тернавцев, богослов здешней Академии, человек высоких талантов и, можно сказать, апостольской веры (только не очень связанного ума)» (В. В. Розанов: pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей.

этому делу.⁶ Друг Розанова, молодой философ и критик П. П. Перцов, также посвященный в эту историю, советовал взять всю вину на себя, чтобы получить развод.

«Года 4 назад, — отвечал ему Розанов, — я с восторгом ухватился бы за „концепцию“ развода и узаконения. Кое-что в этом роде и было: сознавая всю правоту, я написал через Рачинского⁷ Поб<едоносцев>у⁸ некое уныло-раздраженное письмо, что собственно до термина „незаконнорожденные“ мне дела нет, но имею права требовать и требую, чтобы дети получили мою фамилию и были за мною записаны моими детьми, с какими угодно добавлениями, хоть „вверх ногами рожденные“. Рачинский — сушь, но Поб<едоносцев> — добрый человек и оч<ень> любит детей. Но через него ответил, что „даже Государь этого сделать не может“».⁹

«Весь святейший Синод», по словам Розанова, знал его историю. Тернавцев летом 1902 года даже отправился в Крым, где жила тогда Сусллова, надеясь ее «уломать» и получить от нее согласие на развод. Оттуда он телеграфировал: «Убеждал долго настойчиво решительно гневный отказ».¹⁰

З. Н. Гиппиус в очерке о Розанове приводит слова Тернавцева о Суслловой: «Дьявол, а не Бог сочетал восемнадцатилетнего мальчишку с сорокалетней бабой!»¹¹ «Тяжелая старуха» — так назвала Гиппиус главу, посвященную отношениям Розанова с Суслловой. «Ведь она не только, живя с ним, истерзала его, она и на всю последующую жизнь наложила свою злую лапу»,¹² — констатировала Гиппиус, побывавшая в Нижнем Новгороде в 1902 году. Она написала о дурном характере, деспотизме Суслловой, но при этом заметила, что Розанов никогда не говорил о бывшей жене с горечью, осуждением или возмущением. Однако все друзья считали Сусллову «злой фурией». Несмотря на дружеские отношения с семьей писателя, тот же Тернавцев не признавал законность второго брака писателя, хотя и был крестным отцом дочери Розанова Надежды. Во всяком случае, краткой запиской он однажды известил Розанова: «Мы были очень рады видеть дорогую Варвару Дмитриевну. Пусть она непременно снимет с пальца кольцо, а то может быть плохо».¹³

Невзирая на сложности, которые создала Сусллова своим нежеланием дать развод, Розанов, действительно, не отзывался о ней плохо. Публичных интерпретаций своих отношений с первой женой он не давал. Правда, в 1900 году в газете «Новое время» появился очерк «Иван Ляпунов», подписанный «Ибис». Перцов, прочитавший очерк, сразу же догадался, что под псевдонимом, обозначающим священную египетскую птицу, скрывался Розанов.

«Что это Вы, батенька, — писал он Розанову, — вздумали маскарад устроить?

Из-под таинственной, холодной полумаски...

И Вы думаете, что так-таки и спрятались? Что до меня, то я с первого же столбца догадался

Антология: В 2 кн. / Изд. подг. В. А. Фатеев. СПб., 1995. Кн. 1. С. 462). Весной 1902 года Тернавцев был принят вне штата младшим секретарем Св. Синода, в штате — с ноября 1902-го, позже чиновник особых поручений по отделу образования при обер-прокуроре Синода (с 1906 года).

⁶ РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. № 81. Л. 28–29 об.; письмо к П. П. Перцову от 12 марта 1901 года.

⁷ Рачинский Сергей Александрович (1833–1902) — профессор Московского университета (1859–1968). В 1872 году вернулся в родовое имение в селе Татеве Тверской губернии и основал церковную школу для крестьянских детей, где сам стал учителем. Розанов подробно рассказал Рачинскому свою скорбную повесть о первом браке (см.: *Розанов В. В.* Литературные изгнанники. М.; СПб., 2010. Кн. 2. С. 568–570 (*Розанов В. В.* Собр. соч. [Т. 29]); письмо от 10 августа <1898 г.>).

⁸ Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) — обер-прокурор Св. Синода (1880–1905).

⁹ РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. № 81. Л. 28–29 об.

¹⁰ РГБ. Ф. 249. Оп. 1. М. 3877. № 41. Л. 2.

¹¹ Цит. по: *Гиппиус З. Н.* Задумчивый странник. О Розанове // Василий Розанов: pro et contra. Кн. 1. С. 156.

¹² Там же. С. 155.

¹³ РГБ. Ф. 249. Оп. 1. М. 3877. № 41. Л. 3 об.

Сквозь дымку легкую заметил я невольню...¹⁴

<...>

Читал еще (в Венеции) „Ивана Ляпунова“. Вот Вы еще в каком жанре упражняетесь. Несколько развязно («я — очень умен»; «думаю о царице Савской»¹⁵), но хорошо».¹⁶

С просьбой привезти из Италии статуэтку с головкой ибиса Розанов обратился к своему другу еще в самом начале своего увлечения Египтом осенью 1897 года.¹⁷ Тогда он объяснял ему свои египетские пристрастия интересом к идее материнства, рождения и сексуальных отношений.¹⁸ Поэтому и очерк о «чудном ромеоовском романе» был подписан таким загадочным псевдонимом «Ибис». В очерке «Иван Ляпунов» с явным автобиографическим подтекстом Розанов вспомнил поездку «инкогнито» в Нижний Новгород к Суловой осенью 1880 года, незадолго до женитьбы: «Что мы идем куда-то в бездну, было видно и мне и ей, но мы оба ничего об этом не говорили — не говорили, конечно, друг с другом, а про себя каждый непрерывно об этом думал. <...> Любовь — это феникс. Тонет, тонет в небе, дальше, выше, ничего не видно, а сердцу больно, больно! „Как разойтись! Никогда!“ <...> В конце концов любовь эта кончилась бесконечным несчастьем, многолетним унынием, помрачением ума, совести, всего. Но вот этот час в ней был светозарен».¹⁹ И еще одно упоминание о «Полине» проскользнуло в «Мимолетном» в записи 1915 года.²⁰

В официальных прошениях и в частных письмах Розанов неслестно отзывался о Суловой. В прошениях к царю,²¹ к митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Антонию,²² письмах к А. Г. Достоевской,²³ М. П. Соловьеву,²⁴ С. А. Рачинскому²⁵ характеристика первой жены давалась в упрощенных и огрубленных тонах. Написанные в то время, когда новая семья страдала от «незаконности» именно из-за первой жены, они несли на себе отпечаток неприязненного отношения к Суловой. То, что Розанов сообщал о своем первом браке с фактической точки зрения, сомнений не вызывает, а вот освещение характера первой жены и ее роли в его жизни давалось весьма пристрастное.

Касаясь истории первого брака, исследователи приводят также отрывки из письма Розанова к критику А. С. Глинке-Волжскому.²⁶ Так, В. Г. Сукач в публикации «Жизнь

¹⁴ Цитаты из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Из-под таинственной холодной полумаски...» (1841).

¹⁵ Имеется в виду следующий фрагмент очерка «Иван Ляпунов»: «Странно: гордый и самоуверенный человек, человек „очень умный“, как смею рекомендоваться читателю, я привязывался как собака, и пока другая сторона не освобождалась от своей ко мне любви, этого было совершенно достаточно, чтобы я никогда не освободился от своей. <...> Теперь я, когда бываю в гостиницах, всегда читаю о царице Савской и ее приезде к Соломону. Утешение» (Новое время. 1900. 16 июля. № 8758. С. 2; подп.: Ибис; Розанов В. В. Юдаизм. М.; СПб., 2009. С. 512 (Розанов В. В. Собр. соч. [Т. 27])).

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. № 82. Л. 12 об.; письмо П. П. Перцова от 30 августа (12 сентября) 1900 года из Парижа.

¹⁷ Там же. Л. 17–19 об.

¹⁸ Там же. Л. 15.

¹⁹ Новое время. 1900. 16 июля. № 8758. С. 2; Розанов В. В. Юдаизм. С. 510–512.

²⁰ Розанов В. В. Мимолетное. 1915 год: Издание полного текста / Сост., подг. текста, статья и комм. А. В. Ломоносова. М., 2011. С. 141.

²¹ РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. № 17. Л. 2.

²² Розанов В. В. О себе и жизни своей / Сост., предисловие, подг. текстов В. Г. Сукача. М., 1990. С. 692–702.

²³ Ломоносов А. В. В. В. Розанов: ближние и дальние. Переписка В. В. Розанова. М., 2021. С. 218–223.

²⁴ Там же. С. 313–314. Соловьев Михаил Петрович (1842–1901) — начальник Главного управления по делам печати (1896–1899).

²⁵ Розанов В. В. Литературные изгнанники. Кн. 2. С. 568–570.

²⁶ Отрывки из письма Розанова к А. С. Глинке-Волжскому цитировались неоднократно: Гроссман Л. 1) Одна из подруг Достоевского // Русский современник. 1924. № 3. С. 248–252; 2) Путь Достоевского. Л., 1924. С. 152; Сулова А. П. Годы близости с Достоевским. Дневник —

Василия Васильевича Розанова „как она есть“, печатая фрагменты из этого письма о Сусловой, указывает: «из письма Розанова к Глинке-Волжскому». Но часть используемых исследователем текстов не имеет отношения к вышеупомянутому письму Розанова, а относится к совершенно другому архивному источнику.

Ознакомиться с письмом в 1920-е годы Глинка-Волжский разрешил Г. И. Чулкову, своему студенческому и гимназическому товарищу, который работал над биографией Достоевского.²⁷ От Чулкова узнал о существовании письма Л. П. Гроссман, завершавший книгу о Достоевском. Письмо интересовало исследователей исключительно в связи с Достоевским, но никак не в связи с Розановым. И тем не менее публикатор «Дневника» Сусловой А. С. Долинин еще в 1925 году во вступительной статье писал: «Два больших человека — Достоевский и в известном отношении ему конгенитальный В. В. Розанов, — так близко к ней подошедшие, имели, должно быть, свои основания, чтобы оставить под густым покровом тайны ту роль, которую она играла в их жизни...»²⁸

Глинка-Волжский, позволив напечатать выдержки из письма, долгие годы не решился опубликовать его полностью из-за «интимности и даже стыдности» содержания.²⁹ Но в 1930-е годы В. Д. Бонч-Бруевич предложил поместить письмо в одном из сборников «Звеньев», по всей видимости, в седьмой, который не вышел в свет.

Кратко напомним основную фактическую канву драматической истории первого брака Розанова, начавшуюся около 1876 года. Он был гимназистом в Нижнем Новгороде, когда познакомился с Аполлинарией Сусловой. Они обвенчались в Москве 12 ноября 1880 года. Студенту Московского университета Розанову было 24 года, Сусловой — 41. Вместе они прожили шесть лет. Летом 1885-го в гости к Розанову приехал его молодой друг студент Московского университета Станислав Гольдовский. Именно он и будет заниматься распространением философской книги Розанова «О понимании» по московским магазинам. По версии Розанова, Сусллова влюбилась в Гольдовского. В августе 1886 года она бросила мужа, который, прощая ее на вокзале, не подозревал, что они расстанутся навсегда. Розанов настолько болезненно переживал разрыв с женой, что в 1890 году, спустя четыре года после расставания, когда у него уже были отношения с В. Д. Бутягиной, отказывался дать Сусловой отдельный вид на жительство, надеясь, что Полина возвратится к нему.

Подробности неудавшегося первого брака, изложенные в прошениях и частных письмах, не совпадают с оценкой этих событий самим Розановым. Сохранилась рукопись, озаглавленная «О себе и жизни своей (автобиографическое)».³⁰ На ней рукой Розанова указана дата: «1886–1896, день св. Ольги. Для памяти».³¹ В день святой Ольги, в июле 1885 года он закончил работу над первой философской книгой «О понимании». Рукопись, испещренная мелким почерком, заполнена воспоминаниями о жизни в Брянске, где Розанов учительствовал в 1881–1886 годах. Значительная часть посвящена Сусловой. По этому автобиографическому документу вырисовывается неожиданная картина первого брака. Рассказывая об учебе в Нижегородской гимназии (там завязался его роман с Сусловой),³² Розанов отметил, что он полностью был поглощен одной идеей. Гимназистом овладела идея утилитаризма, направления в этике, считавшего полезность главным критерием поступков человека: «Именно с этого

повесть — письма / Вступ. статья, прим. А. С. Долинина. М., 1928. С. 7, 14; Сукач В. Г. Жизнь Василия Васильевича Розанова «как она есть» // Москва. 1992. № 1. С. 112–113, 114, 115; Сараскина Л. И. Возлюбленная Достоевского Аполлинария Сусллова. С. 358–359.

²⁷ Опул.: Чулков Г. И. Жизнь Достоевского / Сост., вступ. статья, подг. текста, комм. О. А. Богдановой. М., 2015 (Источниковедение литературы XX века; вып. 1).

²⁸ Долинин А. С. Достоевский и Сусллова // Достоевский: Статьи и материалы / Под ред. А. С. Долинина. Л., 1925. Сб. 2. С. 170.

²⁹ ОРФ ГИМ. Ф. 362. Оп. 1. № 173.

³⁰ РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. № 236.

³¹ Там же. Л. 2.

³² В статье А. А. Медведева «Утилитаризм» говорится, что с философией утилитаризма Розанов познакомился еще в Симбирской гимназии, т. е. в более ранний период (Розановская энциклопедия. Стб. 2234).

времени быстро развернувшаяся схема утилитаризма стала как бы *формой стояния моего ума*, который тщетно пытался из нее выйти и вместо этого все дробнее и дробнее разворачивал эту схему и все более убеждался в ее непоколебимости. Я стал мало читать или читал лишь внешним образом, без настоящего интереса; плохо, как и всегда, впрочем, учил уроки; был безучастен или участлив лишь наружно к товарищеской жизни; и только с истинным интересом думал об этой идее. <...> это учение об идеях-телах (живых) взято мною из себя, из своего внутреннего опыта. Я стал скопцом утилитарной идеи, потерявшим вкус ко всему, кроме ее, питавшимся ею; и уже в университете, помню, ловил себя, в минуты, напоминавшие некрасовское

еду ли ночью по улице темной

— в безмолвном, удивленном стоянии перед этой идеей. Нужно заметить, я пытался осуществить ее, т. е. видя ее правильность, подчинял ей и поступки свои, и отношения к людям...».³³

История неравного брака представлена здесь в неожиданном освещении — он объясняется увлеченностью молодого человека именно идеей утилитаризма: «Мой первый брак связан вполне с этой идеей: именно встретив Суслову (старшую сестру известной женщины-врача),³⁴ я был поражен, что она, отвергая в принципе рефлексию, т. е. теоретизирование своих поступков, поступает „непосредственно“ лучше меня; узнав ее в VII—VIII классах гимназии, я быстро, от удивленности перешел к восторгу, потом — к уважению и любви; объяснение произошло, и я, будучи в гимназии еще, сделал ей предложение, на которое после некоторого колебания и страха (ей было 38 лет) она дала согласие. Это как бы контрактура моего духовного существа в формах утилитарного представления жизни продолжалась приблизительно до 3-го курса университета; именно в 76 или 77 году я жил на Воробьевых горах в отдельном флигельке, в 10 шагах от Сусловой, и раз предавшись любимому занятию набиванья папирос (причем я впадал всегда в какую-то особенную тихую, спокойную созерцательность) — так сплел мысли: *для чего искать цель человеческой жизни? Может быть, нужно открыть ее? т. е. найти ее в самом человеке?*»³⁵

Описывая бедную и тусклую жизнь в провинциальном Брянске, Розанов пишет о внутренней драме, которая разворачивалась на фоне мещанской жизни обитателей города: «Я далек от того, чтобы винить Суслову: у меня была поэзия в книге («*О пон-цманич*»); у нее, знавшей Париж, видевшей Италию, *жившей* там — какое было утешение? По молодости, я не замечал этого, и предаваясь во внегимназическое время писанию, не задавал вопроса: чем она живет? чем ей жить? Вспышки ревности, еще бывшие (одна) перед браком и несколько раз после брака в Москве (одна совершенно непостижимая по причинам и безобразная по форме: я увлекся рассматриванием и покупкой у букиниста старых книг и часа на 3 опоздал к обеду: она же отнесла это к имеющейся у меня «любви»»)³⁶

Обращает на себя внимание тот факт, что в записях «для себя» автор объясняет неудачу первого брака собственными комплексами: «Она была — передо мною — богачка; стара. Кто мог удержаться от подозрения, что причину романа была не корысть? И вот, когда брак совершился, мысль о всеобщем подобном подозрении отяготила <так!> надо мною и отделила меня от нее, замкнула в себя, помешала сиянию. К тому же „геройствовать“ вовсе не пришлось: она ужасно любила мир, хотела у себя гостей и сама в гости, хотя бы плевые. <...> я преднамеренно одевался дурно, ходил Бог знает в каких сорочках и брюках; страшился всякого блеска денег на себе. <...>

³³ РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. № 236. Л. 5–5 об.

³⁴ Суслова Надежда Прокофьевна (1843–1918) — младшая сестра А. П. Сусловой. За сочувствие к нигилизму находилась под надзором полиции (1865–1873). Защитила диссертацию по медицине в Цюрихском университете. Доктор медицины с 1867 года. После вторичной защиты диссертации получила разрешение заниматься врачебной деятельностью в России.

³⁵ Там же. Л. 5 об.

³⁶ Там же. Л. 6 об.

мысль подозрения в корыстной женитьбе согнула, состарила меня, лишила всего цвета, свежести, свободы жизни, дыхания».³⁷

Характерно, что к автобиографическим материалам приложена и машинопись письма Розанова о Сусловой, адресованного Глинке-Волжскому.³⁸ Розанов почему-то захотел присоединить его к очерку. «Интимный документ» — так Глинка-Волжский определил характер этого письма.³⁹

Розанов познакомился с Глинкой-Волжским весной 1904 года, когда молодой критик приехал в Петербург из Симбирска. «Наш Волжский идеалист» — так обращался к нему в письмах Василий Васильевич. Оба литератора в то время сотрудничали в журнале «Новый путь». Бывший студент Московского университета, считавший кумира либеральной интеллигенции Н. К. Михайловского своим «духовным отцом», Глинка-Волжский был выслан в Симбирск под гласный надзор полиции в 1901 году. Теперь же в Петербурге он сблизился с «идеалистами» журнала «Вопросы жизни». В редакции журнала он, вероятно, и познакомился с Розановым. Они встречались часто в 1904–1905 годах и вели долгие ночные беседы на самые различные темы. В декабре 1904 года в журнале «Новый путь» начала печататься обширная статья Глинки-Волжского «Мистический пантеизм Розанова». Она явилась одним из первых глубоких исследований творчества Розанова, в котором критик увидел мыслителя одной идеи: «Как из яйца, Розанов вылупился из своей темы, развернув проблему пола, семьи вглубь мистического пантеизма, своего углубленного реализма <...> Все мирозерцание Розанова, как цветок из лепестков, разворачивается из таинственных розовых завитков проблемы пола, оно дышит ею, оно все живет обаянием поэзии правды этой тайны, деятельного, цветущего пола».⁴⁰ Поэтому, возможно, Розанов и адресовал такое «интимное» письмо автору статьи.

Летом 1905 года Глинка-Волжский вернулся в Симбирск. Изредка он переписывался с Розановым. Осенью 1907 года, подготовив труд «Жизнь и творчество Ф. М. Достоевского»,⁴¹ он приехал в Петербург, чтобы найти издателя для книги. Розанов, пытаясь ему помочь, обратился к А. Г. Достоевской.⁴² 6 января 1907 года он подробно рассказал Глинке-Волжскому о своем письме к вдове писателя и о ее отказе: «Едва Вы уехали из Петербурга, — и даже еще до отъезда — я написал Анне Григ<орьевне> длинное письмо (на 4 стр<аницах>), говоря, что если бы Вы спросили Фед<ора> Мих<айловича> в могиле, куда же Вам пойти с работою о нем, то, конечно, он сказал бы: идите к моей Анечке, она всегда берегла мою память, все собирала для нее; но, конечно, <...> памяти каменной — память книжная. <...> Пишу Вам это для того, мой милый и чистый идеалист, чтобы показать, что „Розанов — не свинья“: но от вдовы Д<остоевско>го ничего не „выковыряешь“».⁴³

Издатель для книги тогда не нашелся — отказал и А. С. Суворин, и М. В. Пирожков. Но критик в дальнейшем продолжил работу над книгой о Достоевском и в 1916 году неожиданно прислал Розанову запрос о Сусловой, узнав от сына П. И. Мельникова-Печерского, жившего так же как и Глинка-Волжский в Нижнем Новгороде, что первой женой Розанова была Суслова. В конце письма от 16 февраля 1916 года он спрашивал: «Еще кстати, или сказать совсем некстати. Разве, В<асилий> В<асильевич>, Ваша первая жена (Суслова?) была невестой Достоевского. <...> все это говорил мне один

³⁷ Там же. Л. 7.

³⁸ Там же. Л. 12–13.

³⁹ ОРФ ГЛИМ. Ф. 362. Оп. 1. № 173.

⁴⁰ Цит. по: Василий Розанов: pro et contra. Кн. 1. С. 424, 427; впервые опубли.: Новый путь. 1904. № 12. С. 28–67; Вопросы жизни. 1905. № 1. С. 191–216; № 2. С. 171–192; № 3. С. 146–168.

⁴¹ Книга А. С. Глинки-Волжского не опубликована. См.: Резниченко А. И. «Жизнь и творчество Ф. М. Достоевского» А. С. Глинки-Волжского: из истории одного «несбывшегося события» // Ф. М. Достоевский и культура Серебряного века: трактовки, трансформации / Отв. ред. Е. А. Тахо-Годи. М., 2013. С. 267–278.

⁴² Ломоносов А. В. В. В. Розанов: ближние и дальние. С. 268–274; письмо Розанова к А. Г. Достоевской <октябрь 1907 года>; письмо А. Г. Достоевской к Розанову от 27 октября 1907 года.

⁴³ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. № 274. Л. 1–2 об. Датируется по штемпелю отправления.

здешний человек (сын писателя Мельникова-Печерского⁴⁴). Простите, если не следует спрашивать об этом. Но ведь это уже, б<ыть> м<ожет>, „история“, и все о Достоевском меня еще интересует. Б<ыть> м<ожет>, это все не так. Если не хочется, простите и не отвечайте. <...> Встречали ли Вы когда за эти годы Ан<ну> Гр<игорьев>ну Достоевскую, она — после того Вашего к ней письма — совсем отвратилась от меня.⁴⁵ А жаль — если бы время позволило, иногда хочется докончить дело с жизнеописанием Дост<оевск>ого. Сейчас, впрочем, я весь в Палате, с маковой».⁴⁶

Глинка-Волжский просил припомнить, что Розанов слышал от Сусловой о Достоевском. Позже он так говорил об истории появления письма: «Зная, как умеет В. В., отдаваясь наитию нахлынувшей минуты, излить из себя душевные сгустки жизненных соков всякой освоенной им были, я просил его, не нудя себя срочностью ответа, написать в такую минуту изнутри хлынувших волн по возможности все, что припомнит из слышанного от Сусловой в годы их совместной жизни — о Достоевском и ее отношениях с ним».⁴⁷ Розанов ответил не сразу. Его письмо от 5 мая 1916 года было кратким, и казалось, что сочинялось с чувством досады: «О Суслихе напишу со временем — безумное „некогда“».

Она-то и была „черной немочью“, съевшей всю мою жизнь, и „изводом“ вместо начала__».⁴⁸

Глинка-Волжский незамедлительно откликнулся (17 мая 1916 года): «О „Суслихе“ ли говорите вы, — если, когда написать захотите — очень обрадуете. Были ли все-таки у нее отношения с Достоевским и какие?»⁴⁹

Очень скоро, 24 мая 1916 года, Розанов рассказал о Сусловой подробнее, главным образом о взаимоотношениях с ним и почти не касаясь отношений первой жены с Достоевским. Текст был написан на узких полосках бумаги, без обращения к адресату и вложен в конверт с адресом редакции газеты «Новое время» в Петербурге (очевидно, оно создавалось «на службе», подальше от глаз второй жены, Варвары Дмитриевны). На конверте сохранился почтовый штемпель, без года: «Н<ижний> Новгород. 24. 5». Глинка-Волжский считал, что оно получено в 1916 году, поскольку незадолго до этого Розанов прислал свою фотографию в связи с 60-летием (юбилей отмечался 20 апреля 1916 года).

Розанову в это время уже было за шестьдесят лет, а Сусловой за семьдесят. В написанном через 30 лет после разрыва звучали и горечь, и восхищение бывшей женой. Розанов горячо описывал достоинства и недостатки этой «инфернальной» женщины, как бы заново переживая былое. «Ах. Это удивительная женщина. *Еще таких я совершенно не видал*», — восклицал он. Возможность откровенных высказываний подобного тона, безусловно, была исключена в текстах, обращенных к ранее упомянутым корреспондентам — К. П. Победоносцеву, М. П. Соловьеву, А. Г. Достоевской и др.

Он сравнивал Сулову с героинями Достоевского — Дуней, сестрой Раскольниковы, и Аглаей Епанчиной, вспомнил и развратную графиню из «Униженных и оскорбленных», о которой рассказывал в романе князь Валковский: «...красавица первостепенная, что за бюст, что за осанка, что за походка! <...> Она слыла холодной как крещенская зима и запугивала всех своею недосыгаемою, своею грозною добродетелью. <...> И что ж? Не было развратницы развратнее этой женщины <...> Барыня моя была сладострастна до того, что сам маркиз де-Сад мог бы у ней поучиться. <...> Да, это был сам дьявол во плоти, но он был непобедимо очарователен».⁵⁰ Этот отрывок, по мнению Розанова, мог бы служить наилучшей характеристикой Сусловой. Заметим, что она не могла быть прототипом графини, поскольку Достоевский работал над

⁴⁴ Вероятно, речь идет о старшем сыне — Андрее Павловиче Мельникове-Печерском (1855–1930). Он закончил Академию художеств, служил чиновником особых поручений при нижегородских губернаторах, в это время был инспектором по делам печати.

⁴⁵ См. прим. 42.

⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. № 414. Л. 20–20 об.

⁴⁷ ОРФ ГЛМ. Ф. 362. Оп. 1. № 173.

⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. № 274. Л. 15. Датируется по штемпелю отправления.

⁴⁹ Там же. Ф. 419. Оп. 1. № 414. Л. 21.

⁵⁰ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972. Т. 3. С. 363–364.

романом в 1860 году и напечатал в журнале «Время» в 1861-м (№ 1–7), тогда же появилось и отдельное издание, а отношения Достоевского с Сусловой начались позже. И жестокая мстительная Медея, убившая собственных детей из ревности, по мысли Розанова, была сродни его собственной жене.

Отметим, что в письме Розанов нетверд в указании дат. Он неточно передает разницу в возрасте с Сусловой. Он родился в 1856 году. В таком случае знакомство семнадцатилетнего Розанова с Сусловой состоялось в 1873 году. Точная дата рождения Сусловой неизвестна: 1839-й или 1840 год.⁵¹ Значит, в момент знакомства ей было 33 или 34 года, а не 37 лет, как пишет Розанов. По письму Аполлиария была старше Розанова на 20 лет, а согласно биографическим сведениям, разница в возрасте была 16 или 17 лет. Если год встречи Розанова с Сусловой 1873-й, то до женитьбы в ноябре 1880 года протекает очень долгий для испытания чувств срок. Поэтому, судя по всему, в письме неточно указан возраст в год знакомства не только Сусловой, но и самого Розанова. Их разница в возрасте была 16 лет.

В юношеском дневнике Розанова есть следующая ретроспективная запись: «Декабрь, 1878 год. Знакомство с Аполлиарией Прокофьевной Сусловой. Любовь к ней. Чтение. Мысли различные приходят в голову. Суслова меня любит, и я ее очень люблю. Это самая замечательная из встречающихся мне женщин. Кончил курс. Реакция против любви к естествознанию и любовь к историческим наукам, влияние Сусловой...».⁵² Но в вышеупомянутом очерке «Иван Ляпунов» рассказывается о студенте-третьекурснике, приехавшем в Нижний Новгород осенью 1880 года для свидания с невестой, роман с которой длился около трех лет. Таким образом, знакомство произошло в 1876 году, когда Розанов учился в Нижегородской гимназии. Тогда ему было 20 лет, а Сусловой — 36. Однако в письме к Н. Н. Глубоковскому от 23 мая 1907 года Розанов сообщал: «...ей было 38 лет, когда я с нею встретился в 8-м классе гимназии».⁵³

Незадолго до смерти, летом 1918 года, Розанов привез из Сергиева Посада в Москву С. Н. Дурылину запечатанный конверт. Он попросил распечатать конверт после его смерти и прочитать текст детям и жене. Эту просьбу Дурылин выполнил. В письме, составленном, вероятно, в самом начале 1890-х годов, говорилось о первой женитьбе Василия Васильевича и о том, что вынес он из этой жизни. «Что случилось с этим изумительным письмом (гениальным с точки зрения словесности), я не знаю», — заметил Дурылин в своем очерке 1928 года.⁵⁴ В архивах его разыскать не удалось. Но много лет спустя в 1916 году Розанов рассказал о Сусловой биографу Достоевского Глинке-Волжскому. Этот исключительный по ценности документ сохранился в архиве критика.

Письмо В. В. Розанова к А. С. Глинке-Волжскому печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. № 274. Л. 23–26. Подчеркивания одной чертой переданы курсивом, полужирным шрифтом выделены подчеркивания двумя чертами. Орфография и пунктуация приведены к современной норме.

* * *

16 мая 1916 г. Петроград

С Суслихой я I-й раз встретился в доме моей ученицы Ал<ександры> Мих<айловны> Щегловой (мне 17 л<ет>, Щегл<овой> 20–23, Сусл<овой> 37): вся в черном, без воротничков и рукавчиков (траур по брату), со «следами былой» (замечательной)

⁵¹ Сараскина Л. И. Суслова Аполлиария Прокофьевна // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. М.; СПб., 2019. Т. 6 / Глав. ред. Б. Ф. Егоров. С. 139.

⁵² Розанова Т. Воспоминания об отце В. В. Розанове и обо всей семье // Новый журнал (Нью-Йорк). 1975. Кн. 121. С. 167.

⁵³ Цит. по: Воспоминания Татьяны Васильевны Розановой об отце — Василии Васильевиче Розанове и всей семье / Вступ. статья, публ. и прим. Л. А. Ильюниной и М. М. Павловой // Русская литература. 1989. № 3. С. 230.

⁵⁴ Дурылин С. Н. В своем углу. М., 2006. С. 620.

красоты — она была «русская легитимистка», ждавшая торжества Бурбонов во Франции¹ (там она оставила *лучших* своих друзей,² — в России у нее не было никого), а в России любила только аристократическое, «традиции» и трон. Я же был социалистичко.³ И... потянулся, весь потянулся «к осколку разбитой фарфоровой вазы» среди мещанства училищеск (брат учитель)⁴ и вообще «нашего быта». Острым взглядом «опытной кокетки» она поняла, что «ушибла» меня, — говорила холодно, спокойно. И словом вся — «Екатерина Медичи». На Катюку Медичи она в самом дела б<ыла> похожа. Равнодушно бы она совершила преступление, убила бы — слишком равнодушно, «стреляла бы в гугенотов из окна» в Варфоломеевскую ночь⁵ — прямо с азартом. Говоря вообще, Суслиха действительно была великолепна, и я знаю, что люди (одна друг, <так!> жидовка, Гаркави урожденная, Анна Осиповна, лет на 15–20 старше ее) были «совершенно ею покорены», — пленены. Еще такой русской — я не видал. Она была *по стилю души* совершенно нерусская, а если русская — то раскольница бы «поморского согласия», или еще лучше — «хлыстовская богородица».

Умна была она средне; не выдающееся; но все заливал стиль. Младшая ее сестра (известный врач, ученый Суслова)⁶ умоляла ее помириться: но она (зависть) при всяком ее въезде в дом родителей — вылезала с подушкой и одеялом из окна в сад, прокрадывалась на улицу и уходила ночевать к знакомым. И сестра (врач), видя, что она выгоняет старшую сестру из дому, мало-помалу перестала ездить к родителям.

Родители — чудесные: старик отец — весь «добро», мать — «мудрая».⁷ Я их любил, очень. С сестрой познакомился у умирающей тещи.

С Достоевским она «жила».

«— Почему же вы разошлись, Ап<оллинария> Прок<офьевна>? (я).

— Потому что он не хотел развестись с своей женой чахоточной, «так как она умирает» (в Ташкенте).⁸

— Так ведь она умирала? (я).

— Да. Умирала. Через ½ года умерла. Но я уже его разлюбила.

— Почему «разлюбили»? (я).

— П<отому> ч<то> он не хотел развестись.

Молчу.

— Я же ему отдалась любя, не спрашивая, не рассчитывая. И он должен был так же поступить. Он не поступил, и я его кинула.

Это ее стиль. *Разговор этот у меня с нею был*, и почти буквален. Тезисы во всяком случае эти самые.

Мы с нею «сошлись» тоже до брака. Обнимались, целовались, — она меня впускала в окно (1-й этаж) летом и раз прошептала:

— Обними меня *без тряпок*. Т. е. тело, под платьем.

Обниматься, собственно, дотрагиваться *до себя* — она безумно любила. Совокупления — почти не любила, семя — презирала («грязь твоя»), детей, что не имела — была очень рада. («Куда бы я пошла с детьми, когда муж такой мерзавец и ничтожество»).

Лучшее ее удовольствие — врать на меня всякую околёсицу в style Katherina Medichi — знакомым, заходившим к нам после обеда («я сплю»). Я слышал и удивлялся: «Что это Поленька врет? Неужели она это в самом деле думает?»

Лицо ее, лоб — было уже в морщинах, и что-то скверное, развратное в уголках рта. Но удивительно: груди хороши, прелестны — как у 17-летней, небольшие, бесконечно изящные. Все тело — безумно молодое, безумно прекрасное. Ноги, руки (*не* кисти рук), живот особенно — прелесть и прелестны; «тайные прелести» — прелесть и прелестны. У нее стареющим было только лицо. *Все под платьем* — как у юницы — 17–18–19 лет, *никак не старше*.

В сущности, я скоро разгадал («потрогай меня»), что она была онанисткой, лет уже 20, т. е. лет с 18. Я это не осуждаю. «Судьба». И «что делать старым девушкам». Скорее от этого я еще больше привязывался к ней.

Когда она уехала, во 2-й раз (и окончательно) бросивши меня,⁹ — я помню, встал (после обеда спал) и начал умываться — и слезы градом-градом посыпались у меня.

«Бедная моя Поленька! бедная моя Поленька! Кто же спасет тебя, кто же будет оберегать тебя».

Жизнь — вся сплошная мука.

М<ожет> б<ыть>, я Вам пришлю ее письмо,¹⁰ «для почерка», которое Вы мне *верните*.

Вообще, это была «мистическая трагедия». Помните ли Вы хорошо «Униженных и оскорбленных»? Там есть *отец* жениха Наташи, старый князь Вальковский. И сказано: «он любил (или был в связи) с молодой, прекрасной собой женщиною, чрезвычайно религиозной и стильной, и которая была необыкновенно *развратна*», чуть ли не прибавлено: «противоестественной формой разврата». Мне всегда казалось, что это он написал о Суслихе.¹¹

Но к ней подходит и Дуня, сестра Раскольникова, «Аглая» «Подростка».¹² Только «Грушенька» — ни-ни-ни. Грушка вся русская, похабная. В Суслихе — ничего грубого, похабного.

Ах. Это удивительная женщина. *Еще таких я совершенно не видал*. Любя и ласкаясь, я говаривал: — «Ах, ты моя Брунгильда и Фредегонда».¹³

Ее любимый тип в литературе и мифах — Медея, когда она из-за измены Язона убивает детей.¹⁴

Суслиха — вполне героический тип. «Исторических размеров». В другое время она — «наделала бы дел». Тут она безвременно увядала. Меня она никогда не любила и всемерно презирала, до отвращения; и только принимала от меня «ласки».

Без «ласок» она не могла жить.

К деньгам она была равнодушна. К славе — тайно завистлива. Ума — среднего, скорее даже небольшого. «Но стиль, стиль...».

Поразительно, что в 37 лет она покорила 40–50-летних. С нею никто не спорил никогда, не смел. Да всякое возражение ее и оскорбляло безумно. Она «рекла», и слушали и тайно восхищались (я думаю) — стилем.

— Аполлинурия Прокофьевна...

— Поленька... (я)

— «Бедная моя Поленька! бедная моя Поленька!...» С тобой что-то *случится*, «ты — умрешь», «у тебя рак будет», «ты бросишься под рельсы».

И сколько я ее с фонарем тоскуя отыскивал ночью в Брянске, когда она «беспричинно уйдет от меня».

Кончила же тем, что уже лет 43-х влюбилась в студента Гольдовского (прелестный юноша), жидка, гостившего у нас летом.¹⁵ Влюбилась безумною «последнею любовью». А он любил — другую (Ал. П. Попову, прелестную поповну). Его одно неосторожное письмо ко мне с бранью на Алекс<андра> III она переслала жандармскому полковнику в Москве, и его «посадили», да и меня стали жандармы «тягать на допросы». Мачеху его, своего друга Анну Осиповну Голь<дов>скую (урожд<енную> Гаркави), обвинила перед мужем в связи с этим ... (ее «предмет»), и потребовала, чтобы я ему, своему другу — ученику — писал ругательные письма. Я отказался. «Что ты безумная». Она бросила меня.

У меня не было спокойствия к ней. Надо было ей показать «кнут» — и, в сущности, она стала бы «в стойло». Такие люди — истязают, если их кто-нибудь не порет. Безумно устал.

Ваши дети — прелесть. *Они все талантливы*. Такие чудные глазки.¹⁶ Скажите им: «Дядя Вася Розанов Вас всех велел поцеловать» — и поцелуйте. Ольге Фед<оровне> поклон.

Нет, не нашел суловских писем, они куда-то «заложилась».

¹ Сулова была сторонницей законной (легитимной) власти старшей ветви династии Бурбонов во Франции. Ср. ее характеристику в 1907 году: «...,очень гордая, страстная“, „легитимистка“ и проч., и проч., страшно стильная женщина, начитанная...» (Воспоминания Татьяны Васильевны Розановой об отце — Василии Васильевиче Розанове и всей семье. С. 230; письмо Н. Н. Глубоковскому).

² Сулова поселилась в Париже в начале 1863 года. Живя за границей, переезжала из города в город: Спа, Цюрих. В 1863 году познакомилась с А. И. Герценом. В 1865 году она гостила у него

адвоката В. О. Гаркави. Розанов считал Гольдовского своим «духовным сыном». Летом 1885 года студент историко-филологического факультета Московского университета Гольдовский приехал в Нижний Новгород. Он читал корректуру книги Розанова «О понимании» и отдавал на комиссию книгу в московские магазины. В письме из Ельца, написанном осенью 1887 года, т. е. после разрыва с Сусловой, Розанов говорит о жестокой обиде, нанесенной его жене Гольдовским: «Вы знаете, Стаха, что я люблю свою жену; я говорил Вам прежде в письмах, что без нее для меня жизнь становится невыразимым бременем, Вы же это знали и знаете, и между тем, расстроили своими письмами нашу семейную жизнь, разъединив нас, спокойно и холодно смотрите на наши страдания. Горе, которое Вы причинили нам, так неизмеримо больше того, что Вы сделали для меня, что позволительно, кажется, забыть Ваши услуги и прежнее расположение ко мне. <...> Извините, но воспоминание о Вас делается для меня все более и более ненавистным. <...> Вы так жестоко сами обидели мою жену. <...> Мне отвратительна теперь всякая мысль о Вас» (Сукач В. Г. *Летопись жизни и творчества В. В. Розанова (1879–1887)* // *Энтелехия*. 2004. № 9 (54). С. 30). Сохранилось письмо Сусловой к Гольдовскому: «Г<осподи>н Гольдовский! Посылаю Вам части Ваших писем к В<асилию> Вас<ильевичу>, из которых видно, что Ваши уверения в сочувствии мне лживы, что я стою так сказать *на почве фактов* и потому недостаточно с Вашей стороны сказать в свое оправдание: „Вы выдумали, нагнали“ и т. п.» (РГАЛИ. Ф. 1627. Оп. 2. № 2. Л. 1).

¹⁶ Речь идет о четверых детях А. С. Глинки-Волжского, фотография которых сохранилась в архиве Розанова с его надписью: «Дети Глинки-Волжского» (РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. № 414. Л. 22). Розанов видел их в Петербурге в 1905 году.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-156-162

© Т. В. Мисникевич

«ЗАЧЕМ ТЫ ВНОВЬ МЕНЯ ТОМИШЬ, ВОСПОМИНАНЬЕ?..»: ПЕРЕВОД СТИХОТВОРЕНИЯ П. ВЕРЛЕНА «NEVERMORE» В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСКИХ ПОИСКОВ Ф. СОЛОГУБА

Федор Сологуб занимался переводами на протяжении всего творческого пути, однако интенсивность его обращения к тому или иному автору была далеко не равномерной.¹ Это относится и к переводам из Поля Верлена, принесшим поэту подлинную переводческую славу. Большинство переводов Сологуб осуществил в 1893–1894 годах и включил их в первое издание своей верленианы;² в 1922 году он переработал часть из них, создав новые редакции, а также обратился к ряду новых стихотворений и выпустил второе, расширенное, издание, в которое вошли и ранние варианты.³

В 1890-е годы, в период становления Сологуба-поэта, переводы из Верлена нередко служили своего рода канвой для написания оригинальных текстов, расшатывая границу «своего» и «чужого». Сологуб работал чрезвычайно интенсивно, нередко создавая по несколько стихотворений в день; отдельные произведения в тетрадах с автографами складывались в плотный и спаянный «сверхтекст». С декабря 1893 года Сологуб по своей внутренней, далеко не всегда поддающейся дешифровке, логике, разграничивал его на отдельные блоки с помощью обозначения цифрами в хронологическом ряду, куда включались также переложения и переводы.⁴ Соответственно, довольно сложно опре-

¹ См.: *Стрельникова А. Б., Филочева В. В.* Библиография художественных переводов, выполненных Ф. Сологубом. Неизданные и несобранные поэтические переводы // Федор Сологуб: Разыскания и материалы / Под ред. М. М. Павловой. М., 2016. С. 629–709.

² См.: *Верлен П.* Стихи, избранные и переведенные Федором Сологубом. СПб.: Факелы, 1908.

³ *Верлен П.* Стихи, избранные и переведенные Федором Сологубом. 2-е изд., испр. и доп. Пг.; М.: Петроград, 1923.

⁴ Подробнее см.: *Мисникевич Т. В.* Лирика Федора Сологуба 1890-х годов: источники текста // Сологуб Ф. Полн. собр. стихотворений и поэм: В 3 т. СПб., 2014. Т. 2. Кн. 1. Стихотворения и поэмы 1893–1899 / Изд. подг. Т. В. Мисникевич. СПб., 2014. С. 699–745 (сер. «Литературные памятники»).

делить при постоянном чередовании переводов и оригинальных стихотворений (преимущественно в июне–августе 1893 и 1894 годов⁵), что именно для Сологуба являлось мотивацией выбора «роэме» Верлена: сугубо переводческий интерес или стремление выстроить/дополнить/обыграть собственный текст либо ряд текстов, составляющий какое-либо единство — смысловое, стилистическое, ритмическое. Тем показательнее примеры, когда перевод становится уникальным либо редким звеном в такой цепи. К ним относится перевод стихотворения Верлена «Nevermore» (сборник «Roèmes Saturniens», раздел «Melancholia»), выполненный 9 ноября 1895 года. Приведем его с указанием вариантов, зафиксированных в автографе:⁶

Зачем ты вновь меня томишь воспоминанье?⁷
Осенний день хранил печальное молчанье,
И ворон несся вдаль, и бледное сиянье⁸
Ложилось на леса в их желтом одеяньи.⁹

Мы с нею шли вдвоем. Пленили нас мечты.
И были волоса у милой развиты, —
И звонким голосом небесной чистоты
Она спросила вдруг: «Когда был счастлив ты?»

На голос сладостный, на взор ее тревожный
Я долго отвечал улыбкой осторожной,
И руку белую смиренно целовал.

— О первые цветы, как вы благоухали!
О голос ангельский, как нежно ты звучал,
Когда уста ее признанье лепетали!¹⁰

⁵ Согласно материалам рабочей тетради 1892–1894 годов, в 1893 году были осуществлены следующие переводы: «С голубых небес...», 13 июня; «Тесный светлый круг под лампой...», «Пока блестит твой бледный лик...», 19 июля; «Тебе мои стихи о ласке утешительной...», «Ну-тка, спляшем джигу!..», «Покорно приношу с цветами и плодами...», «Поцелуя боюсь...» («Я лобзанья боюсь...»), 25 июля; «Меня не веселит ничто в тебе, Природа...», 26 июля; «Не опасаясь ни лишений...», 31 июля; «Плешивый фавн из темной глины...», «У всякой раковины здесь...», 4 августа; «Мне кротко грезится под шепотом ветвей...», 6–7 августа; «Возлагать не будем друг на друга пути...», «В слезах моя душа...», 7 августа (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 38. Л. 2, 3–3 об., 4, 5–5 об., 6–6 об., 8–8 об., 204, 205–205 об., 209–213, 354–354 об., 362); в 1894 году — «Лунный свет» («С изысканно убранным садом...», «Твоя душа — как тот избранный вид...», «Твоя душа подобна для меня...» — 3 варианта), 8 июня; «Вчера среди ничтожных разговоров...», «Лети ты, песенка скорей...», 9 июня; «У вас, мой друг, терпенья нет ни мало...», 11 июня; «Мы — невинные творенья...», 12 июня; «Музыка, музыка прежде всего!..», «Почти боюсь — так сплетена...», 13 июня; «Был шумен бал, и скрипки с пеньем флейт сливали...», «Печаль без меры, без конца!..», «Розы были слишком красны...», 16 июня; «То будет жарким летом, в полдень ясный...», 18 июня; «Непорочна ты иль нет...», «Я не имею копейки медной за душой...», 19 июня; «Встает туман с реки, и тень деревьев тонет...», «С реки туман встает, как дым...» — 2 варианта, 2 июля; «Прошла зима, и теплое сиянье...», 3 июля; «Я враг обманам туалета...», 7 июля; «Она прелестна в свете нежном...», 11 и 17 июля; «Далек от ваших глаз, сударыня, живу...», 19 и 22 июля; «Одни, наивные, иль с вялым организмом...», 23 июля и 4 августа; «Был ветер так нежен, и даль так ясна...», 25 июля и 24 августа; «Зеленеют и краснеют...», 9 августа (Там же. Л. 1, 11, 13, 17–17 об., 19, 20–20 об., 27, 28, 29–29 об., 34, 35–39, 40–40 об., 64–64 об., 68–68 об., 79–79 об., 86–88 об., 103–103 об., 108–108 об., 116, 197, 198, 200).

⁶ См.: Верлен П. Стихи, избранные и переведенные Федором Сологубом. С. 15; Верлен П. Стихи, выбранные и переведенные Федором Сологубом. 2-е изд., испр. и доп. С. 11 (под заглавием «Никогда вовеки»). Впервые опубликован в журнале «Петербургская жизнь» (1897. № 264. 23 ноября. С. 2207); автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 11. Л. 91 об., 94.

⁷ Зачем томишь меня ты вновь, воспоминанье?

⁸ а Бесшумно ворон <тлел?>, и бледное сиянье; б Бесшумно грач летел, и бледное сиянье.

⁹ Ложилось на леса в их грустном одеяньи.

¹⁰ Когда ее уста признанья лепетали.

Оригинал

Souvenir, souvenir, que me veux-tu? L'automne
Faisait voler la grive à travers l'air atone,
Et le soleil dardait un rayon monotome
Sur le bois jaunissant où la bise détone.

Nous étions seul à seule et marchions en rêvant,
Elle et moi, les cheveux et la pensée au vent.
Soudain, tournant vers moi son regard émouvant:
«Quel fut ton plus beau jour?» fit sa voix d'or
vivant,

Sa voix douce et sonore, au frais timbre angélique.
Un sourire discret lui donna la réplique,
Et je baisai sa main blanche, dévotement.

— Ah! les premières fleurs, qu'elles sont
parfumées!
Et qu'il bruit avec un murmure charmant
Le premier oui qui sort de lèvres bien-aimées!

Подстрочник

Воспоминание, воспоминание, что ты хочешь
от меня? Осень
Заставляла дрозда лететь сквозь неподвижный
воздух,

А солнце бросало однообразный луч
На желтеющий лес, где холода/зима взрываются.

Мы были наедине и гуляли/шли, мечтая,
Она и я, волосы и мысли/намерения на ветру.
Внезапно/вдруг обратив на меня свой
трогательный/волнующий взгляд:
«Какой был твой самый прекрасный день?» —
произнес ее золотой живой голос,

Ее голос мягкий/нежный/сладостный,
как свежий ангельский колокольчик.
Сдержанная улыбка дала ей ответ,
и я набожно/благочестиво/с благоговением
целовал ее белую руку.

— Ах, первые цветы, какие они душистые/
благоухающие!
И пусть шумит очаровательным/милым шепотом
Первое «да», сорвавшееся с любимых губ/уст!

Попробуем понять причину «воспоминания» Сологуба об оставленном на довольно продолжительное время Верлене (напомним, что последний выполненный на тот момент перевод — стихотворения «Dans les boix», также из сборника «Poèmes Surtiens» — датирован 23 июля, 4 августа 1894 года). 1895 год — важнейший этап в творческой биографии Сологуба. В журнале «Северный вестник», с 7-го по 12-й номер, печатался его роман «Тяжелые сны»; в процессе публикации писатель продолжал работу над текстом произведения, подвергшимся серьезным вмешательствам цензуры и редакторов издания А. Л. Волынского и Л. Я. Гуревич.¹¹ Одновременно Сологуб готовил к выходу сборник «Стихи. Книга первая», представший на суд читателя и критики в декабре 1895 года. Его проза и стихи данного периода отличаются тематическим и образно-стилистическим единством, которое формировалось в контексте становления новых, модернистских тенденций в литературном процессе в России. Сологуб последовательно отстаивал свое право на «декадентство» как общее мировоззрение и творческий метод в прозе и лирике;¹² комментируя перипетии публикации «Тяжелых снов», он отметил в стихотворении «Свистали, как бичи, стихи сатиры хлесткой...» (24 марта 1895): «И, бледный декадент, всхожу я на ступени, / Где странно предо мной зазбылилися тени, <...> Смеясь моей мечте жестоко и злорадно, / Мне люди говорят, что тайна не разгадана, / Что мистицизм нелеп, что путь науки строг...»¹³ Придерживаясь твердой этической и эстетической позиции, Сологуб в то же время, очевидно, испытывал сомнения в собственном мастерстве; в письме от 15 августа 1895 года по поводу внесения правки в корректуру «Тяжелых снов» он поделился с Л. Я. Гуревич: «У меня, видите ли, уживаются два взгляда на свои писанья: хотя иное место мне самому и нравится, но, если его отмечают как неудачное, я начинаю в нем жестоко сомневаться. Иная красивая фраза, написанная с любовью, часто начинает мне (и без постороннего указания) казаться смешною и ходульною».¹⁴

Обращение посредством перевода к несомненному авторитету «нового» искусства — Полю Верлену — в этой связи представляется вполне закономерным, как и вы-

¹¹ Подробнее см.: Павлова М. Писатель-Инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников. М., 2007. С. 110–145.

¹² См.: Сологуб Ф. Письма к Л. Я. Гуревич и А. Л. Волынскому / Публ. И. Г. Ямпольского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 год. Л., 1974. С. 112–129.

¹³ См.: Сологуб Ф. Полн. собр. стихотворений и поэм. Т. 2. Кн. 1. С. 229–231.

¹⁴ Сологуб Ф. Письма к Л. Я. Гуревич и А. Л. Волынскому. С. 117.

бор стихотворения именно из сборника «Poèmes Saturniens». В этом первом сборнике Верлена, вышедшем в 1866 году и в значительной степени ориентированном на поэзию Бодлера, Сологуб мог найти самый широкий спектр декадентских мотивов, образов и настроений: имманентное присутствие в мире Зла, пессимистическое миро-восприятие, утомленность, усталость, меланхолия героя, блеклые (черные, серые), а также вызывающие тревогу тона (цвет пожара и крови), соединение душевного мира героя с миром природы. В образе возлюбленной на передний план выходит не чувственное, материальное, а духовное, уводящее от земного в иные сферы начало.¹⁵ Кроме того, в «Nevermore» присутствует одна из наиболее ярких черт верленовской лирики — импрессионистическое начало, «мерцание» смыслов и образов,¹⁶ которое отчасти пытался воплотить в своем творчестве и Сологуб.

Перевод встроен в хронологическую цепочку стихотворных текстов, начатую в конце июля 1895 года, и записан в рабочей тетради под номером 23. Его автограф снабжен подробным указанием на источник оригинала, в качестве заглавия — «Из П. Верлена. П. Nevermore. Из Melancholia. (Poèmes Saturniens. P. 13)»,¹⁷ и слева на полях: «Poèmes Saturniens. Melancholia». Очевидно, что перевод вполне достоверно передает общее содержание — навеянной созерцанием осеннего пейзажа лирической зарисовки-воспоминания о прогулке с возлюбленной в начале весны (обозначенной образом «первых цветов», одновременно символизирующим зарождение любви героев). Это подтверждается и формальными показателями. Согласно методологии определения «меры точности» М. Л. Гаспарова, в переводе Сологуба сохранено 18 знаменательных слов подстрочника/оригинала (воспоминание, лес, шли, были, волосы, вдруг, голос — дважды, был, день, сладостный, белую, руку, целовал, первые, цветы, благоухающие, уст); 4 заменено однокоренными словами (осень — осенний, желтеющий — желтом, мечта — мечты, ответ — отвечал) — и эти 22 слова уже вполне воспроизводят сюжет и смысл стихотворения Верлена; 19 — контекстуальными синонимами (хочешь — томишь, неподвижный воздух — печальное молчанье, грач — ворон, лететь — неся, однообразный луч — бледное сиянье, бросало — ложилось, наедине — вдвоем, произнес — спросила, живой — звонким, золотой — небесной, сдержанная — осторожной, благочестиво — смиренно, шумит — звучал, милым шепотом — голос ангельский, «да» — признание, сорвавшееся — лепетали); 18 слов опущены (воспоминание, заставляла, солнце, холода, взрываются, мысли, на ветру, обратив, трогательный взгляд, прекрасный день, свежий, ангельский, колокольчик, дала, первое, любимых); 14 добавлены (вновь, день, хранил, вдаль, одеянья, пленяли, у милой, развиты, счастлив, чистоты, взор, тревожный, молча, нежно). Число слов перевода и подстрочника расходится незначительно: 55 и 59; показатель точности (18:59) — 30,5 %, вольности (14:54) — 25,5 %.

¹⁵ З. Венгерова отметила, что, наряду с очевидным влиянием парнасской школы, «в этом сборнике встречаются стихотворения совершенно иного характера, показывающие, что за внешней невозмутимостью автора кроется страстный темперамент поэта с болезненной тонкостью ощущений, с постоянными сомнениями и глубоким душевным разладом, поэта, ищущего новых художественных форм и поэтических образов для выражения своей внутренней тревоги» (Венгерова З. Поэты-символисты во Франции // Вестник Европы. 1892. № 9. С. 121).

¹⁶ Для второго издания сборника Верлен написал предисловие «Критика „Сатурнических стихотворений“», которое не вошло в книгу (опубликовано 15 марта 1890 года в журнале «Revue d'aujourd'hui» («Современное обозрение»)), где отметил: «Тому, кто счел бы, что это стоит трудов, было бы несложно проследить наклонности, ставшие руслом <...> моего сегодняшнего стиля, моей манеры, а именно: уже чуть-чуть свободная версификация, анжамбеманы <...>, аллитерации, что-то вроде ассонансов, часто внутренних, рифмы, скорее редкие, чем богатые, временами намеренное или почти намеренное избегание точных слов. К тому же — печальный образ мыслей <...> Искренность и, наконец, моментальное впечатление, передаваемое буквально <...> Чем дальше читаешь, тем больше кажется, что между моими ранними и зрелыми вещами есть связь» (цит. по: Верлен П. Стихотворения: В 2 т. / Изд. подг. Г. К. Косиков, В. Е. Багно, И. В. Булатовский. СПб., 2014. Т. 1. С. 508 (сер. «Литературные памятники»)).

¹⁷ В библиотеке Сологуба сохранился экземпляр сборника «Poèmes Saturniens», по которому, по-видимому, осуществлен данный перевод; см.: Шаталина Н. Н. Библиотека Ф. Сологуба (Материалы к описанию) // Неизданный Федор Сологуб / Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997. С. 454.

Сологуб полностью сохранил строфику оригинала (сонет) и подобрал ритмическое соответствие французскому двенадцатисложнику — шестистопный ямб. Поэт (что в целом свойственно его переводам из Верлена) большое внимание уделил «звучанию». В стихотворении «Nevermore» ощущение грусти, вызванное угасанием осенней природы, передано с помощью гласной «о» — прежде всего в рифменных позициях первой строфы: *L'automne, atone, monotome, détone*.¹⁸ В переводе, особенно в начале текста, сохранены ассонансы и аллитерации оригинала: гласные «о», «и», согласные «м», «н», «л», «р», «ш». Отметим, что в первоначальном варианте стиха З Сологуб пытался подобрать фонетический аналог слову «grive» (дрозд) — грач.

Перевод явился вполне органичным звеном в ряду оригинальных стихотворений, посвященных условной возлюбленной, в сочетании с рассуждениями об онтологической сущности бытия, корреспондирующими с отдельными пассажами из текста мучительно пробивающих себе дорогу «Тяжелых снов», например: «Дорогие наряды...» (24–27 августа: «Проклинаю немую / Безучастность лица неземного, / И смотрю на тебя, роковую, / Ожидая последнего слова»), «Полно плакать, вытри слезы...» (11 сентября: «Полно плакать, — вытри слезы, / Побежим скорее в сад, — / Там нас нежно встретят розы, / Там навстречу нам березы / Зыбким смехом задрожат»), «Тихие взоры мерещатся мне в тишине...» (27 октября: «Тихо глаза опускаю большие, / В них безнадежно улыбку свою затаю, / Тихо проходит, — и ноги босые бесшумно ступают...»), «Безотрадно тебя полюбя...» (27 октября: «Ты однажды прошла предо мной, / Вся закутана белой фатой / С головы наклоненной до ног. / Под фатой ты что-то несла»).¹⁹

Соотнесенность перевода с оригинальными текстами Сологуба по времени создания спровоцировала существенные семантические сдвиги. Поэт «скорректировал» текст Верлена в соответствии с собственными задачами.²⁰ В первой строфе, задающей тон стихотворению, точно переведено всего два слова (воспоминанье и лес), обозначающие мир человека и мир природы, и использовано однокоренное слово «осенний» (день — время лирического события). Переводческие замены: нейтрального глагола «хочешь» на маркирующий лирику и прозу Сологуба «томишь», дрозда, улетающего осенью, согласно законам природы, на ворона, несущегося в абстрактную «даль», естественные для осени «неподвижный воздух» и «однообразный луч» на «печальное молчанье» и «бледное сиянье» — окрашивали вполне нейтральную лирическую зарисовку в несвойственные ей «декадентские» тона. Однако благодаря им перевод естественным образом встроился в ряд оригинальных произведений, в частности, он не вступил в противоречие с образно-тематическим строем созданного днем ранее стихотворения:

Дневными лучами окован,
Дневную тоской очарован,

¹⁸ Подобную фонетическую организацию именно начала текста находим в стихотворении «Chanson d'automne» из раздела «Paysages tristes» того же сборника «Poèmes Saturniens», в его первой строфе: «Les sanglots longs / Des violons / De l'automne / Blessent mon coeur / D'une langueur / Monotone». Подробнее см.: Багно В. Е. Федор Сологуб — переводчик французских символистов // Багно В. Е. «Дар особенный»: Художественный перевод в истории русской культуры. М., 2016. С. 225–236. Зинаида Венгерова отметила: «„Poèmes Saturniens“ замечательны более всего тем, что в них сказался реформатор поэтического языка, обладающий изумительно музыкальной душой и бесконечным богатством ритмов, могущих оттенять самые тонкие и самые сложные чувства и настроения. В этом первом поэтическом опыте Верлен разбивает строгую неподвижность классических размеров, видеоизменяет последовательность мужских и женских рифм, переставляет цезуру александрийского стиха и этими техническими приемами и преимущественным употреблением шести- и семисложных стихов создает новые и в высшей степени гармоничные музыкальные эффекты. Так, напр<имер>, в „Chant d'Automne“ короткие, но протяжные стихи с исключительно мужскими рифмами в конце производят впечатление заунывных звуков скрипки, которые символизируют для поэта меланхолию осени» (Венгерова З. Поэты-символисты во Франции. С. 121–122).

¹⁹ См.: Сологуб Ф. Полн. собр. стихотворений и поэм. Т. 2. Кн. 1. С. 269, 271, 279, 281.

²⁰ Лексико-семантический анализ перевода в связи с мифопоэтикой творчества Сологуба см.: Стрельникова А. Б. Ф. Сологуб — переводчик поэзии П. Верлена. Томск, 2010. С. 74–80.

Я мрака напрасно ищу
 И вечно грущу.
 Что дорого сердцу и мило,
 Ревнивое солнце сокрыло
 Эфирною ризой своей
 От слабых очей.
 В безмолвии радостной ночи
 К звездам ли подымутся очи, —
 Отраден их трепетный свет,
 Но правды в нем нет.
 Спущусь ли в подземные ходы
 Под мшистые древние своды, —
 Является нечто и там
 Пугливым очам.
 Напрасно и очи закрою, —
 Виденья плывут предо мною,
 И даже глубокие сны
 Видений полны.
 Укроет от света могила, —
 Но чтоб мне она ни открыла,
 Тогда для неверного дня
 Не станет меня.²¹

Напомним, что в центре внимания Сологуба в это время находился его «архидекадентский» роман «Тяжелые сны», в частности, 9 ноября, в день создания перевода, он обсуждал с Л. Я. Гуревич его отдельное издание. Писателя огорчало изъятие или корректировка тех или иных сцен, связанных с сюжетной линией главных героев — Василия Марковича Логина и Нюты (Анны) Ермолиной. Возможно, на перевод оказал ся спроецирован и текст романа: «Ее лучистые глаза доверчиво и нежно глянули на него, — и показалось Логину, что они смотрят прямо в его душу. И ответная чистая радость поднялась в нем и блеснула на миг в загоревшемся внезапно огне его мечтательно-утомленного взора»;²² «Густые косы вольными прядями рассыпались по белой одежде. <...> Стояли, и улыбались, и доверчиво глядели друг на друга. Прямо на ее лицо падали лучи луны, и под ними оно казалось бледно. Доверчивы и ясны были ее глаза, но сквозило в них тревожное и робкое выражение».²³

Вероятно, именно проведенная ранее Сологубом тщательная работа над прозаическим текстом позволила ему добиться в переводе «„четкости и скульптурности“ образов», которые видел в сборнике «Poèmes Saturniens» Валерий Брюсов и призывал сохранять в переводах».²⁴

Сам факт обращения к Верлену в 1890-е годы и характер работы Сологуба с текстом стихотворения «Nevermore» подтверждают, что он обнаружил в творчестве французского поэта четкие ориентиры для своих творческих поисков. Сологуб внес свой вклад в создание образа Верлена как знаковой фигуры для модернистской культуры в России и формирование его литературной репутации как ближайшего «предшественника» декадентства. Не случайно характер и тон публикаций о творчестве и личности

²¹ Сологуб Ф. Полн. собр. стихотворений и поэм. Т. 2. Кн. 1. С. 283.

²² Северный вестник. 1892. № 7. С. 135.

²³ Там же. № 11. С. 219.

²⁴ См.: Брюсов В. От переводчика // Верлен П. Собр. стихов в переводе Валерия Брюсова. М.: Скорпион, 1911. С. 10–11. М. Волошин, давая высокую оценку изданию Сологуба 1908 года, отметил, в частности, переводы из «Poèmes Saturniens»: «В этой книге нет ни одного слабого перевода. Но подлиннее других мне показались переводы: «Nevermore», «Grotesques», «La Chanson des ingénues», «Marine», «Она прелестна в свете нежном», «Лунный свет», «Слезы в сердце моем...», «Veams», «Я в черные дни не жду пробуждения...» (Волошин М. Лики творчества. Л., 1988. С. 438–443 (сер. «Литературные памятники»)).

Верлена, в обилии появившихся в русской периодике в связи со смертью поэта 9 января 1896 года, вполне соответствовали тону рецензий на произведения Сологуба:

«Болезненный талант, плывущий без руля и ветрил, без всякого умственного и нравственного компаса по мелкому и мутному морю личных ощущений»;²⁵

«Это жизнь, полная грязи и физической, и нравственной, полная пороков и заблуждений, но в то же время богатая покаянием и самобичеванием, богатая чудными порывами окрыленной души, никогда не терявшей детской непосредственности и в сущности даже чистоты»;²⁶

«Вся его пятидесятидвухлетняя жизнь прошла в оргиях, нищете, пьянстве, болезни и писании стихов; он переходил из кабака в тюрьму, где, по его собственным словам, содержался за все, кроме воровства, из тюрьмы в больницу и обратно, от скептицизма и порнографии к мистическому фанатизму и католическому ультрамонтанству, но всегда и везде оставался истинным поэтом»;²⁷

«...Он выпустил несколько поэм, отличавшихся изяществом формы, оригинальностью выражений, но в то же время и болезненностью настроения. Эта болезненность, доходившая до извращения чувства, отличала собой и частную жизнь Верлена. <...> Верлена отличает именно желание актерствовать и часто навязывать себе же чувства, которых у него не было. Многие критики, однако, находят в таланте Верлена непосредственность и наивность».²⁸

Однако одновременно началось и преодоление подобных стереотипов. Тонкий знаток европейской культуры З. Венгерова дала Верлену прямо противоположную оценку: «В литературе Верлен по какому-то недоразумению считается главой школы, между тем как по существу он менее всего представитель какой-нибудь определенной формулы искусства. <...> Чуждый всякой догматичности, дерзновенно свободный в жизни и творчестве, Верлен примыкает к той исключительной категории поэтов, которые являются живым протестом против всего общепринятого, условного, ограниченного известным кодексом житейской морали».²⁹

Во многом благодаря Верлену и Сологуб смог перерасти ограничения изначально выбранной «формулы» и обрести подлинную творческую свободу.

²⁵ Н. К. [Русанов Н. С.]. Из Франции // Русское богатство. 1896. № 1. С. 128.

²⁶ Вестник иностранной литературы. 1896. № 2. С. 267.

²⁷ Исторический вестник. 1896. № 2. С. 712.

²⁸ Всемирная иллюстрация. 1896. № 1412. (17 февраля). С. 208.

²⁹ Венгерова З. Поль Верлен // Северный вестник. 1896. № 2. С. 271–272.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-162-182

© М. М. Павлова

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ А. Н. ГИППИУС: ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЭМИГРАЦИИ (1920–1924) СТАТЬЯ 1

Жизненный путь второй по рождению из четырех сестер Гиппиус — Анны Николаевны (1875–1942), известной единичными публикациями в зарубежной печати,¹ по сей день остается недостаточно проясненным. Сведения о ее раннем (петербургском)

¹ В 1927 году в Париже в издательстве YMCA-Press вышла брошюра А. Н. Гиппиус «Святой Тихон Задонский: Епископ Воронежский и всея России чудотворец»; в 1928 году в газете «Последние новости» был опубликован ее рассказ «О кошке, которую звали собачкой» (№ 2690. 3 авг. С. 2); посмертно напечатан очерк «Обитель Соловецкая» (1926) — о соловецких чудотворцах Савватии и Зосиме (Возрождение. 1958. № 83. С. 13–26).

периоде можно найти в работах, посвященных творческой биографии поэта-символиста Ивана Коневского (И. И. Ореуса; знакомство с сестрой З. Н. Гиппиус, состоявшееся в 1898 году, оставило след в его поэзии²); в письмах-дневниках Т. Н. Гиппиус (1906–1908)³ и, главным образом, в биографическом очерке А. Л. Соболева, в котором путь «четвертой сестры» прослеживается до начала Первой мировой войны.⁴ «Дальнейшая ее биография, — справедливо пишет исследователь, — известна почти пунктирно — считанные беллетристические опыты; тщетные попытки пристроиться врачом при католическом монастыре, редкая переписка с сестрой⁵ — и внезапная смерть, наступившая 11 ноября 1942 года на парижской улице».⁶

Значительные лакуны в биографии А. Н. Гиппиус — факт примечательный, но объяснимый. Она никогда не принадлежала к кругу Мережковских, как, например, младшие Гиппиус Татьяна (1877–1957) и Наталья (1880–1963). В отличие от сестер, связавших свою жизнь с литературой и искусством,⁷ Анна, хотя и имела склонность к писательству и даже училась на историко-филологическом отделении Высших женских курсов,⁸ в итоге предпочла практическую профессию: в 1903 году закончила в Харькове Женский Медицинский институт с дипломом врача-акушера, а в 1904-м отправилась на место врача в село Николаевка Волчанского управления Харьковской губернии. Попытки найти работу в Петербурге и соединиться с родными ни к чему не привели, отчасти из-за установленного за ней политического надзора (эта история подробно документирована в очерке А. Л. Соболева), отчасти по внутренним причинам.

Анна была далека от религиозно-общественных вопросов, волновавших сестер. Закрытая жизнь неохристианской коммуны,⁹ обустроенной Татьяной и Натальей в квартире Мережковских на время их отъезда во Францию (1906–1908), была для нее малопонятной и неприемлемой. Она осуждала сестер и их со-молитвенников (А. В. Карташева, В. В. Кузнецова, С. П. Ремизову) за сектантство и келейность, что привело к обоюдному резкому и болезненному разрыву отношений.¹⁰

² См.: *Мордерер В. Я.* Блок и Иван Коневской // Лит. наследство. 1987. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 4. С. 175; *Коневской И.* Стихотворения и поэмы / Вступ. статья, сост., подг. текста и прим. А. В. Лаврова. СПб.; М., 2008. С. 47–48, 120–123, 252–253 (Новая Библиотека поэта); *Гроссман Джоан Д.* Иван Коневской, «мудрое дитя» русского символизма. СПб., 2014.

³ Истории «новой» христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: из «дневников» Т. Н. Гиппиус 1906–1908 годов / Вступ. статья, подг. текста и прим. М. М. Павловой // Эротизм без берегов. М., 2004 (по указ.).

⁴ *Соболев А. Л.* Четвертая сестра // Соболев А. Л. Тургенев и тигры: Из архивных разысканий о русской литературе первой половины XX века. М., 2017. С. 235–253. В очерке опубликованы биографические документы А. Н. Гиппиус, хранящиеся в ЦГИА, ГАРФ и др., в том числе отчеты полицейского управления об установленном за ней надзоре.

⁵ См.: Письма З. Н. Гиппиус к сестре Анне // Пахмусс Т. Страницы из прошлого: Из переписки Зинаиды Гиппиус. Frankfurt a/M., 2003. С. 263–276.

⁶ *Соболев А. Л.* Четвертая сестра. С. 253. О кончине Анны см.: *Злобин В. А.* Тяжелая душа: Литературный дневник. Воспоминания. Статьи. Стихотворения / Сост. и прим. Т. Ф. Прокопова. М., 2004. С. 411 («Когда 11 ноября <19>42 г. внезапно, на улице, умерла ее сестра Анна, она (З. Н. Гиппиус. — М. П.) записывает в своем дневнике: „С того дня, в ноябре, когда умерла Ася, я каждый час чувствую себя все более оторванной от плоти мира (от материи)“»).

⁷ Т. Н. Гиппиус в 1901–1909 годах занималась станковой живописью, рисунком и графикой в Высшем художественном училище при Академии художеств, в мастерской И. Е. Репина и затем Ф. А. Рубо; о ее работах см.: *Павлова М. М.* Материалы к творческой биографии Т. Н. Гиппиус (По «дневникам» художницы 1906–1908 гг.). Статья 1 // Литературный факт. 2019. № 14. С. 109–144. Н. Н. Гиппиус в 1903–1912 годах обучалась на скульптурном отделении Высшего художественного училища при Академии художеств в мастерской В. А. Беклемишева. См. о ней: *Логдачева Н. В.* Скульптурные работы Натальи Гиппиус и Анны Курдюковой (к изучению творческих биографий начала XX века) // Страницы истории отечественного искусства. СПб., 2016. Вып. 27. С. 172–178.

⁸ См. автобиографическую справку А. Н. Гиппиус: *Соболев А. Л.* Четвертая сестра. С. 237.

⁹ Подробнее см.: *Павлова М. М.* К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т. Н. Гиппиус). Статья 1 // Русская литература. 2017. № 3. С. 222–242.

¹⁰ Подробнее см.: Истории «новой» христианской любви. С. 402–403.

Ася (так ее звали в семейном кругу) вернулась в Николаевку. Сестры узнавали о ней через кузину Сою — Софью Александровну Клепинину (урожд. Степанова; 1973–1923), с которой та поддерживала тесные отношения.¹¹ Муж Сони Андрей Николаевич Клепинин (1871–1954) — архитектор, занимался строительством и благоустройством Минеральных Вод и их окрестностей;¹² после 1907 года работал в Одессе, куда переехала семья. Возможно, по этой причине Анна стремилась найти практику на юге, поблизости от родных,¹³ где подрастали ее племянники — Николай и Дмитрий,¹⁴ ко второму — младшему — она испытывала особую привязанность.¹⁵

Время от времени Анна наезжала в Петербург, однако дистанция между нею и сестрами не сокращалась. В августе 1913 года Т. Н. Гиппиус писала Д. В. Философовой в Эссендуки: «Вижу, что очень хорошо сделала, что так не пустила Асю на дачу. Очень к нам не подходит, к жизни, и все вы к ней. П<отому> ч<то> очень много, чтобы подверглось критике, и мне было бы ее жалко. Кроме того, она очень ни с чем „не считающаяся“ и везде ищущая личинки.¹⁶ Ей вовсе не надо дачи. Леса она не любит, травки тоже — поразительно равнодушна. Любит море. А о России говорит: с удовольствием бы эмигрировала. И не как-нибудь идейно, а просто ей нечего здесь любить. О Соне говорит как-то не так. Ничего нашего, глупые мы: по Асе вижу, что Зина нам вовсе не только сестра — и что самое главное и вовсе никогда не затирается. А ты нам кто? А Дмитрий? Ценить надо. Ценить».¹⁷

В 1914 году как действующий врач А. Н. Гиппиус могла быть мобилизована на фронт, но, видимо, это произошло позднее и по ее личному порыву — в 1917-м во время мобилизации, объявленной Временным правительством (тогда же и Н. Н. Гиппиус собиралась поступить в Женский батальон).¹⁸ 30 июня 1917 года Татьяна сообщала Мережковским: «Ася в Киеве. Пойдет в мобилизацию».¹⁹

Дальнейшая биография А. Н. Гиппиус (годы эмиграции) прослеживается, опять же отрывочно, по материалам, хранящимся в Амхерстском центре русской культуры

¹¹ Когда дети подросли, С. А. Клепинина основала в Одессе новаторскую школу, в которой поощряла творчество, сама преподавала Закон Божий; позднее была одной из первых мировых судей в Одессе, занималась социальной помощью в бедных одесских кварталах (подробнее см.: Материалы к жизнеописанию о. Дмитрия Клепинина // Вестник РХД. 2004. Т. 187. № 1. С. 36).

¹² См.: *Боглачев С. В., Савенко С. Н.* Архитектура старого Кисловодска. Пятигорск: Снег, 2006. С. 141–144.

¹³ По документам, А. Н. Гиппиус вплоть до начала войны работала в больнице Николаева Херсонской губернии, см.: *Соболев А. Л.* Четвертая сестра. С. 251.

¹⁴ Клепинин Николай Андреевич (1899–1941) — писатель, историк, с 1920 года в эмиграции (вместе с семьей), жил в Белграде, затем в Париже, работал в издательстве YMCA-Press, участвовал в евразийском движении, сблизился с С. Я. Эфроном; участвовал в деятельности «Союза возвращения на родину», в 1938 году вернулся в СССР; расстрелян в июне 1941 года (вместе с женой Ниной Николаевной и Эфроном), подробнее см.: Болшево: Литературный историко-краеведческий альманах. № 2 / Сост., подг. текста О. Ждановой, М. Фейнберг. М., 1992. Клепинин Дмитрий Андреевич (1904–1944) — с 1920 года в эмиграции (Константинополь, Югославия, Франция); в 1925–1929 годах учился в Свято-Сергиевском православном богословском институте в Париже, в 1937 году рукоположен, в 1939-м назначен настоятелем православного храма Покрова Пресвятой Богородицы в Париже. Во время немецкой оккупации спас сотни евреев, выдавая им справки о крещении и принадлежности к приходу. В феврале 1943 года был арестован и заточен в концентрационный лагерь Компьень, в декабре переведен в Дор — одно из подразделений Бухенвальда, умер 8 февраля 1944 года. В 2004 году прославлен в лике святых. См.: *Жизнь и житие священника Дмитрия Клепинина. 1904–1944* / Сост. Т. В. Викторова, Н. А. Струве. М., 2004.

¹⁵ См.: Материалы к жизнеописанию о. Дмитрия Клепинина. С. 34–37.

¹⁶ Здесь образно: ищущая болезнь, заразу.

¹⁷ РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 179. Л. 7 (письмо от 24 августа 1913 года, в этот день Мережковские выехали в Кисловодск).

¹⁸ *Павлова М. М.* «Вижу отсюда: буча из-за войны разгорается...». Из писем Т. Н. Гиппиус к З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковскому и Д. В. Философовой. Апрель–август 1917 г. // *Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика. Исследования и материалы*. М., 2013. С. 331–332 (запись от 13 июня 1917 года).

¹⁹ РНБ. Ф. 481. № 217. Л. 18 об.

(Массачусетс),²⁰ Библиотеке Иллинойского университета (Урбана-Шампейн)²¹ и Гуверовском институте.²² Этот рассредоточенный по разным архивам корпус бумаг А. Н. Гиппиус включает неопубликованные рукописи и биографические документы: тексты докладов религиозно-философского содержания «Интеллигенция, национальное чувство и Церковь» (1921) и «Католичество и православие» (1924), тетрадь «Мои мемуары» с заметками и литературными опытами (1902–1911), миниатюры в прозе, отосланные в газету «Последние новости» (факт публикации не выявлен);²³ военный дневник 1919 года, два письма к А. В. Карташеву из Константинополя и Белграда (1921), письма к З. Н. Гиппиус из Сербии и Франции (1922–1930); альбом с фотографиями «Memorabilia».

Наиболее ценной частью этого корпуса являются рукописи и письма, в которых А. Н. Гиппиус раскрывается с неожиданной стороны — как человек, причастный к религиозно-общественной деятельности, участница Русского студенческого христианского движения за границей, как «женщина высокого христианского качества, праведница»,²⁴ и тем самым обнаруживает глубокую духовную близость с сестрами.²⁵

Центральное место здесь занимают письма к З. Н. Гиппиус; их более 50, первое датировано 9 января 1922 года (из Белграда), последнее — 30 ноября 1930-го из Клозона (Франция). Обратные корреспонденции, очевидно, сохранились не в полном объеме. Т. Пахмусс опубликовала 11 писем, первое датировано 28 октября 1922-го, последнее — 12 августа 1941 года.²⁶ Возможно, недостающая часть переписки имеется в парижском семейном архиве Клепониных, где находится поздний дневник Анны Гиппиус.²⁷

Основные темы писем: поиски своего пути в эмиграции; самоопределение по отношению к Русской Зарубежной церкви (упоминаются иерархи: митрополит Антоний (Храповицкий),²⁸ епископ Вениамин (Федченков),²⁹ митрополит Анастасий

²⁰ Amherst College, Amherst Center for Russian Culture (USA). Zinaida Gippius and Dmitri Merezhkovsky Papers. Series 1. Box 2. Folder 9–15, 19. Далее сокращенно: Amherst.

²¹ The University of Illinois Archives. Temira Pachmuss and Vladimir Zlobin Collection. 1901–1996. Anna Hippus Papers. № 15/20/21. Box 5. Folder 1–5.

²² Hoover Institution Archives. Boris I. Nikolaevsky Collection. Box 637. Folder 33.

²³ Миниатюры (авторизованная машинопись): «Степан с Дона» («Полотер»), «Кофта», «Золотое дитё», «Богдановичева дырда», «Пудель», «Грехи», «Вопрос» (Ibid.).

²⁴ Слово митрополита Евлогия на собрании памяти о. Дмитрия Клепинина // Вестник РХД. 1993. № 168. С. 86. Евлогий подчеркивал, что А. Н. Гиппиус «имела большое духовное влияние на Дмитрия Клепинина» (Там же).

²⁵ Т. Н. и Н. Н. Гиппиус принадлежали к «катакомбной» или «иосифлянской» церкви, поведники которой не приняли декларацию митрополита Сергия (Страгородского) о лояльности по отношению к атеистической советской власти.

²⁶ См.: Письма З. Н. Гиппиус к сестре Анне. С. 263–276; Hippus's Letters to A. N. Hippus // *Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus* / Comp. by T. Pachmuss. München: Wilhelm Fink Verlag, 1972. P. 525.

²⁷ См.: Материалы к жизнеописанию о. Дмитрия Клепинина. С. 49 (в публикации использованы фрагменты дневника А. Н. Гиппиус, хранящегося в архиве Е. Д. Клепининой-Аржаковой, Париж).

²⁸ Антоний (Алексей Павлович Храповицкий, 1863–1936) — первоиерарх Русской православной церкви за границей (РПЦЗ); богослов, духовный писатель. В 1920 году в Крыму возглавлял Временное Высшее Церковное управление (ВВЦУ), с ноября 1920 года в эмиграции в Константинополе, с февраля 1921 года в Югославии; председатель Первого Русского Всеаграничного Церковного Собора в Сремских Карловцах (21 ноября — 2 декабря 1921). Собор высказался за восстановление в России монархии и обратился к мировым державам с призывом не признавать власти большевиков и помочь Белому движению. Подробнее см.: Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2001. Т. 2. С. 646–652 (автор статьи: Э. П. Р.).

²⁹ Вениамин (Иван Афанасьевич Федченков, 1882–1961) — епископ РПЦЗ, подвижник, миссионер, духовный писатель. С ноября 1920 года в эмиграции, в 1921 году — начальник Пастырских курсов в Константинополе, организатор собрания клириков и мирян (см.: *Зернов Н. М. За рубежом: Белград — Париж — Оксфорд (Хроника семьи Зерновых)* / Под ред. Н. М. и М. В. Зерновых. Paris: YMCA-Press, 1973. С. 17). Участвовал в подготовке Первого Всеаграничного Карловацкого Собора, поддерживал политику независимости Церкви от политических интересов,

(Грибановский),³⁰ митрополит Евлогий (Георгиевский)³¹ и др.); судьбы родственников на чужбине (Клепининых, Степановых и их детей: Николая, Дмитрия, Татьяны, Александра, Ирины³²) и оставшихся на родине — Татьяны и Натальи.

Отдельные корреспонденции содержат приходившие с оказией из России письма Татьяны и Натальи.³³ Анна переписывала их и отсылала Мережковским (в письмах Натальи эзоповым языком сообщается об аресте (1929) и пребывании Татьяны в Соловецком лагере³⁴). Появление в эмиграции литературного имени Анна Гиппиус, как явствует из переписки, связано, главным образом, с необходимостью автора заработать деньги, которые она отправляла в Россию сестрам (о чем сообщала в письмах к З. Гиппиус). Некоторые послания содержат стихи, в основном духовного содержания.

что привело к конфронтации с митрополитом Антонием (Храповицким) и монархически настроенными участниками Собора. С 1933 года экзарх Московской Патриархии в Америке, архиепископ Алеутский и Северо-Американский; с 1948 года в СССР, управлял различными кафедрами. Подробнее см.: Православная энциклопедия. Т. 7. С. 652–654 (автор статьи: А. К. Светозарский).

³⁰ Анастасий (Александр Алексеевич Грибановский, 1873–1965) — епископ РПЦЗ, митрополит Восточноамериканский и Нью-Йоркский; второй, после митрополита Антония, председатель Архиерейского Синода РПЦЗ. В октябре 1920 года ВВЦУ Юго-Востока России был назначен управляющим русскими приходами Константинопольского округа, в ноябре включен в состав ВВЦУ, заседания которого проходили в Константинополе, и избран заместителем митрополита Антония (Храповицкого). В апреле 1921 года был направлен в Иерусалим для наблюдения за Русской духовной миссией; в апреле 1922-го избран председателем Русского комитета в Турции. На Первом Всеамериканском Соборе в Сремских Карловцах в числе других членов Собора сделал письменное заявление, оценившее постановку вопроса о монархии как «не подлежащую обсуждению церковным Собором ввиду ее политического характера». С 13 сентября 1922 года вошел в созданный Архиерейским Собором временный Архиерейский Синод (вне юрисдикции Московского Патриархата). Подробнее см.: Православная энциклопедия. Т. 2. С. 237–239 (автор статьи: прот. Владислав (Цыпин)).

³¹ Евлогий (Василий Семенович Георгиевский, 1868–1946) — богослов, митрополит, с 1921 года — управляющий русскими православными приходами Московской патриархии в Западной Европе. На Первом Всеамериканском Соборе в Сремских Карловцах выступил против участия православной Церкви за рубежом в политической деятельности монархического толка и этим сумел привлечь широкие круги русской эмиграции. С 1922 года глава церковного управления в Париже, инициатор создания Православного Свято-Сергиевского богословского института, в 1925–1946 годах его ректор. В 1927 году в ответ на требование заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) согласился дать подписку о «лояльности» по отношению к советскому правительству, оговорив, что понимает под этим аполитичность, а не подчинение Советской власти. Позиция Евлогия вызвала негативную реакцию со стороны многих эмигрантов, в том числе З. Н. Гиппиус, см. ее письмо к В. Ф. Ходасевичу от 26 октября 1927 года: *Гиппиус З.* Письма к Берберовой и Ходасевичу / Ed. by E. Freiberger-Sheikholeslami. Ann Arbor: Ardis, 1978. С. 86). В 1931 году с частью приходов перешел в юрисдикцию Константинопольского Патриархата. Подробнее см.: Православная энциклопедия. Т. 17. С. 161–167 (авторы статьи: Т. А. Богданова, А. К. Клементьев, В. И. Косик). См. также: *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни [Воспоминания, изложенные по его рассказам Т. Манухиной]. М., 1994.

³² Степанов Александр Васильевич (1901–?) — сын В. А. Степанова, во время Гражданской войны служил в Севастополе на миноносце, с 1920 года в эмиграции в Константинополе, учился в Робертс-колледже, в 1921 году уехал в США (жил в Техасе). Ирина Васильевна Степанова (в замуж. Окунева; 1904–?) — с 1920 года в эмиграции в Константинополе, затем в Югославии (1921–1924), с 1924 года во Франции, впоследствии в США (Бостон). Активистка РСХД, секретарь русской штаб-квартиры YMCA в Париже. См. о них в воспоминаниях Д. А. Клепинина, приводимых в книге: *Жизнь и житие священника Дмитрия Клепинина.* С. 98–99.

³³ О судьбе Т. Н. и Н. Н. Гиппиус см.: *Филлипов Б.* Всплывшее в памяти. Рассказы. Очерки. Воспоминания. London, 1990. С. 253–259 (впервые: Новый журнал. 1988. № 171. С. 246–255); *Ковалев Б. Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. М., 2004. С. 379–380; *Мантейфель С.* Воспоминания о Татьяне Николаевне и Наталье Николаевне Гиппиус // Мантейфель С. Бегство из погони. Воспоминания, стихи. Великий Новгород, 2010. С. 108–147 (о послевоенном новгородском периоде; впервые: Чело (Великий Новгород). 2000. № 1. С. 38–47); *Белавская А. П.* Воспоминания о Т. Н. и Н. Н. Гиппиус / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год. СПб., 2012. С. 707–721.

³⁴ Т. Н. Гиппиус была арестована по делу кружка «Воскресение», руководимого А. А. Мейером, см.: «Дело А. А. Мейера» / Публ., подг. текста, вступ. заметка и прим. И. Флиге и А. Даниэля // Звезда. 2006. № 11. С. 157–207.

Мы сосредоточимся на дофранцузском периоде биографии Анны, то есть первом пятилетии после бегства из России, сведения о котором практически отсутствуют, за исключением упоминаний о ней В. В. Зеньковского³⁵ и Н. М. Зернова³⁶ в мемуарах о белградском религиозно-философском кружке, двух писем З. Н. Гиппиус, адресованных ей в Белград,³⁷ и других единичных источников.

Итак, в 1917 году А. Н. Гиппиус отправляется на фронт. Дальнейший ее путь прослеживается в дневнике 1919 года. Во время Гражданской войны она служила врачом в санитарном поезде Добровольческой армии в частях генерала А. И. Деникина. Дневник содержит по большей части отрывочные заметки, в которых она фиксирует маршрут и стоянки поезда: Звереве — Иловайская — Ростов-на-Дону — места сражений и, что несколько неожиданно, посещение церквей, с описанием богослужений. Пространственных заметок в дневнике немного, например, в записи от 20 апреля 1919 года приведено письмо В. А. Степанова³⁸ о сдаче союзниками Одессы: «А Вася пишет: проклятые подлые французишки предали Одессу и Крым. Просто и прямо предали большевикам со всеми имущественными запасами и людьми. Что происходило в 48 часов, когда французы бросились бежать из Одессы и победили большевики — описанию не подлежит. Наши сейчас хотели уезжать все. Метались целый день по порту в поисках парохода, измучились, истрадалились, <нрзб.> и со всеми тюрюками³⁹ вернулись домой. Команды бросили пароходы, потушили котлы, по большей части испортили машины».⁴⁰

В конце 1920 года вместе с отступавшими частями Белой армии А. Н. Гиппиус оказалась в Новороссийске, откуда эвакуировалась в Константинополь, где соединилась с Клепиниными и Степановыми.

Сохранившиеся письма к З. Н. Гиппиус свидетельствуют о пережитых Анной испытаниях и произошедшем с ней духовном перевороте. В январе 1922 года она писала сестре из Белграда, обнажая их старые «болячки» (она и прежде осуждала Мережковских за буржуазную респектабельность): «Книжку твою „Антихрист“⁴¹ я читала еще

³⁵ Зеньковский В. В. Из моей жизни: Воспоминания / Сост., подг. текста, вступ. статья и прим. О. Т. Ермишина. М., 2014. С. 34 (глава «Мое участие в Русском студенческом христианском движении»); специально посвящена истории РСХД).

³⁶ Зернов В. Белградский «Ковчег» и его обитатели // За рубежом: Белград — Париж — Оксфорд (Хроника семьи Зерновых). С. 93.

³⁷ *Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus / Comp. by T. Pachmuss*. P. 519–520 (письмо от 23 сентября 1923 года); Страницы из прошлого. С. 267 (письмо от 28 октября 1922 года).

³⁸ Степанов Василий Александрович (1872/1873–1920) — двоюродный брат сестер Гиппиус, горный инженер, видный деятель кадетской партии, депутат III и затем IV Государственной Думы; в марте–июле 1917 года товарищ министра торговли и промышленности Временного правительства; после ухода в отставку А. И. Коновалова, с 19 мая, управляющий министерством. Возглавлял военную комиссию ЦК партии кадетов; выступал за выход кадетов из Временного правительства, 8 июля подал в отставку (в знак протеста против решения о предоставлении Украине независимости); 3 октября был избран в Предпарламент; баллотировался во Всероссийское учредительное собрание от Псковской губернии. После прихода к власти большевиков активно участвовал в формировании в Петрограде офицерских отрядов, которые направлялись на Дон, занимался организацией системы финансирования Добровольческой армии; участвовал в работе Донского гражданского совета во главе с генералом М. В. Алексеевым. Был одним из основателей Правого центра, членом Союза возрождения России, входил в состав правления Национального центра. В 1918–1919 годах член Особого совещания при генерале А. И. Деникине. В феврале 1920 года эвакуировался из Новороссийска в Константинополь, затем переехал в Париж, где занимался организацией помощи войскам генерала П. Н. Врангеля. В мае 1920 года выехал в Крым для того, чтобы информировать генерала Врангеля о настроениях в политических кругах Франции. Скончался на пароходе, возвращаясь во Францию (см.: Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 593–594; автор статьи: М. Голостенев). См. также о нем: Серков А. И. Русское масонство 1731–2000: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 779–780.

³⁹ Тюрюки (обл.) — мешки, сумки.

⁴⁰ The University of Illinois Archives. Temira Pachmuss and Vladimir Zlobin Collection, 1901–1996: Anna Hippus Papers. № 15/20/21. Box 5. Folder 1.

⁴¹ Имеется в виду коллективный сборник: Мережковский Д. С. [Мережковский Д. С., Гиппиус З. Н., Философов Д. В., Злобин В. А.]. Царство Антихриста. Мюнхен: Drei Masken Verlag,

в Константинополе и потряслась на Дмитриевы рассуждения о Французской революции. И про Толстого какой бред!⁴² А Философ<овские> путевые заметки⁴³ позорное ничтожество. Я ему говорила, но он сказал, что это ты без его ведома напечатала. Брезгливые рассуждения барина из международного вагона о тяжести и духоте нормального во время революции вагонного путешествия. Кому это интересно и важно? Если ты не понимаешь, что это унижительно только для того, кто это пишет, то ты действительно ничего не пережила и ни на йоту не переменялась. И это очень страшно. Гораздо более нормально и менее удивительно перемениться в корне, когда вся ерунда спадает как шлуха и остается одно главное. Потому мы и не понимаем с тобой друг друга».⁴⁴

В Константинополе Анна поступила на Высшие Богословские курсы, устроенные Высшим Русским Церковным управлением за границей под руководством митрополита Антония. На курсах преподавали митрополит Анастасий, епископ Вениамин и другие видные деятели русской церкви.

В ноябре (11/24) 1921 года Анна писала А. В. Карташеву:⁴⁵ «Курсами я в общем довольна. Вместо Вениамина очень славный наш ректор о. Григорий Ломако.⁴⁶ Вы его наверное знаете. Мне он очень нравится и как человек, и читает недурно. К нему перешли предметы Вениамина: пастырское богословие, аскетика св. Отцов, свящ. Писание (Ветх<ий> и Нов<ый> Завет). Писала ему сочинение, заданное еще Вениамином, „Церковная жизнь первых христиан по Деяниям“».⁴⁷

1921; в 1922 году книга вышла вторым изданием. Сборник составили статьи, посвященные большевистскому перевороту и прогнозам о судьбе России: «Наш побег» (Д. В. Философов); «Крест и пентаграмма», «Л. Толстой и большевизм», «Записная книжка» (Д. С. Мережковский); «Тайна большевиков» (В. А. Злобин); здесь же были опубликованы заключительные части «Петербургского дневника» З. Н. Гиппиус (июнь 1919 — январь 1920) с предисловием «История моего дневника»: «Черная книжка» (впервые: Русская мысль (София). 1921. Кн. 1–2. С. 139–190; Кн. 3–4. С. 50–73; Последние известия (Ревель). 1921. 7 апр. № 78. С. 2–3); «Серый блокнот» (впервые: Русская мысль. 1921. № 3–4. С. 74–99).

⁴² В статье «Крест и пентаграмма» Мережковский утверждает религиозный смысл Французской революции («...в исходной точке Великой Революции Французской, был „трижды светящий свет“ Креста — Свобода, Равенство, Братство, — Пресвятая Троица в человечестве. В этом смысле прав Гегель, утверждая, что Французская революция есть „величайшее откровение христианства после Христа“») и безрелигиозный смысл русской (большевистской) революции («...наступила ночь Террора, бескредитного ужаса, длящаяся вплоть до наших дней, и взошла звезда кроваво-красная: свобода — насилие, равенство — рабство, братство — братоубийство; революция — реакция, какой еще мир не видал: от вселенской церкви — к вавилонской башне, от Третьего царства Духа — к Интернационалу Третьему. Имя этой реакции — русский большевизм») (Мережковский Д. С. Царство Антихриста. Статьи периода эмиграции / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. СПб., 2002. С. 198–199). В статье «Л. Толстой и большевизм» Мережковский ставит схоластический вопрос: с кем Толстой — с «белыми» или «красными» (Там же. С. 145–153).

⁴³ Речь идет о статье Д. В. Философова «Наш побег».

⁴⁴ Amherst. Series 1. Box 2. Folder 9 (письмо от 9 января 1922 года).

⁴⁵ Карташев Антон Владимирович (1875–1960) — выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии, приват-доцент кафедры истории Русской церкви (1899–1905), церковный публицист, профессор и заведующий кафедрой истории религии и церкви на Бестужевских курсах (1906–1918); многие годы провел под одной крышей с Т. Н. и Н. Н. Гиппиус как ближайший друг семьи (член младшего «троебратства» неохристианской общины Мережковских); в 1912–1917 годах председатель Религиозно-философского общества в Санкт-Петербурге (Петрограде); в первых составах Временного правительства товарищ обер-прокурора Синода, в июле 1917 года назначен обер-прокурором, в августе — главой Министерства исповеданий Временного правительства; участвовал в подготовке Поместного Собора РПЦ (1917). Летом 1918 года работал в подпольной политической организации в Москве; в январе 1919-го бежал в Финляндию; участвовал в Белом движении. С 1920 года во Франции, в 1924–1940 годах председатель Русского национального комитета (РНК), в 1926–1931 годах редактор журнала «Борьба за Россию» (орган РНК); один из организаторов РСХД; один из основателей и профессор Православного Свято-Сергиевского богословского института в Париже (1925–1960).

⁴⁶ Ломако Григорий Петрович (1881–1959, Париж) — протопресвитер Православной Церкви, благочинный приходов юга Франции, член Епархиального совета Русского Экзархата Константинопольской Патриархии, декан Свято-Тихоновской духовной семинарии в США.

⁴⁷ Amherst. Series 5. Box 8. Folder 4.

В этом же письме она делится впечатлениями о профессорах и лекциях (например: «Ильин психология, философия и основы социальных учений — бездарно. Нагораживает миллионы ненужных заковыристых слов и не хочется засорять себе мозгов, добираться до смысла, что ему нужно выразить. Вениамин всегда сидел возле него в религиозном кружке и переводил его мысли „своими словами“»⁴⁸); сообщает, что параллельно посещает католическо-иезуитские курсы Станислава Тышкевича,⁴⁹ знакомится с жизнью католических орденов: «Ходили мы с ним в больницы и приюты католические (там и русских приняли нес<колько> человек. Сильное впечатление оставил приют для стариков конгрегации „Petites Soeurs des pauvres“.⁵⁰ Какие они милые, сияющие, действительно овеянные Благодатью Христовой. Если б этих сестричек не видела собственными глазами, книжка, которую мне дал Тышкевич, показала бы мне тенденциозно-сентиментальной, а теперь все приобретает другой смысл. И только подумать — 40 миллионов людей работают в орденах, которых число доходит до 26 тысяч. А мы что!? И одного ордена не имеем. Мне страшно хочется работать в орденах, но только не в качестве „добровольцы“, а „regulares“, т. е. быть по-настоящему действительным и активным членом. Конечно, Тышкевич преувеличивает хорошие стороны католичества, но у нас наоборот, преувеличивают дурные. Истина где-нибудь посередине. А затем это чуранье от католиков, боязнь их силы, это что же — расписка в своей собственной несостоятельности? „Как, вы ходите к католикам?“ — удивлялся Ломако, когда я ему рассказала, — „да ведь они еретики! Он <Тышкевич. — М. П.> же вас совратит!“ Но я ему возразила, что все-таки лучшего о себе мнения, чем он. А Анастасий наоборот очень интересуется моим впечатлением о католиках. А к своим курсам отнесся очень недоброжелательно (какие же это пастырские курсы!), и они совершенно бы погибли, если б не Ломако».⁵¹

Помимо богословских курсов, А. Н. Гиппиус участвует в собраниях молодежного религиозно-философского кружка, членами которого были ее племянники Николай, Дмитрий и Ирина. Судя по всему, именно в Константинополе зародился будущий «Ковчег» — белградский религиозно-философский кружок (1921–1925), из которого вышли организаторы и руководители экуменического движения — РСХД, прежде всего, Н. М. Зернов и его сестры.⁵²

На публичном собрании, устроенном Константинопольским кружком 14 сентября 1921 года, Анна читала доклад «Интеллигенция, национальное чувство и Церковь», который был подготовлен ею под руководством епископа Вениамина. Злободневная тема вызвала бурную реакцию оппонентов.

⁴⁸ Ильин Владимир Николаевич (1891–1974) — философ, богослов, литературный и музыкальный критик. В эмиграции с 1919 года: в Константинополе, Белграде (с 1922-го), преподавал логику и психологию в различных учебных заведениях; с 1925 года в Берлине на теологическом факультете.

⁴⁹ Тышкевич Станислав Михайлович (польск. Stanislas Tyszkiewicz; 1887–1962) — граф, католический священник (рукоположен в 1915 году), иезуит, автор многочисленных книг и статей на русском языке, участник Русского апостолата в зарубежье. В 1919 году сопровождал ватиканскую миссию, которая направлялась в Грузию, но из-за политических катаклизмов была вынуждена остаться в Константинополе, где участвовал в организации Миссии среди русских беженцев, в работе школы-интерната св. Георгия для русских мальчиков-эмигрантов. С 1923 года во Франции (в Париже издавал русское католическое обозрение «Вера и Родина» и др.); с 1937 года в Риме, преподавал в Папском Григорианском университете, в 1937 году перешел из латинского в славяно-византийский обряд.

⁵⁰ «Маленькие сестры бедных» (*фр.*).

⁵¹ Amherst. Series 5. Box 8. Folder 4.

⁵² Зернов Николай Михайлович (1898–1980) — богослов, философ, исследователь православной культуры, общественный деятель русской эмиграции, лидер РСХД. С 1920 года в эмиграции в Константинополе, Белграде (1921–1924), Париже (с 1925-го), Лондоне (с 1934-го). Читал лекции по сравнительному богословию в Свято-Сергиевском богословском институте; был секретарем РСХД и первым редактором «Вестника РСХД» (совместно с И. А. Лаговским, 1925–1929). В Движении участвовали также его сестры София (1899–1972) и Мария (1902–1965) и жена Милица Владимировна Зернова (урожд. Лаврова; 1899–1894). См.: За рубежом: Белград — Париж — Оксфорд (Хроника семьи Зерновых) (по указ.).

О своем выступлении она писала Карташеву: «Соня <С. А. Клепинина. — М. П.> неодобрительно отнеслась к моему докладу — „Зачем ты душу свою выворотила, о своем предательстве рассказала беспощадно. Я бы не могла этого сделать“. Так уж время значит такое подошло, чтоб публично выворотиться, покаяться. А оппоненты мои были таковы, что Вениамин мне все время шептал: „Не обращайтесь внимания. Ну что они ломаются в открытые двери“ и т. д. Ничего, это я для себя сделала. Было тяжело, а теперь прошло».⁵³

Текст доклада заслуживает внимания не только как факт биографии А. Н. Гиппиус, который, несомненно, можно отнести к наиболее значительным событиям ее константинопольского периода, но и как выразительный документ времени. В письме к Карташеву она поясняет основную идею доклада: «Здесь я описываю весь путь, кот<орый> я проделала от пораженчества к Церкви через обострившееся национальное самолюбие. Когда немцы вступили в Киев среди торжества малиновых поляков и желто-голубых украинцев — мы кинулись по магазинам в поисках несчастной 3-цветной ленточки. И вот совершенно непостижимо, но тем не менее вполне реально Россия уплыла из-под наших ног. Мы очутились в чуждой и враждебной украинско-польской стране, где радостно приветствовались „друзья“ — немцы. Что же случилось? Почему такая жуткая боль в сердце, откуда она. Ведь вот же сбылась пораженческая мечта. Вот она заграница пришла к нам, почему же не радуемся мы, и даже те, кто был доволен приходом немцев, как концу обстрелов и грабежей, формулировали свое состояние так: „шкура радуется, а душа болит“. А боль эта значила очень многое. Значила она, что не совсем еще умерла кровная связь с Россией, кровная связь с матерью. И как кидается человек за мать, когда она уходит от него, так и мы кинулись за Россией. Инстинктивно потянуло на тот территориально ничтожный клочок русской земли, кот<орый> еще уцелел в виде оазиса среди озлобленных и чуждых народностей — в Церковь».⁵⁴

Своему автобиографическому опусу Анна придавала катарсическое значение, и потому, видимо в надежде на сопереживание и отклик, послала его Мережковским. Ответ неизвестен, но, судя по реакции на него Анны в следующем письме, они не поддержали ее призыв к покаянию. Подобная реакция была вполне ожидаемой, так как Мережковские с самого начала войны открыто заявляли о своей «пораженческой» позиции.⁵⁵ 25 января 1922 года Анна писала сестре: «В общем, мы говорим об одном и том же, раз „счастье наше, что есть среди бушующего океана крепкая доска Церковь..... и что связь с Россией только в связи с Церковью“.⁵⁶ <...> А о покаянии, само собой разумеется, что у каждого покаяние свое. Только каялась я совсем не в том, что войны не хотела (а что, дескать, нужно было хотеть), а в том, что хотела уничтожить Россию как Россию, хотела, чтоб была „заграничка“, хотела, чтобы старенькая мамочка стала не мамочка, а была бы молодая расфуфыренная дрянь. Разве это не ясно. А пораженчество это только выражение всего этого. А сущность вот такая. А тебе хоть бы и до твоего покаяния очень далеко. Ужасно в тебе гордыни много, всех критикуешь, а вот ты все знала, все предвидела, все понимала всегда. Так ли это? Что-то уж очень неблагоприятно с внутренним равновесием».⁵⁷

⁵³ Amherst. Series 5. Box 8. Folder 4.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ 26 октября 1914 года на заседании петроградского Религиозно-философского общества Д. С. Мережковский сделал доклад «О религиозной лжи национализма» (см.: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). История в материалах и документах: В 3 т. М., 2009. Т. 3. С. 9–29; опубли.: Голос жизни. 1914. № 4. С. 22–24); З. Н. Гиппиус на заседании 9 ноября 1914 года прочитала антивоенный доклад «История в христианстве» (см.: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). Т. 3. С. 33–45; впервые опубли. под заглавием «Великий путь»: Голос жизни. 1914. № 7. С. 13–17). С декабрьского номера (№ 11) за 1914 год «Голос жизни» стал выходить при ближайшем участии Д. В. Философова и Мережковских. Подробнее см.: Козьменко М. В. Полузабытый «Голос жизни» — «пораженческий» еженедельник // Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика. Исследования и материалы. М., 2013. С. 476–487.

⁵⁶ Возможно, цитата из недошедшего до нас письма З. Н. Гиппиус к А. Н. Гиппиус.

⁵⁷ Amherst. Series 1. Box 2. Folder 10.

Осенью 1921 года А. Н. Гиппиус, Клепинины и Степановы получили сербские визы⁵⁸ и покинули Константинополь (Александр Степанов тогда же уехал в США), на Босфоре они оставили дорогую могилу. В. А. Степанов был погребен на константинопольском греческом кладбище. В письме от 21 октября 1923 года Анна рассказывала Мережковским: «С Васиной могилой тоже большой кошмар. У греков правило давать покойнику лежать только 3 года. А после перекадывают кости в сундучок и хранят в общем склепе, как бы в складе для хранения вещей. Родственники, приходящие служить панихиду, берут ящики, несут в Церковь, служат, а потом обратно кладут. У кого же родных нет, кости кладут кучками прямо под открытым небом. Я сама сколько раз видела. Андрей <Клепинин. — М. П.> дал Васины деньги, чтоб оставить могилу еще на 3 года, но они отказались взять. А после в Рус<ском> общ<естве> и вовсе украли эти деньги. Это бы еще ничего было в сундучок положить — можно, так и перевезти легче, но дело в том, что в западных гробах тления никакого нет, а только все превращается в жидкость. И что будет теперь, не знаю».⁵⁹

В начале 1920-х годов Югославия стала центром православной жизни, здесь сосредоточилось большое число русских беженцев, в феврале 1921 года в Сремские Карловцы переехало из Константинополя Временное Высшее Церковное управление.

В Белграде Анна обосновалась на Сеньяке⁶⁰ вместе с Клепиниными и Зерновыми (Николаем, Владимиром, Марией и Софией), поступившими в Белградский университет.⁶¹ В. Зернов вспоминал: «Первый год нашей жизни в Сербии был труден. <...> Нам удалось найти домик на окраине города, состоявший из четырех маленьких комнат. Их единственный комфорт были дымящие железные печки. Наружная дверь выходила прямо на двор, так же как и окна, плохо закрывалась. Во время снегопада или сильного дождя вода заливала комнаты. У нас не было ни проведенной воды, ни газа, ни электричества.

Кроме четверых, с нами поселились Николай Андреевич Клепинин с женою,⁶² его двоюродная сестра Ирина Васильевна Степанова, Игорь Иванович Троянов и Мария Константиновна Львова.⁶³ Мы звали наш домик „Ковчегом“ из-за многочисленных знакомых, часто просивших у нас временного пристанища. У нас постоянно кто-то ночевал, кто-то делил нашу трапезу. Предоставить мы могли лишь матрас на полу и чай с хлебом и фасолью на ужин»; «Анна Николаевна Гиппиус <...> сочинила шуточную поэму, описывающую жизнь Ковчеха и характеристики его обитателей. Начиналась она следующими словами:

В Белграде на Сеньяке сырая есть халупа.
Живет бедно, но дружно в ней молодежи группа.
Здесь, как в ковчеге, тесно и, как в ковчеге, парно,
И даже, как в ковчеге, все делятся по-парно.

⁵⁸ В письме к З. Н. Гиппиус от 21 октября 1923 года А. Н. Гиппиус сообщила: «Из Конст<антинополя> я приехала по Голландскому паспорту, какие паспорта выдавали беженцам одно время» (Ibid. Folder 11).

⁵⁹ Amherst. Series 1. Box 2. Folder 11.

⁶⁰ Сеньяк (Senjak) — один из трех муниципальных районов в центре Белграда, в котором аристократические виллы, особняки и дипломатические резиденции, расположенные на вершине и склонах холма, соседствовали с ветхими неблагоустроенными постройками для рабочих у подножия.

⁶¹ Николай и Мария поступили учиться на богословский, София на философский, Владимир на медицинский факультеты Белградского университета.

⁶² Антонина (Нина) Николаевна Клепинина (урожд. Насонова; 1894–1941).

⁶³ Игорь Иванович Троянов (1900–1970) учился на богословском факультете Белградского университета, с 1924 года — чтец Свято-Троицкой церкви в Белграде; после войны жил в Швейцарии, в 1945 году рукоположен в священники, настоятель Русской церкви в Вевей и Лозанне. Львова Мария Константиновна — жена Петра Сергеевича Лопухина (1885–1962; в 1926 году Лопухин окончил богословский факультет Белградского университета; в 1931–1944 годах помощник заведующего канцелярией Архиерейского Синода РПЦЗ, с 1945 года жил во Франции (председатель общества «Православное дело»)).

Кончалась поэма так:

Когда Ковчег сеньякский в Россию доплывет,
Своих друзей белградских он нежно вспомянет».⁶⁴

Между тем бытовые условия в «Ковчеге» были, действительно, удручающими, 17 февраля 1922 года Анна писала Мережковским: «Пришла Соня <С. А. Клепинина. — М. П.> и влезла в окно. Хозяева завалились рано и через них ходить нельзя. Клозет во дворе, и тоже через окно лезем. Вот он сербский комфорт».⁶⁵

А. Н. Гиппиус была как минимум вдвое старше своих племянников и их товарищей — обитателей «Ковчеха», объединившихся в братство св. Серафима, однако это не мешало ей увлеченно заниматься волновавшими их вопросами аскетике и молитвы, историей церкви и православной культурой в целом. Руководил кружком В. В. Зеньковский,⁶⁶ преподававший на богословском факультете Белградского университета.

«Если мне память не изменяет, — вспоминал Зеньковский, — там было без меня 6–8 человек (иногда, впрочем, было и до 20): трое Зерновых (Коля, Соня, Маня), Афанасьев,⁶⁷ Терещенко,⁶⁸ Расторгуев,⁶⁹ Гога Троянов, Клепинин Дима и его брат Дода (иногда и его жена Наташа),⁷⁰ Анна Николаевна Гиппиус, Ирина Васильевна Степанова (Окунева), Ася Оболенская,⁷¹ Ольга Веригина⁷² и другие. Верных, постоянных членов в кружке было всего 7–8. Это была весна кружка, самая ранняя и самая важная по существу его стадия. Прежде всего все они были *православные*, строго и вдохновенно церковные, и у всех было одно и то же стремление — исходить во всем — и в жизни и в мысли — от Церкви. Едва ли формула „оцерковление жизни“ была в ходу в этот период, но по существу именно она была руководящей. Говорили мы решительно на все темы и всегда сходились на том, что в свете Православия, в свете Церкви все вопросы получают свое верное и исключительно глубокое решение».⁷³

Неудивительно, что переписка А. Н. с З. Н. Гиппиус начинается с вопроса об отношении к Православной Церкви. 9 января 1922 года Анна писала сестре: «Я по край-

⁶⁴ Зернов В. Белградский «Ковчег» и его обитатели. С. 93–94.

⁶⁵ Amherst. Series 1. Box 2. Folder 10.

⁶⁶ Зеньковский Василий Васильевич (1881–1962) — философ, богослов, педагог; с 1920 года в эмиграции; в 1927–1962 годах — профессор Свято-Сергиевского богословского института в Париже. См.: *Зеньковский В. В. Из моей жизни: Воспоминания*. С. 38–44 (глава «Мое участие в Русском студенческом христианском движении»).

⁶⁷ Афанасьев Николай Николаевич (1893–1966) — богослов, историк Церкви; с 1920 года в эмиграции; в 1925 году окончил богословский факультет Белградского университета; с 1930 года жил во Франции, доцент Свято-Троицкого православного богословского института в Париже; в 1940 году рукоположен в священники. Автор книг «Трапеза Господня» (1953), «Значение мирян в жизни Церкви» (1955), «Церковь Духа Святого» (1971). Друг Н. М. Зернова, см. о нем: За рубежом: Белград — Париж — Оксфорд (Хроника семьи Зерновых). С. 26.

⁶⁸ Терещенко Николай Михайлович (1895–1954) — ближайший товарищ Н. М. Зернова, см.: «...он был весь какой-то круглый, теплый, любил Владимира Соловьева и Розанова, увлекался мистикой и вопросами пола. В нем было мало церковности, но он обладал глубокой религиозной интуицией и был хорошим психолог. Его исследования эротике ранней юности были настолько оригинальны, что он получил приглашение работать в этой области в Оксфорде» (Там же. С. 25).

⁶⁹ Расторгуев Иосиф Петрович — религиозно-общественный деятель, в эмиграции в Югославии, затем в Англии (см.: *Зеньковский В. В. Из моей жизни: Воспоминания*. С. 385; сведения О. Т. Ермишина).

⁷⁰ Дода — домашнее имя Н. А. Клепинина; имеется в виду его жена Нина Николаевна.

⁷¹ Оболенская Александра Владимировна, княжна (в монашестве Бландина; 1897–1974) — церковно-общественный деятель. С 1920 года в эмиграции в Югославии, затем во Франции, член РСХД; с 1936 года монахиня общины Музен-ле-Гран, одна из основательниц Покровского монастыря в Бюсси-ан-От (Там же. С. 386; сведения О. Т. Ермишина).

⁷² Веригина-Можайская Ольга Михайловна (1903–1997) — церковно-общественный деятель. С 1920 года в эмиграции в Югославии, с 1924 года во Франции, активистка РСХД (Там же; сведения О. Т. Ермишина).

⁷³ *Зеньковский В. В. Из моей жизни: Воспоминания*. С. 40.

ней мере совершенно не понимаю, в какой Церкви ты была все это время? Что это за Церковь и где она теперь существует. И где существовала? Какая-то отвлеченная Вселенская Церковь с признанием догматов, но без признания культа и иерархии. И, значит, с отметанием всей церковной истории и эволюции? Напиши мне, пожалуйста, яснее. Я абсолютно ничего не понимаю. Я всегда считала вас *вне* православной Церкви реально-существующей, да и я принадлежала до последнего времени к ней совершенно формально. Я помню, какие горячие споры были у вас с Антоном из-за патриарха.⁷⁴ А уж если хочешь, то патриарх есть первая ступень к вселенскости, первая ступень той лестницы, по которой очень далеко подвинулось католичество в папстве. Или по-твоему Синод должен быть вселенским или может быть совдеп из священников? Или совдеп из мирян должен управляться Церковью? Для меня это все вопросы и вопросы. То есть как надо, это я знаю, а как ты думаешь, не знаю».⁷⁵

Вопрошания о церкви Анна продолжает в следующих письмах. 24 января 1922 года: «Теперь о твоих вопросах. Прежде всего ты задаешь мне вопросы, а сама на мой очень важный — в какой ты Церкви всегда была — не отвечаешь. Церковь есть конечно учреждение в формах времени, национальности и истории, что составляет ее изменяемую часть, содержащее вечное неизменяемое — Божественную Благодать. Благодать в чистом виде, без сосуда, можно, конечно, воображать, но это будет не Церковь. А наша православная Церковь, она, кроме совокупности Благодати в разные времена (и в явлениях и в людях) имеет совокупность многих внешних явлений, которые составляют неразрывно с нею связанную ее историю. Мы живем во времени и пространстве, и Церковь нами должна тоже сознаваться таковой. Иначе будет просто метафизика, христианская идея без воплощения <...> нельзя игнорировать православие, хотя бы теперь, когда из него столько людей черпают как из источника воды живой, нельзя игнорировать Тихона,⁷⁶ когда он стал краеугольным камнем. Антония никто не защищает, и в Карловцах все духовенство было против. Но что он очень умный и прозорливый человек, хотя и несимпатичный, этого от него отнять нельзя».⁷⁷

25 января 1922 года: «Теперь мне хочется сказать то впечатление, какое на меня всегда производили вы с Дмитрием. У вас была „сфера“, которая была только ваша, и в которую втягивались все, кто был для вас приемлем. Немножко ершиться, как Дима <Д. В. Философов. — М. П.>, это позволялось. Глаза ваши были обращены на Бога, Ему пелись ваши песни, курился ваш фимиам... И вот случился катастрофический хаос, все перевернулось и все ушли из пассивно-метафизически-эстетической

⁷⁴ Деятельность А. В. Карташева в период его министерства была направлена на подготовку Поместного Собора русской православной церкви (1917) и восстановление патриаршества. Позиция Мережковского по этому вопросу была сформулирована еще в годы Первой русской революции, в статье «Теперь или никогда. О церковном соборе» (1906), в которой он писал, что Петр Великий, отменив патриаршество, «сам того не сознавая и не желая, спас русскую церковь от величайшей опасности, которая ей угрожала со стороны ложно понятой религиозной культуры латинского Запада, от повторения в России <...> идей *цезаропапизма*, то есть непотребного антихристового смешения кесарева с Божьим, человекобожеского с богочеловеческим» (*Мережковский Д. С.* Теперь или никогда. О церковном соборе. СПб.: Свободная совесть, 1906. С. 9–10).

⁷⁵ Amherst. Box 2. Folder 10.

⁷⁶ Тихон (Василий Иванович Беллавин; 1865–1925) — с 21 ноября (4 декабря) 1917 года патриарх Московский и всея России, первый после восстановления патриаршества; в 1981 году канонизирован в лике исповедников со включением в Собор новомучеников Архиерейским Собором РПЦЗ, в 1989 году прославлен Архиерейским Собором РПЦ. Возвращением 19 января 1918 года и в «Обращении к Совету Народных Комиссаров» от 13/26 октября патриарх анафемствовал власть большевиков. В марте 1922 года был заключен под домашний арест и привлечен к суду как причастный к контрреволюционному заговору. В красной печати началась травля патриарха, Обновленческий собор (1923) принял решение о лишении его сана. В апреле 1923 года патриарх Тихон был заключен во внутреннюю тюрьму ГПУ, где подвергался допросам. Освобожден после заявления, в котором свидетельствовал раскаяние в «поступках против государственного строя» и просил изменить меру пресечения. События освещались в зарубежной печати. Подробнее см.: *Вострышев М. И.* Патриарх Тихон. 3-е изд. М., 2004.

⁷⁷ Amherst. Box 2. Folder 10. Речь идет о церковном расколе, произошедшем на Соборе в Сремских Карловцах (1921).

религиозности в жизнь, в <спорт?>, может не в действие, а в судороги действий, но ушли. Ты ничего не понимаешь и стоишь, грустно и удивленно смотря на это, и говоришь: „Ведь Бог же остался на месте, где же они все? Надо же иметь очи отверсты и уши, чтоб слышать!“ Раз такой факт, значит же не то что-то было, ну не вполне то. А ты не хочешь этого признать, нет у тебя сил взглянуть со стороны, и ты объясняешь по-своему. У меня все благополучно, а вот они все взбесились, все с ума сошли. Да пойми же ты, наконец, что пора и тебе выйти из „своего“ (не от Христа, не от Бога, а от твоего Христа субъективного) и пойти к тем, кто ушел от тебя. Смирись, и войди в Церковь, как вошел социалист Наживин и какие замечательные строки написал о Церкви в своих „Записках о революции“.⁷⁸ Говорю и чувствую свое полное бессилие! Ничего тебя не проймет, слаб мой голос, и глухи твои уши. Говорю и кричу из последних сил, потому что не могу этого не делать, но знаю, что все тщетно. Почему Дима все понимает, а ты можешь, но не хочешь спуститься со своего Трона и признать свои заблуждения. Ты не можешь заблуждаться. Правда? Да, конечно, смирение не мантия, в которую можно красиво задрапироваться, а живая ободранная душа, и как больно иногда бывает».⁷⁹

Споры сестер о сути христианской веры и православной церкви продолжались не один год, свое отношение к позиции Анны старшая Гиппиус кратко определила в письме к Е. М. Лопатиной:⁸⁰ «Она не столько христианка, сколько клерикалка».⁸¹

Одна из постоянных тем корреспонденций — поиски работы при церкви или монастыре. В Белграде медицинская практика для врачей-эмигрантов была связана с административными ограничениями и препятствиями. Мережковские по мере сил поддерживали Анну денежными переводами, но этого не хватало. 17 февраля 1922 года она писала им: «Вот такое у меня в душе и мне хочется только одного — работать в ордене. Карташев заваривал какой-то православный орден, но ничего мне не пишет, когда я спрашиваю. Но я хочу не любительницей быть, а настоящим членом («regulares», как в католических — отречение от собственности и своей воли). У меня даже иногда является мысль поступить в католический госпитальный орден и работать там по своей специальности для Бога. Хочу написать своему иезуиту Тышкевичу. Может и ты что-нибудь узнаешь, тогда напиши, пожалуйста. Можно ли поступить на испытания (а там ведь всех испытывают), не принимая католичества. Может это в будущем и для православия пригодится».⁸²

К этому времени Анне удалось найти место окружного лекаря в деревне Хайдучица, в том же письме (17 февраля 1922 года) она сообщала сестре: «Географически это так — из Белграда по Дунаю до Панчева. Из Панчева по железной дороге до бывшей Венгрии на город Вршац, и оттуда станция Хайдучица. <...> Живут наполовину немцы, наполовину словенцы. Почти все говорят по-немецки. И я кувыркаюсь по-немец-

⁷⁸ Речь идет о книге Ивана Федоровича Наживина (1874–1940) «Записки о революции» (Вена: Русь, 1921), в главе IX автор пишет о возвращении в Церковь интеллигенции, о красоте православной службы, силе молитвы, о живущей в народе жажде чуда, о многотысячных крестных ходах, «которые поднимаются в это тяжелое время по градам и весям российским» (*Наживин И. Ф. Записки о революции*. Вена: Русь, 1921. С. 113).

⁷⁹ Amherst. Series 1. Box 2. Folder 10.

⁸⁰ Лопатина Екатерина Михайловна (псевд. К. Ельцова; 1865–1935) — сестра философа Л. М. Лопатина, писательница, с 1917 года в эмиграции; приятельница и адресат З. Н. Гиппиус и И. А. Бунина, см.: *Пахмусс Т.* Из архива Зинаиды Николаевны Гиппиус. Письма к Е. М. Лопатиной и О. Л. Еремеевой // Вестник РХД. 1980. № 132. С. 268–305; 1981. № 133. С. 257–292; *Гиппиус З. Н.* Своими путями (О Е. М. Лопатиной) // Гиппиус З. Н. Неизвестная проза: В 3 т. / Сост., вступ. статья, комм. А. Н. Николюкина. М., 2003. Т. 3. С. 503–507; впервые: *Современные записки* (Париж). 1935. № 59 (ноябрь). С. 459–462. См. также: *Двинятина Т. М.* И. А. Бунин и Е. М. Лопатина (по материалам Рукописного отдела Пушкинского Дома и Русского архива в Лидсе) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018–2019 годы. СПб., 2019. С. 27–43.

⁸¹ *Пахмусс Т.* Из архива Зинаиды Николаевны Гиппиус. Письма к Е. М. Лопатиной и О. Л. Еремеевой // Вестник РХД. 1981. № 133. С. 288 (письмо к Е. М. Лопатиной от 29 августа 1935 года).

⁸² Amherst. Series 1. Box 2. Folder 10.

ки. Иногда выходит, а иногда ни черта. Понимаю очень плохо, не привыкли уши. В Константинополе только французский был в ходу, а немцам даже и жить там не позволяют. Церковь — лютеранская кирха с органом, голыми стенами и орущим на скамьях народом! Какая безблагодатная пустыня это лютеранство, и как знаменательно, что оно носит имя не Христа, а Лютера».⁸³

В деревне Анна провела около двух лет. Все это время она не чувствовала себя отлученной от «Ковчега» («Чаще других мне пишет Зеньковский. Мы с ним познакомились по поводу того, что Соня переписала мое „Об орденах“, которое я тебе посылаю, и дала ему прочитать»)⁸⁴

Письма из Хайдучицы 1922–1924 годов полны колоритных рассказов об эмигрантских буднях. Помимо тяжелых бытовых условий и непосильной фельдшерской нагрузки, многие месяцы не выплачивали зарплату, в результате Анна заболела и была вынуждена вернуться в Белград.

В письме от 28 июля 1923 года она живописала: «В Бел<граде> со мной случился очень неприятный инцидент, о кот<ором> прямо даже противно рассказывать. После болезни пошла в баню без паспорта. На улице подошел жандарм и как беспаспортную повел в участок. Там записали все, что я сказала про себя, и повели в другой участок. Здесь жандарм меня толчками загнал в камеру с проститутками и еще по лицу ударил. На все мои просьбы телефонировать в посольство или передать мое письмо только издевался. Не знаю, через сколько времени дверь отворилась и проститутки пошли гулять. Меня одна научила пойти в канцелярию. Оттуда меня повели куда-то наверх и наконец отправили к чиновнику по русским делам (ужасная дрянь). После долгих фырканий дал мне сыщика, и я с ним пошла домой за документами и опять в Управу, и еще на другой день... На руке громадный синяк... Жаловаться, но разве русские могут жаловаться?! Я пробовала несколько раз, но нам *не* верят. И кто свидетель? Проститутки?? В Сербии так, а где лучше?»⁸⁵

Мережковские хотели предать случившееся гласности, Анна ответила отказом: «Твое возмущение по поводу моего инцидента понятно, но непонятно желание огласить. Дима прав был, когда говорил, что вы с Дмит<рием> остались в „прежних“ масштабах. Если б я хотела дать делу законный ход (а я первое время хотела), т. е. жалобу подать по началству с приложением медицинского свидетельства (на руке был гигантский синяк), то, *кроме унижения* для меня самой, ровно бы ничего не вышло. Начали бы следствие. А где свидетели? Проститутки, которые одни это видели и хохотали? Да пока бы дело разбиралось, их бы там может и не стало бы больше. <...> Разве можем мы сербам жаловаться на сербов (они большие националисты и это к их чести). Ну а почему же не огласить? Где? Во Франции? Обращаются к общественному мнению, *когда его уважают*. А если общественное мнение может молчать, когда в России людоедство, реки крови, пытки патриарха....!⁸⁶ Масштабы другие, Зина, а ты хочешь идти от прежней печки. Молчать? Да молчать, но не от трусости, помни это, а только *от презрения и от гордости*. Если ты этого не поймешь, то поверь на слово. А понять тебе, конечно, трудно. Твоя жизнь уменьшилась в количественном, а не в качественном отношении, как наша. Ты живешь в хорошей теплой квартире, имеешь прислугу, едешь на дачу... Все как прежде, только денег сравнительно меньше. А у нас все перевернулось, раз в Конст<антинополе> Соня стояла за стойкой и наливала водку, а я разносила ее по столам... Раз я днем бегала по жидам продавала сукно, а ночью лепила пельмени для ресторана...»⁸⁷

В продолжение всего сербского периода А. Н. Гиппиус не оставляла надежды получить работу при Церкви, о чем неоднократно писала сестре: «В ордене хочу работать только *как врач*, и при том специалист. Думаю, что если вообще врачи-акушеры нужны, то *имеют же они право желать работать для Церкви* и в стенах Церкви. Если же

⁸³ Ibid.

⁸⁴ Ibid. Письмо от 8 декабря (25 ноября) 1922 года.

⁸⁵ Ibid. Folder 11.

⁸⁶ См. прим. 75.

⁸⁷ Ibid. Письмо от 22 июля 1923 года.

Церковь будет включать в себя одних монахов, постящихся и продающих свечи, и монахинь, вышивающих белье и бархатные туфли, то это не Единая Вселенская Апостольская Церковь».⁸⁸

23 сентября 1923 года старшая Гиппиус не без сарказма отвечала: «Сама я остаюсь при том мнении (и незыблемом), что ты никогда и ни при каком ордене или общине, ни католической, ни православной, акушеркой не устроишься, это противно всем данным реальным человеческим концепциям. Я даже не могу такого твоего желания никому высказать, ибо заранее вижу, как оно обречено на неуспех. Можно жалеть, по Розановски, что сестры общин не рожают детей (или в таких редких случаях, что при общинах не содержат специальную акушерку), можно надеяться, что это когда-нибудь изменится, но теперь это стоит иначе, и бесцельно желать получить несуществующее в природе вещей место».⁸⁹

Намереваясь работать в католическом ордене, Анна просила благословения у епископа Вениамина, в письме к Мережковским от 1 (14) сентября 1923 года она передала им его ответ: «Не благословляю! Если удастся православный (или нечто подобное), тогда идите с миром. А сейчас в католический — не ходить... „Передайте поклон Мережковским еще раз. Его слова, переданные через Вас (Церковь и мне мать), храню с любовью“. Самое интересное, что арх. Анастасий (в Константинополе) сказал совершенно обратное, именно: идите. И еще раньше, когда он приехал из Иерусалима,⁹⁰ говорил: „То, что Вы поступили на православные Богословские курсы, меня интересует гораздо меньше, чем то, что Вы на католических курсах“».⁹¹

Благодаря дружбе З. Н. Гиппиус с Е. М. Лопатиной⁹² Анне открылась возможность познакомиться с жизнью католического ордена в Камбре (Cambrai; город на севере Франции), где получили временный приют сестры бывшей московской (Николаевской) Общины, руководимой Лопатиной и ее ближайшей помощницей О. Л. Еремеевой.⁹³ В декабре 1923 года по их приглашению Анна впервые приехала в Камбре.⁹⁴ В письмах к Мережковским она рассказывала о своих впечатлениях, о католической службе, об отношении к укладу иезуитского ордена, который, судя по ее оценкам, не согласовывался с ее представлением об идеальной обители и идеальном братстве/сестринстве («Я сама чувствую, как я *неправославлена* у католиков <...> Самое для меня, пожалуй, было бы желаемое — это ехать в Россию к сестрам <Т. Н. и Н. Н. Гиппиус. — М. Л.> и там поступить в братство. Наверно, там уже давно они есть.⁹⁵ Но как это все исполнимо и для них как будет, совершенно не представляю»)⁹⁶

⁸⁸ Ibid. Письмо от 1 (14) сентября 1923 года. В Символе веры: Единая Святая Соборная и Апостольская Церковь.

⁸⁹ Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus. P. 519.

⁹⁰ См. прим. 29.

⁹¹ Amherst. Series 1. Box 2. Folder 11.

⁹² См.: *Пахмус Т.* Из архива Зинаиды Николаевны Гиппиус. Письма к Е. М. Лопатиной и О. Л. Еремеевой // Вестник РХД. 1980. № 132. С. 276. О католичестве как «последнем этапе жизни» Лопатиной пишет Гиппиус (см.: *Гиппиус З. Н.* Своими путями (О Е. М. Лопатиной) // Гиппиус З. Н. Неизвестная проза. Т. 3. С. 506); см. также: Русское зарубежье во Франции. 1919–2000. Биографический словарь: В 3 т. / Под общ. ред. Л. Мнухина. М., 2010. Т. 2. С. 77.

⁹³ Об общине Лопатиной и Еремеевой см.: *Гиппиус З. Н.* Своими путями (О Е. М. Лопатиной). С. 503–507; *Двигатина Т. М.* И. А. Бунин и Е. М. Лопатина (по материалам Рукописного отдела Пушкинского Дома и Русского архива в Лидсе). С. 27–29.

⁹⁴ Во второй раз А. Н. Гиппиус приезжала в Камбре в 1925 году; в 1928-м она вновь присоединилась к общине Е. М. Лопатиной и О. Л. Еремеевой, на сей раз в Шато де Клозон (Château de Clausonne), в местечке Биот (Biot), где в полуразрушенном замке они обустроили детский превенторий (санаторий) для больных детей (см.: Русский преванторий <так!> в Биоте // Возрождение (Париж). 1934. 8 июня. № 3292 (без подписи)). Как врач она могла быть полезной нуждавшимся в помощи детям, однако в Клозоне не осталась.

⁹⁵ О тайных православных братствах в России в 1920–1930-е годы и судьбах «братчиков» см. в книге: *Ильюнина Л. А.* Жертва Вечерняя. СПб., 2013. О погашенной Православной России в Париже см.: *Зернов Н. М.* Россия в Париже // Зернов Н. М. Закатные годы. Эпилог хроники семьи Зерновых. Paris: YMCA-Press, 1981. С. 30–34.

⁹⁶ Amherst. Series 1. Box 2. Folder 11. Письмо от 14 (27) декабря 1923 года.

Анна серьезно обдумывала свой дальнейший путь, о чем свидетельствует рукопись доклада «Католичество и Православие», работу над которым она начала в Хайдуцице (мобилизовав знания сравнительного богословия, полученные на константинопольских курсах) и закончила после поездки в орден (датировка автографа: июль 1924).⁹⁷ Текст был прочитан В. В. Зеньковским и, возможно, предназначался для обсуждения в Белградском религиозно-философском кружке.

В 1924 году при помощи З. Н. Гиппиус, обратившейся за содействием к Е. Ю. (Эжену) Пети,⁹⁸ А. Н. Гиппиус и ее племянники (Николай, Дмитрий и Ирина) получили французские визы. В том же году в Париж переехали Зерновы (М. Н. Зернов был назначен секретарем РСХД), Зеньковский получил кафедру в Праге. Приблизительно за год до этих событий в письме от 12 (25) ноября 1923 года Анна с грустью сообщила Мережковским: «Теперь часто переписываюсь с Зеньковским, но чувствую, что и он бессилён что-нибудь сделать. Особенно было неприятно получить последнее письмо, где он пишет, что должен переехать в Прагу (и бросить православный кружок молодежи, который он основал) из-за материального обеспечения. Чтобы посылать в Россию. Все это хорошо и понятно, но для Церковного творчества нужны другие люди. Чтоб, положивши руку на плуг, не обращившись и были бы достойны Его, большей любовью к Нему, чем отцу и матери...».⁹⁹

Во Франции А. Н. Гиппиус продолжала участвовать в студенческом христианском движении. В ее альбоме «Memorabilia» сохранились групповые фотографии участников съездов РСХД, на фотографии участников съезда, состоявшегося в 1927 году в Клермоне,¹⁰⁰ в центре — о. Сергей Булгаков и митрополит Евлогий (?), во втором ряду слева предположительно стоит А. Н. Гиппиус¹⁰¹. В том же году YMCA-Press выпустило ее брошюру «Святой Тихон Задонский: Епископ Воронежский и всея России чудотворец». По-видимому, для того же издательства был предназначен и очерк «Обитель Соловецкая» (1926), опубликованный посмертно. Однако в хрониках «Вестника РСХД» за 1925–1930 годы имя А. Н. Гиппиус не встречается.

Текст доклада А. Н. Гиппиус «Интеллигенция, национальное чувство и Церковь» публикуется по автографу: Amherst College, Amherst Center for Russian Culture (USA). Zinaida Gippius and Dmitri Merezhkovsky Papers. Series 5. Box 8. Folder 19. Орфография и пунктуация приведены к современной грамматической норме.

⁹⁷ The University of Illinois Archives. Temira Pachmuss and Vladimir Zlobin Collection. 1901–1996: Anna Hippus Papers. № 15/20/21. Box 5. Folder 2. Публикацию этого доклада см. в № 4 журнала «Русская литература».

⁹⁸ Эжен Пети, Eugène Petit (Евгений Юльевич; 1871–1938) — юрист, член французского Конституционного суда. Литературный салон Эжена и Софьи Григорьевны Пети (урожд. Балаховская; Sophie Petit-Balachowsky, 1870–1966) являлся одним из центров русской культурной жизни в Париже. См.: *Ливак Л.* Ранний период русской эмиграции. По материалам собрания Софии и Эжена Пети // *A Century's Perspective. Essays on Russian Literature in Honor of Olga Raevsky Hughes and Robert P. Hughes* / Ed. by L. Fleishman, H. McLean. Stanford, 2006. С. 416–451 (Stanford Slavic Studies; vol. 32). См. письмо З. Н. Гиппиус к Е. Ю. Пети от 4 ноября 1923 года (Russian literature. 1995. Vol. 37. № 5. P. 82 (публ. R. Neginsky)).

⁹⁹ Amherst. Series 1. Box 2. Folder 12.

¹⁰⁰ Пятый съезд РСХД в Клермоне проходил после Карловацкого собора епископов (июнь–июль 1926 года), на котором Епископат подтвердил постановление Русского Всеаграничного Церковного Собора (Сремские Карловцы, 1921) в отношении YMCA и РСХД, признавшего Движение организацией масонской и антиправославной и потому запретившего членам Православной Церкви «организовываться в кружки под руководством этих и подобных им неправославных и нецерковных организаций и быть в сфере их влияния» (Вестник русского студенческого движения в Западной Европе. 1926. № 9. С. 11).

¹⁰¹ The University of Illinois Archives. Temira Pachmuss and Vladimir Zlobin Collection. 1901–1996. Anna Hippus Papers. № 15/20/21. Box 5. Folder 5 (Memorabilia).

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. Н. Гиппиус

Интеллигенция, национальное чувство и Церковь
(доклад, читанный 14 сент<ября> 1921 г<ода>
в Конст<антинопольском> религиозно-философском кружке)

Прежде чем говорить по существу, я позволю себе пробежать в виде иллюстрации кое-что из личных переживаний в смысле зарождения национального и религиозно-церковного чувства. Сделаю я это не потому, что моя личность имела бы какой-нибудь индивидуальный интерес, а просто потому, что я несколько себя не отделию, в данном случае, от всей пораженческой, безжизненной интеллигенции и скорбный и трудный путь сознания своего преступления по отношению к Родине проделала не я одна, а многие, очень многие. Все пережитое было бы, конечно, к лучшему, если бы только не оказалось слишком поздно.

Под национальным чувством я буду разумею любовь не только к своей Родине и народу, а и к своей культуре, к своим духовным ценностям и главным образом к своей религии, к своей Церкви.

Последнее время перед войной характеризуется полной атрофией этого естественного для всех национального самосознания. О причинах этого я пока не упоминаю. Западная Европа казалась нам идеалом культурной, а потому и счастливой жизни. Мы с болью отрывались от светлой заграничной жизни и с проклятиями возвращались в убогую, как нам тогда казалось, обстановку сумерок <так!> русской жизни. С величайшим цинизмом мы сплеча хулили все свое не только в разговорах друг с другом, но и в разговорах с людьми другой национальности, с евреями, поляками и теми украинцами, которые уже тогда были нашими врагами. Все они радостно вторили нам; а мы тоже радовались — вот, дескать, сколько у нас единомышленников! И количественная сила превращала все тезисы в непреложную истину. Так мы творили дело предательства России и совершенно этого не понимали. Я бы назвала нашу интеллигенцию безнациональной, а не интернациональной. То есть просто нам по существу ни до кого не было никакого дела и прежде всего до самих себя.

Церковь... мы ее, пожалуй, и не отрицали; просто она нам была абсолютно не нужна. Имела она значение, пожалуй, только как милое детское воспоминание и по временам давала, я не скажу религиозные, — это было бы слишком глубоко, а просто нежные, легко проходящие мистические настроения. В храм заходили большей частью на вечернее богослужение. На обратном пути часто заходили в кинематограф или в гости, и хрупкое настроение, конечно, испарялось без остатка. Постом Киевская интеллигенция валом валила в Софийский собор послушать знаменитое исполнение «Покаяния».¹ Но здесь даже настроения никакого не получалось. Просто приходили послушать даровый концерт, возбуждавший чувственные эмоции сходством с попури из «Пиковой Дамы» Чайковского, и шумно и весело расходились из Собора после окончания номера. Вот в такой обстановке духовной узости и скудости большинства русской интеллигенции разразилась небывалая по жестоким последствиям война. Мы и тут остались себе верными. С величайшим негодованием и отвращением мы приняли патристическую декларацию Государственной Думы.² Но войне по существу мы радовались, потому что все естественно сделались пораженцами. Слава Богу, думали мы, нарушается наконец покой нашей косности. Пускай завоюют немцы, будем жить по-настоящему, по-заграничному, по-культурному. Оглядываясь назад, до сих пор не перестаешь удивляться этой тупости, этой невероятной слепой безгосударственности и необъяснимому полному отсутствию исторических масштабов. Конечно, если бы у нас была в то время хоть капля национального чувства, мы бы и без всякой исторической эрудиции инстинктом бы поняли очень многое, угадали бы линию своего поведения.... но этой капли как раз не было. Конечно, и среди интеллигентов были люди, все понимавшие и истинно любящие Россию, но сколько было ненужной траты энергии, сколь-

ко злобы, взаимных оскорблений и ненависти в этих ежедневных спорах, после которых люди расходились злейшими врагами, не подав друг другу руки. Но таких были единицы, а имя нам было легион. Годы, проведенные на фронте, на передовых позициях, дали некоторый сдвиг в пораженческом мировоззрении. Не то что мы приняли войну как войну за честь России, с которой мы все еще не чувствовали ни малейшей кровной связи, приняли войну как неизбежное национальное дело, а просто немного сбились с толку перед фактами постоянной близости и суеверной неизбежности смерти. Это раз. Второе: благодаря близкому и постоянному общению с людьми военными, в силу своей профессии, примитивно, без рассуждений патриотичными, нам как-то невольно передалось увлечение точно будто спортом. А ну-ка кто победит. Не худо бы и нам победить. Но все это опять-таки без всякого отношения к России, без малейшего признака настоящей сознательного патриотизма. Убийство Распутина³ вызвало положительно всеобщее ликование на фронте. Пуришкевич, и раньше очень хорошо зарекомендовавший себя работой на войне,⁴ тут сразу искупил свои прежние черносотенные грехи в глазах даже левого общества. А события уже летели с головокружительной быстротой. Случайно во время знаменитой первой бескровной революции мне пришлось быть в Петербурге. Сколько положительного волнения, сколько сенсационных слухов! Не умолкая трещат телефоны, люди часто мало знакомые друг с другом бегают по квартирам. Шепотом передают новости, одно невероятнее другого. Когда совершилось, в конце концов ликовали все, и националисты, и пораженцы. На этом наконец сошлись. Первые проблески туманного сознания у меня лично появились на первом празднике пролетариата 1-го мая. Бесконечные процессии с красными шелковыми и бархатными знаменами, обшитыми золотыми позументами, вереницы автомобилей, наполненных галдящими матросами с ружьями. Что-то зловещее и нелепое чувствовалось в надписях, вроде, напр<имер>, таких: *крупно* «Война до победного конца» и *мелко* внизу «с буржуями». «Хай живе вильна Украина» и рядом «Да здравствует интернационал». Тут же затесалось знамя «Да здравствует язык эсперанто». Какой зловещий сумбур, какие грозные пророчества! Церковь для нас внутренне была мало нужна, я об этом уже упоминала, но резало глаз безмолвие и пустота Казанского Собора. Привычно было, что он оживал молитвой даже для атеистично-социалистических панихид по жертвам царского режима, как они тогда именовались. Я вошла туда инстинктивно, чтобы рассеять тяжелое впечатление всего торжества. «Но ведь это же хорошо, это революция, — убеждала я себя. — Нет, не хорошо», — отчетливо вдруг прояснилось в душе. По троттуару <так!> — мимо бежит мальчишка, продает медные медальки на красных ленточках. Кричит громко и глупо: «Да здравствует русская революция из не темнеющего металла!» Да революция, действительно, совсем не темнела, потому что разгоралась все больше и больше, уже алела пламенем кровавого пожара. А мы все еще не понимали всю меру ужаса приближающегося к России, потому что предчувствует любовь, а любви в нас не было, или, вернее была, но в дремлющем, латентном состоянии. И опасность Церкви мы тоже не понимали, потому что она и сама по себе, и по отношению к кровной связи с Россией еще продолжала быть нам чужой. Примитивно и ярко я почувствовала прилив национального уязвленного самолюбия, я намеренно не употребляю слово любовь, в тот момент, когда в Киеве на Фундуклеевской улице появились впервые победоносные каски входящих немцев. На троттуарах стояли ликующие украинцы с желто-голубыми ленточками и самодовольные дамы с малиновыми кокардами. Мы бежали по улице с какой-то незнакомой дамой и обе плакали. Целый день я металась по городу, ища, конечно, это смешно тем, кто этого не пережил, ища национальной трехцветной ленточки, презираемого символа черной сотни, полицейских и погромщиков из Союза Русского народа. Ленточки я так нигде и не нашла в тот день. И вот, совершенно непостижимо, но тем не менее вполне реально, Россия уплыла из-под наших ног. Мы очутились в чужой и враждебной украинско-польской стране, где радостно приветствовались друзья — немцы. Что же случилось, почему такая жгучая боль в сердце, откуда она? Ведь вот же сбывлась пораженческая мечта. Вот она за граница пришла к нам, почему же не радуемся мы, и даже те, кто был доволен приходом немцев как концу обстрелов и грабежей, формулировали свое

состояние так: шкура радуется, а душа болит. А боль эта значила очень многое. Значила она, что не совсем еще умерла кровная связь с Россией, кровная связь с матерью. И как кидается человек за матерью, когда она уходит от него, так и мы кинулись за Россией. Инстинктивно потянуло на тот территориально ничтожный клочок русской земли, который еще уцелел в виде оазиса среди озлобленных и чуждых народностей, и мы пришли в Церковь. Пришли уже не по-прежнему — между прочим, а сознательно, ибо без этого нам нечем было бы жить; пришли потому, что здесь была Россия. Еще пришли, чтоб укрыться от невыносимой атмосферы немецкого презрения и ненависти украинцев и поляков. С необыкновенно яркой отчетливостью воспринялся длинный, тысячелетний византийско-русский корень родной Православной, глубоко национальной Церкви. Сколько мне ни приходилось говорить с людьми, пришедшими в этот период к Церкви, — все пришли именно этим путем, путем катастрофы и совершенно неожиданно вспыхнувшего национального чувства. Так среди скорби обрелась радость.

Но не странно ли звучит — пришли в Церковь христианскую через национальность. Да какое же может иметь значение национальность перед идеей Вселенской Христовой Церкви. Христианская Церковь учит словами Апостола, что *нет* различия между Иудеями и Эллинами для рождения в Духе; Христос, открывающий об Отце, что Он одинаково повелевает солнцу восходить над всеми, сам действительно не делал никакого различия между национальностями по излиянию своей Божественной Благодати. Ясно, что здесь какое-то противоречие, какое-то недоразумение или в понятиях, или в самом факте. Выше я уже сказала, что Православная Церковь воспринялась нами по-новому как *национальная* Церковь; что же удивительного, что воскресшее национальное чувство привело к национальному, т. е. к Церкви? Допустим на один миг, что мы сделали достойными Отца и к нам на землю возвратился потерянный рай во всем легендарном блеске библейского предания. Может, это было бы совсем не на Ефрате, может, это было бы у нас на Кавказе у подножия Эльбруса, этого величественного белого Престола Божия. Конечно, одежда стала бы для нас лишней, ненужной. Мы были бы безгрешными и нагими, как первые люди. Так и национальность — одежда наша в то самое мгновение, как мы бы сподобились переступить за ограду Вселенской Церкви, спала бы с нас как ненужная чешуя. Будет ли эта Церковь здесь на земле и нужно ли это умаление бесконечного в конечном — знать нам не дано. Возможно даже, что здесь будет не умаление бесконечного, а непостижимое уму преобразование конечного в бесконечность. Итак, по нашей духовной немощи нам нужна одежда, нам нужно реальное воплощение Церкви в оболочке национальности. Но национальность должна быть вторична, служебна. Уклонение от этого в сторону национальной гипертрофии или, наоборот, полной атрофии национального чувства одинаково ведет к гибели. В Евангелии говорится нам о Тайнах Божиих, но наряду с этим Евангелист Лука в главе об искушении в пустыне открывает нам величайшую и ужасную для нас тайну дьявола — все царства вселенной и слава *их преданы ему, и он, кому хочет*, дает ее [для погибели]. Только до той поры, пока слава Царства Земного есть слава Божия, Царство существует. Но как только национальность начинает жить во имя свое, делается самодовлеющей, безрелигиозной, вырастает до уродливых размеров дьявольской Вавилонской башни, она должна неизбежно катастрофически рухнуть падением великим и страшным, как и башня. Так рухнул Рим, так погибла империя Александра Македонского, так низвергся в бездну Наполеон Первый. Так, по всей вероятности, погибнет и современная Запад<ная> Европа. С нами случилась другая беда. Вследствие атрофии национального чувства мы оторвались от своего родного национально-церковного корня и пришли к интернациональному, самодовлеющей безрелигиозной безнациональности и, точно так же как Государство, погибли. Из этих двух примеров ясно, что национальность не должна быть на первом плане, но тем не менее она нужна. Национальность должна иметь свой собственный луч к Богу, и все цветные лучи в многоцветных переливах радуги должны, как радиусы, стремиться в один Божественный фокус, где они по таинству Благодати сольются в Единый Присносущий Белый Свет!

Итак, вот звенья цепи: *преступление* равнодушия и предательства, *наказание* — потеря Родины как раз в тот самый миг, как узнал, что любишь ее, *сознание* своего падения, *возвращение* в Церковь через национальное чувство. И невольно хочется замкнуть круг последним, животрепещущим звеном: *надеждой* на воскресение России, на возвращение к ней ее блудных сынов. И тем не менее, я этого не делаю, пускай цепь будет открыта...

Воля Божия абсолютно несоизмерима с волей человеческой, как не может Бесконечное измеряться конечным. Уж на какой, кажется, высоте должна была быть человеческая воля Христа, соединенная таинственно с Его Божиим Ликом, и то разошлась, правда, на одно лишь мгновение, с волей Божественной: «Авва Отче, все возможно Тебе, мимо неси от меня чашу сия» — и сейчас же опять с ней соединяется: «но не еже Аз хочу, но еже Ты».⁵

Разве могла быть воля человеческая к тому, чтобы храм Премудрости Божией, сам как бы непостижимое воплощение этой Премудрости Божественной в слиянии с тысячелетней мудростью человеческой, перешел из рук православных в руки правоверных?⁶ От Бога Отца к Аллаху? Однако воля Божия такова. Разве могла быть воля человеческая ко Кресту? Можно ли было ожидать, что он будет необходим людям, что Голгофа вознесется над всем миром в сиянии воскресения. Теперь посмотрим, что же проистекает из положения о несоответствии воли нашей и воли Отца. Выходит, как будто, что нельзя молиться о будущем как о желаемом, ибо «да будет воля Твоя», а не наша. Я думаю, что молиться можно и должно, но только мыслить центр тяжести совсем не там, где он мыслится невольно, т. е. в самом предмете молитвы. Молитва важна не как устремление воли, а как производящая это устремление духовная ценность. Если человек, допустим, будет молиться за врага, это вовсе не нужно Богу само по себе, как ходатайство. Ему нужно только то, из чего это проистекает, т. е. мир души. Если мы будем молиться о России, важна опять не наша воля к ее воскресению, а то, из чего рождается эта воля, т. е. наша любовь к ней.

Только одна молитва имеет абсолютное значение. Это молитва о спасении. В ней воля человека всегда неизменно сливается с волею Отца. И блажен, кто в конце жизни скажет словами псалмопевца:

Но вот Он простер Свою руку,
Врагов одолеть дал мне сил,
Приял мою смертную муку,
В тени своих крыльев укрыл...⁷

А как совершится его спасение, через воскрешение России или иным путем — вопрос второстепенный.⁸

Продолжение доклада

Доклад мой коснулся одной лишь части, очень малой части русского народа, а именно интеллигенции в ее переживаниях последних скорбных лет. Но ведь нас интересует Россия в ее целом. Какой-то религиозный путь совершен народом, но какой? Не знаю. И говорить о России настоящей не смею. Мне хотелось бы только, оглядевшись назад, мимолетно коснуться тех впечатлений о народе, какие сохранились в душе. В деревне мне пришлось жить довольно долго, но народом в его религиозном сознании я в то время интересовалась мало. Я считала, как и большинство русской интеллигенции, что народ нужно просвещать популярными чтениями и лекциями с волшебным фонарем и воспитывать его в духе революции посредством умных политических разговоров и митингов. Это я и делала.

Все мы верим и знаем, что наш народ религиозен, но Боже мой, какая иногда это дремучая религия! Случайно как-то спросила крестьянку, зажигающую лампадку, «Кому ты молишься?» Удивленно посмотрела на меня, как это я не знаю таких, всем

известных вещей, и твердо ответила: «А богам!» Каким же? А вот Николаю Угоднику, матушке пресвятой Богородице, Михайле Архангелу... и добавлю от себя Егорию об лошадаках, Флору и Лавру об коровках, Зосиме и Савватию об пчелках... Какая ж это вера в Единого Троичного Бога и христианских святых. Это самое настоящее многобожие со специальностями богов, как в язычестве. Это мое *первое* впечатление. *Второе*: на первом плане всегда святитель Николай. Я не ошибусь, если скажу, что 9/10 храмов построено Ему. Иногда культ святителя достигает такой могучей силы, что хочется религию назвать уже даже не христианством, а николианством. В чем же тут дело? Какими своими чертами Мирликийский Угодник нужен в такой мере русскому народу? Прежде всего 1) *невероятным количеством* чудес от великих до самых малых, житейских, всем понятных и убедительных. И в самом деле, с кем из нас не было Его чуда?! 2) *непостижимым сочетанием* величайшей благодати, снисходящей к человеческим недостаткам с *грозною властью*, доходящей до бури ярости к изрекающим хулу на Духа Святого.

Теперь *третье* впечатление: наряду с языческими черточками в народе существует какое-то чудесное *проникновение в самые недра христианства*. Вдруг познается самая вершина всего: и воплощения, и смерти, и воскресения, и именно *низведение Благодати, низведение Духа Святого с небес на землю*, и в чем же? Да в самом простом, нехитром и трогательном символе. В *Духов день*, говорит народ, *земля именинница!* Таинственное соединение земли и неба в празднике Благодати. И какое отношение к земле, осиянной Духом и потому таинственно сделавшейся святой. В этот день нельзя копать землю, нельзя рвать травы, касаться нельзя — все стало святым. Разве это не Тайна Премудрости Божией, открывающаяся младенцам чистым сердцем!? Ей Отче, ибо таково было Твое благословение!

И вдруг дьявольский вихрь революции, и святая дотеле земля вся заплевана подсолнушной шелухой, и не только земля, а и святая святых души народной... А дальше что? Не ведаем; но чувствуем всей нашей большой, измученной душой, что сейчас там, над темным хаосом нашей Родины носится Дух Божий, и, когда вновь сойдет на нее, Россия предстанет перед народами в сиянии новой, еще невиданной святости.

Аминь.

¹ Вероятно, имеется в виду Яков Степанович Калишевский (1856–1923), регент, хоровой дирижер, певец (баритон), представитель киевской хоровой школы, которого современники называли «королем регентов», хор Калишевского пел в Софийском соборе (как и в других киевских храмах), собирая толпы поклонников.

² Имеется в виду заседание IV Государственной Думы, состоявшееся 26 июля 1914 года (по поводу начавшейся войны с Германией), на котором депутаты почти единодушно поддержали войну и пообещали сплотиться вокруг «державного вождя, ведущего Россию на бой с врагом славянства».

³ Григорий Ефимович Распутин (Новых; 1869–1916) был убит в ночь на 17 декабря 1916 года в Юсуповском дворце на Мойке; организаторы и исполнители убийства: кн. Феликс Феликсович Юсупов (1887–1967), Владимир Митрофанович Пуришкевич (1870–1920), вел. кн. Дмитрий Павлович (1891–1942), гвардейский поручик Сергей Михайлович Сухотин (1887–1926).

⁴ В. М. Пуришкевич — ультраправый политический деятель, монархист, один из лидеров «Союза русского народа», во время Первой мировой войны организовал один из лучших санитарных поездов в армии и руководил его работой. В 1915 году был награжден орденом Святого Станислава 1-й степени с мечами (1915) и мечами к ордену Святого Владимира 3-й степени. О политических взглядах и деятельности Пуришкевича см.: *Иванов А. А. Пламенный реакционер: Владимир Митрофанович Пуришкевич (1870–1920)*. СПб., 2020.

⁵ Моление о чаше (молитва Иисуса Христа в Гефсиманском саду): Мк. 14: 36.

⁶ В 1453 году после захвата Константинополя османами Собор Святой Софии (Премудрости Божией) — один из древнейших и крупнейших христианских храмов, был превращен в мечеть.

⁷ Вольное авторское переложение псалмов Давида: Пс 16, 17.

⁸ Под текстом: «Спаси Вас Христос! / Вспоминайте иногда в молитвах о / Е<п.> В<ениями-не>».

Приписано рукой неизвестного внизу страницы: «Когда тебя просят, чтобы ты помолился о спасении другого, то ты не отрицайся, хотя и не стяжал еще дара молитвы. Ибо часто *вера того, который просит*, и молящегося (в сокрушении сердца) *спасает*. Моляся же о других и быв от Бога услышан, не возносятся, потому что вера их в том тебе содействовала и помогала.

Иоанн Лествичник. Степень двадесять осьмая».

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-183-201

© С. А. Б а т ю т о

КТО ЖЕ АВТОР СТАТЬИ «О ПУБЛИЦИСТАХ-ПОПУЛЯРИЗАТОРАХ И О ЕСТЕСТВОЗНАНИИ»? (К ИСТОРИИ ОДНОЙ НАУЧНОЙ ПОЛЕМИКИ)

В Архиве Дома Плеханова в РНБ (РНБ. АДП) в ф. 352 (И. С. Книжник-Ветров) найдены два варианта «Ответа» Книжника-Ветрова на рецензию Ф. И. Витязева в «Литературной газете». О рецензии Витязева, опубликованной по недосмотру ректора без подписи и потому невольно превратившейся в анонимную, см. недавнюю нашу публикацию.¹ Коротко скажем о двух «лавристах»-конкурентах — Ф. И. Седенко-Витязеве и И. С. Книжнике-Ветрове. Ферапонт Иванович Седенко (псевд. П. Витязев, Лаврист, Турист, Н. Е. Васюк, Сергей Круковский, Л. Асхабадов и др.; с 1933 года псевдоним Витязев превратился в его официальную фамилию) (1886–1938) — член партии социалистов-революционеров (с середины 1917 года вышел из ее рядов), литератор, известный исследователь творчества П. Л. Лаврова (с 1914 года), руководитель кооперативного книгоиздательского товарищества «Колос» (1918–1927), издательский деятель и библиограф, автор книги «Частные издательства в советской России» (Пг., 1921). При советской власти преследовался как бывший эсер, первый раз арестован по «Академическому делу» (в 1930 году), сослан в Беломорско-Балтийский исправительно-трудовой лагерь (Белбалтлаг) на ст. Майгуба Мурманской ж. д., ввиду отсутствия доказательств дело было пересмотрено в 1931 году, получил «минус 12», жил в Нижнем Новгороде и Ульяновске, а с сентября 1933 года в Москве. Второй раз задержан 6 марта 1938 года и арестован 2 апреля того же года, осужден Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в участии в антисоветской террористической организации. Расстрелян 14 июня 1938 года в пос. Коммунарка Московской обл. Реабилитирован 18 июля 1956 года определением Военной коллегии Верховного суда СССР.

Иван Сергеевич Книжник-Ветров (наст. имя и фамилия — Израиль Самойлович (Соломонович) Бланк, 1878–1965) — анархист, быстро эволюционировавший в сторону большевиков; публицист, историк, библиограф. Автор книг «П. Л. Лавров. Его жизнь и труды» (1925), а также «П. Л. Лавров» (1930); введения, биографического очерка о Лаврове, а также библиографии в т. 1 «Избранных сочинений на социально-политические темы» в 8 т. П. Л. Лаврова (вышли только т. 1–4: М., 1934–1935).² В 1946 году главный библиотекарь Библиотеки Академии наук (БАН), доктор исторических наук.

Обратимся к статье «О публицистах-популяризаторах и о естествознании», впервые опубликованной на страницах журнала «Современник»,³ подписанной псевдонимом «Ал. Угрюмов» и приписанной Книжником-Ветровым П. Л. Лаврову, что вызвало резкое несогласие с этой атрибуцией Ф. И. Витязева, который считал ее автором А. А. Жука.

В ней, в частности, читаем: «По некоторым обстоятельствам исторического развития современное состояние русской жизни и мысли еще не таково, чтобы направление общественного мнения могло быть признано действительным указателем тех

¹ Батюто С. А. «Анонимная» рецензия в «Литературной газете» // Вопросы литературы. 2018. № 3. С. 381–393.

² Другие работы: Систематический указатель литературы по общественным наукам. Коммунистическая и марксистская литература. 1917–1923; Пособие для библиотечарей, лекторов, членов марксистско-ленинских кружков и для самообразования. Пг., 1923; 2-е изд. под названием: Что читать по общественным наукам. Систематический указатель политической и марксистской литературы 1917–23 гг.: Пособие для библиотек, лекторов, членов марксистских кружков и для самообразования. Л., 1924; А. В. Корвин-Круковская (Жаклар). Друг Ф. М. Достоевского, деятельница Парижской Коммуны. М., 1931, и др.

³ Угрюмов Ал. О публицистах-популяризаторах и о естествознании // Современник. 1865. № 9. С. 5–31.

необходимых потребностей, которые более всего должны бы обратить на себя внимание общества. Наше общество <...> еще не вполне освоилось с той мыслью, что знание и наука только тогда приносят существенную пользу и возбуждают к себе живой интерес, когда касаются именно тех вопросов, которые затрагивают существеннейшие интересы людей, когда они освещают темные углы общественного мирозерцания, содействуют развитию нравственного и материального благосостояния общества. <...>

На литературе лежит обязанность не только быть выразительницей, отголоском общественного мнения, но она должна также критически относиться к явлениям жизни и мысли общества, исследовать взаимную связь и зависимость их и указывать всякое ненормальное направление той и другой.

Цель нашей настоящей статьи и состоит в том, чтобы указать, насколько современное направление мыслей нашего образованного общества соответствует существенным потребностям его жизни.

Как в литературе, так и в частных разговорах в настоящее время обнаруживается сильная склонность к естествознанию...⁴

Очень важно, считал автор статьи, чтобы популяризацией знаний занимались не дилетанты, а специалисты в той или иной области научного знания. «В Западной Европе, вследствие высшего уровня цивилизации, каждая отрасль знаний имеет большее число деятелей, чем имеем мы; разделение научного труда развито сильнее, а потому там есть популяризаторы-специалисты — люди, по своим знаниям стоящие в уровень с развитием той науки, с которой они знакомят читателей при помощи своего таланта изложения; они сами принимают участие в обогащении этой науки ценными открытиями».⁵

Переходя к литературной критике, Ал. Угрюмов отмечает ее главную цель: «Уметь найти в огромной массе литературного хлама действительно драгоценные приобретения человеческого знания и указать на них обществу, — в этом состоит задача публициста-критика».⁶

В статье содержится острый выпад против Писарева, которого автор не называет по имени: «...они отрицают все, что, по их мнению, не приносит никакой пользы, например, они безусловно отрицают искусство и поэзию <...> многие из них с успехом могли бы красоваться на страницах хрестоматии г. Галахова,⁷ как образчики особого рода красноречия, именуемого „забористым“, — в них много соли, хотя не аттической <...> обилие в них цветов красноречия, несомненно, доказывается тем, что даже один из авторов их наречен лестным именем „лучшего цветка“ в рядах российской словесности...». И далее: «...нашим реалистам, или, точнее, лжереалистам, в большинстве случаев знакомы только обрывки науки, факты, имеющие какой-нибудь веселенький оттенок, а между тем реалистические повадки уже овладели ими, они считают себя вправе свысока смотреть на всякое знание, не внесенное ими в программу естественных наук».⁸

(Как не вспомнить в этой связи нигилиста Базарова (кстати, естественника и лекаря по роду своих занятий), отрицавшего искусство и поэзию как никчемные и не нужные человеку.)

В заключение автор делает вывод: «...естественные науки — в том виде, в каком они изучаются нашим обществом — не могут служить человеку руководящей нитью

⁴ Цит. по: *Лавров П. Л.* Избр. соч. на социально-политические темы: В 8 т. / Под общ. ред. И. А. Теодоровича. М., 1934. Т. 1. 1857–1871 / Вступ. статья и ред. И. А. Теодоровича; сост. Ив. Книжник-Ветров. С. 134–135.

⁵ Там же. С. 139.

⁶ Там же. С. 142.

⁷ Галахов Алексей Дмитриевич (1807–1892) — педагог, историк русской литературы, профессор, тайный советник. Имеется в виду одно из изданий «Исторической хрестоматии нового периода русской словесности».

⁸ Там же. С. 143, 151. К этому следует добавить, что в № 7 «Современника» за этот же год была опубликована статья М. Антоновича «Лжереалисты», также направленная против Писарева, с которой Лавров, судя по тексту, был знаком.

в лабиринте общественных отношений. Мы думаем, что неудовлетворительность их влияния отчасти зависит от неправильного понимания своей задачи нашими публицистами-популяризаторами. <...> исключительное, одностороннее и поверхностное изучение естественных наук не приведет к познанию законов жизни человека, к которому только и стремится общество, что для этого требуется изучение не только других, хотя менее разработанных, наук, но и пластических и особенно словесных искусств, отвергаемых слепорожденными реалистами».⁹

Теперь перейдем к рецензии Витязева в «Литературной газете». Витязев был авторитетным публикатором произведений Лаврова и зарекомендовал себя как крупнейший исследователь его творчества. При его деятельном участии в издательствах «Революционная мысль», а затем в «Колосе» в 1917–1920 годах вышло первое в России Собрание сочинений П. Л. Лаврова, а также увидели свет отдельные изданные его произведения. В рецензии читаем: «Лежащий перед нами том наводит на крайне печальные размышления. Так, в него включена статья, *не принадлежащая перу Лаврова*. Мы имеем в виду статью „О публицистах-популяризаторах и о естествознании“ (стр. 134–160), перепечатанную Книжником из журнала „Современник“ за 1865 год (см. № 9, стр. 5–31). Никаких доказательств о принадлежности статьи Лаврову Книжник не приводит.

В этом отношении он всецело полагается на авторитет одесского библиографа Л. Чижикова.

А между тем статья эта явно не Лаврова. Во-первых, под ней стоит подпись *Ал. Угрюмов*, Лавров же всегда подписывался *П. Угрюмов*. Во-вторых, псевдоним П. Угрюмов появился у Лаврова только в конце 70-х годов. В-третьих, статья была напечатана в „Современнике“, в котором Лавров никогда не сотрудничал и редакция которого относилась к нему не совсем доброжелательно. В-четвертых, стиль, язык статьи явно не лавровские; манера автора развивать свою мысль ни в коей мере не напоминает Лаврова. В-пятых, идей, типичных для Лаврова, в ней нет почти ни одной.

Сейчас вопрос о том, кому принадлежит статья Ал. Угрюмова, решается просто. В Пушкинском Доме при Академии наук сохранились кассовые книги „Современника“. И вот в кассовой книге за 1865 год читаем следующую запись: „Счет кассы, с. 47. Октябрь 27. На счет Жука (Угрюмова) выдано по записке г. Пыпина 84 р. 37 к.“. Так как в „Современнике“ за 1865 год никакой другой статьи Угрюмова не имеется, то ясно, что эта запись может относиться только к № 9 этого журнала, где напечатана статья „О публицистах-популяризаторах“.¹⁰

Обратимся к солидному труду В. Э. Богграда,¹¹ где на с. 461 под аннотированной росписью № 9 «Современника» за 1865 год содержится следующее указание: «№ 5254 <Утин Н. И.?» О публицистах-популяризаторах и о естествознании. С. 5–31. Подп. Ал. Угрюмов».

При этом имеется отсылка на с. 585–586 комментария, где читаем: «Статья „О публицистах-популяризаторах и о естествознании“ приписывалась П. Л. Лаврову („Известия Одесского библиографического общества при Новороссийском университете“, 1915, № 6, прил.). В 1934 г. она была включена в „Избранные сочинения“ П. Л. Лаврова (Т. 1. М., 1934. С. 134–160, 475) со следующим примечанием: „Включая эту статью в состав настоящего издания, редакция, тем не менее, не считает принадлежность ее перу П. Л. Лаврова вполне установленной“. Предположение об авторстве Лаврова было категорически отвергнуто в Хронологическом указателе к „Современнику“¹² (с. 489, 502, № 1313), и на основании данных конторской книги за 1865 г. эта статья приписывалась А. А. Жуку. В свою очередь, показания конторской книги были

⁹ Там же. С. 155, 159.

¹⁰ [Б. п.]. Литературный скандал с Лавровым // Литературная газета. 1934. 10 дек. № 165 (481). С. 2.

¹¹ *Боград В.* Журнал «Современник» 1847–1866: Указатель содержания. М.; Л., 1959. На с. 3–50 помещена статья Богграда «Анонимные тексты „Современника“ и их авторы».

¹² *Масанов Ю. И.* «Современник». 1847–1866: Хронологический указатель анонимных и псевдонимных текстов с раскрытием авторства / Прим. С. А. Макашина // Лит. наследство. 1949. Т. 53–54. С. 435–513.

подвергнуты сомнению Б. П. Козьминым, приведшим ряд веских соображений в пользу авторства Н. И. Утина (Литературное наследство. № 62. С. 624).¹³ См. также: *Козьмин Б. П.* Русская секция Первого Интернационала. М., 1957. С. 77–78.¹⁴

В вводной части к Указателю Богграда имеется его содержательная статья под названием «Анонимные тексты „Современника“ и их авторы», посвященная «сложной и специальной проблеме установления авторства анонимных и псевдонимных текстов. По ряду причин значительная часть опубликованных в журнале произведений напечатана без подписи или под псевдонимом».¹⁵

Богград называет три источника, которые обычно используют исследователи, интересующиеся этой проблематикой:

1) сообщения редакции «Современника» об авторах в Санкт-Петербургский цензурный комитет;

2) гонорарные ведомости и конторские книги;

3) объявления об издании журнала.

При этом записи конторских книг, по мнению Богграда, точнее гонорарных ведомостей. Как выясняется, нередко бывали случаи, когда вместо подлинного автора произведения в конторских книгах записана фамилия лица, получившего для него гонорар. Что касается лиц политически неблагонадежных, редакция намеренно замалчивала их участие в журнале. Таким образом, требуется известная осторожность при обращении исследователя к данным, приводимым в финансовых документах журнала «Современник». Вполне резонным следует считать и такой вывод: «...абсолютно достоверных источников, которые могли бы лечь в основу атрибуции, нет. <...> Только сопоставление возможно большего количества известных данных решает в каждом конкретном случае вопрос об авторстве той или иной статьи».¹⁶

В выдержавшем семь изданий пособии по «Истории русской критики XIX–XX веков» В. А. Кулешова и современной библиографии эта проблема решается следующим образом. И у Кулешова, и в библиографическом указателе, выпущенном под грифом Института истории АН СССР и под редакцией Б. С. Итенберга, для этой статьи однозначно определено авторство П. Л. Лаврова.¹⁷ И в выходящем в Барнауле в наши дни

¹³ К этому месту на с. 31 статьи Богграда имеется следующий экскурс, касающийся как раз статьи «О публицистах-популяризаторах и о естествознании»: «Известно также, что эмигрант Утин сотрудничал в „Современнике“. В письме к Огареву от 22 июня 1864 г. он писал: „Работать! хочется и нужно работать! то есть помимо учения и литературной работы для „Современника“ нужно *пряме*, категоричнее работать...“ (Лит. наследство. 1955. Т. 62. С. 657). Опубликовавший это письмо Б. П. Козьмин высказал предположение, что Утину принадлежит статья „О публицистах-популяризаторах и о естествознании“ (Современник. 1865. № 9), и далее пишет: „По гонорарным книгам „Современника“ выясняется, что гонорар за эту статью был выписан на имя А. А. Жука. Однако считать последнего автором статьи нет никаких оснований, так как никакими сведениями об участии его в литературе мы не располагаем. Между тем Александр Антонович Жук был близок с Н. И. Утиным и принадлежал к пятерке, возглавлявшейся Утиным и входившей в состав «Земли и воли». Естественно предположить, что эмигрант Утин, не имевший возможности лично получить в конторе «Современника» гонорар, поручил сделать это своему другу А. А. Жуку. Что касается предположения об авторстве П. Л. Лаврова, то этому предположению противоречит содержание интересующей нас статьи: ее автор признает закономерность общественных явлений, между тем как Лавров, придерживающийся субъективного метода в социологии, отрицал ее“. <...> И хотя в конторской книге фамилия Утина не упомянута, он, очевидно, сотрудничал в „Современнике“».

¹⁴ *Боград В.* Журнал «Современник»... С. 585.

¹⁵ Там же. С. 4.

¹⁶ Там же. С. 48.

¹⁷ В «Истории русской критики XVIII–XIX веков» В. И. Кулешова (1-е изд. М., 1972) для статьи «О публицистах-популяризаторах и о естествознании» принимается авторство П. Л. Лаврова («В статье „О публицистах-популяризаторах и о естествознании“ в „Современнике“ 1865 года (№ 9) Лавров разделался с „лжереалистами“ во главе с Писаревым, довольствовавшимся одним естествознанием и уходившими от социальных вопросов (на этот раз выпад, отчасти справедливый по смыслу, напоминавший полемику Щедрина)» (с. 379–380)). В библиографическом указателе проблема решена аналогично: П. Л. Лавров. Библиографический указатель / Отв. ред. Б. С. Итенберг; сост. Е. К. Сивкова. М., 1987. С. 19.

(с 2016 года) издания Сочинений П. Л. Лаврова в состав т. 6 включена его статья «О публицистах-популяризаторах и о естествознании».¹⁸

В рецензии Витязева говорится немало и о других упущениях Ив. Книжника. В «Ответе» последнего о них — по пунктам — дается развернутое объяснение. Кажется, в немалой степени рецензия Витязева была продиктована его уязвленным самолюбием: так уж случилось, что издание Лаврова, с 1934 года выходявшее в Издательстве политкаторжан и ссыльнопоселенцев, было подготовлено другим исполнителем — его давним соперником и конкурентом по изучению наследия П. Л. Лаврова.

Теперь настало время обратиться к тексту «От составителя» в т. 1, принадлежащему Ив. Книжнику-Ветрову, где находим прямые выпады в адрес Витязева: «Здесь печатаются впервые две корреспонденции Лаврова о Коммуне в органе Бельгийского федерального совета Интернационала — брюссельском еженедельнике „Интернационал“, относящиеся к 21 и 28 марта 1871 года, о которых не знал и такой усердный исследователь Лаврова, как П. Витязев, и впервые перепечатываются, между прочим, статьи „Вредные начала“ и „О публицистах-популяризаторах и о естествознании“, о которых не знал и не принимал их в расчет в суждениях о Лаврове ни один из историков русской общественной мысли, тогда как эти статьи, как и статья „Постепенно“, открытая П. Витязевым, имеют огромное значение для точного выяснения того места в истории русской журналистики 50-х и начала 60-х годов, которое по праву принадлежит Лаврову».¹⁹ Текст «От составителя» датирован 15 ноября 1931 года, когда Витязев отбывал ссылку в местах весьма отдаленных...

* * *

Первый вариант «Ответа» (РНБ. АДП. Ф. 352. Ед. хр. 963) датируется 1935 годом и выполнен на 11 страницах. Он имеет название «Где скандал? (По поводу статьи «Литературный скандал с Лавровым» в «Литературной газете» от 10 декабря)» и представляет собой авторизованную машинопись.

Как уже отмечалось, успели выйти первые четыре тома из предполагавшихся восьми «Избранных сочинений...» Лаврова под редакцией И. А. Теодоровича, откликом на издание которых была статья Витязева. В 1935 году Общество политкаторжан и издательство были закрыты. Такая же судьба ждала и журнал Общества «Каторга и ссылка». Редактором издания был И. А. Теодорович.

В своем ответе Витязеву Книжник-Ветров отмечал: «Издание претендует на открытие новых, никому не известных работ Лаврова (главная из них — «Корреспонденции о Коммуне 1871 г.», напечатанные в I томе), и на новое слово о политико-социальной характеристике Лаврова 1857–71 гг., в корне расходящееся с работами по этому вопросу специалиста по Лаврову Ф. И. Витязева». Он также подчеркнул, что биографический очерк имеет подзаголовок: «По новым материалам».²⁰

Как известно, в 1929 году архив П. Л. Лаврова, долгое время хранившийся в Библиотеке Академии наук, был перемещен в Москву, в Институт Маркса, Энгельса, Ленина (ИМЭЛ, ныне находится в Государственном архиве Российской Федерации — ГАРФ. Ф. 1762). Однако с частью архива, «по небрежности не захваченной работниками ИМЭЛ», Книжник-Ветров сумел ознакомиться в БАН. «Лучший знаток жизни и деятельности П. Л. Лаврова, — пишет Книжник-Ветров, подразумевая при этом Витязева, — не заметил в архиве целого ряда статей, к которым Лавров сделал позднее исправления и дополнения, и издал эти статьи *без них*».²¹ Вероятно, в архивной работе такие досадные упущения действительно имеют место. Как видим,

¹⁸ Лавров П. Л. О публицистах-популяризаторах и о естествознании // Лавров П. Л. Соч. Барнаул, 2017. Т. 6 / Под ред. В. Я. Баркалова; сост. В. Я. Баркалов; подг. текста В. Я. Баркалова при участии К. С. Никулина. С. 373–412. Тираж изд. — 100 экз.

¹⁹ Книжник-Ветров Ив. От составителя // Лавров П. Л. Избр. соч. на социально-политические темы. Т. 1. С. 8.

²⁰ РНБ. АДП. Ф. 352. Ед. хр. 963. Л. 1.

²¹ Там же. Л. 3.

Книжник-Ветров в своей статье открыто полемизирует с Витязевым и его точкой зрения на социально-политическую характеристику П. Л. Лаврова 1860-х годов.

Второй вариант «Ответа» (Ф. 352. Ед. хр. 964), представляющий собой значительно расширенный текст первого варианта (л. 1–22), предназначался для опубликования в журнале «Каторга и ссылка». Книжник-Ветров на страницах своего «Ответа» разворачивает перед читателем свою — скажем прямо — убедительную версию в обоснование авторства Лаврова для статьи «О публицистах-популяризаторах и о естествознании».²²

Текст «Ответа» по указанным выше причинам опубликован не был.

Подчеркнем особо, что оба машинописных варианта «Ответа» *не* предполагались в качестве возможной публикации на страницах «Литературной газеты»: их объем, а также неспешно-обстоятельный способ изложения мыслей автора говорят сами за себя. Рецензия же Витязева в «Литературной газете», в прошлом журналиста в бытность его в Вологде в 1914–1915 годах (где он отбывал ссылку), свидетельствует о том, что автору был знаком газетный стиль выступлений в печати: при этом главными чертами его являются злободневность, хлесткость характеристик лиц и событий, а также предельная краткость изложения.

Ниже публикуется второй вариант «Ответа». Перед текстом дано пояснение рукой автора: «Статья эта не была напечатана, а только использована редактором „Каторги и ссылки“ И. А. Теодоровичем²³ для статьи в „Литературной газете“»²⁴ (л. 1а). Над названием статьи штамп: «Редакция журнала „Каторга и ссылка“ № 3968 Рукопись 26/II 1936 г.»²⁵ При публикации машинописного экземпляра документа сохранена авторская орфография и пунктуация, разрядка передана курсивом.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ив. Книжник-Ветров

ОТВЕТ Ф. И. ВИТЯЗЕВУ

(По поводу статьи «Литературный скандал с Лавровым»
в «Литературной газете» от 10 декабря 1935 г.¹)

Вышли первые четыре тома «Избранных сочинений на социально-политические темы в восьми томах» П. Л. Лаврова. В них напечатаны его автобиография, 8 его работ за первые 15 лет его жизни и большинство его работ 1873–75 гг., когда он издавал журнал и газету «Вперед». Предисловие редактора — И. А. Теодоровича дает идеологическую установку всего издания, вступительная заметка «От составителя» излагает об-

²² См. также: Неизданное письмо П. Л. Лаврова к Г. В. Плеханову о Н. Г. Чернышевском / Предисловие и прим. Ив. Книжника-Ветрова // Лит. наследство. 1933. Т. 7–8. С. 96 и след.

²³ Теодорович Иван Адольфович (1875–1937) — революционер, государственный деятель, историк революционного движения, первый нарком по делам продовольствия (1917). В 1929–1935 годах редактор издательства «Общества политкаторжан и ссылопоселенцев» и журнала «Каторга и ссылка». Был арестован 11 июня 1937 года. Приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в участии в антисоветской террористической организации к смертной казни и в тот же день расстрелян. Место захоронения — Донское кладбище в Москве. Реабилитирован 11 апреля 1956 года Военной коллегией Верховного суда СССР.

²⁴ Именно так: на страницах «Литературной газеты» действительно был помещен ответ И. А. Теодоровича, который в связи с этим отмечал: «Этот наш ответ П. Витязеву еще в двадцатых числах декабря 1934 года был отправлен в „Литературную газету“. Но последняя два месяца тянула с его опубликованием и напечатала только 20 марта 1935 года в значительно сокращенном (в 8 раз) виде» (Теодорович И. А. Схватка П. Витязева с Ив. Книжником-Ветровым // Каторга и ссылка. 1934. Кн. 5–6 (114–115). С. 231–238. При этом на обложке «Каторги и ссылки» стоит иной год выхода: 1935. Таким образом, номер вестника вынужденно «состарили», ввиду нависшей угрозы закрытия издательства, которое потом действительно состоялось). На страницах «Каторги и ссылки» помещен полный вариант ответа Теодоровича.

²⁵ Год ошибочно исправлен с 1935 на 1936.

щий план издания, «Введение к I тому» дает очерк общественной и литературной деятельности Лаврова до издания «Вперед», затем во всех четырех томах обширный аппарат примечаний, библиографии, приложений и указателей имен.

От рецензента подобного издания мы вправе ожидать, чтобы он высказался и о плане издания, и об его идеологической установке, и об его научном аппарате, тем более что составитель издания претендует на открытие новых, никому неизвестных работ Лаврова (главная из них — «Корреспонденции о Коммуне 1871 г.», напечатанные в I томе) и на *новое слово* о политико-социальной характеристике Лаврова 1857–71 гг., в корне расходящееся с работами по этому же вопросу специалиста по Лаврову Ф. И. Витязева (биографический очерк имеет подзаголовок: «По новым материалам»).

И вот появляется без подписи под сногшибательным заглавием первая рецензия об издании Лаврова, где обходится полным молчанием и план издания, и его идеологическая установка, и аппарат его примечаний и приложений, а критикуется только включение в I том одной статьи и его библиография.

Если бы в «Литературной газете» от 12 декабря не было «поправки», что «по недосмотру корректуры» под этой рецензией «выпала подпись: Ф. Витязев», то я не мог бы и допустить, что именно он ее автор.

Витязев свыше 20 лет изучает почти одного Лаврова, он писал главным образом о нем одном. И вот когда появились сочинения Лаврова, где в <о> введении и примечаниях неоднократно цитируются и критикуются работы Витязева, он обходит это полным молчанием.

Витязев унижается до того, что прибегает к передержкам и явному расчёту на то, что никто не заглянет в критикуемый им I том.

Витязев утверждает, что «ровно никаких доказательств», подтверждающих авторство Лаврова для статьи «О публицистах-популяризаторах и о естествознании», не приведено. Между тем на стр. 36–37 и 475 (примеч. 185) указано, что в статье развита та же идея, что и в I-й главе «Исторических писем» (нельзя довольствоваться одним естествознанием, и необходимо еще изучать законы социальной жизни, законы истории, имеющей преимущество перед естествознанием). Можно было бы еще добавить, что в этой статье развита и характерная для Лаврова идея о том, что научное исследование должно быть соединено с практикой жизни.

Это — типичные для Лаврова идеи, и можно только удивляться, что Ф. И. Витязев этого не заметил.

Типичны для Лаврова и выраженные в этой статье мысли о первоначальном образовании и воспитании, развивавшиеся им в специальных статьях о воспитании («По поводу вопроса о воспитании. Критериум для направления нравственного воспитания» — в «Отечественных записках» за 1857 г., № 9; «Несколько мыслей о системе общего умственного воспитания молодых людей» — в «Библиотеке для чтения» за 1858 г., № 2 и «Идеи о классическом и реальном образовании в Англии нашего времени» в «Вестнике Европы» за 1867 г., № 9). Это мысли об образовании и воспитании, которые свойственны автору, давно занимающемуся преподаванием и имеющему в нем большой практический опыт, каковой и был у Лаврова (но его не могло быть, как увидим дальше, у Жука, которого Витязев считает автором этой статьи).²

Типична для Лаврова и мысль о необходимости изучать «науку о распределении материальных богатств», которую он высказывает в статье «О публицистах-популяризаторах». В том же 1865 г. в лекциях «Влияние развития точных наук на успехи военного дела и в особенности артиллерии» Лавров высказал мысль о необходимости и для военных быть знакомыми с вопросами политической экономии.

Затем в статье «О публицистах-популяризаторах» имеется одно место (см. стр. 139 в перепечатке этой статьи в I томе «Избранных сочинений» Лаврова), где говорится о состоянии науки в Западной Европе и наши читатели сравниваются с западноевропейскими. Суждения, здесь высказанные, были вполне естественны именно для Лаврова как редактора «Заграничного вестника», где им давались обзоры научных новинок за границей и редактировались переводы статей заграничных популяризаторов-специалистов.

Наконец, самым ярким доказательством принадлежности статьи «О публицистах-популяризаторах» Лаврову является то, что по вопросу о популяризации естествознания Лавров в том же 1865 г. высказал аналогичные мысли и в одном из своих обзоров «Европейская жизнь» в «Заграничном вестнике» (см. № 3, стр. 564–565). По поводу популярных статей по естествознанию в европейской печати Лавров пишет здесь, что «дух исследования и критики не всегда преобладал в популярных сочинениях... что есть между ними и слишком скороспелые компиляции и легкомысленно написанные главы... что критика, поощряя известную цель популяризации, должна при случае быть бодрой и строгой. Нельзя импровизировать популяризатора науки; для этого надо сначала знать хорошо самого себя. Особенная заслуга Бюффона, Араго, Гумбольдта³ и состоит в том, что они сами были учеными и кроме того писателями. Без сомнения, мы не требуем от наших популяризаторов качеств этих гениальных людей; мы просим их, по крайней мере некоторых, быть более спокойными. Более правдивыми в своих сочинениях, иногда многочисленных... С научной истиной нельзя обращаться полюбовно (т. е. любительски. — *И. К. В.*). Вот почему право, скажем лучше, обязанность критики быть вполне строгой и оберегать публику от вредных популяризаторов».

Из указанных здесь мыслей Лаврова о наших популяризаторах ясно видно, что уже в марте 1865 г. тема о недостатках популяризаторов естествознания вроде Писарева, под влиянием сравнения его работ с иностранными популяризациями, вставала перед Лавровым во весь рост.

Занимаясь много лет преподаванием высшей математики и как раз в 1865 г. углубившись в занятия историей естествознания, Лавров естественно чувствовал себя вполне подготовленным, чтобы дать развернутую критику той популяризации естествознания, которую давал Писарев.

Так как в «Современнике» за 1865 г. № 7 была напечатана статья Антоновича⁴ против Писарева «Лжереалисты» (с точки зрения не естествоведческой, а исключительно литературно-критической), то для Лаврова, относившегося к «Современнику» с большой симпатией и лично знакомого с Антоновичем, писавшим по приглашению Лаврова в редактировавшемся последним до 1864 г. «Энциклопедическом словаре»,⁵ было естественно пожелать подкрепить нападки на Писарева с точки зрения естествоведения и педагогики.

Статьи Писарева по популяризации естествознания призывали к одностороннему «саморазвитию» путем естествознания и тем отрывали читателей от общественной активности, бывшей у Лаврова на первом плане. Отсюда решение Лаврова выступить против кумира тогдашней молодежи — Писарева. Но как человек мягкий, Лавров не называет имени Писарева в своей статье, хотя в целом ряде мест прозрачно намекает, что имеет в виду именно его.

Выступление Лаврова в «Современнике» под псевдонимом объясняется тем, что в глазах правительства у «Современника» была весьма одиозная репутация, Лавров же по своему официальному положению (профессор Артиллерийской академии и полковник по военному званию) не мог считать безопасным *открытое* свое выступление в «Современнике».

Витязев утверждает, что, включая эту статью в собрание сочинений Лаврова, я «всецело» полагался «на авторитет одесского библиографа Л. Чижикова».⁶ Но он умалчивает, что на стр. 10 я указал целый ряд ошибок в библиографической работе Чижикова о Лаврове и, следовательно, не мог считать Чижикова «авторитетом», на который можно полагаться «всецело». Если все же о работе Чижикова я отозвался как о «ценной», несмотря на многие ее ошибки, то это потому, что работа над библиографией Лаврова — труднейшее дело, и если Чижиков открыл хотя бы две-три статьи, принадлежность которых Лаврову была раньше неизвестна, то это перевешивает все его ошибки. А Чижиков *открыл* несколько статей Лаврова, до него никому неизвестных. Укажу хотя бы одну, против которой не возражает и Витязев: «Иностранная литература. „История чудесного, Фигье“»⁷ и т. д. (см. № 28 нашей библиографии, стр. 496). Этой статьи Витязев не включил в изданную им V серию статей Лаврова по

истории религии, значит, мы можем предположить, что он этой статьи не заметил, хотя она подписана: «П. Л. Л.».

Витязев говорит об обсуждении работы Чижикова о Лаврове на II Всероссийском библиографическом съезде в 1926 г. и напускает при этом такой туман, что можно подумать, что работу Чижикова о Лаврове осудил весь съезд. Между тем на стр. 71 «Трудов» этого съезда (М., 1929) сказано только: «Н. Н. Орлов⁸ дает пример „библиографической безграмотности в трудах, казалось бы, весьма видных и компетентных лиц. <...> Первый из них — это работа Л. Чижикова «П. Л. Лавров. Дополнительные материалы для собрания его сочинений». Оказывается, что ни одна статья из всех, помещенных в указателе, не принадлежит перу П. Л. Лаврова. Это подтвердил мне лучший знаток жизни и деятельности П. Л. Лаврова — Ф. И. Витязев».

Таким образом, оказывается, что на библиографическом съезде 1926 г. о Чижикове говорили как о «весьма видном и компетентном лице», «библиографическая» же его «безграмотность» утверждалась только библиографом Н. Н. Орловым, всецело положившимся на авторитет Витязева. Я высоко ценю некоторые работы Витязева, много сделавшего для разыскания неизвестных статей Лаврова. Перед всеми другими исследователями Лаврова Витязев имеет то преимущество, что в течение более десяти лет он мог обследовать архив Лаврова, хранившийся в Академии наук. Однако на основании обследования части этого архива, по небрежности не захваченного работниками ИМЭЛ, перевозившими его в Москву, мне пришлось убедиться, что и «лучший знаток жизни и деятельности П. Л. Лаврова» не заметил в архиве целого ряда статей, к которым Лавров сделал позднее исправления и дополнения, и издал эти статьи *без них* (см. об этом в нашей библиографии I тома № 24, 32 и 82 и в библиографии томов еще печатающихся). Не заметил Витязев и опечаток, указанных Лавровым для одной из его статей в письме к Стасюлевичу (см. № 74 нашей библиографии на стр. 504). Перепечатка Витязевым работ Лаврова об Интернационале, Парижской коммуне, истории социальных учений, народниках-пропагандистах и «Государственный элемент в будущем обществе» со скудными примечаниями формально-библиографического характера, без объяснения событий и справок о лицах, о которых идет речь, тоже должна быть поставлена Витязеву в укор. Всё это заставляет исследователя Лаврова не принимать на веру безусловно отрицательный отзыв Витязева о Чижикове.

Вот отчего, когда я нашел у Чижикова указание на принадлежность Лаврову статьи «О публицистах-популяризаторах», я отнесся к этому указанию со вниманием, проверил его и, убедившись в его правильности по *содержанию* статьи, согласился с Чижиковым.

Каковы же основания, приводимые Витязевым, будто эта статья «явно не Лаврова»? Разберем их по порядку.

1) «Во-первых, под ней стоит подпись *Ал. Угрюмов*, Лавров же всегда подписывался П. Угрюмов».

Но разве Витязев не знает, что Лавров в очень разнообразных видах подписывался этим псевдонимом? В «Деле» за 1877 г. мы видим и просто *П. У.* и *П. Уг-мов*, а в «Отечественных записках» за 1881 г. мы видим *П. У-в*. Правда, инициал имени здесь всюду П., но мы знаем другой случай, когда в псевдониме *П. Кедров* Лавров менял П. на Л. (см. в III томе соч. Лаврова, стр. 404, № 121, 122 и 124 нашей библиографии). Почему же нельзя думать, что *Ал.* такая же случайность при *Угрюмове*, как Л. при *Кедрове*.

2) «Во-вторых. Псевдоним П. Угрюмов появился у Лаврова только в конце 70-х годов».

Очевидно, этот пункт отпадает ввиду предыдущего.

3) «В-третьих, статья была напечатана в „Современнике“, в котором Лавров никогда не сотрудничал и редакция которого относилась к нему не совсем доброжелательно».

Что Лавров «никогда не сотрудничал» в «Современнике», это еще *не* доказано, как ясно из наших возражений по 1 и 2 пунктам. Недоброжелательное же отношение «Современника» к Лаврову действительно имело место, но лишь весной 1861 г., когда

Антонович в № 4 «Современника» дал отрицательную оценку брошюре Лаврова «Три беседы о современном значении философии». Зимой же в конце 1861 г., познакомившись с Лавровым лично, Антонович изменил свое отношение к Лаврову и стал его сотрудником по «Энциклопедическому словарю». В это время Лавров имел уже в своем общественном активе выступление во дворе университета с речью, воодушевлявшей студентов к протесту против новых университетских правил, и участие вместе с Чернышевским в помощи студентам, уволенным за «беспорядки». Дальнейшие общественные выступления Лаврова (в мае 1862 г. в газете «Спб. ведомости» в защиту студенчества и в сентябре 1862 г. во время демонстрации на похоронах декабриста Штейнгеля⁹), участие в легальных центрах революционной интеллигенции — Шахматном клубе и Литературном фонде,¹⁰ участие вместе с сотрудником Елисеевым в тайном обществе «Земля и воля»,¹¹ организация первого в России «Общества женского труда» в конце 1863 г., редактирование с 1864 г. журнала «Заграничный вестник», отмеченное с одобрением всей прогрессивной печатью (об этом еще будет речь дальше). Наконец, выступления Лаврова весной 1865 г. в Литературном фонде с предложением о выдаче пособия сосланному Чернышевскому и о ходатайстве о пересмотре его дела, выступления Лаврова против правительства в городской думе и губернском земском собрании, — все эти выступления не могли не возбуждать в редакции «Современника» к Лаврову самого доброжелательного отношения.

Действительно, в № 2 «Современника» за 1864 г. в отделе «Новые книги» мы читаем весьма одобрительную рецензию без подписи (из кассовой книги «Современника» за 1864 г., стр. 235 видно, что рецензия написана Антоновичем) по поводу № 1 «Заграничного вестника». «Нельзя не порадоваться изданию, — пишет Антонович, — которое имеет определенный цвет, серьезно смотрит на свое дело, выбирает для себя известный путь и идет по нем, не сворачивая в стороны, не уступая своей дороге никому, ни для чего, ни из-за чего, которое не боится неудобств и неприятностей, неизбежных при решительной и определенной деятельности, и не соблазняется теми прелестями, какие представляет середка на половинке...»

В том же номере «Современника» во «Внутреннем обозрении» Елисеев посвящает 11 страниц (стр. 322–332) защите «Заграничного вестника» против нападок на него в передовице № 39 реакционной официальной газеты «Русский инвалид», усмотревшей в авторе статьи «От редакции» в № 1 «Заграничного вестника» (этим автором был Лавров) «радикала, утописта, мечтателя, который <...> увлекается чуждыми нам идеями коренных, радикальных, всеобщих преобразований».

В № 3 «Современника» за 1864 г. во «Внутреннем обозрении» тот же Елисеев (анонимно) одобрительно отзываясь о проекте Общества женского труда, написанного Лавровым, разбирает различные мнения о нем и на стр. 161–166 полностью перепечатывает этот проект.

Наконец, в № 7 «Современника» за 1865 г., на стр. 120–129 напечатана анонимная обстоятельная одобрительная рецензия о лекциях Лаврова «Влияние развития точных наук на успехи военного дела и в особенности артиллерии». (Из кассовой книги «Современника» за 1865 г., стр. 150, видно, что статья написана Розановым.¹²)

После всего этого очевидно, что редакция «Современника» относилась к Лаврову неизменно доброжелательно с конца 1861 г., и Лавров об этом хорошо знал не только из личных встреч с работниками «Современника» — Антоновичем, Елисеевым и Пыпиным, но и из печатных выступлений «Современника» в его защиту и из одобрительных рецензий «Современника» на его произведения.

Курьезнее всего то, что в основном весь этот вопрос о положительном отношении «Современника» к Лаврову раскрыт и в статье самого Витязева по поводу открытой им статьи Лаврова «Постепенно» (см. № 48 нашей библиографии, стр. 501).¹³ Но сейчас Витязев об этой своей статье «забыл».

4) «В-четвертых, — утверждает Витязев, — стиль, язык статьи явно не лавровские; манера автора развивать свою мысль ни в коей мере не напоминает Лаврова».

Но разве Витязев не знает, что у Лаврова были разные «стили» и разные «манеры» развития мысли? Укажем на статью Лаврова «Постепенно» начала 1863 г., конца-

ющуюся сказкой о крылатом хане (см. стр. 132–133 I тома соч. Лаврова) или на статью «Кому принадлежит будущее?» 1872 г., начинающуюся в виде рассказа (см. III том соч. Лаврова, стр. 79 и сл.). Лавров даже доходил до развития своих социально-политических идей в стихотворной форме (см.: *Бонч-Бруевич В. Д.* Избранные произведения русской поэзии. 3-е изд. 1908. Стр. 102–105). Можно указать несколько статей Лаврова, напоминающих по «стилю» и «манере» статью «О публицистах-популяризаторах», например, «Письма о разных современных вопросах» 1857 г. (№ 12 нашей библиографии на стр. 494 I тома), «Письмо провинциала о задачах современной критики» (№ 81 на стр. 506 там же) и т. п. Так что и это «основание» Витязева отпадает.

5) «В-пятых, идей, типичных для Лаврова, в ней нет почти ни одной».

Выше уже указано, что именно наличие в этой статье целого ряда идей, повторяющихся у Лаврова и в некоторых других статьях, а особенно в «Исторических письмах», заставило меня согласиться с Чижиковым, что статья принадлежит Лаврову. Но характерно, что Витязев ставит вопрос об идейном содержании статьи не на первом, а на последнем плане. Больше всего он обращает внимание на чисто формальные внешние моменты, что, конечно, не делает чести его методологическим приемам исследования.

После своего безапелляционного голословного утверждения о содержании статьи «О публицистах-популяризаторах» Витязев указывает, что в кассовой книге «Современника» за 1865 г. есть запись о выдаче 84 р. 37 к. «по записке г. Пыпина» «на счет Жука (Угрюмова)». Этот факт мне не был известен, и я его проверил. Что же оказалось?

В кассовой книге журнала «Современник» за 1865 г., хранящейся в Институте русской литературы в Ленинграде, имеются три записи о Жуке.

На стр. 47: «Счет кассы. Октябрь 27. На счет Жука (Угрюмова) выдано по записке г. Пыпина 84 р. 37 к.»

На стр. 151: «Счет Жука. Октября 27. Со счета кассы выдано по записке г. Пыпина 84 р. 37 к. На счет издания „Современник“ заработано в № 9 „О публицистах-популяризаторах“ I <лист> 11 <страниц> 84 р. 37 к.»

На стр. 161: «Счет издания „Современника“ 1865 г. Со счета Жука за статьи 84 р. 37 к.»

По мнению Витязева, первая запись (а тем более вторая запись, о которой он не знал) окончательно решает вопрос о принадлежности Жуку статьи «О публицистах-популяризаторах и о естествознании» за подписью «Ал. Угрюмов», напечатанной в № 9 «Современника» за 1865 г.

Я же вслед за библиографом Л. Чижиковым полагаю, что автором этой статьи является П. Л. Лавров, а Жук (это мое уже личное убеждение) по поручению Лаврова только передал статью для «Современника» одному из двух его ответственных редакторов — личному знакомому Лаврова — А. Н. Пышину (другой редактор был Н. А. Некрасов, но он был менее близко знаком с Лавровым) и по поручению Лаврова же получил и гонорар за эту статью. Так как Пыпин желал соблюсти неприкосновенность псевдонима Лаврова, то он в своей записке в бухгалтерию не упомянул имени Лаврова, а просил выдать гонорар за статью «Угрюмова» Жуку, бухгалтер же «Современника» вообразил, что Жук и есть автор статьи, и сделал первую запись так, как будто речь шла о статье самого Жука. Затем бухгалтер завел «счет Жука» на 151 странице, как это делалось для всех сотрудников, и сделал вторую запись, «уточняющую», за что именно выплачена Жуку указанная в записке Пыпина сумма. Обе записи, как и третья, были результатом бухгалтерского недоразумения, а автором статьи был не Жук, а Лавров.

Всё это выясняется из нижеследующего расследования о том, что Жук не был писателем и не мог написать названной статьи, и что Лавров был несомненно знаком с Жуком и мог поручить ему сдать свою статью в «Современник» через Пыпина и получить за нее гонорар.

Итак, прежде всего, кто такой Жук?

В недавно вышедших воспоминаниях приятельницы Лаврова — Е. А. Штакеншнейдер (см. ее «Дневник и записки» изд. Academia, 1934, стр. 299) упоминается

Жук, сидевший восемь недель в Петропавловской крепости за участие в студенческих волнениях осенью 1861 г. В т. I «Биобиблиографического словаря» изд.<ательств>ва Политкаторжан (т. 1. М., 1928. Стб. 125) указано: «Жук, Александр Антонович, дворянин, уроженец Витебской губернии. Будучи студентом 2-го курса юридического факультета СПб. ун-та, участвовал в студенческих волнениях 1861 г., за что был арестован и 26 сент. 1861 г. доставлен в Петроп. крепость, из которой освобожден 7 дек. т. г. По выс. пов. 4 дек. т. г. был прощен после строгого внушения с обязательством принять матрикул или возвратиться на родину. Взятый на поруки родными, остался в Петербурге и с 1861 г. состоял под гласным надзором. В 1862–63 гг. был членом петерб. отдел. общ-ва „Земля и воля“. Впоследствии отошел от движения и был директором Владикавказской жел. дороги».

Так как здесь никаких сведений о занятии Жука литературой и об участии его в «Современнике» не имеется, мы просмотрели детально первоисточники о Жуке, указанные в «Биобиблиографическом словаре», а также и не указанные там.

Л. Ф. Пантелеев,¹⁴ товарищ Жука по студенческому движению и по «Земле и воле», говорит о нем, что он не играл заметной роли в студенческой истории, но «он обратил на себя внимание в крепости своим умом, выдержанностью и очень строгим нравственным критерием, который он ярко выдвигал при суждении о людях и их общественной деятельности» (см.: *Пантелеев Л.* Из воспоминаний прошлого. СПб., 1905. Стр. 289).

По словам Пантелеева, Жук почти никого не привлек к «Земле и воле», и когда заявил, что выходит из Комитета «Земли и воли», его «лишь из вежливости» просили не выходить, «но не настаивали» (там же, стр. 292 и 294).

После того как Н. И. Утин бежал за границу (т. е. после начала мая 1863 г.), Жук опять вошел в Комитет (там же, стр. 309).

В конце 1878 г. Пантелеев видел Жука у хорошего знакомого Лаврова — литературного критика В. В. Чуйко,¹⁵ где был и юрист Влад<имир> Ив<анович> Жуковский,¹⁶ брат известного бакуниста Н. И. Жуковского.¹⁷ Когда В. И. Жуковский «развил программу отрицания семьи, собственности и государства, Жук <...> даже прибавил несколько слов в подкрепление того, что говорил Влад<имир> Ив<анович>» (там же, стр. 317). «Впоследствии Жук выработался в железнодорожного дельца. Его ценили как большого мастера по составлению разных записок, ходатайств» (там же, стр. 315).

Председатель следственной комиссии о воскресных школах С. Р. Жданов¹⁸ в записке от 30 августа 1862 г., перечисляя «самых крайних» членов отделения Комитета Литературного фонда для помощи учащимся-студентам, образовавшегося после арестов студентов осенью 1861 г., называет среди них и А. Жука (см.: *Герцен А. И.* Соч. Т. XV. Пг., 1920. Стр. 317–326; отделение состояло исключительно из студентов).

Член ЦК «Земли и воли» А. А. Слепцов¹⁹ (записку его приводит М. К. Лемке²⁰ в XVI томе соч. Герцена) добавляет к этим сведениям о Жуке следующее: «Жук, А. А., как и Пантелеев, Гулевич и Лобанов,²¹ состоял в „пятерке“ Н. И. Утина» (*Герцен А. И.* Соч. Т. XVI. Стр. 82). Пантелеев арендовал типографию быв. Н. Тиблена,²² а после своего ареста передал «ведение дел своих <...> помощнику своему некоему Жуку» (там же, стр. 159).

Итак, и в записках А. А. Слепцова нет намека на то, что Жук был писателем.

В напечатанных недавно воспоминаниях М. Слепцовой узнаем о Жуке следующее: «Во второй пятерке, кроме Апрелева, был и А. Жук, участвовавший и дальше в подпольных организациях 70–80 гг. Мне о нем как о ценнейшем человеке упоминала Софья Ник<олаевна> Лаврова, член „Земли и воли“ 70-х годов. Подробной биографии его не знаю» (*Слепцова М.* Штурманы грядущей бури // Звенья. Сб. II. М.; Л.: Academia, 1923. Стр. 436).

Но, может быть, А. Жук — «автор учебника психологии и педагогики», о котором говорится в «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых» С. А. Венгерова (Т. I. 2-е изд. Пг., 1915. Стр. 284)?

По справке в каталоге Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде оказалось, что у Венгерова речь идет о брошюре в 35 страниц «Крат-

кие записки по психологии. Составил по Чистовичу²³ учитель Каменец-Подольской гимназии А. Жук. Каменец-Подольск. 1878. (212 экз.) Этот же автор издал там же в 1882 г. книжку под заглавием „Очерк педагогики применительно к курсу женских гимназий“.

Итак, автор этих двух книжек — учитель гимназии в Каменец-Подольске. Мы же знаем, со слов Л. Ф. Пантелеева, встречавшего Жука в конце 1878 г. в Петербурге, что Жук был железнодорожным дельцом.

К сожалению, в архиве бывшего министерства путей сообщения формулярного списка А. А. Жука не сохранилось. В «Списке чинам ведомства путей сообщения» за 1870-е и 1880-е годы и в «Адрес-календаре служащих Владикавказской железной дороги на 1913 г.» (Ростов-на-Дону, сост. Е. Н. Яхонтов) об А. А. Жуке также нет упоминания. Но все же подтверждение свидетельству Пантелеева, что А. А. Жук был железнодорожным работником, находим в следующем факте.

Имеется справочник «Свод тарифов Новоторжской железной дороги для грузов прямого и внутреннего сообщения» (Изд. 2-е. Сост. А. А. Жук и А. В. Померанцев. Спб., 1878. 116 стр.; 1-е изд. этого справочника 1877 г. в 115 стр. вышло без указания имен его авторов).

Таким образом, ясно, что А. А. Жук только соавтор тарифного справочника по ж.-д. грузам (по-видимому, он работал на Новоторжской железной дороге), но не имеет никакого отношения к двум книжкам по психологии и педагогике учителя гимназии А. Жука из Каменец-Подольска. Последний — совсем другое лицо.

Можно сказать с уверенностью, что А. А. Жук (о котором Е. А. Штакеншнейдер и Л. Ф. Пантелеев говорят как об участнике студенческого движения осенью 1861 г. и тот же Пантелеев, А. А. Слепцов и М. Слепцова — как об участнике «Земли и воли» 1862–63 гг.) не имел никакого отношения к «Современнику» в качестве его сотрудника, так как о таком важном факте такие близкие А. А. Жуку товарищи, как Пантелеев и Слепцов, не могли бы не знать и, зная, не упомянуть об этом в своих воспоминаниях о Жуке.

Если бы Жук действительно написал в «Современнике» статью, где он критикует кумира тогдашней молодежи Писарева, статью, которая заслужила ее автору сочувственный отклик в органе Русской секции Интернационала «Народное дело» (см. стр. 57 нашего «Введения» к I тому), то мог ли Жук остаться как писатель в полной безвестности? Мог ли остаться неизвестным и его псевдоним? (В «Опыте словаря псевдонимов» Карцева и Мазаева,²⁴ стр. 129 указано много лиц, писавших под псевдонимом «Угрюмов», но Жук не указан).

Только в минуту крайней непритязательности в вопросах библиографии и абсолютно не критического подхода к вопросу об авторстве статьи Витязев мог сказать: «Сейчас вопрос о том, кому принадлежит статья Ал. Угрюмова, решается просто». (Раз есть кассовая запись на Жука, значит неизвестный Жук — автор статьи).

А дело не так просто. Если действительно Жук автор статьи, то Витязев обязан был заняться розысками сведений об этом замечательном и значительном передовом мыслителе-публицисте. Ведь этот мыслитель-публицист указал такому популярному и талантливому писателю, как Писарев, на поверхностность его популяризаторских работ по естествознанию, и указал так, что Писарев ему не возражал и принял его указание к исполнению. «Жук» обнаружил в статье такую разносторонность образования, такие специальные глубокие познания в естественных науках, в философии и в общественных науках, и притом такую оригинальность мысли демократа-просветителя, которые были весьма редки в литературе 1860-х годов. Как же не заняться исследованием о «Жуке»? Но Витязев ничего не сделал в своей «критике».

Я полагаю, что не Жук, а только Лавров обладал уже в 1865 г. всеми достоинствами Угрюмова: энциклопедичностью образования, глубокими специальными познаниями по естествознанию, которые импонировали не только Писареву, но через пять-шесть лет и парижскому антропологическому обществу, где Лавров был членом редакции, и Фридриху Энгельсу, принимавшему в расчет высказывания Лаврова в своей «Диалектике природы» (см. 6-е изд. этой книги. М., 1933, стр. 32 и 224), и Карлу Марксу, очень любившему беседовать с Лавровым.

Так как статья напечатана в сентябрьской книжке «Современника», то надо полагать, что написана она была летом, когда Лавров собирался поехать с болевшей уже несколько лет женой за границу. Имея в виду, что за границей ему придется пробыть долго (как видно из агентурной полицейской справки, Лавров пробыл в 1865 г. за границей с большой женой четыре месяца, см. «Материалы для биографии П. Л. Лаврова». Вып. I. Пг., 1921. Стр. 88), Лавров поручил передачу статьи в «Современник» и получение за нее гонорара Александру Антоновичу Жуку, своему молодому знакомому.

Мы знаем уже, что А. А. Жук участвовал в студенческом движении осенью 1861 г., был членом отделения Комитета Литературного фонда для вспомоществования учащимся «пятерки» тайного общества «Земли и воли» 1862–63 гг. и даже членом петербургского комитета «Земли и воли». Так как Лавров имел близкое соприкосновение осенью и зимой 1861 г. со студентами в качестве казначая особого отделения (при Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым, т. е. при Литературном фонде) для вспомоществования учащимся (т. е. студентам) и ведал распределением денег среди студентов, то уже тогда Лавров не мог не познакомиться с А. А. Жуком как с пострадавшим студентом и членом особого отделения Комитета Литературного фонда. Безусловно, Лавров должен был иметь общение с Жуком и позднее как с членом петербургского комитета «Земли и воли», так как этот комитет собирался в квартире Лаврова и Лавров был его совещательным членом.

Таким образом, естественно, что Лавров, собираясь уехать за границу на долгий срок, поручил Жуку сдать свою статью для напечатания в «Современнике» через лично знакомого ему Пыпина и, подписывая статью псевдонимом «Угрюмов», добавил при этом инициал «Ал.», сам собой напрашивавшийся при поручении этого дела Александру Жуку. Естественно также, что Жуку же Лавров поручил и получение гонорара за статью.

При абсолютном уважении к тайне псевдонимов, которое было характерно для той эпохи (мы знаем, что и в 1875 г., когда С. А. Венгеров в книге «Русская литература и ее представители»²⁵ раскрыл некоторые псевдонимы П. Н. Ткачева²⁶ и Н. В. Шелгунова,²⁷ Михайловский²⁸ в «Записках профана» отметил это с негодованием, указав, что «неприкосновенность псевдонима есть едва ли не элементарнейшее правило добропорядочного литературного общества»), никто в редакции «Современника», кроме Пыпина, не знал, что статья «О публицистах-популяризаторах» принадлежит Лаврову, в противном случае, надо полагать, Антонович или Елисеев упомянули бы об этом в своих воспоминаниях.

Подводя итоги всему вышесказанному, мы можем сказать с уверенностью: нет никаких оснований считать автором статьи «О публицистах-популяризаторах» Жука, который не был вообще писателем и не был подготовлен к высказыванию авторитетных суждений о естествознании, имеющих в этой статье, считать же ее автором Лаврова оснований более чем достаточно. А записи в кассовой книге «Современника», связывающие псевдоним Лаврова — «Угрюмов», которым он пользовался и позднее, с Жуком, находят свое объяснение в факте несомненного знакомства Лаврова с Жуком и в том, что последний был посредником между Лавровым и редакцией «Современника».

Витязев не только не доказал принадлежности статьи Жуку, но даже не обнаружил понимания, насколько серьезна и сложна самая постановка такого вопроса.

Полагаю, что читатели согласятся после всего здесь сказанного, что во включении в I том Лаврова статьи «О публицистах-популяризаторах» нет никакого «литературного скандала». Не было бы «скандала» и в том случае, если бы даже было доказано, что эту статью написал не Лавров, а другое лицо. Ведь не вопил же никто о «скандале», когда в 1-е издание сочинений В. И. Ленина была включена по ошибке *тридцать одна* статья, ему не принадлежащая, и даже во 2-е и 3-е издания включены *пять* таких статей. Трудность работы над изданием революционных авторов, писавших под псевдонимами и анонимно, так велика, что ошибки здесь всегда возможны, особенно когда речь идет о представителе не нашей, а прошлой эпохи, литература которой только теперь начинает изучаться по-настоящему на основании архивных материалов.

Уж кто-кто, а Витязев должен был бы это понимать. А если понимает и все-таки вопит о «скандале», то это — скандал с ним самим без кавычек.

Такой же характер имеет разоблачение Витязевым моих ошибок и пропусков в библиографии Лаврова, приложенной к I тому.

Витязев утверждает, что я «даже не открывал» Военного энциклопедического лексикона. Как я мог не открывать, когда вся библиография аннотирована и дает содержание статей?

Витязев поднимается до пафоса, говоря о десятках пропусков и в этом словаре, и в «Энциклопедическом словаре, составленном русскими учеными и литераторами», хотя прекрасно знает, что аннотированная библиография произведений Лаврова в хронологическом порядке их напечатания дана «с целью выявления социально-революционных элементов, имеющих в произведениях Лаврова, не вошедших в настоящее издание» (см. стр. 13 в I томе «От составителя»), в пропущенных же статьях никаких социально-революционных элементов не имеется. Это — статьи, в которых нет ничего интересного и большинство их так незначительно, что включение всех этих статей, не имеющих ни научного, ни исторического значения, только засорило бы нашу библиографию и затруднило бы ее использование. Я сделал ошибку, что не оговорил этого, но полагаю, что и в этом нет «литературного скандала».

Я сделал ошибку, что вслед за Чижиковым, хотя и проверил его, в библиографии приписал Лаврову шесть статей Л. А. Леливо-Полонского.²⁹ Но эту <ошибку> я сделал как раз из-за «Опыта словаря псевдонимов» Карцева и Мазаева и «Энциклопедического словаря» Брокгауза — Ефрона, на которых Витязев ссылается.

Дело в том, что по содержанию указанные шесть статей являются информацией о новых иностранных книгах с небольшим критическим разбором их, и эти статьи могли быть написаны Лавровым в ссылке и напечатаны в «Вестнике Европы», так как известно, что с издателем «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичем³⁰ Лавров переписывался в 1867 г. Так как Карцев и Мазаев дали мне сведение, что Л. П. — подпись Леливы-Полонского только в 1870-х и 1880-х гг., а у Брокгауза — Ефрона я нашел указание, что Л. П. — псевдоним Л. А. Полонского с 1868 г., причем ни одной статьи Л. П. в «Вестнике Европы» за 1868 г. не указано, то я не поверил обоим этим источникам, противоречащим Чижикову.

В самом «Вестнике Европы» за 1868 г. относительно статей Л. Полонского имеются указания подписей, способные запутать хоть кого угодно. В № 12 этого журнала за 1868 г. на стр. 916 статья «Критика русских писателей в Германии» подписана П. Л. (а не Л. П.). В «Алфавитном указателе авторов» в том же № 12 «Вестника Европы» (стб. 959) указано: «П. Л.: Ирландия перед судом общественного мнения в Англии. — Критика русских писателей в Германии»... Имея в виду противоречивые указания Карцева — Мазаева и Брокгауза — Ефрона, о которых сказано выше, я решил, что Л. Полонский вовсе не печатался в «Вестнике Европы» в 1868 г. и что и в указателе этого журнала оба указания ошибочны и подпись под статьей об Ирландии «Л. П.» тоже напечатана так по ошибке. От этого ошибочного решения пошли ошибки и в определении авторства статей Л. П. 1870-х гг. Лишь после того, как первые три тома Лаврова были напечатаны, работая над «Летописью жизни и деятельности П. Л. Лаврова», я открыл, что Лавров не был сотрудником «Вестника Европы» после 1867 г., что подпись П. Л. на стр. 916 в № 12 «Вестника Европы» есть опечатка и что шесть статей Л. П. приписаны мной Лаврову в библиографии I тома по ошибке.

Как видит читатель, и здесь дело не так «просто», как об этом пишет Витязев, желая «доказать» мою «библиографическую безграмотность».

Нельзя также без всяких доказательств, а с ссылкой только на авторитет Е. Е. Колосова³¹ утверждать, что я в своей библиографии приписал Лаврову три статьи из «Книжного вестника»,³² принадлежащие якобы Михайловскому.

Витязев не спорит против приписания мною Лаврову статьи без подписи «Цель и значение классификации наук», напечатанной в «Книжном вестнике» за 1866 г., № 13 и 14–15 (см. стр. 503 I тома Лаврова, № 716). Почему же и указанные три статьи без подписи не могли принадлежать Лаврову?

За принадлежность Лаврову «Обозрения журналов: „Вестник Европы“, 1866, кн. 1, 2 и 3», напечатанного в № 18–19 «Книжного вестника» от 15 октября 1866 г., говорят следующие соображения.

«Вестник Европы» регулярно выходил в *начале* месяца, и если о первых трех книгах его за *январь–март* «Книжный вестник» дает информацию в *октябре*, то мог ее написать только Лавров, живший далеко от Петербурга в Вологодской губернии (надо помнить о медленности почты в 1866 г.).³³

За принадлежность Лаврову статьи «Современная журналистика», напечатанной в № 21–22 и 23–24 за ноябрь и декабрь «Книжного вестника» за 1866 г., говорит примечание 4-е в № 23–24, где упоминается о современных журналах, а «Заграничный вестник», редактировавшийся Лавровым до его ареста, не упоминается. Это умолчание о журнале, о котором говорила недавно вся печать, можно понять лишь в том случае, если статью «Современная журналистика» писал Лавров, не считавший возможным говорить о *своем* журнале.³⁴ Если бы статью писал Михайловский, он не мог бы не упомянуть о «Заграничном вестнике» и о том, как с мая 1866 г. совершенно изменилась физиономия этого журнала, и он собственно перестал быть журналом, давая только переводы двух крупных сочинений и упразднив все отделы (с арестом Лаврова официальный редактор Афанасьев-Чужбинский³⁵ не способен был продолжать ведение журнала в лавровском духе).

Наконец, за принадлежность Лаврову статьи о I-м выпуске «Опытов» Спенсера,³⁶ напечатанной в № 9–10 «Книжного вестника» за 1866 г., говорит ссылка на эту статью в следующей статье «Цель и значение классификации наук», несомненно написанной Лавровым. Когда вышли 2-й и 3-й выпуски «Опытов», Лавров опять писал о них в «Женском вестнике» за подписью *П. Миртов*, но уже о всех трех выпусках.

За принадлежность этих трех статей *Михайловскому* Колосов не привел никаких доказательств, а Д. П. Сильчевский,³⁷ на библиографию которого ссылается Колосов, затрудняется указать рецензии Михайловского в «Книжном вестнике» за 1866–1867 гг. (См. в приложении к сборнику в честь Михайловского «На славном посту» библиографию работ Михайловского, составленную Сильчевским.)

Таким образом, беспепелляционное утверждение Витязева, что эти три статьи принадлежат Михайловскому, а не Лаврову, ни на чем не основано.

Высоко чтя добросовестность библиографии Михайловского, составленной Е. Е. Колосовым, я все же не мог его считать непогрешимым и не мог следовать за ним слепо.

Но если бы даже оказалось, что на основании бесспорных данных указанные три статьи принадлежат Михайловскому, то так ли уж велик мой библиографический грех, чтобы вопить о «литературном скандале»? В введении к I тому сочинений Лаврова я привел целый ряд примеров почтенных научных учреждений, и дореволюционных, и послереволюционных, и такого авторитетного журнала, как «Летописи марксизма», которые приписали Лаврову ряд книг и статей, ему не принадлежащих (см. т. I соч. Лаврова, стр. 9 и 10), однако считаю, что скандалистом был бы лишь тот, кто поднял бы по этому поводу вопли о «скандале».

Библиография Лаврова такое трудное дело, что действовать в ней с уверенностью можно лишь опираясь на архивы, где имеются рукописи Лаврова. Архив Лаврова в ИМЭЛ был для меня недоступен, и потому анонимные статьи Лаврова в «Книжном вестнике» и в «Заграничном вестнике» за 1864–1866 гг. были для меня трудной проблемой. Мною составлен указатель произведений, автором которых, *возможно*, является Лавров, из этих журналов, как и из некоторых других, который я предполагал дать в последнем томе соч. Лаврова.

Только благодаря части архива Лаврова, найденной мной случайно в Библиотеке академии наук, я открыл несколько статей Лаврова, о которых нет упоминаний в литературе как о принадлежащих Лаврову (авторство Лаврова установлено на основании авторских отгисков; см. в библиографии I тома № 38, 56 и 88). Только благодаря проверке многих статей «Вперед» по рукописям, хранящимся в архиве «Вперед» при архиве Германской социал-демократии, я мог действовать более уверенно при библио-

графировании «Вперед». Позднее Лавров в большинстве статей в нелегальной печати *подписывал* свои статьи. И они уже не представляли трудностей. Труднее было найти некоторые номера журналов и газет, о которых мне известно, что в них есть статьи Лаврова. Некоторых таких номеров я не нашел до сих пор, и список произведений Лаврова, в них напечатанных, без библиографического описания и без аннотаций, я тоже даю в последнем томе.

Дам я также в последнем томе ряд дополнений и исправлений к ранее вышедшим томам, необходимость которых выявилась для меня в процессе работы, поскольку не удастся внести их своевременно в корректуры. Считаю, что в деле издания Лаврова должна помочь и критика, но не такая, как у Витязева, которая хочет видеть только недостатки, и потому часто их измышляет.

Витязев утверждает, что «совершенно не использована» огромная литература об «Исторических письмах», между тем как главная литература использована (см. стр. 504–506 I тома, № 78).

Витязев утверждает, что в библиографию Лаврова неправильно включены мной «Брока³⁸ и Гент³⁹ и ряд компиляций и рефератов, неизвестно кому принадлежащих» в «Заграничном вестнике», тогда как в предисловии к Броку ясно подписано «Редактор», каковым был Лавров, прочие статьи и предисловие к Гэнту отнесены к Лаврову из-за специального интереса его к антропологическим вопросам.

Заканчиваю указанием, что не считаю свою работу безупречной, но главное в ней — не промахи, а большой *новый* материал, пущенный впервые в научный оборот в «Введениях», примечаниях и приложениях. Дано много нового и важного и в библиографии Лаврова. А прав ли Витязев, что я сделал «все возможное, чтобы испортить первый том Лаврова», об этом пусть скажут другие.

¹ Ошибочно в документе; должно быть: 1934.

² В «Словаре псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» в 4 т. И. Ф. Масанова (подг. к печати Ю. И. Масановым, ред. Б. П. Козьмин. М., 1956–1960) в т. 4 «Новые дополнения к алфавитному указателю псевдонимов. Алфавитный указатель авторов» на с. 268 между тем читаем: «Жук А. А. сотр. журн. „Современник“ (1865). (Н. И. Утин?) Псевд.: Угрюмов, Ал.». (Как видим, И. Ф. Масанов в данном случае, хотя и ставит под вопрос авторство Н. И. Утина, проявляет солидарность скорее с Витязевым, нежели с Книжником-Ветровым.)

³ Леклерк Жорж-Луи, граф де Бюффон (Leclerc Georges-Louis, Comte de Buffon; 1707–1788), или просто Бюффон — французский натуралист, биолог, математик, естествоиспытатель и писатель XVIII века. Высказал идею о единстве растительного и животного мира. Араго Доминик Франсуа Жан (Arago Dominique François Jean; 1786–1853) — французский физик и астроном. Гумбольдт Фридрих Вильгельм Генрих Александр фон (Humboldt Friedrich Wilhelm Heinrich Alexander von; 1769–1859) — немецкий географ, натуралист и путешественник, один из основателей географии как самостоятельной науки.

⁴ Антонович Максим Алексеевич (1835–1918) — один из ближайших сотрудников «Современника», литературный критик, публицист, философ.

⁵ Имеется в виду «Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами», первые тома которого выходили под редакцией А. А. Краевского (с 1861 года), с 1862 года — под редакцией П. Л. Лаврова.

⁶ Чижигов Лука Алексеевич (1861–1924) — член Одесского библиографического общества, автор книги «Одесские букинисты» (1915) и «Петр Лаврович Лавров. Дополнительные материалы для собрания сочинений» (1915). О нем см.: Лука Алексеевич Чижигов / Сост. Г. Д. Зленко; науч. ред. О. Г. Ласунский. Одесса, 1998.

⁷ Речь идет о Луи Фигье (1819–1894), французском писателе и популяризаторе науки, и его книге «История чудесного в новейшее время» (1859–1862).

⁸ Орлов Николай Николаевич (1898–1965) — библиограф и библиофил.

⁹ Штейнгель Владимир Иванович, барон (1783–1862) — декабрист, публицист, мемуарист. Автор «Автобиографических записок» (т. 1); см.: Штейнгель В. И. Соч. и письма: В 2 т. Иркутск, 1985.

¹⁰ Шахматный клуб был основан в начале 1862 года. Старшинами Шахматного клуба были П. Л. Лавров и известный журналист и публицист Г. З. Елисеев (псевд. Грицко; 1821–1891). Литературный фонд (официальное название «Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым») — общественная организация, учрежденная в 1859 году в Петербурге и прекратившая свою деятельность в первые годы после Октябрьской революции. Подробнее см.:

Корнилов А. А. Происхождение Литературного фонда и первые шаги его деятельности // Юбилейный сборник Литературного фонда 1859–1909. СПб., 1909. С. 6 и след.

¹¹ «Земля и воля» — тайное революционное общество, возникшее в России в 1861 году и существовавшее до 1864 года, с 1876 по 1879 год восстановившееся как народническая организация.

¹² По всей вероятности, речь идет об Александре Ивановиче Розанове (1827–1895) — саратовском священнике, учившемся в свое время вместе с Чернышевским в семинарии.

¹³ Витязев П. [Седенко Ф. И.]. П. Л. Лавров в эпоху 60-х гг. и его статья «Постепенно» // Книга и революция. 1922. № 6 (18). С. 9–15. С этой статьей Книжник был хорошо знаком, известны его отзывы на нее (см.: Звезда. 1925. № 1 (7). С. 114; Книга и революция. 1923. № 3 (27). С. 12–13; Красная газета. 1922. № 169 (1320). 29 июля), а также: *Книжник* *Ив.* 1) П. Л. Лавров: Его жизнь и труды. Л., 1925. С. 28, 114, 131; 2) П. Л. Лавров. 2-е изд., испр. М., 1930. С. 29, 113, 128–130.

¹⁴ Пантелеев Лонгин Федорович (1840–1919) — издатель, общественный деятель.

¹⁵ Чуйко Владимир Викторович (1839–1899) — литературный и художественный критик, переводчик.

¹⁶ Жуковский Владимир Иванович (1838–1899) — юрист и общественный деятель.

¹⁷ Жуковский Николай Иванович (1833–1895) — революционер, последователь М. А. Бакунина.

¹⁸ Жданов Семен Романович (1803–1865) — политик, сенатор Российской империи, тайный советник.

¹⁹ Слепцов Александр Александрович (1836–1906) — революционер, один из организаторов и основателей «Земли и воли» 1860-х годов, член ЦК общества. В январе 1863 года выехал за границу, в 1868 году вернулся в Россию, занимался преподаванием и журналистикой.

²⁰ Лемке Михаил Константинович (1872–1923) — историк русской журналистики, цензуры и революционного движения, цензор, редактор. Занимался изучением творчества А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова; в 1915–1916 годах — военный цензор в Ставке Верховного главнокомандующего, в 1920–1921 годах — один из редакторов журнала «Книга и революция». Под его редакцией вышли «Записки и дневник А. Никитенко» (2-е изд. СПб., 1905), Собрание сочинений Н. А. Добролюбова (т. 1–4. СПб., 1911), Полное собрание сочинений и писем А. И. Герцена (т. 1–22, 1915–1925).

²¹ Гулевич Михаил Семенович (ум. 1874) — из дворян, будучи студентом Харьковского университета, принадлежал к кружку Бекмана. В 1861 году был вольнослушателем Санкт-Петербургского университета, за участие в студенческих волнениях арестован и 12 октября заключен в Петропавловскую крепость, откуда 17 октября переведен в Кронштадт; освобожден 6 декабря 1861 года. Член петербургского отдела общества «Земля и воля», куда кроме него входили Н. И. Утин, Л. Ф. Пантелеев и А. А. Жук. В 1863 году выехал за границу, член так называемой «Молодой эмиграции» (1862–1864). В 1874 году покончил жизнь самоубийством в Женеве. Лобанов Василий Васильевич (род. ок. 1842), иными сведениями не располагаем.

²² Тиблен Николай Львович (1834–1888) — издатель 1860-х годов, владелец типографии на Васильевском острове в Петербурге (с 1859). В 1862 году осуществил первое полное издание «Горя от ума» и в том же году второе исправленное издание по рукописи А. А. Жандра, правленной автором. Основатель журнала «Современное обозрение». В 1868 году выехал за границу. Впоследствии английский (как Thieblin Nicolas Leon) и американский (как Thieblin Napoleon L.) журналист. Умер в США. Сестра Эмилия была замужем за А. А. Жуком.

²³ Чистович Иларион Алексеевич (1828–1893) — писатель, церковный историк, доктор богословия. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию. С 1853 года преподавал психологию и философию. Автор книги «История Санкт-Петербургской духовной академии» (1857), которая была удостоена Академией наук Демидовской премии (1865). За труд «Феофан Прокопович и его время» присуждена Уваровская премия (1868). В 1868 году издал «Курс опытной психологии» (введен в качестве учебника в духовных семинариях), который был удостоен полной премии митрополита Макария. Похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры в Петербурге.

²⁴ Имеется в виду: *Карцев В. С., Мазаев М. Н.* Опыт словаря псевдонимов русских писателей. СПб., 1891.

²⁵ Точное название — «Русская литература в ее современных представителях — И. С. Тургенев» (1875).

²⁶ Ткачев Петр Никитич (1844–1886) — литературный критик и публицист; идеолог якобинского направления в народничестве.

²⁷ Шелгунов Николай Васильевич (1824–1891) — публицист и литературный критик, ученый-лесовод, участник революционно-демократического движения 1850–1860-х годов.

²⁸ Михайловский Николай Константинович (1842–1904) — публицист, социолог, литературовед, критик, переводчик. В 1875–1877 годах в «Отечественных записках» вел ежемесячное научное и литературно-критическое обозрение «Записки профана».

²⁹ Полонский Леонид Александрович (наст. фам. Леливо-Полонский; 1833–1913) — журналист и писатель.

³⁰ Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826–1911) — публицист и историк, редактор журнала «Вестник Европы», действительный статский советник.

³¹ Колосов Евгений Евгеньевич (псевд. Колари) (1879–1937) — член партии социалистов-революционеров, историк революционного движения в России, при советской власти начиная с 1925 года подвергался репрессиям.

³² «Книжный вестник» — критико-библиографический и книготорговый журнал, выходил в Петербурге 2 раза в месяц в 1860–1867 годах. Основатель — Ю. М. Богусевич. В разные годы редакторами были Н. А. Сеньковский, Н. С. Курочкин.

³³ В библиографическом указателе, составленном Е. К. Сивковой, для статьи «Обозрения журналов „Вестник Европы“, 1866, кн. 1, 2 и 3», опубликованной в «Книжном вестнике» (1866. № 18–19. 15 окт. С. 372–378) без подписи, определено авторство П. Л. Лаврова (П. Л. Лавров: Библиографический указатель / Отв. ред. Б. С. Итенберг; сост. Е. К. Сивкова. М., 1987. С. 20).

³⁴ В указателе Е. К. Сивковой о статьях «Современная журналистика», напечатанных в «Книжном вестнике» (1866. № 21–22. 15 нояб. С. 416–420 (статья первая); № 23–24. 30 дек. С. 455–459 (статья вторая); обе — без подписи), находим, что они принадлежат перу П. Л. Лаврова (П. Л. Лавров: Библиографический указатель. С. 20).

³⁵ Афанасьев-Чужбинский (наст. фам. Афанасьев) Александр Степанович (1816–1875) — русский и украинский поэт, писатель, этнограф, переводчик с польского и французского языков. «Заграничный вестник» редактировал в 1864–1867 годах.

³⁶ Спенсер Герберт (Spencer Herbert; 1820–1903) — английский философ и социолог. Имеются в виду его «Опыты научные, политические и философские».

³⁷ Сильчевский Дмитрий Петрович (1851–1919) — библиограф.

³⁸ Речь идет о Поле Брока (Paul Pierre Broca; 1824–1880) — французском хирурге, анатоме и антропологе, этнографе. Основал Общество антропологии в Париже (1859) и журнал «Антропологическое обозрение» («Revue d'anthropologie», 1872), а также музей и школу.

³⁹ Возможно, имеется в виду Джордж Уорд Гэнт (Hunt; 1825–1877) — английский государственный деятель, в 1857 году избран членом палаты общин, где примкнул к консерваторам; в 1868 году был канцлером казначейства.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-201-215

А. М. РЕМИЗОВ. «ФИГЛИ-МИГЛИ». «ГОРОСКОП»

(ПУБЛИКАЦИЯ © А. С. УРЮПИНОЙ)*

Рукописи рассказов А. М. Ремизова «Гороскоп» и «Фигли-Мигли» поступили в отдел рукописных фондов Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля (Государственного литературного музея) в 2012 году, в составе архивных материалов писателя, хранившихся в семье его литературной ученицы и близкого друга Натальи Викторовны Резниковой. «Гороскоп» был обнаружен среди глав, не вошедших в окончательную редакцию произведения «Петербургский буерак», а «Фигли-мигли» — в россыпи произведений малых жанров. По своему содержанию, стилю и композиции эти рассказы явно примыкают к комплексу «взаимопроникаемых»¹ коротких миниатюр, пользуясь авторским определением, «интермедии» Ремизова «Мышкина дудочка» (1953), сформированной из отдельных малых прозаических форм на основе принципа «курметража» (от фр. court-métrage — короткометражка).²

* Публикация подготовлена за счет гранта Российского научного фонда: проект № 22-28-00165 «Первая волна русской эмиграции в 1940-е — 1950-е гг.: культурные институции и межличностные коммуникации (по материалам архивов А. М. Ремизова)»; <https://rscf.ru/project/22-28-00165/>, ИРЛИ РАН.

¹ Впервые на «взаимопроникаемость» мира «Мышкиной дудочки» указал критик Ю. Терапиано в рецензии на отдельное издание произведения (Новое русское слово. 1953. 14 июня. № 15023. С. 3).

² Ремизов А. М. Мышкина дудочка // Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2003. Т. 10. Петербургский буерак. С. 3–172.

Текст рассказа «Фигли-Мигли» сохранился в архиве писателя в виде белого автографа и идентичной ему авторизованной машинописи.³ Текст «Гороскопа» представлен только авторизованной машинописью, для которой писателем была изготовлена специальная обложка с графическим рисунком.⁴

Место действия этих новых сцен ремизовской «интермедии» то же, что и во всех главах «Мышкиной дудочки», — «богатый чудесами», «заваянный чаромутием» парижский доходный дом № 7 на улице Буало, где Ремизов и другие жильцы продолжали квартировать в годы немецкой оккупации (1940–1944). В художественном пространстве Ремизова это хрупкое пристанище, ставшее для многих его обитателей последним, силой авторского слова словно заговорено от опасностей и тягот военных лет. Все населяющие его жильцы — «кудесники и волшебники». Среди них и «первый чародей из всех чародеев» — драматург и режиссер Н. Н. Евреинов, и «кудесник»-«чернокнижник» востоковед В. П. Никитин, и «подлинно Волшебник» жилец Железный,⁵ портрет которого, по словам повествователя, «можно поместить в любом Оракуле, Календаре и Соннике», и «василиско-глазая Костяная-нога» (консьержка), и, конечно, сам автор. В этом доме свершаются чудеса: «единственный во вселенной» ночной горшок графолога Аксолата светится; пишущая машинка учительницы Семякиной превращается в стаю маленьких серых алжирских мух; студень Железного — в миллион «камушков для зажигалки»; а под чарами приворота и «кость-дерево-каменной магии» на новолуние знаменитый Леонид Лифарь начинает симпатизировать скромной художнице Листин. В итоге образ дома № 7 «соединяется с образом его мифологического архетипа — Дельфийского храма, где находился знаменитый Оракул, и трансформируется в образ-символ „Буалонского оракула“».⁶

Герои рассказов «Фигли-мигли» и «Гороскоп» органично вписываются в общую картину этого чудесного мира. В первом из них действуют персонажи, уже знакомые читателям «Мышкиной дудочки» — Африканский доктор (В. Н. Унковский), бабка Ковалевская, Елена Холмогорова и бабушка Одолева; в «Гороскопе» же, помимо уже известных героев (Листин, Верховая, Анна Николаевна, Сергей и Леонид Лифари и др.), появляются новые — княжна Олсуфьева по прозвищу «Гороскоп» и влюбленный в нее русский эмигрант по прозвищу «Пакт». Как выясняется по ходу повествования, эти персоны хорошо известны обитателям дома номер 7, а в княжне-пророчице и вовсе можно признать главную жрицу-пифию «Буалонского оракула». Сюжетные мотивы и темы «Гороскопа» и «Фигли-мигли» перекликаются с отображенным в «Мышкиной дудочке». Так, неуклюжая влюбленность «Пакта» в княжну Олсуфьеву напоминает о попытках художницы Листин завоевать доверие брата «великого Лифаря» — Леонида, а описанная в «Фигли-мигли» гроза глубинно связана с главным для «Мышкиной дудочки» лейтмотивом бурного ненастья. Последний обозначен автором уже в предисловии к «интермедии», где писатель определяет жанр произведения как «смешное действие среди бурь трагедии» и называет время оккупации годами «вихря и убыли».

Причины, побудившие Ремизова не включать полностью подготовленные к публикации тексты обеих миниатюр в окончательный текст «Мышкиной дудочки», неизвестны. Вероятно, в некоторой степени на подобное решение писателя могло повлиять особое раскрытие в этих текстах ряда ключевых для интермедии образов. Напомним, что в «Мышкиной дудочке» мотив непогоды сопровождает одну из стержневых тем — тему гибели: время оккупации («вихря») — это годы «торжествующего шествия смерти». Но если в начале «Мышкиной дудочки» автор рассуждает о своей «заживопогребенности» в метафорическом смысле, то в «Фигли-мигли» эта метафора материализуется: бабка Ковалевская, попав в грозовую воронку, на рассвете просы-

³ ГМИРЛИ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 189 (автограф), 193 (машинопись).

⁴ Там же. Ед. хр. 43 (обложка), 62 (машинопись).

⁵ Под ремизовским прозвищем *Железный* выведен К. Д. Зеленский, брат Е. Д. Унбегаун («Верховой»), проживавшей на пятом этаже того же дома.

⁶ *Грачева А. М.* Басни, кошуны и миракли русской культуры («Мышкина дудочка» и «Петербургский буерак» Алексея Ремизова) // Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10. С. 420.

пается в чужой могиле. Таким образом, в этой ремизовской истории смерть, словно издеваясь над героиней, торжествует свою победу. С одной стороны, можно подумать, что этот новый сюжетный эпизод в целом вписывается в общую канву «Мышкиной дудочки», однако в нем уж слишком буквально предстает «торжествующее шествие смерти», что явно противоречит основной идее произведения, согласно которой победа Смерти — лишь кажущееся марево. Ее «вихревому» торжеству в «Мышкиной дудочке» противопоставлено чудо жизни; и как напоминание на страницах книги регулярно возникает важнейший его символ — яйцо. Блошинные яйца обнаруживаются в бобрике Железного и извлекаются из уха Овчины;⁷ два куриных яйца приносит автору в дар его сосед — Иван Павлович Кобеко; только «змеиным кушаньем» (яйцами) питается подвижница Нонн, и на ее же подоконнике свершается чудо — из яйца вылупляется «солнечный пасхальный цыпленок». Эти же «яичные» образы обобщаются, сводятся вместе и в тексте миниатюры «Гороскоп». Однако в этом рассказе образ яйца получает новое наполнение, не соответствующее общему звучанию «Мышкиной дудочки»: яйцо становится символом обиды на жизнь в целом. Кроме того, яйцо в «Гороскопе» интерпретируется и как эротический образ («скопец» «Пакт» «остается без яиц», а «Гороскоп» «мучается яйцами»)⁸. Таким образом, хотя миниатюры «Гороскоп» и «Фигли-мигли» по своим героям, месту действия и тематике формально были близки к «Мышкиной дудочке», но трактовка представленных в них тем противоречила основной направленности ремизовской «интермедии». В обоих рассказах слишком откровенно и безнадежно звучали темы смерти и обиды на жизнь, которые в «Мышкиной дудочке» автор старался уравновесить, противопоставляя им любовь «ко всему живому» и веру в творимое человеком «чудо».

В 1945–1953 годах рассказы-главы «Мышкиной дудочки», еще не вышедшей отдельным изданием, активно печатались в различных газетах («Рабочее слово», «Дело», «Новое русское слово») и журналах («Новоселье», «Грани» и др.). Наличие авторизованной машинописи рассказов «Фигли-мигли» и «Гороскоп» указывает на то, что Ремизов планировал опубликовать их в каком-либо периодическом издании как самостоятельные рассказы. Но в персональных библиографических справочниках данные об их издании отсутствуют, хотя потенциально возможно выявление их публикации в эмигрантской периодике, выпавшей из поля зрения библиографов. В настоящее время не удалось обнаружить никаких точных указаний на то, что писатель предпринимал какие-либо конкретные попытки опубликовать тексты обеих миниатур, написанных еще во второй половине 1940-х годов. В итоге «Фигли-мигли» и «Гороскоп» так и остались лежать в писательском архиве.

Тексты рассказов публикуются впервые по авторизованной машинописи: ГМИРЛИ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 193 («Фигли-мигли»), 62 («Гороскоп»). Тексты воспроизводятся в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации с сохранением характерных особенностей ремизовского синтаксиса и написания отдельных слов, в редких случаях с восстановлением необходимых слов и знаков препинания в угловых скобках.

ФИГЛИ-МИГЛИ¹

В тот год запомнились две грозы: весенняя — чувствительная для Одолевой² и Ковалевской,³ а другая — летняя, от которой пострадал Африканский доктор.⁴

⁷ *Овчина* — под этим именем выведен друг А. М. Ремизова — князь А. В. Оболенский. Одна из ветвей его княжеского рода носила фамилию Овчина-Оболенский.

⁸ Прототипами «Пакта» и «Гороскопа» были реальные люди — парижские эмигранты. Скорее всего, в 1950-е годы они были еще живы, поэтому их могла серьезно обидеть публикация этого текста. Так, известно, что эмигрант, прозванный Ремизовым «Пактом», состоял в рериховском обществе (он упомянут в ремизовских книгах «Дневник мыслей» и «В розовом блеске»); он также навещал писателя в последний год жизни Серафимы Павловны.

1

Африканский доктор в канун своих именин в самом веселом духе — завтра придет Сургучев⁵ и Одарченко⁶ и с утра будут пить, весь день и до ночи, Африканский доктор поздно вечером на Av<enue> de Versailles переходил через улицу, к булочной, и тут не знай как, налетел на него автомобиль и, ударив крылом, поднял на воздух.

Африканский доктор силой толчка летел сорок километров и очнулся в Руане. Ажан⁷ подобрал его и отвез по местожительству в госпиталь Бусико.⁸

2

Прощальный вечер: бабушка Одолева, бабка Ковалевская и Холмогорова.⁹ Читали о чувствительной повести Карамзина.¹⁰

Гроза все усиливалась. Раскаты, а в окно стучит дождь. За чтением не чувствительно. Стало как будто утихать. Десять часов — пора по домам. Зонтиков ни у кого. Каждая сделала себе колпак из цельного <sic!> Фигаро,¹¹ а Холмогорова нарядилась в мое теплое пальто — она сверзилась со стола перед Пасхой, моя лампочку, и ребра у нее треснули, надо было потеплее, а пришла налегке — в летнем.

В дождь все вышли ряженными под защитой колпаков. Бабушка Одолева — в Клармар,¹² Холмогорова — к Сергиевскому подворью,¹³ а бабка Ковалевская — соседка.

Бабушку Одолеву в метро на Issy-les-Moulineaux¹⁴ залило водой, и ее вылавливали баграми. И ничего на ней не осталось — все сорвали, до чулок — и есть только колпак.

Ажан провел ее за руку домой.

Семен Павлович всплеснул руками:

«С нами крестная сила!» А вот знать и крестная сила — ничего, один колпак Figaro.

Милица Васильевна высушилась и отогрелась, варит варенье из лесной земляники.

А бабка Ковалевская и чего понесло ее, глядя на дождь, прощаться к знакомым, подходила к Трокадеро. Молния ударилась в стену кладбища в Passy — у Башкирцевой.¹⁵ Закружил вихрь, Ковалевская попала в воронку и очнулась на рассвете в чужой могиле.

Холмогорова в моем пальто вернулась домой благополучно: мое пальто под дождем выветрилось, и вся моль вылетела по дороге, остались кое-какие червячки — их она тут же раздавила пальцем.

Месяц травил меня гарденалом. И мне ничего не остается, как только записывать чудные нашей жизни — теперешнее и из недавнего прошлого.¹⁶

ГОРОСКОП

С «Гороскопом» меня познакомила «Блаженная Кошатница».¹⁷

«Княжна Олсуфьева», — сказала она значительно, ей очень нравилось выговаривать знатный титул своей знакомой, на самом деле никакой «княжны», а просто Олсуфьева.

У «княжны» все было до такой мелочи мелко, не о чем повторить себе, и только глаза. Я не удержался и сказал:

«Какие глаза!»

Глаза были больше всей остальной мелочи, а, кроме того, они мне напомнили глаза «Блаженной», когда на мой крик — всякому терпению, даже моему, положен конец — она, в исступлении глядя на меня, кричала: «узнаю ли я ее?» — она хотела сказать, вспомнил ли я ее из той жизни, из прежнего нашего воплощения, когда мы с ней встретились и она любила меня больше всего на свете.

И как это понятно, что «Блаженная», а не «Акула» — встреча около дверей Акулы — познакомила меня с «княжной».

«Блаженная» сорвала себе мысли на оккультизме, любимое ее чтение, на «Преддвериях магии»,¹⁸ «княжна» паслась в стаде «Кришны» и запуталась в индийских абстракциях. Обоем казалось ясным и понятным их наука <sic!>, их высшее знание, но передать своими словами они никак не могли, и сколько раз я допытывался, слушаю внимательно, и все какие-то обрывки и ничего, хоть приблизительно, не получается. Не от природной бестолковости, обе вовсе не глупые, а от спутанности — вершины не всякому доступны, и лучше было совсем не лазить, но что поделаешь, и это тоже не зря: потянуло. И ни с кем, только с ними говоря, я всегда раздражался.

В их путаных ответах мне звучало что-то вызывающее, они меня не слушали, а скорее не слышали. Им казалось, что я их презираю. Чем бы кончилось с «Блаженной» я не скажу: ее арестовали, как англичанку или, как она говорила, с чувством: «великобританская подданная», из лагеря она попала в Sainte Anne¹⁹ и там померла. А «княжна» на меня обиделась за «гороскоп». И с тех пор я стал ее звать «Гороскоп».

Она составляла гороскопы, и «гороскоп» повторялся в ее разговоре без всякой надобности. «Гороскоп», как теперь я думаю, был единственным ее спасением: он собирал ее расстроенные мысли. Она обиделась на меня за то, что я «смеюсь» над ней — над ее «несчастьем».

«Смеюсь над несчастьем!» Один только случай был в моей жизни — то же самое обвинение, это когда мы жили до Парижа в Берлине. Часто у нас бывала «Бирюлька» <,>²⁰ она вроде «Утенка»,²¹ растерявшаяся, у «Утенка» муж помер, а «Бирюльку» муж бросил. Однажды получаю письмо: «Бирюлька» обиделась — я «смеюсь над ее бедностью!»

У «Гороскопа» есть ритмический дар; такое бывает у одержимых, даже по природе лишенных слуха, все «бесноватые» необыкновенно ритмичны и в речи, и в движениях. «Гороскоп» мог бы заниматься переводами, а она занята черной работой — немцам уборные чистит. (Только к концу оккупации ей посчастливилось сделать телефонисткой). И есть у нее на сердце обида, которую она не может изжить. Это чувствуется. Как над бедностью «Бирюльки», так и над несчастьем «Гороскопа», что хотите, но разве это в моем <характере>?

Работая по уборным и воюя со «старшей» (на каторге всегда найдутся «старшие», не хозяева, измываться над подчиненными), она проникла на кухню и тайком приносит со службы корм Акуле, нашей соседке <,> и нам: обыкновенно густой суп и всякие окуски и объедки. И я всегда принимал, как воистину Божий дар. (В день освобождения и таких будут брить: в торжестве и гневе некогда разбирать, поломойка или фря).

И вдруг «Гороскоп» пропал, знаю Акуле носит, а к нам не поднимется. И с год не показывалась, а это был как раз самый тягчайший для меня год — мне казалось силы небесные оставили нас — какой там еще «загробный ад»: я был свидетель человеческой муки и бессилен был помочь, беря на себя все и готовый согласиться на все. И только всего раз «Гороскоп» пришел на Пасху с «яичком» — надутая и не глядя: ее обида отводила от меня ее глаза. А пришла она с «Листином» — тоже с помесью: свихнулась на Лифаре.

От «Листина» я и узнал всю подноготную о обиде <sic!> «Гороскопа» и в чем я обвиняюсь: оказывается все произошло из-за яиц, а я не только не ел этих яиц, но и в глаза не видал, впрочем, они самые обыкновенные, куриные.

Жил в Париже «молодой человек», ну, ему было лет 50 — в эмиграции стареют и молодеют по-своему, и про пятидесятилетнего говорят «мальчик».

«Молодой человек» наш общий знакомый, известный под именем «Пакт», говорят, что это я дал ему такое прозвище, ничего подобного, он сам олицетворял это слово «Пакт»: «Рериховский Пакт», их всех отличить можно: «скопец» и один длинный волосок, как хвостик, висит слева. По тихости и скромности его можно сравнить с К. В. Мочульским «Караимом», а по деликатности он всех превзошел, разве что М. А. Струве, да и Струве перед ним аспид, по услужливости как сам «Гороскоп» и аскет «блудоборец», как когда-то в Петербурге в первую революцию (1905 г.) А. В. Карташев²² и В. В. Успенский,²³ состязавшиеся в воздержании до упомощения.

В Петербурге он учился в Тенишевском²⁴ с Сувчинским²⁵ и В. Набоковым,²⁶ а в Париже он «профессор международного права», враг Миркина-Гицевича,²⁷ враг скорее доброжелательный, чем «гонитель» и «подкапыватель».

«Пакт» мечтал сделаться дипломатом и натурализовался и уже французом искал всякие пути отлечься. Обыкновенно летом он ездил в Биарриц, где можно было встретить принца Уэльского, правда, путешествовал не в сезон, на сезон надо большие деньги, но в рассказах всегда поминал Биарриц, а кто там разберет, с принцем ли Уэльским или с консьержем с Мотодора²⁸ он проводил свой «ваканс» (каникулы). Он как-то и руку научился подавать не «совочком», как Суханов,²⁹ и не от сердца, как Чижов,³⁰ а непосредственно из-под задницы: и пухло, и рыхло-воздушно. Я думал, что тут так принято, но за годы убедился, что не всякий и не со всеми. Конечно, дипломату залезать всей пятерней в чужую ладонь неприлично.

Нашлась и дипломатическая практика.

Н. К. Рерих, обуянный манией величия — среди художников явление не исключительное, вспомните нос Бориса Григорьева, среди писателей реже — в России Брюсов, ему подражал Гумилев, а здесь — один Великий Муфтий³¹ да Ладинский,³² а остальные — необуянные «бахрахи».³³ Рерих основал «Палату» (по образцу обезьяньей — «обезвельволпал») или «Орден» — «Охрана памятников искусства». И как глава Ордена, «учитель», как в закиде величал он сам себя, вступил в разговоры со всеми государствами.

Наш кротчайший «Пакт» произведен был представителем Ордена во Франции. Сооружено было знамя, изготовлена печать, стопа орденских бланков и портреты Н. К. — портреты предназначались для рассылки главам государств, подписавших «Рериховский пакт».³⁴ Рассказывали смешную историю с портретом, поднесенным Президенту Республики, как этот портрет Н. К., после основательной вылежки в канцелярии, водворен был в Префектуре в Кэмпере.³⁵

«Пакт» перенял Рериховскую манеру правой рукой передергивать. Рерих, по природе косноязычный, словам помогал, а «Пакт» из преданности к «учителю». С утра до ночи таскался он по всем здешним консульствам и посольствам. «Рериховский пакт» дело безобидное и очевидное. «Охрана памятников»! — но почему-то пакт подписывали все мелкие государства, которым говорилось, что «великие державы» не то подписывают, не то подпишут. И всякий раз как какой-то шах или черный дагомейский король подпишут, «Пакту» за хлопоты орден. И в короткое время «Пакт» получил столько звезд и зверей, прицеплять некуда. У него был и сиамский Слон, и персидский Лев, да из обезьяньей палаты Саламандра.

В ресторане Корнилова³⁶ на двадцатипятилетие Лифаря, я сразу узнал на «Пакте» и огненную саламандру и персидского Льва — зеленая лента. Когда в Москву приезжал шах Наср-Эддин,³⁷ потом не было в Москве околоточного, и даже наш, Рогожской части, Басаврюк,³⁸ все украсились львами и солнцами, зеленое с детства помню. Милюков³⁹ обратил внимание — тоже московская память — и таким образом «Пакт» познакомился с Милюковым.

«Пакт» ходил на все похороны и панихиды по «в Бозе почивших», и если даже его имя не попадало в перечень «присутствовавших», все равно случай побыть в числе высокопоставленных, правда «бывших», но кое-кто еще сохранил и свое положение и вес. Он записался в члены Исторического Общества и познакомился с председателем Андреем Владимировичем⁴⁰ и другими «как великими, так и невеликими князьями». В Париже, конечно, великий князь — «дюк» — «гранд дюк» и никаких последствий, но русская традиция «ваше высочество» и дипломату для разговора, что Биарриц.

Милюков, великий князь, это уж приоткрытые двери; консульства и посольства с орденами — первая ступенька. Занялся «Пакт» и церковными делами и, как член приходского совета, бывал в делегации у митрополита. Знакомство с митрополитом никогда не мешает. Смело подымайся на вторую ступеньку. Рериху он всякий день писал донесения и отчеты, от Рериха в ответ указы. Все было налажено, как в самой образцовой канцелярии. И вдруг война и всему конец и пропад.

Как натурализованный,⁴¹ «Пакт» был призван. В России он подпрапорщик, а здесь нижний чин. В Денкерхене⁴² при отступлении, когда не оставалось офицеров, он ко-

мандовал, ползя на животе, сорок пять часов. Много страху хлебнул, но жив остался. Попал в плен, но по дороге монашки обрядили его монахиней, и он благополучно пробрался в Брюссель, а из Брюсселя, но уж в мужском обличи, в Париж; по-немецки говорит, это облегчило ему путь, да в начале оккупации рогаток таких не было, как потом, когда что ни ночь, то взрыв, а среди бела дня бомба и след простыл, а завтра все мы под наказанием: весь день не велят со двора выходить.

Что случилось с Рериховским Орденом, уцелел ли хоть какой «пакт» о охране, или в бомбардировку все в пыль, как тому и надо, все ведь вышло не из любви к искусству, а из честславия <sic!>, самого суетного пустого человеческого чувства.

А ордена уцелели. И в праздники в приходской церкви на Лекурб⁴³ вы можете полюбоваться: весь пестрый в ленточках «Пакт» на обедне и всенощной ходит с тарелкой, говорилось и с «блюдом».

С «Гороскопом» «Пакт» встретился у нас на кухне. Я представил ее «княжной». Лет двадцать, как разошлась с мужем, а фамилия ее была пусть отцовская, но пусть будет, как «Блаженной» показалось и хочется: «княжна». «Княжна» с первого взгляда ему очень понравилась: он по-Рериховски подергивал правой рукой и длинный хвостик двигался под улыбкой, а кроткие глаза его светились жалобно.

Имя «княжна» и необыкновенная быстр<от>а или все с рывком действовали необыкновенно. Да еще я и супом его накормил. И он не дошел и до дому, как уже называл в душе «княжну» Олечкой, а для пущей нежности к «Олечке» прибавлял «серая». В «сером» есть что-то и ластящее и нежное: «серые тучи», «серенькая мышка», «серый волк». Все эти «серые» и «серенькие» перышками окутывались в его очарованном сердце вокруг ставшего единственным для него имени «княжны Гороскопа». А дома, когда лег спать, невольно высापывалось: «Олечка» — «серая улитка». Просто он влюбился в «Гороскопа» по уши. Кстати сказать, уши у него порядочные, но не выпирают, как у Пискунка,⁴⁴ привлекая к себе единственное внимание.

«Утенок», постоянный на кухне, у Верховой⁴⁵ комнату снимал, как-то заметил, что у «Гороскопа» «мордочка звериная», а Акула назвала ее «славная кошечка», но есть ли что у «Гороскопа» от «серой улитки», не знаю, впрочем, очарованное сердце говорит правду, а, кроме того, «улитка» к сонному сапу очень кстати, передает звук: «у-лит-ка!»

Что случалось у нас от «свинячьей доли», так назывался суп и объедки «Гороскопа», они вправду предназначались для свиней, — я всегда делился с «Пактом». Он приходил на кухню, хоть и поев дома, но всегда голодный. И всякий раз, как он уписывал свинячье, я поминал с благодарностью «княжну Гороскопа», а это еще больше располагало к его «серой улитке».

Тут большая тайность: безо всякого колдовского приворота только через кушанье. Только при упоминании имени под ложку и глоток «любивник» <sic!> очаровывается и еще крепче привязывается к «предмету своей страсти».

«Гороскоп» доставал в «кантине»⁴⁶ — такая потребительская лавочка при учреждении, где она уборные чистила — яйца, масло, сгущенное молоко, чего нам по карточкам не выдавалось. Несколько раз она приносила нам кое-что из этих «ненормированных продуктов» и однажды уступила, не помню, кажется, молоко и своему воздыхателю «Пакту». Он принял банку прямо из «горячих» рук «Гороскопа»: руки у «Гороскопа» костяные, не ледышки, но никак не скажешь «горячие» — но для влюбленного других и не может быть, как только из «горячих» рук. И самое обыкновенное сгущенное молоко показалось ему таким, какого не бывает и нигде, кроме как у «Гороскопа», достать нельзя и его потянуло и еще попросить. А «Гороскоп» и еще раз дал ему еще банку, и цена не страшная, а купить нельзя.

«Гороскоп» напичкан теософией, оккультизмом и стихами. Она и сама пишет стихи. Из смеси образовалась невылазная каша. И из этой каши чувство «избранности», мечты головокружительные, конечно, больше о Индии, там ее поле действия и там она вознесется среди звезд звездой «на востоке». И вдруг, извольте, поломой — это ужасно.

Это с кого хочешь кожу дерет. Оттого у «Гороскопа» и слова все с дёргом и движения «срыву».

Она носит «парамант»⁴⁷ и спит, лежа на животе, как австралийские людоеды. И сны ей снятся особенные, не наши.

Наши сны всегда из жизни дневные, из дневных событий, днем проходящих мыслей и оброненных слов, вообще вокруг да около. А она во сне и на собрании богов побывает — ишь куда, на самую вершину Олимпа — и Грааль (чаша) ей представится. Сны ее или космические или вещие — пророческие. Предсказания ее трудно проверить, но для ее-то убеждения снится ей вещее и все по ее сну сбывается. Она предсказала и войну, и Гитлера, и «желтого» (сожженного) Гитлера и только одного не предвидела, как сама она будет дрожать в день освобождения: «обреют».⁴⁸

Ну, кто бы из нас увидел хотя бы такой сон: передаю со слов «Гороскопа», исправляя в словах. Я читал «Пакту». «Пакт» в восторге.

«Гороскоп» весь день занят на своей поломойне, а дома, в свободные часы составлял гороскопы. Все оставались довольны. И только в последнее время работой было не похвастать. И произошло от несчастного случая.

Каким-то троем вычислила она по гороскопу «неминучую гибель».

Не обратили внимания: какая гибель не «неминучая»? Но оказалось, что бывает и не «неминучая»: в самый кратчайший срок один за другим все трое из этих обреченных по гороскопу попали действительно в список «мертвых». Нынче долго ль человеку и без гороскопа в одно мгновение ока ни с того, ни с сего исчезнуть и был или не был, даже не всякого в список запишут. Мы живем безо всякой «гарантии».

И хотя «Гороскоп» стал подделывать свои гороскопы, она всем, несмотря ни на что, сулила всякие блага в жизни, но в памяти у всех застряли ее грозные предсказания, это и отваживало. И еще круче вздергивало ее вздернутую душу и путало запутанные мысли.

Да и жизнь наша с каждым днем несуразится. Какой-то злой смех: он и всегда был, но теперь чаще услышишь и совсем где и не ждешь.

Из прошлого вспоминаю, как однажды в Киеве⁴⁹ по ошибке сел я в вагон I класса и в уголку к окошку устроился замечать дорогу, билет до Одессы. И когда открылось, что я ошибся, влез в I-ый вместо своего, с каким смехом — удовольствием меня выпроваживали и прогнали в III-й, а в III-ем, какое там у окна, напихалось народа, вагон до верху — через край.

Потом тут с каким удовольствием выпроваживали меня из «Société des gérants de lettres»:⁵⁰ я не член и, как пишущий только по-русски, не имею права быть членом общества французских писателей, а я подавал прошение — «мириться, говорю, с немичей не хочу» — и прошение не взяли.

А вот на прошлой неделе, не выдали по карточке сыр, убедив меня, что завтра могу получить — и все это мне говорилось с каким-то удовольствием. А на завтра снова больше часу я стоял в очереди, никакого сыру не оказалось — все выдано. И это «все выдано» с каким-то удовольствием и смехом вчерашних счастливых, получивших, несмотря на уверения о завтра.

И еще: когда в молочной дошла моя очередь (часовая очередь не считается, еще два часа куда ни шло, на тротуар к двери и в лавке к прилавку) усатая хозяйка сказала: «Этому ¼-ь, а всем до меня по ½ литра. И все это с каким-то удовольствием, не могу понять, чего туту <sic!> радоваться, что меня оделили. И это не в первый раз.

А вчера подрались в очереди: из нашего молочного хвоста сунулся один без очереди в масляный, и началось побоище: задний за втершимся стал его выпихивать да кулаком с карточками и дернул по морде. Пришел ажан и к удовольствию всех масляных, стал нас, молочных<, > разгонять, как зачинщиков. Так без молока я и домой вернулся, шваркнул кувшин о стол, крышка на пол.

Ну что тут смешного и кому какое удовольствие и откуда это берется злой смех и даже у несмеющихся! А без него нынче и дня не проживешь и будь всегда готов.

Жизнь наша проходила <sic!> в полный развал.

Как-то навалюсь на суп и заедаю сырными корками, я рассказывал о Рерихе. Кроме окоченелого «Гороскопа», как всегда торопящего освободить посуду, в кухне надывивали тепло Утенки, Листин и Иван Павлыч.⁵¹ Я рассказывал о Рерихе, какой это замечательный человек и несмотря на свои «мысли» никак не может выскочить в мировые люди, на что имеет все данные.

Н. К. Рерих одержим двумя мыслями — очарован двумя идеями, в которые верит, а не представляется верующим. Он хочет овладеть силами загробного мира и стать царем на Москве. Как спирт, он достиг большой власти и все богатства он получил от спиритических духов — ну как же не поверить в могущество загробных сил и прежде всего сам он поверил всем сердцем и всем помышлением. Рерих чистокровный латыш, никаким боком к Скандинавии, но как Рерих, да это варяжское — это Рюрик, а кому же и быть царем на Москве, как не Рюрику. И в свое царственное призвание он поверил всей своей верой и всем помышлением, как в свою власть над силами загробного мира.

Будущее устройство России с царем Рюриком — Рерихом Николаем Константиновичем было подробно разработано и назначены министры.

«С. К. Маковский⁵² — министр двора, — перечислял я знакомых, — А. В. Руманов⁵³ — министр земледелия, О. Г. Зелюк⁵⁴ — министр финансов, а наш „Пакт“ — министр народного просвещения».

Потом я узнал, что М. А. Таубе,⁵⁵ которого до Жеребкова⁵⁶ прочили в эмигрантские фюреры, тоже распределял министерские портфели в будущей России под игмом Гитлера, но у Таубе наш «Пакт» зачислялся по министерству иностранных дел, а министром просвещения называл Лоллия.⁵⁷ Передаю, что слышал от самого Лоллия.

Мой рассказ о Рерихе произвел огромное впечатление, внимательнее всех слушал оттаивающий «Гороскоп».

Я ей сказал, что, если ей любопытно взглянуть на последние картины Рериха, их всего две: Будда и сам Рерих в образе Сергия Преподобного — хранятся у «Пакта», и «Пакт» ей с удовольствием покажет.

Так попал «Гороскоп» на квартиру «Пакта». И вечер ее посещения стал роковым для «Пакта».

Состоялось знакомство с матерью «Пакта». «Гороскоп» ей понравился. Разожгли камин. Пили настоящий чай. Восхищались Рерихом.

И когда «Гороскоп» ушел, а каминное тепло еще держалось, это под утро будет ледник, «Пакт» размечтался. Он горячо представил себе, как женится на «Гороскопе» и освободит ее от черной работы. И пусть забавляется гороскопом, думал он, книжки читает и пишет испанские стихи. А когда все кончится, он поедет с ней в Россию, и они будут жить в Петербурге, он — министр иностранных дел (по Таубе) или народного просвещения (по Рериху), и у них будут дети, сына он назовет Жоржем, а дочь Олечкой.

На другой день над Парижем закружила такая метель, какой никогда не бывало. Хорошо в России метель, как я любил белоснежные пески. А тут пропадай. И только беда, только неволя выгонит со двора, чтобы потом с чем-то вернуться на оледенелую кухню, и обмерзлые руки подставить под ошпаривающий холодом кран — хоть что-нибудь приготовить.

Кому забрести в такую погоду?

А вот «Пакт» и сугробов не боялся, ему не терпелось рассказать о вчерашнем «Гороскопе» и как для нее зажгли камин и что понравилась матери.

Вижу и читаю за камином и за чаем, за словами и подробностями чистейшее очарование.

«Хочу попросить о яйцах?» — сказал «Пакт» и совой уставился на меня.

«Отчего не попросить, она достанет, нам приносила. Но вам непременно надо пройти к ней!» — и поддавшись свиному очарованию я невольно добавил, будто бы «Гороскоп» всякий раз с восторгом вспоминает о нем.

«Что вы говорите, неужто вспоминает», — он не сказал «с восторгом», а может и я не говорил, а только думал сказать, но все равно от умиления он совал ложку не в рот,

а мимо и густой суп ленточкой пробирался по нем<у> на пол, так, значит, потрясло его: «вспоминает с восторгом».

«Что ж, горело в нем, почему бы и не осуществиться его мечте?»

А я, чуя его мысли, хотел было предложить для крепости какой-нибудь приворот с магическими проводниками: случай с Леонидом Лифарем был у всех в памяти.⁵⁸ Но подумалось: повторение всегда скучно.

«В субботу вечером она дома! — я это из головы выдумал, — пройдите, не откладывая, да, кстати, и о яйцах».

«Удобно ли, — сказал он, — она так занята».

Но я еще раз свое:

«В субботу часов в 9, — и посоветовал не просто, а с цветами, — больше всего любит тюльпаны, не забудьте, только не махровые».

А про махровые у меня само-собой сказалось, а вышло в точку: какие, стало быть, я подробности знаю.

«И не мешает во всех орденах. Блеск — это тоже магия, как испуг и царапина» — я опять вспомнил Леонида и «носовую косточку» на выставке в Лувре, начало очарования, победа Листина, конец неприкосновенности Лифаря.

«Пакт» как-то даже вздохнул при орденах. Или «ордена» попали как раз в середину его мечты. Конечно, он будет венчаться во всех орденах. Или то, что свадьба, связанная с орденами, это только мечта, а как оно будет на самом деле. А вдруг да занимающимся составлением гороскопов жениться строго воспрещается?

И почему-то вспомнился ему случай, хоть и никакого отношения к гороскопу, как его товарищ по Тенишевскому Саша Кобылин затруднялся высказать предложение и, наконец, осмелел: «не хотите ли переменить фамилию?» А она была Курицына. И она расхохоталась. Очень обидно.

И какая-то обида вдруг стянула его лицо, словно он, не готовясь, напоролся, и без того губан, а тут оттопырился до Бахраха.⁵⁹

Мне даже стало его жалко: так он хотел жениться.

Наступила суббота.

Эта суббота — торжество смешной путаницы — роковая для «Пакта» и «Гороскопа», как для Леонида, когда в Опера, встретив Листина с астрономическими приборами, он в исступлении схватился за руку пожарного «алярма» (тревоги).⁶⁰

«Пакт» во всех орденах: персидская зеленая лента льва и солнца через плечо, в руках букет — это не букет Холмского⁶¹ с уличного лотка, а из лучшего цветочного магазина, нарочно ездил за тюльпанами на Мадлен.⁶²

Первое, что он скажет, с этого все и начнется, что только что был у великого князя Андрея Владимировича на заседании нашего Исторического Общества, заседание рано кончилось, и он решил зайти к ней. (Само собой она поймет, что это ответный визит). И тут он безо всякой подготовки, впрочем, в этом он не совсем уверен, спросит ее: «не желает ли она переменить фамилию».

Я сказал «Пакту», что в 9 ч<асов>, и он с 8-и дежурил у Eglise d'Auteuil.⁶³ По соседству с домом, где жил «Гороскоп»: ее комната на 8 этаже, разбитое окно льющее холод; кровать головой к окну.

«Гороскоп» вернулась со своей каторжной поломойни, вся издерганная — вечные ссоры — и сразу же взялась за стирку — как раз вечер горячей воды.

И когда с тюльпанами появился неожиданно «Пакт», она встретила его замысленными руками. Ведь и посадить было некуда, все было завалено мокрым. Урча, она срыву схватила букет и, не разворачивая, шваркнула на стол.

Тут бы «Пакту» и распахнуть пальто, показаться во всем блеске и ленте, а он растерялся и вместо «великого князя» бухнул про яйца: нельзя достать яиц?

«Гороскоп» на яйца ответил такой скороговоркой, словно на неизвестном языке или так, чтобы отвязаться.

«Гороскоп», когда говорит даже относительно спокойно, и то половину не разберешь: Утенок прав: особенное устройство «полости» рта — «кунья мордка».

«Пакт» не понял и опять за свое: за яйца. Яйцы заслонили ему все слова.

«6 франков яйцо!» — разобрал, наконец, «Пакт».

«Очень дорого, — сказал он, — нельзя ли подешевле?» — он убежден был, что не больше 3-х франков; для него 6 фр<анков> также неожиданно, как «Гороскопу» его появление в такой час с тюльпанами.

«Гороскоп» обидчивый — потому что его обидели, так надо думать, и подозрительный, потому что его обманывали, впрочем, обидчивость и подозрительность всегда об руку. Она подумала, что «Пакт» с ней торгуется, подозревая ее в такой высокой цене, а не то, что ей за такую цену в кантине продали яйца.

Никаких яиц она не дала ему. И хотя «Пакт» повторял «подешевле», она не слушала: на нее вдруг нашла другая мысль: она прочтет свои стихи. И сейчас же опростала стул. И «Пакт» плюхнулся в мокрое, но опять не расстегнул пальто — и магия орден так и осталась без употребления.

«Гороскоп» читал свои стихи о Ахилее и Артемиде.⁶⁴ Очень волновался, глотая слова и с перебивом. Понять что-нибудь очень трудно. Гул ее голоса окутывал его сердце живее всяких слов.

Когда она кончила, он, как в высшей степени деликатный, он — Рериховский министр народного просвещения, не желая больше беспокоить «княжну», поднялся с мокрого стула, но вместо «проникновеннейшего» простите, опять-таки от смущения, — влюбленные и до Шекспира всегда глупеют — о стихах ни слова, а за старое, про яйца: он почтительнейше просит известить его, когда подешевеют.

И это последнее яичное слово взорвало ее: переход от Артемиды к подешевелым яйцам, все равно, что по голове треснуть — так она и будет ему еще и письма писать о яйцах.

Он вышел на улицу, ему показалось лето, а было очень холодно. Очарованный, он сочинял себе, как она смотрела на него, читая, и как в ее неразборчивых словах читал он ясные свои слова, подставляя в раздраженную, едва различимую, жесткую речь, нежные слова любви.

И только переходя мост Мирабо,⁶⁵ он расстегнул пальто — и без всякого фонарика путь его был чист: все ордена сияли, а персидская зеленая лента вилась перед ним весенней муравой.

«Серая улитка», — повторял он, а больше слов не складывалось, так горячо они плыли в его слепом влюбленном воображении.

В этот вечер «Пакт» был самый счастливый в затолоченном Париже — в нашей рабьей доле.

Есть такая привычка, «яканье». Когда говоришь: мне холодно — жди ответа, но только не о себе. Вместо того, чтобы сказать — «что придумать, чтобы вам было тепло», — говорят: «а мне не холодно!» Точно также и про еду на мое: «я этого не могу есть» — вместо «что же бы вам съесть?» — говорят: «А я это ем».

А есть повадка, а может обратиться в привычку: чуть что и сейчас же писать письмо.

На другой же день после тюльпанного визита, «Пакт» получил от «Гороскопа» письмо. Письмо, как и надо ожидать, о яйцах, но не о том, что яйца подешевели, а как он мог подумать так о ней, прося «подешевле».

«Пакт» сейчас же почтительнейше ответил, что и мысли не было торговаться, но 6 франков за яйцо вместо 3-х, для него было неожиданно и ему недоступно.

Он надеялся получить ответ. Но ответа не последовало. Он ждал неделю — ничего. «Серая улитка» в последний раз показала свои рога, они были как ножи, какие острые! и навсегда скрылась под яйцом — 6 франков штука.

«Пакту» ничего не оставалось, как только помириться со своей судьбой: рериховский министр народного просвещения, а раскроется самозванство Рериха, «министр иностранных дел» в правительстве Таубе, и он с горя записался в «резистанс».⁶⁶

И те же самые яйца, которые толкнули в «резистанс» разбитую мечту «Пакта», навязчиво пристали к «Гороскопу» — а ведь это тоже ее затаенная обида и только приняла форму яйца.

Вместо космических и вещей снов ей стали сниться яйца: всяких видов и всяких размеров, от блошиного до яиц дельфийского Клеодиса.⁶⁷ Сперва они просто болтались в глазах, потом спустились к самому ее носу и игриво, как на елке золотые, висели пучась всю ночь.

От блох есть средство — порошок, его привезут американцы, но от этих воздушных яиц — 6 франков штука? И все свалилось на меня. Это я все подстроил и с одной целью, здорово живешь, посмеяться. И не день, не месяц, а год «Гороскоп» носил на сердце яйцо против меня. И больше никогда не принесет к нам в нашу беду «свинячий» корм, где часто не было и не «свинячьего».

От Листина я слышал, как мучается яйцами «Гороскоп», во всем обвиняя меня, я понимаю, и от всего сердца мне было жалко «Гороскоп». А кто же смеется над тем, кого жалко? А сколько смешного в жизни даже в такой, как наша, мы больше не видим ночного неба — звезд!⁶⁸

¹ Вверху первого листа сохранившегося автографа указано первоначальное, впоследствии зачеркнутое название рассказа — «Судицы-вестуньи» (в славянской мифологии аналог древнегреческих богинь судьбы — Мойр; см. использование этого образа в повести Ремизова «Григорий и Ксения»). Фигли-мигли (от *польск.* figli migli) — проделки, шутки, уловки.

² Одолева Милица Васильевна — парижская знакомая Ремизова.

³ Ковалевская Ольга Федоровна (ремизовские прозвища: «Слепышка», «Листин») — художница. В годы оккупации входила в круг близких друзей Ремизовых, одна из героинь книги «Мышкина дудочка».

⁴ Африканский доктор — ремизовское прозвище. Имеется в виду Унковский Владимир Николаевич (1888–1964) — врач, журналист, писатель, близкий друг Ремизова.

⁵ Сургучев Илья Дмитриевич (1881–1956) — писатель. В эмиграции с 1920 года, жил в Париже.

⁶ Одарченко Юрий Павлович (1903–1960) — поэт, художник. Эмигрировал в 1920 году. В Париже занимался интерьерным дизайном.

⁷ Полицейский (от *фр.* agent).

⁸ Госпиталь (больница) Бусико (L'hôpital Boucicaut), расположенный в XV округе Парижа, был открыт в 1897 году на средства, переданные Маргаритой Бусико, вдовой известного французского предпринимателя Аристида Бусико, основателя и собственника универсама Au Bon Marché. Закрыт в 2000 году.

⁹ Холмогорова-Кост Елена Николаевна (ремизовское прозвище «Нерпа») — близкая знакомая А. М. Ремизова, помогавшая писателю в последние годы его жизни.

¹⁰ «Чувствительная повесть», «короткая новелла, акцентирующая внимание на изображении любовного чувства и близкая жанру идиллии, была излюбленным жанром Н. М. Карамзина. О какой именно из его повестей здесь идет речь, неизвестно.

¹¹ Имеется в виду старейшая парижская газета «Figaro» («Фигаро»).

¹² Кламар (Clamart) — город и коммуна во Франции в 10 км к юго-западу от Парижа.

¹³ Сергиевское подворье (Paroisse Saint-Serge) — православный приход и культурный центр в Париже, расположенный в XIX округе на улице Крима (rue de Crimée).

¹⁴ Исси-ле-Мулино (Issy-les-Moulineaux) — город и муниципалитет во Франции, в регионе Иль-де-Франс, граничащий с Кламаром, в 4 км от Эйфелевой башни. С 1934 года город обслуживается двумя станциями 12 линии метро — Petits-Ménages (с 1945 года переименована в Corentin Celton) и Mairie d'Issy.

¹⁵ Речь идет о кладбище Пасси (Cimetière de Passy), расположенном недалеко от площади Трокадеро (Place du Trocadéro) в XVI парижском округе и известном как место захоронения французской аристократии. В частности, на кладбище похоронена художница М. К. Башкирцева (1858–1884). Ее мавзолье является также местом захоронения многих других членов семьи Башкирцевых-Бабаниных.

¹⁶ В «Дневнике мыслей» Ремизова есть упоминание о том, что периодически принимаемый писателем снотворный препарат гарденал «гасил» его сновидения и воспоминания; см. запись с 14 на 15 июля 1953 года: «Тройная доза гарденала (1+1+3) действует убийственно. На сонную память. В первый раз я не могу восстановить мою прошлую жизнь. Я спал ключом» (Ремизов А. М. Дневник мыслей. СПб., 2013. Т. 1. Май 1943 — январь 1946. С. 27).

¹⁷ Блаженная Кошатница или Акула — ремизовские прозвища соседки писателя по дому № 7 на улице Буало Анны Николаевны Поляковой. Она упоминается в «Мышкиной дудочке»: «На чтение заглядывает нижняя соседка Анна Николаевна, а когда-то выжилила вечер до „третьих петухов“, Блаженная, ее называли Кошатницей — шестьдесят покинутых котев кормила под виадуком на Микель-Анж...» (Ремизов А. М. Мышкина дудочка. С. 77).

¹⁸ Вероятно, подразумевается книга «Преддверие магии: гигиена тела и духа по оккультизму» (СПб., 1909), автором которой был известный дипломат, политический деятель, с 1922 года живший в Париже, Сергей Владимирович Тухолка (1874–1954).

¹⁹ Больничный центр Св. Анны (Le centre hospitalier Sainte-Anne) — психоневрологическая лечебница, расположенная в XIV округе Парижа.

²⁰ «Бирюлька» — ремизовское прозвище Э. М. Каплун-Walden, жены издателя С. Г. Каплуна.

²¹ «Утенок» — ремизовское прозвище Ольги Владимировны фон Дервиз. «В „Мышкиной дудочке“ А. М. часто говорит об Утенке. Внешность Утенка (Ольга Владимировна фон Дервиз) действительно напоминала игрушечного утенка, она была москвичка: „родилась в Лялином переулке“, была замужем за богатым обрусевшим немцем. В Париже она вышла замуж за деятеля кинематографа, после его смерти осталась одна, опустилась и стала пить. Во время „страды“ Ремизовых она часто бывала у них, но, когда после кончины С. П. она захотела поселиться у Ремизова на квартире, А. М. решительно отказал ей в этом. (Она обиделась и несколько лет не бывала на рю Буало. В 1947 году приятельницы-теософки, желая спасти ее, привели ее к Ремизову, и она стала вновь появляться. По инициативе Н. Кодрянской в 1954 году она поселилась у А. М., чтобы ухаживать за ним, и уже до самой его смерти оставалась там)» (Резникова Н. Огненная память. Воспоминания об Алексее Ремизове. СПб., 2013. С. 145).

²² Карташев Антон Владимирович (1875–1960) — российский государственный деятель, последний обер-прокурор Святейшего правительствующего синода, богослов, историк русской церкви. Один из членов-учредителей петербургского Религиозно-философского общества. В эмиграции с 1919 года.

²³ Успенский Василий Васильевич (1876–1930) — историк, богослов. Один из членов-учредителей петербургского Религиозно-философского общества.

²⁴ Имеется в виду Тенишевское училище — среднее учебное заведение в Санкт-Петербурге, в котором основное внимание уделялось естественно-научным предметам, а также коммерции и товароведению.

²⁵ Сувчинский (Шелига-Сувчинский) Петр Петрович (1892–1985) — публицист, музыковед, музыкальный и литературный критик. В эмиграции с 1918 года.

²⁶ Набоков Владимир Владимирович (1899–1977) — писатель, переводчик, литературовед. В эмиграции с 1919 года.

²⁷ Миркин-Гецевич Борис Сергеевич (1892–1955) — юрист и публицист. В январе 1920 года эмигрировал в Париж, где позднее опубликовал значительное количество работ по международному праву на русском и французском языках.

²⁸ Предположительно, речь идет о французском термальном курорте Mont-Dore (букв. Золотая Гора), где, помимо горячих источников и открытых еще в первой половине XIX века термальных ванн, находился дворец Сарсирон (Sarciron), построенный к 1907 году и часто посещавшийся богатыми промышленниками, банкирами, известными художниками. В нем было более 300 комнат, обслуживавшихся более чем двумя сотнями сотрудников.

²⁹ Суханов Иван Николаевич (1887–1953) — предприниматель, благотворитель. С конца 1920-х годов владелец гастрономического магазина в русском центре на улице Отей (Auteuil) в XVI округе Парижа.

³⁰ Чижов Глеб Владимирович (1892–1986; псевд. Холмский) — типограф, библиофил и исполнитель романсов. В эмиграции работал шофером такси.

³¹ Ремизовское прозвище И. А. Бунина.

³² Ладинский Антонин Петрович (1896–1961) — поэт, прозаик, переводчик. В эмиграции с 1920 года. В 1950 году за просоветские настроения депортирован из Франции. Жил в ГДР, затем вернулся в СССР.

³³ Неологизм восходит к фамилии знакомого Ремизова — писателя и литературоведа Александра Васильевича Вахраха (1902–1985).

³⁴ Т. е. договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников. Он стал первым в истории международным договором о защите культурного наследия. Был подписан в Вашингтоне представителями 21 страны Северной и Южной Америки 15 апреля 1935 года. В 1948 году Пакт одобрен правительством республики Индия.

³⁵ Кемпер (Quimper) — город во Франции.

³⁶ Парижский ресторан «Chez Korniloff» («У Корнилова») был расположен на улице d'Argmaille и был популярным местом встреч русских эмигрантов.

³⁷ Насер ад-Дин Шах Каджар (1831–1896) — четвертый шах Ирана из династии Каджаров. В 1873 году посетил Россию.

³⁸ Ремизовское прозвище околоточного восходит к имени колдуна, пособника нечистой силы из повести Н. В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купалы».

³⁹ Милоков Павел Николаевич (1859–1943) — историк, публицист, политик, один из основателей партии конституционных демократов. С 1921 года постоянно жил в Париже.

⁴⁰ Имеется в виду Андрей Владимирович Оболенский (1900–1975) — князь, друг Ремизова, находившийся в эмиграции с 1920 года.

⁴¹ Натурализация — юридический процесс приобретения гражданства на основе добровольного желания соискателя гражданства. В данном случае имеется в виду получение французского гражданства бывшим подданным Российской империи.

⁴² Денкерхен (*нем.* Dünkirchen, *фр.* Dunquerque) — укрепленный город на севере Франции.

⁴³ Речь идет о православной церкви Серафима Саровского, расположенной на улице Лекурб в XV округе Парижа.

⁴⁴ «Пискунок» — ремизовское прозвище поэта, литературного критика Георгия Викторовича Адамовича (1892–1972).

⁴⁵ Унбегаун Екатерина Даниловна (урожд. Верховская, ремизовское прозвище «Верховая») — соседка Ремизова, проживавшая в доме 7 на улице Буало этажом выше.

⁴⁶ Кантин (*фр.* cantine) — столовая.

⁴⁷ Парамант (параман, анклав) — «принадлежность монашеского одеяния, состоит из двойных перевязей, сплетенных из шерстяных ниток; спускаясь с шеи крестовидно, обнимает плечи и под мышками перепоясывает одежду. <...> Своей крестовидной формой параман означает тот крест, который инок берет на себя, чтобы следовать за Христом» (Полный православный богословский энциклопедический словарь. СПб., [1913]. Т. 2. Стлб. 1760).

⁴⁸ После освобождения Парижа женщинам, обвиненным в коллаборационизме, в том числе работавшим в связанных с оккупантами учреждениях, в знак позора налысо брили голову.

⁴⁹ Ремизов жил в Киеве в 1904 году.

⁵⁰ Ремизов подразумевает «La Société des Gens de Lettres» (SGDL) — писательскую организацию, основанную в 1838 году, первоначально с целью защиты авторских прав, однако меняет *gens* на *gérants* (от *фр.* gérer — управлять, контролировать), в его интерпретации название «Общество литераторов» меняется на «Общество контролирующих литературу».

⁵¹ Имеется в виду Иван Павлович Кобеко (1892–?) — юрист, критик. До 1959 года жил в Париже, затем переехал в США.

⁵² Маковский Сергей Константинович (1877–1962) — поэт, художественный критик, редактор журнала «Аполлон». В 1920 году эмигрировал в Прагу, с 1925 года жил в Париже.

⁵³ Руманов Аркадий Вениаминович (1878–1960) — журналист, юрист, в 1918 году эмигрировал во Францию.

⁵⁴ Зелок Орест Григорьевич (1888–1950) — издатель, журналист, жил в Париже с 1921 года.

⁵⁵ Таубе Михаил Александрович (1869–1961) — российский юрист, историк, государственный деятель. С 1917-го — в эмиграции, с 1928 года жил в Париже, где преподавал в институтах Франции, Бельгии и Германии.

⁵⁶ Жеребков Юрий Сергеевич (1908 — не ранее 1980) — русский эмигрант, коллаборационист, издатель пронацистской газеты «Парижский вестник»; потомственный донской казак. В оккупированном немцами Париже он, будучи членом нацистской партии, возглавлял сначала Комитет взаимопомощи русских беженцев во Франции, а позднее — Управление по делам русских эмигрантов — организации, созданные немцами для контроля за русскими эмигрантами силами выходцев из их среды.

⁵⁷ Львов Лоллий Иванович (1888–1968) — поэт, прозаик, журналист, критик; в эмиграции с 1919 года.

⁵⁸ Отсылка к сюжетному эпизоду из «Мышкиной дудочки», где поклоннице Сергея Лифаря Листин удалось «чудом» получить доступ к своему кумиру, ограждаемому от фанатов его братом Леонидом.

⁵⁹ Намек на внешность А. В. Бахраха.

⁶⁰ От *фр.* alarme — тревога, аварийный сигнал.

⁶¹ См. выше, прим. 30.

⁶² На площади Мадлен (Place de la Madeleine) в VIII округе Парижа, справа от одноименной церкви, с 1880 года находился знаменитый Цветочный рынок.

⁶³ Подразумевается станция метро в XVI муниципальном округе Парижа, рядом с одноименной церковью.

⁶⁴ Речь идет о древнегреческих богах Ахелое — речном боге, сватавшемся к Деянире, но побежденном Гераклом, и Артемиде — вечно юной богине охоты и женского целомудрия, дающей счастье в браке.

⁶⁵ Мост Мирабо (Pont Mirabeau) — мост через Сену, соединяющий XV и XVI муниципальные округа Парижа. Благодаря стихотворению Г. Аполлинера «Le Pont Mirabeau» (1912) стал одним из символов уходящей любви, воспоминаний о давно прошедшем чувстве.

⁶⁶ Резистанс (от *фр.* Résistance, Спротивление) — организованное движение сопротивления Франции против оккупации нацистской Германией в 1940–1944 годах.

⁶⁷ Вероятно, имеется в виду скульптурное изваяние обнаженного юноши Клеобиса — героя греческой мифологии, сына жрицы Кибелы Кидиппы. В настоящее время эта античная статуя хранится в музее в Дельфах.

⁶⁸ Возможно, скрытая отсылка к знаменитому императиву Иммануила Канта: «Звездное небо над головой и моральный закон внутри нас».

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-215-228

Б. М. ЭЙХЕНБАУМ. ДНЕВНИК 1959 ГОДА

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
© В. Л. ГАЙДУК)

«Дневники Б. Эйхенбаума полны размышлений о борьбе нового направления против академической науки, отчетов о литературных спорах, кратких рассказов о значительных встречах»¹ — такую характеристику дневникам ученого дал В. А. Каверин. Борис Михайлович Эйхенбаум начинает систематически вести дневник в 1910 году. В ранних записях (1905, 1910–1917 годов) мы находим воспоминания ученого о жизни в Воронеже, первые впечатления о Петербурге, описания новых знакомств и контактов. Авторский текст перемежается цитатами из классики (Овидий, Эсхил, В. Гете, О. Уайльд, Н. С. Лесков, Л. Н. Толстой и др.), записями стихотворений К. Д. Бальмонта, В. Я. Брюсова, И. А. Бунина, В. А. Жуковского, Н. М. Минского, Ф. Сологуба, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета, К. М. Фофанова и др., а также собственными литературными опытами.

В более поздних дневниках освещается деятельность ОПОЯЗа, характеризуется литературный процесс 1920–1950-х годов. Эйхенбаум подробно описывает свои встречи и беседы с А. А. Ахматовой, Л. Я. Гинзбург, В. М. Жирмунским, Ю. Н. Тыняновым, В. Б. Шкловским и др. Дневники раскрывают перед читателем внутренний мир ученого, лабораторию научной деятельности, процесс формирования интересов: становление формального метода, эстетических вкусов и политических взглядов. Помимо этого, в дневниках освещена текстологическая и историографическая работа над подготовкой к изданию собраний сочинений русских классиков; приводятся планы и наброски статей и монографий.

В 1980–1990-е годы был издан ряд дневниковых записей Б. М. Эйхенбаума: дневники за 1917–1918 годы, 1923-й, 1924-й и 1946 год, а также выдержки из дневников, посвященные изучению Л. Н. Толстого.² В настоящей публикации вниманию читателей предлагается дневник 1959 года — последнего года жизни Эйхенбаума. После многолетней травли, инфаркта, увольнения из Ленинградского государственного университета, Пушкинского Дома,³ конец 1950-х годов стал для Эйхенбаума по настоящему спокойным и благодатным для работы временем. Во второй половине 1950-х годов Эйхенбаум вновь обращается ко многим статьям, которые были закончены в конце 1940-х — начале 1950-х годов и не могли быть напечатаны из-за кампании по борьбе с космополитизмом.

В дневнике 1959 года он часто сетует на нехватку времени и сил: «...когда у белки уже зубов нет — отовсюду сыплются орешки», — но работу над книгами, комментариями,

¹ Каверин В. Эпилог. М., 1997. С. 9.

² См.: Эйхенбаум Б. М. Дневник. 1917–1918 гг. / Публ. и подг. текста О. Б. Эйхенбаум; прим. В. В. Нехотина // De visu. 1993. № 1. С. 11–27; Страницы дневника: материалы к биографии Б. М. Эйхенбаума. Дневник 1923–1924 гг. / Предисловие, публ. и прим. А. С. Крюкова // Филологические записки. Воронеж, 1997. Вып. 8. С. 230–251; 1998. Вып. 10. С. 207–224; Вып. 11. С. 207–220; Эйхенбаум Б. М. Дневник 1946 года // Петербургский журнал. 1993. № 1/2. С. 183–202; Работа над Толстым. Б. М. Эйхенбаум: Из дневников 1926–1959 гг. / Подг. С. А. Митрохиной // Контекст-1981. М., 1982. С. 263–302. Хотя в последней публикации заявлено, что она охватывает материалы и 1959 года, представленные в ней записи заканчиваются 1958 годом.

³ Подробнее обо всех перипетиях жизни Эйхенбаума в конце 1940-х годов см.: Дружинин П. А. Идеология и филология: В 2 т. М., 2012. Т. 2. С. 225–499.

предисловиями и т. д. продолжает. Еще в 1958 году он отметит: «...старость у меня получается сложная, но чувствую себя пока хорошо. Вот бы сделать так: написать три книги: 1) Лев Толстой. Очерки и исследования. 2) Лермонтов. Основные проблемы. 3) Основы текстологии. — Для этого надо прожить и чувствовать себя здоровым еще лет 6–7 до 1965 года, до 80 лет. Выйдет ли?»⁴ Осуществить задуманное Эйхенбауму было не суждено, в 1958–1959 годах он трудился над отдельными статьями, которые должны были войти в его книги, но не успел завершить многие из них. 24 ноября 1959 года Эйхенбаум скоропостижно скончался.

Наиболее масштабным из задуманных проектов была книга о Лермонтове. Рабочее название монографии — «Лермонтов и русская жизнь 30-х годов».⁵ В дневнике она часто фигурирует под названием «книга для Института».⁶

По совету Шкловского Эйхенбаум разделил все творчество Лермонтова на три части, исходя из доминирующего в определенный период литературного жанра: драмы, прозы и стихотворений.⁷ План выглядел следующим образом:

«Введение. „Гражданская экзальтация“.

Часть 1-я. Драмы

1. „Испанцы“ как политическая трагедия
2. Трагедия одиночества: „Menschen und Leidenschaften“ и „Странный человек“
3. Тема мести: „Маскарад“ и „Демон“

Часть 2-я. Проза.

1. „Вадим“
2. „Княгиня Лиговская“
3. „Герой нашего времени“

Часть 3-я. Стихотворения последних лет

1. „Дума“, „Не верь себе“, „Журналист, Читатель и Писатель“
2. Стихотворения 1841 г.»⁸

Первая часть была закончена осенью 1959 года. Работа над «Драмами» началась с короткой заметки «Драматургия Лермонтова» в журнале «Искусство и жизнь».⁹ В дальнейшем она переросла в самостоятельную статью для коллективного сборника, предпринятого издательством «Искусство». Работа заняла у Эйхенбаума несколько лет. Сохранилось письмо, в котором редакция просит предоставить рукопись.¹⁰ Однако в дневниковой записи от 9 января 1950 года Эйхенбаум фиксирует, что статья «Драматургия Лермонтова» отправляется в стол.¹¹ Случилось это, видимо, из-за того, что печатание сборника, изначально запланированного к выходу на конец 1940-х годов, было отложено. В 1954 году была предпринята еще одна попытка публикации сборника, и Эйхенбаум вновь возвращается к работе.¹² Согласно дневниковым записям она продолжалась и в 1955 году, а дальше снова не упоминается до 1958 года: «Как трудно возвращаться к старым работам — а надо и для печати (скоро, кажется, двинется в „Искусство“ это дело), и для доклада в Пятигорске».¹³ Поездка в Пятигорск не состоялась,¹⁴ но доклад «„Испанцы“ Лермонтова как политическая трагедия», являю-

⁴ РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. № 250. Л. 69.

⁵ Там же. Оп. 2. № 102.

⁶ Институт в данном контексте — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Во время кампании по борьбе с космополитизмом в конце 1940-х годов Эйхенбаум был уволен, летом 1956 года ему предложили вернуться и продолжить работу.

⁷ РГАЛИ. Ф. 562. Оп. 1. № 785. Л. 38.

⁸ Там же. Ф. 1527. Оп. 2. № 102. Л. 2.

⁹ Искусство и жизнь. 1939. № 10. С. 17–19.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. № 776. Л. 2 (письмо от 18 марта 1943 года).

¹¹ Там же. № 249. Л. 4.

¹² В архиве ученого сохранилось несколько писем редакции «Искусства» о пролонгации сроков предоставления рукописи (Там же. № 776. Л. 5–8).

¹³ Там же. № 250. Л. 59.

¹⁴ В письме к Шкловскому от 3 апреля 1958 года Эйхенбаум указывает, что «медицина запрещает» ему ехать в Пятигорск (Там же. Ф. 562. Оп. 1. № 786. Л. 23).

щийся частью общего замысла, был опубликован.¹⁵ Полностью статья о драматургии Лермонтова также была закончена, но вышла в 1961 году, уже после смерти ученого.¹⁶

В процессе работы Эйхенбаум решил вычленил также сюжет о «Гамлете» Шекспира. В письме к Шкловскому он подробно описывает свой замысел: «Что касается Лермонтова, то я подробно проанализировал его юношеское письмо к тетке Шан-Гирей и пришел к любопытным выводам, опровергающим чепуху, которую писали об этом в статьях и комментариях. Это не просто „детали“, а идет к вопросу о Шекспире (и в частности — «Гамлете») в России. Детали деталям рознь <...>».

А что касается русского „Гамлета“ в XVIII в., то после Сумароковского (1748 г.), который был запрещен Екатериной как пьеса о цареубийстве, новый „Гамлет“ был написан С. И. Висковатым, <...> переделавшим французскую переделку Дюсиса, — и вот этот „Гамлет“ был разрешен и поставлен в 1810 г., когда, по словам историков, грозила опасность нового заговора против Александра I и нового переворота во главе с Марией Федоровной. Висковатовский „Гамлет“ был написан и поставлен, несомненно, против заговорщиков — и для оправдания Александра. Я думаю, что Александр и заказал эту переделку. В ней Гамлет — не принц и не безумный, а король, против которого Клавдий (не брат, а только родственник старого короля), убивший отца Гамлета, готовит новый заговор. Все это очень прозрачно».¹⁷

Статья осталась незавершенной, отдельные наброски были подготовлены Г. М. Фридендером и напечатаны в 1967 году.¹⁸

Для второй части книги («Проза») Эйхенбаумом была написана работа о «Герое нашего времени», начатая летом 1958 года и предназначенная для коллективной монографии «История русского романа», задуманной сотрудниками Пушкинского Дома. Статья вошла в первый том издания, напечатанный уже после смерти Эйхенбаума.¹⁹ Сокращенный вариант появился раньше — в журнале «Русская литература».²⁰

В третью часть книги о Лермонтове должна была войти статья, подготовленная для издания произведений Лермонтова в серии «Библиотека поэта»; первая редакция двухтомника была выпущена в 1940 году.²¹ Работа над вторым изданием должна была, по мысли самого Эйхенбаума, помочь написать третий раздел монографии о Лермонтове. К сожалению, она не была доведена до конца: в вышедшем в 1964 году издании «Библиотеки поэта»²² за основу был взят текст, подготовленный к печати Эйхенбаумом для Полного собрания сочинений.²³

Практически все статьи для книги о Лермонтове были размещены после смерти Эйхенбаума, сообразно плану ученого, в составе сборника «Статьи о Лермонтове».²⁴

¹⁵ Эйхенбаум Б. М. «Испанцы» Лермонтова как политическая трагедия // Михаил Юрьевич Лермонтов: Сб. статей и материалов. Ставрополь, 1960. С. 45–56.

¹⁶ Эйхенбаум Б. М. М. Ю. Лермонтов // Русские драматурги: В 3 т. М.; Л., 1961. Т. 2. Первая половина XIX в. С. 177–228.

¹⁷ Цит. по: Кертис Дж. Борис Эйхенбаум: его семья, страна и русская литература / Пер. с англ. Д. Баскина. СПб., 2004. С. 341–342.

¹⁸ Эйхенбаум Б. М. К истории «Гамлета» в России // Шекспировский сборник. М., 1967. С. 60–71.

¹⁹ Эйхенбаум Б. М. «Герой нашего времени» // История русского романа: В 2 т. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 277–323.

²⁰ Эйхенбаум Б. М. О смысловой основе «Героя нашего времени» // Русская литература. 1959. № 3. С. 8–27.

²¹ См.: «Первый том составляют 286 стихотворений, распределенных в нескольких разделах: автобиографическая лирика, философская и гражданская лирика, лирикоэпические и фольклорные произведения. Внутри разделов произведения располагаются в хронологической последовательности» (Библиотека поэта. Аннотированный библиографический указатель. 1933–1986. М., 1987. С. 65).

²² Лермонтов М. Ю. Избр. произведения: В 2 т. / Сост. и подг. текста Б. М. Эйхенбаума; вступ. статья П. Г. Антокольского; прим. Э. Э. Найдича. М.; Л., 1964 (Библиотека поэта. Большая сер.).

²³ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 4 т. / Под ред. Б. М. Эйхенбаума. М.; Л.: Гослитиздат, 1947–1948.

²⁴ Эйхенбаум Б. М. Статьи о Лермонтове / [Предисловие Б. Я. Бухштаба]. М.; Л., 1961.

Л. Н. Толстой, так же как и М. Ю. Лермонтов, был центральной фигурой исследований Эйхенбаума. В 1924 году он предполагал, что напишет три тома о Толстом: «...расширить „Молодого Толстого“ и довести его до 1862–3 г., листов на 15. Это будет первый том. Потом написать второй том — кончив „Исповедью“. Остальное — третий том».²⁵ Затем появился замысел пятитомного исследования, но после потери портфеля с материалами к четвертому тому в марте 1942 года во время эвакуации на Ладожском озере Эйхенбаум отказался от этой идеи в пользу «новой книги обо всем Толстом».²⁶ Неожиданно для Эйхенбаума в 1959 году издательство «Советский писатель» предложило ему опубликовать третий том, который был сдан в печать еще в 1940 году. Начавшаяся переработка книги, которую Эйхенбаум считал несколько устаревшей, не была закончена, и свет увидела рукопись, созданная еще в 1930-е годы.

Кроме этого проекта в дневнике 1959 года также находятся сведения о работе над отдельными статьями о творчестве Толстого. Редакция журнала «Новый мир» попросила Эйхенбаума написать рецензию на юбилейное Полное собрание сочинений, завершившееся в 1958 году.²⁷ Ответом Эйхенбаума явилась статья, которая в личном архиве ученого значится под заголовком «Критические заметки о 90-томном издании сочинений Л. Н. Толстого».²⁸ В ней было шесть пунктов: «1. Девяносто томов; 2. Молодой Толстой; 3. Толстой и петрашевцы; 4. Толстой и „люди сороковых годов“; 5. Об основном тексте „Войны и мира“; 6. О комментарии к „Войне и миру“».

3 мая 1958 года Эйхенбаум отправил рукопись в редакцию и спустя месяц получил положительный ответ: «...статья понравилась всем членам редколлегии и будет напечатана в ближайшем номере»,²⁹ но спустя еще два месяца в письме от редактора отдела критики Г. Койранской сообщалось: «...статью читала „новая редколлегия“³⁰ и мнения о ней разошлись».³¹ Редколлегия категорически не согласилась с первым, четвертым, пятым и шестым пунктами, которые непосредственно затрагивали вопросы, связанные с подготовкой собрания сочинения Толстого: толкования заглавия пьесы «Власть тьмы», комментарий Э. Е. Зайденшнур к «Войне и миру» и окончательной редакции «Войны и мира». «Молодой Толстой» и «Толстой и петрашевцы» в свою очередь не могли быть опубликованы, так как могли вызвать споры и позволили бы обвинить журнал в «ненужной революционизации» Толстого.³² Койранская предлагала Эйхенбауму «дополнить и расширить статью, наметить большой круг вопросов и проблем, встающих в связи с окончанием полного собрания сочинений Толстого»,³³ но Эйхенбаум отказался и вместо этого направил свой текст в редакцию «Вопросов литературы» (26 августа 1958 года).³⁴ Рецензию составил давний знакомый Эйхенбаума — Н. К. Гудзий. Ученый указал, что «в статье Эйхенбаума заключается немало ценного, интересного и значительного и ее следует напечатать в „Вопросах литературы“, предложив автору пересмотреть те положения своей работы, которые <...> вызывают серьезные возражения».³⁵ Спорными положениями оказались те же пункты, что и в отзыве «Нового мира». Копию Гудзий отправил напрямую Эйхенбауму с письмом, в котором просил смягчить критику в адрес Зайденшнур и снять замечания по поводу выбора окончательной ре-

²⁵ Филологические записки. 1998. Вып. 11. С. 210.

²⁶ Цит. по: Керлис Дж. Борис Эйхенбаум. С. 334.

²⁷ В черновике письма к редактору отдела критики «Нового мира» Г. Койранской Эйхенбаум сообщает, что ему была заказана критическая статья, которую он и написал (РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. № 262. Л. 1).

²⁸ Там же. № 223.

²⁹ Там же. № 250. Л. 68 об.

³⁰ Весной 1958 года в «Новом мире» сменился главный редактор: вместо К. М. Симонова на пост редактора вновь был назначен А. Т. Твардовский. Подробнее об этом см.: Твардовский А. Т. Дневник: 1950–1959 / Подг. текста, предисловие, комм., указатель имен В. А. и О. А. Твардовских. М., 2013. С. 356, 359, 362.

³¹ РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. № 794. Л. 14.

³² Там же.

³³ Там же. Л. 15.

³⁴ Там же. Л. 17.

³⁵ Там же. № 914. Л. 3.

дакции романа. Эйхенбаум в ответ с горечью отметил, что Гудзий отнесся к статье «не как ученый, а как дипломатический деятель, немного свысока, немного безразлично, не особенно вникнув в существо вопросов» и его «соображений».³⁶

После этого случая Эйхенбаум отказался от дальнейшего сотрудничества с редакцией журнала «Вопросы литературы», а статья появилась в четвертом номере «Русской литературы» по предложению главного редактора В. Г. Базанова.³⁷

Любопытная ситуация также складывалась с работами для «Литературного наследства». Эйхенбаум был автором исследований и публикаций для нескольких томов серии. 5 июня 1948 года на заседании филологического факультета ЛГУ он прочитал доклад «Белинский и Толстой». Двумя днями позже Эйхенбаум пишет в дневнике, что доклад хвалили и просили приготовить для печати.³⁸ Еще через несколько дней один из редакторов С. А. Макашин обратился к Эйхенбауму с просьбой поместить его статью «Белинский и Толстой» во второй книге материалов, посвященных Белинскому.³⁹ Макашин отзывался о работе Эйхенбаума следующим образом: «...статья полна глубокого исследовательского и литературного интереса, свежа мыслью, содержанием в целом и во всех своих частностях».⁴⁰ Спустя год Макашин, отвечая на вопрос Эйхенбаума о судьбе рукописи, сообщает: «У нас теперь новые порядки и новая редколлегия <...>, пока что существует мнение всего лишь одного из членов Редколлегии — Макашина, о том, что статью можно и нужно напечатать при условии, если автор согласится внести в текст некоторые изменения».⁴¹ В 1950 году вторая книга 56 тома вышла без текста Эйхенбаума.⁴² Что, очевидно, было связано с кампанией против Эйхенбаума 1948 года.

В 1959 году после очередных перестановок Макашин стал главным редактором «Литературного наследства» и предпринял новую попытку опубликовать статью «Белинский и Толстой». В сентябре он обратился к Эйхенбауму с просьбой участвовать в толстовском томе. Вероятно, в ответном письме речь шла о статье «Белинский и Толстой», сжатый вариант которой был опубликован в журнале «Молодая гвардия».⁴³ Его предлагалось расширить и переработать. В дневниках об этой работе не упоминается, но говорится о ряде других тем, которые бы он мог развить. В итоге в плане толстовского тома название статьи Эйхенбаума было обозначено как «Поиски пути. Толстой в 1856–68 гг.»,⁴⁴ но замысел этот так и не воплотился в жизнь.

Статья «Наследие Белинского и Лев Толстой» в сокращенном виде вышла в журнале «Вопросы литературы» за 1961 год,⁴⁵ а полный текст был напечатан лишь в 1969 году в сборнике «О прозе».⁴⁶

Эйхенбаум занимался не только вопросами истории и теории литературы, он также активно участвовал в практической работе по изданию русских классиков. В разные годы под редакцией и с комментариями Эйхенбаума выходили тома собраний сочинений Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Тургенева, Толстого и др. В 1959 году была закончена редактура томов полных собраний сочинений

³⁶ Там же. № 260. Л. 1. О полемике Гудзия с Зайденшнур по вопросам текстологии Толстого см.: Переписка Ю. Г. Оксмана и Н. К. Гудзия (1930–1965) / Вступ. статья, подг. текста и комм. М. А. Фролова // Русская литература. 2021. № 1. С. 53.

³⁷ *Эйхенбаум Б.* 90-томное собрание сочинений Л. Н. Толстого (критические заметки) // Русская литература. 1959. № 4. С. 216–223.

³⁸ РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. № 248. Л. 49 об.

³⁹ В конце зимы 1949 года у Эйхенбаума случился инфаркт, он был надолго прикован к постели, подробнее см.: Из воспоминаний О. Б. Эйхенбаум // Эйхенбаум Б. М. «Мой современник...»: Художественная проза и избранные статьи 20–30-х гг. / Вступ. статья В. Шубинского. СПб., 2001. С. 637–638.

⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. № 784. Л. 13.

⁴¹ Там же. Л. 14.

⁴² Лит. наследство. 1950. Т. 56. В. Г. Белинский. [Кн.] II.

⁴³ *Эйхенбаум Б.* Лев Толстой за чтением Белинского // Молодая гвардия. 1956. № 2. С. 232–234.

⁴⁴ РГАЛИ. 1527. Оп. 1. № 784. Л. 57.

⁴⁵ Вопросы литературы. 1961. № 6. С. 124–148.

⁴⁶ *Эйхенбаум Б. М.* О прозе: Сб. статей / Сост. и подг. текста И. Ямпольского; вступ. статья Г. Бялого. Л., 1969. С. 125–166.

Толстого и Лермонтова, и на одном из заседаний в Пушкинском Доме обсуждался проект Полного академического собрания сочинений Тургенева.

Неудивительно, что именно к Эйхенбауму обратилось издательство «Искусство» в 1952 году с просьбой написать книгу о текстологии. Первый вариант проспекта книги «Основы текстологии» был составлен именно в это время.⁴⁷ В письме к Шкловскому от 10 сентября 1953 года Эйхенбаум пишет, что ему собирались заказать книгу о текстологии, но эта идея «раздулась и лопнула».⁴⁸ К этой идее «Искусство» возвратилось в 1958 году. Эйхенбаум планировал взять за основу свой проспект и материал вступительной статьи к переизданию работы Б. В. Томашевского «Писатель и книга».⁴⁹ Полноценно приступить к воплощению замысла Эйхенбаум так и не успел.⁵⁰

Каждая работа Эйхенбаума ценна не только содержанием, но и своей творческой историей, которая воплощает в себе все споры и перипетии литературоведения 1940–1950-х годов. Дневник Эйхенбаума за 1959 год делает явными многие из научных дискуссий, которые до настоящего времени не были детально проанализированы исследователями.

Дневник 1959 года публикуется по автографу из личного фонда Б. М. Эйхенбаума: РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. № 250. Л. 78–82 об. Текст печатается в соответствии с современной грамматической нормой, с сохранением индивидуальных особенностей. Описки и иные погрешности текста исправлены без оговорок.

1959-й год.

3 января. Лень — очевидно после того напряжения, которого стоила работа о «Герое нашего времени». А надо опять приниматься. Впереди: книга по текстологии («Искусство»), книга о Лермонтове — и вопрос о статье для собрания сочинений Лермонтова. Надо сделать со всем Лермонтовым то, что я сделал с «Г<ероем> н<ашего> вр<емени>»:¹ найти для каждой вещи смысловую атмосферу. Трудно с юношеским периодом. — Сегодня сообщение о запуске ракеты в сторону Луны — она должна завтра стать искусственной планетой. Сейчас она находится на расстоянии около 300.000 км. от земли.² — Заходил Д. А. Гранин — он пишет роман об ученых.³ — Хороший стишок сказала мне Марья Никифоровна (я называю ее «Марья Кефировна», когда она приносит кефир, а если нет — «Марья Некифировна»):

Смерть за мной пришла —
 Меня дома не нашла,
 А нашла в кабаке
 С сороковочкой в руке.⁴

10 января. Голова идет кругом и от количества работы и от количества замыслов и желаний. В связи с «Вадимом» Лермонтова заглянул в «Историю Пугачева» Пушкина — и так захотелось вернуться к вопросам Толстовской родни и его знакомств!⁵ А кроме того очень интересно прочитать «Вадима» на фоне этой «Истории». Не спроста это совпадение!

22 января. Надо ломать всю систему историко-литературных понятий и терминов.⁶ Начитался Фохтов,⁷ Цейтлиных,⁸ Благих⁹ — невозможно! Пишут об искусстве как о какой-то школьной науке — точно писатели сдают экзамены на «реализм», и в этом состоит смысл их существования и деятельности. Полнейшее вырождение! Как было при сотворении мира — классицизм, романтизм, реализм... Доколе же? Ведь

⁴⁷ РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 2. № 71. Л. 1.

⁴⁸ Там же. Ф. 562. Оп. 1. № 786. Л. 2 об.

⁴⁹ *Эйхенбаум Б. М.* Текстологические работы Б. В. Томашевского // Томашевский Б. В. Писатель и книга. Очерк текстологии. 2-е изд. М., 1959. С. 5–22.

⁵⁰ После смерти ученого был опубликован проспект книги, см.: *Эйхенбаум Б. М.* Основы текстологии // Редактор и книга. М., 1962. Вып. 3. С. 41–86.

на самом деле этого просто нет — всё иначе! Нет же, например, классицизма в музыке — а «реализм» в ней что такое? Я понимаю такие вещи, как «поэзия мысли», «поэзия природы», «психологизм», «метафоризм» и т. д.

22 января. Отовсюду идут на меня вопросы о «направлениях» — о романтизме, реализме и проч. В книге Гуковского о Пушкине¹⁰ есть важные страницы, с которыми надо спорить, статья Реизова в «Вопр<осах> литературы» 1957, № 1 (очень интересная!),¹¹ а к этому — у Горького в очерке «О том, как я учился писать».¹² Не забыть и статью Гроссмана о «Руслане и Людмиле» (оттиск у меня).¹³ Все это хорошо пришло к работе над книгой о Лермонтове. — 25-го надо отправить Шкловскому телеграмму — вроде: «Поздравляю дорогого Шкловца возрастом мудреца» (ему 66 лет), а то можно так: «Стань на голову будет 99».¹⁴

11 июня. Молчал долго — от страшного количества работы, впечатлений, встреч, дум и проч. Март и половину апреля прожил в Комарове¹⁵ — под яркими лучами весеннего, как будто заново сделанного или позолоченного солнца и на фоне ослепительной, фарфоровой белизны снега. Много часов провел с Виталием Бианки¹⁶ — вчера он умер. — Написал статью о Лермонтове для IV тома.¹⁷ Приезжал Игорь из Москвы — после съемок фильма «Нормандия — Неман».¹⁸ Третьего дня уехал обратно в Москву, а завтра возвращается в Париж. — Наступает лето: Усть-Нарва¹⁹ (ул. Ынне, 12). Надо обдумать программу работы. Всё — о Лермонтове: книгу для Института и «Стихотворения» для «Библ<иотеки> поэта» (со статьей).

18 июня. Беда с работой: когда у белки уже зубов нет — отовсюду сыплются орешки! Уже отказался от предложения «Молодой гвардии» — написать за год книгу о Толстом;²⁰ теперь «Сов<етский> писатель» предлагает издать книгу «Толстой в 70-х годах» (которую я написал 20 лет назад!).²¹ Получается: 1) книга о Лермонтове для ИРЛИ, 2) книга о Толстом для «Сов<етского> пис<ателя>» и 3) книга о текстологии для «Искусства» (май–июнь 1960 г.); кроме того — Лермонтов для «Библ<иотеки> поэта» и I том сочинений Тургенева для Пушк<инского> Дома.²² Надо сообразить прежде всего — расписание работы в Усть-Нарве. Первый месяц отдать книге о Лермонтове: сделать введение («Гражданская экзальтация») и 1-ю главу первой части — театр до «Маскарада». Во второй месяц — прочитать книгу о Толстом и наметить вставки, дополнения, изменения.

2 июля. 25-го июня приехал в Усть-Нарву. Поселились в новом месте, на «Песках»: ул. Вильде 18 (у Ивана Александровича и Нины Адольфовны Кару — по-эстонски «медведь»). С нами Левитины: Фаина Дав<ыдовна>,²³ Густава Марковна и Додик. Я взялся за работу — пока за расширение и обновление главы о драмах Лермонтова. Сильно развернул «разбойничьи» сюжеты. Читаю «Вильг<ельма> Мейстера» Гете: лучшее здесь — то, что было сначала как «Театральное призвание В. Мейстера».²⁴ А прочее — неубедительно и грузно! В «Тамани» Лермонтов, конечно, пародировал Гетевскую Миньону.²⁵

7.VII. Продолжаю писать о драмах Лермонтова. Интересно с «Праматерью» Грильпарцера (рецензия С. Т. Аксакова 1831 года²⁶). Замечательное предисловие Блока при русском издании 1908 года. Особенно замечательно одно место: «Ведь для того, чтобы увидеть чью-нибудь гибель, будь то обряд, или сословие, или отдельный человек, *надо сначала полюбить погибающего*, проникнуть в отходящую его душу, значит — горестно задуматься над ним».²⁷ Удивительно! И это — то самое, о чем я давно говорил и писал в связи с Гоголем и Салтыковым-Щедриным (Иудушка). Вот почему ни один настоящий художник не может просто и спокойно «обличать»: он сам — участник в грехах, в зле, в общем деле.

9.VII. Раннее яркое утро. Из простой рабочей дачки выбежала маленькая кудрявая девочка лет пяти, в руках — большой мячик. Подпрыгивая и стуча мячиком о землю, он<а> бежит с ним, следя, чтобы он тоже подпрыгивал, и ловко попадая. Потом оставила мячик, развалилась в гамаке и, сильно раскачиваясь, стала напевать какую-то песенку без слов — то очень высоким голоском, то низким, очень ритмично, в такт качанию: вперед (раз-два-три) — назад (четыре-пять-шесть), вперед-назад, вперед-назад. Все это — совсем как птичка, которая тут же качается на ветке и тоже поет очень

ритмично. Это не сравнение (оно было бы достаточно банально), а реальный и очень *природный* факт. А вот девочка побежала в дом — и вот, слышу, жалобно плачет. Птица не плачет — тоже очень важный факт!

28.VII. Работа над книгой о Лермонтове идет регулярно — и кажется мне, что книга получится существенной и новой. Была корректура из № 3 «Русской литературы» — статьи о «Герое нашего времени». ²⁸ К сентябрю у меня будет написана вся 1-я часть книги — о драматургии (листов 6). Возможно, что сделаю перерыв и возьмусь за «Основы текстологии» (или за III том книги о Толстом?). А кроме того нужно будет делать Лермонтова для «Библиотеки поэта» и I том Тургенева. Потом расширю работу о прозе — до 7 листов и напишу о лирике последних лет. К осени 1960 года книга должна быть готова. — Необыкновенно возмутительный и характерный факт: по настоянию пошляка Н. К. Гудзия моя статья о Толстом (по поводу 90-томного издания) не будет напечатана в «Вопросах литературы». ²⁹ Прелестно! Когда-нибудь ему будет стыдно! Впрочем пошляки и толстосумы (а не толстоведаы!) срама не имут. Ну и шут с ним!

26.VIII. Лазурное лето закончилось 10-балльным штормом, начавшимся вчера и бушующим и сегодня. Вчера мы любовались удивительным закатом: солнце опускалось в бушующее, черное, покрытое седой пеной море. — В городе обработаю первую часть книги (всё о драмах). На это, вероятно, уйдет сентябрь — и возьмусь за «Основы текстологии» (если не придется срочно взяться за книгу о Толстом). — Приятные итоги лета — знакомство с интересным Гершом <так!> Иса<а>ковичем Егудиным ³⁰ (математиком) и его женой Еленой Феликсовной ³¹ и более близкое, чем прежде, знакомство с Брискманами (Мих<аилом> Арк<адьевичем> и Мар<ией> Яковлевной). ³² Осталось большим вопросом, как быть с Лермонтовым для «Библ<иотеки> поэта»: расположение отобранных стих<отворен>ий и тип комментария. Сохранить прежний тип — как было в издании 1940 года? ³³

9.IX. Очень сложно с перспективами работы. К будущему лету надо бы (кроме очередных редакторских и прочих обязанностей в П<ушкинском> Д<оме>) сделать: 1) книгу о Толстом (70-е годы) для изд<ательств>а «Сов<етский> писатель»; 2) книгу «Основы текстологии» для «Искусства». При этом надо продолжать работу над Лермонтовым, чтобы в 1961 г. кончить книгу. А еще статьи: обещал по «Гамлету» в Шекспировский сборник, ³⁴ что-то надо по Толстому для «Лит<ературного> наследства». А ко всему этому — еще Лермонтов для «Библиотеки поэта» со статьей и примечаниями! — Вечером был у Кости Фигурнова: вместе поступали в Военно-Медицинскую Академию в 1905 году! ³⁵ Он — милый, добрый, дельный, благоустроенный и понимающий, что он сделал в жизни все, что мог, — больше того. А я — иначе: мне все хочется сделать что-то важное, чего я не успел или не смог, а должен.

10.IX. Надо сообразить порядок работы. В сентябре (кроме работы по изданию Тургенева для П<ушкинского> Д<ома>) надо бы закончить и привести в порядок раздел драматургии Лермонтова. Одновременно начать подбирать материал для «Основ текстологии». В октябре: писать «Основы текстологии» и — если «Сов<етский> писатель» заключит договор — начать переработку книги о Толстом или делать издание Лермонтова для «Библиотеки поэта».

17.IX. Были такие бурные дни, что и работать было трудно: ракета долетела до Луны, а Хрущев — до Вашингтона. ³⁶ В газетах — истерика, в радио — тоже, доходящая до страшнейшей пошлятины. — Это, конечно, поворот: идеологический туман рассеялся. Стало ясно: две системы — могучего частного капитализма и могучего государственного капитализма — должны сблизиться. Одно без другого жить не может — и Хрущев чего-то добьется. Но что потом? — Я сегодня отослал в редакцию обновленную (в пунктах 5 и 6) свою статью о 90-томном издании Толстого, по предложению В. Г. Базанова, ³⁷ который хочет срочно напечатать ее в № 4. Интересно, напечатает ли? То-то будет пощечина и Гудзию и Эльсбергу ³⁸ — иди потом доказывай, что я неправ.

18.IX. На ближайшее время получается так: каждый день с утра — 1) писание (книга о Лермонтове, статья о Лермонтове для «Библ<иотеки> поэта», книга о Толстом, книга по текстологии, статья для Шекспировского сборника о «Гамлете»), 2) текстологическая и комментаторская работа (I том сочинений Тургенева, Лермонтов для

«Библ<иоте>ки поэта», III том Толстого для Москвы). Время с 10 до 2 и с 6 до 10. На первое время (сентябрь): отделать 1-ю часть книги о Лермонтове (драмы) и делать I том Тургенева.

23.IX. Речь Хрущева в Сан-Франциско (по крайней мере в устах диктора) звучит блестяще и очаровательно,³⁹ но референт (уж не Аджубей⁴⁰ ли?) подложил ему свинью в виде «черной кошки»: он сказал (говоря о суеверии), что Пушкин вернулся назад, увидев, как по снегу ему перебежала дорогу... черная кошка (вместо зайца!).⁴¹ Но вообще — он хорошо свернул на чисто «деловой» путь и польстил американцам. Юмор, шутливость, доходящая до санчо-пансовского остроумия, — редкое свойство премьеров! — Моя статья о 90-томном издании Толстого, по-видимому («тьфу-тьфу!», как принято), будет напечатана в «Русск<ой> литературе». — Женский род от слова «литературовед» — «литературоведьма»!

24.IX. С работой над Толстым дальше (если статья о 90-томном издании пойдет в журнале) пойдет так: 1) по-видимому — надо делать книгу (бывший III том) для «Сов<етского> писателя» (срок — июнь 1960 г. или осень); 2) надо делать примечания к Московскому изданию (III т<ом> сочинений); 3) надо приготовить что-то к юбилейному номеру «Русской литературы»;⁴² 4) просило «Лит<ературное> наследство». — Какие темы я мог бы развернуть?

1) Возможна статья об отце (см. маленькую рукопись Комаровского периода — 3.VIII.52).⁴³

2) Возможна статья о «Франклиновом журнале» (казанский Второв, «Семейство Холмских», Добролюбов).⁴⁴

3) О Севастопольских рассказах — см. в серой тетради, запись от 6 июля 1957 г.⁴⁵

4) Что-то из области родословия: «Толстые — и Петр и стрельцы, Толстые — и пугачевское движение (Казань)».⁴⁶

5) По поводу слов о «жизненности» русского народа — надо бы добиться толку: «континизм»? Географическая теория?⁴⁷

25.IX. Сегодня подписал договор с «Сов<етским> писателем» на книгу о Толстом (переделанный III том). Срок — 15 сентября 1960 г. Страшно! А отказаться было бы, конечно, странно. Надо сообразить всю программу на год — при условии здоровья и бодрости. Сейчас надо привести в более или менее окончательный вид весь раздел о драмах Лермонтова — это займет время примерно до середины октября. После этого книгу о Лермонтове придется остановить — и взяться за Толстого. Параллельно с книгой о Толстом — готовить издание стих<отворен>ий Лермонтова для «Библиотеки поэта». Вступительная статья к этому изданию поможет мне потом написать третий раздел книги. В это же время — редакторские работы: Тургенев (т<ом> Какад<емического> издания) и Толстой (т<ом> III Гослитиздатского издания). — Сегодня послал поздравительную телеграмму Шостаковичу (день рождения): «Приветствую дорогого Дмитрия Дмитриевича день рождения Шостаковича праздную как радостную историческую дату».⁴⁸

29.IX. Меня преследует мысль, что кукла *Berquin* в восп<оминан>иях Шан-Гирея о Лермонтовском театре марионеток⁴⁹ — не от фамилии французского детского писателя *Berquin*,⁵⁰ а от фамилии сожженного как «еретика» в Париже в 1529 г.⁵¹ Если исходить из того, что этот «театр» Лермонтов с Шан-Гиреем устроили в Москве в 1827–1828 году, то какое ему было дело до этого «*ami des enfants*»? Он уже подходил к таким темам и сюжетам, как «Демон», «Испанцы», «Исповедь». А если так, то судьба еретика *Berquin* могла заинтересовать. И тогда можно думать, что в «Испанцах» есть связь с марионеточным театром.

7.X. Работы и суеты так стало много, что записывать вовсе некогда, хотя впечатлений всевозможных (виолончельный концерт Шостаковича⁵²) и разных дум масса. Вчера провел вечер у М. П. Алексеева⁵³ в обществе двух французских литературоведов: Мазона⁵⁴ и Шарля Корбе⁵⁵ (занимается Некрасовым). Корбе — славный старик, бургундец (из Дижона). Мы много острили — и на прощанье он сказал мне: «*Vous être très amusant, très drôle*».⁵⁶ Вот я и заработал комплимент на старости лет. — У Шостаковича меня поразило то, что короткий мотив (с которого начинается вещь), назойливо

повторяющийся в первой части и возвращающийся в третьей (в разных инструментах и формах) — банальный, известный, звучащий, как насмешливая цитата. Примерно так: ‘f-d-a-g#’.⁵⁷ Сарказм?⁵⁸

¹ Подробнее об этих работах см. во вступ. статье.

² Запуск космической ракеты в сторону Луны был осуществлен 2 января 1959 года, сообщение об этом событии в газетах появилось 3 января, см., например: Правда. 1959. 3 янв. № 3 (14762). С. 1.

³ В это время Д. А. Гранин работал над романом о молодых физиках «Иду на грозу»; опубликован в 1962 году.

⁴ Эйхенбаум приводит текст популярной частушки.

⁵ В «Истории Пугачева» Пушкин пишет о предке Л. Н. Толстого — Николае Васильевиче Толстом (1737–1774) следующее: «Полковник Толстой, начальник казанского конного легиона, выступил против Пугачева и 10 июля встретил его в двенадцати верстах от города. Произошло сражение. Храбрый Толстой был убит, а отряд его рассеян» (*Пушкин А. С. Полн. собр. соч.*: [В 16 т.]. М.; Л., 1950. Т. 9. Кн. 1. С. 61).

⁶ В одном из писем Л. П. Гроссману Эйхенбаум рассуждает: «...надо признать, что „классицизм“, „романтизм“, „реализм“ и всякие другие „измы“ — это не исторические направления, а разные стили, которые могут существовать и существуют одновременно, по законам художественной диалектики. История — не в их „смене“, а в различии их соотношений» (РГАЛИ. Ф. 1386. Оп. 2. № 465. Л. 2 об.). Для Эйхенбаума было очевидно, что нельзя провести четкое временное разграничение между литературными стилями и направлениями. Более того, такие водоразделы не всегда удается установить и в творчестве конкретного писателя или поэта. Письмо к Гроссману было написано в 1956 году, а в 1957-м развернулась так называемая дискуссия о реализме. Отправной точкой стала статья Б. Г. Реизова «О литературных направлениях» (см. о ней в дневнике далее), где предлагалось разграничить типологический и конкретно-исторический подходы (см.: *Реизов Б. О литературных направлениях // Вопросы литературы. 1957. № 1. С. 87–117*). Хотя Реизов в статье привел характеристики романтизма, натурализма, реализма, его оппоненты в основном писали о реализме. В Москве в Институте мировой литературы состоялось несколько заседаний, посвященных этой теме. Прочитанные на заседаниях доклады сначала были опубликованы на страницах журнала «Вопросы литературы», а затем в 1959 году вышли отдельным изданием (см.: *Проблемы реализма: Материалы дискуссии о реализме в мировой литературе 12–18 апреля 1957. М., 1959*).

⁷ Фохт Ульрих Рихардович (1902–1979) — советский литературовед, занимался методологическими и теоретическими проблемами русской литературы, в частности вопросами типологии русского романтизма и реализма. По всей вероятности, Эйхенбаум имеет в виду статью «Развитие реализма в русской литературе XIX века» (*Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. 1957. Т. 16. Вып. 1. С. 18–33*).

⁸ Цейтлин Александр Григорьевич (1901–1962) — советский литературовед. Написал один из первых университетских учебников по истории литературы первой половины XIX века. В нем весь литературный процесс первых шести десятилетий XIX века был разделен на три периода, которые, по мнению Цейтлина, соответствовали трем стадиям развития реализма (см.: *Цейтлин А. Г. Русская литература первой половины XIX века. М., 1940*). Скорее всего, Эйхенбаум пишет об этой работе в своей заметке.

⁹ Благой Дмитрий Дмитриевич (1893–1984) — советский литературовед, пушкинист. Основным трудом своей жизни считал работу над монографией «Творческий путь Пушкина», в которой рассматривал творчество Пушкина как путь к реализму. В 1957 году был одним из участников дискуссии о реализме, выступил с докладом на заседании в Институте мировой литературы, опубл.: *Благой Д. Д. Особенности русского реализма XIX века // Проблемы реализма: Материалы дискуссии... С. 263–307*. Возможно, об этом докладе и пишет Эйхенбаум.

¹⁰ Гуковский Григорий Александрович (1902–1950) — советский литературовед, занимался типологической схемой развития русской литературы XIX–XX веков и задумал написать серию работ, в которой хотел показать развитие романтизма и реализма. Первой стала книга «Пушкин и русские романтики» (1946), вторая вышла уже после смерти ученого — «Пушкин и проблемы реалистического стиля» (1957).

¹¹ Реизов Борис Георгиевич (1902–1981) — советский литературовед, специалист по истории европейской литературы XVIII–XIX веков. Подразумевается статья «О литературных направлениях» (см. прим. 6).

¹² *Горький М. Рабселькорам и военкорам о том, как я учился писать // Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1955. Т. 24. С. 466–499.*

¹³ Гроссман Леонид Петрович (1888–1965) — писатель и литературовед, автор монографий об А. С. Пушкине, Ф. М. Достоевском, Н. С. Лескове. Эйхенбаум познакомился с Гроссманом во время работы над девятым томом «Истории русской литературы» в 10 томах (1956). Первона-

чально Гроссман должен был написать главу о Лескове (она была готова и отправлена в редакцию в 1940 году), но издание девятого тома, для которого Эйхенбаум выступал редактором, было отложено. В 1947 году, когда появилась возможность возобновить издание, он обратился к Гроссману с просьбой о доработке статьи. Развернувшаяся кампания по борьбе с космополитизмом лишила и Эйхенбаума, и Гроссмана возможности завершить начатое. Впоследствии Эйхенбаум высоко оценил гроссмановскую биографию Пушкина в серии «Жизнь замечательных людей», а также исследование о «Руслане и Людмиле», о котором говорит в дневнике: *Гроссман Л. П.* Стиль и жанр поэмы «Руслан и Людмила» // Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина. 1955. Т. 48. Вып. 5. С. 143–208.

¹⁴ Виктор Борисович Шкловский (1893–1984), друг и соратник Эйхенбаума, родился 24 января. Эйхенбаум отправил ему телеграмму со следующими словами: «Если человеку есть годов 66 значит он очень просто доживет годов до ста очень тебя просим целуем раз семь восемь Боря Оля Джули» (РГАЛИ. Ф. 562. Оп. 1. № 806. Л. 16).

¹⁵ Имеется в виду Дом творчества писателей в Комарове.

¹⁶ Виталий Валентинович Бианки (1984–1959) умер 10 июня.

¹⁷ См.: *Эйхенбаум Б. М.* Михаил Юрьевич Лермонтов. Очерк жизни и творчества // Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. М., Л., 1962. Т. 4. С. 751–793.

¹⁸ Игорь Всеволодович Эйхенбаум (1910–1987), племянник Бориса Эйхенбаума, сын Всеволода Эйхенбаума (Волина), был участником авиаполка «Нормандия — Неман». После Второй мировой войны жил во Франции, был генеральным секретарем Ассоциации ветеранов «Нормандия — Неман». В 1959 году выступил научным консультантом фильма, снятого режиссером Ж. Древилем. Подробнее о нем см.: *Жоффер Ф. де.* Нормандия — Неман: Воспоминания летчика / Пер. с фр. Г. П. Загrevского. М., 1982. С. 75; *Тарпуга Е. А.* Книга воспоминаний. М., 2001. Ч. 2. С. 22–23.

¹⁹ О. Б. Эйхенбаум вспоминает, что после инфаркта, который случился с Борисом Михайловичем в начале 1948 года, долгого лечения и гонений «появилась отдушина» — месяцы, когда они жили в Усть-Нарве: «Там летом жили наши друзья, и они предложили нам в той же даче комнату и веранду. Это была семья Фаины Давыдовны Левитиной, известной в научных кругах очень умной женщины. Ее сестра Генриетта работала когда-то в Доме книги — и увековечена в стихах Н. Олейникова» (Из воспоминаний О. Б. Эйхенбаум. С. 639).

²⁰ По свидетельству О. Б. Эйхенбаум, издательство «Молодая гвардия» предложило Борису Михайловичу написать книгу о Толстом для серии «Жизнь замечательных людей», но он отказался, «не мог взять на себя создание биографии, особенно для юношества, потому что жизнь Толстого слишком сложна (в ней много «грязного белья»), и посоветовал обратиться к Шкловскому — тот сразу же согласился» (Там же. С. 640). В письме Шкловскому от 25 августа 1959 года Эйхенбаум сообщает, что отказался принять предложение издательства «Молодая гвардия» «в основном потому, что Гудзии и Эльсберги, конечно, ее (книгу. — В. Г.) не пропустят» (Цит. по: *Кертис Дж.* Борис Эйхенбаум. С. 341).

²¹ Подробнее об этой работе см. во вступ. статье.

²² В 1959 году Издательство АН СССР открыло подписку на Полное собрание сочинений и писем И. С. Тургенева в 28 томах. Б. М. Эйхенбаум был приглашен к участию в этом издании. Проспект издания см.: РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. № 227. Л. 3. В письме к Шкловскому от 13 сентября 1959 года Эйхенбаум пишет: «Начинается дело по изданию Тургенева в 28 томах (15 — сочинения, 13 — письма). Я хотя и не „главный редактор“ (и горжусь этим, *п<отому> ч<то>* отбил-ся), но состою в редколлегии и редактирую (комменташки! комменташки!) первый том» (РГАЛИ. Ф. 562. Оп. 1. № 786. Л. 42). После этого фрагмента в дневнике проведена горизонтальная черта.

²³ Левитина Фаина Давыдовна (1904–?) — филолог, работала в Ленинградском государственном университете. В дневниках Эйхенбаум часто упоминает о времени, которое он проводил за разговорами с Фаиной Давыдовной о музыке, литературе и истории. См. также прим. 19.

²⁴ «Театральное призвание Вильгельма Мейстера» (или «Прамейстер») — роман И. В. Гете, который впоследствии был переработан и стал основой романа «Годы учения Вильгельма Мейстера». При жизни писателя роман не публиковался, долгое время рукопись считалась утерянной, была напечатана лишь в 1911 году.

²⁵ Миньона — персонаж романа И. В. Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера».

²⁶ Эйхенбаум имеет в виду рецензию С. Т. Аксакова на спектакль «Прародительница», который был показан в Большом театре 19 февраля 1831 года, см.: *Аксаков С. Т.* «Прародительница». Романтическая трагедия в пяти действиях, в стихах, соч. Грильпарцера, перевод с немецкого Ободовского // Аксаков С. Т. Собр. соч.: В 4 т. М., 1956. Т. 3. С. 531–535.

²⁷ *Блок А.* [Введение] // Грильпарцер Ф. Праматерь. СПб., 1909. С. 9.

²⁸ См. прим. 20 к вступ. статье.

²⁹ Гудзий Николай Каллиникович (1887–1965) — русский и советский литературовед. Принимал участие в юбилейном издании Полного собрания сочинений Толстого. Подробнее о ситуации со статьей Эйхенбаума см. во вступ. статье.

³⁰ Егудин Герш Исаакович (1908–1984) — математик, близкий друг М. П. Бронштейна и Л. К. Чуковской. В автобиографической повести «Прочерк» Л. К. Чуковская подробно описала переписку своей дружбы с Егудиным (см.: *Чуковская Л. К.* Прочерк. М., 2013. С. 33, 83, 88–89, 203–206, 447–448).

³¹ Пуриц Елена Феликсовна (1910–1997) — переводчица, жена Г. И. Егудина.

³² Брискман Михаил Аркадьевич (1904–1975) — библиограф, историк русской литературы; его жена Мария Яковлевна Варшавская (1905–1985) — искусствовед, сотрудник Эрмитажа (см. о них, например: *Чуковская Л. К.* Прочерк. М., 2013. С. 315).

³³ См. подробнее о подготовке этого издания во введении к данной публикации. После этого фрагмента проведена горизонтальная черта.

³⁴ Статья не была закончена, подробнее см. во вступ. статье.

³⁵ Эйхенбаум учился в Военно-медицинской академии с 1905 по 1907 год, в 1906 году, пока академия была закрыта из-за студенческих беспорядков, он учился в Вольной высшей школе П. Ф. Лесгафта, а в 1907 году поступил на историко-филологический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета (подробнее см.: *Эйхенбаум Б. М.* «Мой современник...»: Художественная проза и избранные статьи 20–30-х гг. / Вступ. статья В. Шубинского. СПб., 2001. С. 38–41).

³⁶ 15–27 сентября 1959 года состоялся визит Н. С. Хрущева в США. 16 сентября Хрущев выступил в Национальном клубе печати в Вашингтоне, где заявил: «...мы приехали к вам с самыми лучшими намерениями и чистым сердцем», речь Хрущева опубликована: Выступление Н. С. Хрущева в Национальном клубе печати в Вашингтоне // *Известия*. 1959. 17 сент. № 221. С. 1–2.

³⁷ Базанов Василий Григорьевич (1911–1981) — советский литературовед, фольклорист. В 1955–1965 годах заместитель директора Института русской литературы, в 1958–1968 годах главный редактор журнала «Русская литература». Возможно, именно Базанов инициировал возвращение Эйхенбаума в ИРЛИ в 1956 году.

³⁸ Эльсберг Яков Ефимович (наст. фам. Шапирштейн, 1901–1976) — советский литературовед. Известно, что он был автором ряда доносов на своих коллег. К. И. Чуковский в дневнике приводит слова литературоведа С. А. Макашина об Эльсберге: «Из-за этого человека я узнал лагерь, войну, плен, этот человек мерзавец, и работать с ним я не буду» (*Чуковский К. И.* Дневник: В 3 т. / Сост., подг. текста и комм. Е. Ц. Чуковской. М., 2011. Т. 3. 1936–1969. С. 286).

³⁹ Речь Хрущева была опубликована днем позже, 24 сентября: Выступление Н. С. Хрущева в Сан-Франциско на обеде с представителями местных деловых кругов у мэра города 21 сентября 1959 года // *Известия*. 1959. 24 сент. № 227. С. 1; возможно, речь Хрущева была передана по радио 23 сентября, поэтому запись о ней в дневнике Эйхенбаума относится к 23 сентября.

⁴⁰ Аджубей Алексей Иванович (1924–1993) — главный редактор газеты «Известия», зять Н. С. Хрущева. Был в составе делегации, которая сопровождала Хрущева в поездке по США. По возвращении из США участвовал в издании книги о поездке Хрущева: *Аджубей А., Грибачев Н., Жуков Г. и др.* Лицом к лицу с Америкой. М., 1959.

⁴¹ В сборнике «Лицом к лицу с Америкой» приводится официальная версия, согласно которой начальник полиции Лос-Анджелеса решил поехать в Диснейленд за несколько часов до запланированного визита Хрущева. Во время этого путешествия кто-то бросил в него помидор. После этого происшествия посещение Диснейленда было отменено (см.: *Аджубей А., Грибачев Н., Жуков Г. и др.* Лицом к лицу с Америкой. М., 1959. С. 130). В речи Хрущев выразил признание начальнику полиции Лос-Анджелеса, но посчитал его суеверным из-за ситуации с помидором, и в качестве примера суеверия привел случай с Пушкиным: «Рассказывают, что однажды в зимнюю пору, когда он выехал на санях, дорогу перебежала черная кошка, и он из-за этого вернулся домой» (Выступление Н. С. Хрущева... С. 1). Эйхенбаум справедливо отмечает, что Хрущев перепутал черную кошку с зайцем. О случае с зайцем, который, по некоторым версиям, спас ему жизнь, Пушкин часто любил рассказывать. Подробный разбор этих рассказов см.: *Гессен С.* Пушкин накануне декабрьских событий 1825 г. // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М., 1936. Т. 2. С. 361–384.

⁴² Подразумевается четвертый номер «Русской литературы» за 1960 год, где помимо обширных статей Ф. Приймы и М. Храпченко был помещен юбилейный блок «Новые материалы о Л. Толстом». Работы Эйхенбаума в нем нет.

⁴³ Возможно, Эйхенбаум имеет в виду рукопись под заглавием «Родители Л. Н. Толстого»: РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. № 191. Л. 2–47.

⁴⁴ Франклинов журнал — система самосовершенствования, предложенная американским политиком Бенджаминем Франклином. Франклин выделил 13 добродетелей, которые, как ему казалось, должны были быть возвращаемы в самом себе, также он завел книжку, на каждой странице которой была нарисована таблица, по горизонтальным линиям помещались названия добродетелей, по вертикальным — названия дней недели; черной точкой он отмечал каждое нарушение добродетели. Франклинов журнал был очень популярен в России в XIX веке, этой популярности способствовал, например, роман Д. Н. Бегичева «Семейство Холмских» (1832), где один из главных героев по совету своей мачехи начинает вести такой журнал. В дневниках исто-

рика Н. И. Второва, Н. А. Добролюбова, равно как и в дневниках Толстого, Эйхенбаум видит влияние Франклинова журнала. Эйхенбауму было важно понять, чем вызван такой интерес к системе Франклина среди интеллектуалов XIX века. В дневниках ученый неоднократно подчеркивает необходимость детально разобрать этот вопрос, но этот замысел остался невоплощенным.

⁴⁵ Тетрадь с заглавием «Наброски к книге о Льве Толстом» хранится в архиве Эйхенбаума — РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 2. №. 69. Она начата в феврале 1952 года, сюда заносились черновые заметки о детстве и юности Толстого, его родителях и ранних произведениях писателя. В ней же систематизированы все написанные Эйхенбаумом работы для книги «Лев Толстой. Очерки и исследования» (Там же. Л. 22). Из главы, которая была подготовлена для «Истории русской литературы», но так и не была опубликована, ученый предполагал выделить отдельную статью о Севастопольских рассказах: «Теоретический интерес в том, что севастьяпольские очерки писались без заранее обдуманного плана — не как единая вещь, а в последовательности событий» (Там же. Л. 23).

⁴⁶ Эйхенбаум подробно занимался вопросами толстовской родни и участием предков Толстого в политических событиях, см.: РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 2. № 68. Толстой Петр Андреевич (1645–1729) первоначально выступал на стороне царевны Софьи против Петра I, после подавления Стрелецкого бунта перешел на сторону Петра и впоследствии стал одним из его сподвижников. Другой предок Л. Н. Толстого — Н. В. Толстой был убит во время Пугачевского восстания (см. также прим. 5).

⁴⁷ Идеи географического детерминизма были популярны среди интеллектуалов XIX века. В работе «Лев Толстой. Шестидесятые годы» Эйхенбаум пишет, что у Толстого была теория, согласно которой географическое положение влияло на развитие национальных особенностей человека (Эйхенбаум Б. Лев Толстой. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1931. Кн. 2. 60-е годы. С. 21–22). Эйхенбаум считал, что идея об особой «жизненности» русского народа могла быть позаимствована Толстым из О. Конта (1798–1857), и установил, что сходные мысли о «жизненности» русского народа высказывал публицист В. Н. Майков в статье о поэте А. В. Кольцове (см. запись в дневнике: РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. № 250. Л. 37). Но далее разыскания ученого не были продолжены.

⁴⁸ 25 сентября 1959 года Д. Д. Шостаковичу исполнилось 53 года. В фонде Шостаковича хранится телеграмма указанного содержания без подписи — РГАЛИ. Ф. 2048. Оп. 3. № 307. Л. 39.

⁴⁹ Шан-Гирей Аким Павлович (1819–1883) — троюродный брат М. Ю. Лермонтова, автор воспоминаний: *Шан-Гирей А. П. М. Ю. Лермонтов* // Русское обозрение. 1890. Т. 4. С. 724–754. П. А. Висковатый приводит в биографии поэта следующий рассказ А. П. Шан-Гирея: «Среди них (восковых кукол. — В. Г.) была кукла излюбленная мальчиком поэтом, носившая почему-то название „Verquin“ и исполнявшая самые фантастические роли в пьесах, которые сочинял Мишель» (*Висковатый П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество* // Лермонтов М. Ю. Соч. М., 1889. Т. 6. С. 26).

⁵⁰ Беркен Арно (1747–1791) — французский писатель, автор книг для детей и подростков. В 1782–1783 годах был опубликован роман «L'Ami des enfants» («Друг детей»), после выхода которого такое прозвище закрепилось за писателем.

⁵¹ Беркен Луи (ок. 1490–1529) — французский проповедник, приверженец идей Эразма Роттердамского, вследствие чего неоднократно подвергался гонениям. В 1529 году был обвинен в ереси и сожжен на костре.

⁵² Имеется в виду «Первый виолончельный концерт» Д. Шостаковича. Его официальная премьера состоялась 9 октября 1959 года в Большом зале консерватории в Москве, прослушивание же состоялось 21 сентября 1959 года во Всесоюзном доме композиторов в Москве. Эйхенбаум мог ошибиться с указанием даты, или же ему удалось присутствовать на прослушивании.

⁵³ Алексей Михаил Павлович (1896–1981) — советский литературовед, автор сравнительных исследований по истории русской литературы. В 1950–1963 годах занимал должность заместителя директора по научной работе Института русской литературы АН СССР. В 1956 году организовал и возглавлял Сектор взаимосвязей русской и зарубежных литератур. Был знаком со многими европейскими славистами.

⁵⁴ Мазон Андре (1881–1967) — французский славист, автор работ о русской литературе XIX века. Директор Славянского института в Париже.

⁵⁵ Корбе Шарль — французский славист, автор работ о Некрасове: *Corbet Ch. 1) Nekrasov. L'Homme et le poète. Paris, 1948; 2) L'Opinion française face à l'inconnue russe. Paris, 1967.*

⁵⁶ Вы очень веселый и очень смешной (*фр.*).

⁵⁷ Буквенная расшифровка нот: фа-ре-ля-соль диез. Эйхенбаум почти точно транскрибирует главную тему первой части концерта Шостаковича, в оригинале она звучит как: ми-до-соль-фа диез (e-c-g-fis). Один из исследователей творчества Шостаковича указывает, что «начальная тема концерта является как бы скрытым интонационным „каркасом“ грузинской песни „Сулико“, столь любимой Сталиным». На протяжении всего концерта этот мотив претерпевает несколько вариаций, но остается ведущим во всем произведении (см.: *Ивашкин А. Первый виолончельный концерт Д. Д. Шостаковича* // Шостакович Д. Д. Новое собрание сочинений [Ноты]: В 150 т. М., 2011. Сер. 3. Симфонии. Т. 47. С. 64).

⁵⁸ На обратной стороне листа запись: «2-е февраля ст<арый> ст<иль> 1852 г. — суббота / 3-е мая — суббота». Вероятно, эта запись, не имеющая отношения к дневнику, определяет датировку какого-то текста.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-228-238

© Ю. Ю. Коновалова

В ПОИСКАХ ЖАНРА И КОМПРОМИССА: ТРАВЕЛОГИ В. П. АКСЕНОВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1970-Х ГОДОВ

1

Альманах «Метрополь» (1979), круто изменивший литературную судьбу его авторов (в случае В. П. Аксенова — бесповоротно), был составлен из рукописей, хорошо известных советским редакциям.¹ «Не вполне знакомым с некоторыми особенностями нашей культурной жизни»,² т. е. с литературной ситуацией 1970-х годов, это может показаться странным: как могли навредить авторам тексты, что писались в расчете на подцензурную публикацию? Дело в том, что дихотомия пригодных и непригодных для печати сочинений не имела ясных очертаний даже в самые многообещающие годы «оттепели». Так, например, публикация в «Новом мире» «Одного дня Ивана Денисовича» А. И. Солженицына (1962. № 11) подтолкнула А. А. Ахматову к решению дать в журнал «Реквием». Но, ознакомившись с манускриптом, заведующая отдела поэзии журнала С. Г. Караганова сказала, что «„Новый мир“ — самое невероятное место, где он может быть опубликован».³ Критерии, по которым тот или иной текст не доходил до советского читателя, и в начале 1960-х не были очевидными.

В «застойные» годы путаница усугубилась. Разрешение на публикацию зависело от слишком многих как внешних (контроль Отдела пропаганды ЦК КПСС и других кураторов советской печати), так и внутренних (самоцензура редакторов и писателей) факторов. Не только сугубо политические причины («подписанство», открытая критика ввода войск в Чехословакию), но и неприятие аксеновской поэтики привели к тому, что на протяжении десятилетия (1969–1979) Аксенов «фактически был вытеснен из текущего литературного процесса на его периферию».⁴

Сносить резкую критику Аксенову было более-менее привычно: хулители находились как в начале 1960-х (чего стоят одни названия рецензий на роман «Звездный билет» (1961): «Фальшивый билет», «Звездный билет — но куда?» и мн. др.), так и в конце десятилетия, когда писателя обвиняли в «эгоцентризме героя, тенденции к элитарности, игнорировании исторического опыта народа».⁵ Но положение непечатаемого автора было привыкшему к всесоюзной славе Аксенову в новинку. Поэтому в начале 1970-х он развивает намечавшуюся и ранее поэтику компромисса (двусмысленности) и стремится аккуратно встроиться в надежные литературные ниши. Были среди них как уже вполне устоявшиеся, так и новые.⁶ К последним относится органи-

¹ [Б. п.]. Предисловие // Метрополь. Ann Arbor, 1979. С. 9.

² Там же.

³ Цит. по: *Тименчик Р.* Последний поэт. Анна Ахматова в 1960-е годы. М.; Иерусалим, 2015. 2-е изд., испр. и расширенное. Т. 1. С. 296.

⁴ *Есипов В. М.* Из официальной переписки // Аксенов В. «Ловите голубиную почту...»: Письма (1940–1990 гг.). М., 2015. С. 401 (сер. «Письма писателей»).

⁵ *Ланщиков А.* «Исповедальная» проза и ее герой // Октябрь. 1968. № 2. С. 31.

⁶ Ср.: *Жолковский А. К.* 1) Искусство приспособления // Жолковский А. К. Блуждающие сны: Из истории русского модернизма. М., 1992. С. 50–53; 2) Победа Лужина, или Аксенов в 1965 году // Жолковский А. К. Поэтика за чайным столом и другие разборы: Сб. статей. М., 2014. С. 411–437.

зованная Политиздатом в 1968 году серия «Пламенные революционеры». Как писал в 1980 году в личном дневнике ее редактор В. Г. Новохатко, «книги о нынешней жизни в прозе уродуются цензурой еще хлеще, чем наши», поэтому в исторические повествования 1970-х годов так часто проникали аллюзии на современность и «эзоповский язык». ⁷ Однако кажется, что в романе о «пламенном революционере» Леониде Крассине «Любовь к электричеству» (1969) Аксенов не столько прибегает к «эзоповским» приемам, сколько стремится добросовестно заполнить означенный в договоре печатный объем. В результате профессиональные историки либерального толка мягко упрекали писателя в недостатке фундированности: «Можно было бы тут составить перечень того, о чем автор забыл и что он не досказал», ⁸ а некоторые профессиональные читатели (тогда — потаенно) — в конъюнктуре и «ремесленничестве». ⁹

Из традиционного набора жанровых альтернатив, предлагаемых «проблемному» литератору, Аксенов выбрал несколько: киноиндустрию («писал заявки на киносценарии и получал авансы; тогда это было распространенной практикой»), ¹⁰ детскую литературу, переводы. В поле детской литературы в «оттепельные» годы начали появляться более-менее либерально ориентированные журналы. Так, ленинградский «Костер», по свидетельству его многолетнего сотрудника, «отличался тем, что кое-что себе позволял, несмотря на все непростые времена». ¹¹ Именно там вышла повесть о «ленинградском пионере Геннадии Стратофонтове». ¹²

Не удовлетворяясь «крайним» положением в литературе, Аксенов решается на более рискованный шаг, замаскированный под компромисс, — пишет повесть «Золотая наша железка» (1973), начиная верноподданный жанр советского производственного романа своевольным (ностальгирующим по 1960-м) содержанием. Здесь, пожалуй, впервые самоцензуры оказалось недостаточно. На последних стадиях редактуры роман, который мыслился автором как «проходимый» вариант уже начатого «Ожога» — «Свободной Книжки», «свободной во всем» — был «зарезан». ¹³ Оказавшись на литературной «окраине», Аксенов переводил «по подстрочникам с киргизского, казахского, грузинского языков», переписывал «чужие забракованные или полузбракованные сценарии» ¹⁴ и сочинял крохотные юмористические рассказы для «шестнадцатой полосы „Литературки“». ¹⁵ Героем многих из этих рассказов был возникающий и в повести «Золотая наша железка» Мемозов, «антиавтор», как назван он в американском травелоге «Круглые сутки нон-стоп» (1976), пробившемся в «Новый мир» после отказа нескольких издательств (в частности, «Молодой гвардии»). Очерки отвергались, поскольку Аксенов не скрывал симпатии к Америке, что никак не отвечало «социальному заказу» и шло «вразрез с тоном авторов агиток, описывающих тяжкую жизнь „За океаном“, „Под властью доллара“ в „Городе желтого дьявола“». ¹⁶

По сравнению с тем, как плотно исследован советский травелог 1920–1930-х годов, очевидна лакуна в изучении этого жанра в 1960–1970-е годы. Если феномену

⁷ Новохатко В. Белые вороны в Политиздате // Тыняновский сборник. М.; Екатеринбург, 2018. Вып. 14. С. 277.

⁸ Логинов В. О романе Василия Аксенова «Любовь к электричеству» // Юность. 1971. № 3. С. 32.

⁹ Калласс Т. Читайте Аксенова: Субъективные заметки о Василии Аксенове и его пространстве-времени // Радуга = Vikerkaar = Таллинн. 2002. № 3. С. 54.

¹⁰ Сидоров Е. Аксенов в «Юности» // Знамя. 2012. № 7. С. 193.

¹¹ Махотин С. «Ребенок, который жил во мне, дождался своего часа» // Новый мир. 2013. № 10. С. 175.

¹² Аксенов В. П. Мой дедушка — памятник // Костер. 1970. № 7. С. 38.

¹³ Аксенов В. «Ловите голубиную почту...». С. 321 (письмо Михаила Рошина Аксенову от 11 июля 1979 года).

¹⁴ Там же. С. 399.

¹⁵ Аксенов В. Круглые сутки нон-стоп. Впечатления, размышления, приключения // Новый мир. 1976. № 8. С. 54. Далее очерки цитируются по этому изданию сокращенно, с указанием номера страницы.

¹⁶ Петров Д. Аксенов. М., 2012. С. 146 (сер. «Жизнь замечательных людей»).

путешествия на Запад в первой трети XX века посвящены диссертации¹⁷ и сборники статей,¹⁸ то травелоги второй половины века оставляют без внимания даже авторы специальных монографий.¹⁹ Между тем позднесоветские травелоги наследуют от своих предшественников большинство как нарративных, так и идеологических клише. «Круглые сутки нон-стоп» Аксенов открывает утверждением, что жанр путевых записок об Америке крайне неоригинален: «...сколько помню себя, столько и читаю американские тетради, очерки и листки» (с. 51). Тема исчерпана настолько, что и браться за нее не стоит: «Не буду писать об Америке — так было решено» (с. 51). Завязка текста — отказ от его создания. Подобные самоотрицания встречаются и дальше и становятся структурной основой травелога. Например, предостережение самому себе — «И нечего прятаться за спиной вымышленных героев! Пиши от первого лица, так труднее будет врать» (с. 52) — писатель помещает в предисловии только для того, чтобы игнорировать его на протяжении всего текста, в котором выстраивается система авторских двойников. Снимая вопрос об истинности и ложности той или иной авторской сущности (истинны, в известной мере, все), писатель располагает их по шкале личной симпатии/антипатии. Неприятный, текущий Мемозов при первом же своем появлении назван «вздорным авангардистом» (с. 54), одевающимся несуразно, но с претензией; Мемозов — гротескное альтер-эго Аксенова с его «модернистской» прозой и умеренным стилистичностью.

Под реальным именем в травелоге действует претендующий на нон-фикциональный статус автор путевых очерков — «гость Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, „регентский профессор“» Аксенов (с. 52). Его фикциональным двойником является «какой-то вымышленный Москвич» (с. 52), чьи приключения описаны в нейтральном третьем лице. Мемозов — характерный для прозы Аксенова 1970-х переход от *factum ad fictioma*, в противоположность символистской формуле Вячеслава Иванова, от вымышленного к вымышленнейшему: он — «предосаднейший продукт воображения» не автора, но Москвича. Эта замысловатая нарративная иерархия существует не только на метауровне (или на уровне паратекста; ср. «тройной» подзаголовок травелога — «размышления» чаще всего принадлежат писателю Аксенову, «впечатлениями» делится Москвич, а «приключения» не обходятся без Мемозова), она присуща и сознанию Москвича: «...так как этот субъект (Мемозов. — Ю. К.) является в значительной степени продуктом воображения, то я, представляющий также в некотором смысле определенное воображение, считаю себя так или иначе ответственным за поступки этой персоны» (с. 60).

Отчасти сложную нарративную систему с разными уровнями фикциональности предполагает сам жанр травелога. Автор путешествия закономерно расслаивается на носителя родной культуры и на наблюдателя, причастного *другой* культуре, и создает текст на стыке двух знаковых систем: «...любое путешествие протекает в нескольких параллельных измерениях, нарративные структуры усложняются и приобретают метатекстовость в качестве постоянной характеристики».²⁰ Тщательно выстраивая эту структуру, Аксенов, судя по всему, пытался моделировать и возможный диапазон читательского восприятия не только Америки (чересчур привлекательная Америка не была нужна кураторам советской идеологии даже в непродолжительный период «разрядки напряженности»), но и его «впечатлений, размышлений, приключений». Так, на аналитическую рецепцию рассчитаны размышления «„регентского профессора“ и члена Союза писателей Аксенова» (с. 52). Явно с оглядкой на увлекательность для

¹⁷ Пример фундированного исследования — диссертация, опубликованная в виде монографии: Пономарев Е. Р. Типология советского путешествия. Советский путевой очерк 1920–1930-х годов. СПб., 2011.

¹⁸ Например, сборник по итогам международной конференции университетов Оснабрюка и Бремена «Взгляды Других (Die Blicke der Anderen)»: Беглые взгляды: Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века: Сб. статей / Ред. В.-С. Киссель, Г. А. Тиме. М., 2010.

¹⁹ Эткинд А. М. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М., 2001.

²⁰ Пономарев Е. Р. Типология советского путешествия. С. 25–26.

рядового (оценивающего не идеологическую, а сюжетную сторону текста) читателя написаны «Typical American Adventure» («Типичные американские приключения») Москвича, каждое из которых построено по законам того или иного популярного западного киножанра.

Кинематографичность американской жизни бросалась в глаза и раннесоветским литераторам, но имела отчетливо отрицательные коннотации: «Американское кино <...> для советских путешественников — главный вид кривого зеркала». ²¹ Если в устах Б. Пильняка, И. Ильфа и Е. Петрова характеристика «как в кино» несет, прежде всего, презрение к искусственности заокеанского бытия, то у Аксенова — это настоящий ключ, открывающий Америку. Если советские авторы первых американских травелогов «попадают внутрь кино, но не сразу понимают это», ²² то Аксенов сам с упоением выстраивает съемочные павильоны и помещает в них своего героя, оставляя на виду излюбленную лестницу на метауровень: «Вы спрашиваете, oldfellow, есть ли смысл вам и дальше оставаться в вашем приключении? — спрашивает Москвича его вергилиеподобный проводник по кинофантазиям в американском духе. — Раз уж вы его начали, то оставайтесь. Мне кажется, вы здесь не лишний элемент» (с. 97). Спустя ровно десятилетие после «Круглых суток...» Ж. Бодрийяр придет к тому же выводу: «В Америке кино — настоящее, поскольку все пространство, весь образ жизни — все кинематографично». ²³ Аксенов нашел чуть ли не самый адекватный способ писать об Америке, уже выделяющий его на фоне многочисленных путешественников — авторов «американских тетрадей» и приглашающий к сопоставлению с писавшими позднее. Зримая ирреальность «типичных американских приключений» Москвича указывает на аксеновскую догадку о сути американской жизни, «которая в том виде, в каком она существует, обладает всеми свойствами вымысла. Именно эти черты вымысла и производят такое захватывающее впечатление». ²⁴ Так мыслит и находящийся на самом реальном из уровней повествования писатель Аксенов: «Я мало там ходил в театры, потому что все вокруг меня было спектаклем» (с. 101).

В первых двух частях травелога («Странное объявление» и «Кто вы? Куда мы? Где я?») Москвич, подобно суперагенту из шпионского боевика, попадает в логово интеллектуальных мафиози — любителей поэзии Серебряного века, в третьей части («Двадцать четыре часа в сутки нон-стоп»), где действие разворачивается в Лас-Вегасе, и в четвертой («Серебряные призраки») по всем канонам вестерна герою приходится «рвать когти», потому что его ждет «погоня с выстрелами и прочей шелухой» (с. 83), а в салун влетает вооруженный Мемозов («Скотина какая, — проворчал бармен, — вечно вот так врывается на полуслове, стреляет в пианиста...»; с. 97). В реплике бармена иронически обыгрываются не только стереотипные представления о нравах Дикого Запада, но и типовые травелоги, эти нравы описывающие. Например, о висевшем «над старинной фисгармонией <...> веселеньком плакатике: „Пожалуйста, не стреляйте в пианиста. Он старается, как может“» ²⁵ не забывают упомянуть авторы книги «Америка справа и слева», корреспонденты «Правды». Знакомство Аксенова с этим травелогом доказывает и общность в наименовании героя-путешественника Москвичом. Что до Мемозова, то он заранее обвиняется во всех литературных грехах, как бы предвосхищая враждебную Аксенову рецепцию: «...паршивенький Мемозов, изображал из себя суперумника и, делая вид, что не замечает Москвича, писал зубодробительную рецензию» (с. 109). Прием использования «чужого слова», когда смысл сказанного обращается против его носителя, описан М. М. Бахтиным: «Пародийному слову аналогично ироническое и всякое двусмысленно употребленное чужое слово, ибо и в этих случаях чужим словом пользуются для передачи враждебных ему

²¹ Там же. С. 251.

²² Там же. С. 254.

²³ Бодрийяр Ж. Америка. СПб., 2000. С. 179.

²⁴ Там же. С. 173.

²⁵ Стрельников Б., Шатуновский И. Америка справа и слева: Путешествие на автомобиле. М., 1972. С. 96.

устремлений».²⁶ Уточним, что для Аксенова труды Бахтина стоит относить не столько к «исследовательской литературе», сколько к «источникам». По мнению Е. Пономарева, аксеновские нарративные игры — смешение голосов героев и автора, его перемещение внутрь изображаемого мира и др. — выдают в нем внимательного читателя Бахтина, идеи которого «эпоха шестидесятых удобно приспособила к себе».²⁷ Даже для жанрового (и/или мировоззренческого)²⁸ самоопределения — правда, ретроспективного — Аксенов использует бахтинское слово — карнавал.²⁹ Как кажется, именно в жанре травелога — на пути от «Затоваренной бочкотары» через «Круглые сутки нон-стоп» к «В поисках жанра» — карнавализация стиля видна отчетливее всего.

«Встреча» Мемозова и писателя Аксенова все же происходит, причем на «псевдо-документальной» территории последнего. Он рассказывает, как «читал студентам некоторые злоключения Мемозова из „Литературной газеты“, а они, как оказалось, полагали, что это „подпольная литература“» (с. 75). В «*нон-фикциональных*» главах травелога Мемозов теряет автономность от создавшего его автора. Не менее интересно заключение аксеновских студентов, что представленные им рассказы не опубликованы. Судя по всему, услышанное студентам понравилось, а уверенность в том, что вся «*настоящая*» литература остается в писательском столе, была у них очень сильна. Внешнее мнение, что в подцензурной советской литературе априори не может быть ничего хорошего, отчасти было и внутренним: высокая ценность у советского читателя сам- и тамиздата оборачивалась обесцениванием пробившихся в печать текстов. В какой-то мере этот скепсис коснулся и аксеновских вещей, опубликованных во второй половине 1970-х годов.

Жанр травелога допускает и даже предполагает амбивалентность достоверности и вымысла, сочетая, с одной стороны, художественное повествование, с другой стороны, стремление во всех подробностях задокументировать путешествие. Стратегия Аксенова в «Круглых сутках нон-стоп» содержит противоречие. Степени фикциональности разграничены максимально эксплицитно — на композиционном уровне — чередованием условно документальных глав, имеющих заголовки, и глав фантазийных, пронумерованных и объединенных общим названием «*Typical American Adventure*». Казалось бы, автор заботится о том, чтобы не ввести читателя в заблуждение насчет достоверности той или иной страницы травелога. Однако множество рассыпанных по тексту автометаописаний настойчиво убеждает в обратном. Вначале мягко, в вопросительной форме: воображение и реальность — «в таком ли уж страшном противоречии находятся эти понятия?» (с. 56), затем и в утвердительной: «...фантазия художника — это тоже реальность» (с. 75). Наиболее авторитетная из авторских ипостасей — профессор Аксенов — устраивает со студентами дискуссию на эту тему и приводит такой «*монодиалоги*»: «Фантазия, быть может, не менее реальна, чем шелест листьев. <...> Вы шутите, сэр? О нет, я иногда полагаю, что реальные явления, окружающие нас, такие, как закаты, течение рек, камни, птицы, песок, не менее таинственны, чем фантазия. <...> Кто сказал, что названные нами предметы менее таинственны, чем неназванные?» (с. 75–76). На проверку оказывается, что многоголосое обсуждение — лишь форма выражения дорогой Аксенову мысли, уже успевшей явиться в советской печати: «Ну, что такое предметы и явления, окружающие нас? Это все очень непонятное, загадочное и странное. Ну, скажем, шелест листьев, течение реки, восход и закат солнца <...>. Ведь оттого, что мы обозначили эти явления какими-то простыми словами, они не стали менее загадочными».³⁰

²⁶ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М., 2002. Т. 6. С. 217.

²⁷ Пономарев Е. Соцреализм карнавальным: Василий Аксенов как зеркало советской идеологии // Звезда. 2001. № 4. С. 215.

²⁸ Там же.

²⁹ Невское время. 2000. 29 июля. С. 4.

³⁰ Недостовверная достоверность: диалог В. Аксенова и В. Рослякова / Запись Г. Цитриняка // Литературная газета. 1974. 20 марта. № 12. С. 6.

Аксенов стремится к тому, чтобы его художественные воззрения разделили не просто внешние слушатели, но *значимый другой* — американская молодежь.

Писатель не только инициирует новые дискуссии, но и с азартом включается в уже идущие, правда, не всегда на стороне заокеанских собеседников. Так, разногласия вызывает трактовка слова «тоталитаризм», казалось бы не понаслышке знакомого автору из СССР. Однако оказывается, что для американцев это очень широкое понятие: «...они видят его признаки <...> в таких приметах, которые иностранцу вовсе и не кажутся никаким тоталитаризмом. Вот, например, так называемые коммершэлз, телерекламы — это тоталитаризм...» (с. 70). Замечая, что «презрение к рекламе — это неотъемлемое качество американского интеллигента», Аксенов этого презрения не разделяет: «Мне вначале просто нравилось гулять по улицам и разглядывать рекламы» (с. 105). Оптимистичный взгляд связан не столько с идеализацией США, в которой можно было бы подозревать «западника» Аксенова, сколько с особой оптикой, которую вырабатывают подлинно тоталитарные государства у своих граждан — им американское безразличие кажется истинной свободой: «...жители „тоталитарных“ стран <...> мечтают именно об этом: о моде, о моделях, идолах, игре имиджей, свободе передвижения, о рекламе, разгуле рекламы».³¹ Проще говоря, можно вывезти писателя из СССР, но СССР из писателя — никогда.

Об этом же свидетельствует и то, что аксеновский западный мир неотделим от его воплощения в советском городском фольклоре и его стилизациях, например: «Без всяких колебаний <...> Москвич направился вслед за Боссом и через секунду попал — в капитализм! Да-да, <...> именно такой капитализм, какой представлялся ростовскому домушнику, капитализм, где

Девочки танцуют голые,
А дамы в соболях,
Лакеи носят вина,
А воры носят фрак!»

(с. 77)

Можно было бы списать песенные вставки на положенное жанру травелога стремление «одомашнить» непривычные обстоятельства заграничной жизни, найдя им аналоги в родной культуре, опознать «свое в чужом».³² Но образ запада составляется из дворовых песен и в совсем других жанрах. Так, в детской повести «Мой дедушка — памятник» (1970) злодейка мадам Накамура-Бранчевская рассказывает, что ее отец — «погибший во время цунами, капитан дальнего плавания»,³³ напоминая советскому читателю «Девушку из Нагасаки»: «Он капитан, и родина его Марсель...». Дружественный иностранец из этой же повести, Джон Грей, и вовсе цитирует песню про себя, но не соответствует собственному амплуа: «Кто бы мог узнать Джона Грея, который „за всех заплатит, который всегда таков“. У Риты и крошки Нелли хватило такта оставить меня в покое».³⁴ Более того, в аллюзивном плане и травелога, и повести фигурируют одни и те же песни. Главный герой повести Геннадий Стратофонтов отсылает к песне «Юнга Билл», говоря: «Смотри, Наташа, юнга Билл еще вернется из Северной Канады...».³⁵ Прямая цитата из нее же появляется и в «Круглых сутках...»: «Как в песне поется, „внезапно с шумом распахнулись двери“ и в салун влетел отрицательный герой вестерна, <...> конечно же, Мемозов» (с. 96).

³¹ Бодрийяр Ж. Америка. С. 175.

³² Мароши В. В. «Идеальный пейзаж» в травелогах русских путешественников о Центральной Азии // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы / Под ред. Т. И. Печерской, Н. В. Константиновой. Новосибирск, 2016. С. 45.

³³ Аксенов В. П. Мой дедушка — памятник: Повесть об удивительных приключениях ленинградского пионера Геннадия Стратофонтова, который хорошо учился в школе и не растерялся в трудных обстоятельствах. М., 1972. С. 167.

³⁴ Там же. С. 159.

³⁵ Там же. С. 40.

У прозы Аксенова 1970-х годов, отмеченной сосредоточенными поисками жанра, все же было нечто метажанровое (и вневременное) — стиль, та «аксеновская игра», при которой сленг чередуется «с жестоким романсом», а «приблатненный говорок с хрустальной лирикой».³⁶ По мнению менее доброжелательных к Аксену критиков, стиливая целостность его прозы обесмысливает разговор не только о жанровых различиях, но и о художественной удаче или неудаче его книг, ибо единственное их содержание — «этот специфический антисоветский язык как вызов и как альтернатива <...> не менее специфическому советскому языку».³⁷

2

Композиционная модель травелога, примененная Аксеновым в «Круглых сутках нон-стоп», восходит к «Затоваренной бочкотаре» — тоже своеобразному травелогу, разделенному на фабульные главы (написанные с лукавой «установкой на достоверность») и сны героев («как бы новую ступень условности, шаг в еще более фантастический мир»),³⁸ центральный сюжет подсвечивающие. Эта модель, правда, в инверсированном виде, актуализируется и в программном для аксеновских 1970-х романе «В поисках жанра». Если в «Круглых сутках» и в «Бочкотаре» из основного повествования были выделены более фикциональные главы (приключения, сны), то в романе обособленные «Сцены» (всего — шесть) менее фикциональны. Так, в «Сценах» разоблачается мистификация профессии протагониста Павла Дурова: он прямо назван прозаиком, от первого лица повествует о том, как пишет роман в Венеции и т. д. Таким образом, сохраняется принятое еще в «Круглых сутках» очевидное нарративное разграничение близкого авторскому голосу *Icherzählung*'а и объективированного повествования от третьего лица.

Вопрос о том, что собой представляет «жанр», в сюжетных главах намеренно покрывается завесой тайны: невозможно однозначно сказать, в чем именно суть дуровских фокусов, потому что лежат они не в реалистической плоскости. Б. Брикер находит общий генезис у «жанра» и не менее загадочных феноменов из других романов Аксенова 1970-х годов: «лимфы-Д» из «Ожога», которую ищет врач Малькольмов, и «неуловимой частицы Дабль-фью» из «Золотой нашей железки».³⁹ Эти абстрактные категории воплощают мечту, чудо. Обретение «жанра» в финале романа сопровождается обретением «чуда озер», «чуда деревьев», «чуда травы и цветов».⁴⁰ В заключительных сценах «В поисках жанра» буквализируется метафора творчества, как видит его Аксенов: «Литература — это все-таки иллюзия жизни, а всякая иллюзия создается несколько непонятными средствами. Каждый художник имеет какой-то свой „секрет“, который порой даже и не может объяснить».⁴¹ Метафорические индивидуальные «секреты» художника в романе становятся материальными аппаратами: у Дурова это — Генератор Как Будто, у Кэндзабуро — Тарелки Эхо, у Александра и Дитера — Бочка Олицетворения и т. д. Нетрудно заметить пригодность всех этих приспособлений именно для литературы. Стремление же породнить литературное творчество с чудотворством (и «необходимым чудачеством») заметно в аттестации западных коллег по «нашему цеху»: например, в «Круглых сутках нон-стоп» «патриарх

³⁶ Немзер А. Странная вещь, непонятная вещь // Новый мир. 1991. № 11. С. 243.

³⁷ Василевский А. Аксенов есть Аксенов // Новый мир. 1998. № 1. С. 206.

³⁸ Рассадин Ст. Шестеро в кузове, не считая бочкотары // Вопросы литературы. 1968. № 10. С. 114.

³⁹ «*Dabl'-fyu* and *lympa-D* are merely alphabetical or medical designations of the same „genre“ phenomenon» (рус. пер.: «„Дабль-фью“ и „лимфа-Д“ — это просто алфавитные или медицинские обозначения одного и того же „жанрового“ феномена»; Briker B. In Search of a Genre: The Meaning of the Title and the Idea of a «Genre» // Mozejko E., Briker B., Dalgård P. Vasilij Pavlovich Aksënov: A Writer in Quest of Himself. Columbus, 1986. P. 153).

⁴⁰ Аксенов В. В поисках жанра // Аксенов В. Затоваренная бочкотара. М., 2002. С. 225.

⁴¹ Недостоверная достоверность... С. 6.

битников Аллен Гинзберг» именуется «профессионалом шаманского нашего дела» (с. 117).

Пронумерованные «Сцены» — это как бы практическое приложение к повествованию, иллюстрации к «жанру», «вроде бы совершенно не относящиеся к делу, но неожиданно освещающие наше не очень-то почтенное ремесло бликами смысла». ⁴² Так автор характеризует случайно попавшую в руки к Дурову «занятную книгу, мало-серьезную инструкцию по нашему жанру с цветными вклейками-репродукциями из Босха, Кранаха и Брейгеля». ⁴³ Заманчиво этот синопсис экстраполировать на метаязык, отнести к роману «В поисках жанра». Это позволит переосмыслить сразу несколько эпизодов, построенных вокруг произведений живописи. Прежде всего, финальную — разрывающую канун чуда — сцену обретения «жанра», которое приводит Дурова и его собратьев к гибели. Между первым гулом далекой еще лавины и погребением под ней пятнадцати артистов втиснут внесюжетный эпизод — явление «этой герлы Моны Лизы» «юному хиппону Аркадиусу», ⁴⁴ приехавшему в Москву на нее посмотреть. Несмотря на «лажовые» обстоятельства — толпы людей в зале галереи и милиционеров, повторяющих: «Граждане, просьба не останавливаться», Аркадиус понял, что «это чудо и счастье, которого хватит ему на всю жизнь». ⁴⁵ Непредвиденно для него, ожидавшего чудес от знаменитой Улыбки, настоящим чудом стала «длинная тонкая девичья рука» Джоконды. Похожая подмена искомого происходит с Дуровым и его коллегами-чудотворцами: только после гибели, наступившей вслед за эпизодом с картиной Леонардо да Винчи, они увидели «истинную Долину». Общая ошибка (все пятнадцать приезжают в «неправильную» Долину) — маркер уже начавшейся «нейтрализации в них всего разного (т. е. в конечном счете отказа от всего личного, растворения в некой «мировой душе») и слияния в братском единстве». ⁴⁶ Вместе с тем Долина, в которой встретились герои, — это итог поиска «жанра» в реальности, а «истинная Долина» располагается уже за ее пределами: по мнению Б. Брикера, это обретенный артистами рай. ⁴⁷

Не только этой параллелью (как и в случае с Аркадиусом, достижение Дуровым искомого становится лишь шагом на пути к истинной цели поиска) мотивировано появление внесюжетной сцены. Ее «мораль» проста: искусство (жанр) остается искусством в любых условиях, даже в самом неблагоприятном контексте, потому что оно непреходяще. Эту идею не могла одобрить советская критика, настаивающая на главенстве социального контекста: «Ситуация переменялась. В том смысле переменялась, что „биологические тела“, встречаемые в пути и виртуозно описываемые Павлом Дуровым, — это люди, которых современная литература хочет и должна понять изнутри». ⁴⁸ А вместо этого, с полным равнодушием к народу (что почти впрямую проговорено бравирующим своей «независимостью» и весьма авторитетным критиком), Аксенов упивается тем, как «они проходят, эти избранные, неповрежденно сквозь лавины камней и толпы народу, пронося... верность жанру — сквозь сто лет одиночества...». ⁴⁹

Имплицитная манифестация права писателя на творческую свободу объединяет почти все прорвавшиеся в советскую печать аксеновские тексты 1970-х годов: возникла насущная необходимость это право отстаивать. Если в детских повестях свобода обнаруживалась в жанровой и языковой игре, рассчитанной на двойную аудиторию (не только детско-подростковую, но и взрослую), в историческом романе — в выборе нетипично «западнического» героя-революционера, то в травелогах проблема

⁴² Аксенов В. В поисках жанра. С. 130.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 222.

⁴⁵ Там же. С. 223.

⁴⁶ Щеглов Ю. К. «Затоваренная бочкотара» Василия Аксенова: Комментарий. М., 2013. С. 99.

⁴⁷ Briker B. In Search of a Genre... P. 155.

⁴⁸ Аннинский Л. Жанр-то найдется! // Литературное обозрение. 1978. № 7. С. 44.

⁴⁹ Там же. С. 46.

творческих границ обнаруживается еще более явно. В «В поисках жанра» Дуров, артист оригинального жанра, «очень мало, должно быть, нужного народу», подспудно жалуется на мучительную зависимость от социального одобрения: «Дуров позавидовал самолету — какая независимость, какой полный отрыв от народа!»⁵⁰ Бесплезным вещам не было места в советской системе ценностей, а Дуров не может объяснить ни целей своего «жанра», ни возможной от него пользы: «...когда он заговаривал о своем жанре, следовало „а зачем?“, и тогда уже Дуров в ярости проглатывал язык, потому что не знал зачем».⁵¹ Советские идеологи, отвергающие все чудесное в пользу практически применимого, советовали «Павлу Дурову попробовать пойти работать в тот самый трест, который „заплатит“».⁵²

Пропасть непонимания между Аксеновым и тогдашними литераторами с достаточно разными устремлениями росла, причем пренебрежение было взаимным. Об этом свидетельствует, в частности, личное письмо С. С. Наровчатова, тогда — главного редактора «Нового мира», Д. С. Самойлову: «Из-за него (Аксенова. — Ю. К.) „Н<овый> мир“ чуть не опоздал с выходом, а 39 сотрудников едва не лишились квартальной премии. Он торчал в Париже и трепался всему свету, что его не хотят печатать, а мы ждали его подписи в свет».⁵³ По мнению В. Есипова, неясная лояльность властей к заграничным поездкам Аксенова (они случались вплоть до эмиграции) объяснялась желанием «не допустить публикации „Ожога“ за рубежом».⁵⁴ Как бы то ни было, Аксенов, будучи за границей, усложнил жизнь тем, кто пошел ему навстречу. Напомним, что до «Нового мира» от романа отказался журнал «Дружба народов». Хотя Наровчатов осознавал, что его раздражение временно — «через год я, наверно, отойду и опять напечатаю его очередную галиматью»,⁵⁵ — этого уже не произошло: через год вышел в свет «Метрополь».

3

Двойственность (чуть ли не основополагающий признак аксеновской прозы «застойных» лет) видна и на уровне сюжета романа. С одной стороны, путешествие Павла Аполлинарьевича Дурова, то ли фокусника (шарлатана), то ли настоящего волшебника, не имеет определенной цели: «...перекатываюсь за рулем автомобиля с севера на юг, с запада на восток, будто бегу от своих сомнений».⁵⁶ Запланированная встреча с друзьями, мастерами «жанра», «в дешевом отеле на Золотых Песках» мерцает впереди как нечто нежелательное. С другой стороны, у скитаний Дурова есть сверхзадача: ни на секунду не прерывающиеся поиски «жанра» и возможностей его применения, а также тех самых друзей-единомышленников. Как только главный герой это осознает, характер путешествия резко меняется. Раньше на изгибы его прихотливого маршрута влияли случайные дорожные встречи: из-за «Алки-пивницы» он заезжает в Новороссийск, в Сочи знакомится с «милой женщиной Екатериной» и старым другом-музыкантом Серго и т. д. Но, услышав «глупый стишок» очередного попутчика — хиппи Аркадиуса о пятнадцати артистах-бездельниках, Дуров начинает двигаться целенаправленно: «Как ни странно, ты определил теперь мое направление, и я теперь понял, куда еду».⁵⁷ Аксенов трансформирует архетипическую романную модель, описанную Ю. К. Щегловым применительно к «Затоваренной бочкотаре»: каждый из группы пу-

⁵⁰ Аксенов В. В поисках жанра. С. 154.

⁵¹ Там же. С. 108.

⁵² Аннинский Л. Жанр-то найдется! С. 45.

⁵³ Письма С. Наровчатова Д. Самойлову в Пярну // Самойлов Д. Мемуары. Эссе. Переписка. М., 2020. С. 183.

⁵⁴ Есипов В. М. Четыре жизни Василия Аксенова // Есипов В. Василий Аксенов — одинокий бегун на длинные дистанции. М., 2012. С. 45.

⁵⁵ Письма С. Наровчатова Д. Самойлову в Пярну. С. 183.

⁵⁶ Аксенов В. В поисках жанра. С. 139.

⁵⁷ Там же. С. 215.

тешественников «решает какую-то свою персональную проблему или направляется куда-либо по собственным делам», но, объединенные новой общей целью, герои «перерождаются» для новой жизни.⁵⁸ В «В поисках жанра» Аксенов настаивает на изначальной бесцельности путешествия героя, которое, по наблюдению Б. Брикера, географически очень конкретно, тогда как обретение цели — пути к Долине — приводит к выпадению из сколько-нибудь реальной географии: «The true goal of Durov's peregrinations lies beyond the map of his various routes, but he nevertheless finds it».⁵⁹

Особенно существенно, что в романе «сообщество» так и не складывается. Все встреченные Дуровым подходили на роль попутчиков, но никто из них не отменил «своих личных планов» и не стал «частью коллектива», напротив, каждый достиг своей первоначальной цели и расстался с протагонистом.⁶⁰ Поэтому срывается финальное единение героев, обещанное архетипической схемой и явленное в «Затоваренной бочкотаре». «В одну коллективную персону»⁶¹ в «В поисках жанра» сливаются четырнадцать друзей Дурова (пятнадцатый — он сам), «весь наш цех»,⁶² но они лишены совместного опыта путешествия к Долине. Можно допустить, что четырнадцать товарищей Дурова по «жанру» никогда и не были отдельными личностями, а составляли лишь раздробленные части одной, как это дано в «Ожоге» с пятью Аполлинарьевичами. Неслучайным в этом смысле кажется, что каждый из «бродячих артистов» назван только по имени: не исключено, что все они имеют общий с Дуровым патроним — Аполлинарьевич.

Прорыв к «жанру» и «чуду» все же происходит, а ценой его вполне традиционно становится смерть или ее подобие: «В этом, как и во многом другом, Аксенов сродни трезвому реализму Чехова, у которого в „Даме с собачкой“ и особенно в „Скрипке Ротшильда“ мы видим, как второе рождение человека совпадает с трагическим завершением его земного пути».⁶³ Мотив перерождения, обретения бессмертия появляется в тексте задолго до финала, уже в четвертой сцене «Глядя на деревья». Внешний повод к очередному «фокусу» Дурова — хокку японского поэта эпохи Эдо Рёта Осима: «Все в лунном серебре... / О, если б вновь родиться / сосною на горе!» Но истинный его подтекст — пастернаковские «Сосны». В дуровской импровизации («Все тело сосны суть ее лик. Плюс корни») явно откликаются строки Б. Л. Пастернака: «И вот, бессмертные на время, / Мы к лику сосен причтены».⁶⁴ Дуров рассуждает о соразмерности такого посмертного воплощения: «Иногда сомневаюсь: не мала ли для человеческой души сосна? Иногда сомневаюсь: не велика ли? Иногда не сомневаюсь: кому-нибудь да удалось совпасть».⁶⁵ Удалось, конечно, Пастернаку, что было впоследствии отрефлексировано в стихах на смерть поэта: Германа Плисецкого («Лишь сосны с поэзией честно поступят: / Корнями схватив, никому не уступят»)⁶⁶ и Андрея Вознесенского («Леса роняют кроны. / Но мощно над землей / Ворочаются корни / Корявой пятерней»)⁶⁷.

Диалог с Пастернаком, «поэтом, столь ценным Павлом Дуровым» и Василием Аксеновым, происходит в романе на самых разных уровнях.⁶⁸ В первой сцене «По отношению к рифме» автор балуется «поверхностно игривой» пародией: «Лило, лило по всей земле... Лило́ иль ли́ло? В лиловый цвет на помеле меня вносило», имеющей общую природу с укачивающей болтовней Мамани: «Ливана, Ливанна моя заливанная,

⁵⁸ Щеглов Ю. К. «Затоваренная бочкотара» Василия Аксенова. С. 7.

⁵⁹ Briker B. In Search of a Genre... P. 153 (рус. пер.: «Истинная цель странствий Дурова лежит вне карты различных маршрутов, но он, тем не менее, находит ее»).

⁶⁰ Щеглов Ю. К. «Затоваренная бочкотара» Василия Аксенова. С. 8.

⁶¹ Там же. С. 100.

⁶² Аксенов В. В поисках жанра. С. 218.

⁶³ Щеглов Ю. К. «Затоваренная бочкотара» Василия Аксенова. С. 15.

⁶⁴ Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч.: В 11 т. М., 2004. Т. 2. С. 107; курсив наш. — Ю. К.

⁶⁵ Аксенов В. В поисках жанра. С. 153.

⁶⁶ Плисецкий Г. Б. Памяти Пастернака // Плисецкий Г. Б. Приснился мне город: Стихотворения, переводы, письма. М., 2006. С. 50.

⁶⁷ Вознесенский А. А. Кроны и корни // Вознесенский А. А. Собр. соч.: В 3 т. М., 1983. Т. 1. С. 47.

⁶⁸ Аннинский Л. Жанр-то найдется! С. 46.

разливанная!»), но принципиально разные источники (Пастернак у Дурова, телевизионные новости у Мамани).⁶⁹ Через текст Аксенова пастернаковский оригинал «проступает, как на палимпсесте», но иногда поэт упоминается прямо.⁷⁰ Еще одна «цветная вклейка-репродукция», не относящаяся к делу, но освещающая бликами смысла, помещенная в пятую сцену «Работа над романом в Венеции», изображает «восковую скульптуру, сделанную под „Портрет мальчика“ Пинтуриккьо», которая оживает, оказавшись «одним из сотен тысяч европейских мальчишек, что шляются из страны в страну во время вакаций, как когда-то шлялся здесь юноша Пастернак».⁷¹ Поэт втягивается в текст именно в пятой — венецианской — «Сцене» не только из-за одного биографического обстоятельства (в 1912 году он посетил Венецию). Здесь прямо проговаривается пастернаковская мысль о природе художественного текста: «...Лучшие произведения мира, повествуя о наиразличнейшем, на самом деле рассказывают о своем рождении».⁷²

То же можно сказать и о травелоге «Круглые сутки нон-стоп», где, прежде всего, читателю рассказывают, по каким законам будет построено повествование, чему можно верить смело, а что (или кто) — «досадный плод воображения». Казалось бы, документальность выделенных глав и сцен аксеновских травелогов должна коррелировать с их автобиографичностью: мы можем не доверять авторским маскам, но должны верить авторскому лицу. Но ошутимее к личности автора приближает именно художественный вымысел. Как показывает американская исследовательница С. Симмонс, эта коллизия не чужда и Пастернаку. «It is doubtful that anyone would categorize <...> „Круглые сутки нон-стоп“ <...> as autobiographical in any strict sense... Ожог <...> conveys more profoundly <...> that spiritual and emotional odyssey that distinguishes autobiography. A similar situation holds for Pasternak, <...> who wrote two avowed autobiographies, *Охранная грамота* and *Автобиографический очерк* («Люди и положения»). — Ю. К.), but cast the ultimate conflict of his existence in the figure of Jurij Živago».⁷³

Травелоги Аксенова — это описание крутого маршрута, который на протяжении десятилетия (1968–1978) уводил писателя все дальше от официальной советской литературы. «Затоваренная бочкотара» позволила писателю отойти от соцреалистической поэтики дебютных романов, «Круглые сутки нон-стоп» — окончательно — от идеологической лояльности, а «Поиски жанра» закончились конфликтом и художественным, и личным.⁷⁴ «После довольно долгого трепыхания на поверхности я понял, что все двери захлопнулись и мне ничего не светит».⁷⁵ Дальнейший путь писателя пролегал уже за пределами СССР.

⁶⁹ Аксенов В. В поисках жанра. С. 104, 166.

⁷⁰ Пономарев Е. Соцреализм карнавальным... С. 213–214.

⁷¹ Аксенов В. В поисках жанра. С. 187.

⁷² Пастернак Б. Л. Охранная грамота // Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 185.

⁷³ Simmons C. The Poetic Autobiographies of Vasilij Aksenov // The Slavic and East European Journal. 1996. Vol. 40. № 2. P. 311 (рус. пер.: «Сомнительно, чтобы кто-нибудь классифицировал <...> „Круглые сутки нон-стоп“ <...> как автобиографический в строгом смысле... „Ожог“ <...> передает более глубоко ту духовную и эмоциональную одиссею, которая отличает биографию. Аналогична и ситуация с Пастернаком, <...> который написал две признанные автобиографии, „Охранную грамоту“ и „Автобиографический очерк“, но изобразил главный конфликт своего бытия в фигуре Юрия Живаго»).

⁷⁴ Раздражение редакции «Нового мира» и Аксенова было взаимным, как видно из уже перестроечного интервью: «Я пришел в жуткое бешенство, позвонил представителю „Голоса Америки“ и дал интервью. Я сказал, что мне это все уже надоело и если не восстановят [в набор журнала] „В поисках жанра“, я приму соответствующее решение» (Пугач А. Василий Аксенов: «Я, по сути дела, не эмигрант...» // Юность. 1989. № 4. С. 82).

⁷⁵ Там же.

ЗАМЕТКИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-239-242

© М. Ю. Коренева

А. С. ПУШКИН И А. ЛАФОНТЕН (ПРИМЕЧАНИЕ К «ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ»)

Август Лафонтен (August Lafontaine, 1758–1831) принадлежал к числу тех писателей, которых невозможно было не заметить: по тиражам, по прижизненному читательскому успеху он намного опередил всех своих собратьев по перу и, как писал Г. Гейне в «Романтической школе», «прославился больше, чем Вольфганг Гете».¹ В списках общедоступных библиотек Германии Лафонтен, писавший в среднем по два-три многоотомных романа в год, на протяжении полувека неизменно занимал первую строчку, численность его читателей, среди которых были представители разных социальных групп (от монархов до кухарок), составляла около 2 000 000 (при средних тиражах книг других авторов 500–700 экз.), книготорговцы покупали его романы еще до того, как они были написаны, а усердные переводчики разных стран стремительно переводили его тексты.² Известен он был и в России — и по многочисленным переводам на русский язык,³ и по не менее многочисленным переводам на французский,⁴ и по откликам в европейских и отечественных журналах, помещавших на своих страницах рецензии (в основном благожелательные), малую прозу Лафонтена или отрывки из его произведений, а также небольшие биографические очерки его жизни, как правило, переведенные с немецкого. Боль-

ше всего внимания Лафонтену уделял «Вестник Европы», от которого не отставали и «Благонамеренный» и «Сын отечества».⁵ Среди тех переводчиков Лафонтена, имена которых сегодня известны, были не только люди, включенные в литературный процесс, такие как Н. М. Карамзин, М. Т. Каченовский, И. Ф. Тимковский, П. В. Победоносцев, И. И. Мартынов, В. М. Княжевич, И. И. Ястребцов, Н. А. Радищев,⁶ но и такие, для которых, судя по всему, приобщение к переводу было случайным и порой единственным литературным опытом (Б. И. Иваницкий, Е. Е. де ла Мар (урожд. Валлериан), А. В. Каразина (урожд. Мухина), Н. Базильев, В. Сорокин). Пик популярности Лафонтена в России пришелся на конец 1810-х — начало 1820-х годов, после чего его слава стала постепенно угасать, его романы перешли в круг чтения поколения «детей»,⁷ хотя его продолжали переводить и переиздавать, а память о нем сохранялась и в 1830-е, и в 1840-е годы, когда литературная репутация Лафонтена, считавшегося еще недавно

⁵ См. подробнее: История русской переводной художественной литературы: 1800–1825. Очерки / Отв. ред. В. Е. Вагно, Е. Е. Дмитриева, М. Ю. Коренева. СПб., 2022 (в печати).

⁶ К этому перечню можно, вероятно, добавить и В. А. Жуковского, который, как предположил Н. К. Кульман, опубликовал повесть Лафонтена «Сватовство наоборот», подписав перевод: Ж. (Сын отечества. 1825. Ч. 102. № 26. С. 315–356; оригинал: «Das Mädchen auf Freierrfüßen» (1803)). См.: Переписка Александра Ивановича Тургенева с кн. Петром Андреевичем Вяземским. Пг., 1921. Т. 1. 1814–1833 годы / Под ред. и с прим. Н. К. Кульмана. С. 435 (Архив братьев Тургеневых; вып. 6).

⁷ См., например: [Надеждин Н. И.]. Память Августа Лафонтена // Телескоп. 1831. № 10. Раздел VIII. Современная летопись. С. 249; Галахов А. Д. История русской словесности, древней и новой. СПб., 1868. Т. 2. С. 172; Григорьев А. Воспоминания / Изд. подг. Б. Ф. Егоров. Л., 1980. С. 73. См. также: Сиповский В. В. Татьяна, Онегин, Ленский (Из литературной истории Пушкинских «типов») // Русская старина. 1899. Июнь. № 6. С. 578.

¹ Гейне Г. Собр. соч.: В 10 т. Л., 1958. Т. 6. С. 157.

² August Lafontaine (1758–1831): ein Bestsellerautor zwischen Spätaufklärung und Romantik / Hrsg. von C.-F. Berghahn, D. Sangmeister. Bielefeld, 2010. S. 8–12; о тиражах и переводах романов Лафонтена можно судить по следующей библиографии: Bibliographie August Lafontaine / Hrsg. von D. Sangmeister. Bielefeld, 1996.

³ Из 160 романов Лафонтена на русский язык было переведено 70. См. библиографию русских переводов Лафонтена (с некоторыми лакунами), составленную П. Дреусом: *Dreus P. Die Rezeption deutscher Belletristik in Russland, 1750–1850*. München, 2008. S. 271–273.

⁴ См.: *Bihl L., Epting K. Bibliographie französischer Übersetzungen aus dem Deutschen 1487–1944*. Tübingen, 1987. Bd 1. S. 133–135, 205–209.

«добродетельным» писателем и певцом идеальной семейной жизни, была радикально пересмотрена и он был отнесен к «безнравственнейшим» сочинителям эпохи, развращавшим сердца ложными картинами семейных отношений и скрытой «чувственностью».⁸

Читал ли Пушкин хотя бы один роман Лафонтена, доподлинно неизвестно. В его библиотеке сочинения этого автора отсутствуют, хотя они были в тригорской библиотеке большой любительницы романов П. А. Осиповой-Вульф, книгами которой пользовался Пушкин.⁹ И тем не менее самое общее представление о творчестве знаменитого немецкого писателя у Пушкина явно имелось. Своеобразным «ответом» Лафонтену, имя которого было на слуху, и его многочисленным почитателям стали известные строки, относящиеся к Ленскому (гл. 4, строфа L):

Он весел был. Чрез две недели
Назначен был счастливый срок.
И тайна брачные постели
И сладостной любви венок
Его восторгов ожидали.
Гимена хлопоты, печали
Зевоты хладная чреда
Ему не снились никогда.
Меж тем как мы, враги Гимена,
В домашней жизни зрим один

⁸ См., например, суждение А. А. Григорьева, зачитывавшегося романами Лафонтена в ранней юности и назвавшего его впоследствии писателем, «равно помешанным на чувственности самой ядовитой и дразнящей, как и на добродетели самой приторно-немецкой» (*Григорьев А. Воспоминания*. С. 73).

⁹ [Модзалевский Б. Л.]. Каталог библиотеки села Тригорское: [Приложение к Отчету Отделения Императорской академии наук...] // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1903. Вып. 1. С. 27–28. Здесь указано два романа Лафонтена в переводе на французский язык: *La famille de Halden*, traduit de l'allemand d'*Auguste La-Fontaine* par M. V.... Paris. 1803 (оригинал: «Die Familie von Halden», 1797; рус. пер.: «Живописная картина семейственной жизни, или г. г. российско-армейской офицер и графиня Л.», 1812; рец. Н. И. Греча: Санкт-Петербургский вестник. 1812. Ч. 1. № 3. С. 353–356); Fleming fils, ou la manie des systèmes, traduction libre de l'allemand d'*Auguste Lafontaine* / Par Madame de Cerenville, traducteur du baron de Fleming. Paris. 1803 (оригинал: «Leben und Thaten des Freiherrn Quinctius Heymeran von Flaming», 1795–1796; рус. пер. (с французского) И. И. Ястребцова: «Барон Флеминг, или Страсть к титулам», 1806; этой публикации предшествовал вольный сокращенный пересказ романа, помещенный на страницах «Вестника Европы» (Вестник Европы. 1804. Декабрь. Ч. 18. № 23. С. 177–213)).

Ряд утомительных картин,
Роман во вкусе Лафонтена...
Мой бедный Ленской, сердцем он
Для оной жизни был рождён.

К имени Лафонтена Пушкиным добавлено примечание (№ 26): «Август Лафонтен — автор множества семейственных романов»,¹⁰ обстоятельства появления которого, не отмеченные комментаторами и обойденные молчанием в специальных статьях, посвященных пушкинским примечаниям,¹¹ нуждаются в некотором пояснении. В первой публикации четвертой главы (1828) это примечание отсутствовало. «Антилафонтеновский» пассаж в «Евгении Онегине» вызвал критику Б. М. Федорова, отозвавшегося на публикацию четвертой и пятой глав статьей в «Санкт-Петербургском зрителе», в которой он писал по поводу этих строк: «Забавно, но зачем певец Онегина жертвует цветами поэзии для украшения легкомыслия? — Без Гимена нельзя обойтись и романтикам, или романтическая поэзия сама собою уничтожится».¹² Об этом же Федоров говорил с Пушкиным и при личной встрече, как сообщал П. А. Вяземский А. И. Тургеневу в письме от 18 апреля 1828 года: «Твой Федоров издает журнал и в нем критикует Пушкина, а тебе всего требует от него нравственности. После того встретились они у меня, и Пушкин насмешил меня с ним; „Отчего не описываете Вы картин семейного счастья?“ и тому подобное говорил ему нравouchитель, а тот отвечал ему по-своему».¹³ Что именно ответил Пушкин в том разговоре, восстановить невозможно, но тема эта не забылась, и при публикации «Евгения Онегина» отдельным изданием в 1833 году поэт добавил к имени Лафонтена примечание — завуалированный ироничный ответ Федорову. Объяснять читателю начала 1830-х годов, кто такой Лафонтен, явно было не нужно, но, выбрав такую формулировку, которая преподносила Лафонтена как неизвестного, забытого писателя, Пушкин тем самым давал понять, что лафонтеновский роман как тип повествования с его неизменно счастливым концом и психологическими «моногероями» принад-

¹⁰ В первом полном прижизненном издании «Евгения Онегина» это авторское примечание имело номер 27 (Евгений Онегин, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. СПб., 1833. С. 269); впоследствии, после удаления примечания № 23, отсылающегося к посвящению П. А. Плетневу (Там же. С. 268), это примечание получило номер 26.

¹¹ Чумаков Ю. Н. Об авторских примечаниях к «Евгению Онегину» // Болдинские чтения. Горький, 1976. С. 58–72; Громбах С. М. Примечания Пушкина к «Евгению Онегину» // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1974. Т. 33. № 3. С. 222–233.

¹² Пушкин в прижизненной критике: 1828–1830 / Под общ. ред. Е. О. Ларионовой. СПб., 2001. С. 66.

¹³ Архив братьев Тургеневых. Вып. 6. С. 67.

лежит прошлому как эстетическая архаика. В этом отторжении, тем не менее, прочитывается не только отрицательное отношение к Лафонтену, но и признание его как литературного явления, достойного того, чтобы на него реагировать, о чем свидетельствует и упоминание романов Лафонтена, хотя и вскользь, в черновике неотправленного письма к Н. Н. Раевскому конца июля 1825 года в связи с проблемой правдоподобия, занимавшей Пушкина в период работы над «Борисом Годуновым». В этом письме Пушкин противопоставляет многомерность художественных характеров Шекспира одномерности лафонтеновских героев: «[Каждый человек любит, ненавидит, печалится, радуется, но каждый — на свой образец, — читайте Ш.]. Существует и еще одна склонность [склонность, достойная романа Авг. Лафонтена]: создав в своем воображении какой-нибудь характер, писатель старается наложить отпечаток этого характера на все, что заставляет его говорить, даже по поводу вещей, совершенно [обыденных] посторонних [его страстям]...».¹⁴ Едва ли такое противопоставление было бы возможно без знакомства, пусть и поверхностного, с романами Лафонтена.

Комментируя строфу L четвертой главы «Евгения Онегина», В. В. Набоков, охарактеризовавший Лафонтена как писателя столь же «бездарного», сколь и «плодовитого», выдвинул предположение, что Пушкин в данном случае имел в виду конкретные романы, которые, по мнению Набокова, могли быть известны ему по французским переводам: «„Два друга“, переведенный на французский графиней де Монтлон (Париж, 1817, 3 тома); или „Признание на могиле“, переведенный Элизой Воляр (Париж, 1817, 4 тома); или, еще более вероятно, „Семья Хальденов“, 1789, в переводе на французский А. Вильмена (Париж, 1803, 4 тома), экземпляр которого <...> был в библиотеке соседки Пушкина, госпожи Осиповой, в Тригорском».¹⁵ Перечисленные Набоковым романы, однако, не входили в ряд тех сочинений Лафонтена, которые многократно переиздавались и пользовались особой популярностью, и первые два из них несколько отклонялись от той повествовательной схемы, которую Лафонтен тиражировал в своих семейных романах. Скорее, Пушкин дал здесь совокупный образ семейного романа лафонтеновского типа

вне отнесенности к какому бы то ни было конкретному тексту. Отсылку же к конкретному роману Лафонтена можно обнаружить, как представляется, в той же четвертой главе, чуть выше, в строфе XXVI, где говорится о круге чтения Ленского и Ольги:

Он иногда читает Оле
Нравоучительный роман,
В котором автор знает বলে
Природу, чем Шатобриан,
А между тем две, три страницы
(Пустые бредни, небыллицы,
Опасные для сердца дев)
Он пропускает, покраснев.

В черновом варианте этой строфы третья и четвертая строка выглядят несколько иначе:

Где скромный немец думал বলে
О пользе чем Шатобриан.¹⁶

Другого «скромного немца», кроме Лафонтена, которого в рецензиях, в том числе и русских, неизменно именовали «добрым пастором», «скромным пастором», в тогдашней литературе просто не было, и этот «немец» ассоциировался в первую очередь с нравоучительностью, в полном соответствии с авторскими декларациями в предисловиях, в которых Лафонтен не устал повторять, что считает свои романы «приготовительной» школой жизни для молодых людей обоюбого пола, находящихся подчас во власти модных веяний и не понимающих, что только семейное счастье является главной ценностью, фундаментом жизненной крепости, спасающей и от всех политических потрясений, происходящих, по его мнению, от сиюминутных увлечений вредными идеями: «Вот молодой человек, которому надлежало бы еще научиться думать, начитается журналов <...> и утомляет слух других гордыми словами: космополитизм, свобода, равенство, критика морали, критика уголовного права, разум, критика критики, гиперкритика, неверие, философия, объективная и субъективная истина, познаваемость, чистый разум, человеческие расы и т. д. <...> Бездеятельно и бессмысленно живет он обычной жизнью, и <...> умирает никем не оплакиваемый в безвестности», — писал Лафонтен в предисловии к роману «Жизнь и деяния барона Квинкция Геймерана фон Фламинга» («Leben und Taten des Freiherrn Quintcius Heymeran von Flaming», 1795–1796), задуманному «как зеркало для таких молодых господ».¹⁷

Отсылка к Шатобриану дает подсказку, какой именно роман Лафонтена в данном случае

¹⁴ Пушкин А. С. Письма / Под ред. и с прим. Б. Л. Модзалевского. М.; Л., 1926. Т. 1. 1815–1825. С. 477.

¹⁵ Набоков В. Комментарий к «Евгению Онегину» / Пер. с англ.; под ред. А. Н. Николюкина. М., 1999. С. 483–484. Роман Лафонтена «Два друга» («Die beiden Freunde», 1819) вышел во французском переводе в 1819 году («Les deux Amis»), а не в 1817-м, как пишет Набоков; ни «Два друга», ни «Признание на могиле» («Das Bekenntnis am Grabe», 1811; фр. пер.: «Les Aveux au tombeau») на русский язык не переводились.

¹⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937. Т. 6. Евгений Онегин. С. 362.

¹⁷ Lafontaine A. Leben und Taten des Freiherrn Quintcius Heymeran von Flaming. Berlin, 1798. Th. 1. S. I–II. Перевод мой. — М. К.

может иметься в виду, особенно если принять во внимание выпущенную Пушкиным IX строфу из первой главы, имеющую отношение к Онегину. Строфа эта существует в двух вариантах:

Первый вариант:

Нас пыл сердечный рано мучит
И говорит Шатобриан
Любви нас не природа учит
А первый пакостный роман —
Мы алчем жизнь узнать заране
И узнаем её в романе
[Лета] придут, а между тем
Не насладились мы ничем —
Прелестный опыт упреждая
Мы только счастию вредим —
Незнание скроется, а с ним
Уйдет горячность молодая
Онегин это испытал
За то как женщин понимал —¹⁸

Второй вариант:

Нас пыл сердечный рано мучит.
Очаровательный обман,
Любви нас не природа учит
А Сталь или Шатобриан.
Мы алчем жизнь узнать заране,
Мы узнаем ее в романе
Мы всё узнали, между тем
Не насладились мы ни чем —
Природы глас предупреждая
Мы только счастию вредим
И поздно, поздно вслед за ним
Летит горячность молодая
Онегин это испытал
За то как женщин он узнал.¹⁹

Общая мысль, высказанная в обоих вариантах этой строфы, созвучна тому, что говорится в «Гении христианства» («Génie du christianisme», 1802) Шатобриана: «Огромное количество жизненных явлений, проходящих перед взором человека, множество книг, рассуждающих о человеке и о его чувствах, обогащают ум, но не опыт. Человек чувствует себя разочарованным, не вкусивши жизни; у него еще есть желания, но нет более иллюзий. Воображение рисует ему богатую, полнокровную, удивительную жизнь, реальность же бедна, суха и непривлекательна. Сердце его полно, а окружающий мир пуст; и ничего не испытавши, он уже во всем разочарован».²⁰

¹⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 226.

¹⁹ Там же. С. 546.

²⁰ Шатобриан Ф. Гений христианства // За рубежом литература XIX века: Реализм.

При этом во втором варианте имя Шатобриана, входившего в круг чтения и Онегина, и Татьяна, отсылает в первую очередь к его условно «антицивилизационному» роману «Рене» («René», 1802), в центре которого — разочарованный герой, пытающийся обрести новый смысл жизни среди индейцев и дикой природы. В европейском литературном пространстве «Рене» Шатобриана, «знатока» природы, представлял собой среди прочего антитезу «руссоистскому» роману Лафонтена «Природа и любовь, или Человек природы. Картина человеческого сердца» («Natur und Liebe, oder Naturmensch. Ein Gemälde des menschlichen Herzens», 1798),²¹ одному из самых популярных его сочинений, главный «тезис» которого сводится как раз к тому, что именно природа «учит» человека любви. В романе рассказывается о молодом человеке, воспитанном изначально вдали от людей и мучительно осваивающем «науку любви», которая открывается ему во всей своей чистоте лишь тогда, когда он попадает в Индию и там, оказавшись (подобно Рене Шатобриана) среди «детей природы», обретает свое истинное (семейное) счастье, чтобы затем вернуться на родину и поселиться вместе с женой, ее родителями и друзьями в той же долине, где прошло его детство и которая стала для него «Жилищем Природы, любви и счастья», как было написано на воротах при входе в нее. Если учесть, что в «Природе и любви» Лафонтена, как ни в каком другом его сочинении, довольно много «чувственных» сцен, которые могли бы заставить «покраснеть» любого читателя, то можно предположить, что с большой долей вероятности именно этот роман Ленский, старательно пропускавший «две, три страницы», и читал Ольге.

Хрестоматия историко-литературных материалов / Сост., комм. Н. А. Соловьева, А. Ф. Головенченко, Е. Г. Петраш. М., 1990. С. 52. Эта переключка с Шатобрианом дополняет перечень шатобриановских мотивов в «Евгении Онегине», выявленный исследователями. См. подробнее: Вольперт Л. И. Пушкин и Шатобриан // Вольперт Л. И. Пушкинская Франция. Тарту, 2010. С. 449–458; Гиллельсон М. И. Статья Пушкина «О Мильтоне и шатобриановом переводе „Потерянного рая“» // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1979. Т. 9. С. 231–232; см. также: Сиповский В. В. Пушкин, Байрон и Шатобриан. СПб., 1899. С. 28–30.

²¹ Русский перевод И. Ф. Тимковского: Природа и любовь, или Картины человеческого сердца. М., 1799; фр. пер. А. Кольбер: William Hillnet ou la nature et l'amour. Paris, 1801.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-243-245

© К. М. Поливанов

ОБ ОДНОМ ИЗ ВОЗМОЖНЫХ ИСТОЧНИКОВ ЗАГЛАВИЯ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ Б. Л. ПАСТЕРНАКА «ТЕМЫ И ВАРЬЯЦИИ»*

Вечер в московской квартире поэта М. Цветина (Амари) 27 или 28 января 1918 года, получивший впоследствии название «встреча поэтов двух поколений», очевидно, произвел впечатление на многих участников, о нем вспоминали Д. Бурлюк, Б. Пастернак, В. Ходасевич, И. Эренбург. Кроме названных, там присутствовали К. Бальмонт, Вяч. Иванов, Ю. Балтрушайтис, М. Сабашникова, А. Белый, А. Толстой, В. Маяковский, В. Каменский, В. Инбер, М. Цветаева, П. Антокольский и др.¹ Из воспоминаний мы знаем о восторженной реакции А. Белого на чтение Маяковским поэмы «Человек», о Бальмонте, прочитавшем раздраженный сонет «Маяковскому»,² и о восхищении Вяч. Иванова стихотворением Ходасевича «Эпизод».³

В третьей части «Охранной грамоты» Пастернак вспоминал именно о чтении «Человека» и о впечатлении Белого (оговаривая, что не видел при этом лиц Эренбурга и Цветаевой). Но, как убедительно показал Н. А. Богомолов, стихотворение Ходасевича отозвалось в написанных в том же году «Белых стихах» мемуариста.

Сам Ходасевич в поздних пояснениях к своим стихам писал об «Эпизоде»: «25–28 января». Впервые читал на вечеру у Цетлиных под „бурные“ восторги Вяч. Иванова (с воздеванием рук). Потом с этими стихами приставали ко мне антропософы. Это по-ихнему называется отделением эфирного тела. Со мной это случилось в конце <19>17, днем или утром, в кабинете. 25 января написал целиком, днем, и тотчас же за ним — „К Анюте“».⁴

В «Эпизоде» поэт, сидя в своей комнате («Я в комнате своей сидел один...»), как будто покидает свое тело и получает возможность смотреть на все, в том числе и на самого себя, со стороны («Я сидел, / Закинув ногу на ногу, глубоко / Уйдя в диван, с потухшей папиросой / Меж пальцами, совсем худой и бледный...») — но этот оставшийся сидеть «я» представляется ему со стороны как будто мертвым:

И человек, сидящий на диване,
Казался мне простым, давнишним другом,
Измученным годами путешествий.
Как будто бы ко мне зашел он в гости,

И, замолчав среди беседы мирной,
Вдруг откачнулся, и вздохнул, и умер.
Лицо разгладилось, и горькая улыбка
С него сошла.⁵

Это как будто мертвое лицо, оставленная оболочка, прежде чем отделившийся поэт возвращается «в сброшенную кожу», очевидно, корреспондирует с тем, на что он смотрел перед «эпизодом», — «на маску Пушкина, закрывшую глаза», причем оба эти места в стихотворении, по тонкому замечанию А. Э. Скворцова,⁶ как будто откликаются на строки Жуковского:

...Долго стоял я над ним, один, смотря
со вниманьем
Мертвому прямо в глаза; были закрыты
глаза,
Было лицо его мне так знакомо, и было
заметно,
Что выражалось на нем — в жизни такого
Мы не видали на этом лице.⁷

Напомню, что процитированная выше позднейшая мемуарная запись Ходасевича начинается датировкой: «25–28 января» — дни последней дуэли и смерти Пушкина.

С Пушкиным в этом стихотворении связано многое: от внешней формы — 5-стопный белый ямб (местами, впрочем, 6-стопный), начинающийся с полуступиши:

...Это было

В одно из утр, унылых, зимних, вьюжных,⁸ —

повторяет, похоже, «...Вновь я посетил...», этот же размер без рифм с большим количеством enjambement'ов, очевидно, напоминает и форму маленьких трагедий, при этом «Мозарт и Сальери» в самом начале у Ходасевича почти цитируется:

Изнемогая в той истоме тусклой,
Которая тогда меня томила...⁹

Ср.:
Намедни ночью
Бессонница моя меня томила <...>¹⁰

⁵ Там же. С. 108.

⁶ Скворцов А. Э. Поэтическая генеалогия. М., 2015. С. 72–87.

⁷ Цит. по: Жуковский В. А. Стихотворения: [В 2 т.]. Л., 1940. Т. 2. С. 272 (Библиотека поэта. Большая сер.).

⁸ Ходасевич В. Ф. Стихотворения. С. 106.

⁹ Там же.

¹⁰ Цит. по: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2009. Т. 7. С. 126.

* Посвящается памяти Н. А. Богомолова.

¹ Катанян В. Маяковский: Хроника жизни и деятельности. М., 1985. С. 138.

² Там же. С. 138–139.

³ Ходасевич В. Ф. Стихотворения / Вступ. статья Н. А. Богомолова; сост., подг. текста и прим. Н. А. Богомолова и Д. В. Волчека. Л., 1989. С. 379 (Библиотека поэта. Большая сер.).

⁴ Там же.

У Пушкина Моцарт предлагает собеседнику представить себе своего «двойника», что также переключается с раздвоением героя у Ходасевича:

Представь себе... кого бы?

Ну, хоть меня — немного помоложе;
Влюбленного — не слишком, а слегка, —
С красоткой, или с другом — хоть с тобой —
Я весел... Вдруг: виденье гробовое,
Незачный мрак или что-нибудь такое...¹¹

Можно предположить и другие пушкинские аллюзии: эпизод случился в «зимнее утро», когда герой «в комнате своей сидел один» (как Онегин в восьмой главе романа), за окном он слышит крики детей и грохот «салазок»; оставив свое тело, он получает возможность слышать звуки «точно сквозь толщу вод» (как будто соединяя возможности улавливать «дольней лозы прозябанные» и «гад морских подводный ход»),¹² а окружающий пейзаж, берег и «рощица, где мы сейчас бродили» напоминают о «вечер еще бродил я в этой роще» из того же «...Вновь я посетил...».

Отстраненно на все глядящий герой переживает творческое остранение, подобное фетовскому «Одним толчком согнать ладью живую...»:

И вдруг — как бы толчок, — но мягкий,
осторожный, —

И всё опять мне прояснилось, только
В перемещенном виде. Так бывает,
Когда веслом мы сталкиваем лодку
С песка прибрежного; еще нога
Под крепким днищем ясно слышит землю,
И близким кажется зеленый берег
И кучи дров на нем; но вот качнуло нас —
И берег отступает; стала меньше
Та рощица, где мы сейчас бродили;
За рощей встал дымок...¹³

Очевидно, что в этом эпизоде отделившийся на несколько секунд от тела двойник поэта оказывается в какой-то степени поэтом вообще, но более всего, как нам представляется, подобен поэту Пушкину.

Можно допустить, что впечатление от пушкинских аллюзий в «Эпизоде» могло быть дополнительно усилено тем, что чтение состоялось в день смерти Пушкина, на который приходилось и рождение самого Пастернака.

Н. А. Богомолов в своей работе «Ходасевич и Пастернак: Ранние пересечения»¹⁴ подробно

и убедительно показал, что «Эпизод» Ходасевича в значительной степени повлиял на «Белые стихи» Пастернака конца 1918 года, параллели Богомолов обнаруживает и в структуре, и в привязывании начала к определенному конкретному пространству и точному времени, и в соединении реальных картин, окружающих героев, с воображаемыми, и в отстраненном взгляде на героя со стороны, и в общем для обоих поэтов, ориентированном на Пушкина насыщении текстов просторечиями.

Полностью принимая рассуждения Н. А. Богомолова, я бы рискнул распространить начатое им сопоставление на еще несколько текстов и Ходасевича, и Пастернака.

Сам Ходасевич указывал, что «Анюту»¹⁵ написано в тот же день, что и «Эпизод», и мы не можем исключить, что на встрече у Цетлина были прочитаны оба стихотворения. В этом тексте герой приглашает взглянуть на спичечную коробку с изображением кораблика, на котором он воображает команду, капитана и матросика, имеющего обыкновение смотреть на небеса, и сам себя уподобляет этому матросику:

И я, в руке Господней,
Здесь, на Его земле, —
Точь-в-точь как тот матросик
На этом корабле, —

причем в завершение он смотрит из каюты на поэта и его собеседницу:

Вот и сейчас, быть может,
В каюте кормовой
В окошечко глядит он
И видит — нас с тобой.¹⁶

Тут, как и в «Эпизоде», представлен взгляд на самого себя со стороны. Такой тематический прием, впрочем, характерен для многих стихотворений Ходасевича.

В 1922 году вслед за «Эпизодом» во втором издании «Путем зерна» было помещено стихотворение «Вариация», прежде опубликованное в 1920 году, но в первое издание сборника Ходасевичем не включенное.

Вариация

Вновь эти плечи, эти руки
Погреть я вышел на балкон.
Сижу, — но все земные звуки —
Как бы во сне или сквозь сон.

И вдруг, изнеможенья полный,
Плыву: куда — не знаю сам.
Но мир мой ширится, как волны
По разбежавшимся кругам.

¹⁵ В той же работе Н. А. Богомолов предполагает, что с «Анютой» может быть связано еще одно стихотворение Пастернака «Из суевья» (Там же. С. 172).

¹⁶ Ходасевич В. Ф. Стихотворения. С. 119.

¹¹ Там же.

¹² На соотносительность с «Пророком» указывал Скворцов.

¹³ Ходасевич В. Ф. Стихотворения. С. 107.

¹⁴ Богомолов Н. А. Ходасевич и Пастернак: Ранние пересечения // The real Life of Pierre Delalande: Studies in Russian and Comparative Literature to Honor Alexander Dolinin. Stanford, 2007. Part 1. P. 237–241 (Stanford Slavic Studies; vol. 33); перепеч.: Богомолов Н. А. Сопряжение далековатых: О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче. М., 2011. С. 169–174.

Продлись, ласкательное чудо!
Я во второй вступаю круг
И слушаю, уже утруда,
Моей качалки мерный стук.

Август 1919
Москва¹⁷

К нему также Ходасевич дал пояснение («Август, в Москве, после того, как накануне случилось вторично, но не так отчетливо, как в Гирееве, на террасе, утром»¹⁸), но и просто расположенное в книге вслед за «Эпизодом», оно неизбежно прочитывалось как повторение сходного ощущения развоенности и взгляда на себя со стороны, уже, кажется, без столь явно бросающихся в глаза пушкинских аллюзий (впрочем, начальное «Вновь» может указывать на обыгрываемое в «Эпизоде» «...Вновь я посетил...» со строками «иные берега, иные волны», которые тоже могут отзываться в тексте), но с отчетливым присутствием мотива морского плавания, на бытовом уровне мотивированного качанием в кресле.

В четвертой книге стихов Пастернака «Темы и варьяции» (1923) был опубликован цикл из семи стихотворений «Тема с варьяциями», который в значительной степени определил ее заглавие. До выхода сборника стихотворения цикла с небольшими отличиями от книжной редакции в 1922–1923 годах печатались по одному тексту в альманахах «Корабль» (1922) и «Абракасас» (1922) и затем в виде двух подборок в первом и втором выпусках «Альманаха артели писателей „Круг“». Первая подборка из трех стихотворений «Тема с варьяциями» включала не озаглавленное стихотворение «Скала и шторм. Скала и плащ и шляпа...» и две «варьяции»: «5-я варьяция патетическая» («Цыганских красок достигал...») и «Шестая пасторальная» («В степи охладевал закат...»), вторая была озаглавлена «Вариа́ции на тему „Цыган“».

Первое стихотворение цикла начинается узнаваемым экфрасисом — знаменитой картиной Айвазовского-Репина «Пушкин у моря», но Пушкин при этом описывался закрывшим глаза, как маска из «Эпизода» Ходасевича:

Скала и шторм. Скала и плащ и шляпа.
Скала и — Пушкин. Тот, кто и сейчас,
Закрыв глаза, стоит и видит в сфинксе
Не нашу дичь: не домыслы в тупик
Поставленного грека, не загадку,
Но предка: плоскогубого хамита,
Как оспу, перенесшего пески,
Изрытого, как оспою, пустыней,
И больше ничего. Скала и шторм.¹⁹

Это стихотворение, в окончательной редакции цикла получившее заглавие «Тема», как и «Эпизод» Ходасевича, написано белым пя-

тистопным ямбом, с некоторым количеством enjambement'ов, с множеством прямо или косвенно использованных пушкинских цитат, аллюзий и мотивов.²⁰ Причем представляется существенным, что и в нем, и во всех последующих пяти «Вариа́циях» присутствует морской берег или море, так же как в трех вышеупомянутых стихотворениях Ходасевича.

Мы можем заключить, что Пастернак в этом цикле варьирует не только темы и мотивы стихотворений Пушкина, но и «Эпизод» и «Вариа́цию» (а может быть, и «Анюте») Ходасевича. Отметим, что оба заглавия могут прочитываться и как музыкальные термины.

Исследователи отмечали, что Пушкин в этом цикле отчасти соотнесен с самим Пастернаком, отчасти напоминает и других поэтов (в 5-й вариации «Цыганских красок достигал...» появляется строка «болел цингой», которая не может быть отнесена к Пушкину, но, возможно, связана с биографическими обстоятельствами А. Блока или В. Хлебникова), а строки о губах, скулах и чешуе из «Темы» — оказываются едва ли не аллюзией на «А вы могли бы» Маяковского:²¹

Скала и шторм. Скала и плащ и шляпа.
На сфинксовых губах — соленый вкус
Туманностей. Песок кругом заляпан
Сырыми поцелуями медуз.

Он чешуи не знает на сиренах,
И может ли поверить в рыбий хвост
Тот, кто хоть раз с их чашечек коленных
Пил бившийся как об лед отблеск звезд?
Скала и шторм и — скрытый ото всех
Нескромных — самый странный, самый
тихий,

Играющий с эпохи Псамметиха
Углами скул пустыни детский смех...²²

В «Эпизоде» Ходасевича покинувший тело поэт также уподоблен не только Пушкину, но отчасти Жуковскому и Фету.

Взгляд на себя со стороны у Ходасевича также может отзываться у Пастернака в силу биографических обстоятельств. Кристофер Барнс пишет, что согласно семейным преданиям, когда художник Леонид Пастернак в начале века работал над рисунком «Пушкин в Одессе», изображающим вдумчиво смотрящего в сторону моря поэта со шляпой в руке, его сын Борис позировал ему как натурщик.²³

²⁰ Ср., в частности, в нашей работе «Канонические тексты Пушкина в лирике и романе Б. Пастернака» (Пушкинские чтения в Тарту. 5. К 85-летию Л. И. Вольперт. Ч. 1. Тарту, 2011. С. 271–291; см. также: Crone A. L., Suhrcke P. Pasternak's „Pushkin Variations“ // Die Welt der Slaven. 1979. Bd 24. S. 316–336).

²¹ Отметим, что в автобиографической повести «Охранная грамота» Пастернак сопоставляет Маяковского и Ходасевича.

²² Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 170–171.

²³ Барнс К. Пушкин и Пастернак // Континент. 1999. № 102. С. 397.

¹⁷ Там же. С. 108–109.

¹⁸ Там же. С. 379.

¹⁹ Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч.: В 11 т. М., 2003. Т. 1. Стихотворения и поэмы, 1912–1931. С. 170.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-246-247

© И. Н. Сухих

«ПРОФЕССОР СКАЗОЧНЫХ НАУК» ИЗ ВОЛГОГРАДА*

Идея Н. К. Пиксанова о «культурных гнездах» (1913), превратившаяся благодаря В. Н. Топорову в «тексты» — от петербургского до пермского и венецианского, — оказалась вполне освоенной и продуктивной. Но практически не замечена их филологическая составляющая. Между тем в литературоведении советской эпохи существенное место занимала деятельность некоторых провинциальных / областных институтов / университетов, в которых кипела жизнь: научные конференции и тематические сборники, чтения приглашенных лекторов «из столиц», студенческие кружки. Как правило, подобное филологическое культурное гнездо возникало вокруг личности незаурядного ученого, со своими если не методом, то методикой и темой, списком заметных работ, учениками и поклонниками. Такими основоположниками, «культурными героями» были в Саратове — А. П. Скафтымов, в Смоленске — В. С. Баевский, в Ижевске — Б. О. Корман, в Уфе — Р. Г. Назиров, в зарубежном ныне Даугавпилсе — Л. М. Цилевич.

Рецензируемая книга посвящена волгоградскому гению места Давиду Наумовичу Медришу (1926–2011). Заглавие книги позаимствовано из кафедрального посвящения коллег:

Не можем мы сказать иначе:
Структурализма верный друг,
Поклонник Лотмана горячий,
Профессор сказочных наук!

Медриш принадлежал к поколению, студенческие и ранние преподавательские годы которого пришлось на перелом от позднего сталинизма к оттепели. Черновицкий университет он окончил в 1951 году, кандидатскую диссертацию (в МГПИ им. Ленина) «Б. Горбатов — прозаик. Вопросы стиля» защитил в 1963-м, вся его дальнейшая научная жизнь (1963–2007) была связана с Волгоградским государственным педуниверситетом (ВГПУ).

* Гольденберг А. Х., Путило О. О., Тропкина Н. Е. Профессор сказочных наук. Научная биография Д. Н. Медриша. М.: Флинта, 2021. 456 с.

Диссертация Медриша посвящена прозаике второстепенному, однако в 1950–1960-е годы входившему в советскую литературную номенклатуру. Таков был путь не одного Медриша. Похожими, «созвучными времени», были, к примеру, и первые диссертации З. Г. Минц («Пути развития советской дошкольной литературы (1917–1930 гг.)», 1956) или Б. Ф. Егорова («Н. А. Добролюбов и проблемы фольклористики», 1952).

Проблема выбора — что делать дальше? — встает перед молодым ученым среди преподавательской текучки. Позднее Медриш вспоминал: «...у меня выработался совершенно иной подход к Горбатову и писателям такого типа. <...> Мне так надоела подобная литература, что я, чтобы отвести душу, положил все тома Чехова и стал читать том за томом, том за томом, чтобы отбить оскомину от этой, как я теперь понимаю, псевдолитературы» (с. 345).

Чехов, а позднее Пушкин, стали главными персонажами научной деятельности Медриша. Объединяющей их почвой — фольклоризм. Эти три темы сошлись в главной работе Медриша «Литература и фольклорная традиция» (Саратов, 1980), ставшей основой его докторской диссертации (1983). Книга выдерживает переплетение и сегодня — через полвека.

Так что появление написанной учениками и коллегами Медриша его «научной биографии» вполне понятно и закономерно. Сходные жизнеописания филологических культурных героев уже появились и в Саратове, и в Смоленске.

Книга состоит из трех частей.

Собственно научной биографии отведена лишь треть издания (130 страниц). Приложение I «Материалы из научного наследия Д. Н. Медриша» занимает почти половину книги (около 200 страниц). Приложение II включает записанные дочерью устные воспоминания Медриша и несколько мемуарных очерков о нем. Завершает том библиография работ ученого.

В первое приложение включены очень разнородные материалы: студенческие методички, популярные статьи из «Энциклопедического словаря юного литературоведа» («Былины», «Повтор», «Фольклор» и др.) и основательная, итоговая «Фольклоризм» из энциклопедии «А. П. Чехов».

Самый интересный и важный материал этого раздела — публикуемые по студенческим записям А. Х. Гольденберга и Н. Е. Тропкиной конспекты прочитанного в ВГПИ в 1973 году спецкурса «Художественное пространство и время». Его материалы лишь отчасти отразились в упомянутой монографии «Литература и фольклорная традиция». В кратком курсе (всего девять лекций) автор успевает дать сжатый исторический обзор, заглянуть в смежные области психологии, живописи, кино, развернуть собственную концепцию и предложить конкретный анализ нескольких произведений.

Список рекомендуемой литературы здесь краток: Д. С. Лихачев, Ю. М. Лотман, А. Я. Гуревич, Л. Ф. Жегин, Б. А. Успенский. Но в тексте лекций есть ссылки на польского художника и теоретика В. Штеминьского, польского режиссера Е. Гротовского, скандинависта М. И. Стеблина-Каменского, П. А. Флоренского, Е. М. Мелетинского, А. Н. Веселовского. Лишь последняя часть курса — сопоставление «Зодчих» Д. Кедрина и «Мастеров» А. Вознесенского — адекватно отразилась в упомянутой выше книге «Литература и фольклорная традиция».

С этим курсом связан парадокс (замеченный авторами научной биографии). М. М. Бахтин не упоминается в спецкурсе ни разу, не используется и понятие хронотоп, хотя о единстве пространства и времени говорится неоднократно. В книге «Литература и фольклорная традиция» фамилия Бахтина уже появляется, но в связи с другими проблемами.

Бахтинский бум, вероятно, возникает не в связи с новой публикацией «Проблем поэтики Достоевского» (1972), а несколькими годами позднее, после появления «Вопросов литературы и эстетики» (1975).

Записи, однако, воспроизводят лишь скелет, схему курса, а не его реальное содержание. Голос, прямую речь ученого заменяют студенческие тезисы.

Вот, к примеру, как выглядят «выводы» лекции о художественном времени: «Мы рассмотрели событийное художественное время, продолжительность, приуроченность его (но не говорили ни о темпе движения, ни о направлении). Сначала — общие свойства. Потом — цифровые показатели. Событийное время для одних жанров традиционно. Мифологическое творчество — закон цельности изображения (от рождения героя до его смерти — Гильгамеш)» (с. 166–167). И т. п.

Такова, кажется, особенность не только этих студенческих записей советской эпохи. Точное стенографическое воспроизведение профессорских лекций в послереволюционную эпоху было утрачено. (Или на лекциях Веселовского и Потебни сидели профессиональные стенографистки?) Впрочем, есть и приятные исключения. Лекции Н. Я. Берковского по зарубежной

литературе первой половины XIX века, выпущенные в «Азбуке-классике» (2002), печатались «по стенографическим записям», что специально отмечено публикаторами.

Мемуарные заметки Медриша, записанные дочерью, демонстрируют еще одну особенность советского литературоведения. Контакты между «столицами» и «провинцией» были все-таки менее тесными (хотя более важными), чем сегодня. Медриш лишь эпизодически встречался с ленинградскими (В. Я. Пропп, Д. С. Лихачев) или московскими (Е. Н. Коншина) «интересными людьми». Его работа происходила совсем в ином хронотопе. Наиболее тесными были его связи с ленинградским поэтом Л. Друскиным. Но корни его другие: это знакомство, пожалуй даже дружба, связано с эвакуационными самаркандскими годами.

Книга «Профессор сказочных наук» подготовлена с пониманием и любовью, что не отменяет вопросов к содержанию и композиции.

Читать ее удобнее наоборот: от работ Медриша и воспоминаний о нем — к собственно «научной биографии». Биография логично строится как последовательное изложение идей и этапов научной деятельности ученого. Но если развернутое цитирование не включенных в книгу работ Медриша понятно, то аналогичные цитаты из работ, включенных в эту же книгу, представляются излишними. Между тем эпизод знакомства с В. Я. Проппом со ссылкой на первую публикацию в «Вопросах литературы» (с. 40–41) — больше страницы — мы еще раз читаем в приложении (с. 327–328). И такой дубль в книге не единственный.

Похоже обстоит дело и с библиографией. Список работ Медриша к «научной биографии» (с. 118–127) дублируется в заключающей книгу «Аннотированной библиографии работ Д. Н. Медриша» (с. 414–453). Вероятно, и эти десять страниц можно было использовать рациональнее.

Перечитывая книгу, вдруг обращаешь внимание на забавные детали. Вспоминая об учителе, ученики мимоходом рассказывают о себе. Оказывается, одна диссертантка в Америке «освоила графический дизайн, работала дизайнером-консультантом (фриланс)», вторая, вообще, «переключилась на африканистику» в республике Кот-д'Ивуар. Натолкнувшись на это, вспомнил один довлатовский анекдот о Михаиле Шемякине. Отец встречает только что выпущенного из сумасшедшего дома сына и гордо восклицает: «Где только мы, Шемякины, не побывали! И в бою, и в пиру, и в сумасшедшем доме!»

Где только мы, филологи, негодились... Предпринятая А. Х. Гольденбергом, О. О. Путило и Н. Е. Тропкиной работа намечает важную перспективу. Для будущей «Истории советского литературоведения» (появится же когда-то такая!) книга «Профессор сказочных наук» будет полезным подспорьем.

ЛИКИ ФЕДОРА ДОСТОЕВСКОГО В ЛИТЕРАТУРЕ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ КОНЦА XIX — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА*

В 2021 году праздновалось 200-летие со дня рождения Ф. М. Достоевского. Юбилейный год был отмечен многочисленными событиями, связанными с этой знаменательной датой: новыми изданиями произведений писателя, публикацией посвященных ему книг, научными конференциями, выставками, фестивалями, программами в разных областях медиапространства. На фоне этого прокатившегося по России поистине «потока» разнообразного выражения чувств уважения, любви, преклонения перед одним из гениев русской литературы появление подготовленной в Институте мировой литературы РАН коллективной монографии, на первый взгляд, выглядит всего лишь еще одним скромным, приуроченным «к случаю» подношением к подножию памятника Достоевскому. Однако обращение к данному научному труду показывает, что подобная оценка является поверхностной и несправедливой. Как четко определено в предисловии к сборнику, задачей его авторов была предпринятая впервые попытка осмысления «начального этапа творческой и научной рецепции личности и наследия Достоевского в контексте напряженных интеллектуальных исканий» конца XIX — первой трети XX века (с. 7).

Исходными качествами данного издания, квалифицирующими его как современное научное исследование, является то, что оно создано международным коллективом ученых и при этом не только литературоведами, но и специалистами по философии, театру, кино и медицине. Тем самым сразу же задан вектор изучения феномена наследия Достоевского как явления мирового масштаба, повлиявшего на различные виды искусств и другие области человеческого знания.

Первый и наиболее пространственный раздел книги включает в себя статьи, посвященные проблеме формирования образа Достоевского как одной из ключевых фигур в развитии многих аспектов русской культуры рубежа веков. Значимым камертоном является исследовательский этюд Е. А. Андрущенко «„Краткий очерк жизни и писательства Ф. М. Достоевского“ Д. Аверкиева в контексте вступительных статей к собраниям сочинений писателя». За скромным названием скрыт анализ знакового для культуры рубежа веков момента перехода от позитивистского рассмотрения биографии

и тематики книг писателя к превращению творчества и самого образа Достоевского в одну из центральных мифологем в художественных и философских концепциях писателей и философов (Д. Мережковского, Льва Шестова, Н. Бердяева etc.). Заданное направление исследовательского поиска продолжено в весомой работе О. А. Кравченко «Трагедия как роман и философия: архитектура трагического у Достоевского», а также в статьях К. В. Ворожихина и А. Ф. Макаровой. Другой существенной составляющей этого раздела предстает рассмотрение влияния идейных концепций и поэтики писателя на художественную практику и «литературоведческую аккомодацию» наследия Достоевского писателями начала XX века: В. Я. Брюсовым (статья Н. А. Дровалевой), Г. И. Чулковым (статья О. А. Богдановой), Н. Львовой (статья Т. С. Карпачевой). В работе М. В. Козьменко «Александр Закржевский — интерпретатор мировоззренческих рефлексий эпохи „ренессанса Достоевского“» впервые полномасштабно дан анализ оригинальной критико-философской концепции одного из несправедливо забытых критиков начала XX века. Представленное в статьях первого раздела многообразное «освоение» творчества писателя в культуре рубежа веков завершают: статья Т. П. Баталовой и Г. В. Федянова о дискуссии, посвященной роману «Бесы» в критике 1918–1935 годов, и работа Сержа Ролле об издании выполненного Достоевским перевода повести Бальзака «Евгения Гранде» в 1935 году. Они освещают уже следующий этап существования наследия писателя в непростых условиях строительства в послереволюционной России нового общества, не приемлющего философию и политические постулаты Достоевского.

Второй раздел коллективного труда составлен из исследований, касающихся различных аспектов восприятия творчества писателя западной художественной культурой и философской мыслью. Существенный научный интерес представляет статья В. В. Полонского «Достоевский сквозь западную оптику: случай Кнута Гамсуна и не только». В ней рассмотрены точки пересечения и расхождения воззрений и отношения к фигуре Достоевского у русских и западных интеллектуалов. Ее основа — материалы дискуссии 1929 года, имевшей место в Франко-русской студии (Париж). В итоге автор приходит к убедительному выводу, что «Достоевский предстает ключевым элементом кода и всей европейской традиции религиозной рефлексии, и эпохи великого культурного слома, рубежа веков и XX столетия» (с. 198). Рассмотрение тем о «пересечении» и влиянии Достоевского на различные ас-

* Ф. М. Достоевский в литературных и архивных источниках конца XIX — первой трети XX в. / Ред.-сост. Е. А. Андрущенко, В. М. Введенская, М. В. Козьменко. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 386 с.

пекты мировой культуры как бы априорно тяготеет к бесконечному развитию и продолжению. В данном издании в статьях И. А. Эбаноидзе — о Достоевском и Ф. Ницше, И. А. Дергачевой — о рецепции творчества писателя в итальянской литературе рубежа веков, наконец, в работе М. В. Михайловой — о немецких и итальянских экранизациях его произведений в первой трети XX века, где сознательно затрагивается только ряд ключевых «точек» этой глобальной проблемы.

Помимо отдельных сюжетов, изложенных исследователями, и первый, и второй разделы коллективной монографии имеют каждый свой последовательно развивающийся «мета-сюжет», позволяющий читателю на фоне конкретного избранного аспекта восприятия Достоевского проследить эволюцию его «вечных» тем и образов в процессе меняющегося времени, когда подход к наследию писателя, различающийся лишь по эстетическим и философским критериям, сменялся подходом «классовым», и несходство было уже чревато политически обусловленными, вполне реальными последствиями.

Третий раздел сборника представлен одной работой, одновременно и неожиданной, и органичной для достоевсковедения. Это статья доктора медицинских наук Розы Марии Морено Родригес и доктора филологических наук Натальи Николаевны Арсентьевой «„Стресс жизни“ в произведениях Ф. М. Достоевского и Л. Н. Андреева в свете нейрофизиологических исследований». В ряде случаев только объединение усилий представителей разных научных дисциплин может дать объективные ответы на пограничные вопросы познания отдельных аспектов литературного творчества и психологии автора. Предложенное в сборнике исследование и стало результатом подобного плодотворного «содружества», позволив выявить научную медицинскую основу отоображения обоими писателями психопатологии их героев, основу, соответствующую конкретному этапу изучения поведенческой психологии специалистами.

По-достоевски парадоксально-логичным финалом предпринятого в ИМЛИ коллективного

труда являются сопровождающие его два философских приложения. Первое из них — эссе погибшего во время Гражданской войны талантливого ученика Н. О. Лосского — Д. В. Болдырева «„Зосима“ Достоевского и „Бранд“ Ибсена. Вдохновение, жизнь и вера» (1913). Второе — брошюра «Штирнер и Достоевский» (1925), принадлежащая перу сгинувшего в сталинских лагерях философа и неонархиста Н. Отверженного (Н. Г. Булычева). В послесловии к публикации этих забытых текстов М. В. Козьменко представил собранные по крупицам данные о жизненном пути и философских пристрастиях обоих авторов. Закрывающие коллективную монографию работы отличаются по смелости выраженной в них философской мысли, глубине анализа и художественному таланту их создателей. Но оба философских сочинения представляют собой отражение тех, во многом так и не раскрывшихся путей к познанию Достоевского, которые оказались насильственно оборваны в ходе трагического развития русской истории XX века.

Можно говорить и о недостатках сборника: о его, может быть, излишне дробном построении; о создании научного текста по принципу *court-métrage*; о преувеличении вследствие исследовательской увлеченности значимости некоторых фигур (какой же, к примеру, «потерянный достоевсковед» Н. Львова, написавшая лишь одну рецензию?)... Можно, но нет подобного желания. Недостатки и недочеты ни в коей мере не перекрывают главного достоинства выпущенного в ИМЛИ издания. Это — созданный учеными из разных стран современный, основанный во многом на архивных, впервые вводимых в научный оборот материалах, научный труд о формировании в конце XIX — начале XX века того феномена Достоевского как художника и мыслителя, который затем, уже в XX веке, отражался в искусстве, в научной мысли и в СССР, и в России в изгнании, и в других странах. Книга «Ф. М. Достоевский в литературных и архивных источниках конца XIX — первой трети XX в.» — не юбилейный сборник, а результат органичного процесса изучения наследия писателя мировой наукой XXI века.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-249-252

© Е. В. Иванова

Д. П. МИРСКИЙ: ПОЧВА И СУДЬБА*

Книги серии ЖЗЛ не принято рецензировать в научных журналах не из ученого снобизма, а из-за отсутствия ссылок на источники, что исключает оценку достоверности сообщаемой ими информации.

Биография «Святополк-Мирский», написанная М. В. Ефимовым и Дж. Смитом, является редким исключением: примечания занимают больше 50 страниц!

Еще одну особенность составляет двойное авторство биографии, поскольку за ним стоят два совершенно разных исследователя, каждый из которых достаточно известен среди славистов.

* Ефимов М., Смит Дж. Святополк-Мирский. М.: Молодая гвардия, 2021. 702 с. (сер. «Жизнь замечательных людей»).

Джеральд Смит, профессор эмеритус Оксфордского университета, занимается творчеством Мирского¹ с начала 1970-х годов, он застал в живых некоторых из тех, кто знал его лично, записи бесед с ними используются в биографии. В 1989 году в Беркли вышел подготовленный Дж. Смитом сборник статей Мирского, первая попытка собрать под одной обложкой его работы на двух языках — русском и английском, в этом издании каждая из статей публиковалась на языке оригинала без перевода,² в приложении помещена аннотированная библиография работ Мирского, написанных в 1932–1937 годах, т. е. в советский период.³ В 2000 году в издательстве Оксфордского университета вышла написанная Дж. Смитом биография Мирского.⁴ Высоко ценивший ее М. Л. Гаспаров в свое время предпринимал усилия по ее переводу на русский язык, и если бы она своевременно пришла к русскому читателю, двойного авторства можно было бы избежать, но тогда эта инициатива не увенчалась успехом. Соавторство, таким образом, является вынужденным, и в кратком предисловии Михаил Ефимов объясняет его особенности: на обложке «указаны два автора, русский и англичанин. Но писалась книга одним человеком — и по-русски. <...> Поскольку работы Дж. Смита повлияли, в известной степени, на мои собственные представления о Мирском, наше соавторство было органичным. Оно оказалось заочным и в пространстве, и во времени: я писал эту книгу *после* английской книги Джеральда. И хотя русская книга ни в какой степени не похожа на английскую, без английской предшественницы, а также без многочисленных публикаций эпистолярного наследия Мирского, осуществленных Дж. Смитом, она не была бы возможна. Потому первая русская биография Мирского в полной мере является плодом русско-британского содружества» (с. 6–7). Публикации эпистолярного наследия, осуществленные Дж. Смитом, упомянуты не случайно — речь идет в первую очередь о публикации писем Мирского к П. П. Сувчинскому, а также о его публикациях в славистическом журнале «Oxford Slavonic Papers», одним из издателей которого он был на протяжении многих лет, писем Мирского к М. Горькому (совместно с О. Казниной), к Саломее Андрониковой-Гальперн и Вере Сувчинской-Трейл (совместно с Р. Дэвисом); ссылки на эти публикации читатель найдет в рецензируемой книге.

В свою очередь, М. В. Ефимов к моменту написания биографии «Святополк-Мирский»

также имел весьма существенные заслуги: совместно с О. А. Коростелевым он является составителем и комментатором наиболее полного на сегодняшний день сборника статей и рецензий Мирского о литературе и искусстве,⁵ куда помимо работ, написанных по-русски, вошли и переводы его статей, написанных по-английски; открывался этот сборник кратким предисловием Дж. Смита «Параболы и парадоксы Д. Мирского», где в общих чертах изложена его концепция творчества Мирского, что позволяет русскому читателю познакомиться с ней. М. Ефимов также автор монографии «D.S.M. / Д. П. Святополк-Мирский: Годы эмиграции», написанной на основе диссертации, в свое время защищенной в Пушкинском Доме,⁶ здесь впервые корпус текстов Святополк-Мирского по истории русской литературы рассматривался как целостная концепция ее развития с древних времен и до писателей-современников Мирского.

Рецензируемая нами биография, таким образом, соединяет плоды трудов двух одинаково авторитетных исследователей, но в цитированном выше предисловии М. В. Ефимов не зря предупреждал читателя, что она написана одним человеком: яркий и блестящий стиль рецензируемой книги настолько не имеет ничего общего с привычным стилем даже самых незаурядных литературоведческих работ, что его следует отметить как отдельное свойство биографии «Святополк-Мирский». М. В. Ефимов обладает несомненным литературным даром и относится к числу тех авторов, которых можно узнать по одному абзацу.

Про биографию «Святополк-Мирский» можно сказать, что это проекция на его судьбу обширных знаний двух ученых о его творческом пути, при которой интерпретатором внутреннего смысла раскрывающихся взаимосвязей выступает один из них — М. В. Ефимов. Связи эти не лежат на поверхности, их корни уходят глубоко в целостный контекст русской литературы и истории, а кроме того — требуют глубокого понимания всего того, что привносила в творчество Мирского «почва и судьба», достаточно уникальные для русского писателя, каковым мы осмеливаемся его называть, несмотря на то, что к литературе в традиционном смысле слова он мало причастен.

С точки зрения амплуа, в которых выступал Мирский, его следует назвать критиком, историком и популяризатором русской литературы для западноевропейского читателя, а в советский период — английской уже для советского читателя. В том, что литературный критик является еще и историком литературы, нет ниче-

¹ Здесь и далее героя рецензируемой биографии мы называем именем, которым он подписывал свои статьи.

² *Mirsky D. S. Uncollected Writings on Russian literature / Ed., with an Introduction by G. S. Smith. Berkley: Berkley Slavic Specialties, 1989.*

³ *Ibid.* P. 368–375.

⁴ *Smith G. S. D. S. Mirsky: A Russian-English Life. 1890–1939. Oxford: Oxford University Press, 2000.*

⁵ *Мирский Д. О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937 / Сост., подг. текстов, комм., материалы к биографии О. А. Коростелева и М. В. Ефимова; вступ. статья Дж. Смита. М., 2014.*

⁶ *Ефимов М. В. D.S.M. / Д. П. Святополк-Мирский: Годы эмиграции. 1920–1932. СПб., 2019.*

го уникального, уникальными были его суждения и оценки в той и другой области, когда протопопа Аввакума он назовет «великим художником слова» и заявит, что «каждому русскому писателю есть чему у него поучиться», а «Апокалипсис нашего времени» В. Розанова в его представлении станет своего рода гамбургским счетом для всей дореволюционной литературы. За этой точкой зрения на литературу стояло особое понимание ее роли в русской жизни и собственный глубоко выстраданный исторический опыт, который в творчестве Мирского доминировал в равной степени и над политикой, и над эстетикой. Например, в письме к Морису Берингу он рассказывал об опыте, вынесенном им с полей Первой мировой и Гражданской войн: «Это были ужасные годы потерь (в феврале 1920-го был убит мой брат, погибли все мои друзья, за исключением двоих) и разочарований» (с. 128). Это признание может служить ключом к характеристике Гумилева, не имеющей ничего общего со всем тем, что писалось о нем до Мирского и после: «...как поэт же он — „праведник перед Господом“», и пояснение: «„В 1914 г. Гумилев, единственный из русских писателей, пошел на фронт солдатом (в кавалерию). <...> Множеству литераторов Германии, Франции, Англии и Италии, которые воевали или погибли на фронте, русская литература может противопоставить только одно имя — Гумилева“» (с. 115–116). Добавим, что имя Мирского можно поставить вслед за ним.

Мирский был один из немногих, кто по достоинству оценил «Апокалипсис» Розанова, он способствовал сначала его републикации во втором номере «Верст» (1927), а потом и переводу на английский язык, хотя непонятно, что мог «гордый взор иноплеменный» увидеть в несмирном самообнажении ее автора.

Только в контексте розановского «Апокалипсиса» можно понять основную интенцию статьи Мирского «Веяние смерти в предреволюционной литературе», опубликованной в том же самом номере журнала «Версты», где и русской культуре был вынесен не менее суровый приговор: «В дореволюционной культуре нечего сохранять или, точнее, в предреволюционной. Это не значит, что мы должны отречься от „интеллигентского“ периода нашей истории или забыть о нем. Наоборот, сильные его примером, положительным и отрицательным, мы должны уходить от него, не забывая о нем. Основывать культурный консерватизм можно было на Ломоносове, Державине, Пушкине, мужах силы и крепости. Но основывать его на поколениях, которые все силы свои положили на дело разрушения, значит не понимать слова „консерватизм“ и не уважать дела этих разрушителей. Это значит строить дом на океане» (с. 287). Тяготение Мирского к Розанову определялось его жизненным опытом, носило экзистенциальный, а не эстетический характер, на этой почве складывался и совершенно особенный консерватизм Мирского, из-

ложенный им в форме диалога в статье «О консерватизме».

В отношении к русской критике он пошел дальше Розанова, ее представителей он называл «особой породой людей», которая «изо всех сил старалась не подпустить к телу русской литературы всех тех, кто не исповедовал ортодоксальность или хотя бы слегка отклонялся от ортодоксальности. Им бы удалось выгнать из храма даже Пушкина, если бы они позднее не приняли более мудрую политику притягивания его как одного из своих, при этом сильно его искажив и изуродовав» (с. 204).

В этой своей части взгляд Мирского на русскую культуру может показаться излишне эксцентричным, но именно собственный жизненный и исторический опыт стоял за таким, например, предостережением: «Соприкосновение с русской культурой гибельно для всех лучших качеств англичанина <...> Проникнутый „русским духом“ англичанин делается мрачным истериком и анархическим педантом» (с. 164). За подобные высказывания современники часто обвиняли Мирского в излишней любви к парадоксам, но это мнение, как и любое другое, обеспечено его судьбой, судьбой России, которую все они потеряли, при этом Мирский оказался одним из немногих, кто пытался понять — почему. Этим отрицанием продиктованы его попытки найти поначалу в творчестве Цветаевой, а потом еще и Маяковского те здоровые начала, на которых русская культура сможет отстраиваться заново, но это лишь первая часть его наследия, адресованная русской эмиграции, которая встретила его полным непониманием, граничащим с ненавистью.

Вторая, историко-литературная часть, изначально имела другого адресата — зарубежного читателя, и здесь приговоры если и были, носили совсем иной характер. Здесь в центре находится «История русской литературы с древнейших времен по 1925 год» (в 2 т.), написанная по-английски и переведенная Р. А. Зерновой на русский язык (1992). Составители тома статей Мирского «О литературе и искусстве» М. В. Ефимов и О. А. Коростелев дополнили «Историю...» рядом статей и рецензий Мирского сродной тематики, опубликованных по-английски. Благодаря переводам эта часть наследия Мирского пришла также и к русскому читателю, но пока она воспринимается не как целостная концепция развития русской литературы, а как компендиум разнообразных острых и ярких идей и оценок.

Между тем она может быть названа самой перспективной и продуктивной в наследии Мирского, поскольку здесь содержится глубоко оригинальный взгляд на русскую литературу, который существенно отличается от привычного нам представления, опирающегося на пресловутые три этапа освободительного движения, а ведь именно на них до сих пор базируется наше преподавание этой дисциплины в школах и ВУЗах. Как представляется, вехи,

которые расставляет в истории русской литературы Мирский, в том числе и исторические, заслуживают не просто внимания и обсуждения, а, что гораздо более важно, — применения в педагогической практике. Мирскому принадлежала еще одна идея, которую М. В. Ефимов назвал «ударом по профсоюзу советских литературоведов»: «У нас нет ни одной истории европейской литературы, которая бы включала русскую, ни одной истории русской литературы, которая рассматривала бы ее как часть европейской» (с. 589). Был еще один замысел, безнадежно утраченный, он сложился у Мирского уже в лагере и дошел до нас благодаря воспоминаниям Ю. Г. Оксмана: «Он бесконечно скорбел по поводу своего перехода в новую веру и приезда в Россию, проклинал коммунизм, издевался над своими иллюзиями. Много говорил о своих планах истории русской поэзии и верил, что останется жить» (с. 631).

Иллюзии, над которыми издевался Мирский, находясь в лагере, — особая тема. М. В. Ефимов касается этих иллюзий, заставивших Мирского вернуться в Россию навстречу неминуемой гибели. Как обычно, не обошлось без женщины: перед inferнальной Верой Гучковой-Трейл-Сувчинской Мирский в одном из писем поставил вопрос ребром, либо она выходит за него замуж, либо он возвращается в Россию. От себя добавим, что ответ на эту загадку отчасти помогает найти роман В. Набокова «Подвиг» и его же стихотворение «Бывало ночью только лягу...». Тяготение вернуться в Россию у некоторой части первой волны эмиграции носило настолько иррациональный характер, что понять его может только художник, в судьбе Мирского получилось еще

страшнее: вместо оврага в черемухе была мерзлая колымская земля.

Возвращению Мирского в Россию предшествовало вступление в коммунистическую партию Великобритании, где он надеялся обрести здоровую альтернативу «загнивающему Западу». После возвращения создавалась третья часть наследия Мирского, представленного преимущественно статьями по зарубежной литературе, в которых сквозь марксистские догмы проглядывает такое тонкое знание и понимание английской литературы, какого мы не найдем ни у одного из наших специалистов-литературоведов. Но отделить эти догмы никто, кроме автора, не имеет права, и эти статьи так и остаются погребенными под ними.

В короткой рецензии трудно, даже невозможно описать все богатство и разнообразие идей, которые кодифицирует, поясняет и связывает друг с другом биография «Святополк-Мирский», ее так и хочется назвать нашим «патентом на благородство», книгой, помогающей глубоко прочувствовать «духа мощного господство и уточненной жизни цвет» ее героя. Она впервые представляет наследие этого уникального историка русской культуры как некое целое, расставляет акценты и намечает реперные точки для его освоения. Невозможно себе представить, что эта книга окажется очередным кирпичиком в здании огромной серии ЖЗЛ, она должна стать темой серьезных методологических дискуссий и краеугольным камнем для построения нового курса истории русской литературы в соответствии с заглавием главной книги Мирского — «с древнейших времен» и, может быть, даже по сегодняшний день.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-252-254

© С. А. Дубровская, © О. Е. Осовский

«ВЕЛИКОЕ НЕСЧАСТЬЕ РОДИТЬСЯ ПОЭТОМ...»: НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ТВОРЧЕСТВА Д. И. МОРСКОГО*

Имя Дмитрия Ивановича Морского (наст. фам. — Малышев, 1897–1956) практически не известно современному читателю. Мало знакомо оно и специалистам по отечественной литературе 1920–1930-х годов, возможно, только тем, кто детально исследовал круг корреспондентов А. М. Горького или младшее поколение «новокрестьянских» поэтов, историю первых

десятилетий эрзя-мордовской профессиональной словесности. Участник трех войн (Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной), прошедший предвоенные, военные и послевоенные тюрьмы и лагеря, он в 1923–1925 годах учился в Высшем литературно-художественном институте им. В. Я. Брюсова, регулярно посещал «Никитинские субботники», активно публиковался в газетах и журналах (от «Известий», «Красной звезды», «Красной нови» и «Молодой гвардии» до «Пахаря», «Путеармейца» и «Строителя БАМа»), вернулся в 1954 году, полностью отбыв десятилетний

* *Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н.* Из литературного наследия Д. И. Морского: Переписка. Воспоминания. Рецензии. Неопубликованные произведения. М.: ФЛИНТА, 2020. 490 с.

срок на Севере, и умер в районном Доме инвалидов, не дожив до шестидесяти. Непростой, порой до неуживчивости, характер, безмерная резкость высказываний и смелость оценок, в том числе и сталинской политики по отношению к крестьянству, голоду начала 1930-х годов, довольно быстро стали причиной окончания его официальной писательской карьеры, так что большая часть написанного Д. И. Морским осталась неопубликованной.

Среди дошедшего до нас литературного наследия внушительное число художественных произведений (многоотный роман «Неслышанный голос», повести и рассказы, поэтические тексты), автобиографическая и мемуарная проза, драматургия, киносценарии, публицистика и литературная критика, эпистолярный, в числе адресатов которого И. В. Сталин, Н. И. Бухарин, М. И. Калинин, А. В. Луначарский, Н. И. Ежов, А. Б. Халатов, В. И. Полонский, А. А. Фадеев, Е. Ф. Никитина, В. В. Казин, В. М. Инбер и др.

Н. Л. Васильев и Д. Н. Жаткин немало потрудились для того, чтобы наследие Морского, в более или менее систематизированном виде, оказалось представлено на страницах книги. При этом исследователям пришлось обращаться не только к фондам Центрального государственного архива Республики Мордовия, где находится большая часть наследия писателя, но и к другим документохранилищам (РГАЛИ, Архив А. М. Горького ИМЛИ РАН, отделы рукописей РГБ и РНБ). Часть материалов была передана родственниками автору первого биографического очерка о Д. И. Морском¹ Л. Г. Васильеву и оказалась в его личном архиве. Примечательно, что исследователи, при всей своей симпатии к герою, подчеркнуто стремятся к объективности в оценке его литературного дарования: «...следует отметить безусловный писательский талант автора и вместе с тем отсутствие у него глубинной литературной школы, эстетический эклектизм (подражание поэтической классике и временное увлечение модной в 1920-х гг. формалистической эстетикой)» (с. 20).

Непростая задача реконструкции творческого пути писателя решается в книге последовательным представлением ряда сюжетов. Это прежде всего публикация переписки молодого поэта с А. М. Горьким. «Глубоко взволновала меня Ваша внимательность, дорогой Алексей Максимович!» — пишет Морской 25 октября 1927 года (с. 31). Отправив Горькому свой поэтический сборник «Сурдина пурги» и оказавшись в числе адресатов великого писателя, он в течение нескольких лет будет вести спорадический диалог с «приволжским бродягой-великаном» (с. 34). Именно так он определит Горького в своем послании к нему с явным расчетом на литературное покровительство. Однако, как показывают приведенные документы, Горький не был впечатлен поэтическими опытами но-

вого знакомого и, оказав ему некоторую помощь и поддержку, не стал, как это явствует из мемуаров Морского, «продвигать» его в литературу. Впрочем, ряд советов от великого писателя был получен: «Все, испытанное Вами, должно бы явиться богатством Вашим и гордостью Вашей, все это — материал для Вас, поэта. А кроме этого, у Вас есть и еще богатейший материал — в легендах, сказках, песнях Вашего племени» (с. 29).

Обида на Горького прорывается в черновом наброске с выразительным заголовком «Что меня погубило»: «Хоть „мертвых с кладбища не носят“, но, коль скоро дело коснулось покойного А. М. Горького, позволю себе упомянуть его имя. В своих критических и публицистических статьях великий покойник высказывал одно, а в частных письмах и в личных разговорах — другое, противоположное тому, что говорил в печати. Например, ратуя в советской печати за злободневность художественной литературы, в своих письмах ко мне он советовал писать произведения из жизни своего мордовского племени» (с. 310).

Заметный интерес вызывает и переписка с П. Н. Сакулиным, наставником Морского по «Брюсовскому институту», не просто благоволившим к бывшему студенту, но и выступившим автором предисловия к той самой «Сурдине пурги». Именно на поддержку Сакулина рассчитывает Морской в своем конфликте с советской цензурой, не пропускающей его поэму «Буря». Приводимые в его письмах детали общения с П. И. Лебедевым-Полянским, руководителем Главлита, — важное дополнение к сегодняшним представлениям о реальных механизмах цензурного контроля над литературой во второй половине 1920-х годов.

Не менее ярким представляется и сюжет о «перековке» Морского в «Бамлаге». Один из самых поразительных документов — «Первому вселадерному слету поэтов, писателей, художников и композиторов Бамлага НКВД творческий рапорт». «Верные сыны Коммунистической партии — чекисты Бамлага на примере показывают, как надо выковырять кадры советских писателей в условиях исправительно-трудовых лагерей», — заявляет Морской, сообщая «коллегам по цеху» о своих достижениях (с. 302).

Публикуемые литературные произведения (от эпиграмм на Л. Троцкого до «Лагерных поэм» и автобиографических фрагментов) свидетельствуют об активном желании Морского вписать себя в советскую литературу 1930-х — начала 1950-х годов. Он настойчиво стремится сохранить себя именно в качестве живого участника литературного процесса, преодолевая все невзгоды и обрушившиеся на него несчастия, вернуться в «литературный строй».

Увы, есть у книги и недостатки. Не совсем ясно, почему издательство обозначило ее как монографию, а составителей-комментаторов представило титульными авторами. Не помешали бы развернутый биографический очерк, равно как и краткая летопись жизни

¹ См.: Васильев Л. Г. Дмитрий Морской: Очерк жизни и творчества. Саранск, 1964.

и творчества, хотя бы избранная библиография трудов Д. И. Морского и посвященных ему работ, более детальный комментарий к отдельным текстам. Впрочем, эти частности никак не сказываются на главном: рецензируемая книга в большей мере — документ о чело-

веческой судьбе, нежели о литературном таланте. Но для тех, кто хочет понять и почувствовать атмосферу эпохи, увидеть извивы литературной жизни относительно недавнего прошлого, значение рецензируемого издания трудно переоценить.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-254-255

© Л. В. Хачатурян

«ПЛАТОНОВСКИЙ „СТРАННЫЙ“ СТИЛЬ»: НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ РОМАНА «ЧЕВЕНГУР»*

В 2021 году был опубликован третий том сочинений Андрея Платонова, полностью посвященный одному произведению — роману «Чевенгур». Трудно представить себе еще один настолько сложно организованный, многократно менявшийся, многослойный, проблематичный для научной передачи текст. Платоновский «„Чевенгур“ — это и сопряжение двух романов в одном произведении, неоконченного „Строители страны“ и „нового Чевенгура“» (с. 573), и слои авторской правки, и бесконечные редакторские вмешательства в текст, включающие разрушительную правку *postmortem*.

Любая научная публикация наследия Андрея Платонова необходимо получает дополнительное измерение — текстологическое. Применительно к «Чевенгuru» речь идет о реконструкции произведения, поэтапном выстраивании нарратива: «...работа над каждой частью романа имеет собственное досье источников со своими сюжетами, героями, коллизиями и вопросами» (с. 546). Решение этих задач потребовало высокого профессионализма составителей: замысел¹ и первая редакция «Чевенгура» (варианты были изначально исключены ими из тома в связи с большим объемом) занимают около двухсот страниц. Важнейшей части многолетнего исследования — характеристике рукописей Платонова и восстановлению логики авторской правки — посвящена не только статья в самом издании, но и два объ-

емных тома «Архива Андрея Платонова».² При критическом рассмотрении «Чевенгура» было задействовано более двадцати редакций и вариантов, не считая четырех прижизненных публикаций машинописных фрагментов (с. 545–546). «Ключом» к произведению стал анализ сводной рукописи,³ фиксирующей три важнейших этапа творческой истории: роман «Строители страны», повесть «Преходящие годы» и «собственно „Чевенгур“» (с. 546). В результате был установлен основной текст — выправленная самим Платоновым машинопись 1929 года, находящаяся в фонде писателя в РГАЛИ.⁴

Источниковедческие изыскания определили и структуру тома. Материал распределен по трем разделам (текст романа; планы и редакции; комментарии). В комментарии пояснены политические, социально-экономические реалии конца XIX — первой четверти XX века, устаревшие и диалектные слова и выражения, топонимы, прототипы, события личной биографии, выявлены аллюзии, интертексты и автотитрование; значительное место занимает информация историко-краеведческого характера (события романа происходят в Воронежской губернии).

Комментарий предваряет развернутая статья о творческой истории произведения (с. 545–602). Ее авторы Н. В. Корниенко и Е. А. Папкова выделили несколько этапов работы над «Чевенгуром». Уже летом–осенью 1927 года, т. е. в начале создания романа, Платонов показал рукопись самым близким читателям — М. А. Кашинцевой и своему другу Г. З. Литвинову-Молотову, редактору издательства «Моло-

* Платонов А. П. Соч. Научное издание. М.: ИМЛИ РАН, 2021. Т. 3. 1927–1929. «Чевенгур». Роман / Отв. ред. Н. В. Корниенко; подг. текста и комм. Н. В. Корниенко, Е. А. Папковой. 720 с. Исследование подготовлено в рамках проекта РНФ № 19-18-00353, <https://rscf.ru/project/19-18-00353/>, в НИУ ВШЭ.

¹ ИРЛИ. Ф. 780. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 1–2. Цифровая копия рукописи доступна на портале «Автограф. XX век»: <http://platonov.literature-archive.ru/ru/content/zreyushchayazvezda>; дата обращения: 30.04.2022.

² Архив А. П. Платонова. М., 2016. Кн. 1; М., 2019. Кн. 2. Описание рукописи романа «Чевенгур». Динамическая транскрипция.

³ ИРЛИ РАН. Ф. 780. Оп. 1. Ед. хр. 34. Цифровая копия рукописи доступна на портале «Автограф. XX век»: <http://platonov.literature-archive.ru/ru/content/chevengur>; дата обращения: 30.04.2022.

⁴ РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 80.

дая гвардия». Замечания Кашинцевой были сосредоточены на автобиографической стороне. Литвин-Молотов в большей степени затронул идеологию и структуру. Он предложил «перестроить» роман: вместо лирической линии ввести предысторию героев, а также изменить разбивку на главы (с. 557). Эти замечания были приняты. Платоновым была написана первая часть — «Преходящие годы», включенная в сводную рукопись.⁵ Логика авторской правки на самом раннем этапе создания романа позволила Н. В. Корниенко сделать очень важное для поэтики «Чевенгура» заключение о том, что фабульные линии (двоящийся образ главной героини и развитие любовного треугольника) обусловлены генетически, эволюцией текста (с. 561).

В 1928 году публикация романа была анонсирована в журнале «Молодая гвардия». Летом следующего года со сводной рукописи было сделано три машинописные копии. Одну из них, предназначенную для журнала (и принятую составителями научного издания «Чевенгура» как эдичионную), Платонов последовательно вычитал сам (с. 545, 592–593). Начался длительный и выматывающий процесс редактирования.⁶ Но даже эти изменения не оказались столь разрушительными, как по смертное вмешательство в роман. По меткому замечанию Н. В. Корниенко, «редакторы правили Платонова не только при жизни, но и после смерти писателя. <...> Платоновский

„странный“ стиль всегда вызывал, уже при жизни, желание его выправить: почистить от религиозной символики, физиологизмов, избыточных и непривычных сочетаний слов, в целом и в частности привести фразу к нормам грамматического управления и должно-го содержания».⁷

Неоднократно упоминая во вступительной статье о синкретизме наследия Платонова, составители указали, что собрание сочинений не является ни академическим, ни даже полным. «Поставленные в настоящем издании задачи менее всего решаемы с помощью раз и навсегда установленных текстологических стереотипов. Научная работа по установлению текста Платонова и его комментированию может продиктовать не только иное количество томов, но и другие нужные связи и результаты внутри того или другого периода жизни и творчества писателя».⁸ Тем самым был обозначен принципиально новый подход к научной публикации: впервые в основу методологии положена релятивность текстологических и конструктивных принципов. Новый тип научного собрания сочинений не стремится к преждевременной стандартизации произведения (если вообще существует академически исчерпывающее решение этого вопроса). Структура издания и принципы передачи текста подчинены генезису произведения: используются те методические подходы и то расположение материалов, которые впервые позволяют гибко, последовательно и точно передать «платоновский „странный“ стиль» — специфику литературного письма Андрея Платонова. И это — одно из безусловных достоинств нового издания.

⁵ ИРЛИ. Ф. 780. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 1–40.

⁶ В 1930 году он был остановлен решением спецкомиссии, проверявшей работу издательства «Молодая гвардия», чтобы «раз и навсегда отказаться от доведения до верстки таких книг, как „Чевенгур“ Платонова» (с. 593).

⁷ Платонов А. П. Соч. Т. 1. Кн. 1. С. 8.

⁸ Там же. С. 6–7.

ХРОНИКА

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-256-259

ВТОРЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАБЕКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Международные Набоковские чтения 2021 года проводились с 28 июня по 5 июля и стали второй конференцией Института русской литературы, которая прошла в онлайн и офлайн форматах, а также совместила научную и фестивальную программы. Записи всех заседаний и мероприятий конференции доступны на YouTube-канале Пушкинского Дома и на сайте конференции: <http://nabokovreadings.ru/2021main>.

Чтения открылись приветственными словами директора Пушкинского Дома В. В. Головина и председателя оргкомитета конференции Т. О. Пономаревой.

С первым докладом «Цинциннат уходит — Набоков остается: художественное исследование феномена массовой культуры и возможности интеграции с ней в романе „Приглашение на казнь“» выступила О. А. Дмитриенко (Санкт-Петербург). Роман рассматривался как созданное автором поле эксперимента, цель которого — исследовать проблему соотношения и возможностей совмещения принципов элитарного и массового искусства в едином тексте. Набоков тестирует в романе технологии массовой культуры: производство кукол, сценарный план как основу кинематографа, структуру комикса. Эти технологии встроены в текст и/или организуют его по принципу рекурсии. Набоков стратифицирует аллюзии. Интерфигуральные аллюзии могут быть распознаны массовым читателем, что позволяет ему идентифицировать себя и автора в одном культурном контексте. Таким образом можно привлечь массового читателя, не рассчитывая на качество коммуникации, но руководствуясь количественными показателями популярности.

В докладе «Нетки Цецилии Ц.: О генезисе романа Набокова „Приглашение на казнь“» М. Вайскопфа (Израиль) были прослежены не отмечавшиеся ранее источники знаменитого романа. В частности, в его основной коллизии отразились эстетические суждения Ю. Айхенвальда. В число важнейших сюжетных претекстов «Приглашения на казнь» входят «Мемуары» Генриха Гейне, а именно описанная в них история любви между самим мемуаристом и дочерью палача. С другой стороны, в религиозно-философском плане роман опирается на Веданту, которая и дает ключ к его сокровенной символике. Речь идет о загадочных, искажающих реальность, «нетках» из рассказа

Цецилии Ц. — матери героя: Набоков шифрует и фонетически обыгрывает в этих «нетках» негативистскую мантру индуизма — «neti neti». В соответствии с Упанишадами в книге очерчена как потусторонняя предыстория Цинцинната, так и обретенная им истина, открывающая путь к бессмертию.

В сообщении «Об одном эпизоде „Дара“» Г. Утгоф (Эстония) дал обзор существующей научной литературы, посвященной стихосложению Ф. К. Годунова-Чердынцева, и рассмотрел эпизод, в котором Федор сочиняет стихотворение «Люби лишь то, что редко и мнимо...». Основное внимание было уделено оппозиции «камерность» vs «масштабность» в стихотворениях, написанных В. Набоковым-Сириным под полумаской Федора, и анализу действительных форм в текстах вымышленного поэта.

С докладом «География „Лолиты“ (памяти Дитера Циммера)» выступил А. А. Долинин (США).

Доклад Д. Драгунюу (Канада) «Что мы узнаем о любви из прозы Набокова?» был инициирован семинаром «Эффект Лолиты: Роман Набокова в современном искусстве и общественной дискуссии», организованным в Пушкинском Доме 22 мая 2021 года. В рамках семинара не раз ссылались на давнее предположение о том, что моральная оценка поступков Гумберта зависит от ответа на вопрос, является ли «Лолита» историей любви. В докладе было выдвинуто предположение, что возможность оспаривания статуса «Лолиты» как любовного романа является интерпретационной ловушкой, не похожей на другие ловушки, расставленные Гумбертом для «дам и господ». Докладчица также предположила, что Набоков не рассматривал любовь как безусловное моральное благо или добродетель, но считал ее либо внутренней тайной, либо выражением морального облика влюбленного. В качестве доказательства было приведено несколько сценариев из художественных произведений писателя, до сих пор вызывающих недоумение. Так, становится ли Круг из-за любви к сыну и из-за горя по погибшей жене слепым по отношению к режиму Падука? И если да, то является ли любовь соучастницей ужасного конца Давида? И раз любовь ослепляет (как это кажется Кругу), то почему Джон и Сибил Шейд не способны увидеть в своей дочери красоту несмотря

на свою любовь к ней, а видят Хейзел в том же ярком свете, что и Пит Дин, в ночь самоубийства девушки, убегающей с их свидания всплывающую? Оправдывает ли любовь Круга к сыну и жене его жестокость и безразличие к другим? Совершенствует ли любовь Вана и Аду или делает их безразличными к другим? И наконец, что мы думаем о том, что Пнин любит женщину, которую считает отвратительной?

Л. Панова (США) выступила с докладом «Money matters: двойная бухгалтерия в „Даре“», который представляет часть проекта, посвященного русскому эмигрантскому дворянскому *Künstlerroman*'у. В «Даре» этот жанр революционизирован: история взросления Годунова-Чердынцев решена концептуально — как иллюстрация формулы литературного успеха, которая в социологии литературы выглядит так: в элитарном секторе поля литературы товарно-денежные отношения не действуют; важен символический капитал, который можно заработать, если понять правила игры, связывающие участников, и сделать правильный ход. Хотя в «Даре» сюжет проецируется в денежный план, Годунов-Чердынцев изображен бесребренником и вечным должником. Зато в поле литературы его ждет выигрыш. Этому способствует то чувство игры, которое он развил в себе благодаря шахматам. Скрытая бухгалтерия «Дара» проявляется в умении самого Набокова оперировать товарно-денежной темой так, чтобы удачно «продать» свое детище читателю.

Второй день конференции открылся выступлением В. Г. Тимофеева (Санкт-Петербург) «„В лабиринте“ Алена Роб-Грийе, или как Владимир Набоков „подглядел чье-то будущее воспоминание“». Таким подсмотренным «будущим воспоминанием» чужого ребенка является увиденная его глазами бытовая картина, описанием которой заканчивается рассказ «Путеводитель по Берлину». Эта картина, или почти эта, оказывается главным инструментом порождения вариантов сюжета в романе Алена Роб-Грийе «В лабиринте». В докладе сравнивались умение рассматривать картины, возникающие внутри сознания, т. е., по выражению Набокова, «нарисованные белым карандашом», а также техника рассматривания картин внутри сознания персонажей, т. е. внутри воображаемых сознаний. Этим умением были сполна наделены и Набоков, и Роб-Грийе, как, впрочем, и многие другие авторы, одаренные гипертрофированной рефлексией. Их тексты представляют собой сложную систему, порождаемую сотворчеством нескольких сознаний (голова в голове головы), когда изображенное белым карандашом в одной голове вербально оформляется другой, а комментируется третьей.

В. Б. Полищук (Санкт-Петербург) выступила с сообщением «Люди и манекены: французская литература и русскоязычная проза Набокова», в котором рассказала о влиянии французской литературы XIX века на русскоязычную прозу Набокова. Эта тема рассматривается

не впервые, но изучена недостаточно. В докладе анализировались далеко не случайные переклички между произведениями Г. Флобера, Г. де Мопассана и Э. Золя с «берлинскими» романами Набокова «Король, дама, валет» и «Камера обскура». Сопоставительный анализ показывает, что Набоков не только отталкивался от произведений классиков, пародируя их, как утверждает А. А. Долинин, но и опирался на них. Автор использовал фабульные модели и устоявшиеся романские типажи, а также мотивную структуру многих текстов, переименовывая и переосмысляя их ключевые эпизоды и образы.

С докладом «Ненадежный рассказчик в „Лолите“ и в романе Кейт Элизабет Расселл „Моя темная Ванесса“» выступила П. В. Бояркина (Санкт-Петербург). Роман Кейт Элизабет Расселл вышел в 2020 году и был назван «Лолитой» эпохи #metoo. В нем от лица героини рассказана история ее связи со школьным учителем литературы; отправной точкой их отношений стало чтение набоковской «Лолиты». В докладе были сопоставлены приемы введения ненадежных рассказчиков, использованные Набоковым и Расселл. В обоих случаях повествователи — с разными, однако, интенциями и прибегая к разным механизмам — пытаются оправдать происшедшее.

Ю. Луазон-Шарль, А. Эдель-Руа и М. Буше (Франция) представили доклад «Отзвуки „Лолиты“ в современной Франции: истории неправильного прочтения и перечитывания». В сообщении речь шла о двух недавно вышедших книгах. Первая — «Согласие. А Memoir» (2020), в которой Ванесса Сприггора рассказывает о своей связи с французским писателем Габриэлем Мацнеффом, автором множества книг о его отношениях с несовершеннолетними. Ей тогда было четырнадцать лет, ему — пятьдесят (а сейчас больше восьмидесяти). Под влиянием неадекватного прочтения «Лолиты» как прекрасной истории любви парижские СМИ и издательская среда игнорировали его педофилию. Во второй книге, романе Камиля Кушнера «Большая семья» (2021) рассказано о том, как видный французский академик и политик изнасиловал своего пасынка, близнеца автора. Проявившееся в обоих случаях снисходительное отношение французского общества и суда к сексуальным преступникам, совершающим насилие над несовершеннолетними, докладчики связывают с воздействием «Лолиты».

В выступлении Э. Вайскотта (США) «Романы Набокова, которые нельзя прочесть» рассматривались фиктивные романы, которые обретают в творчестве писателя статус авторской подписи. Первый из них — «Верга», новелла Новодворцева в «Рождественской истории». Последний — «Моя Лаура», одна из двух вымышленных книг, существующих в романе «Лаура и ее оригинал». Набоковские романы-фикции были проанализированы Э. Вайскоттом в литературном и культурном контексте, с особым вниманием к переходу писателя

с русского языка на английский между «Даром» и «Подлинной жизнью Себастьяна Найта». «Дар» вызвал множество комментариев по поводу его эпатажной литературности, а второй заслуживает большего внимания, чем получил. Тема романов, которые нельзя прочесть, развивается в нем наиболее полно, а поскольку эта тема объединяет все романы Набокова, «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» может служить ключом к ним. Они функционируют у Набокова как двойники текстов, в которых живут, как воплощения закрытого литературного языка и как литературные воспоминания об изгнании.

Доклад М. Емельяновой (Италия; Израиль) «„Дурное дело“ Владимира Набокова: история двуязычной поэмы» был посвящен стихотворению Владимира Набокова «Какое сделал я дурное дело...» (1959) и его английскому автопереводу «What is the evil deed...», опубликованному в 1970 году в сборнике «Poems and Problems». Проследив эволюцию этого текста и его перевод с русского на английский язык, исследовательница представила двуязычное стихотворение как новое произведение, состоящее из двух частей, которые вступают во взаимодействие друг с другом. В своем фундаментальном эссе «Задача переводчика» (1923) Вальтер Бенъямин пишет о переводе как о «жизни после жизни» иностранного текста. На примере этого стихотворения, которое можно назвать «Elegi Monumentum» Владимира Набокова, видно, что автоперевод — это динамичный процесс, он является неотъемлемой частью «жизни» стихотворения; интерлингвистический перевод сочетается с оригинальным актом творчества.

В. Александр (США) представила сообщение «Эстетическая практика Набокова и его теория мимикрии насекомых». Набоков критиковал неodarвинистскую концепцию, согласно которой мимикрия насекомых возникает постепенно в результате неверных решений потенциальных хищников, которые принимают вкусную бабочку за то, чем она не является. Позиция Набокова шокировала некоторых исследователей, высоко ценивших интеллект и острую наблюдательность великого писателя. Как он мог так ошибаться? Оказывается, он не ошибался. В докладе была продемонстрирована связь между набоковской теорией эволюционных процессов и характерным для него способом структурирования произведений. Миметическое совпадение играет важную роль как в природе, так и в набоковском творчестве.

Второй день конференции завершился круглым столом «Набоков и неопределенность» с участием П. Мейер, А. А. Долинина, В. Б. Полищук и М. Б. Мейлаха.

В первом выступлении третьего дня конференции — докладе В. В. Шадурского (Великий Новгород) «В. В. Набоков и „Новое русское слово“ в 1920–1930-е гг.» — была представлена обзорная характеристика более сорока номеров американской газеты, на страницах которой появлялись произведения писателя,

опубликованные под именами Набоков и Сирина. Публикации с 1925 по 1935 год были проанализированы по базе данных <https://dlib.eastview.com/>. Анализ поисковых результатов показал, что русскоязычному читателю, жившему в США, до 1935 года был известен писатель под именем Сирина. В докладе также была представлена своеобразная рецензия творчества Сирина в «Новом русском слове». Докладчик обратил внимание на перепечатки произведений, выходявших ранее в берлинских и парижских изданиях, а также на критические отзывы, в частности статьи П. Пильского, Г. Адамовича, А. Гиза, на информацию об участии Сирина в различных мероприятиях, на рекламу его новых романов («Защита Лужина», «Соглядатай»), на сообщения о лекциях эмигрантов, в которых речь пойдет о поэзии и прозе Сирина. Были также проанализированы отзывы о Сирине таких авторов «Нового русского слова», как И. Л. Тартак, В. Унковский, П. Балакшин.

В докладе «Отзвуки Андрея Белого в набоковских рассказах 1923–1924 года» Е. Д. Толстая (Израиль) отметила в раннем рассказе Набокова «Удар крыла» и отчасти в рассказе «Месть» типичные для Белого словоупотребления: «провалы», «вспученный» и др. слова, ощущаемые как «беловизмы». Кроме того, «Удар крыла» оказался чуть ли не единственным рассказом, в котором молодой автор использовал прием «увеличенной энергии глагольного действия» (как называет его сам Белый), введенный Гоголем и привнесенный в новую литературу Белым. Исследовательница обратила внимание на тематические элементы, связанные с образом Медного всадника в другом набоковском рассказе, «Пасхальный дождь», и пришла к выводу, что в изображении его у Набокова возникают мотивы Белого, хотя в целом рассказ полемичен по отношению к роману «Петербург», как полемична и оптимистическая трактовка Петербурга. К Белому, по мнению Толстой, восходит и цветопис в «Пасхальном дожде», где желтый цвет воспринимается как негативный. Еще один символический мотив здесь связан со «Второй Симфонией» Белого — а именно, мотив «птицы печали», который тематизируется уже в раннем варианте рассказа о несчастной гувернантке, а затем акцентируется в его поздней версии — «Mademoiselle O» и дальнейших воплощениях.

Завершающая секция конференции, посвященная 80-летию юбилею Е. В. Белодубровского, открылась докладом Т. О. Пономаревой (Санкт-Петербург) «Из семейной переписки Набоковых», в котором освещались некоторые страницы жизни Кирилла Владимировича Набокова (1911–1964), младшего брата писателя, поэта и радиожурналиста. Особенный интерес представляет его неопубликованная переписка с сестрой Еленой Сикорской 1959–1964 годов. В частности, в 1964 году, незадолго до смерти, Кирилл Набоков готовил на радио «Свобода» большую передачу о Владимире Набокове и об-

суждал это в переписке с сестрой. Письма проливают свет на ранее неизвестные биографические факты из жизни семьи Набоковых.

С докладом «Набоковские земли в Санкт-Петербургской губернии» выступил Д. И. Сергеев (Санкт-Петербург).

Р. Волкова (США) в докладе «„Защита Лужина“ как предчувствие дела Лузина» продемонстрировала, что, несмотря на то, что роман «Защита Лужина» считается классической шахматной новеллой, он содержит и некоторые другие темы, как, например, математическую линию, а также тему теологии имени. Все три обозначенные сюжетные линии сходятся в одной точке: Московской математической школе, одним из виднейших представителей которой был Н. Н. Лузин,

ученик Н. В. Бугаева, отца Андрея Белого. Во время работы Набокова над романом Н. Н. Лузин находился в служебной командировке во Франции. Его решение вернуться в 1930 году в страну большевиков было сродни самоубийству. При жизни Набокова в переводах романа имя Лужина исключалось из заглавия, чтобы не причинить вреда его прототипу с созвучной фамилией.

С докладом «В. Д. Набоков: лидер во время кризиса» выступила М. Минская (США). Е. Б. Белодубровский (Санкт-Петербург) представил доклад «Набоков. 1970-е годы. Воспоминание».

© П. В. Бояркина

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-259-268

ШЕСТЫЕ ЛИХАЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

27–30 сентября 2021 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН состоялись Шестые Лихачевские чтения (Международная научная конференция «Петербургская текстологическая школа: традиции и развитие»). В этот раз чтения были посвящены столетнему юбилею двух выдающихся представителей лихачевской школы Льва Александровича Дмитриева (1921–1993) и Якова Соломоновича Лурье (1921–1996). Открывая конференцию, председатель ее оргкомитета, руководитель Отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН С. А. Семячко отметила, что организаторы чтений столкнулись с большими проблемами при выборе темы научного форума. Л. А. Дмитриев и Я. С. Лурье интересовали совершенно разные вопросы изучения средневековой русской книжности. Я. С. Лурье занимался, по преимуществу, историей русского летописания и публицистикой, Л. А. Дмитриев — агиографией, «Словом о полку Игореве» и памятниками Куликовского цикла. Этих двух замечательных ученых объединяла не тематика их научных штудий, а отношение к исследуемому тексту, методологические принципы их работы, принадлежность к одной научной школе. Той школе, которая ставит во главу угла изучение истории текста памятника; школе, становление и развитие которой связано с именем академика Д. С. Лихачева.

Первые два выступления конференции были посвящены вкладу Д. С. Лихачева в изучение средневековой русской литературы и русской культуры в целом. Н. В. Поньрко (Санкт-Петербург) в докладе «Три главные книги Д. С. Лихачева» говорила о тех книгах, которые, по ее мнению, определяли всю деятель-

ность академика Лихачева, — это «Текстология», «Поэтика древнерусской литературы», «Воспоминания». Включение «Воспоминаний» в этот ряд далеко не случайно: нравственные принципы, исповедуемые Лихачевым и декларируемые им через «Воспоминания», распространялись и на его профессиональную деятельность. Рассказ Поньрко о главных научных трудах Лихачева стал, по сути, рассказом о строительстве научной школы.

Доклад М. В. Рождественской (Санкт-Петербург) «Д. С. Лихачев об истории, текстологии и поэтике древнерусской литературы» основывался на монографиях ученого «Текстология. На материале русской литературы X–XVII веков» (1962, 1983, 2011), «Поэтика древнерусской литературы» (1967 и след.), «Развитие русской литературы XI–XVII вв. Эпохи и стили» (1973 и след.) и «Человек в литературе Древней Руси» (1952 и след.). Говоря о подчиненности этих работ единому принципу историзма, исследовательница остановилась на специфике лихачевского историзма, а также подробно рассмотрела теоретический аспект научного творчества ученого.

Итальянский исследователь Дж. Дзиффер (Италия) в докладе «Текст и традиция „Слова о законе и благодати“» остановился на контаминации, затронувшей едва ли не все списки памятника, и задался вопросом, возможно ли вообще при такой истории текста восстановить взаимоотношения между группами списков. Исследователь полагает, что общую схему, отражающую взаимоотношения списков памятника, нарисовать нельзя, но можно восстановить его критический текст.

Доклад В. В. Калугина (Москва) «Текстология и язык славяно-русских Толковых

Пророчеств X–XIX веков» открыл собой ряд выступлений, посвященных переводной литературе. Толковые Пророчества — древнеболгарский перевод с греческого, выполненный в преславской литературной школе при царе Симеоне. Исследователь рассмотрел их историю на материале более 50 русских списков последней трети XV — XIX века и 10 украинско-белорусских XVI — начала XVII века, отметив при этом бедность южнославянской традиции, представленной одной неполной болгарской рукописью 70-х годов XIV века, ее славяно-молдавской копией 1474 года и двумя сербскими кодексами третьей четверти XVI века, восходящими к русскому источнику.

В. С. Томеллери (Италия) представил доклад «О славянской передаче „этимологических“ объяснений к Толковой Псалтири Брунона», материалом которому послужил церковнославянский перевод комментария Толковой Псалтири вюрцбургского епископа Брунона, осуществленный Дмитрием Герасимовым в первой половине XVI века по поручению новгородского архиепископа Макария и характеризующийся дословным подходом к своей модели. Докладчик сосредоточился на некоторых «этимологических», по его определению, объяснениях, служащих лингвистическому и богословскому толкованию ключевых слов или выражений псалтырного текста. Исследователь выдвинул гипотезу о том, что перевод Дмитрия Герасимова имел целью объяснить не славянский текст Псалтири, а именно латинский — но средствами славянского языка.

С. и Д. Фаль (Германия) выступили с докладом «Славянский перевод Диалога между Тимофеем и Акилой как источник Толковой палеи». Исследователи обнаружили в Толковой палее целую серию цитат из перевода Диалога между Тимофеем и Акилой — дословных и не дословных, доказывающую знакомство автора Толковой палеи с неотредактированным текстом перевода, и продемонстрировали приемы работы автора Толковой палеи с этим источником.

В выступлении И. М. Грицевской (Сыктывкар) и В. В. Литвина (Чехия) «Дадактические тексты Псевдо-Афанасия в славянской письменности» были рассмотрены шесть гомилий, отличающихся своей дидактической направленностью, касающихся таких аспектов, как неосуждение и спасение в миру. Исследователи продемонстрировали, что подобные тематические аспекты в славянской книжности имели тенденцию закрепляться за именем Афанасия Александрийского (Великого). Связь названной тематики с фигурой Афанасия была настолько значимой, что могла превысить авторитетность имени Иоанна Златоуста, и даже подлинные сочинения Иоанна иногда приписывались Афанасию.

К текстологической проблематике вернула слушателей М. В. Корогодина (Санкт-Петербург), которая представила доклад «Текстология „исповеданий“ архиереев в XV веке». Исповедания епископов — обещания, которые дают архиереи при поставлении на кафедру.

Исследовательница рассмотрела формуляры исповеданий, начиная с наиболее раннего, принадлежащего Григорию Цамблаку (1415), и заканчивая текстами конца XV — начала XVI века, продемонстрировав при этом разницу между формулярами, применявшимися в Московской Руси и Великом княжестве Литовском.

После завершения утренних заседаний состоялось открытие выставки, посвященной Я. С. Лурье и Л. А. Дмитриеву. На подготовленной В. А. Ромодановской экспозиции были представлены биографические материалы из семейных архивов: дневники, письма, фотографии, деловые документы. На открытии выставки выступили директор ИРЛИ РАН В. В. Голвин, сын Я. С. Лурье Л. Я. Лурье, дочь Л. А. Дмитриева Н. Л. Дмитриева и В. П. Бурагин.

Вечерняя часть первого дня конференции открылась докладом А. А. Гиппиуса и Д. С. Першиной (Москва) «Молитва преподобного Феодосия на иконе Свенской (Печерской) Богоматери: текст и текстология иконной надписи». В нем была предложена реконструкция текста надписи на свитке Феодосия Печерского на иконе «Богоматерь Печерская (Свенская)» из собрания Государственной Третьяковской галереи, которая оказалась возможной благодаря макросъемке иконы и сопоставлению ее с иконой из Успенского собора Московского Кремля, являющейся списком, сделанным непосредственно со Свенского образа в период его пребывания в Москве в 1563–1583 годах.

Продолжил заседание доклад И. В. Федоровой (Санкт-Петербург) «Перечень как элемент паломнического текста», речь в котором шла о таком значимом элементе паломнического текста, как перечень святых мест Палестины, посещаемых богомольцами разных эпох, а также список географических объектов на пути к Святой Земле. Автор предприняла попытку проследить особенности создания и функционирования такого рода перечней в паломнической литературе русского Средневековья и Нового времени и рассмотрела их как структурный элемент паломнических описаний («хождений», «путника», «пeregинации») и как жанрообразующий признак формы «дорожника», в поздней традиции называемой «трактами» или «списками путей». При этом исследовательница обратила внимание на особенности синтаксической организации перечня и поставила вопрос о его осознании как элемента паломнического текста авторами и редакторами описаний Святой Земли разного времени.

А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский (Москва) выступили с докладом «Христианская двуименность в правящей династии на Руси: этапы эволюции», в котором показали, что поначалу русские князья и их окружение давали новорожденному одно из христианских имен в качестве крестильного, другое же принимало на себя функции публичного, родового (наследуемого), династического. Со временем это на-

следуемое имя стало совмещать в себе функции династического и крестильного, тогда первое имя, прямо связанное с датой появления на свет, превратилось в элемент личного благочестия.

Материалом для доклада М. Б. Плюхановой (Италия) «Письмо о Римском цесаре и молитва „Сон Богородицы“ в следственном деле 1642–1643 гг.: отзвуки милленаризма» послужило московское сыскное дело стрельца Афоньки Науменко. Обнаруженное во время одного из обысков Письмо о Римском цесаре, рассказывающее о явлении в Калабрии нового пророка, исследовательница связала с идеями милленаризма в духе Кампанеллы. Плюханова не исключила связь с милленаристскими идеями и находящегося в деле «Сна Богородицы», произведения итальянского происхождения, известного в рукописях с XIV века, обратив внимание на присутствие в этом тексте эсхатологического начала с оттенком милленаризма.

В докладе Л. И. Сазоновой (Москва) «Неизвестное об известном: Из опыта текстологической работы с рукописным наследием XVII в. (Симеон Полоцкий и Сильвестр Медведев)» был предложен ряд наблюдений над текстами двух ведущих авторов русского барокко, которые касались как объема творчества названных писателей, так и особенностей отдельных произведений, им принадлежащих. В частности, с помощью сопоставительно-текстологического анализа исследовательница установила использование Сильвестром Медведевым сочинений Симеона Полоцкого из «Рифмологиона».

З. Е. Оборнева (Москва) и Н. В. Савельева (Санкт-Петербург) выступили с докладом «„Четверострочия“ Григория Богослова с толкованиями в „Анфологионе“ Арсения Грека (М., 1660): особенности перевода». По ряду текстологических и лингвистических примет они установили, что в распоряжении Арсения Грека был греческий список стихов Григория Богослова с толкованиями (ныне: РГАДА. Ф. 1607. № 11), который и лег в основу перевода, выполненного Арсением для «Анфологиона». Им удалось наглядно показать манеру перевода Арсением Греком стихов Григория Богослова и толкований к ним, которая демонстрирует не только его возможности, продиктованные знанием языка оригинала, но и зависимость техники перевода от литературной формы оригинала (стихи и проза), а также, по-видимому, от авторитета и степени непреложности этого оригинала.

Д. К. Уо (США) в докладе «„Юустус Филлимонатус“ и „Лев Шлаковский“: переоценка роли двух обманщиков в истории московских „вестей-курантов“» предложил анализ обширной переписки 1643–1644 годов между неким «Юустусом Филлимонатусом» (под этим именем скрывался шведский чиновник в Риге Лаврентий Грелле) и князем Львом Шлаковским. Он поставил цель установить причины, по которым эта переписка состоялась, и значение переписки для осведомленности московского правительства о зарубежных событиях.

Завершал первый день конференции доклад С. И. Николаева (Санкт-Петербург) «Издание XVIII века как источник текста». В нем были представлены особенности работы текстолога с печатными изданиями XVIII века, в процессе которой приходится решать целый ряд вопросов: все ли произведения в издании принадлежат автору, указанному на титульном листе; очевидные ошибки в тексте сделаны автором, издателем или наборщиком; отличаются ли переиздания произведения; как поступить с авторской правкой чернилами в уже напечатанном издании и т. д. Эти и другие вопросы были освещены на примере изданий А. Д. Кантемира, А. П. Сумарокова и других поэтов.

Второй день конференции был посвящен Якову Соломоновичу Лурье. Программа первой половины дня была сосредоточена на летописной проблематике. Утреннее заседание открылось докладом С. М. Михеева (Москва) «Снова о происхождении „неизвестно откуда взятых материалов“ Новгородско-Софийского свода за XI в.». Он был посвящен вопросу о происхождении тех фрагментов, которые были вымараны редактором, дополнившим Начальный свод, и отразились по этой причине только в Новгородской Карамзинской и родственных ей летописях. Кроме этого, была рассмотрена проблема полноты отражения текста древней редакции Начального свода в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду, а также вопрос о времени создания его древней и новой редакций.

А. М. Ранчин (Москва) в докладе «К вопросу об атрибуции Повести временных лет: проблема авторства Нестора», отметил, что любое решение «проблемы Нестора» может быть только гипотетическим, так как зависит от принятия разных исходных посылок, присоединился к мнению А. А. Шахматова, что Нестор мог быть автором так называемой первой (досильвестровской) редакции Повести временных лет (между 1113–1115 годами). Автобиографические известия и указания на информаторов сближают Повесть временных лет с аналогичными свидетельствами в написанных им житиях. По мнению Ранчина, имя Нестора могло быть вписано в заглавие им самим, образом могла послужить Хроника Георгия Амартола.

Выступившая следующей Н. И. Милютенко (Санкт-Петербург) в докладе «Сокращенные своды, Ермолинская летопись и гипотеза Я. С. Лурье о „Севернорусском своде“» сосредоточилась на анализе летописного памятника, известного под названием «Летописец русский». Сопоставив его с источниками, исследовательница категорически отвергла возможность его кирилло-белозерского происхождения, оставшись при убеждении, что это памятник ростовский.

И. В. Лемешкин (Чехия) посвятил свой доклад «„Двум смертям не бывать, а одной не миновать“: Фольклорный источник нарратива о мести княгини Ольги древлянам» поиску сюжетных параллелей, недостающих и критически важных для обоснования тезиса

о фольклорном происхождении летописного нарратива. Ученый полагает, что месть древлянам опосредованно восходит к балто-славянской этиологической повести о превосходстве кремации над ингумацией и над практикой захоронения на деревьях.

С. А. Семячко (Санкт-Петербург) представила доклад «Временник русский и Сказание о Спасо-Каменном монастыре», в котором подвергла критике идею А. В. Сиренова о том, что входящее в конвой отдельных списков Временника русского Сказание о Спасо-Каменном монастыре, которое исследователь безоговорочно атрибутировал Паисию Ярославову, служит косвенным подтверждением троичского происхождения Временника русского. Продемонстрировав поэтапность создания текста Сказания о Спасо-Каменном монастыре, докладчица показала, что Паисий Ярославов мог иметь отношение лишь к первому из этих этапов, что Сказание ни на одном из этапов не имело отношения к Троице-Сергиеву монастырю и при этом вошло в конвой Временника русского в «постпаисиевском» виде.

А. С. Лавров (Франция) посвятил свое выступление «Летописная заметка о стрелецкой казни 1698 г.» краткой заметке, вышедшей из-под пера анонимного автора, не скрывающего своих симпатий к стрельцам. По его мнению, автор был москвичом и свидетелем событий, пораженным — как и многие его современники — тем, что обязанности царя и палача выполняло одно и то же лицо. Некоторые фактические данные, сообщаемые автором заметки, не находят подтверждений в источниках, а число казненных, названное им, преувеличено на порядок. Исследователь ввел Летописную заметку в контекст немногочисленных произведений, в которых открыто критиковались первые реформы или внешнеполитические меры Петра I.

Живой интерес вызвал доклад А. В. Дорониной (Москва) «„Повесть о Словене и Русе“ — европейский памятник раннего Нового времени», в котором ученый предложил рассматривать Сказание о Словене и Русе не в контексте летописной (христианской) традиции, но как памятник европейской историографии (раннего) Нового времени, как глубоко в сложившихся политических коллизиях осмысленный нарратив-«инструкция» *ex post*, первый в Московской Руси краткий план-проспект начальной истории Руси — матрицу, по которой предполагалось отныне выстраивать начальную историю Руси. По мнению исследователя, автор Сказания обратился к европейской историографической традиции, опосредованной Речью Посполитой и юго-западной Русью, в надежде найти для Московской Руси надежную историческую легитимацию в новой Европе.

В. Г. Вовина-Лебедева (Санкт-Петербург) в докладе «Обсуждение истории русского летописания в переписке А. А. Шахматова» представила слушателям переписку А. А. Шахматова с А. Е. Пресняковым и В. А. Пархоменко, а также письма М. Д. Приселкова Шахматову

(ответные письма, очевидно, были утрачены при аресте Приселкова). Сведения базировались на архивных материалах, хранящихся в СПбФ АРАН, Архиве СПбИИ РАН и ЦГИА СПб.

Вторая половина посвященного Я. С. Лурье дня была отведена в основном истории идеологических движений на Руси и проблемам изучения публицистической литературы. Первым прозвучал доклад А. И. Алексева (Санкт-Петербург) «Яков Соломонович Лурье как исследователь идеологической борьбы в русской публицистике начала XVI в.», в котором ученый коснулся истории обращения Якова Соломоновича к этой проблематике и процесса создания фундаментального труда Н. А. Казаковой и Я. С. Лурье «Антифеодалные еретические движения на Руси конца XIV — начала XVI вв.» (М.; Л., 1955), а затем и монографии Я. С. Лурье «Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI вв.» (М.; Л., 1960).

Е. В. Белякова (Москва) предложила вниманию участников конференции доклад «К вопросу о расширении круга источников по российской идеологии XVI в.». Исследовательница отметила, что применение понятия «идеология» к русской культуре XVI века не является данью марксистской науке. Формирование московского государства сопровождалось созданием идеологических концепций, призванных объяснить его место в истории после разрушения предшествующей византийской картины мира, имевшей религиозный характер. По мнению докладчицы, Лурье верно определил роль так называемых «еретиков», а точнее ученых дьяков, в формировании идеологии московского государства. Белякова очертила круг связанных с данной проблематикой источников, которые требуют изучения и публикации. Она отметила, что анализ рукописной продукции монашеских корпораций позволяет критически относиться к тезису Лурье об одинаковом отношении партии «иосифляне» и «нестяжателей» к преследованию еретиков, и показала возможности иного подхода к этой ситуации в связи с пониманием того влияния, которое оказал исихазм на литературу и духовную жизнь этого времени.

Д. М. Буланин (Санкт-Петербург) в докладе «„Литература жидовствующих“ в свете новейших исследований» обратил внимание слушателей на точку зрения Лурье, который, публикуя свод известий по истории реформационных движений, справедливо подчеркнул, что, будучи переводами с еврейского, эти памятники не содержат в себе ничего еретического. Признавая само существование ереси, ученый вместе с тем доказывал, что она не имела никакого отношения к иудейской религии. Буланин обратился к перечню книг, которые, по мнению Новгородского епископа Геннадия, «у еретиков все есть» и которые тот называет в послании Иоасафу, бывшему архиепископу Ростовскому (1489). Ученый выдвинул предположение, что названные в перечне кодексы

были получены Геннадием откуда-то в виде одной партии, возможно, были предоставлены ему на время (для снятия копии) из того самого православного монастыря (Печерского?), насельники которого каким-то образом сотрудничали с иудеями в рамках «переводческой школы». По мысли исследователя, в этом случае придется сделать вывод, что во владычном книгохранилище не было раньше соответствующих названий. Поэтому архиепископ и спешил поделиться новыми приобретениями со своими единомышленниками, разделявшими его позицию в развернувшейся антиеретической кампании.

Продолжил заседание доклад И. И. Маковой (Москва) «Антиарианские мотивы в древнерусской литературе». Исследовательница обратилась к анонимному «Слову о Соборе святых отец 318, спешившихся в Никею на Ария еретика», «Слову памяти 318-ти отцов Никейского собора» Кирилла Туровского, Поучению в составе Учительного евангелия Кирилла Транквиллиона-Ставровецкого, Житию Спиридона Тримифунтского, Слову похвальному Николаю Мирликийскому, переводным Слову Афанасия Александрийского на антиарианскую тему и Хронике Георгия Амартола и др.

В докладе «Антилатинские послания Максима Грека и русская публицистика первой половины XVI века» М. Гардзанити (Италия) обратилась к письмам, которые Максим Грек отправил немецкому врачу Николаю Булеву и дипломату Федору Карпову и которые принято относить к первым годам пребывания Максима в России. При этом он сосредоточился не на философском и богословском аспектах поднимаемых в этих посланиях вопросов, а на изучении форм выражения авторских размышлений и рассмотрении функции этих форм в риторической аргументации, присутствующей в письмах Максима Грека.

И. А. Поляков (Санкт-Петербург), выступая с докладом «Новая редакция „Исторической повести об Азовском взятии“ в историческом сборнике князя Ромодановского», ввел в научный оборот текст, который он определил как новую редакцию «Повести об Азовском взятии», обладающую некоторыми признаками первоначального текста.

Материалом доклада Н. В. Белова (Санкт-Петербург) «„Последование древним“ — повесть о Казанском походе 1552 г.: к истории создания и бытования текста» послужила внелетописная повесть об осаде и взятии Казани войсками царя Ивана IV, созданная анонимным книжником во второй половине 1550-х — 1560-е годы. Исследователь рассмотрел все известные варианты этого текста и представил участникам конференции результаты предварительного текстологического изучения.

Последним во второй день конференции прозвучал доклад Г. Ленхофф (США) «Как составлена Степенная книга? Новые вопросы о старых гипотезах», в котором была рассмотрена и обоснована необходимость согласовать доступный нам рукописный материал с обще-

принятыми выводами: что протопоп Андрей (царский духовник, впоследствии митрополит Афанасий) являлся «составителем» Степенной книги; что расположение и выбор материалов свидетельствуют о едином общем плане, последовательно осуществленном в единообразном торжественном стиле макарьевской школы; что редакторская правка на листах трех древнейших списков отражает «авторскую волю» составителя.

Столетний юбилей Льва Александровича Дмитриева участники конференции вспоминали на заседаниях третьего дня, которые в основном были посвящены агиографической проблематике. Первым 29 сентября выступил А. Г. Мельник (Ростов Великий) с докладом «Подъем почитания русских святых в конце XIV — начале XV в.». О подъеме почитания тех или иных святых, по его мнению, свидетельствуют написанные в соответствующий период посвященные им новые жития и тексты церковных песнопений, записи рассказов о чудесных явлениях у их гробниц, сообщения документов о строительстве церквей во имя тех же святых. О подъеме говорят и свидетельства источников об образовании тогда же новых культов подвижников благочестия. Подъем, произошедший в конце XIV — начале XV века, исследователь видит в активизации почитания старых святых (Петра митрополита, Леонтия Ростовского, Антония Печерского, Варлаама Хутынского, Никиты Переяславского), формировании культов новых святых (Сергия Радонежского и Стефана Пермского) и интересе в Северо-Восточной Руси к Киево-Печерскому патерику.

А. В. Духанина (Москва) в докладе «Новые данные о раннем этапе рукописной традиции Жития Исайи Ростовского» обратилась к двум недавно выявленным ранним спискам Жития: в составе кирилло-белозерского «Толстого сборника» — годового минейного торжественника, содержащего преимущественно жития русских святых, расположенные в календарном порядке, СПбИИ РАН. Ф. 238 (Колл. Н. П. Лихачева). Оп. 1. № 161. Л. 307–312 об.; в составе сборника житий и служб русских святых ГИМ. Собр. Е. В. Барсова. № 798. Л. 91–98. Эти списки, вместе с некоторыми более поздними, отражают, по наблюдениям исследовательницы, особую редакцию текста — без дат, которая довольно скоро, не позднее 1480-х годов, была пополнена рядом исторических вставок, что привело к возникновению новой редакции. Ранний этап рукописной традиции Жития, приходящийся на последнюю четверть XV века, характеризуется появлением сразу двух редакций текста, что свидетельствует об активном процессе формирования культа святителя Исайи в это время.

Два следующих выступления касались круга текстов, посвященных новгородской иконе Богородицы Знамение. З. Н. Исидорова (Санкт-Петербург) в докладе «Литературная история Знаменского цикла в XV веке» представила аргументы в пользу авторства Пахомия Логофета

для всех текстов Знаменского цикла, уточнила время их создания (после 1438 и до 1442 года), определила место автографа в истории цикла и взаимоотношения известных списков XV века, сделала выводы об особенностях бытования текстов Знаменского цикла в XV веке. Вслед за ней Ф. В. Панченко (Санкт-Петербург) в докладе «Служба новгородской иконе Богородицы Знамение: генезис и преобразования музыкальных интерпретаций» отметила, что автор Службы, Пахомий Логофет, не следовал какому-либо конкретному образцу, но опирался на широкий круг гимнографических, библейских и литературных произведений. Определяющей являлась образно-тематическая связь со службами Богоматери, посвященными ее земной жизни и реликвиям: положению пояса и ризы, Покрову; со службами и отдельными чинами с градозащитной темой: Трусу, Воздвижению креста, Новому лету, от нахождения иноплемennых. Их влияние исследовательница увидела и в структуре Службы Знамению, в композиционных закономерностях как всего цикла, так и отдельных текстов, в использовании цитат и парафраз из Священного Писания, устойчивых словесных формул и др., и на уровне музыкального текста песнопений. В докладе было представлено развитие Службы с момента создания вплоть до XVII века.

В. И. Охотникова (Псков) в докладе «Агиограф Иоасаф, игумен Данилова монастыря, и его творчество» рассмотрела три произведения этого автора: Сказание об обретении мощей Григория и Кассиана Авнежских с описанием чудес, Житие преподобного Стефана Махрицкого (Иоасаф является также составителем службы этим святым), Житие новгородского епископа Никиты. Все они были написаны в 60-е годы XVI века, когда он был игуменом Московского Данилова монастыря. Внимание исследовательницы было сконцентрировано на структурном анализе житий Никиты Новгородского и Стефана Махрицкого, что позволило ей создать ясное представление о принципах работы Иоасафа с источниками, особенностями структурной и стилиевой организации текстов.

В докладе О. В. Панченко (Санкт-Петербург) «О „списателе“ Жития Филиппа иноке Варфоломее, или Когда и как состоялось прославление святыни Филиппа» была представлена новая концепция истории создания и редактирования Жития. Согласно ей, Житие святыни было создано в начале 1610-х годов, уже после кончины Бориса Годунова, когда впервые можно было безбоязненно назвать имя главного злодея и убийцы Филиппа — Малюты Скуратова (приходившегося Борису Годунову тестем). Первоначальный текст Жития сохранился в его Кольцевской редакции. В то же время Краткая редакция Жития, которую некоторые исследователи, вслед за И. А. Любаковой, считают древнейшей, является, по мнению Панченко, поздней сокращенной редакцией, созданной в середине XVII века. В своем докладе исследователь подробно остановилась

на атрибуции одной из ключевых редакций Жития — Тулуповской (начало 20-х годов XVII века), приведя ряд текстологически значимых аргументов в пользу авторства Варфоломея Коноплева, ставшего впоследствии игуменом монастыря (1636–1639). В игуменство Варфоломея, как установил докладчик, состоялась и канонизация митрополита Филиппа, утвержденная указом патриарха Иоасафа, присланным на Соловки в апреле 1639 года. И хотя текст самого патриаршего указа «о праздновании митрополиту Филиппу» не сохранился, достоверные сведения о нем содержатся в целом ряде описей соловецкого архива XVII–XVIII веков (начиная с описи 1639 года). Патриаршим указом был установлен день церковного празднования митрополиту Филиппу (23 декабря), что положило начало распространению культа святыни как в самой Соловецкой обители, так и далеко за ее пределами.

А. В. Пигин (Санкт-Петербург; Петрозаводск) представил доклад «„Насилия земных властелей“: об одном утраченном фрагменте Жития Александра Ошевенского», в котором рассмотрел считающуюся первоначальной Пространную редакцию Жития и, основываясь на текстологическом анализе, показал, что один весьма значимый фрагмент Жития, связанный как раз с «семейной темой», в своем первоначальном виде не сохранился. В этом фрагменте повествуется о переселении Никифора (отца св. Александра) со всей семьей из Вещозерской веси Белозерского княжества в каргопольскую землю, где он основал Ошевенскую слободу. Переезд состоялся в 1440-е годы после ухода Александра (в миру Алексея) в Кирилло-Белозерский монастырь, но еще до его пострижения. Позднее Александр покинул Кириллов монастырь и создал близ Ошевенской слободы собственную обитель. Как продемонстрировал исследователь, мотивы «насилия» и «изгнания» в рассказе о переселении Никифора в Каргополь принадлежат архетипу Жития. В одном варианте Пространной редакции этот фрагмент был удален, в другом целенаправленно сокращен — причем оба варианта возникли уже в XVI веке. Исследователем были предложены анализ этого комплекса мотивов и попытка объяснить возможные причины такого редактирования.

Завершал утреннюю часть агиографической программы доклад Е. А. Рыжовой (Сыктывкар) «Новые материалы к текстологической концепции Л. А. Дмитриева: синодальные списки Сказания о Иоанне и Логгине Яренских». Исследовательница ввела в научный оборот материалы — два списка четвертой редакции Сказания, — более ранние по сравнению с уже известными. Эти списки позволили ей датировать создание четвертой редакции памятника временем не позднее 21 октября 1746 года и объяснить обстоятельство ее возникновения.

Вечернее заседание открылось докладом М. А. Федотовой (Санкт-Петербург) «Дмитрий Ростовский — агиограф: к проблеме циклизации», в котором шла речь о текстах,

объединенных именем одного святого и определенных исследовательницей как агиографические циклы. Лишь затронув сочинения, посвященные великомученице Варваре, она подробно остановилась на цикле памятников, связанных с именем Гурия Казанского. Федотова выделила написанные ростовским митрополитом две службы, три проповеди и Житие с чудесами, которые не получили оформления в виде цикла, в отличие от заверщенного цикла под названием «Врачевство безмездное святым девяточисленным иже в Кизику мученикам». В состав «Врачевства» входят Житие, Служба, Молитва, поучение и «Сказание <...> о новосозданной во имя их каменной церкви и обители». Название цикла и его состав, по мнению исследовательницы, свидетельствуют о том, что в своем завершенном виде сочинение мыслилось Димитрием Ростовским как единый комплекс, агиографический цикл, посвященный группе христианских святых, принявших мученическую смерть в городе Кизике и позднее прославленных в Казани.

В докладе А. И. Васкул и Н. Г. Комелиной (Санкт-Петербург) «„Народные“ святые Русского Севера: история почитания и забвения» на материале следственного дела 1839–1844 годов из архива Архангельской духовной консистории и сведений из опубликованных очерков путешественников XVIII — начала XX века рассказывалось о попытке почитания некой неизвестной девицы, на могиле которой на необитаемом острове Полтам Корге была поставлена часовня. Следствие сталкивалось с уклонением местного притча и жителей от поиска виновных в этом строительстве, допрошенные по делу и потенциально обвиняемые были мертвы или не в разуме, а история постройки часовни и почитания девицы оказалась полна темных мест. Разыскания о претендующей на святость девице привели к уничтожению посвященной ей часовни.

Материалом для доклада Г. С. Гадаловой (Тверь) «Литературные источники Акафиста Макарию Калязинскому» послужили три акафиста преподобному Макарию: один был написан коллежским секретарем Прудниковым и Указом Св. Синода от 30 марта 1859 года рекомендован к печати, но не издан; второй — настоятелем Кашинского Дмитровского монастыря архимандритом Виктором, издан в 1876-м; третий сохранился в рукописи XX века, находящейся сейчас в Ученском музее Мышкинского района. Исследовательница подробно разобрала третий акафист, попытавшись выявить его источники и литературные модели.

А. А. Романова (Санкт-Петербург) в докладе «Эволюция жанра святцев к концу XVIII в. (на примере рукописи РГБ, ф. 651 (собр. Усова), № 88)» рассмотрела рукопись, представляющую собой расширенные святцы с летописью, необычным для святцев размером в лист и объемом в 902 л. Она происходит из собрания Е. И. Усова и датируется 1720-ми годами. В состав святцев (а это именно святцы) вошли не

только краткие жития, службы или похвальные слова русским святым, но и заметки о затмениях и природных катаклизмах, указания на начало времен года и притчи о временах года, сообщения об основании Москвы и «каменного града» в ней, о сожжении Москвы в 1571 году и победе над Карлом XII под Полтавой в 1709-м и т. п., а также большое количество статей о русских святых и чтимых иконах. Отдельные статьи приведены без сокращений, даже те из них, которые имеют довольно большой объем. Исследовательница подробно познакомилась с содержанием памятника, введя его при этом в типологический ряд.

Последнее заседание третьего дня было посвящено минеям и минейным сборникам. Оно началось с доклада Н. А. Шереметова (Санкт-Петербург) «Служебные минеи Кирилло-Белозерского монастыря XV — перв. четв. XVI в.: к вопросу о введении Иерусалимского богослужебного устава на Руси». Он проследил уставные богослужебные изменения на примере комбинированной службы Тимофею и Мавре и Феодосию Печерскому (3 мая) из минеи 1462 года и обратил внимание на появление в минее новых служб, например Службы Антонию Печерскому на 7 мая. С точки зрения исследователя, их появление в минеях к концу XV века свидетельствует, с одной стороны, об очевидном интересе кирилловских книжников к русским памятникам, отразившемся, в частности, в работе инок Ефросина над подборкой месяцесловных записей для Следованной Псалтыри в 1470-е годы, с другой — о завершении редактирования состава и содержания комплекта служебных миней, формировавшегося в монастыре на протяжении XV века.

М. А. Шибаев (Санкт-Петербург) представил вниманию участников конференции доклад «„Первооснова“ Великих Миней Четых митрополита Макария», в котором на основе анализа бумаги Софийского комплекта Великих Миней Четых реконструировал первоначальный блок текстов агиографического свода. По подсчетам ученого, «первооснова» насчитывала не менее 2000 листов (с учетом утраченных листов в не дошедших до нас томах) и, вероятно, могла быть разделена на 4 тома примерно по 500 листов, подобно ныне существующим томам Софийского комплекта. В ее создании принимали участие всего три писца, два из которых впоследствии были привлечены для написания других текстов в Великих Минеях Четых. Исследователь предположил, что сохранившийся в самых ранних томах блок «первоосновы» по первоначальному замыслу Макария представлял собой своего рода черновик-заготовку для последующей переписки в более парадном виде.

Доклад Т. Б. Карбасовой и А. Г. Сергеева (Санкт-Петербург) «Неизвестный годовой комплект житийно-учительных текстов 20-х годов XVII века» касался двух сборников, РНБ. F.I.894 и РНБ. Собр. ОЛДП. F. 48. Кодикологический анализ и анализ содержания

позволил исследователям сделать вывод, что эти рукописи объединяет календарно-тематический принцип подбора текстов — это агиографические произведения на декабрь–февраль и июнь–август соответственно; большинство текстов посвящено русским святым и праздникам, для нескольких памятников это ранние или особые варианты редакций; они являются частью годового комплекта житий, составители которого обращали особое внимание на подбор и/или редактирование текстов.

Завершал третий день конференции доклад Е. М. Юхименко (Москва) «Рукописная традиция Выговских Четых Миней», который был посвящен новым находкам, связанным со знаменитым старообрядческим книжным сводом начала XVIII века. Тома этого свода переписывались в лексинском скриптории в 1829–1837 годах. Исследовательница ввела в научный оборот два тома, переписанные в это время. Они недавно появились на антикварном рынке и были приобретены московскими коллекционерами М. С. Бывшевым (том за май) и иереем Алексеем Лопатыным (том за сентябрь). Юхименко продемонстрировала, какое значение эти книги имеют для характеристики не только рукописной традиции Выговских Четых Миней как таковой, но и обстоятельств создания и состава первоначального комплекта.

Четвертый день конференции открылся докладом А. В. Сиренова (Санкт-Петербург) «Августинская легенда в русской письменности XVI в.». Ученый, отметивший, что легенда о происхождении династии Рюриковичей от Пруса дошла до нас как в составе нарративных текстов XVI века, так и в документах того времени, в том числе дипломатических, сосредоточился на полемике Р. П. Дмитриевой с А. А. Зиминым и А. Л. Гольдбергом о времени формирования легенды. Поддержав точку зрения Дмитриевой о том, что среди текстов Августинской легенды текстологически первичным является Послание Спиридона-Саввы, Сиренов показал, что изучение Августинской легенды зашло в тупик потому, что исследователи определяли авторство и время Августинской легенды, исходя из практики составления и редактирования памятников древнерусской литературы. В результате выводы текстологического исследования вступили в противоречие с фактами.

Следующим прозвучал остродискуссионный доклад Л. В. Соколовой (Санкт-Петербург) «Параллельные чтения в „Сказании о Мамаевом побоище“ и „Задонщине“ (к проблеме заимствований)». Исследовательница постаралась убедить слушателей, что поэтическая «Задонщина» была создана после «Сказания о Мамаевом побоище» и с использованием содержащихся в нем сведений; что в авторский текст «Задонщины» составителем Пространной редакции были внесены некоторые добавления; что составители позднейших редакций «Сказания» вносили вставки из «Задонщины», причем как фрагменты авторского текста, так и добавления составителя Пространной редак-

ции «Задонщины»; и наконец, что в поздних редакциях «Сказания» заимствованные из «Задонщины» фрагменты иногда дублируют авторский текст памятника.

Т. И. Афанасьева (Санкт-Петербург) начала доклад «Переводческая деятельность митрополита Киприана († 1406) и ее рецепция в Московской Руси и Великом княжестве Литовском» с напоминания о фундаментальном труде Л. А. Дмитриева «Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы». Упомянув о том высоком статусе, который имел Киприан еще в Византии (патриарший синкелл), и тех культурных и книжных связях, которые он сумел установить еще в ранний период своей деятельности, исследовательница отметила, что в период его митрополичества были налажены культурные контакты между Москвой и Константинополем: там переписывались новые переводы богослужебных книг и христианской литературы. Подробно Афанасьева остановилась на выполненном по инициативе Киприана переводе требника храма св. Софии в Константинополе и на Киевском евхологии 1540 года из собрания Ватиканской библиотеки, сохранившем практически без изменений переводы, сделанные при Киприане.

С. М. Шумило (Украина) в докладе «Именованье как способ толкования в переводных и оригинальных произведениях стиля „плетения словес“» представила рассматриваемый литературный прием у Епифания Премудрого, Григория Цамблака и Пахомия Логофета в сопоставлении с аналогичной особенностью ранних сочинений христианского и даже дохристианского Востока. Для сравнения она привлекла тексты Филона Карпайского, Псевдо-Дионисия Ареопагита, Иоанна Дамаскина, Космы Майюмского, Иосифа Песнопisca, Иоанна Лествичника.

Доклад А. Г. Боброва (Санкт-Петербург) «Стишной пролог русской редакции: время и место создания», представленный на конференции в письменной форме, был посвящен Стишному прологу на мартовскую половину года из собрания Папского восточного института в Риме (Slavo 5, начало XVI века). Ученый локализовал создание Пролога в одном из пригородных «владычных» новгородских монастырей и охарактеризовал его как единственный сохранившийся экземпляр особого вида сборника, пример влияния устной словесности на литературу, необычный исторический источник, отразивший начальный этап возникновения культа новгородских владык, от почитаемых могил и поминальных трапез — к Житиям святых и к созданию нового типа книги.

В докладе Т. Р. Руди «„Слово к верным“ Ермолая-Еразма: из литературной истории памятника» была представлена литературная история памятника на основе анализа двух его авторских редакций, сохранившихся в сборниках-автографах, что позволило уточнить представление о методах редакторской работы

книжника, а также выявить некоторые из наиболее значимых его источников.

Проблемам идентификации почерков был посвящен доклад О. С. Сапожниковой (Санкт-Петербург) «Наследие „мятежного“ старца Боголепа Львова: ключ к атрибуции». Исследовательница выделила ряд характеристик, которые она сочла достаточными для определения почерка этого книжника: грецизированное написание (несколькими способами) буквы *у*, грецизированного характера лигатуры, длинный соединительный верхний элемент лигатур на конце слов, заканчивающихся на согласную и *ѣ*, буква *о* с неизменным завитком внутри и т. д., — и представила перечень из 17 рукописей, в которых, по ее мнению, присутствуют тексты, принадлежащие руке Боголепа Львова.

И. А. Лобакова (Санкт-Петербург) в докладе «„Повесть о разорении Рязани Батыем“ в составе летописных сводов XVII в.» продемонстрировала устойчивый интерес у составителей новых летописных памятников к «Повести о разорении Рязани Батыем» как к одному из исторических источников. Она рассмотрела несколько летописных компиляций XVII века, в состав которых вошла Повесть, показав их место в общей текстологической картине.

Одно из новых поступлений Древлехранилища им. В. И. Малышева ИРЛИ РАН стало предметом доклада М. В. Кужлева (Санкт-Петербург) «„Книга о вере“ из Спасо-Ломской пустыни с вкладной записью 1659 г.: из истории ее бытования». На основании сведений, сообщаемых в записи, выступавший установил личность вкладчика, ученика и «единомысленника» Ивана Неронова, бывшего игумена Московского Златоустовского монастыря Феокиста, вероятного автора «Записки о жизни Ивана Неронова». В докладе также решались вопросы о том, как и почему книга попала из Спасо-Ломской пустыни на Вятку, что с ней там происходило, вплоть до ее попадания в Вятское собрание Древлехранилища. Рукопись, о которой шла речь, была представлена на выставке новых поступлений в Древлехранилище ИРЛИ РАН, подготовленной М. В. Кужлевым к Шестым Лихачевским чтениям.

В центре доклада А. Н. Левичкина и Н. В. Савельевой (Санкт-Петербург) «Памятники лексикографии древнерусской письменной традиции в „Цветнике“ Прохора Коломнятина 1668 г.» был сборник ГИМ. Музейское собр. № 2803, в составе которого находится несколько словарей. Состав «Цветника» Прохора Коломнятина, в целом вполне традиционный для нравственно-учительных и аскетических монастырских сборников XV–XVII веков, выделяется рядом статей, которые демонстрируют явное пристрастие его составителя к систематизации разного рода сентенций и экзерптов, избранных из книжных источников, и к изложению материала в алфавитном порядке. Был представлен обзор находящихся в «Цветнике» словарей, среди которых три словаря-разговорника, записанные Прохором Коломнятиним со слов носителей языков, на слух, и отражаю-

щие, таким образом, живую речь XVII века: карело-русский словарь, небольшой разговорник коми-зырянского языка и тюркско-русский словарный свод; а также более известные словарные тексты, такие как «Толкование о псалтырных словесех» и «Латинского языка рѣчи». Кроме того, исследователи отметили словарь под названием «Переводный рѣчи з греческаго языка на словенский», который, по их предположению, представляет собой самостоятельную лексикографическую работу Прохора Коломнятина.

А. Б. Бильдюг (Санкт-Петербург) в докладе «„Диоптра“ Филиппа Монотропа у старообрядцев Рогожского кладбища» предложила обзор десяти рукописей с полным текстом «Диоптры» или ее фрагментами, сохранившихся в библиотеке старообрядческой общины Рогожского кладбища.

К собранию Древлехранилища им. В. И. Малышева обратилась в своем выступлении «Крестьянские и купеческие записные книжки в Древлехранилище Пушкинского Дома» Т. Н. Галашева (Санкт-Петербург). По ее подсчетам, в этом хранилище находится более 20 рукописей, которые с некой долей условности можно назвать «записными книжками». Это могут быть связанные общей мыслью записи на полях других книг (например, месяцесловов), отдельные листы с деловыми заметками или рукописи, целиком заполненные личными записями, относящимися к XVIII–XX векам. Рассмотрение целого ряда записных книжек, как показала исследовательница, позволяет увидеть в них особый тип источников, который интересен не только включениями дневниковых, фольклорных или исторических текстов среди деловых заметок, но и сам по себе, в непреднамеренности своего окончательного облика.

Завершали Лихачевские чтения два доклада, посвященные писцовым практикам. Д. О. Цыпкин (Санкт-Петербург) в выступлении «Письмо и текст: К вопросу о скорописи в древнерусской письменной культуре» рассмотрел скорописную азбуку, находящуюся в составе одного из двух древнейших русских каллиграфических пособий — «Азбуки фряской» 1604 года, хранящейся в собрании СПбИИ РАН. Ф. 115. № 160. Созданная Ф. С. Басовым скорописная азбука включает в себя как непосредственно азбуку, так и комплекс «монокондильных» композиций. Была проанализирована эстетика скорописи в представлении Басова, а также специфика техники ее исполнения. На базе содержания «монокондильных» композиций была рассмотрена связь типа письма и исполняемого текста в отношении к эстетическим представлениям древнерусского каллиграфа.

Последним прозвучал доклад А. Б. Беловой (Санкт-Петербург) «Условия работы древнерусского пишущего и их влияние на текст». Источником для исследовательницы послужили книжные миниатюры, свидетельства иностранных путешественников и приходо-расходные книги приказов. По ее мнению,

универсальным источником могут быть и сами тексты. Например, ошибки, типичные для письма под диктовку, следы правки, совместной переписки и редактирования способны дать нам лучшее представление о процессе письма.

По завершении научной программы перед участниками Шестых Лихачевских чтений выступил внук Л. А. Дмитриева, композитор и пианист, двукратный победитель Международного конкурса им. Сергея Прокофьева Николай Мажара.

30 сентября — день памяти Д. С. Лихачева. Несмотря на предельно насыщенную программу, делегация участников конференции смогла посетить его могилу, чтобы отдать дань памяти своему наставнику, чья научная школа продолжает жить, развиваться и, как показала прошедшая конференция, открывать для себя новые перспективы.

© С. А. Семячко

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-268-274

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИКИ: В ЧЕСТЬ 150-ЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА, К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Л. А. ИЕЗУИТОВОЙ»

29–30 сентября 2021 года на кафедре истории русской литературы СПбГУ проходила Международная научная конференция «Учитель и ученики: в честь 150-летия со дня рождения Леонида Андреева, к 90-летию со дня рождения Л. А. Иезуитовой». В связи с ограничениями из-за распространения коронавирусной инфекции конференция прошла в смешанном формате, заседания транслировались на YouTube-канале Пушкинского Дома.

В день открытия конференции с приветственным словом к участникам обратился заведующий кафедрой истории русской литературы СПбГУ профессор А. А. Карпов. Он поделился своими воспоминаниями о Людмиле Александровне Иезуитовой, замечательном педагоге, ученом и человеке, с которой ему довелось проработать на кафедре не один десяток лет.

Научную часть заседания открыл В. Н. Быстров (Санкт-Петербург) докладом «Перипетии творческой истории рассказа Л. Н. Андреева „В подвале“ (1901)», в котором был прослежен процесс создания произведения и отмечены ключевые отличия первоначальной редакции текста 1899 года от основной: при подготовке к печати были кардинально изменены сюжет, структура (деление на две части), персонажи, смысловые акценты (особое внимание уделено мотиву краткого просветления и единения павших людей). Затем серьезной доработке подвергся черновой автограф, хранящийся в РГАЛИ. В. Н. Быстров обозначил также автобиографический подтекст истории, привел некоторые значимые отзывы критиков. В заключение автором была сжато охарактеризована кинопеса под названием «История одной девушки», созданная Андреевым в 1915 году на основе рассказа.

В выступлении Е. А.-М. Михеичевой (Орел) «„Орловские“ страницы в творчестве Леонида

Андреева» говорилось о той роли, которую сыграл Орел в формировании Андреева-писателя. В Орле происходит действие рассказа «Чудак». Героями «Баргамота и Гараськи» становятся «обитатели одной из окраинных улиц города Орла». Деревня Собакина, в которой бедствуют родственники денщика Кукушкина («Из жизни штабс-капитана Каблукова»), также находится в Орловской губернии. В рассказе «Молодежь» отразились впечатления Андреева о времени учения его в Орловской классической мужской гимназии (1881–1891). Душевные метания юного Андреева нашли выражение в рассказе «Весной» и позже, уже в 1910-е годы, в пьесе «Младость». В обширной ремарке узнаваем дом Андреевых: «стеклянный коридор, ведущий вдоль всего дома», четыре окна на улицу, «красивый сад», посаженный отцом семейства. Оказавшись вне родины, Андреев осознает себя «трижды изгнанныком», и тогда в памяти вновь всплывает Орел: «Как некстати тут норд! <...> Другое встает: Орел, тепло, пахучая ракета, разлив рек, веселая гимназическая религия, шатанье по Болховской...».

Доклад Чиа Чих Хан (Тайвань) «Политика взгляда в творчестве Л. Андреева и Лу Синя» представил собой попытку осмыслить значение роли «постороннего наблюдателя» в художественном сознании двух писателей. В их произведениях весьма существенное место занимает антитеза «видеть / быть видимым», которая не только выполняет сюжетно-образующую функцию, но и имеет непосредственное отношение к выражению авторской позиции. Взгляд постороннего наблюдателя рассматривался, прежде всего, как форма проявления насилия массы, в которой обнаруживаются механизмы общества и трагедия человеческого бытия. По мнению Лу Синя, преодоление холодного, беспощадного взгляда массы

необходимо для подлинного освобождения народа от ига «людоедской традиции». А в творчестве Андреева такой взгляд можно назвать неким симптомом, в котором отражается кризисное состояние современного человека.

Заседание продолжилось докладом Е. В. Булышевой (Санкт-Петербург) «„Панпсихизм“ в системе театрально-эстетических представлений Леонида Андреева». В нем было указано на многозначность понятия «панпсихизм» в системе театрально-эстетических представлений Андреева. Панпсихизм — это психологизм Чехова (чеховский панпсихизм) и чеховских спектаклей в МХТ, что в каком-то смысле соответствует термину «театр настроения»; это определение психологизма русского романа уровня толстовской «диалектики души» и «реализма в высшем смысле» Достоевского (литературный панпсихизм). Андреевский панпсихизм — это формирующаяся в его драме новаторская структурно-поэтическая система, направленная на сценическое воплощение «образов современной души», духовно-нравственных, интеллектуальных и интимно-психологических коллизий личности. Наконец, представляется возможным говорить о панпсихизме как миропонимании, которое формировалось в различных произведениях драматурга (пьесы «К звездам», «Савва», «Мысль»; «Письма о театре»). В его основе — представление о той одушевленности, которая проецируется на внешний мир, своего рода экспансия души. Андреев, писатель трагического мировоззрения, именно в этом распространении «человеческого», в душевных силах личности находит некие спасительные начала, способные противостоять хаосу бытия, и возможность человеческой консолидации.

В сообщении Л. И. Шишкиной (Санкт-Петербург) «Леонид Андреев и театральные искания XX века. Андреев и Замятин» были рассмотрены театральные теории и практики Андреева, предвосхитившие поиски новых форм и нового языка в драматургии XX века. В частности, было показано, как андреевская концепция «театра улиц и площадей», в котором театр сольется с жизнью, где исчезнут границы, отделяющие зрителя от артиста, а жизнь — от праздника, найдет реализацию в массовых зрелищах, приуроченных к первым годовщинам революции. Различные аспекты размышлений писателя по созданию народного театра были представлены в широком контексте многообразных концепций обновления театра, в теориях 1920-х годов. Особенно подробно на материале условно-символических драм Андреева и пьесы Замятина «Блоха» анализировалось типологическое родство открытий обоих писателей, сблизившихся в попытках создания театра «представления», в идее «народного театра», опирающегося на эстетику лубка и балагана.

Ю. Б. Орлицкий (Москва) в своем докладе «Особенности ритмической организации символических пьес Андреева» обратил внимание на два основных способа ритмизации драма-

тургического текста. Первый из них, характерный для произведений, в которых речь принадлежит анонимным представителям говорящих масс, основан на крайней дробности этой «массовой» речи, создающей ее естественную ритмичность, контрастирующую с континуальными репликами-монологами главных героев и необычно протяженными экспозиционными ремарками («Жизнь человека», «Царь Голод», «Океан»). Второй — силлабо-тоническая метризация, проникновение которой в русскую прозу обычно связывают с практикой Андрея Белого, но которая встречалась и раньше, например, у А. Ф. Вельтмана и Н. С. Лескова. Наиболее выразительно в драмах Андреева она работает в «Жизни человека» (особенно — в словах Проши), где достаточно протяженные метрические цепи охватывают почти половину текста. В других драмах метр возникает реже, причем как в авторской, так и в персонажной части текста, и связан обычно с наиболее «пафосными», «поэтическими» моментами действия. Например, в «Анатэме» он отчетливо проявляется в репликах главных героев в конце пьесы; в «Черных масках» «запускается» исполнением песни герцога Лоренца в конце первой картины. При этом отдельные «случайные» метры спорадически возникают на протяжении всех пьес. Интересно, что начиная с рассказа 1906 года «Елеазар» Андреев регулярно обращается к метризации — в основном тоже «случайной» — и в других своих произведениях.

В докладе А. С. Александрова (Санкт-Петербург) «Л. Н. Андреев и И. И. Ясинский: творческие связи и личные взаимоотношения» на широком историко-литературном материале прослежена история личных контактов двух литераторов. На основе мемуарных свидетельств и эпистолярных документов выявлена позиция Ясинского касательно личности и творчества Андреева после Октябрьской революции 1917 года. В докладе прозвучали выдержки из не опубликованных ранее писем Андреева и Ясинского.

Заседание продолжилось выступлением Ю. С. Ромайкиной (Саратов) «Сотрудничество Л. Андреева в литературных сборниках „Земля“». В издававшихся в 1908–1917 годах «Московским книгоиздательством» литературных сборниках «Земля» было опубликовано всего два произведения Л. Андреева: рассказ «Проклятие зверя» (1908. Сб. 1) и драма «Профессор Сторицын» (1913. Сб. 11). Между тем, судя по найденным в РГАЛИ письмам Г. Г. Блюменберга, главы «Московского книгоиздательства», и полному тексту воспоминаний заведующего этого предприятия в 1907–1909 годах Н. С. Клестова, издатели «Земли» делали ставку на Андреева как на основного сотрудника сборников. В 1907–1908 годах Андреев лавировал между «Знанием», «Шиповником» и «Землей», обещая каждому свои новые произведения («Тьма», «Любовь студента», «Проклятие зверя»). Намереваясь заручиться постоянным сотрудничеством писателя,

Блюменберг готов был предложить Андрееву высокие гонорары. Но владельцы петербургского «Шиповника» оказались успешнее: летом 1908 года Андреев принял на себя редактирование его альманахов. Участие Андреева в одиннадцатом литературном сборнике «Земля» в 1913 году носило явно случайный характер на фоне разногласий писателя с издательством «Шиповник».

Утреннее заседание первого дня конференции завершил доклад М. В. Михайловой (Москва) «Л. Андреев и Тэффи: „дьявольский“ подтекст пьес „Собачий вальс“ и „Шарманка сатаны“». Сопоставление пьес, работа над которыми шла параллельно (в середине 1910-х годов), выявило сходство основных мотивов произведений: зависимость человека от «злого умысла» некоей силы, кризисное состояние человечества, потеря нравственных ориентиров. Но авторы показывают, что эти процессы различно переживаются мужчиной, героем пьесы Андреева, и женщиной, героиней пьесы Тэффи. Используя мифопоэтическую трактовку мужского и женского начал в мире, предложенную Вяч. Ивановым, можно истолковать двойственность женщины как вариант сохранения цельности (в дионисийском изводе), а двойственность мужчины как предвестие разрушения его личности и как результат — гибели. Отсюда трагическое звучание андреевского произведения и ушедший в подтекст трагизм драмы Тэффи.

Вечернее заседание открылось докладом Т. В. Полушиной (Орел) «Новые исторические источники изучения жизни и творчества Л. Н. Андреева: воспоминания оперной певицы М. С. Давыдовой». В 2015 году правнук Л. Андреева — Леонид Михайлович Андреев передал в фонды Орловского объединенного государственного литературного музея И. С. Тургенева архив своей матери: письма детей писателя, рукописи Веры Леонидовны Андреевой, живописные работы Ирины Григорьевны Андреевой-Рыжковой. В одном из писем младшего сына Л. Андреева Валентина содержатся воспоминания оперной певицы Марии Самойловны Давыдовой о встречах с Леонидом Андреевым. Свои воспоминания Давыдова опубликовала в парижской газете «Русская мысль» (1976. 1 янв. № 3084. С. 10). Воспоминания Давыдовой показывают, насколько обаятельной и яркой была личность Л. Андреева, способного на долгие годы оставлять след в душах всех, кто с ним соприкасался.

В докладе Л. В. Спроге (Латвия) «Савва Андреев — влюбленный художник: событие пражского периода» были приведены малоизвестные факты жизни осиротевшей семьи Л. Н. Андреева в Чехословакии середины 1920-х годов. Сын писателя, шестнадцатилетний художник, нарисовал портрет (пастель) актрисы и поэтессы Татьяны Ратгауз и тайно вложил в карман ее пальто любовное письмо (отрывки из него цитировались в выступлении). Воспоминания их сверстников из эмигрантских семей (Веры Андреевой, Ариадны Эфрон, Вадима Морко-

вина, Бориса Лосского и др.) дают представление о влюбленном художнике и сюжете его юношеского увлечения. В основу сюжета были положены материалы из частных архивов.

Заседание продолжил доклад К. И. Морозовой (Самара) «А. К. Гольдебаев и Л. Н. Андреев: предшественник и преемник». Александр Кондратьевич Гольдебаев (Семенов; 1863–1924) — писатель и журналист, был лично или заочно знаком со многими литераторами. Автор доклада предполагает, что среди этих знакомых был и Л. Н. Андреев. В 1910 году на страницах 29-го сборника товарищества «Знание» был опубликован рассказ Гольдебаева «Галчонок», который, вероятно, был прочитан Андреевым. Согласно его фабуле, трое друзей регулярно по воскресеньям навещали в бордель, каждое их посещение проходило по одному и тому же сценарию, но после того, как герои нарушили традицию и пропустили одну из ночей — все пошло не так. В рассказе ведущим выступает мотив перевернутого мира. Например, в веселой троице друзей можно усмотреть отсылку к христианскому образу Святой Троицы — Живого Бога. Однако действия героев Гольдебаева таковы, что сакральный смысл профанируется и разрушается. Религиозный мотив является сюжетобразующим во многих произведениях Андреева. Так, в рассказе «Елезар», по мнению Л. А. Иезуитовой, слово «смерть» выступает своего рода антонимом слову «воскресение». Таким образом, Гольдебаев, как и Андреев, изображает искаженную реальность. Только Гольдебаев перерабатывал каноны православной церкви, а Андреев — библейские сюжеты. Андреев делает это, чтобы показать, что царство человека — на Земле. Гольдебаев же с помощью изображения десакрализованного мира моделировал художественную действительность, чтобы предупредить читателя о неминувшем крахе человечества, который не способен спасти ни любовь, ни вера в Бога.

В докладе В. Л. Гайдук (Москва) «Можно ли научиться биомеханике? Педагогические опыты Мейерхольда в студии на Бородинской и в ГостТиме» были подвергнуты анализу различные способы передачи знания о биомеханике, которые Мейерхольд использовал в своей практике. По признанию самого Мейерхольда основы театральной биомеханики были впервые нащупаны им в студии на Бородинской. Создание новой системы стало результатом изучения техники движения итальянских комедиантов времен комедии дель арте. Далее работа была продолжена после революции на Курсах мастерства сценических постановок в Петрограде. В 1921 году Мейерхольд начинает преподавать биомеханику в Театре РСФСР. В 1930-е годы совместно с учениками он работает над созданием практического пособия. Его черновой вариант фактически остался единственным законченным и выверенным Мейерхольдом справочником по проблеме, но эта брошюра не была опубликована. Современные же тренинги основаны на знании, которое

передавалось от учителя к ученикам: от Вс. Мейерхольда — Н. Кустову, а от Н. Кустова — Г. Богданову и А. Левинскому.

Вечернее заседание первого дня конференции завершилось презентацией А. И. Старкова (Санкт-Петербург) «Леонид Андреев — художник-живописец» с показом репродукций.

Второй день конференции открылся докладом А. М. Грачевой (Санкт-Петербург) «Об одном протее Леонида Андреева: ранняя проза Бориса Савинкова», в котором был проанализирован процесс формирования стиля писателя. В период своего литературного «ученичества» Савинков находился под сильнейшим влиянием идейно-эстетической системы и творческой методологии польских писателей-символистов, и прежде всего — Ст. Пшибышевского. Это воздействие было настолько органичным и сильным, что оно окончательно не исчезло и после его контактов с Э. Н. Гиппиус, много сделавшей для перестройки художественного мышления Савинкова на «традиционный» лад. Ранее о сакральных для русской литературы темах «новых людей» можно было говорить, только следуя заветам реализма XIX века. Новаторство прозы Савинкова заключалось в том, что он осмелился писать о «новых людях» XX века, следуя новой художественной стилистике европейского модернизма.

Своим докладом «О прототипах маленьких героев рассказов Алексея Ремизова: „Бибка“» О. А. Линдеберг (Санкт-Петербург) попыталась ответить на вопрос, как сложились судьбы реальных детей, литературные портреты которых мы встречаем в произведениях Ремизова. Иринушка из рассказа «Мурка», Ирина Борисовна Кустодиева (1905–1981), от рождения и до последних дней жизни художника бывшая музой и моделью Бориса Кустодиева, стала актрисой, служила в театрах Ленинграда, оставила воспоминания об отце. Благодаря опубликованной в «Дневнике мыслей» записи Ремизова в его тетради 1950–1951 годов — «Юра Дориомедов (описан в рассказе «Пупочек»)» — удалось связать имя хрупкого и доверчивого мальчика Юры из рассказа с героем французского Сопровитвления Юрием Дмитриевичем Дориомедовым (1908–1944). Основное внимание докладчица уделила судьбе Ипполита Леопольдовича Заливского (1897–1959), ставшего прототипом заглавного героя рассказа Ремизова «Бибка». И. Л. Заливский, гардемарин, в 1915 году совершивший переход по морям Дальнего Востока, воевал в Великую Отечественную войну, был ранен, попал в плен, прошел фильтрационный лагерь. Вернувшись к мирной жизни, занялся селекцией растений, издал по этому вопросу несколько книг. Через всю жизнь пронес увлечения, которые Ремизов, тогда начинающий автор, тонким писательским чутьем уловил в душе четырехлетнего мальчика — корабли и цветы.

Н. Ю. Грякалова (Санкт-Петербург) начала свое сообщение «Природа визуального в лирике А. А. Блока 1900-х годов» с оценки научного

вклада Л. А. Иезуитовой в разработку проблемы интермедиальности на материале творчества Л. Андреева и норвежского художника Э. Мунка, что было для 1980-х годов эвристично и инновационно. По мнению докладчицы, визуальное начало играет важную смыслообразующую роль в символистской поэтике, что было продемонстрировано на примере стихотворения Блока «Небесное умом не измеримо...» (1901), а именно генезиса центрального женского образа («Российская Венера»), визуальным источником которого признана скульптура Венеры Таврической в контаминации с Венерой (Афродитой) Гримальди-Нани (обе — в собрании Государственного Эрмитажа). Основанием для данного сопоставления стали пометы и маргиналии Блока на принадлежавшем ему каталоге Музея древней скульптуры Императорского Эрмитажа (СПб., 1901) из его личной библиотеки. Избранная методика источниковедческого исследования позволяет не только фактологически усилить существующий комментарий к стихотворению, но и показать важность предметно-образительного компонента в развертывании поэтической мысли даже в тех случаях, когда содержание текста покоится на отвлеченных метафизических основаниях.

Доклад «Валерий Брюсов и Николай Гумилев: элементы поэтики маньеризма и проблема „побежденного учителя“» С. Д. Титаренко (Санкт-Петербург) посвятила малоизученной проблеме типологического схождения поэтических образов, мотивов и сюжетов искусства европейского маньеризма и поэзии русского модернизма. Объектом анализа стали первые книги стихов Брюсова, такие как «Juvenilia» (1892–1894), «Chefs d'œuvre» (1894–1896), «Me eum esse» (1896–1897), которые репрезентируют его новую декадентскую манеру, вызванную рефлексией fin de siècle и влиянием витализма стиля модерн конца XIX — начала XX века. Обусловленная влиянием французской культуры, она типологически близка маньеризму и нашла отражение в книге стихов Гумилева «Жемчуга» (1910), посвященной автором своему учителю Брюсову. Маньеричность выражается в изощренности риторики и стилистики, особой природе аллегорической и символической образности, что было обусловлено уходом авторов в «воображаемые миры». Наблюдается присущая маньеризму эстетизация и мифологизация нарциссизма, эротики, зла и смерти, ярко выражены мотивы масочности, театральности, любовной охоты, телесной пластики (сплетения) и др.

Выступление М. В. Орловой (Москва) «Валерий Брюсов и его ученики» было основано на материалах НИОР РГБ и фондов ГМИРЛИ им. В. И. Даля. Влияние Валерия Брюсова на современников было значительно, и это признавали многие. Заключительным этапом «учительства» в его биографии становится создание по этому ВЛХИ им. В. Я. Брюсова, в котором учениками, по определению, могли считаться все поступившие в институт. В докладе коротко

упоминалось и о тех учительских и ученических отношениях, которые в разных аспектах уже рассматривались исследователями: речь шла об А. М. Ремизове, К. И. Чуковском, Н. С. Гумилеве. Сложнее складывались отношения «мэтра» и его учениц, к примеру Нины Петровской. Заключительная часть доклада была посвящена Надежде Львовой: обучению поэтессы стихотворному мастерству, выбору круга чтения и произведений для переводов, вопросам поэтических заимствований, в частности, у Верлена, темам и мотивам сборника «Старая сказка», сложившимся под влиянием Брюсова.

В докладе Е. И. Гончаровой (Санкт-Петербург) «История одной переписки: В. В. Розанов и П. П. Перцов (1896–1918)» анализировался обширный эпистолярный двух литераторов: комплекс, насчитывающий 498 писем, сохранился в РГАЛИ в фонде Перцова достаточно полно, хотя некоторые послания отсутствуют. Интерес розановских писем, по словам Перцова, «первоклассный». Но и перцовские по глубине мысли, по стилистике не уступают. В корреспонденциях переплетены литературные события, философские рассуждения, бытовые подробности. Они охватывают темы, волновавшие литераторов: христианство, пол, консервативная и либеральная журналистика, Религиозно-философские собрания, Петербургское Религиозно-философское общество, сотрудничество в журнале «Новый путь», служба литераторов в газете «Новое время». Особый интерес представляют материалы 1896–1899 годов, когда обсуждались религиозно-философские вопросы и намечались главные темы розановского творчества, и 1915–1918 годов, когда на первый план вышли политические события — причины поражения России на фронтах Первой мировой войны, а затем грянувшие в 1917 году две революции.

В выступлении «Осип Манделштам — ученик Вл. В. Гиппиуса», подготовленном совместными усилиями Т. В. Игошевой (Санкт-Петербург) и Г. В. Петровой (Санкт-Петербург), было представлено исследование влияния литератора-декадента Вл. Гиппиуса на формирование определенных эстетических идей и поэтической образности у его ученика О. Манделштама. Докладчик интересовался ранний период становления будущего автора «Камня», связанный с годами обучения в Тенишевском училище, где русскую словесность преподавал Гиппиус, а период 1920–1930-х годов в творчестве Манделштама. В сообщении были приведены конкретные примеры из статей и стихотворений Манделштама, демонстрирующие это влияние.

А. В. Громовой (Москва) в докладе «Типология женских образов в цикле „Темные аллеи“ (к вопросу о бунинской концепции природы женщины)» была предложена классификация, основанная на анализе конкретных средств художественной выразительности (в частности, портретных характеристик), раскрывающая онтологические представления писателя

о мире, любви и человеке. Выделено несколько основных женских типов, обладающих повторяющимися социальными приметами, портретными и характерологическими чертами, и при этом отражающих определенные ступени личностного развития: от неживого (в сказках «Антигона», «Муза») — через первобытно-звериное («Сто рупий», «Камарг», «Весной в Иудее»), детское («Степа», «Смарагд», «Таня») и пленительное девичье («Руся», «Натали» и др.) — к высоко нравственному и духовному («Чистый понедельник»). В итоге выстраивается шкала, выражающая онтологическую и ценностную концепцию Бунина, раскрывающая его понимание женской природы.

Вечернее заседание открылось докладом А. А. Чевтаева (Санкт-Петербург) «Книга стихов А. Ладинского „Черное и голубое“: „уроки“ Н. Гумилева и окказиональная мифопоэтика». Наследование Гумилеву в лирике поэта-эмигранта проявилось, прежде всего, в концептуализации мифологеми пути как основы бытийного самоосуществления лирического субъекта. Движение поэтического сознания А. Ладинского к конвергенции земного и небесного начал соотносимо с поисками мировой гармонии, определяющими художественное миропонимание старшего поэта. Ориентируясь на гумилевские принципы субъектной репрезентации, А. Ладинский в структуре книги «Черное и голубое» (1930) использует широкий ряд лирических масок поэтического «я» (адмирал, флорентийские беглецы, крестоносцы, аргонавты и т. п.), актуализирующих определенные историко-культурные коды и характеризующихся общим стремлением преодолеть разрыв между материальным и духовным аспектами бытия. Чевтаевым был сделан вывод, что «уроки» Н. Гумилева, связанные одновременно и с акмеистическим вниманием к «посюсторонней» реальности, и с неоромантической жадностью постичь небесно-потусторонний мир, оказываются одним из ключевых факторов формирования окказиональной мифопоэтики в лирике А. Ладинского. При этом художественная концепция мира в «Черном и голубом» принципиально отличается от гумилевской, так как в ней на первый план выходит онтологически уязвимая личность страдальца-изгнанника. Поэтический миф А. Ладинского, во многом вырастающий из гумилевской концепции универсума, постулирует предельную жажду единения микрокосма и макрокосма и трагичное осознание невозможности преодолеть их антиномичность.

Доклад Г. Н. Боевой (Санкт-Петербург) представлял собой развернутое обоснование цитаты, вынесенной в название доклада: «„...Совершенно, совершенно мое ощущение мира“: рецепция творчества Леонида Андреева в дневниках Геннадия Алексеева». В своем сопоставительном исследовательском сюжете докладчица показала, что творчество Леонида Андреева было источником вдохновения и важным духовным ориентиром для основоположника русского верлибра, поэта, прозаика и худож-

ника Г. И. Алексеева (1932–1987), чье эстетическое самоопределение пришлось на «оттепельное» время. Алексеев высоко ценил Андреева, зачисляемого им в «выразительную» ветвь русской литературы. На материале дневниковой прозы Алексеева было прослежено восприятие личности и творчества Андреева со времени первого упоминания о нем в 1963 году и до последнего года жизни. Интерес к предшественнику объяснялся родственностью мировоззрений, находивших выражение в общности образно-мотивной основы их произведений («жизнь», «смерть», «абсурд», «стена», «Бог», «вечность», «Иуда», «дьявол», «успех»), а также желанием найти некий литературный ориентир в противовес обветшавшему соцреалистическому канону. Согласно выводам докладчицы, близость двух художников была обусловлена свойственными им обоим универсализмом, обращенностью к основам человеческого бытия, пристрастием к антитезам, умением прозревать сквозь повседневность мистическое и ирреальное, настойчивым задаванием неразрешимых вопросов.

В сообщении Н. Д. Стрельниковой (Санкт-Петербург) «Петербургская новелла Романа Сенчина как художественная проекция на рассказ Л. Андреева „Бездна“ (К вопросу о литературных аллюзиях)» были сопоставлены произведения, даты написания которых относятся к началу века (1902) и к его концу (1996). Новелла Р. Сенчина «Первая девушка», по мнению докладчицы, вызывает ассоциации с рассказом Андреева и заставляет вспомнить развернувшуюся вокруг его публикации дискуссию. Мотивировкой к желанию сопоставить два рассказа стали шокирующие финальные фразы в рассказе Сенчина, фиксирующего новую реальность. Андреев считал, что его рассказ имеет универсальный смысл. Фрагменты приводимой в сообщении полемики свидетельствуют о коллективном сопротивлении самой мысли о возможности подобной истории, отражают негодование общества, проявившееся в высказываниях авторитетных литературных деятелей. Новая жизнь начала XXI века обернулась новой реальностью. В рассказе Сенчина — никакой рефлексии нет, автор фиксирует обыденность, «бытовуху». Сопоставление этих двух произведений демонстрирует, как изменилась среда, система ценностей, существующих в обществе, и как сильно нравственный вектор отклонился от приемлемого.

Ю. М. Валиева в докладе «Андреевы в петербургской гимназии им. Л. Д. Лентовской: новые материалы» на основе архивных документов уточнила некоторые биографические сведения о сыне Леонида Андреева Вадиме и двух племянниках писателя, сыновьях его сестры Р. Н. Андреевой, Льве и Леониде, периода их обучения в гимназии; и указала на их совместное участие в подготовке осенью 1917 года «Андреевского» номера школьного рукописного журнала.

В докладе Н. А. Николаевой (Санкт-Петербург) «Военная тема в творчестве Леонида Ан-

дреева» рассказывалось о синестетических аспектах военной прозы писателя, которые наиболее ярко проявились в повести «Красный смех». Один из уровней поэтики «Красного смеха» — синкретические образы, сопрягающие в единое целое звук, цвет, запах, визуальность, геометрическую форму. Синестезийное начало создает особый чувственный универсум, в котором ужас и безумие войны обретают материальную предметность, становятся осязаемой реальностью. В повести присутствует своего рода апофатический метод, так как показывается «Что не есть подлинный мир» и «Что не есть человек». Но одновременно мультисенсорные образы, воздействуя на чувственное восприятие читателя, наделяются смысловой содержательностью, указывая на иной подлинный мир и на иное существование человека. Автор доклада также отметил, что синестезийный код — один из элементов идеологии писателя.

Т. Л. Никольская (Санкт-Петербург) выступила с докладом «Параллельные учителя (И. М. Наппельбаум, А. Н. Егунов, И. А. Лихачев)». В 1960-е годы прошлого века в Ленинграде стали образовываться домашние кружки, объединявшие молодежь вокруг «старичков» и «старушек». В центре таких объединений были люди, получившие среднее образование до 1917 года, которые принимали участие в культурной жизни 1920-х годов и пострадали в сталинских репрессиях. В докладе был сделан обзор кружков ученицы Н. Гумилева И. Наппельбаум (1900–1992), переводчиков А. Егунова (1895–1968), И. Лихачева (1902–1972), посещавших в 1920-е годы «чаепития» М. Кузина и делившихся воспоминаниями как о поэтах Серебряного века, так и о своем детстве с молодыми филологами.

В стендовом докладе Л. Н. Икитян (Армянск) «Испытание животностью, или Провокация „на четвереньках“» был представлен результат наблюдений над мотивом «на четвереньках», разработываемым Л. Н. Андреевым. Исследовательница проанализировала процесс обретения писателем героя, в характеристике которого ключевым стал мотив «на четвереньках». Его художественное содержание раскрыто на примере странного томления-искушения доктора Керженцева (рассказ «Мысль»), «предумышленного скотства» («юродской провокации») царя («Из глубины веков»), обратной эволюции зверя и человека в пьесе «Мысль». Автор доклада утверждает, что мотив «на четвереньках» независимо от форм его воплощения связан у Андреева с проблемой границ разумного и безумного / «правого безумия». Доказательством значимости этого мотива в художественной эстетике писателя служит его вписанность в систему текстовых корреляций: человек / животное, ползание на четвереньках / коленопреклонение, стихийность / осознанность действий. О системности говорит и частотное употребление слов «двуногие» / «четвероногие» («на четвереньках») в дневниках и эпистолярии Андреева.

Л. Н. Икитян пришла к выводу о характерологическом значении положения на четвереньках в облике и действиях героев Андреева. Образом человека, сознательно или безотчетно утрачивающего двуноготь как дифференциальное свойство своей человеческой сущности, писатель вносит свой вклад в «телесный канон» мирового искусства.

Каждое заседание конференции завершалось оживленным обсуждением докладов, в ко-

тором принимали участие все присутствующие офлайн и онлайн.

В заключение личными воспоминаниями о Людмиле Александровне Иезуитовой, учители, ученом, человеке, поделились ее бывшие ученики и коллеги А. М. Грачева, Н. Ю. Грыкалова, Л. И. Шишкина и А. В. Громова.

© О. А. Лундберг

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-274-277

ТРЕТИЙ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР «ФОРМЫ КУЛЬТУРНОГО РЕСАЙКЛИНГА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ»*

20–21 ноября 2021 года в рамках исследовательского проекта «Советское сегодня (Формы культурного ресайклинга в российском искусстве и эстетике повседневного. 1990–2010-е годы)» Центра теоретико-литературных и междисциплинарных исследований в дистанционном формате прошло третье заседание коллективного семинара «Формы культурного ресайклинга в современной России: тенденции и интерпретации».

Заседание открыла Д. А. Журкова (Москва), выступившая с докладом «Жанровые закономерности саундтрека современных ретро-байопиков об артистах советской эстрады». Исследовательница выделила три типа саундтрека: цитатный (песни советской эпохи в максимальной аутентичном звучании), модернизированный (в современной обработке) и стилизованный (современная музыка, мимикрирующая под песни советской эстрады). Журкова пришла к выводу, что в ретро-байопиках певцы, несмотря на всю несхожесть между собой, уподобляются друг другу — главным образом за счет фильтрации репертуара. Это происходит прежде всего через отсечение (забвение) патристических песен и использование любовно-лирических, опираясь на которые гораздо легче мелодраматизировать сюжет. В ходе дискуссии Л. Д. Бугаева заметила, что современные ретро-сериалы таким образом пытаются представить Советский Союз «с человеческим лицом», другими словами — создать образ приемлемого советского прошлого.

В докладе Л. А. Купец (Петрозаводск, Санкт-Петербург) «С чего начинается русская

музыка? Casus Глинки в „ЖЗЛ“ (1892–2019)» была проанализирована траектория изменений в образе композитора М. И. Глинки на протяжении более 100 лет — с 1892-го по 2019 год. Выбор этой персоны был неслучаен, потому что начиная со второй половины XIX века феномен Глинки олицетворял собой наивысшую ценностную оптику и маркер «национального» для всей отечественной музыки, точку отсчета в понимании и объяснении любого русского и затем советского композитора. В качестве материалов исследования были выбраны пять биографий из серии «Жизнь замечательных людей» (и ее замены во время Великой Отечественной войны — «Великие люди русской земли»): С. А. Базунова (1892), П. В. и В. А. Слетовых (1935), С. А. Бугославского (1943), В. В. Успенского (1950) и Е. В. Лобанковой (2019). В результате анализа этих биографических нарративов об «отце всей русской музыки» (в самом широком историко-географическом понимании) было отмечено, что формирование образа «советского» Глинки в серии наиболее активно шло в сталинскую эпоху. Все авторы стремились приспособить, трансформировать и откорректировать биографические траектории и интерпретацию его музыки (произведений и стиля) в жестких рамках идеологии соцреализма. Наиболее четко этот канонический образ был выстроен в книге Успенского, где сконцентрированы все концепты «советского» Глинки: близость к декабристам и их влияние на композитора, сознательная оппозиционность и даже борьба против царя и аристократов, народная музыка как основа его творчества, тесная дружба Глинки и Пушкина, Глинка как наследник Бетховена, отсутствие западного влияния на музыку русского композитора (точнее тотальная «переделка» этого влияния до неизвестности) и др. Спустя почти 70 лет этот канон был полностью дезавуирован в современной биогра-

* Хроника подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00414: «Советское сегодня (Формы культурного ресайклинга в российском искусстве и эстетике повседневного. 1990–2010-е годы)», <https://rscf.ru/project/22-18-35036/>, ИРЛИ РАН.

фии, предложившей новый образ композитора с позиции «русского европеизма». Кроме того, Купец высказала гипотезу о том, что биографические нарративы о Глинке в «ЖЗЛ» формировали не только читателя определенной эпохи, но и разные типы слушателей его музыки: «вагнеровский» слушатель Серебряного века — «плачущий» слушатель, ориентированный на советский кинематограф, — интернет-публика поколения миллениалов.

Ю. А. Секушина (Санкт-Петербург) в докладе «Моральный ассамбляж, или Ресайклинг позднесоветского морально-нравственного дискурса в школьном патриотическом отряде» воспользовалась концепцией Джарета Зайгона для своего исследования. Внимательность к чувствам и сочувствию как важным составляющим облика членов отряда является, по мнению докладчицы, частным примером более общего ресайклинга позднесоветского морально-нравственного дискурса, уходящего корнями к атеистическому строительству при Н. С. Хрущеве и кампании по созданию «социалистического образа жизни» при Л. И. Брежнев. Было продемонстрировано, что моральный ассамбляж дискурсов может приводить к непредвиденным или непреднамеренным эффектам. Дискурс морально-нравственного строительства в эпоху застоя должен был переместить соревнование с Западом в сферу духовно-эмоциональную вместо материальной и заменить материальное богатство — духовным. Этот же дискурс, но переработанный в результате культурного ресайклинга, в современном патриотическом воспитании работает другим образом: он потенциально консервирует разрыв между богатой элитой и остальными гражданами, позволяя последним чувствовать себя элитой моральной. При обсуждении доклада А. В. Кокорин и С. Г. Маслинская предположили, что корни такого морально-нравственного воспитания можно обнаружить в общественных дискуссиях 1920–1930-х и 1860–1870-х годов соответственно. Не отрицая этого, докладчица отметила актуальность именно позднесоветского контекста.

В выступлении Н. В. Семеновой (Санкт-Петербург) был сделан акцент на особенностях киноресайклинга советского в постановке Максима Диденко «Цирк» (2017, Театр Наций). Обращаясь к советским текстам, режиссер прибегает к формам иммерсивного и синтетического театра, в его спектаклях прослеживается тенденция музыкализации и расширение границ сценического за счет смены «языка». Мюзикл «Цирк» представляет собой именно такой многоуровневый ресайклинг, когда переосмысленное кинопроизведение в свою очередь является переработкой мультимедийных и внутрикультурных явлений, в частности авиационного дискурса, эстетики ар-деко и голливудского мелодраматического нарратива. Диденко добавляет визуальную символику М. З. Шагала, делает акцент на женственном и чувственном начале в характере Марион Диксон, мотиве полета и преодоления

гравитации. Композитор И. М. Кушнир меняет музыкальную тональность песен И. О. Дунаевского. Вкупе это приводит к иной, нежели у Г. В. Александрова, трактовке происходящих в «Цирке» событий и почти полному отсутствию идеологической составляющей. В финале герои исследуют свой прощальный дивергент — полет в космос, растворяясь в синем цвете спектакля, по поводу которого Л. А. Купец заметила, что здесь можно усмотреть отсылку к творчеству не только Шагала, но и Н. К. Рериха.

В докладе «Растолковывая (не)понятное: современные комментированные переиздания советской детской литературы» С. Г. Маслинская (Санкт-Петербург) представила результаты своего исследования книг Ю. И. Ковалева, Л. В. Соловьева, А. Я. Бруштейн, А. С. Некрасова, В. Ю. Драгунского и др., выпущенных в 2010-е годы. Издатель И. Э. Бернштейн и составители комментариев стремились не только помочь юным читателям познакомиться с реалиями советской повседневности (что является обычной задачей любого комментирования текстов, удаленных во времени от читателя), но и правильно интерпретировать идеологические подтексты «невинных» произведений, адресованных детям. Однако читателями подобных комментариев являются скорее взрослые, отзывы которых показывают, что чтение ими комментариев служит актуализации индивидуальной памяти о детстве и объединяет их за счет формирования общей этической оценки советского прошлого.

Заседание второго дня было открыто сообщением Е. Ю. Андреевой (Санкт-Петербург) «Владислав Мамышев-Монро: ресайклинг советского на грани квира», посвященным творчеству художника, актера и мыслителя, который неоднократно обращался к ресайклингу советских образов, представляя членов Политбюро (1990–1991), «Женщину, которая поет» — Аллу Пугачеву (1990-е годы), В. И. Левина и Н. К. Крупскую (1995, 2012), Любовь Орлову (2000, 2007), встречу Штирлица с женой (2004). Ранняя «автоконцепция» Мамышева второй половины 1980-х годов связана с гротескной, но не критической репрезентацией советского как идеального и основана на материнском образе, который облекается в плоть идеальной женщины Мерилин Монро. К концу 1990-х и особенно в начале 2000-х годов советское в его версиях образа Любови Орловой раскрывается трагическим противоречием между идеальным устремлением и убивающим все живое давлением государственной идеи. Начиная с середины 1990-х годов советское также интерферирует с русским. Следовательно, Мамышев превосходит новейшую тенденцию развития российского общества и культурной политики государства — все большую зависимость от мифологизированного идеологического микса из истории Древней Руси, Российской империи и СССР. Он также превосходит общемировую тенденцию «геймизации» истории, частью которой становится

и российский опыт. Апофеозом советского в автоконцепции Мамышева является фильм «Кафе Элефант», а отнюдь не гораздо более известный ремейк «Волги-Волги». Представляя эпизод встречи Штирлица с женой, Мамышев поднимается над позиционными ограничениями гендера и квира, демонстрируя гениальную «всевмещаемость». Он одновременно ярко характерен в показе половых отличий/ролей переживания горя и вместе с тем проявляет духовную, ателесную печаль о человеке, страдающем в тоталитарном обществе.

В докладе Л. Д. Бугаевой (Санкт-Петербург) «О ресайклинге одной горьковской идеи. „Новый человек“ Горького и Прилепина» была предпринята попытка на примере романа Захара Прилепина «Санька» (2006) разобраться в том, как в современной прозе осмысливается горьковская концепция создания и воспитания «нового человека», которую он развивал еще в 1906 году в повести «Мать». Важно установить, стала ли она «второсортной» и/или отвергнутой и даже забытой идеей, или, в том или ином виде, она все же обыгрывается в современном литературном дискурсе. Социалистический реализм, предтечей которого часто называют «Мать», родился в результате нарративизации истории с ее последующим искажением и метонимическим замещением неудавшейся революции общества удавшейся революцией индивида. В романе «Санька», как и в горьковской повести, говорится о революции и революционерах, но уже в постсоветской России начала XXI века, причем неудавшаяся революция общества сопровождается неудавшаяся революция индивида, а идеи Горького о воспитании «нового человека» и «совершенствовании» человечества становятся объектами культурного ресайклинга. Таким образом, Прилепин, обратившись к «Матери» Горького в качестве претекста, поддерживает реконструктивному ресайклингу горьковскую концепцию. Писатель опирается на некий «преинтертекст», в который входят марксистские идеи и религиозные источники повести Горького и за пределами которого остается нерелевантный для романа о «новом человеке» XXI века обряд инициации и идеи прогрессивного образования и постепенного совершенствования человека, в диалоге с которыми находится Горький. Рекламируемый как «горьковская „Мать“ XXI века», «Санька», тем не менее, обладает иной референцией и иной системой интратекстуальных связей, в том числе по отношению к «Другой России» Лимонова, ставящей вопрос о необходимости создания «новой нации», «новой невиданной цивилизации». В отличие от «нового человека» Горького, строителя «нового мира», стремящегося к образованию и культуре, «новый человек» Прилепина — это бунтарь и разрушитель, тянущийся к примордиальной ясности и непосредственному опыту мира. Элементы концепции «нового человека», внесенные в прилепинский текст, высвечивают, с одной стороны, семантическую трансформацию, которую претерпела эта кон-

цепция к началу XXI века, а с другой, тот интерпараллелизм, который сделал ее ресайклинг возможным.

М. Д. Андрианова (Санкт-Петербург) в докладе «Ресайклинг образа героя. Кто и зачем пишет сегодня производственные романы» отметила, что за последнее десятилетие появился целый ряд произведений, позиционируемых авторами как производственные романы. Исследовательница видит в этом попытку ресайклинга жанра с поправкой на изменившуюся социально-экономическую ситуацию. В современных текстах присутствуют традиционные для производственного романа сюжетные элементы и конфликты, а также им свойственная дидактическая функция. Андриановой были проанализированы произведения О. И. Дивова и М. Рублева «Не прислоняться» (2011), Д. А. Правдина «Записки районного хирурга» (2012) и «Записки городского хирурга» (2013), а также К. Н. Карманова «Нацпроект. Современный производственный роман с прологом и эпилогом» (2020). Для всех текстов характерна экспликация таких положительных качеств героя, как желание заниматься полезным и важным делом, чувство чести и собственного достоинства, верность данному слову, верность дружбе, честность, патриотизм. Существенное отличие героя современного производственного романа от советского заключается в том, что он хранит верность не Идее (официальной идеологии), а самому себе. На смену вере в большие проекты, в «светлое будущее», характерной для советского производственного романа, приходит идея исполнения долга даже в безнадежных обстоятельствах современной России. Таким образом, лежащий в фундаменте жанра креационный миф заменяется экзистенциальным пафосом борьбы с судьбой. В ходе дискуссии Н. В. Семенова и В. Ю. Вьюгин заметили, что на образ врача и сюжетную структуру романов Правдина могла повлиять не только советская традиция, но и современный кинематографический контекст, особенно сериалы на медицинскую тематику.

В докладе А. В. Кокорина (Санкт-Петербург) «От советских программ до современного учебника по литературе: феномен „ресайклинга забвения“» были представлены результаты исследования советских программ по литературе для старшеклассников 1919–1991 годов и постсоветских официальных стандартов и обязательных минимумов 1998-го, 1999-го и 2004 года, регламентирующих содержание школьного образования. История их изменения в свете проблемы ресайклинга позволяет говорить об особенностях формирования школьного литературного канона на современном этапе. Так, в 1990-е годы в школьную программу по литературе вошло множество произведений «возвращенных» авторов, например проза И. А. Бунина или стихи Б. Л. Пастернака, М. И. Цветаевой и др., однако значительная их часть не была включена в федеральный компонент 2004 года, действующий до сих пор. Учитывая также характер пра-

вок, внесенных в позднесоветские и постсоветские учебники по литературе XX века, Кокорин описал уникальный вид культурного ресайклинга, который получил название «ресайклинг забвения». В противоположность традиционно понимаемому явлению ресайклинга в этом случае не переосмысливается и возвращается то, что было ранее отнесено на периферию культурного поля, а восстанавливается значимое отсутствие, замалчивание неудобных тем, характерное для советской эпохи (события Гражданской войны, коллективизация, репрессии и др.), т. е. происходит отказ от нововведений, привнесенных в течение транзитивного периода 1990-х годов. В ходе обсуждения Л. А. Купец заметила, что при разговоре о школьном каноне важно также учитывать то, как меняется содержание учебников по истории.

Доклад В. Ю. Вьюгина (Санкт-Петербург) «История и гармония (современная «премиальная литература» и советское прошлое)» был посвящен вопросу о том, как ресайклинг советского идеологического и эстетического опыта осуществляется в российской прозе самого последнего времени. В выступлении рас-

сматривалась лишь одна показательная для этого процесса тенденция, которая, впрочем, по мнению докладчика, на сегодняшний день находится в ряду ведущих. Ее можно охарактеризовать как попытку имплицитной «гармонизации» советской истории, стремление сгладить противоречия, найти нечто позитивное даже в самом, на первый взгляд, неподходящем для этого сюжете. В центре внимания оказались нарративы, большинство из которых вошло в «шорт-листы» важных российских литературных премий в 2019 году. Вьюгин предложил свою интерпретацию «премиальных» произведений В. И. Аксенова, А. Н. Архангельского, Г. Ш. Яхиной, Е. В. Абдуллаева (Сухбата Афлатуни) и Н. В. Кононова.

В завершение семинара состоялось коллективное обсуждение докладов и дальнейших перспектив проекта, которые предполагают издание коллективной монографии, посвященной рассмотрению форм культурного ресайклинга в современном российском искусстве и эстетике повседневного.

© А. В. Кокорин

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-277-281

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АРХИВ И БИБЛИОГРАФИЯ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ: ДОКУМЕНТЫ И ПЕЧАТНЫЕ ИСТОЧНИКИ»

Минувший год оставил о себе грустные воспоминания. Все чаще рабочие встречи исследователей являются выражением коллективного отклика на невосполнимые человеческие и профессиональные утраты. Такой стала международная конференция «Архив и библиография русского зарубежья: документы и печатные источники», проведенная Рукописным отделом Пушкинского Дома 22 ноября 2021 года (<http://pushkinskiydom.ru/2021/11/15/ezhegodnye-nauchnye-chteniya-rukopisnogo-otdela/>). Безвременная кончина библиографа Владимира Борисовича Кудрявцева (1947 — 28 марта 2021), многолетняя деятельность которого была тесно связана с научными проектами сотрудников из исследовательских групп ИРЛИ, библиотеки, а также с архивными изысканиями Рукописного отдела, побудила организаторов к экстремному изменению формата ежегодных Научных чтений (двадцать пятых по счету) в формат международной конференции с участием специалистов по истории русского зарубежья.

Фундаментальный научный вклад В. Б. Кудрявцева подтвержден выходом в 2011 году первой части его *opus magnus* — «Периодические и непериодические коллективные издания рус-

ского зарубежья (1918–1941)» в московском издательстве «Русский путь». Массивный том аннотированного справочника и по прошествии десяти лет остается своего рода «новым словом» в библиографии, опровергая узкоприкладное назначение литературы такого рода. Впервые библиографический свод был построен по принципу энциклопедического словаря, предоставляющего обширную и верифицированную *de visu* информацию о 2693 печатных «форматах». Издание оказалось конкурентноспособным по отношению к известным авторитетным сетевым ресурсам. Со времени выхода в свет книга Кудрявцева стала для профессионального сообщества, занимающегося историей русской эмиграции, востребованным источником, который содержит полноценный материал для аналитического подхода к изучению печатной продукции как отражения литературно-общественной и политической жизни русской диаспоры.

Идея конференции заключала в себе научную рефлексию библиографического труда Кудрявцева и носила синтезированный характер, объединяющий в своих тематических векторах исследования, направленные на изучение отдельных печатных источников, уточнение

и пополнение биобиблиографических сведений, извлеченных из эпистолярных и других документов, отложившихся в архивных фондах. Локализация тематики на библиографии и архивных изысканиях позволила актуализировать продуктивную взаимобратную связь этих двух сфер деятельности. Не случайно, в конференции приняли участие профессиональные библиографы, архивисты и филологи, интересы которых сконцентрированы на истории малоизученных печатных изданий «русского рассеяния» и выявлении неопубликованных документов, позволяющих реконструировать неизвестные страницы литературной истории XX века.

Многолетнее сотрудничество В. Б. Кудрявцева с Рукописным отделом Пушкинского Дома было многогранным. Степень его дружеского расположения и профессионального доверия выразилась в том, что начиная с 2015 года он стал передавать в ИРЛИ материалы личного архива. Так был образован персональный фонд, в составе которого оказались рукописи словарей и указателей, не нашедших своего издателя.

Наследию библиографа посвящался первый доклад конференции «К истории изучения литературных институций 1920-х — начала 1930-х годов: по материалам архива В. Б. Кудрявцева в Пушкинском Доме», который открыл новый ракурс на истинный масштаб научной личности неустанный «старателя», убежденного перфекциониста, целеустремленно занимавшегося историей деятельности коллективных литературных сообществ XX века. Исследователь истории литературы раннего советского периода Т. А. Кукушкина (Санкт-Петербург), в свое время принимавшая материалы фонда у В. Б. Кудрявцева, особое внимание уделила неопубликованному труду «Писательские организации и группировки. Сборник материалов и документов. 1917–1932». Фундаментальный справочник энциклопедического характера был подготовлен к печати в середине 1980-х годов совместно с венгерским русистом, доцентом кафедры русской филологии Будапештского университета М. Варгой. По инициативе последнего в Венгрии планировалось издание десяти томов под общим названием «Литературное движение в Советской России. 1917–1934». Первый том содержал сборник о писательских организациях, предисловие было написано Д. С. Лихачевым, также взявшим на себя обязанности главного консультанта и куратора образованной серии. Литературные объединения и группировки 1920-х годов, квалифицированные советской филологией как «болезнь литературы», долгое время не входили в поле научных интересов отечественных исследователей. Книга Кудрявцева и Варги явилась первым опытом комплексного изучения институций послереволюционного десятилетия, действовавших в Москве и Петрограде / Ленинграде, от узких коллективов до организаций всероссийского масштаба, созданных по цеховому принципу. Структура

рукописи строилась по единообразной схеме, включающей историко-литературную характеристику каждого объединения, информацию о целях и задачах, руководстве, участниках; библиографию, документальные материалы, раскрывающие литературно-общественное направление объединений, — устав, декларации, манифесты, резолюции. Основной корпус авторы рукописи снабдили многочисленными приложениями и указателями, имеющими самостоятельную научную ценность. В период перестройки в СССР переговоры о совместном советско-венгерском издании всей серии не привели к конкретному результату, договор с авторами был расторгнут, рукопись так и не дождалась выхода в свет.

Вкладу В. Б. Кудрявцева в комплектацию библиотечного фонда ИРЛИ был посвящен доклад Н. С. Беляева (Санкт-Петербург) — «Собрание В. Б. Кудрявцева в фонде Библиотеки Пушкинского Дома». Докладчик описал историю отбора печатных экземпляров, которая проводилась в 2000-е годы при деятельном участии сотрудников библиотеки Н. С. Быковой, О. Л. Осадчей и Г. В. Бахаревой. Так сложился раздел личных книг и периодики В. Б. Кудрявцева, объединивший издания научного характера в области литературоведения, философии, культурологии, истории, религии и искусства. Основная тематическая направленность коллекции — русское зарубежье. Наибольшую ценность среди переданного представляет справочная литература. Н. С. Беляев, в частности, отметил, что многие экземпляры восполнили значительные лакуны книжного фонда ИРЛИ 1990–2010-х годов. По мнению специалиста, коллекция Кудрявцева гармонично вписывается в основной ряд других личных собраний библиотеки Пушкинского Дома.

Важным свойством произнесенных на конференции докладов стала благодарная память о сотрудничестве с библиографом, который для некоторых исследователей стал автором и даже наставником в разрешении сложных случаев библиографического описания. Выступление Л. В. Герашко (Санкт-Петербург) отчасти посвящалось эпизоду научной работы с материалами библиотеки кн. А. П. Мещерского и профессора П. М. Бицилли, проводившейся в 2007–2008 годах совместно с В. Б. Кудрявцевым.¹ Непосредственно на основании этого сотрудничества был подготовлен доклад «По следам одной атрибуции (О пособиях по русской истории для юношества из библиотеки П. М. Бицилли — А. П. Мещерского)». Коллекция содержит главным образом издания русской эмиграции первой волны. Описание отдельных экземпляров потребовало углубленных разысканий. Серьезную проблему соста-

¹ Герашко Л. В., Кудрявцев В. Б. Фонд профессора П. М. Бицилли в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009. С. 57–222.

вила идентификация автора книги для юношеского чтения «Первые строители Руси» в серии «Познай Россию», вышедшей в Софии в 1935 году. Тогда совместные поиски закончилась неудачей из-за отсутствия каких-либо сведений в справочных изданиях и трудах по эмигрантике. Однако при повторном обращении к этой теме, уже спустя десятилетие, исследовательнице удалось установить имя сочинителя с редкой фамилией Саморуло. Главным отправным моментом для разрешения загадки послужили пометы П. М. Бицилли на полях и в тексте издания. Описанный метод работы явился прекрасным подтверждением магистральной идеи конференции о взаимодополняющей синергии рукописных и печатных источников.

Эксклюзивный библиографический материал к мало изученной теме, посвященной редакционной политике изданий периода Второй мировой войны, представил Б. А. Равдин (Латвия) в своем выступлении «Печатная продукция Ostland'a и ближайших окрестностей на русском языке. 1941–1945 гг.». На разнообразных примерах, извлеченных из периодической печати и книгоиздательской практики оккупационных инстанций, была предпринята попытка проследить эволюцию пропагандистских материалов в зависимости от хода и длительности военных событий в годы Второй мировой войны на оккупированной Германской территории Прибалтики и северо-запада РСФСР. В докладе был продемонстрирован метод историко-литературного исследования печатных источников в преломлении событий конкретного исторического контекста.

Проблемы текстологии получили рассмотрение в трех докладах, включенных в программу конференции. Л. В. Спроге (Латвия) предложила аудитории тему «Блоковские лирические тексты в эмигрантской среде: текстологический аспект», которая была раскрыта на примерах, зафиксировавших рецепцию личности и творчества Александра Блока. Среди разнообразия русскоязычной периодической печати Латвии 1921–1922 годов («Сегодня», «Рижский курьер», «Маяк», «День», «Новая нива», «Слово», «Перезвоны» и др.) исследовательница наметила типологию «блоковианы», выделив основные жанры и направления. Значительный корпус составили воспоминания и комментарии современников, лично знавших поэта (П. М. Пильский, В. В. Третьяков, С. А. Коренев, А. И. Гришин, А. М. Перфильев и др.). Отдельный разряд в этом стихийно образовавшемся массиве текстов представляли публикации стихотворений, созданных в подражание поэзии Блока, а также явные фальсификации. Образцы поэтических подделок в докладе стали предметом историко-литературного комментария, в ходе которого, в частности, была отмечена роль критика и писателя П. М. Пильского, одним из первых актуализировавшего проблему эдиционной практики в отношении творческого наследия Блока. Наконец, самостоятельный комплекс текстов составили в рижской печати

разнообразные по жанрам посвящения, адресованные поэту. Доклад сопровождался демонстрацией изображений печатных источников.

В докладе Т. С. Царьковой (Санкт-Петербург) «Юлий Айхенвальд о первой книге Дмитрия Кленовского» были представлены дополнения к библиографии поэта, начинавшего свой путь в литературе под настоящим именем Д. Крачковский. Исследовательница предложила вниманию аудитории анализ рецепции его дебютного поэтического сборника «Палитра» (вышел осенью 1916; на обложке: Петроград, 1917), который отразил как достоинства и несовершенства книги впоследствии известного поэта-эмигранта, так и градацию художественно-эстетических оценок критиков, узкий круг которых также оказался небезынтересным. Автор опубликованной в журнале «Летопись» информационной заметки — 23-летний Д. И. Выгодский, ровесник молодого поэта, сосредоточил критический взгляд на выявлении «банальностей», сопутствующих образам и эпитетам стихотворений. Своего рода документальным свидетельством работы над этим отзывом является обнаруженный в библиотеке Пушкинского Дома экземпляр «Палитры». Библиографическая редкость — книга с владельческой надписью будущего известного литературоведа, хранит на своих страницах карандашные пометы — подчеркивание именно этих, перечисленных в рецензии стилистических трюизмов. Другая рецензия, опубликованная в «Иллюстрированном приложении» к газете «Новое время», принадлежала перу критика из стана поэтов — В. Опочинину, отметившему всего один аспект поэтики — цветовую гамму поэтического языка, которая создала «преобладающие настроения книги». Собственно зрелую историко-литературную характеристику сборника молодого Крачковского докладчица обнаружила в также незафиксированной в библиографии поэта рецензии Ю. И. Айхенвальда, напечатанной на страницах газеты «Речь». Отзыв известного критика был не лишен иронии, высветившей салонный стиль поэзии, наиболее уместной «в гостинных».

К. Ю. Лаппо-Данилевский (Санкт-Петербург) начал свое выступление с теплых слов, обращенных к В. Б. Кудрявцеву и ко времени совместной работы над третьим, исправленным и дополненным изданием книги Г. Струве «Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы» (М.; Париж, 1996). В своем докладе «К текстологии немецкоязычных произведений Вяч. Иванова: эмигрантский период» исследователь сопоставил русский и немецкий варианты диссертации поэта «Дионис и прадионисийство», которая была впервые напечатана в Баку в 1923 году. Текст на немецком готовился в середине 1930-х годов для публикации в берлинском издательстве «Die Runde». Однако вскоре из-за ужесточения в Германии нацистского контроля над культурой осуществление

этого предприятия взяло на себя швейцарское издательство «Benno Schwabe & Co», но не дошло до конца. Вяч. Иванов отклонил предложение предоставить собственный перевод; эта работа была поручена Кетэ Розенберг, близкой к кругам русской эмиграции родственнице (по линии жены) Томаса Манна. Как и в других схожих случаях, перевод подвергся интенсивнейшей авторской переработке, в нем буквально не осталось камня на камне. Полный текст немецкого варианта диссертации был выпущен тюбингенским издательством «Mohr Siebeck Verlag» лишь в 2012 году. Сканы рукописей немецкого «Диониса», доступные ныне на сайте «Исследовательский центр Вячеслава Иванова в Риме» (<http://www.v-ivanov.it/>), открывают возможности для критического осмысления ряда эдичионных решений М. Вахтеля и К. Вильдберга, подготовивших это издание. Кроме того, возможной оказывается эмендация включенных в книгу поэтических переводов Вячеслава Иванова из греческих поэтов на немецкий язык.

Отдельный ракурс изучения эмигрантской литературы составили доклады, оперирующие архивными биографическими и творческими источниками, которые в свою очередь имели непосредственное отношение к бытованию текстов и их печатной судьбе. М. М. Павлова (Санкт-Петербург) в докладе «Пути Анны Гиппиус: первые годы эмиграции (1920–1924)» представила краткий биографический очерк эмигрантского периода жизни Анны Николаевны Гиппиус (1875–1942) — наименее известной историкам литературы, второй по рождению из трех младших сестер З. Н. Гиппиус. Врач по образованию, Анна Гиппиус в 1917 году была мобилизована на фронт, в годы Гражданской войны служила в санитарном поезде в частях армии генерала Деникина. Если ранний период жизни (до начала Первой мировой войны) по возможности подробно документирован, то дальнейший путь остается практически неизвестным.² На основе архивных материалов, хранящихся в США (в Амхерстском Центре русской культуры, Библиотеке Иллинойского университета (Урбана-Шампейн), Гуверовском институте), М. М. Павлова осветила ключевые этапы биографии этой представительницы русской интеллигенции, связанной с деятельностью русской зарубежной церкви: Константинополь (1920–1921), Югославия (1921–1924), Франция (1925–1942). Центральное место в докладе было уделено архивным документам А. Н. Гиппиус дофранцузского периода эмиграции, наиболее актуальным для дальнейшего введения в научный оборот: доклад «Интеллигенция, национальное чувство и Церковь» (1921), прочитанный в константинопольском религиозно-философском кружке; материалы, относящиеся к уча-

тию в РСХД (доклад «Католичество и Православие»); переписка с З. Н. Гиппиус сербского периода. Во время рассказа были продемонстрированы ранее неизвестные фотографии из альбома А. Н. Гиппиус «Memorabilia».

М. Шруба (Италия) также построил свое выступление «Владимир Набоков и „Русские записки“» на архивных материалах. В докладе была изложена история сотрудничества писателя в журнале, составившем конкуренцию такому авторитетному парижскому изданию, как «Современные записки». Родственность двух журналов объяснялась редакционным составом, часть которого перешла в «Русские записки» и осуществляла его деятельность в течение двух предвоенных лет (Париж; Шанхай. 1937–1939. № 1–20/21). В основу представленного вниманию аудитории эпизода из творческой биографии известного писателя легли эпистолярные документы, хранящиеся в фонде секретаря журнала М. В. Вишняка (Гуверовский институт, Стэнфорд), в частности, его переписка с издателем М. Н. Павловским. Набоков опубликовал в «Русских записках» всего пять текстов с декабря 1937-го по февраль 1939 года (две драмы и три рассказа). Своего рода хроника этого временного отрезка в докладе подтверждалась многочисленными цитатами из писем, проливающими свет на процесс публикации набоковских произведений. Порою ярко выраженные оценочные суждения свидетельствуют о неоднозначном восприятии современниками творчества признанного в наши дни классика русской литературы.

Доклад Л. Дяченко (Швейцария; Франция) был посвящен такому явлению литературного быта, как рукописная книга А. М. Ремизова «Огненная память». Этот артефакт хранится в архиве Института Славистики в Париже, в фонде исследовательницы и автора первой библиографии произведений писателя — Элен Синани (Hélène Sinany-MacLeod), собравшей большое количество научных материалов и оригинальных документов, связанных с его творчеством. «Огненная память», проиллюстрированная автором и написанная каллиграфией по образцу древнерусской скорописи, была создана в марте 1934 года в Париже. В ее основу легли первые версии текстов, позже помещенных в «Пляшущем демоне» («Писец — воронье перо», «Первопечатник Иван Федоров») и в «Подстриженными глазами» («Поджигатель», «Первые слезы»). Автор-рассказчик возвращается к значимым для него вехам истории печатного дела в России, отождествляя себя с древнерусским каллиграфом. Рукотворные книги занимали важное место в его эмигрантской жизни: в тяжелый период с начала 1930-х до конца 1940-х годов, когда его не печатали, писатель создал серию своих произведений в виде художественных автографов либо в виде выполненных пером копий русской классики. Металитературный характер «Огненной памяти» показывает, что в творческом сознании Ремизова мотив рукописи являлся не только поводом к переосмыслению русского

² См.: *Соболев А. Л.* Тургенев и тигры: Из архивных разысканий о русской литературе первой половины XX века. М., 2017. С. 235–253.

литературного процесса, но и средством его самовыражения. Такая самоидентификация с «текстом» подтверждена в конце доклада цитатой из романа «Мышкина дудочка» (1953), в первой главе которой («Муаллякат») автор-рассказчик сравнивает себя с подвешенными в воздухе в Мекке древними арабскими священной манускриптами. Доклад сопровождался фотографиями страниц альбома.

Доклад Е. Р. Обатиной (Санкт-Петербург) «„Птицелов“ из ремизовского „гнезда“: фрагменты парижской биографии Дмитрия Кобякова» был посвящен одному из поэтов так называемого потерянного поколения русского зарубежья, который в середине 1920-х годов вошел в круг учеников Ремизова. Внимание участников конференции было предложено несколько сюжетов, связанных с поэтическим дебютом Кобякова в литературной жизни Парижа. В частности, исследовательница внесла уточнения в библиографическое описание парижских поэтических тетрадей, выпущенных под литературным именем Кобяков, раскрыв роль Ремизова в возникновении этого псевдонима. Особенное внимание было уделено участию старшего писателя в оформлении печатной продукции издательства Кобякова «Птицелов».

Сообщение В. П. Бударagina (Санкт-Петербург) «Как я не стал обладателем первой чешской монографии о художнике и поэте Павле Филонове» представляло собой жанр личных воспоминаний, в которых прозвучала тема политики и культуры в Советском Союзе, когда на судьбу печатных изданий влияли политические события, в частности ввод войск в Чехословакию в 1968 году. В рассказе шла речь о ситуации вокруг перевода книги: *Kříž J. Pavel Nikolajevič Filonov. Praha: Nakladatelství československých výtvarných umělců, 1966 (Nové Prameny. Svazek 62)*.

Конференция, проходившая в атмосфере активной заинтересованности аудитории в зале и сетевом пространстве, завершилась выступ-

лением Е. И. Гончаровой (Санкт-Петербург) «Последний труд В. Б. Кудрявцева в издательстве „Пушкинский Дом“». Докладчица рассказала о находящейся в производстве рукописи «Коллективные издания русского зарубежья 1918–1941 (газеты, журналы, книги, брошюры гуманитарной направленности). В 3 частях», которая в ближайшем будущем станет достоянием широкого круга исследователей. Этот проект представляет собой обновленную концепцию появившегося в 2011 году труда. Переработанная и исправленная авторская версия дополнена двумя указателями, объемом в две самостоятельные книги. Подготовленный библиографом к печати справочник беспрецедентен по объему привлеченного материала. Ценность издания состоит не только в собранных данных, но и в подробных биографических сведениях о малоизвестных деятелях русского зарубежья, построенных на обширном цитировании из программных публикаций, которые либо не доступны современному читателю, либо мало известны. По словам Е. И. Гончаровой, в замысле нового указателя видится нечто большее, чем «научно-вспомогательное библиографическое пособие». По своей содержательной насыщенности и по наполняющему рукопись историческому звучанию это доносящийся до нас живой голос прошлого, записанный ученым-тружеником на библиографическом «фонографе». Как заметила докладчица, отечественная традиция научно-справочной литературы мало развита. В этом смысле думается, что посмертный труд В. Б. Кудрявцева является опытом совершенствования принятого формата и, несомненно, образцом неуклонного стремления к эталонному изданию.

В завершение вечернего заседания было прочитано благодарственное обращение семьи В. Б. Кудрявцева к участникам конференции.

© Е. Р. Обатнина

ОТ РЕДАКЦИИ

В статье К. Р. Халиуллина «Антинаполеоновские кампании 1805–1807 годов и военная тема в русской поэзии», опубликованной в № 3 журнала «Русская литература» за

2021 год, в примечании к заглавию на с. 142 неправильно указан номер гранта РФФИ: вместо № 19-31-2701 следует читать № 19-312-90009.

SUMMARIES

Анастасия Сергеевна Белоусова

младший научный сотрудник
Института мировой культуры МГУ имени М. В. Ломоносова;
профессор-ассистент Национального университета Колумбии

Anastasia Sergeevna Belousova

Junior Researcher, Institute of World Culture,
Lomonosov Moscow State University;
Assistant Professor, Universidad Nacional de Colombia

ORCID: 0000-0002-0771-4271

nastassja.belousova@gmail.com

**А. С. ПУШКИН И Г. К. УАЙТ:
НОВОНАЙДЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ «В НАЧАЛЕ ЖИЗНИ ШКОЛУ ПОМНЮ Я...»
И «ПИРА ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ»**

**A. S. PUSHKIN AND H. K. WHITE:
THE NEWLY FOUND SOURCES OF *V NACHALE ZHIZNI SHKOLU POMNIU IA...*
AND *PIR VO VREMIA CHUMY***

В статье рассматривается прежде не обсуждавшаяся связь пушкинских произведений с творчеством английского поэта-романтика Г. К. Уайта (1785–1806) и устанавливаются ранее не выявленные источники наброска «В начале жизни школу помню я...» (первая часть уайтовской поэмы «Детство») и «Гимна в честь Чумы» Председателя из маленькой трагедии «Пир во время чумы» (стихотворение Уайта «Зимняя песня»). Кратко описан историко-литературный контекст взаимодействия с этими текстами.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, Г. К. Уайт, «В начале жизни школу помню я...», «Пир во время чумы», Ш. О. Сент-Бев, Жозеф Делорм, Болдинская осень.

The article examines a previously undiscussed connection between Alexander Pushkin's poetry and the work of the English Romantic poet H. K. White (1785–1806). It reveals the hitherto unidentified sources of the unfinished poem *V nachale zhizni shkolu pomniu ia...* (White's poem *Childhood*) and Chairman Walsingham's *Hymn in Honor of the Plague* from the Little Tragedy *Pir vo vremia chumy* (White's poem *Winter Song*). We also briefly describe the historical and literary context of Pushkin's interest in White.

Key words: A. S. Pushkin, H. K. White, *V nachale zhizni shkolu pomniu ia...*, *Pir vo vremia chumy*, Ch. A. Sainte-Beuve, Joseph Delorme, Boldino Autumn.

Список литературы

1. *Аринштейн Л. М.* «Елисавету втайне пел...» // Вестник Российской Академии наук. 1999. Т. 69. № 3.
2. *Благой Д. Д.* Мастерство Пушкина. М., 1955.
3. Болдинский календарь 1830 года / Сост. С. Б. Федотова // Пушкин А. С. Болдинские рукописи 1830 года: В 3 т. / Авторы-сост. Т. И. Краснобородько, С. Б. Федотова. СПб., 2013. Т. 1.
4. *Васильев Б. А.* Духовный путь Пушкина. М., 1994.
5. *Вацуро В. Э.* Пушкин и Данте // Лотмановский сборник. М., 1995. [Вып.] 1.
6. *Виноградов В. В.* Проблема авторства и теория стилей. М., 1961.
7. *Вольперт Л. И.* Сент-Бёв // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. 18/19.
8. *Гаспаров М. Л.* Перевод Пушкина «Из Ксенофана Колофонского» // Временник пушкинской комиссии. Л., 1986. Вып. 20.

9. Довгий О. Л. Книга четырех английских поэтов в культурной миссии Пушкина // А. С. Пушкин и книга. М., 2016.
10. Долнин А. Пушкин и Англия: Цикл статей. М., 2007.
11. Жолковский А. К. Инварианты Пушкина // Труды по знаковым системам XI. Тарту, 1979 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 467).
12. Краснобородько Т. И. Научное описание: Рукописи, предположительно датированные Болдинской осенью 1830 года // Пушкин А. С. Болдинские рукописи 1830 года: В 3 т. / Авторы-сост. Т. И. Краснобородько, С. Б. Федотова. СПб., 2013. Т. 1.
13. Краснобородько Т. И., Федотова С. Б. Научное описание: Болдинские рукописи 1830 года // Пушкин А. С. Болдинские рукописи 1830 года: В 3 т. / Авторы-сост. Т. И. Краснобородько, С. Б. Федотова. СПб., 2013. Т. 1.
14. Криницын А. Б. «В начале жизни школу помню я...»: проблемы интерпретации одного стихотворения Пушкина // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1999. № 2.
15. Кулагина О. Л. Пушкин и Барри Корнуолл: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1990.
16. Левин Ю. Д. Шекспир и русская литература XIX века. Л., 1988.
17. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. / Сост. Н. А. Тархова. М., 1999. Т. 3.
18. Матвеева Ю. А. Орест Михайлович Сомов — литературный критик. Научная биография: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007.
19. Мильчина В. Хроники постсоветской гуманитарной науки: Банные, Лотмановские, Гаспаровские и другие чтения. М., 2019.
20. Муравьева О. С., Табориская Е. М. «В начале жизни школу помню я...» // Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб., 2009. Вып. 1. А–Д.
21. Ланда К. С. «Божественная комедия» в зеркалах русских переводов: К истории рецепции дантовского творчества в России. СПб., 2020.
22. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1941–1948. Т. 3. Кн. 1; 14.
23. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2009. Т. 7.
24. Рак В. Д. Английская литература; Корнуолл; Саути; Чаттертон // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. 18/19.
25. Словарь языка Пушкина: В 4 т. М., 1961. Т. 4.
26. Томашевский Б. Пушкин и французская литература // Лит. наследство. 1937. Т. 31/32. [Русская культура и Франция. II].
27. Фомичев С. А. [Вступительная статья] // А. С. Пушкин. Болдинские рукописи 1830 года: В 3 т. / Авторы-сост. Т. И. Краснобородько, С. Б. Федотова. СПб., 2013. Т. 1.
28. Фридман Н. В. Песня Мери // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1974. Т. 33. № 3.
29. Цветаева М. Соч.: В 2 т. / Сост., подг. текста, вступ. статья и комм. А. Саакянц. М., 1988. Т. 2.
30. Якобсон Р. О. Статуя в поэтической мифологии Пушкина // Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М., 1987.
31. Яковлев Н. В. Об источниках «Пира во время чумы» (Материалы и наблюдения) // Пушкинист. Т. 4. Пушкинский сборник памяти С. А. Венгерова. М.; Пр., 1922.
32. Achinger G. Die Lyrik Sainte-Beuves als Faktor der lyrischen Textgenese bei Puškin // Arcadia: Zeitschrift für Allgemeine und Vergleichende Literaturwissenschaft. 2000. Bd 35. Hf. 1.
33. Evrard J. Le Joseph Delorme de Sainte-Beuve // Bulletin de l'Association Guillaume Budé. 1952. № 3.
34. Markowicz A. Puškin et deux romantiques français — Sainte-Beuve et Antoni Deschamps: problèmes de citations // Revue des études slaves. 1987. T. 59. F. 1–2.
35. Proskurin O. «И бездны мрачной на краю» // A/Z: Essays in Honor of Alexander Zholkovsky / Ed. by D. Ioffe, M. Levitt, J. Peschio, I. Pilshchikov. Boston, 2018.
36. Rodríguez Navas A. Reading Pushkin's *Tales of Belkin* through Sainte-Beuve's *Vie, Poésies et Pensées de Joseph Delorme* // Pushkin Review. 2008. № 11.
37. Terras V. Puškin's «Feast during the Plague» and its original: A structural confrontation // Alexander Puškin: A symposium on the 175th anniversary of his birth / Ed. A. Kodjak, K. Taranovsky. New York, 1976.

References

1. Achinger G. Die Lyrik Sainte-Beuves als Faktor der lyrischen Textgenese bei Puškin // Arcadia: Zeitschrift für Allgemeine und Vergleichende Literaturwissenschaft. 2000. Bd 35. Hf. 1.
2. Arinshtein L. M. «Elisavetu vtaine pel...» // Vestnik Rossiiskoi Akademii nauk. 1999. T. 69. № 3.
3. Blagoi D. D. Masterstvo Pushkina. M., 1955.
4. Boldinskii kalendar' 1830 goda / Sost. S. B. Fedotova // Pushkin A. S. Boldinskii rukopisi 1830 goda: V 3 t. / Avtory-sost. T. I. Krasnoborod'ko, S. B. Fedotova. SPb., 2013. T. 1.
5. Dolinin A. Pushkin i Angliia: Tsikl statei. M., 2007.

6. *Dovgii O. L.* Kniga chetyrekh angliiskikh poetov v kul'turnoi missii Pushkina // A. S. Pushkin i kniga. M., 2016.
7. *Evrard J.* Le Joseph Delorme de Sainte-Beuve // Bulletin de l'Association Guillaume Budé. 1952. № 3.
8. *Fomichev S. A.* [Vstupitel'naia stat'ia] // A. S. Pushkin. Boldinskie rukopisi 1830 goda: V 3 t. / Avtory-sost. T. I. Krasnoborod'ko, S. B. Fedotova. SPb., 2013. T. 1.
9. *Fridman N. V.* Pesnia Meri // Izvestiia AN SSSR. Ser. literatury i iazyka. 1974. T. 33. № 3.
10. *Gasparov M. L.* Perevod Pushkina «Iz Ksenofana Kolofonskogo» // Vremennik pushkinskoi komissii. L., 1986. Vyp. 20.
11. *Iakobson R. O.* Statuia v poeticheskoi mifologii Pushkina // Iakobson R. O. Raboty po poetike. M., 1987.
12. *Iakovlev N. V.* Ob istochnikakh «Pira vo vremia chumy» (Materialy i nabliudeniia) // Pushkinist. T. 4. Pushkinskii sbornik pamiati S. A. Vengerova. M.; Pg., 1922.
13. *Krasnoborod'ko T. I.* Nauchnoe opisanie: Rukopisi, predpolozhitel'no datiruemye Boldinskoii osen'iu 1830 goda // Pushkin A. S. Boldinskie rukopisi 1830 goda: V 3 t. / Avtory-sost. T. I. Krasnoborod'ko, S. B. Fedotova. SPb., 2013. T. 1.
14. *Krasnoborod'ko T. I., Fedotova S. B.* Nauchnoe opisanie: Boldinskie rukopisi 1830 goda // Pushkin A. S. Boldinskie rukopisi 1830 goda: V 3 t. / Avtory-sost. T. I. Krasnoborod'ko, S. B. Fedotova. SPb., 2013. T. 1.
15. *Krinit'syn A. B.* «V nachale zhizni shkolu pomniu ia...»: problemy interpretatsii odnogo stikhotvoreniiia Pushkina // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiiia. 1999. № 2.
16. *Kulagina O. L.* Pushkin i Barri Kornuoll: Diss. ... kand. filol. nauk. M., 1990.
17. *Landa K. S.* «Bozhestvennaia komediia» v zerkalakh russkikh perevodov: K istorii retseptsii dantovskogo tvorchestva v Rossii. SPb., 2020.
18. *Letopis' zhizni i tvorchestva A. S. Pushkina: V 4 t.* / Sost. N. A. Tarkhova. M., 1999. T. 3.
19. *Levin Iu. D.* Shekspir i russkaia literatura XIX veka. L., 1988.
20. *Markowicz A.* Puškin et deux romantiques français — Sainte-Beuve et Antoni Deschamps: problèmes de citations // Revue des études slaves. 1987. T. 59. F. 1–2.
21. *Matveeva Iu. A.* Orest Mikhailovich Somov — literaturnyi kritik. Nauchnaia biografiiia: Diss. ... kand. filol. nauk. M., 2007.
22. *Mil'china V.* Khroniki postsovet'skoi gumanitarnoi nauki: Bannye, Lotmanovskie, Gasparovskie i drugie chteniia. M., 2019.
23. *Murav'eva O. S., Taborisskaia E. M.* «V nachale zhizni shkolu pomniu ia...» // Pushkinskaia entsiklopediia: Proizvedeniia. SPb., 2009. Vyp. 1. A–D.
24. *Proskurin O.* «И бездны мрачной на краю» // A/Z: Essays in Honor of Alexander Zholkovskiy / Ed. by D. Ioffe, M. Levitt, J. Peschio, I. Pilshchikov. Boston, 2018.
25. *Pushkin A. S.* Poln. sobr. soch.: [V 16 t.]. M.; L., 1941–1948. T. 3. Kn. 1; 14.
26. *Pushkin A. S.* Poln. sobr. soch.: V 20 t. SPb., 2009. T. 7.
27. *Rak V. D.* Angliiskaia literatura; Chatterton; Kornuoll; Sauti // Pushkin: Issledovaniia i materialy. SPb., 2004. T. 18/19.
28. *Rodríguez Navas A.* Reading Pushkin's *Tales of Belkin* through Sainte-Beuve's *Vie, Poésies et Pensées de Joseph Delorme* // Pushkin Review. 2008. № 11.
29. Slovar' iazyka Pushkina: V 4 t. M., 1961. T. 4.
30. *Terras V.* Puškin's «Feast during the Plague» and its original: A structural confrontation // Alexander Puškin: A symposium on the 175th anniversary of his birth / Ed. A. Kodjak, K. Taranovsky. New York, 1976.
31. *Tomashevskii B.* Pushkin i frantsuzskaia literatura // Lit. nasledstvo. 1937. T. 31/32. [Russkaia kul'tura i Frantsiia. II].
32. *Tsvetaeva M.* Soch.: V 2 t. / Sost., podg. teksta, vstup. stat'ia i komm. A. Saakiant's. M., 1988. T. 2.
33. *Vasil'ev B. A.* Dukhovnyi put' Pushkina. M., 1994.
34. *Vatsuro V. E.* Pushkin i Dante // Lotmanovskii sbornik. M., 1995. [Vyp.] 1.
35. *Vinogradov V. V.* Problema avtorstva i teoriiia stilei. M., 1961.
36. *Vol'pert L. I.* Sent-Bëv // Pushkin: Issledovaniia i materialy. SPb., 2004. T. 18/19.
37. *Zholkovskii A. K.* Invarianty Pushkina // Trudy po znakovym sistemam XI. Tartu, 1979 (Uchen. zap. Tartuskogo gos. un-ta; vyp. 467).

Ольга Леонидовна Фетисенко

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Ol'ga Leonidovna Fetisenko

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-5670-2656

betsy98@mail.ru

К. Н. ЛЕОНТЬЕВ: ВРАЧ, ПИСАТЕЛЬ, ПАЦИЕНТ**K. N. LEONTIEV: DOCTOR, WRITER, PATIENT**

Статья посвящена К. Н. Леонтьеву, известному писателю и мыслителю и в то же время военному врачу в годы Крымской войны, а затем домашнему врачу в течение пяти лет после ее окончания. Речь в ней идет о богатом отражении «медицинской» тематики в его беллетристике и мемуарно-автобиографической прозе, а также об использовании соответствующей образности в его историософских сочинениях. Впервые введен в научный оборот ряд неизвестных фактов биографии писателя — таких, как полученное им в 1876 году от Мещовской уездной врачебной управы разрешение на медицинскую практику и несостоявшееся поступление на место земского врача в том же уезде в 1877 году, т. е. в то время, когда автор «Византизма и славянства», казалось бы, давно расстался со своей «специальностью».

Ключевые слова: К. Н. Леонтьев, военный врач, домашний врач, земский врач, медицинская практика, писатель, пациент.

The article outlines the legacy of K. N. Leontiev, a well-known writer and philosopher, who served as a military doctor during the Crimean War and worked as a private practitioner for five years after. It deals with the plethora of «medical» themes in his fiction and his memoir-autobiographical prose, as well as with the use of the relevant imagery in his historiosophic writings. A number of previously unknown facts of the writer's biography are introduced to the academic community for the first time, e. g. the permission to practice medicine he received in 1876 from the Meshchovskaya County Medical Board, his unsuccessful attempt to take the position of a *zemstvo* doctor in the same county in 1877, at a time when the author of «Byzantium and Slavyanism» seemed to have long abandoned his «professional path».

Key words: K. N. Leontiev, military doctor, private practitioner, *zemstvo* doctor, medical practice, writer, patient.

Список литературы

1. Александров А. А. Памяти К. Н. Леонтьева // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей. 1891–1917. Антология: В 2 кн. СПб., 1995. Кн. 1.
2. Дневник А. Е. Карабановой, 1819–1827 / Вступ. статья, подг. текста и комм. О. Л. Фетисенко. М., 2020.
3. Жуков К. А. Восточный вопрос в историософской концепции К. Н. Леонтьева. СПб., 2006.
4. Котельников В. А. Константин Леонтьев. СПб., 2017.
5. Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. / Подг. текста и комм. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб., 2000–2021. Т. 1, 2, 3, 4, 5; Т. 6. Кн. 1, 2; Т. 7. Кн. 1, 2; Т. 8. Кн. 1, 2; Т. 10. Кн. 1, 2; Т. 11. Кн. 1, 2.
6. Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917) / Сост. Ю. Н. Емельянов. М., 1989.
7. Фетисенко О. Л. Братья Константин и Владимир Леонтьевы в изданиях А. А. Краевско-го // История отечественной культуры в архивных документах: Сб. статей. СПб., 2020. Вып. 1.
8. Хатунцев С. В. Константин Леонтьев: Интеллектуальная биография. 1850–1874 гг. СПб., 2007.

References

1. Aleksandrov A. A. Pamiati K. N. Leont'eva // K. N. Leont'ev: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Konstantina Leont'eva v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei. 1891–1917. Antologija: V 2 kn. SPb., 1995. Kn. 1.

2. Dnevnik A. E. Karabanovoi, 1819–1827 / Vstup. stat'ia, podg. teksta i komm. O. L. Fetisenko. M., 2020.
3. Fetisenko O. L. Brat'ia Konstantin i Vladimir Leont'evy v izdaniiax A. A. Kraevskogo // Istoriiia otechestvennoi kul'tury v arkhivnykh dokumentakh: Sb. statei. SPb., 2020. Vyp. 1.
4. Khatuntsev S. V. Konstantin Leont'ev: Intellektual'naia biografiia. 1850–1874 gg. SPb., 2007.
5. Kotel'nikov V. A. Konstantin Leont'ev. SPb., 2017.
6. Leont'ev K. N. Poln. sobr. soch. i pisem: V 12 t. / Podg. teksta i komm. V. A. Kotel'nikova i O. L. Fetisenko. SPb., 2000–2021. T. 1, 2, 3, 4, 5; T. 6. Kn. 1, 2; T. 7. Kn. 1, 2; T. 8. Kn. 1, 2; T. 10. Kn. 1, 2; T. 11. Kn. 1, 2.
7. Moskovskii universitet v vospominaniiakh sovremennikov (1755–1917) / Sost. Iu. N. Emel'ianov. M., 1989.
8. Zhukov K. A. Vostochnyi vopros v istoriosofskoi kontseptsii K. N. Leont'eva. SPb., 2006.

Сергей Акимович Кибальник

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Sergei Akimovich Kibal'nik

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-5937-5339

kibalnik007@mail.ru

«ПОЭТИКА МЕДИЦИНЫ» В ТВОРЧЕСТВЕ А. П. ЧЕХОВА

THE «POETICS OF MEDICINE» IN THE WORKS OF A. P. CHEKHOV

Существование особой «поэтики медицины» еще нуждается в обосновании. Открытым вопросом остается и то, в какой степени использование образов, относящихся к миру медицины, обладает в художественной литературе своей спецификой, а в какой оно подчиняется законам обычной поэтики. Предварительный ответ на все эти вопросы дан в статье на примере творчества А. П. Чехова. Именно Чехов был первым из русских писателей, применительно к которому говорить о «поэтике медицины» появляются все основания. Наиболее полно и широко в творчестве Чехова были представлены следующие ее аспекты: медицинские рецепты как микротекст художественного текста и символический смысл так называемого «фармакологического подтекста», автобиографический и биографический подтексты образов врачей и, наконец, различные формы интертекстуальности, связанные с их изображением.

Ключевые слова: «поэтика медицины», «медицинский текст», русская литература, «фармакологический подтекст», образы врачей, медицинский рецепт, символический смысл.

«Poetics of medicine» is a term that might still need justification. The extent to which the use of medicine-related images in fiction runs its own course, and to which it follows the rules of standard poetics is still an open question. The article provides a preliminary answer to these questions, using the works of A. P. Chekhov as a case study. Chekhov was the first Russian writer who gave us a strong reason to discuss the «poetics of medicine». The following aspects of this poetics were fully and widely represented in Chekhov's work: medical prescriptions as a microtext of a literary text, outlining the symbolic meaning of the so-called «pharmacological subtext», autobiographical and biographical subtexts of the doctors as literary personae and, finally, various types of intertextuality associated with their image.

Key words: «poetics of medicine», «medical text», Russian literature, «pharmacological subtext», doctors as literary personae, medical prescription, symbolic meaning.

Список литературы

1. А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1986.
2. Громов М. П. Книга о Чехове. М., 1989.
3. Динерштейн Е. А. А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. М., 1998.

4. Записная книжка А. П. Чехова с рецептами для больных / Публ. С. А. Кибальника // Русская литература. 2018. № 4.
5. Кибальник С. А. Доктор Дорн против писателя Мопассана (О криптопоэтике чеховских «Трех сестер») // Филологические науки. 2022. № 1.
6. Кибальник С. А. Доктор Чебутыкин и издатель Суворин (О криптопоэтике «Трех сестер») // Новый филологический вестник. 2021. № 4.
7. Кибальник С. А. Медицинский рецепт как микротекст прозы и драматургии Чехова (на материале записных книжек писателя) // Известия Российской академии наук. Сер. литературы и языка. 2020. Т. 79. № 2.
8. Кубасов А. В. Проза Чехова: искусство стилизации. Екатеринбург, 1998.
9. Лит. наследство. 1960. Т. 68. Чехов.
10. Письма А. П. Чехову его брата Александра Чехова. М., 1939.
11. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. М., 1986. Т. 10, 11, 13; Письма: В 12 т. Т. 8, 9.
12. Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М., 1971.

References

1. A. P. Chekhov v vospominaniakh sovremennikov. M., 1986.
2. Chekhov A. P. Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Soch.: V 18 t. M., 1986. T. 10, 11, 13; Pis'ma: V 12 t. T. 8, 9.
3. Chudakov A. P. Poetika Chekhova. M., 1971.
4. Dinershtein E. A. A. S. Suvorin. Chelovek, sdelavshii kar'eru. M., 1998.
5. Gromov M. P. Kniga o Chekhove. M., 1989.
6. Kibal'nik S. A. Doktor Chebutykin i izdatel' Suvorin (O kriptopoetike «Treh sester») // Novyi filologicheskii vestnik. 2021. № 4.
7. Kibal'nik S. A. Doktor Dorn protiv pisatel'ia Mopassana (O kriptopoetike chekhovskikh «Treh sester») // Filologicheskie nauki. 2022. № 1.
8. Kibal'nik S. A. Meditsinskii retsept kak mikrotekst prozy i dramaturgii Chekhova (na materiale zapisnykh knizhek pisatel'ia) // Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Ser. literatury i iazyka. 2020. T. 79. № 2.
9. Kubasov A. V. Proza Chekhova: iskusstvo stilizatsii. Ekaterinburg, 1998.
10. Lit. nasledstvo. 1960. T. 68. Chekhov.
11. Pis'ma A. P. Chekhovu ego brata Aleksandra Chekhova. M., 1939.
12. Zapisnaia knizhka A. P. Chekhova s retseptami dlia bol'nykh / Publ. S. A. Kibal'nika // Russkaia literatura. 2018. № 4.

Наталья Юрьевна Грякалова

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Nataliya Juryevna Gryakalova

Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 000-0002-6003-3475

natura3@yandex.ru

«ПСИХОПАТЫ»: ИСТОРИЯ ПОНЯТИЯ И ЕГО ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

«PSYCHOPATHS»: HISTORY OF THE CONCEPT AND ITS TRANSFORMATIONS IN LITERATURE AT THE TURN OF THE 19–20TH CENTURIES

В статье прослеживается генезис выражения «психопат» и его терминологический статус в истории психиатрии (от теории наследственной дегенерации к личностным расстройствам), в том числе в контексте судебно-медицинских экспертиз по громким уголовным процессам

1880-х годов (в частности, по «делу Семеновой»). Став медийными событиями, они вызвали ряд литературных откликов — рассказы Н. С. Лескова, А. П. Чехова, Я. П. Полонского, А. В. Амфитеатрова, которые анализируются в статье, и повлияли на распространение термина в речевом обиходе. Психопатология и психиатрия, вводя в оборот описание клинических и криминальных случаев (патологических казусов) и «исповедей», открывали им дорогу в литературу либо через беллетризацию, либо путем включения в текст на правах «человеческого документа».

Ключевые слова: история психиатрии, психопатология, дискурс дегенерации, судебные процессы, беллетристика, исповедь, досье, «человеческий документ».

The article traces the genesis of the term «psychopath» and its terminological status in the history of psychiatry (from the theory of hereditary degeneration and up to personality disorders), as well as in the context of forensic medical examinations at the high-profile criminal trials of the 1880s (in particular, the «Semenova Case»). As media events, they generated a number of literary responses, in the stories by N. S. Leskov, A. P. Chekhov, Ya. P. Polonsky, A. V. Amfiteatrov analyzed in the article, and contributed to the introduction of the term to the vernacular. Making the descriptions of clinical and criminal cases (pathological incidents) and «confessions» available to the general public, psychopathology and psychiatry paved their path to literature, either through fictionalization or through conversion into «human documents».

Key words: history of psychiatry, psychopathology, discourse of degeneration, trials, fiction, confession, dossier, «human document».

Список литературы

1. *Богданов К. А.* Врачи, пациенты, читатели: патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков. М., 2005.
2. *Бурцев А. О.* Возникновение и развитие понятия «психопатия»: отечественные и зарубежные исследования личностных расстройств в XIX веке // *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие: Электронный науч. журнал.* 2014. № 3 (6). <http://humjournal.rzgm.ru/art?id=89>; дата обращения: 20.04.2022.
3. *Гаричева Е. А.* Тема безумия в творчестве Достоевского и Полонского // *Достоевский: Материалы и исследования.* СПб., 2007. Т. 18.
4. *Грякалова Н. Ю.* Человек модерна: Биография — рефлексия — письмо. СПб., 2008.
5. *Кербиков О. В.* Судебные процессы 80-х годов и учение о психопатиях в отечественной медицине // *Кербиков О. В. Избр. труды.* М., 1971.
6. *Курганов Е.* Преступление без наказания. М., 2017.
7. *Лесков Н. С.* Собр. соч.: В 12 т. М., 1989. Т. 7.
8. *Литвинцев С. В.* К вопросу о границах психопатий // *Обозрение психиатрии и медицинской психологии.* 2017. № 1.
9. *Матич О.* Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и fin de siècle в России. М., 2008.
10. «Мистическая трагедия»: Василий Розанов и Аполлинария Сулова (по материалам архивных разысканий) / Вступ. статья, подг. текста и комм. Е. И. Гончаровой // *Русская литература.* 2022. № 3.
11. *Николози Р.* Вырождение: литература и психиатрия в русской культуре конца XIX века. М., 2019.
12. *Плевако Ф. Н.* Дело П. П. Качки, обвиняемой в убийстве дворянина Байрашевского // *Плевако Ф. Н. Избр. речи.* М., 1993.
13. *Пятницкий Н. Ю.* Эволюция концепции «психопатии» от В. Х. Кандинского до С. А. Суханова // *Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова.* 2020. № 120 (6).
14. *Розанов В. В.* Собр. соч. М.; СПб., 2009. Т. 27. Юдаизм. Статьи и очерки 1898–1901 гг.
15. *Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика* / Под ред. К. Богданова, Ю. Мурашова, Р. Николози. М., 2006.
16. *Семютика безумия: Сб. статей* / Под ред. Н. Букс. Париж; М., 2005.
17. *Сироткина И.* Классики и психиатры: психиатрия в российской культуре конца XIX — начала XX века. М., 2008.
18. *Сконечная О.* Русский параноидальный роман: Федор Сологуб, Андрей Белый, Владимир Набоков. М., 2015.
19. *Трубецкова Е.* «Новое зрение»: болезнь как прием острания в русской литературе XX века. М., 2019.
20. *Фатеев В. А.* Жизнеописание Василия Розанова. СПб., 2013.
21. *Фуко М.* Ненормальные. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 учебном году. СПб., 2005.
22. *Яковлева Н.* «Человеческий документ»: история одного понятия. Helsinki, 2012 (Slavica Helsingiensia; 42).

References

1. *Bogdanov K. A.* Vrachy, patsienty, chitateli: patograficheskie teksty russkoi kul'tury XVIII–XIX vekov. M., 2005.
2. *Burtsev A. O.* Voznikovenie i razvitie poniatiia «psikhopatii»: otechestvennye i zarubezhnye issledovaniia lichnostnykh rasstroistv v XIX veke // *Lichnost' v meniaiushchemsia mire: zdorov'e, adaptatsiia, razvitie: Elektronnyi nauch. zhurnal.* 2014. № 3 (6). <http://humjournal.rzgm.ru/art?id=89>; data obrashcheniia: 20.04.2022.
3. *Fateev V. A.* Zhizneopisanie Vasiliia Rozanova. SPb., 2013.
4. *Fuko M.* Nenormal'nye. Kurs leksii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1974–1975 uchebnom godu. SPb., 2005.
5. *Garicheva E. A.* Tema bezumii v tvorchestve Dostoevskogo i Polonskogo // *Dostoevskii: Materialy i issledovaniia.* SPb., 2007. T. 18.
6. *Griakalova N. Iu.* Chelovek moderna: Biografiia — refleksiia — pis'mo. SPb., 2008.
7. *Iakovleva N.* «Chelovecheskii dokument»: istoriia odnogo poniatiia. Helsinki, 2012 (Slavica Helsingiensia; 42).
8. *Kerbikov O. V.* Sudebnye protsessy 80-kh godov i uchenie o psikhopatiiakh v otechestvennoi meditsine // *Kerbikov O. V. Izbr. trudy.* M., 1971.
9. *Kurganov E.* Prestuplenie bez nakazaniia. M., 2017.
10. *Leskov N. S.* Sobr. soch.: V 12 t. M., 1989. T. 7.
11. *Litvintsev S. V.* K voprosu o granitsakh psikhopatii // *Obozrenie psikhiiatrii i meditsinskoi psikhologii.* 2017. № 1.
12. *Matich O.* Eroticheskaia utopiia: Novoe religioznoe soznanie i fin de siècle v Rossii. M., 2008.
13. «Misticheskaia tragediia»: Vasiliia Rozanova i Apollinariia Suslova (po materialam arkhivnykh razyskaniia) / Vstup. stat'ia, podg. teksta i komm. E. I. Goncharovoi // *Russkaia literatura.* 2022. № 3.
14. *Nikolozii R.* Vyrozhdenie: literatura i psikhiiatriia v russkoi kul'ture kontsa XIX veka. M., 2019.
15. *Piatnitskii N. Iu.* Evoliutsiia kontseptsii «psikhopatii» ot V. Kh. Kandinskogo do S. A. Sukhanova // *Zhurnal nevrologii i psikhiiatrii im. S. S. Korsakova.* 2020. № 120 (6).
16. *Plevako F. N.* Delo P. P. Kachki, obviniaemoi v ubiistve dvorianina Bairashevskogo // *Plevako F. N. Izbr. rechi.* M., 1993.
17. *Rozanov V. V.* Sobr. soch. M.; SPb., 2009. T. 27. Iudaizm. Stat'i i ocherki 1898–1901 gg.
18. *Russkaia literatura i meditsina: Telo, predpisaniia, sotsial'naia praktika / Pod red. K. Bogdanova, Iu. Murashova, R. Nikolozii.* M., 2006.
19. *Semiotika bezumii: Sb. statei / Pod red. N. Buks.* Parizh; M., 2005.
20. *Sirotkina I.* Klassiki i psikhiiatry: psikhiiatriia v rossiiskoi kul'ture kontsa XIX — nachala XX veka. M., 2008.
21. *Skonechnaia O.* Russkii paranoiidal'nyi roman: Fedor Sologub, Andrei Belyi, Vladimir Nabokov. M., 2015.
22. *Trubetskova E.* «Novoe zrenie»: bolezni kak priem ostraneniia v russkoi literature XX veka. M., 2019.

Игорь Александрович Кравчук

научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Igor Alexandrovich Kravchuk

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-6799-1967

kolesovan@gmail.com

**Д. И. ХАРМС ПРОТИВ И. И. МЕЧНИКОВА:
ОБ ОДНОЙ ПАРОДИЙНОЙ «ТЕОРИИ ПИТАНИЯ»**

**D. I. KHARMS AGAINST I. I. METCHNIKOFF:
ON A PARODIC «NUTRITION THEORY»**

Статья посвящена небольшому фрагменту повести Д. И. Хармса «Старуха» (1939), в которой упоминается имя великого русского биолога И. И. Мечникова. Реконструируются генеалогия публичного образа ученого, различные контексты его бытования. Показаны истоки пародийной «теории питания», которую развивает герой повести, ее связь с жизнестроительными практиками 1920–1930-х годов, в частности с идеями и практиками обэриутов. В статье продемонстрированы наиболее вероятные причины пародийного преломления теорий Мечникова у Хармса, резкое неприятие последним специализированного научного знания, позитивистской учености, рационализма, мечниковской рецепции взглядов Гете и Бергсона.

Ключевые слова: Д. И. Хармс, «Старуха», И. И. Мечников, М. М. Зощенко, Н. М. Олейников, П. Генри де Крюи (де Крайф), наука, дилетантизм, чинари, И.-В. Гете, А. Бергсон.

The article analyzes a small fragment of D. I. Kharm's story *The Old Woman* (1939), where the name of the outstanding Russian biologist I. I. Metchnikoff is mentioned. The genealogy of the scientist's public image, as well as the various contexts of its existence, are reconstructed. The origins of the parodic «theory of nutrition», proposed by one of the characters, its connection with the life-building practices of the 1920s-1930s, and with the ideas and practices of the Oberiuts in particular, are outlined. The article demonstrates the most probable reasons for the parodic refractions of Metchnikoff's theories in Kharm's sharp rejection of specialized scientific knowledge, positivist scholarship, rationalism, as well as Metchnikoff's reception of the views of Goethe and Bergson.

Key word: D. I. Kharm's, *The Old Woman*, I. I. Metchnikoff, M. M. Zoshchenko, N. M. Oleynikov, P. Henry de Kruif, science, dilettantism, chinari, J. W. von Goethe, H. Bergson.

Список литературы

1. Айзлвуд Р. Хармс и Друскин: к постановке вопроса // Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., 1996. Т. II. № 3.
2. [Александров А. А.]. Примечания // Хармс Д. И. Полет в небеса: Стихи. Проза. Драммы. Письма. Л., 1988.
3. Бергсон А. Творческая эволюция / Пер. с фр. М. Булгакова // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск, 1999.
4. Бескина А. А. Лицо и маска Михаила Зощенко // Мих. Зощенко. Pro et contra: Антология. СПб., 2015.
5. Вахитова Т. М. Три стенограммы обсуждения повести М. Зощенко «Возвращенная молодость» (1934 г.) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2012 год. СПб., 2013.
6. Вересаев В. В. Записки врача // Вересаев В. В. Собр. соч.: В 5 т. М., 1961. Т. 1.
7. Вьюгин В. Ю. Политика поэтики: Очерки из истории советской литературы. СПб., 2014.
8. Гинзбург Л. Я. Николай Олейников // Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002.
9. Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. Л., 1959.
10. Гроссман Л. П. «Смерть Ивана Ильича». История писания и печатания // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1936. Т. 26.
11. Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда. СПб., 1995.
12. Зеньковский В. В. История русской философии. М., 2001.
13. Зощенко М. М. Возвращенная молодость // Зощенко М. М. Собр. соч.: [В 7 т.] / Сост. и прим. И. Н. Сухих. М., 2008. Т. 5. Голубая книга.
14. Иванов Вяч. И. Гете на рубеже двух столетий // Иванов Вяч. И. Собр. соч.: [В 4 т.]. Брюссель, 1987. Т. 4.
15. Йовович Т. Симулирование науки у Хармса // Научные концепции XX века и русское авангардное искусство. Белград, 2011.
16. Кобринский А. А. «Старуха» Д. Хармса — финальный центон // Кобринский А. А. О Хармсе и не только: Статьи о русской литературе XX века. СПб., 2013.
17. Кобринский А. А. Даниил Хармс. М., 2009.
18. Кобринский А. А. Поэтика ОБЭРИУ в контексте русского литературного авангарда XX века. СПб., 2013.
19. Крайф П. де. Охотники за микробами. Борьба за жизнь. М., 1957.
20. Кротова Д. В. Синтез искусств в русской литературе конца XIX — первой трети XX века (А. Белый, З. Н. Гиппиус, А. С. Грин, М. М. Зощенко): Учебное пособие. М.; Берлин, 2021.
21. Кукулин И. В. Высокий дилетантизм в поисках ориентира: Хармс и Гете // Русская литература. 2005. № 4.
22. Лекманов О., Свердлов М. Жизнь и стихи Николая Олейникова // Олейников Н. М. Число неизреченного. М., 2016.
23. Липавский Л. С. Разговоры // «...Сборище друзей, оставленных судьбою». Л. Липавский, А. Введенский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников. «Чинари» в текстах, документах и исследованиях: В 2 т. М., 2000. Т. 1. Л. Липавский, А. Введенский, Я. Друскин.

24. *Лосев Л. В.* Ухмылка Олейникова // Олейников Н. М. Иронические стихи. Нью-Йорк, 1982.
25. *Наринс Дж. В.* Поэт и наука. Н. М. Олейников // Научные концепции XX века и русское авангардное искусство. Белград, 2011.
26. *Олейников Н. М.* Число неизреченного. М., 2016.
27. *Рог Е. Ю.* Комическое в прозе Д. Хармса и концепция смеха А. Бергсона // 85 лет высшему историческому и филологическому образованию на Дальнем Востоке России. Владивосток, 2004. Кн. 2. Литература, язык, культура: Материалы науч. конф.
28. *Спиро С.* Толстой о И. И. Мечникове // Интервью и беседы с Львом Толстым. М., 1987.
29. *Тимирязев К. А.* Мечников — борец за научное мировоззрение // Тимирязев К. А. Наука и демократия: Сб. статей. 1904–1919 гг. М., 1963.
30. *Токарев Д. В.* Философские и эстетические основы поэтики Даниила Хармса. Дис. ... доктора филол. наук. СПб., 2006.
31. *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. М., 1935. Т. 54.
32. *Фомичев С. А.* Повесть Даниила Хармса «Старуха»: «петербургский миф» в обэриутской интерпретации // Все страхи мира: Ногг в литературе и искусстве: Сб. статей. СПб.; Тверь, 2015.
33. *Хармс Д. И.* Полн. собр. соч.: [В 4 т.]. СПб., 1997–2001. Т. 1, 2, 4.
34. *Хейнонен Ю.* Это и то в повести *Старуха* Даниила Хармса. Helsinki, 2003.
35. *Чуковский К. И.* Из воспоминаний // Вспоминая Михаила Зощенко. Л., 1990.
36. *Шаламов В. Т.* Записные книжки 1954–1979 // Шаламов В. Т. Собр. соч.: В 6 т. М., 2013. Т. 5.
37. *Шенкман Я.* Логика абсурда (Хармс: отечественный текст и мировой контекст) // Вопросы литературы. 1998. № 4.
38. *Щеглов Ю. К.* Романы Ильфа и Петрова. Спутник читателя. СПб., 2009.
39. *Юрьев О. А.* Буратино русской поэзии: Сергей Нельдихен в Стране Дураков // Новый мир. 2013. № 9.
40. *Ямпольский М.* Беспамятство как исток (Читая Хармса). М., 1998.
41. *Fay L. E.* Shostakovich: A Life. New York, 2000.
42. *Fink H. L.* Bergson and Russian Modernism, 1900–1930. Evanston, Ill., 1999.
43. *Livers K. A.* Constructing the Stalinist Body: Fictional Representations of Corporeality in the Stalinist 1930s. Lanham, Md., 2009.
44. *Stone Nakhimovskiy A. S.* Laughter in the void: An introduction to the writings of Daniil Kharms and Alexander Vvedenskii. Wien, 1982 (Wiener Slawistischer Almanach. Sb 5).
45. *Tyszkowska-Kasprzak E.* Творчество Даниила Хармса и философия Анри Бергсона // Polilog. Studia Neofilologiczne. 2012. № 2.

References

1. *Aizljud R.* Kharms i Druskin: k postanovke voprosa // Ezhekvartal'nik russkoi filologii i kul'tury. SPb., 1996. T. II. № 3.
2. [Aleksandrov A. A.]. Primechaniia // Kharms D. I. Polet v nebesa: Stikhi. Proza. Dramy. Pis'ma. L., 1988.
3. *Bergson A.* Tvorcheskaia evoliutsiia / Per. s fr. M. Bulgakova // Bergson A. Tvorcheskaia evoliutsiia. Materiia i pamiat'. Minsk, 1999.
4. *Beskina A. A.* Litso i maska Mikhaila Zoshchenko // Mikh. Zoshchenko. Pro et contra: Antologiiia. SPb., 2015.
5. *Chukovskii K. I.* Iz vospominanii // Vspominaia Mikhaila Zoshchenko. L., 1990.
6. *Fay L. E.* Shostakovich: A Life. New York, 2000.
7. *Fink H. L.* Bergson and Russian Modernism, 1900–1930. Evanston, Ill., 1999.
8. *Fomichev S. A.* Povesť Daniila Kharmsa «Starukha»: «peterburgskii mif» v oberiutskoi interpretatsii // Vse strakhi mira: Horror v literature i iskusstve: Sb. statei. SPb.; Tver', 2015.
9. *Ginzburg L. Ia.* Nikolai Oleinikov // Ginzburg L. Ia. Zapisnye knizhki. Vospominaniia. Esse. SPb., 2002.
10. *Gol'denveizer A. B.* Vblizi Tolstogo. L., 1959.
11. *Grossman L. P.* «Smert' Ivana Il'icha». Istoriia pisaniia i pechataniia // Tolstoi L. N. Poln. sobr. soch.: V 90 t. M., 1936. T. 26.
12. *Iampol'skii M.* Bepamiatstvo kak istok (Chitaia Kharmsa). M., 1998.
13. *Iovovich T.* Simulirovanie nauki u Kharmsa // Nauchnye kontseptsii XX veka i russkoe avangardnoe iskusstvo. Belgrad, 2011.
14. *Iur'ev O. A.* Buratino russkoi poezii: Sergei Nel'dikhen v Strane Durakov // Novyi mir. 2013. № 9.
15. *Ivanov Viach. I.* Gete na rubezhe dvukh stoletii // Ivanov Viach. I. Sobr. soch.: [V 4 t.]. Briusel', 1987. T. 4.

16. *Kharms D. I.* Poln. sobr. soch.: [V 4 t.]. SPb., 1997–2001. T. 1, 2, 4.
17. *Kheinonen Iu. Eto i to v povesti Starukha* Daniila Kharmsa. Helsinki, 2003.
18. *Kobrinskii A. A.* «Starukha» D. Kharmsa — final'nyi tsenton // *Kobrinskii A. A. O Kharmse i ne tol'ko: Stat'i o russkoi literature XX veka.* SPb., 2013.
19. *Kobrinskii A. A.* Daniil Kharms. M., 2009.
20. *Kobrinskii A. A.* Poetika OBERIU v kontekste russkogo literaturnogo avangarda XX veka. SPb., 2013.
21. *Kraif P. de.* Okhotniki za mikrobami. Bor'ba za zhizn'. M., 1957.
22. *Krotova D. V.* Sintez iskusstv v russkoi literature kontsa XIX — pervoi treti XX veka (A. Belyi, Z. N. Gippius, A. S. Grin, M. M. Zoshchenko): Uchebnoe posobie. M.; Berlin, 2021.
23. *Kukulin I. V.* Vysokii diletantizm v poiskakh orientira: Kharms i Gete // *Ruskaia literatura.* 2005. № 4.
24. *Lekmanov O., Sverdlov M.* Zhizn' i stikhi Nikolaia Oleinikova // *Oleinikov N. M. Chislo neizrechenogo.* M., 2016.
25. *Lipavskii L. S.* Razgovory // «...Sborishche družei, ostavlennykh sud'boiu». L. Lipavskii, A. Vvedenskii, Ia. Druskin, D. Kharms, N. Oleinikov. «Chinari» v tekstakh, dokumentakh i issledovaniakh: V 2 t. M., 2000. T. 1. L. Lipavskii, A. Vvedenskii, Ia. Druskin.
26. *Livers K. A.* Constructing the Stalinist Body: Fictional Representations of Corporeality in the Stalinist 1930s. Lanham, Md., 2009.
27. *Losev L. V.* Ukhmyka Oleinikova // *Oleinikov N. M. Ironicheskie stikhi. N'iu-Iork.* 1982.
28. *Narins Dzh. V.* Poet i nauka. N. M. Oleinikov // *Nauchnye kontseptsii XX veka i russkoe avangardnoe iskusstvo.* Belgrad, 2011.
29. *Oleinikov N. M.* Chislo neizrechenogo. M., 2016.
30. *Rog E. Iu.* Komicheskie v proze D. Kharmsa i kontseptsii smekha A. Bergsona // 85 let vysshemu istoricheskomu i filologicheskomu obrazovaniiu na Dal'nem Vostoke Rossii. Vladivostok, 2004. Kn. 2. Literatura, iazyk, kul'tura: Materialy nauch. konf.
31. *Shalamov V. T.* Zapisnye knizhki 1954–1979 // *Shalamov V. T. Sobr. soch.: V 6 t. M., 2013.* T. 5.
32. *Shcheglov Iu. K.* Romany Il'fa i Petrova. Sputnik chitatelia. SPb., 2009.
33. *Shenkman Ia.* Logika absurda (Kharms: otechestvennyi tekst i mirovoi kontekst) // *Voprosy literatury.* 1998. № 4.
34. *Spiro S.* Tolstoi o I. I. Mechnikove // *Interv'iu i besedy s L'vom Tolstym.* M., 1987.
35. *Stone Nakhimovskiy A. S.* Laughter in the void: An introduction to the writings of Daniil Kharms and Alexander Vvedenskii. Wien, 1982 (Wiener Slawistischer Almanach. Sb 5).
36. *Timiriyaev K. A.* Mechnikov — borets za nauchnoe mirovozzrenie // *Timiriyaev K. A. Nauka i demokratiia: Sb. statei. 1904–1919 gg.* M., 1963.
37. *Tokarev D. V.* Filosofskie i esteticheskie osnovy poetiki Daniila Kharmsa. Dis. ... doktora filol. nauk. SPb., 2006.
38. *Tolstoi L. N.* Poln. sobr. soch. M., 1935. T. 54.
39. *Tyszkowska-Kasprzak E.* Tvorchestvo Daniila Kharmsa i filosofia Anri Bergsona // *Polilog. Studia Neofilologiczne.* 2012. № 2.
40. *Vakhitova T. M.* Tri stenogrammy obsuzhdeniia povesti M. Zoshchenko «Vozvrashchennaia molodost'» (1934 g.) // *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2012 god.* SPb., 2013.
41. *Veresaev V. V.* Zapiski vracha // *Veresaev V. V. Sobr. soch.: V 5 t. M., 1961.* T. 1.
42. *V'iugin V. Iu.* Politika poetiki: Ocherki iz istorii sovetskoi literatury. SPb., 2014.
43. *Zen'kovskii V. V.* Istoriia russkoi filosofii. M., 2001.
44. *Zhakkar Zh.-F.* Daniil Kharms i konets russkogo avangarda. SPb., 1995.
45. *Zoshchenko M. M.* Vozvrashchennaia molodost' // *Zoshchenko M. M. Sobr. soch.: [V 7 t.] / Sost. i prim. I. N. Sukhikh. M., 2008.* T. 5. Golubaia kniga.

Виктор Михайлович Димитриев

младший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Viktor Mikhailovich Dimitriev

Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom),
Russian Academy of Science

ORCID: 0000-0002-2801-3511

ganthenbein@gmail.com

«МЕДИЦИНА, НАУКА И ЖИЗНЬ»
В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЕКТЕ В. С. ЯНОВСКОГО

«MEDICINE, SCIENCE AND LIFE»
IN THE LITERARY PROJECT BY V. S. YANOVSKY

В статье рассматривается, каким образом на становление творческого метода эмигрантского писателя В. С. Яновского (1906–1989) повлияли его медицинское образование и многолетняя врачебная практика. При этом использование медицинских тем и сюжетов в его прозе объясняется фактами как биографического, так и историко-литературного порядка. Отдельное внимание впервые уделяется книге писателя 1978 года «Медицина, наука и жизнь», в которой Яновский пытается создать синкретическую философскую теорию, отталкиваясь в равной мере от своего писательского и врачебного опыта.

Ключевые слова: В. С. Яновский, писатель-врач, литература и медицина, религиозная философия, русская эмиграция.

The article deals with the artistic technique of the émigré writer V. S. Yanovsky (1906–1989) and the extent to which it was influenced by his medical education and medical practice. Apart from biographical reasons, literary trends of the interwar period seem to account for the medical themes and plots in his prose. For the first time ever, the article focuses on the book *Medicine, Science and Life* (1978), where Yanovsky tries to create a syncretic philosophical theory, based on his writing and medical experiences.

Key words: V. S. Yanovsky, writer-physician, literature and medicine, religious philosophy, Russian emigration.

Список литературы

1. Красавченко Т. Н. Л.-Ф. Селин и русские писатели-младоземляки первой волны (В. Набоков, Г. Газданов, В. Яновский и др.) // Русские писатели в Париже: Взгляд на французскую литературу: 1920–1940. М., 2007.
2. Линник Ю. Философские искания в прозе В. Яновского // Новый журнал. 1994. № 194.
3. Мельников Н. «Русский мальчик с седыми висками». Жизнь и творчество Василия Яновского // Яновский В. С. Соч.: В 2 т. М., 2000. Т. 1.
4. Неклюдова Е. «Воскрешение Аполлона». Literature and medicine — генезис, история, методология // Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика: Сб. статей / Под ред. К. Богданова, Ю. Мурашова, Р. Николози. М., 2006.
5. Рубинс М. О. «Сделать бывшее небывшим»: (Анти)утопические романы Василия Яновского // Яновский В. С. Портативное бессмертие: Романы. М., 2012.
6. Рубинс М. О. Русский Монпарнас: Парижская проза 1920–1930-х годов в контексте транснационального модернизма / Пер. с англ. М. Рубинс, А. Глебовской. М., 2017.
7. Рубинс М. О. Странный писатель русского зарубежья // Яновский В. Любовь вторая: Избр. проза. М., 2014.
8. Яковлева Н. «Человеческий документ»: история одного понятия. Helsinki, 2012 (Slavica Helsingiensia; 42).
9. Яновский В. С. Елена и ее «Третий час» / Пер. с англ. М. Рубинс // Яновский В. Любовь вторая: Избр. проза. М., 2014.
10. Яновский В. С. Из дневника 1960–1964 гг. / Публ. и прим. В. Крейда // Новый журнал. 1999. № 214.
11. Яновский В. С. Общее дело // Яновский В. Любовь вторая: Избр. проза. М., 2014.
12. Яновский В. С. Самосохранение или самоуничтожение // Вестник русского студенческого христианского движения. 1973. № 107.
13. Яновский В. С. У. Х. Оден / Пер. с англ. М. Рубинс // Яновский В. Любовь вторая: Избр. проза. М., 2014.
14. Яновский В. С. Из дневника 1955–1959 гг. / Публ. и прим. В. Крейда // Новый журнал. 1997. № 209.
15. Livak L. How It Was Done in Paris. Madison, 2003.
16. McLellan M. Faith, Jones A. Hudson. Why Literature and Medicine? // The Lancet. 1996. 13 July. Vol. 348.
17. Yanovsky V. Anesthesia // Auden W. H. A Certain World: A Commonplace Book. New York, 1970.
18. Yanovsky B., M. D. The Dark Fields of Venus. From a Doctor's Logbook. New York, 1973.
19. Yanovsky V. Medicine, Science and Life. New York, 1978.

References

1. *Iakovleva N.* «Chelovecheskii dokument»: istoriia odnogo poniatiia. Helsinki, 2012 (Slavica Helsingiensia; 42).
2. *Ianovskii V. S.* Elena i ee «Tretii chas» / Per. s angl. M. Rubins // *Ianovskii V. Liubov' vtoraia: Izbr. proza. M., 2014.*
3. *Ianovskii V. S.* Iz dnevnika 1955–1959 gg. / Publ. i prim. V. Kreida // *Novyi zhurnal. 1997. № 209.*
4. *Ianovskii V. S.* Iz dnevnika 1960–1964 gg. / Publ. i prim. V. Kreida // *Novyi zhurnal. 1999. № 214.*
5. *Ianovskii V. S.* Obshchee delo // *Ianovskii V. Liubov' vtoraia: Izbr. proza. M., 2014.*
6. *Ianovskii V. S.* Samosokhranenie ili samounichtozhenie // *Vestnik russkogo studencheskogo khristianskogo dvizheniia. 1973. № 107.*
7. *Ianovskii V. S.* U. Kh. Oden / Per. s angl. M. Rubins // *Ianovskii V. Liubov' vtoraia: Izbr. proza. M., 2014.*
8. *Krasavchenko T. N.* L.-F. Selin i russkie pisateli-mladoemigranty pervoi volny (V. Nabokov, G. Gazdanov, V. Ianovskii i dr.) // *Russkie pisateli v Parizhe: Vzgliad na frantsuzskuiu literaturu: 1920–1940. M., 2007.*
9. *Linnik Iu.* Filosofskie iskaniiia v proze V. Ianovskogo // *Novyi zhurnal. 1994. № 194.*
10. *Livak L.* How It Was Done in Paris. Madison, 2003.
11. *McLellan M. Faith, Jones A. Hudson.* Why Literature and Medicine? // *The Lancet. 1996. 13 July. Vol. 348.*
12. *Mel'nikov N.* «Russkii mal'chik s sedymi viskami». Zhizn' i tvorchestvo Vasiliia Ianovskogo // *Ianovskii V. S. Soch.: V 2 t. M., 2000. T. 1.*
13. *Nekliudova E.* «Voskreshenie Apollona». Literature and medicine — genezis, istoriia, metodologiiia // *Russkaia literatura i meditsina: Telo, predpisaniia, sotsial'naia praktika: Sb. statei / Pod red. K. Bogdanova, Iu. Murashova, R. Nikolozi. M., 2006.*
14. *Rubins M. O.* «Sdelat' byvshee nebyvshim»: (Anti)jupicheskie romany Vasiliia Ianovskogo // *Ianovskii V. S. Portativnoe bessmertie: Romany. M., 2012.*
15. *Rubins M. O.* Russkii Monparnas: Parizhskaia proza 1920–1930-kh godov v kontekste transnatsional'nogo modernizma / Per. s angl. M. Rubins, A. Glebovskoi. M., 2017.
16. *Rubins M. O.* Strannyi pisatel' russkogo zarubezh'ia // *Ianovskii V. Liubov' vtoraia: Izbr. proza. M., 2014.*
17. *Yanovsky B.* Anesthesia // *Auden W. H. A Certain World: A Commonplace Book. New York, 1970.*
18. *Yanovsky B., M. D.* The Dark Fields of Venus. From a Doctor's Logbook. New York, 1973.
19. *Yanovsky V.* Medicine, Science and Life. New York, 1978.

Александра Сергеевна Пахомова

старший преподаватель Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)

Aleksandra Sergeevna Pakhomova

Senior Lecturer, National Research University *Higher School of Economics* (St. Petersburg);

ORCID: 0000-0002-2145-754X

aleks.pakhomova@gmail.com

**«ТАЛЫЙ СЛЕД» М. А. КУЗМИНА:
НЕУДАВШИЙСЯ РОМАН О СОВРЕМЕННОСТИ**

**M. A. KUZMIN'S *THE THAWED TRAIL*: A FAILED ATTEMPT
AT WRITING A NOVEL ABOUT CURRENT EVENTS**

Статья вводит в научный оборот третью главу неоконченного романа М. А. Кузмина «Талый след». Роман был написан в 1917 году, в 1921 году в печати появились две начальные главы. Третья осталась неопубликованной и до настоящего момента не входила в корпус кузминской прозы. На основании рукописи третьей главы реконструируется возможный сюжет романа, а также делаются выводы относительно прагматики его написания и писательской стратегии Кузмина в революционный период.

Ключевые слова: М. А. Кузмин, «Талый след», русская революция, писательская стратегия, текстология.

The article introduces the third chapter of M. A. Kuzmin's unfinished novel *Talyi Sled (The Thawed Trail)*. The novel was written in 1917, and two chapters were published only in 1921. The third chapter remained unpublished, and has so far been excluded from the corpus of Kuzmin's prose. Based on the manuscript of the third chapter, a possible plot of the novel is reconstructed, and conclusions regarding the pragmatism and the dynamics of Kuzmin's writing strategy in the post-revolutionary period are drawn.

Key words: M. A. Kuzmin, *The Thawed Trail*, The Russian Revolution, writing strategy, textology.

Список литературы

1. Богданова О. А. Об особенностях художественно-публицистического дискурса журнала «Народоправство» (1917–1918 гг.) // *Studia Litterarum*. 2018. Т. 3. № 4.
2. Богомолов Н. А. О Михаиле Кузмине. 3. Неизданный Кузмин из частного архива // Богомолов Н. А. Русская литература первой трети XX века: Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999.
3. Богомолов Н. А., Малмстад Дж. Э. Михаил Кузмин. М., 2013.
4. Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М., 2005.
5. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. 8.
6. Иванов Вяч. Собр. соч.: В 4 т. Брюссель, 1979. Т. 3.
7. Кузмин М. А. Проза. Berkeley, 1990. Т. 7, 9.
8. Кузмин М. А. Проза и эссеистика: В 3 т. М., 2000. Т. 3.
9. Кузмин М. А. Стихотворения / Вступ. статья, сост., подг. текста и прим. Н. А. Богомолова. 2-е изд., испр. М., 2000 (Новая Библиотека поэта).
10. Мосс К. Революция в еврейской культуре // История еврейского народа в России: В 3 т. М., 2017. Т. 3. От революций 1917 года до распада Советского Союза.
11. Пахомова А. С. «Военные рассказы» М. Кузмина: Попытка реинтерпретации // *Slavica Revalensia*. 2021. Vol. 8.
12. Пахомова А. Писательская стратегия и литературная репутация М. А. Кузмина в раннесоветский период (1917–1924 гг.). Тарту, 2021.
13. Сегал Д. «Сумерки свободы»: О некоторых темах русской ежедневной печати 1917–1918 гг. // *Минувшее: Исторический альманах*. Париж, 1987. Вып. 3.
14. Friedman I. Balfour Declaration // *Encyclopaedia Judaica*. 2-nd ed. Detroit; London, 2007. Vol. 3.
15. Gitelman Z. Y. Jewish Nationality and Soviet Politics. Princeton, 2015.

References

1. Bogdanova O. A. Ob osobennostiakh khudozhestvenno-publitsisticheskogo diskursa zhurnala «Narodopravstvo» (1917–1918 gg.) // *Studia Litterarum*. 2018. T. 3. № 4.
2. Bogomolov N. A. O Mikhaile Kuzmine. 3. Neizdannyy Kuzmin iz chastnogo arkhiva // Bogomolov N. A. Russkaia literatura pervoi treti XX veka: Portrety. Problemy. Razyskaniia. Tomsk, 1999.
3. Bogomolov N. A., Malmstad Dzh. E. Mikhail Kuzmin. M., 2013.
4. Budnitskii O. V. Rossiiskie evrei mezhdru krasnymi i belymi (1917–1920). M., 2005.
5. Dostoevskii F. M. Poln. sobr. soch.: V 30 t. L., 1973. T. 8.
6. Friedman I. Balfour Declaration // *Encyclopaedia Judaica*. 2-nd ed. Detroit; London, 2007. Vol. 3.
7. Gitelman Z. Y. Jewish Nationality and Soviet Politics. Princeton, 2015.
8. Ivanov Viach. Sobr. soch.: V 4 t. Briussel', 1979. T. 3.
9. Kuzmin M. A. Proza i esseistika: V 3 t. M., 2000. T. 3.
10. Kuzmin M. A. Proza. Berkeley, 1990. T. 7, 9.
11. Kuzmin M. A. Stikhotvorenii / Vstup. stat'ia, sost., podg. teksta i prim. N. A. Bogomolova. 2-e izd., ispr. M., 2000 (Novaia Biblioteka poeta).
12. Moss K. Revoliutsiia v evreiskoi kul'ture // Istoriia evreiskogo naroda v Rossii: V 3 t. M., 2017. T. 3. Ot revoliutsii 1917 goda do raspada Sovetskogo Soiuza.
13. Pakhomova A. S. «Voennye rasskazy» M. Kuzmina: Popytka reinterpretatsii // *Slavica Revalensia*. 2021. Vol. 8.
14. Pakhomova A. Pisatel'skaia strategii i literaturnaia reputatsiia M. A. Kuzmina v ranne-sovetskii period (1917–1924 gg.). Tartu, 2021.
15. Segal D. «Sumerki svobody»: O nekotorykh temakh russkoi ezhdnevnoi pechati 1917–1918 gg. // *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh*. Parizh, 1987. Vyp. 3.

Марина Анатольевна Федотова

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Marina Anatoliyevna Fedotova

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-5167-3414

fedotova_m@mail.ru

«КАЮЩИЙСЯ ГРЕШНИК» ДИМИТРИЯ РОСТОВСКОГО

THE PENITENT SINNER BY DIMITRY OF ROSTOV

Существование пьесы «Кающийся грешник», как и ее атрибуция Димитрию Ростовскому, долгое время ставилось под сомнение. Обнаруженный среди сочинений ростовского митрополита в рукописи РГБ, собр. А. И. Хлудова, № 25 список драмы «Суд кающегося грешника перед Богом» доказывает факт ее написания и постановки в ростовской школе святителя Димитрия. Пьеса была создана как отдельная декламация и почти полностью соответствует 1–4 явлениям 2 действия «Успенской драмы» Димитрия Ростовского. В 1750-е годы, в период царствования Елизаветы Петровны, драма «Кающийся грешник» была, вероятно, дополнена новыми персонажами и новыми сценами при ее постановке в ярославском театре Ф. Г. Волкова, а также на сцене придворного театра императрицы, тем самым став новой сценической редакцией ранее существовавшей пьесы.

Ключевые слова: Димитрий Ростовский, театр, пьесы, декламация, источниковедение, атрибуция.

The existence of the play *The Penitent Sinner*, as well as its attribution to Dimitry of Rostov, have long been questioned. In the manuscript from the Russian State Library, col. A. I. Khludov, No. 25 we have discovered, among the works of the Metropolitan of Rostov, a copy of the drama *God's Judgment of the Penitent Sinner*. This fact proves that the play was indeed created by Dimitry of Rostov and performed at his Rostov school. The play was intended to be a separate declamation, and almost fully corresponds to Scenes 1–4 of the Second Act of Dimitry's *Dormition Drama*. In the 1750s, during the reign of Elizabeth I, when this play was performed at F. G. Volkov's Theater in Yaroslavl, *The Penitent Sinner* seems to have been supplemented with new characters and new scenes, thereby becoming a new stage edition of the previously existing play.

Key words: Dimitry of Rostov, theater, plays, declamation, source study, problems of attribution.

Список литературы

1. Вахрина В. И., Кочетов Д. Б. Иоаким // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 23.
2. [Всеволодский-Гернгросс В. Н.]. История русского драматического театра: В 7 т. М., 1977. Т. 1. От истоков до конца XVIII века.
3. Жигулин Е. В. Художественное своеобразие театра Димитрия Ростовского. Дис. ... канд. искусствоведения. М., 1995.
4. Клепиков С. А. Филигрani и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX века. М., 1959.
5. Николаев С. И. Из истории рязанского школьного театра 1720-х гг. // Традиция и литературный процесс. Новосибирск, 1999.
6. Ранняя русская драматургия (XVII — первая половина XVIII в.). М., 1972. Т. 2. Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. / Изд. подг. О. А. Державина, А. С. Демин, В. П. Гребенюк.
7. Софронова Л. А. Поэтика славянского театра XVII — первой половины XVIII вв.: Польша, Украина, Россия. М., 1981.

References

1. Klepikov S. A. Filigrani i shtempeli na bumage russkogo i inostrannogo proizvodstva XVII–XX veka. M., 1959.
2. Nikolaev S. I. Iz istorii riazanskogo shkol'nogo teatra 1720-kh gg. // Traditsiia i literaturnyi protsess. Novosibirsk, 1999.

3. Ranniaia russkaia dramaturgiia (XVII — pervaaia polovina XVIII v.). M., 1972. T. 2. Russkaia dramaturgiia poslednei chetverti XVII i nachala XVIII v. / Izd. podg. O. A. Derzhavina, A. S. Demin, V. P. Grebeniuk.
4. *Sofronova L. A.* Poetika slavianskogo teatra XVII — pervoi poloviny XVIII vv.: Pol'sha, Ukraina, Rossiia. M., 1981.
5. *Vakhrina V. I., Kochetov D. B.* Ioakim // Pravoslavnaia entsiklopediia. M., 2010. T. 23.
6. [Vsevolodskii-Gerngross V. N.]. Istoriia russkogo dramaticheskogo teatra: V 7 t. M., 1977. T. 1. Ot istokov do kontsa XVIII veka.
7. *Zhigulin E. V.* Khudozhestvennoe svoeobrazie teatra Dimitriia Rostovskogo. Dis. ... kand. iskusstvovedeniia. M., 1995.

Ксения Борисовна Егорова

доцент Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета

Kseniya Borisovna Egorova

Associate Professor, Institute of History, St. Petersburg State University

ORCID: 0000-0002-4050-6888

k.b.egorova@spbu.ru

ПЕРЕВОД И ПОДРАЖАНИЕ ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КУЛЬТУРЕ НАЧАЛА XIX ВЕКА

TRANSLATION AND IMITATION OF POLISH POETRY IN RUSSIAN LITERARY CULTURE OF THE EARLY 19TH CENTURY

В статье рассмотрены примеры литературного подражания польской поэзии (в творчестве Ф. М. Рындовского, О. М. Сомова, А. В. Склабовского), которые оказали влияние на формирование языка своей эпохи. Особняком в истории польско-русских литературных взаимосвязей стоит творчество К. Ф. Рылеева, создавшего новый для русской литературы жанр гражданской поэзии — русскую думу, сложившуюся как литературный жанр через подражание «Историческим песням» польского поэта Ю. У. Немцевича.

Ключевые слова: русская литература, художественный перевод, польская литература, сравнительное литературоведение, литературные жанры.

The article deals with literary imitations of Polish poetry (the works by F. M. Ryndovsky, O. M. Somov, A. V. Sklabovsky), that made an impact on the formation of the language of their times. The works by K. F. Ryleev stand apart in the history of the Polish-Russian literary relations; he had enriched the Russian literature with a new genre of civic poetry, the Russian *Duma*, which emerged as a literary genre through the imitation of the *Historical Songs* of the Polish poet Yu. U. Nemtsevich.

Key words: Russian literature, literary translation, Polish literature, comparative studies, genres in literature.

Список литературы

1. *Двойченко-Маркова Е. М.* Красицкий в ранних русских переводах и подражаниях // Польско-русские литературные связи. М., 1970.
2. *Егорова К. Б.* «Песнь о Богдане Хмельницком, освободителе Малороссии» Ореста Сомова и ее польский источник // Русская литература. 2016. № 4.
3. *Капиц В. В.* Опыт перевода и подражания Горациевых од / Изд. подг. А. О. Дёмин; отв. ред. С. И. Николаев. СПб., 2013 (сер. «Литературные памятники»).
4. *Кирибаум Г.* Жанровые империализмы. Спор о принадлежности дум // Новое литературное обозрение. 2017. № 2 (144).
5. *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи. СПб., 1996.
6. *Николаев С. И.* О нескольких польских стихотворениях в русских журналах 1819 года // Русская литература. 1992. № 2.

7. Николаев С. И. Рындовский Федор Михайлович // Русские писатели: 1800–1917. Биографический словарь. М., 2007. Т. 5.
8. Посохова Л. Ю. На перехресті культур, традицій, епох: православні колегіум України наприкінці XVII — на початку XIX ст. Харків, 2011.
9. Рылеев К. Ф. Думы / Изд. подг. Л. Г. Фризман. М., 1975 (сер. «Литературные памятники»).
10. Рылеев К. Ф. Соч. / Сост., вступ. статья и комм. С. А. Фомичева. М., 1987.
11. Berndt M. J. Niewcewicz und K. Ryleev. Berlin, 1961.
12. Czernobajew W. Ignacy Krasicki w literaturze rosyjskiej // Pamiętnik Literacki: czasopismo kwartalne poświęcone historii i krytyce literatury polskiej. 1936. T. 33. № 1/4.
13. Galster B. Twórczość Rylejewa na tle prądów epoki. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1962.
14. Kostkiewiczowa T. Model liryki sentymentalnej w twórczości Franciszka Karpińskiego. Wrocław, 1964.
15. Luźny R. Polsko-rosyjskie związki literackie w pierwszych dziesięcioleciach wieku XIX a tradycje Oświecenia // Spotkania literackie. Z dziejów powiązań polsko-rosyjskich w dobie romantyzmu i neoromantyzmu. Wrocław, 1973.
16. Mucha B. Polska i Polacy w życiu i twórczości Aleksandra Biestużewa-Marlińskiego // Prace historycznoliterackie. Kraków, 1974. Z. 29.
17. Oświeceni o literaturze. Wypowiedzi pisarzy polskich: 1740–1800 / Oprac.: T. Kostkiewiczowa i Z. Goliński. Warszawa, 1993.
18. Szczerbicka-Ślęk L. Duma staropolska. Z dziejów poezji melicznej. Wrocław, 1964.
19. Zgorzelski Cz. Duma poprzedniczka ballady. Toruń, 1949.
20. Ziłyński O. Dawna дума ukraińska i polska w świetle danych historycznych // Slavia Orientalis. 1973. № 4.

References

1. Berndt M. J. Niewcewicz und K. Ryleev. Berlin, 1961.
2. Czernobajew W. Ignacy Krasicki w literaturze rosyjskiej // Pamiętnik Literacki: czasopismo kwartalne poświęcone historii i krytyce literatury polskiej. 1936. T. 33. № 1/4.
3. Dvoichenko-Markova E. M. Krasitskii v rannikh russkikh perevodakh i podrazhaniakh // Pol'sko-russkie literaturnye svyazi. M., 1970.
4. Egorova K. B. «Pesn' o Bogdane Khmel'nitskom, osvoboditele Malorossii» Oresta Somova i ee pol'skii istochnik // Russkaia literatura. 2016. № 4.
5. Galster B. Twórczość Rylejewa na tle prądów epoki. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1962.
6. Kapnist V. V. Opyt perevoda i podrazhaniia Goratsievych od / Izd. podg. A. O. Dëmin; otv. red. S. I. Nikolaev. SPb., 2013 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
7. Kirshbaum G. Zhanrovye imperializmy. Spor o prinadlezhnosti dum // Novoe literaturnoe obozrenie. 2017. № 2 (144).
8. Kostkiewiczowa T. Model liryki sentymentalnej w twórczości Franciszka Karpińskiego. Wrocław, 1964.
9. Luźny R. Polsko-rosyjskie związki literackie w pierwszych dziesięcioleciach wieku XIX a tradycje Oświecenia // Spotkania literackie. Z dziejów powiązań polsko-rosyjskich w dobie romantyzmu i neoromantyzmu. Wrocław, 1973.
10. Mucha B. Polska i Polacy w życiu i twórczości Aleksandra Biestużewa-Marlińskiego // Prace historycznoliterackie. Kraków, 1974. Z. 29.
11. Nikolaev S. I. Literaturnaia kul'tura Petrovskoi epokhi. SPb., 1996.
12. Nikolaev S. I. O neskol'kikh pol'skikh stikhotvoreniakh v russkikh zhurnalakh 1819 goda // Russkaia literatura. 1992. № 2.
13. Nikolaev S. I. Ryndovskii Fedor Mikhailovich // Russkie pisateli: 1800–1917. Biograficheskii slovar'. M., 2007. T. 5.
14. Oświeceni o literaturze. Wypowiedzi pisarzy polskich: 1740–1800 / Oprac.: T. Kostkiewiczowa i Z. Goliński. Warszawa, 1993.
15. Posokhova L. Iu. Na perekhrestii kul'tur, traditsii, epokh: pravoslavni kolegium Ukraini naprikintsi XVII — na pochatku XIX st. Kharkiv, 2011.
16. Ryleev K. F. Dumy / Izd. podg. L. G. Frizman. M., 1975 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
17. Ryleev K. F. Soch. / Sost., vstup. stat'ia i komm. S. A. Fomicheva. M., 1987.
18. Szczerbicka-Ślęk L. Duma staropolska. Z dziejów poezji melicznej. Wrocław, 1964.
19. Zgorzelski Cz. Duma poprzedniczka ballady. Toruń, 1949.
20. Ziłyński O. Dawna дума ukraińska i polska w świetle danych historycznych // Slavia Orientalis. 1973. № 4.

Евгений Вячеславович Казарцев

профессор Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург);
старший научный сотрудник филологического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета

Evgeny Vyacheslavovich Kazartsev

Professor, National Research University *Higher School of Economics* (St. Petersburg);
Senior Scientific Researcher, Philological Faculty, St. Petersburg State University

ORCID: 0000-0002-8795-0302

kazar@list.ru

Екатерина Тимофеевна Наконечная

лаборант-исследователь филологического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета

Ekaterina Timofeevna Nakonechnaya

Assistant-Researcher, Philological Faculty, St. Petersburg State University

ORCID: 0000-0003-2010-2269

nakonechnaya.97@mail.ru

**ПРОСОДИЯ СТИХОПОДОБНЫХ ФРАГМЕНТОВ В ПРОЗЕ А. С. ПУШКИНА
(НА МАТЕРИАЛЕ СЛУЧАЙНЫХ 4-СТОПНЫХ ЯМБОВ)****PROSODY OF VERSE-LIKE FRAGMENTS IN A. S. PUSHKIN'S PROSE
(BASED ON RANDOM IAMBIC TETRAMETERS)**

В статье представлен анализ окказиональных ямбов в прозе А. С. Пушкина, описан их ритм на фоне стихотворной просодии и языковых моделей стихотворного метра. Делается вывод, что постоянное более или менее заметное отклонение от языкового ритма в сторону реального стиха в стихоподобных фрагментах прозы может указывать на влияние стихотворной просодии на прозу поэта.

Ключевые слова: проза, случайные ямбы, А. С. Пушкин.

The article provides an analysis of the occasional iambs in A. S. Pushkin's prose, describes their rhythm as related to the verse prosody and language models of verse meter. It is suggested that, in the prosaic verse-like fragments, a more or less noticeable regular deviation from the rhythm of the language towards full-fledged verse may point to the influence of the verse prosody on the poet's prose.

Key words: prose, random iambs, A. S. Pushkin.

Список литературы

1. *Казарцев Е. В.* Ритмика «случайных» четырехстопных ямбов в прозе поэта // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1998. № 1.
2. *Казарцев Е. В.* Введение в сравнительное стиховедение: методы и основы анализа. СПб., 2015.
3. *Казарцев Е. В.* Сравнительное стиховедение: метрика и ритмика = A comparative study of verse meter and rhythm. СПб., 2017.
4. *Колмогоров А. Н.* Труды по стиховедению / Ред.-сост. А. В. Прохоров. М., 2015.
5. *Колмогоров А. Н., Прохоров А. В.* Модель ритмического строения русской речи, приспособленная к изучению метрики классического русского стиха (введение) // Русское стихосложение. Традиции и проблемы развития. М., 1985.
6. *Красноперова М. А.* К вопросу о законе регрессивной акцентной диссимилиации и его причинах // Russian Literature. 1982. № 2.

7. *Krasnoperova M. A.* Основы сравнительного статистического анализа ритмики прозы и стиха: Учеб. пособие. СПб., 2004.
8. *Прохоров А. В.* О случайной версификации (к вопросу о теоретических и речевых моделях стихотворной речи) // Проблемы теории стиха. Л., 1984.
9. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1977–1979. Т. 4, 6.
10. *Тарановски К. Ф.* Руски дводелни ритмови. Београд, 1953.
11. *Холшевников В. Е.* Случайные четырехстопные ямбы в русской прозе // Русское стихосложение. Традиции и проблемы развития. М., 1985.
12. *Kazartsev E.* The Rhythmic Structure of The Tales of Belkin and the Peculiarities of a Poet's Prose // «A Convenient Territory». Russian Literature at the Edge of Modernity. Essays in Honor of Barry Scherr. Bloomington, Indiana, 2015.
13. *Liapin S.* Rhythmical Structure of Russian Iambic Tetrameter and its Evolution. Quantitative Approaches to Versification / Ed. R. Kolár, P. Plecháč, B. P. Scherr. Prague, 2019.

References

1. *Kazartsev E.* The Rhythmic Structure of The Tales of Belkin and the Peculiarities of a Poet's Prose // «A Convenient Territory». Russian Literature at the Edge of Modernity. Essays in Honor of Barry Scherr. Bloomington, Indiana, 2015.
2. *Kazartsev E. V.* Ritmika «sluchainykh» chetyrehstopynykh iambov v proze poeta // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 1998. № 1.
3. *Kazartsev E. V.* Sravnitel'noe stikhovedenie: metrika i ritmika = A comparative study of verse meter and rhythm. SPb., 2017.
4. *Kazartsev E. V.* Vvedenie v sravnitel'noe stikhovedenie: metody i osnovy analiza. SPb., 2015.
5. *Kholshchikov V. E.* Sluchainye chetyrehstopynye iamby v russkoi proze // Russkoe stikhoslozhenie. Traditsii i problemy razvitiia. M., 1985.
6. *Kolmogorov A. N.* Trudy po stikhovedeniiu / Red.-sost. A. V. Prokhorov. M., 2015.
7. *Kolmogorov A. N., Prokhorov A. V.* Model' ritmicheskogo stroeniia russkoi rechi, prispobleniia k izucheniiu metriki klassicheskogo russkogo stikha (vvedenie) // Russkoe stikhoslozhenie. Traditsii i problemy razvitiia. M., 1985.
8. *Krasnoperova M. A.* K voprosu o zakone regressivnoi aktsentnoi dissimiliatsii i ego prichinakh // Russian Literature. 1982. № 2.
9. *Krasnoperova M. A.* Osnovy sravnitel'nogo statisticheskogo analiza ritmiki prozy i stikha: Ucheb. posobie. SPb., 2004.
10. *Liapin S.* Rhythmical Structure of Russian Iambic Tetrameter and its Evolution. Quantitative Approaches to Versification / Ed. R. Kolár, P. Plecháč, B. P. Scherr. Prague, 2019.
11. *Prokhorov A. V.* O sluchainoi versifikatsii (k voprosu o teoreticheskikh i rechevykh modeliakh stikhotvornoj rechi) // Problemy teorii stikha. L., 1984.
12. *Pushkin A. S.* Poln. sobr. soch.: V 10 t. L., 1977–1979. Т. 4, 6.
13. *Taranovski K. F.* Ruski dvodelni ritmovi. Beograd, 1953.

Владимир Алексеевич Котельников

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Vladimir Alekseevich Kotel'nikov

Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-5135-6782

irliran@mail.ru

РОМАНИСТ ПЕРЕД ЗАКАТОМ ИМПЕРИИ (К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Б. М. МАРКЕВИЧА)

A NOVELIST FACING THE DECLINE OF THE EMPIRE
(HONORING THE 200TH ANNIVERSARY OF B. M. MARKEVICH)

В статье излагаются основные факты биографии Б. М. Маркевича в связи с его творчеством как романиста. Показано, что в романах «Четверть века назад», «Перелом», «Бездна» писатель широко использовал материал современной общественной жизни, свое знание внутренней политики правительства, близкое знакомство с представителями власти. Маркевич ясно видел масштабы и темпы социально-политических процессов, ведущих к разложению имперского организма, и показал эти процессы в глубоко драматизированном эпическом повествовании.

Ключевые слова: Б. М. Маркевич, романы, нигилизм, русское общество.

The article outlines the biography of B. M. Markevich as pertaining to his work as a novelist. It shows that in his novels *Chetvert' Veka Nazad*, *Perelom*, *Bezдна* the writer made ample use of the facts of contemporary public life, his knowledge of the internal governmental policy, his connections with the officials. Markevich clearly saw the scope and pace of the socio-political processes leading to the decomposition of the imperial organism, and presented these processes in a deeply dramatized epic narrative.

Key words: B. M. Markevich, novels, Nihilism, Russian society.

Список литературы

1. *Достоевский Ф. М.* Бесы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1974. Т. 10.
2. *Зубков К. Ю.* «Антинигилистический роман» как полемический конструкт радикальной критики // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2015. № 4.
3. *Леонтьев К. Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. / Глав. ред. В. А. Котельников; подг. текстов, комм. В. А. Котельникова, О. Л. Фетисенко. СПб., 2014. Т. 9; 12. Кн. 1.
4. *Толстой А. К.* Полн. собр. соч. и письма: В 5 т. / Глав. ред. В. А. Котельников; подг. текстов, комм. В. А. Котельникова. М., 2018. Т. 5.
5. *Феоктистов Е. М.* За кулисами политики и литературы (1848–1896). Воспоминания. М., 1991.

References

1. *Dostoevskii F. M.* Besy // Dostoevskii F. M. Poln. sobr. soch.: V 30 t. L., 1974. T. 10.
2. *Feoktistov E. M.* Za kulisami politiki i literatury (1848–1896). Vospominaniia. M., 1991.
3. *Leont'ev K. N.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 12 t. / Glav. red. V. A. Kotel'nikov; podg. tekstov, komm. V. A. Kotel'nikova, O. L. Fetisenko. SPb., 2014. T. 9; 12. Kn. 1.
4. *Tolstoi A. K.* Poln. sobr. soch. i pis'ma: V 5 t. / Glav. red. V. A. Kotel'nikov; podg. tekstov, komm. V. A. Kotel'nikova. M., 2018. T. 5.
5. *Zubkov K. Iu.* «Antinigilisticheskii roman» kak polemicheskii konstrukt radikal'noi kritiki // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya. 2015. № 4.

Екатерина Валентиновна Кузнецова

старший научный сотрудник
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Ekaterina Valentinovna Kuznetsova

Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-6045-2162

katkuz1@mail.ru

МЕТАФОРЫ ТВОРЧЕСТВА В ЛИРИКЕ З. Н. ГИППИУС

METAPHORS OF CREATIVITY IN THE LYRICS BY Z. N. GIPPIUS

Способы выражения в художественном тексте авторской субъектности женщин-писательниц — одна из интересных и все еще до конца не исследованных проблем в литературе русского модернизма. Поэзия З. Н. Гиппиус в этом плане наиболее показательна. Она дает богатый материал для осмысления конкретных приемов, к которым поэтесса прибегала для рефлексии над собственным творческим процессом в контексте узловых гендерных и философских идеологем

эпохи, стоявших за сложным процессом конструирования женского авторства. В статье рассмотрены такие метафоры творчества, как *прядение, шитье, плетение венка, молитва*. Смысловое наполнение данных метафор анализируется сквозь призму теории О. Вейнингера и собственных размышлений Гиппиус, отраженных в ее статье «Зверобог» (1908), а также на фоне слома всего гендерного порядка, который переживала русская культура на рубеже XIX–XX веков.

Ключевые слова: З. Н. Гиппиус, женская лирика, авторская субъектность, метафоры творчества, гендер.

The ways of expressing the authorial subjectivity of women writers in a literary text is one of the challenging and underexplored problems in the literature of Russian Modernism. The poetry of Z. N. Gippius seems to offer an instructive case study. It provides a plethora of material for understanding the specific techniques that the poetess resorted to in order to reflect on her own creative practices in the context of the nodal gender and philosophical ideologies of the era, that informed the complex process of constructing female authorship. The article deals with specific metaphors of creativity, such as *spinning, sewing, weaving a wreath, prayer*. The semantic content of these metaphors is analyzed through the prism of O. Weininger's theory and Gippius' own constructs, put forth in her article *Zverebog* (1908), as well as against the background of the collapse of the entire gender pattern that Russian culture had experienced at the turn of the 19–20th centuries.

Key words: Z. N. Gippius, female lyrics, authorial subjectivity, metaphors of creativity, gender.

Список литературы

1. Андрейчук К. Р. Гендер и сакральное: конструирование образа ведьмы Зинаидой Гиппиус // Новый филологический вестник. 2020. № 2 (53).
2. Анненский И. О современном лиризме // Критика русского символизма: [В 2 т.] / Авт.-сост. Н. А. Богомолов. М., 2002. Т. 2.
3. Ахматова А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1998. Т. 1. Стихотворения. 1904–1941.
4. Богомолов Н. А. Зинаида Гиппиус // Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов): В 2 кн. М., 2001. Кн. 1.
5. Бонецкая Н. Дух Серебряного века (феноменология эпохи). СПб., 2016.
6. Гиппиус З. Дневники: В 2 кн. / Вступ. статья и сост. А. Н. Николюкина. М., 1999. Кн. 1.
7. Гиппиус З. Стихотворения / Вступ. статья, сост., подг. текста и прим. А. В. Лаврова. СПб., 1999 (Новая Библиотека поэта).
8. Зусева-Озкан В. Б. «Мужская маска» женской поэзии: З. Н. Гиппиус и ее последовательницы // Studia Litterarum. 2022. Т. 7. № 1.
9. Калашников А. В. Новелла о Гризельде из «Декамерона» в русских переводах. К 700-летию со дня рождения Дж. Боккаччо // Мир русского слова. 2013. № 2.
10. Колтоновская Е. Женское (Вместо предисловия) // Колтоновская Е. Женские силуэты. Статьи и воспоминания (1910–1930). М., 2020.
11. Лавров А. В. З. Н. Гиппиус и ее поэтический дневник // Лавров А. В. Русские символы: этюды и разыскания. М., 2007.
12. Лыкова Ю. В. Вечные «женственность» и «женскость» в поэзии З. Гиппиус: гендерный аспект // Сибирский филологический журнал. 2010. № 2.
13. Матич О. Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siècle в России / Пер. Е. Островской. М., 2008.
14. Нартыев Н. Н. Декадентский извод в русской поэзии конца XIX — начала XX века (на материале творчества З. Гиппиус) (Статья вторая) // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 8. Литературоведение. Журналистика. 2014. № 1 (13).
15. Протопопова А. В., Протопопов И. А. Между Отго Вейнингером и В. В. Розановым: о конструировании феминности и маскулинности в творчестве Д. С. Мережковского // Studia Litterarum. 2021. Т. 6. № 3.
16. Протопопова А. В., Протопопов И. А. Проблема конструирования женского субъекта в творчестве З. Гиппиус в контексте гендерной теории Вейнингера // Вестник славянских культур. 2022. Т. 63.
17. Цуканов А. Л. Гризельда // Энциклопедия литературных героев / Ред. и сост. С. В. Стархорский. М., 1997.
18. Эконен К. Творец, субъект, женщина: Стратегии женского письма в русском символизме. М., 2011.
19. Forrester S. Wooing the Other Woman: Gender in Women's Love Poetry in the Silver Age // Engendering Slavic Literatures / Ed. by P. Chester and S. Forrester. Bloomington; Indianapolis, 1996.
20. Lanser S. S. Fictions of Authority: Women Writers and Narrative Voice. Ithaca; London, 1992.
21. Matich O. Androgyny and the Russian Silver Age // Pacific Coast Philology. 1979. Vol. 14. Oct.
22. Matich O. Zinaida Gippius and the Unisex of Heavenly Existence // Die Welt der Slaven. Wien, 1974–1975. Bd 19–20.

References

1. *Akhmatova A.* *Sobr. soch.:* V 6 t. M., 1998. T. 1. *Stikhotvoreniia. 1904–1941.*
2. *Andreichuk K. R.* Gender i sakral'noe: konstruirovaniie obraza ved'my Zinaidoi Gippius // *Novyi filologicheskii vestnik.* 2020. № 2 (53).
3. *Annenskii I.* O sovremennom lirizme // *Kritika russkogo simvolizma: [V 2 t.] / Avt.-sost. N. A. Bogomolov. M., 2002. T. 2.*
4. *Bogomolov N. A.* Zinaida Gippius // *Russkaia literatura rubezha vekov (1890-e — nachalo 1920-kh godov): V 2 kn. M., 2001. Kn. 1.*
5. *Bonetskaia N.* *Dukh Serebriianogo veka (fenomenologiiia epokhi).* SPb., 2016.
6. *Ekonen K.* *Tvoret's, sub'ekt, zhenshchina: Strategii zhenskogo pis'ma v russkom simvolizme.* M., 2011.
7. *Forrester S.* *Wooing the Other Woman: Gender in Women's Love Poetry in the Silver Age // Engendering Slavic Literatures / Ed. by P. Chester and S. Forrester. Bloomington; Indianapolis, 1996.*
8. *Gippius Z.* *Dnevnik:* V 2 kn. / *Vstup. stat'ia i sost. A. N. Nikoliukina. M., 1999. Kn. 1.*
9. *Gippius Z.* *Stikhotvoreniia / Vstup. stat'ia, sost., podg. teksta i prim. A. V. Lavrova. SPb., 1999 (Novaia Biblioteka poeta).*
10. *Kalashnikov A. V.* *Novella o Grizel'de iz «Dekameron» v russkikh perevodakh. K 700-letiiu so dnia rozhdeniia Dzh. Bokkacheho // Mir russkogo slova. 2013. № 2.*
11. *Koltonovskaia E.* *Zhenskoe (Vместo predislovia) // Koltonovskaia E. Zhenskii siluet. Stat'i i vospominaniia (1910–1930). M., 2020.*
12. *Lanser S. S.* *Fictions of Authority: Women Writers and Narrative Voice. Ithaca; London, 1992.*
13. *Lavrov A. V. Z. N. Gippius i ee poeticheskii dnevnik // Lavrov A. V. Russkie simvolisty: etiu-dy i razyskaniia. M., 2007.*
14. *Lykova Iu. V.* *Vechnye «zhenstvennost'» i «zhenskost'» v poezii Z. Gippius: gendernyi aspekt // Sibirskii filologicheskii zhurnal. 2010. № 2.*
15. *Matich O.* *Androgyny and the Russian Silver Age // Pacific Coast Philology. 1979. Vol. 14. Oct.*
16. *Matich O.* *Eroticheskaia utopiia: novoe religioznoe soznanie i fin de siècle v Rossii / Per. E. Ostrovskoi. M., 2008.*
17. *Matich O.* *Zinaida Gippius and the Unisex of Heavenly Existence // Die Welt der Slaven. Wien, 1974–1975. Bd 19–20.*
18. *Nartyev N. N.* *Dekadentskii izvod v russkoi poezii kontsa XIX — nachala XX veka (na materiale tvorchestva Z. Gippius) (Stat'ia vtoraiia) // Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Ser. 8. Literaturovedenie. Zhurnalistika. 2014. № 1 (13).*
19. *Protopopova A. V., Protopopov I. A.* *Mezhdru Otto Veiningenom i V. V. Rozanovym: o konstruirovaniiu femininnosti i maskulinnosti v tvorchestve D. S. Merezhkovskogo // Studia Litterarum. 2021. T. 6. № 3.*
20. *Protopopova A. V., Protopopov I. A.* *Problema konstruirovaniia zhenskogo sub'ekta v tvorchestve Z. Gippius v kontekste gendernoi teorii Veiningera // Vestnik slavianskikh kul'tur. 2022. T. 63.*
21. *Tsukanov A. L.* *Grizel'da // Entsiklopediia literaturnykh geroev / Red. i sost. S. V. Stakhorskii. M., 1997.*
22. *Zuseva-Ozkan V. B.* *«Muzhskaia maska» zhenskoi poezii: Z. N. Gippius i ee posledovatel'nitsy // Studia Litterarum. 2022. T. 7. № 1.*

Елена Ивановна Гончарова

старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Elena Ivanovna Goncharova

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-1441-7037

el-goncharova@yandex.ru

**«МИСТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ»: В. В. РОЗАНОВ И А. П. СУСЛОВА
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВНЫХ РАЗЫСКАНИЙ)**

**«A MYSTICAL TRAGEDY»: V. V. ROZANOV AND A. P. SUSLOVA
(BASED ON ARCHIVAL RESEARCH)**

Впервые публикуется полный текст письма В. В. Розанова к критику А. С. Глинке-Волжскому 1916 года. В нем писатель нарисовал портрет своей первой жены А. П. Суловой. Это «интимное» письмо ранее печаталось только фрагментарно. Анализируются также и другие архивные документы, касающиеся истории первого брака Розанова.

Ключевые слова: В. В. Розанов, А. П. Сулова, А. С. Глинка-Волжский, письмо, проблема пола.

The full text of V. V. Rozanov's 1916 letter to the critic A. S. Glinka-Volzshsky is published for the first time. The writer offers a portrait of his first wife A. P. Suslova. This «intimate» letter was previously published in fragments only. Other archival documents pertaining to the history of Rozanov's first marriage are also analyzed.

Key words: V. V. Rozanov, A. P. Suslova, A. S. Glinka-Volzshsky, correspondence, gender issues.

Список литературы

1. В. В. Розанов: pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология: В 2 кн. / Изд. подг. В. А. Фатеев. СПб., 1995. Кн. 1.
2. Воспоминания Татьяны Васильевны Розановой об отце — Василии Васильевиче Розанове и всей семье / Вступ. статья, публ. и прим. Л. А. Ильюниной и М. М. Павловой // Русская литература. 1989. № 3.
3. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972. Т. 3.
4. Дурылин С. Н. В своем углу. М., 2006.
5. Едошина И. А. Сулова Аполлиария Прокофьевна // Розановская энциклопедия / Глав. ред. А. Н. Николукин. М., 2008.
6. Ломоносов А. В. В. Розанов: ближние и дальние. Переписка В. В. Розанова. М., 2021.
7. Мифы народов мира: В 2 т. / Глав. ред. С. А. Токарев. М., 1988. Т. 2.
8. Резниченко А. И. «Жизнь и творчество Ф. М. Достоевского» А. С. Глинки-Волжского: из истории одного «несбывшегося события» // Ф. М. Достоевский и культура Серебряного века: трактовки, трансформации / Отв. ред. Е. А. Тахо-Годи. М., 2013.
9. Розанов В. В. В нашей смуте (Статьи 1908 г.). Письма к Э. Ф. Голлербаху. М., 2004 (Розанов В. В. Собр. соч. [Т. 17]).
10. Розанов В. В. Листва: Уединенное. Опавшие листья. М.; СПб., 2010 (Розанов В. В. Собр. соч. [Т. 30]).
11. Розанов В. В. Литературные изгнанники. М.; СПб., 2010. Кн. 2 (Розанов В. В. Собр. соч. [Т. 29]).
12. Розанов В. В. Мимолетное. 1915 год: Издание полного текста / Сост., подг. текста, статья и комм. А. В. Ломоносова. М., 2011.
13. Розанов В. В. О себе и жизни своей / Сост., предисловие, подг. текстов В. Г. Сукача. М., 1990.
14. Розанов В. В. Юдаизм. М.; СПб., 2009 (Розанов В. В. Собр. соч. [Т. 27]).
15. Розанова Т. Воспоминания об отце В. В. Розанове и обо всей семье // Новый журнал (Нью-Йорк). 1975. Кн. 121.
16. Сараскина Л. И. Возлюбленная Достоевского Аполлиария Сулова: биография в документах, письмах, материалах. М., 1994.
17. Сараскина Л. И. Сулова Аполлиария Прокофьевна // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. М.; СПб., 2019. Т. 6 / Глав. ред. Б. Ф. Егоров.
18. Сукач В. Г. Жизнь Василия Васильевича Розанова «как она есть» // Москва. 1992. № 1.
19. Сукач В. Г. Летопись жизни и творчества В. В. Розанова (1879–1887) // Энтелехия. 2004. № 9 (54).
20. Чулков Г. И. Жизнь Достоевского / Сост., вступ. статья, подг. текста, комм. О. А. Богдановой. М., 2015 (Источниковедение литературы XX века; вып. 1).

References

1. Chulkov G. I. Zhizn' Dostoevskogo / Sost., vstup. stat'ia, podg. teksta, komm. O. A. Bogdanovoi. M., 2015 (Istochnikovedenie literatury XX veka; vyp. 1).
2. Dostoevskii F. M. Poln. sobr. soch.: V 30 t. L., 1972. T. 3.
3. Durylin S. N. V svoem uglu. M., 2006.
4. Edoshina I. A. Suslova Apollinariia Prokof'evna // Rozanovskaia entsiklopediia / Glav. red. A. N. Nikoluiukin. M., 2008.
5. Lomonosov A. V. V. V. Rozanov: blizhnii i dal'nie. Perepiska V. V. Rozanova. M., 2021.
6. Mify narodov mira: V 2 t. / Glav. red. S. A. Tokarev. M., 1988. T. 2.
7. Reznichenko A. I. «Zhizn' i tvorchestvo F. M. Dostoevskogo» A. S. Glinki-Volzshskogo: iz istorii odnogo «nesbывshegosia sobytiia» // F. M. Dostoevskii i kul'tura Serebriianogo veka: traktovki, transformatsii / Отв. ред. Е. А. Тахо-Годи. М., 2013.
8. Rozanov V. V. Iudaizm. M.; SPb., 2009 (Rozanov V. V. Sobr. soch. [T. 27]).

9. *Rozanov V. V.* Listva: Uedinennoe. Opavshie list'ia. M.; SPb., 2010 (*Rozanov V. V.* Sobr. soch. [T. 30]).
10. *Rozanov V. V.* Literaturnye izgnanniki. M.; SPb., 2010. Kn. 2 (*Rozanov V. V.* Sobr. soch. [T. 29]).
11. *Rozanov V. V.* Mimoletnoe. 1915 god: Izdanie polnogo teksta / Sost., podg. teksta, stat'ia i komm. A. V. Lomonosova. M., 2011.
12. *Rozanov V. V.* O sebe i zhizni svoei / Sost., predislovie, podg. tekstov V. G. Sukacha. M., 1990.
13. *Rozanov V. V.* V nashei smute (Stat'i 1908 g.). Pis'ma k E. F. Gollerbakh. M., 2004 (*Rozanov V. V.* Sobr. soch. [T. 17]).
14. *Rozanova T.* Vospominaniia ob ottse V. V. Rozanove i obo vsei sem'e // Novyi zhurnal (N'iu-Iork). 1975. Kn. 121.
15. *Sarashina L. I.* Suslova Apollinariia Prokof'evna // Russkie pisateli 1800–1917. Biograficheskii slovar'. M.; SPb., 2019. T. 6 / Glav. red. B. F. Egorov.
16. *Sarashina L. I.* Vozliublennaia Dostoevskogo Apollinariia Suslova: biografiia v dokumentakh, pis'makh, materialakh. M., 1994.
17. *Sukach V. G.* Letopis' zhizni i tvorchestva V. V. Rozanova (1879–1887) // Entelekhii. 2004. № 9 (54).
18. *Sukach V. G.* Zhizn' Vasiliia Vasil'evicha Rozanova «kak ona est'» // Moskva. 1992. № 1.
19. V. V. Rozanov: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Vasiliia Rozanova v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei. Antologiya: V 2 kn. / Izd. podg. V. A. Fateev. SPb., 1995. Kn. 1.
20. Vospominaniia Tat'iany Vasil'evny Rozanovoi ob ottse — Vasiliu Vasil'eviche Rozanove i vsei sem'e / Vstup. stat'ia, publ. i prim. L. A. Il'iuninoi i M. M. Pavlovoi // Russkaia literatura. 1989. № 3.

Татьяна Владимировна Мисникевич

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Tatiana Vladimirovna Misnikevich

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-6430-2778

tamisnikevich@yandex.ru

«ЗАЧЕМ ТЫ ВНОВЬ МЕНЯ ТОМИШЬ, ВОСПОМИНАНЬЕ?..»: ПЕРЕВОД СТИХОТВОРЕНИЯ П. ВЕРЛЕНА «NEVERMORE» В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСКИХ ПОИСКОВ Ф. СОЛОГУБА

WHY ARE YOU TORMENTING ME WITH MEMORIES AGAIN?.. TRANSLATION OF P. VERLAINE'S POEM NEVERMORE IN THE CONTEXT OF F. SOLOGUB'S CREATIVE SEARCH

В статье рассмотрена специфика работы Ф. Сологуба над переводами из П. Верлена в 1890-е годы, а также влияние переводческой практики на его оригинальное творчество. На примере истории перевода стихотворения «Nevermore» (сборник «Poèmes Saturniens») показано, как Сологуб, в целом сохраняя ритмику, фонику, лексику и образный строй оригинала, вносит в него изменения в соответствии со своими эстетическими установками.

Ключевые слова: русский символизм, французский символизм, межкультурные связи, художественный перевод, Ф. Сологуб, П. Верлен.

The article examines the specifics of F. Sologub's work on his translations of the poems by P. Verlaine in the 1890s, as well as the influence of his translation practices on his original work. Using the translation of the poem *Nevermore* (collection *Poèmes Saturniens*) taken for the case study, it is shown how Sologub, while staying more or less true to the rhythm, phonics, vocabulary and imagery of the original, introduces certain changes in line with his aesthetic preferences.

Key words: Russian Symbolism, French Symbolism, intercultural relations, literary translation, F. Sologub, P. Verlaine.

Список литературы

1. *Багно В. Е.* Федор Сологуб — переводчик французских символистов // Багно В. Е. «Дар особенный»: Художественный перевод в истории русской культуры. М., 2016.
2. *Верлен П.* Стихотворения: В 2 т. / Изд. подг. Г. К. Косиков, В. Е. Багно, И. В. Булатовский. СПб., 2014. Т. 1 (сер. «Литературные памятники»).
3. *Волошин М.* Лирика творчества. Л., 1988 (сер. «Литературные памятники»).
4. *Мисникевич Т. В.* Лирика Федора Сологуба 1890-х годов: источники текста // Сологуб Ф. Полн. собр. стихотворений и поэм: В 3 т. СПб., 2014. Т. 2. Кн. 1. Стихотворения и поэмы 1893–1899 / Изд. подг. Т. В. Мисникевич (сер. «Литературные памятники»).
5. *Павлова М.* Писатель-Инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников. М., 2007.
6. *Сологуб Ф.* Письма к Л. Я. Гуревич и А. Л. Волынскому / Публ. И. Г. Ямпольского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 год. Л., 1974.
7. *Стрельникова А. Б., Филочева В. В.* Библиография художественных переводов, выполненных Ф. Сологубом. Неизданные и несобранные поэтические переводы // Федор Сологуб: Разыскания и материалы / Под ред. М. М. Павловой. М., 2016.
8. *Стрельникова А. Б.* Ф. Сологуб — переводчик поэзии П. Верлена. Томск, 2010.
9. *Шаталина Н. Н.* Библиотека Ф. Сологуба (Материалы к описанию) // Неизданный Федор Сологуб / Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997.

References

1. *Bagno V. E.* Fedor Sologub — perevodchik frantsuzskikh simbolistov // Bagno V. E. «Dar osobennyy»: Khudozhestvennyi perevod v istorii russkoi kul'tury. M., 2016.
2. *Misnikovich T. V.* Lirika Fedora Sologuba 1890-kh godov: istochniki teksta // Sologub F. Poln. sobr. stikhotvoreniia i poem: V 3 t. SPb., 2014. T. 2. Kn. 1. Stikhotvoreniia i poemy 1893–1899 / Izd. podg. T. V. Misnikovich (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
3. *Pavlova M.* Pisatel'-Inspektor: Fedor Sologub i F. K. Teternikov. M., 2007.
4. *Shatalina N. N.* Biblioteka F. Sologuba (Materialy k opisaniiu) // Neizdannyi Fedor Sologub / Pod red. M. M. Pavlovoi i A. V. Lavrova. M., 1997.
5. *Sologub F.* Pis'ma k L. Ia. Gurevich i A. L. Volynskomu / Publ. I. G. Iampol'skogo // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1972 god. L., 1974.
6. *Strel'nikova A. B.* F. Sologub — perevodchik poezii P. Verlena. Tomsk, 2010.
7. *Strel'nikova A. B., Filicheva V. V.* Bibliografiia khudozhestvennykh perevodov, vypolnennykh F. Sologubom. Neizdannyye i nesobrannyye poeticheskie perevody // Fedor Sologub: Razyskaniia i materialy / Pod red. M. M. Pavlovoi. M., 2016.
8. *Verlen P.* Stikhotvoreniia: V 2 t. / Izd. podg. G. K. Kosikov, V. E. Bagno, I. V. Bulatovskii. SPb., 2014. T. 1 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
9. *Voloshin M.* Liki tvorchestva. L., 1988 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).

Маргарита Михайловна Павлова

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Margarita Mikhailovna Pavlova

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-0500-6113

mmpavlova@gmail.com

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ А. Н. ГИППИУС:
ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЭМИГРАЦИИ (1920–1924)
СТАТЬЯ 1

ADDENDA TO THE BIOGRAPHY OF A. N. GIPPIUS:
EARLY YEARS OF EMIGRATION (1920–1924)
ARTICLE 1

В статье на основе архивных материалов прослеживается путь А. Н. Гиппиус в годы эмиграции (1920–1942); освещается ее переписка с З. Н. Гиппиус по вопросам отношения к Православной церкви и Русской зарубежной церкви (РПЦЗ), участие в работе религиозно-философских кружков в Константинополе (1921) и Белграде (1921–1924), а также в РСХД. В приложении публикуется доклад «Интеллигенция, национальное чувство и Церковь», прочитанный А. Н. Гиппиус на заседании константинопольского кружка.

Ключевые слова: А. Н. Гиппиус, биография, эмиграция, РСХД.

Using the archival data, the article traces the path of A. N. Gippius during the years of emigration (1920–1942), her correspondence with Z. N. Gippius concerning the Orthodox Church and the Russian Church Abroad (ROCORA), her involvement in the work of religious and philosophical groups in Constantinople (1921) and Belgrade (1921–1924), as well as in the RSCM (Russian Student Christian Movement). The Appendix contains her speech *Intelligentsia, National Sentiments and the Church*, delivered at a meeting of the Constantinople Circle.

Key words: A. N. Gippius, biography, emigration, RSCM.

Список литературы

1. *Белавская А. П.* Воспоминания о Т. Н. и Н. Н. Гиппиус / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год. СПб., 2012.
2. *Боглачев С. В., Савенко С. Н.* Архитектура старого Кисловодска. Пятигорск, 2006.
3. Болшево: Литературный историко-краеведческий альманах. М., 1992. № 2 / Сост., подг. текста О. Ждановой, М. Фейнберг.
4. *Вострышев М. И.* Патриарх Тихон. 3-е изд. М., 2004.
5. *Гиппиус З. Н.* Своими путями (о Е. М. Лопатиной) // Гиппиус З. Н. Неизвестная проза: В 3 т. / Сост., вступ. статья, комм. А. Н. Николюкина. М., 2003. Т. 3.
6. *Гиппиус З.* Письма к Берберовой и Ходасевичу / Ed. by E. Freiburger-Sheikholeslami. Ann Arbor: Ardis, 1978.
7. *Гроссман Джоан Д.* Иван Коневской, «мудрое дитя» русского символизма. СПб., 2014.
8. *Девнятина Т. М. И. А.* Бунин и Е. М. Лопатина (по материалам Рукописного отдела Пушкинского Дома и Русского архива в Лидсе) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018–2019 годы. СПб., 2019.
9. «Дело А. А. Мейера» / Публ., подг. текста, вступ. заметка и прим. И. Флиге и А. Даниэля // Звезда. 2006. № 11.
10. *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни: [Воспоминания, изложенные по его рассказам Т. Манухиной]. М., 1994.
11. Жизнь и житие священника Димитрия Клепинина. 1904–1944 / Сост. Т. В. Викторова, Н. А. Струве. М., 2004.
12. *Зеньковский В. В.* Из моей жизни: Воспоминания / Сост., подг. текста, вступ. статья и прим. О. Т. Ермишина. М., 2014.
13. *Зернов Н. М.* За рубежом: Белград — Париж — Оксфорд (Хроника семьи Зерновых) / Под ред. Н. М. и М. В. Зерновых. Paris: YMCA-Press, 1973.
14. *Зернов Н. М.* Россия в Париже // Зернов Н. М. Закатные годы. Эпизод хроника семьи Зерновых. Paris: YMCA-Press, 1981.
15. *Злобин В. А.* Тяжелая душа: Литературный дневник. Воспоминания. Статьи. Стихотворения / Сост. и прим. Т. Ф. Прокопова. М., 2004.
16. *Иванов А. А.* Пламенный реакционер: Владимир Митрофанович Пуришкевич (1870–1920). СПб., 2020.
17. *Ильюнина Л. А.* Жертва Вечерняя. СПб., 2013.
18. Истории «новой» христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: из «дневников» Т. Н. Гиппиус 1906–1908 годов / Вступ. статья, подг. текста и прим. М. М. Павловой // Эротизм без берегов. М., 2004.
19. *Ковалев Б. Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. М., 2004.
20. *Козьменко М. В.* Полузабытый «Голос жизни» — «пораженческий» еженедельник // Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика. Исследования и материалы. М., 2013.
21. *Коневской И.* Стихотворения и поэмы / Вступ. статья, сост., подг. текста и прим. А. В. Лаврова. СПб.; М., 2008 (Новая Библиотека поэта).
22. *Ливак Л.* Ранний период русской эмиграции. По материалам собрания Софии и Эжена Пети // A Century's Perspective. Essays on Russian Literature in Honor of Olga Raevsky Hughes and Robert P. Hughes / Ed. by L. Fleishman, H. McLean. Stanford, 2006 (Stanford Slavic Studies; vol. 32).
23. *Логдачева Н. В.* Скульптурные работы Натальи Гиппиус и Анны Курдюковой (к изучению творческих биографий начала XX века) // Страницы истории отечественного искусства. СПб., 2016. Вып. 27.
24. *Мантейфель С.* Воспоминания о Татьяне Николаевне и Наталье Николаевне Гиппиус // Мантейфель С. Бегство из погребли. Воспоминания, стихи. Великий Новгород, 2010.
25. Материалы к жизнеописанию о. Дмитрия Клепинина // Вестник РХД. 2004. Т. 187. № 1.

26. *Мережковский Д. С.* Царство Антихриста. Статьи периода эмиграции / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. СПб., 2002.
27. *Мордерер В. Я.* Блок и Иван Конеvской // Лит. наследство. 1987. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 4.
28. *Павлова М. М.* «Вижу отсюда: буча из-за войны разгорается...». Из писем Т. Н. Гиппиус к З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковскому и Д. В. Философову. Апрель–август 1917 г. // Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика. Исследования и материалы. М., 2013.
29. *Павлова М. М.* К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т. Н. Гиппиус). Статья 1 // Русская литература. 2017. № 3.
30. *Павлова М. М.* Материалы к творческой биографии Т. Н. Гиппиус (По «дневникам» художницы 1906–1908 гг.). Статья 1 // Литературный факт. 2019. № 14.
31. *Пахмусс Т.* Из архива Зинаиды Николаевны Гиппиус. Письма к Е. М. Лопатиной и О. Л. Еремеевой // Вестник РХД. 1980. № 132; 1981. № 133.
32. Письма З. Н. Гиппиус к сестре Анне // Пахмусс Т. Страницы из прошлого: Из переписки Зинаиды Гиппиус. Frankfurt a/M., 2003.
33. Политические партии России: история и современность. М., 2000.
34. Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2001–2008. Т. 2, 17.
35. Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). История в материалах и документах: В 3 т. М., 2009. Т. 3.
36. Русское зарубежье во Франции. 1919–2000. Биографический словарь: В 3 т. / Под общ. ред. Л. Мнухина. М., 2010. Т. 2.
37. *Серков А. И.* Русское масонство 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001.
38. Слово митрополита Евлогия на собрании памяти о. Дмитрия Клепинина // Вестник РХД. 1993. № 168.
39. *Соболев А. Л.* Четвертая сестра // Соболев А. Л. Тургенев и тигры: Из архивных разысканий о русской литературе первой половины XX века. М., 2017.
40. *Филлипов Б.* Всплывшее в памяти. Рассказы. Очерки. Воспоминания. London, 1990.
41. Hippius's Letters to A. N. Hippius // Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippius / Comp. by T. Pachmuss. München: Wilhelm Fink Verlag, 1972.

References

1. *Belavskaja A. P.* Vospominaniia o T. N. i N. N. Gippius / Publ. M. M. Pavlovoi // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2011 god. SPb., 2012.
2. *Boglachev S. V., Savenko S. N.* Arkhitektura starogo Kislovodska. Piatigorsk, 2006.
3. Bolshevo: Literaturnyi istoriko-kraevedcheskii al'manakh. M., 1992. № 2 / Sost., podg. teksta O. Zhdanovoi, M. Feinberg.
4. «Delo A. A. Meiera» / Publ., podg. teksta, vstup. zametka i prim. I. Flige i A. Daniela // Zvezda. 2006. № 11.
5. *Dviniatina T. M. I. A. Bunin i E. M. Lopatina* (po materialam Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma i Russkogo arkhiva v Lidse) // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2018–2019 gody. SPb., 2019.
6. *Evlogii (Georgievskii), mitr.* Put' moei zhizni: [Vospominaniia, izlozhennye po ego rasskazam T. Manukhinoi]. M., 1994.
7. *Filippov B.* Vsplyvshee v pamiati. Rassказы. Oчерки. Vospominaniia. London, 1990.
8. *Gippius Z. N.* Svoimi putiami (o E. M. Lopatinoi) // Gippius Z. N. Neizvestnaia proza: V 3 t. / Sost., vstup. stat'ia, komm. A. N. Nikoliukina. M., 2003. T. 3.
9. *Gippius Z.* Pis'ma k Berberovoi i Khodasevichu / Ed. by E. Freiberger-Sheikholeslami. Ann Arbor: Ardis, 1978.
10. *Grossman Dzhoan D.* Ivan Konevskoi, «mudroe ditia» russkogo simbolizma. SPb., 2014.
11. Hippius's Letters to A. N. Hippius // Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippius / Comp. by T. Pachmuss. München: Wilhelm Fink Verlag, 1972.
12. *I'uinina L. A.* Zhertva Vecherniia. SPb., 2013.
13. Istorii «novoi» khristianskoi liubvi. Eroticheskii kspерiment Merezhkovskikh v svete «Glavnogo»: iz «dnevnikov» T. N. Gippius 1906–1908 godov / Vstup. stat'ia, podg. teksta i prim. M. M. Pavlovoi // Erotizm bez beregov. M., 2004.
14. *Ivanov A. A.* Plamennyi reaktционер: Vladimir Mitrofanovich Purishkevich (1870–1920). SPb., 2020.
15. *Konevskoi I.* Stikhotvoreniia i poemy / Vstup. stat'ia, sost., podg. teksta i prim. A. V. Lavrova. SPb.; M., 2008 (Novaia Biblioteka poeta).
16. *Kovalev B. N.* Natsistskaia okkupatsiia i kollaboratsionizm v Rossii. 1941–1944. M., 2004.
17. *Koz'menko M. V.* Poluzabytyi «Goloz zhizni» — «porazhencheskii» ezhenedel'nik // Russkaia publitsistika i periodika epokhi Pervoi mirovoi voiny: politika i poetika. Issledovaniia i materialy. M., 2013.
18. *Livak L.* Ranni period russkoi emigratsii. Po materialam sobraniia Sofii i Ezhena Pети // A Century's Perspective. Essays on Russian Literature in Honor of Olga Raevsky Hughes and

Robert P. Hughes / Ed. by L. Fleishman, H. McLean. Stanford, 2006 (Stanford Slavic Studies; vol. 32).

19. *Logdacheva N. V.* Skul'pturnye raboty Natal'i Gippius i Anny Kurdiukovoi (k izucheniiu tvorcheskikh biografii nachala XX veka) // Stranitsy istorii otechestvennogo iskusstva. SPb., 2016. Vyp. 27.

20. *Manteifel' S.* Vospominaniia o Tat'iane Nikolaevne i Natal'e Nikolaevne Gippius // Manteifel' S. Begstvo iz pogibeli. Vospominaniia, stikhi. Velikii Novgorod, 2010.

21. Materialy k zhizneopisaniiu o Dmitriia Klepinina // Vestnik RKhD. 2004. T. 187. № 1.

22. *Merezhkovskii D. S.* Tsarstvo Antikhrista. Stat'i perioda emigratsii / Pod obshch. red. A. N. Nikoliukina. SPb., 2002.

23. *Morderer V. Ia.* Blok i Ivan Konevskoi // Lit. nasledstvo. 1987. T. 92. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia: V 5 kn. Kn. 4.

24. *Pakhmuss T.* Iz arkhiva Zinaidy Nikolaevny Gippius. Pis'ma k E. M. Lopatinoi i O. L. Eremeevoi // Vestnik RKhD. 1980. № 132; 1981. № 133.

25. *Pavlova M. M.* «Vizhu otsiuda: bucha iz-za voiny razgoraetsia...». Iz pisem T. N. Gippius k Z. N. Gippius, D. S. Merezhkovskomu i D. V. Filosofov. Aprel'–avgust 1917 g. // Russkaia publitsistika i periodika epokhi Pervoi mirovoi voiny: politika i poetika. Issledovaniia i materialy. M., 2013.

26. *Pavlova M. M.* K istorii neokhristianskoi kommuny Merezhkovskikh (na materiale «dnevnikov» T. N. Gippius). Stat'ia 1 // Russkaia literatura. 2017. № 3.

27. *Pavlova M. M.* Materialy k tvorcheskoi biografii T. N. Gippius (Po «dnevnikom» khudozhnitsy 1906–1908 gg.). Stat'ia 1 // Literaturnyi fakt. 2019. № 14.

28. Pis'ma Z. N. Gippius k sestre Anne // Pakhmuss T. Stranitsy iz proshlogo: Iz perepiski Zinaidy Gippius. Frankfurt a/M., 2003.

29. Politicheskie partii Rossii: istoriia i sovremennost'. M., 2000.

30. Pravoslavnaia entsiklopediia / Pod red. Patriarkha Moskovskogo i vseia Rusi Aleksii II. M., 2001–2008. T. 2, 17.

31. Religiozno-filosofskoe obshchestvo v Sankt-Peterburge (Petrograde). Istoriia v materialakh i dokumentakh: V 3 t. M., 2009. T. 3.

32. Russkoe zarubezh'e vo Frantsii. 1919–2000. Biograficheskii slovar': V 3 t. / Pod obshch. red. L. Mnukhina. M., 2010. T. 2.

33. *Serkov A. I.* Russkoe masonstvo 1731–2000. Entsiklopedicheskii slovar'. M., 2001.

34. Slovo mitropolita Evlogiia na sobranii pamiati o Dimitriia Klepinina // Vestnik RKhD. 1993. № 168.

35. *Sobolev A. L.* Chetvertaia sestra // Sobolev A. L. Turgenev i tigry: Iz arkhivnykh razyskaniia o russkoi literature pervoi poloviny XX veka. M., 2017.

36. *Vostryshev M. I.* Patriarkh Tikhon. 3-e izd. M., 2004.

37. *Zen'kovskii V. V.* Iz moei zhizni: Vospominaniia / Sost., podg. teksta, vstup. stat'ia i prim. O. T. Ermishina. M., 2014.

38. *Zernov N. M.* Rossiia v Parizhe // Zernov N. M. Zakatnye gody. Epilog khroniki sem'i Zernovykh. Paris: YMCA-Press, 1981.

39. *Zernov N. M.* Za rubezhom: Belgrad — Parizh — Oksford (Khronika sem'i Zernovykh) / Pod red. N. M. i M. V. Zernovykh. Paris: YMCA-Press, 1973.

40. Zhizn' i zhitie svyashchennika Dimitriia Klepinina. 1904–1944 / Sost. T. V. Viktorova, N. A. Struve. M., 2004.

41. *Zlobin V. A.* Tiazhelaia dusha: Literaturnyi dnevnik. Vospominaniia. Stat'i. Stikhotvoreniia / Sost. i prim. T. F. Prokopova. M., 2004.

Сергей Анатольевич Батюто

независимый исследователь

Sergey Anatolyevich Batyuto

Independent Researcher

sbatjuto@yandex.ru

КТО ЖЕ АВТОР СТАТЬИ

«О ПУБЛИЦИСТАХ-ПОПУЛЯРИЗАТОРАХ И О ЕСТЕСТВОЗНАНИИ»?

(К ИСТОРИИ ОДНОЙ НАУЧНОЙ ПОЛЕМИКИ)

WHO AUTHORED THE ARTICLE

ON THE POPULARIZER TYPE OF JOURNALISTS AND ON NATURAL SCIENCES?

(CONCERNING THE HISTORY OF A SCIENTIFIC CONTROVERSY)

В публикуемом «Ответе Ф. И. Витязеву» Ив. Книжника-Ветрова П. Л. Лаврову атрибутируется статья «О публицистах-популяризаторах и о естествознании», впервые увидевшая свет под псевдонимом Ал. Угрюмов в журнале «Современник» (1865. № 9).

Ключевые слова: РНБ АДП, И. С. Книжник-Ветров, «Ответ Ф. И. Витязеву», П. Л. Лавров, «О публицистах-популяризаторах и о естествознании», «Современник», Ф. И. Седенко-Витязев.

This article deals primarily with the authorship of the article entitled *On the Popularizer Type of Journalists and on Natural Sciences* («*O publitsistakh-populiarizatorakh i o estestvoznanii*»), published for the first time in *Sovremennik* (1865. № 9) under the penname Al. Ugriumov. While I. Knizhnik-Vetrov names P. L. Lavrov as the author (see *Reply to F. I. Vityazev*), Vityazev argues that it was penned by A. Zhuk. Knizhnik, however, turned out to be right.

Key words: RNL Plekhanov's House Archive, I. S. Knizhnik-Vetrov, P. L. Lavrov, *Reply to F. I. Vityazev*, *On the Popularizer Type of Journalists and on Natural Sciences*, authorship.

Список литературы

1. Батиото С. А. «Анонимная» рецензия в «Литературной газете» // Вопросы литературы. 2018. № 3.
2. Боград В. Журнал «Современник». 1847–1866: Указатель содержания. М.; Л., 1959.
3. Кулешов В. И. История русской критики XVIII–XIX веков. М., 1972.
4. Лавров П. Л. О публицистах-популяризаторах и о естествознании // Лавров П. Л. Соч. Барнаул, 2017. Т. 6 / Под ред. В. Я. Баркалова; сост. В. Я. Баркалов; подг. текста В. Я. Баркалова при участии К. С. Никулина.
5. Лит. наследство. 1955. Т. 62. Герцен и Огарев. II.
6. Масанов Ю. И. «Современник». 1847–1866: Хронологический указатель анонимных и псевдонимных текстов с раскрытием авторства / Прим. С. А. Макашина // Лит. наследство. 1949. Т. 53–54. Н. А. Некрасов. III.
7. Неизданное письмо П. Л. Лаврова к Г. В. Плеханову о Н. Г. Чернышевском / Предисловие и прим. Ив. Книжника-Ветрова // Лит. наследство. 1933. Т. 7–8.
8. П. Л. Лавров. Библиографический указатель / Отв. ред. Б. С. Итенберг; сост. Е. К. Сивкова. М., 1987.

References

1. Batiuto S. A. «Anonimnaia» retsenziia v «Literaturnoi gazete» // Voprosy literatury. 2018. № 3.
2. Bograd V. Zhurnal «Sovremennik». 1847–1866: Ukazatel' soderzhaniia. M.; L., 1959.
3. Kuleshov V. I. Istoriia russkoi kritiki XVIII–XIX vekov. M., 1972.
4. Lavrov P. L. O publitsistakh-populiarizatorakh i o estestvoznanii // Lavrov P. L. Soch. Barnaul, 2017. T. 6 / Pod red. V. Ia. Barkalova; sost. V. Ia. Barkalov; podg. teksta V. Ia. Barkalova pri uchastii K. S. Nikulina.
5. Lit. nasledstvo. 1955. T. 62. Gertsen i Ogarev. II.
6. Masanov Yu. I. «Sovremennik». 1847–1866: Khronologicheskii ukazatel' anonimnykh i psevdonimnykh tekstov s raskrytiem avtorstva / Prim. S. A. Makashina // Lit. nasledstvo. 1949. T. 53–54. N. A. Nekrasov. III.
7. Neizdannoe pis'mo P. L. Lavrova k G. V. Plekhanovu o N. G. Chernyshevskom / Predislovie i prim. Iv. Knizhnika-Vetrova // Lit. nasledstvo. 1933. T. 7–8.
8. P. L. Lavrov. Bibliograficheskii ukazatel' / Otv. red. B. S. Itenberg; sost. E. K. Sivkova. M., 1987.

Анна Сергеевна Урюпина

хранитель музейных предметов

Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля (ГМИРЛИ)

Anna Sergeevna Uryupina

Curator of Museum Objects,

Vladimir Dahl State Museum of the History of Russian Literature (GMIRLI)

ORCID: 0000-0001-9247-1544

urana1409@gmail.com

А. М. РЕМИЗОВ. «ФИГЛИ-МИГЛИ». «ГОРОСКОП»**A. M. REMIZOV. «FIGLI-MIGLI». «HOROSCOPE»**

В статье впервые вводятся в научный оборот рассказы А. М. Ремизова «Гороскоп» и «Фигли-мигли», являющиеся существенным дополнением к книге «Мышкина дудочка» и ныне хранящиеся в составе фонда писателя в Государственном музее истории российской литературы имени В. И. Даля (ГМИРЛИ).

Ключевые слова: А. М. Ремизов, русский авангард, первая волна русской эмиграции, «Фигли-мигли», «Гороскоп».

The article introduces the academic community to A. M. Remizov's short stories «Figli-Migli» and «Horoscope», a significant addition to the book *Myshkina Dudochka*, presently stored as part of the writer's collection at the Vladimir Dahl State Museum of the History of Russian Literature (GMIRLI).

Key words: A. M. Remizov, Russian avant-garde, the first wave of Russian emigration, «Figli-Migli», «Horoscope».

Список литературы

1. *Грачева А. М.* Басни, кощуну и миракли русской культуры («Мышкина дудочка» и «Петербургский буерак» Алексея Ремизова) // Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2003. Т. 10. Петербургский буерак.
2. *Резникова Н.* Огненная память. Воспоминания об Алексее Ремизове. СПб., 2013.
3. *Ремизов А. М.* Дневник мыслей. СПб., 2013. Т. 1. Май 1943 — январь 1946.
4. *Ремизов А. М.* Мышкина дудочка // Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2003. Т. 10. Петербургский буерак.

References

1. *Gracheva A. M.* Basni, koshchuny i mirakli russkoj kul'tury («Myshkina dudochka» i «Peterburgskii buerak» Alekseia Remizova) // Remizov A. M. Sobr. soch. M., 2003. T. 10. Peterburgskii buerak.
2. *Remizov A. M.* Dnevnik myslei. SPb., 2013. T. 1. Mai 1943 — ianvar' 1946.
3. *Remizov A. M.* Myshkina dudochka // Remizov A. M. Sobr. soch. M., 2003. T. 10. Peterburgskii buerak.
4. *Reznikova N.* Ognennaia pamiat'. Vospominaniia ob Aleksee Remizove. SPb., 2013.

Владислава Леонидовна Гайдук

ведущий специалист ГМИИ им. А. С. Пушкина

Vladislava Leonidovna Gayduk

Leading Expert, Pushkin State Museum of Fine Arts

ORCID: 0000-0002-1131-5732

bastetm9u@gmail.com

Б. М. ЭЙХЕНБАУМ. ДНЕВНИК 1959 ГОДА

B. M. EIKHENBAUM. 1959 JOURNAL ENTRIES

В статье впервые публикуется фрагмент дневника Б. М. Эйхенбаума за 1959 год. В предлагаемом отрывке ученый подробно пишет о работе над статьями и монографиями, посвященными творчеству М. Ю. Лермонтова и Л. Н. Толстого.

Ключевые слова: Б. М. Эйхенбаум, дневник, русский формализм, источники личного происхождения, текстология, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой.

This is the first publication of the fragment of Boris Eikhenbaum's journal. In this fragment, Eikhenbaum describes his work on the articles and monographs that deal with the heritage of M. Yu. Lermontov and L. N. Tolstoy.

Key words: В. М. Eikhenbaum, journal, Russian Formalism, textual criticism, М. Yu. Lermontov, L. N. Tolstoy.

Список литературы

1. *Аджубей А., Грибачев Н., Жуков Г. и др.* Лицом к лицу с Америкой. М., 1959.
2. Библиотека поэта. Аннотированный библиографический указатель. 1933–1986. М., 1987.
3. *Дружинин П. А.* Идеология и филология: В 2 т. М., 2012. Т. 2.
4. *Жоффр Ф. де.* Нормандия — Неман: Воспоминания летчика / Пер. с фр. Г. П. Загrevско-го. М., 1982.
5. *Ивашкин А.* Первый виолончельный концерт Д. Д. Шостаковича // Шостакович Д. Д. Новое собр. соч. [Ноты]: В 150 т. М., 2011. Сер. 3. Симфонии. Т. 47.
6. *Каверин В.* Эпизод. М., 1997.
7. *Кертис Дж.* Борис Эйхенбаум: его семья, страна и русская литература / Пер. с англ. Д. Баскина. СПб., 2004.
8. *Лермонтов М. Ю.* Избр. произведения: В 2 т. / Сост. и подг. текста Б. М. Эйхенбаума; вступ. статья П. Г. Антокольского; прим. Э. Э. Найдича. М.; Л., 1964 (Библиотека поэта. Большая сер.).
9. *Лермонтов М. Ю.* Полн. собр. соч.: В 4 т. / Под ред. Б. М. Эйхенбаума. М.; Л., 1947–1948.
10. Лит. наследство. 1950. Т. 56. В. Г. Белинский. П.
11. Переписка Ю. Г. Оксмана и Н. К. Гудзия (1930–1965) / Вступ. статья, подг. текста и комм. М. А. Фролова // Русская литература. 2021. № 1.
12. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1950. Т. 9. Кн. 1.
13. Работа над Толстым. Б. М. Эйхенбаум: Из дневников 1926–1959 гг. / Публ. С. А. Митрохиной // Контекст-1981. М., 1982.
14. Страницы дневника: материалы к биографии Б. М. Эйхенбаума. Дневник 1923–1924 гг. / Предисловие, публ. и прим. А. С. Крюкова // Филологические записки. Воронеж, 1997. Вып. 8; 1998. Вып. 10; Вып. 11.
15. *Таратута Е. А.* Книга воспоминаний. М., 2001. Ч. 2.
16. *Твардовский А. Т.* Дневник: 1950–1959 / Подг. текста, предисловие, комм., указатель имен В. А. и О. А. Твардовских. М., 2013.
17. *Чуковская Л. К.* Прочерк. М., 2013.
18. *Чуковский К. И.* Дневник: В 3 т. / Сост., подг. текста и комм. Е. Ц. Чуковской. М., 2011. Т. 3. 1936–1969.
19. *Эйхенбаум Б. М.* «Герой нашего времени» // История русского романа: В 2 т. М.; Л., 1962. Т. 1.
20. *Эйхенбаум Б.* 90-томное собрание сочинений Л. Н. Толстого (критические заметки) // Русская литература. 1959. № 4.
21. *Эйхенбаум Б. М.* Дневник 1946 года // Петербургский журнал. 1993. № 1/2.
22. *Эйхенбаум Б. М.* Дневник. 1917–1918 гг. / Публ. и подг. текста О. Б. Эйхенбаум; прим. В. В. Нехотина // De visu. 1993. № 1.
23. *Эйхенбаум Б. М.* «Испанцы» Лермонтова как политическая трагедия // Михаил Юрьевич Лермонтов. Сб. статей и материалов. Ставрополь, 1960.
24. *Эйхенбаум Б. М.* К истории «Гамлета» в России // Шекспировский сборник. М., 1967.
25. *Эйхенбаум Б.* Лев Толстой за чтением Белинского // Молодая гвардия. 1956. № 2.
26. *Эйхенбаум Б. М.* М. Ю. Лермонтов // Русские драматурги: В 3 т. М.; Л., 1961. Т. 2. Первая половина XIX в.
27. *Эйхенбаум Б. М.* Михаил Юрьевич Лермонтов. Очерк жизни и творчества // Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. М., Л., 1962. Т. 4.
28. *Эйхенбаум Б. М.* «Мой современник...»: Художественная проза и избранные статьи 20–30-х гг. / Вступ. статья В. Шубинского. СПб., 2001.
29. *Эйхенбаум Б. М.* Мой современник // Эйхенбаум Б. Мой современник. Маршрут в бессмертие. М., 2001.
30. *Эйхенбаум Б. М.* Наследие Белинского и Лев Толстой // Вопросы литературы. 1961. № 6.
31. *Эйхенбаум Б. М.* О прозе: Сб. статей / Сост. и подг. текста И. Ямпольского; вступ. статья Г. Бялого. Л., 1969.
32. *Эйхенбаум Б. М.* Основы текстологии // Редактор и книга. М., 1962. Вып. 3.
33. *Эйхенбаум Б. М.* О смысловой основе «Героя нашего времени» // Русская литература. 1959. № 3.
34. *Эйхенбаум Б. М.* Статьи о Лермонтове / [Предисловие Б. Я. Бухштаба]. М.; Л., 1961.
35. *Эйхенбаум Б. М.* Текстологические работы Б. В. Томашевского // Томашевский Б. М. Писатель и книга. Очерк текстологии. 2-е изд. М., 1959.

References

1. Adzhubei A., Gribachev N., Zhukov G. i dr. Litsom k litsu s Amerikoi. M., 1959.
2. Biblioteka poeta. Annotirovannyi bibliograficheskii ukazatel'. 1933–1986. M., 1987.
3. Chukovskaia L. K. Procherk. M., 2013.
4. Dnevnik: V 3 t. / Sost., podg. teksta i komm. E. Ts. Chukovskoi. M., 2011. T. 3. 1936–1969.
5. Druzhinin P. A. Ideologiya i filologiya: V 2 t. M., 2012. T. 2.
6. Eikhenbaum B. 90-tomnoe sobranie sochinenii L. N. Tolstogo (kriticheskie zametki) // Russkaia literatura. 1959. № 4.
7. Eikhenbaum B. M. Dnevnik 1946 goda // Peterburgskii zhurnal. 1993. № 1/2.
8. Eikhenbaum B. M. Dnevnik. 1917–1918 gg. / Publ. i podg. teksta O. B. Eikhenbaum; prim. V. V. Nekhotina // De visu. 1993. № 1.
9. Eikhenbaum B. M. «Geroi nashego vremeni» // Istoriia russkogo romana: V 2 t. M.; L., 1962. T. 1.
10. Eikhenbaum B. M. «Ispantsy» Lermontova kak politicheskaya tragediya // Mikhail Iur'evich Lermontov. Sb. statei i materialov. Stavropol', 1960.
11. Eikhenbaum B. M. K istorii «Gamleta» v Rossii // Shekspirovskii sbornik. M., 1967.
12. Eikhenbaum B. Lev Tolstoi za chteniem Belinskogo // Molodaia gvardiya. 1956. № 2.
13. Eikhenbaum B. M. M. Iu. Lermontov // Russkie dramaturgi: V 3 t. M.; L., 1961. T. 2. Pervaya polovina XIX v.
14. Eikhenbaum B. M. Mikhail Iur'evich Lermontov. Ocherk zhizni i tvorchestva // Lermontov M. Iu. Sobr. soch.: V 4 t. M., L., 1962. T. 4.
15. Eikhenbaum B. M. Moi vremennik // Eikhenbaum B. Moi vremennik. Marshrut v bessmertie. M., 2001.
16. Eikhenbaum B. M. «Moi vremennik...»: Khudozhestvennaya proza i izbrannye stat'i 20–30-kh gg. / Vstup. stat'ia V. Shubinskogo. SPb., 2001.
17. Eikhenbaum B. M. Nasledie Belinskogo i Lev Tolstoi // Voprosy literatury. 1961. № 6.
18. Eikhenbaum B. M. O proze: Sb. statei / Sost. i podg. teksta I. Iampol'skogo; vstup. stat'ia G. Bialogo. L., 1969.
19. Eikhenbaum B. M. O smyslovoi osnove «Geroia nashego vremeni» // Russkaia literatura. 1959. № 3.
20. Eikhenbaum B. M. Osnovy tekstologii // Redaktor i kniga. M., 1962. Vyp. 3.
21. Eikhenbaum B. M. Stat'i o Lermontove / [Predislovie B. Ia. Bukhshtaba]. M.; L., 1961.
22. Eikhenbaum B. M. Tekstologicheskie raboty B. V. Tomashevskogo // Tomashevskii B. M. Pisatel' i kniga. Ocherk tekstologii. 2-e izd. M., 1959.
23. Ivashkin A. Pervyi violonchel'nyi kontsert D. D. Shostakovicha // Shostakovich D. D. Novoe sobr. soch. [Noty]: V 150 t. M., 2011. Ser. 3. Simfonii. T. 47.
24. Kaverin V. Epilog. M., 1997.
25. Kertis Dzsh. Boris Eikhenbaum: ego sem'ia, strana i russkaia literatura / Per. s angl. D. Basina. SPb., 2004.
26. Lermontov M. Iu. Izbr. proizvedeniia: V 2 t. / Sost. i podg. teksta B. M. Eikhenbauma; vstup. stat'ia P. G. Antokol'skogo; prim. E. E. Naidicha. M.; L., 1964 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).
27. Lermontov M. Iu. Poln. sobr. soch.: V 4 t. / Pod red. B. M. Eikhenbauma. M.; L., 1947–1948.
28. Lit. nasledstvo. 1950. T. 56. V. G. Belinskii. II.
29. Perepiska Iu. G. Oksmana i N. K. Gudziia (1930–1965) / Vstup. stat'ia, podg. teksta i komm. M. A. Frolova // Russkaia literatura. 2021. № 1.
30. Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: [V 16 t.]. M.; L., 1950. T. 9. Kn. 1.
31. Rabota nad Tolstym. B. M. Eikhenbaum: Iz dnevnikov 1926–1959 gg. / Publ. S. A. Mitrokhinoi // Kontekst-1981. M., 1982.
32. Stranitsy dnevnika: materialy k biografii B. M. Eikhenbauma. Dnevnik 1923–1924 gg. / Predislovie, publ. i prim. A. S. Kriukova // Filologicheskie zapiski. Voronezh, 1997. Vyp. 8; 1998. Vyp. 10; Vyp. 11.
33. Taratuta E. A. Kniga vospominanii. M., 2001. Ch. 2.
34. Tvardovskii A. T. Dnevnik: 1950–1959 / Podg. teksta, predislovie, komm., ukazatel' imen V. A. i O. A. Tvardovskikh. M., 2013.
35. Zhoffr F. de. Normandiia — Neman: Vospominaniia letchika / Per. s fr. G. P. Zagrevskogo. M., 1982.

Юлия Юрьевна Коновалова

аспирант Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (Москва)

Iuliia Iur'evna Konovalova

Graduate Student, National Research University *Higher School of Economics* (Moscow)

ORCID: 0000-0002-4014-1452

yukonovalova@hse.ru

**В ПОИСКАХ ЖАНРА И КОМПРОМИССА:
ТРАВЕЛОГИ В. П. АКСЕНОВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1970-Х ГОДОВ**

**IN SEARCH OF A GENRE AND A COMPROMISE: V. P. AKSYONOV'S
TRAVELOGUES OF THE SECOND HALF OF THE 1970s**

Вынужденное балансирование В. П. Аксенова между позицией подцензурного советского писателя и внутреннего эмигранта в 1970-е годы породило особую поэтику компромисса (двусмысленности). В статье исследуется, как эта поэтика воплощена в изначально амбивалентном жанре травелога на примере американских очерков «Круглые сутки нон-стоп» (1976) и программного для этого периода романа «В поисках жанра» (1978).

Ключевые слова: В. П. Аксенов, травелог, «Круглые сутки нон-стоп», «В поисках жанра», поэтика компромисса.

Enforced balance between the stances of an official Soviet writer and an inner emigrant generates a special poetics of compromise (ambiguity) common to many V. P. Aksyonov's works of the Era of Stagnation. The focus of this article is the question how this poetics was implemented in the inherently ambivalent genre of travelogue, based on two case studies, his American essays *Around the Clock Non-Stop* (1976) and his novel *In Search of a Genre* (1978).

Key words: V. P. Aksyonov, travelogue, *Around the Clock Non-Stop*, *In Search of a Genre*, poetics of compromise.

Список литературы

1. Аксенов В. В поисках жанра // Аксенов В. Затоваренная бочкотара. М., 2002.
2. Аксенов В. Круглые сутки нон-стоп. Впечатления, размышления, приключения // Новый мир. 1976. № 8.
3. Аксенов В. П. Мой дедушка — памятник // Костер. 1970. № 7.
4. Аксенов В. П. Мой дедушка — памятник: Повесть об удивительных приключениях ленинградского пионера Геннадия Стратофонтова, который хорошо учился в школе и не растерялся в трудных обстоятельствах. М., 1972.
5. Аннинский Л. Жанр-то найдется! // Литературное обозрение. 1978. № 7.
6. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М., 2002. Т. 6.
7. Беглые взгляды: Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века: Сб. статей / Ред. В.-С. Киссель, Г. А. Тиме. М., 2010.
8. Бодрийяр Ж. Америка. СПб., 2000.
9. Василевский А. Аксенов есть Аксенов есть Аксенов // Новый мир. 1998. № 1.
10. Вознесенский А. А. Кроны и корни // Вознесенский А. А. Собр. соч.: В 3 т. М., 1983. Т. 1.
11. Есинов В. М. Из официальной переписки // Аксенов В. «Ловите голубиную почту...»: Письма (1940–1990 гг.). М., 2015 (сер. «Письма писателей»).
12. Есинов В. М. Четыре жизни Василия Аксенова // Есинов В. Василий Аксенов — одинокий бегун на длинные дистанции. М., 2012.
13. Жолковский А. К. Искусство приспособления // Жолковский А. К. Блуждающие сны: Из истории русского модернизма. М., 1992.
14. Жолковский А. К. Победа Лужина, или Аксенов в 1965 году // Жолковский А. К. Поэтика за чайным столом и другие разборы: Сб. статей. М., 2014.
15. Калласс Т. Читайте Аксенова: Субъективные заметки о Василии Аксенове и его пространстве-времени // Радуга = Vikerkaar (Таллинн). 2002. № 3.
16. Ланщиков А. «Исповедальная» проза и ее герой // Октябрь. 1968. № 2.
17. Логинов В. О романе Василия Аксенова «Любовь к электричеству» // Юность. 1971. № 3.

18. *Мароши В. В.* «Идеальный пейзаж» в травелогах русских путешественников о Центральной Азии // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы / Под ред. Т. И. Печерской, Н. В. Константиновой. Новосибирск, 2016.
19. *Махотин С.* «Ребенок, который жил во мне, дождался своего часа» // Новый мир. 2013. № 10.
20. Метрополь. Ann Arbor, 1979.
21. Недостовверная достоверность: диалог В. Аксенова и В. Рослякова / Запись Г. Цитриняка // Литературная газета. 1974. 20 марта. № 12.
22. *Немзер А.* Странная вещь, непонятная вещь // Новый мир. 1991. № 11.
23. *Новохатко В.* Белые вороны в Политгиздате // Тыняновский сборник. М.; Екатеринбург, 2018. Вып. 14.
24. *Пастернак Б. Л.* Полн. собр. соч.: В 11 т. М., 2004. Т. 2, 3.
25. *Петров Д.* Аксенов. М., 2012 (сер. «Жизнь замечательных людей»).
26. *Плисецкий Г. Б.* Памяти Пастернака // Плисецкий Г. Б. Приснился мне город: Стихотворения, переводы, письма. М., 2006.
27. *Пономарев Е. Р.* Типология советского путешествия. Советский путевой очерк 1920–1930-х годов. СПб., 2011.
28. *Пономарев Е.* Соцреализм карнавальным: Василий Аксенов как зеркало советской идеологии // Звезда. 2001. № 4.
29. *Пугач А.* Василий Аксенов: «Я, по сути дела, не эмигрант...» // Юность. 1989. № 4.
30. *Рассадин Ст.* Шестеро в кузове, не считая бочкотары // Вопросы литературы. 1968. № 10.
31. *Самойлов Д.* Мемуары. Эссе. Переписка. М., 2020.
32. *Сидоров Е.* Аксенов в «Юности» // Знамя. 2012. № 7.
33. *Стрельников Б., Шатуновский И.* Америка справа и слева: Путешествие на автомобиле. М., 1972.
34. *Тименчик Р.* Последний поэт. Анна Ахматова в 1960-е годы. 2-е изд., испр. и расширенное. М.; Иерусалим, 2015. Т. 1.
35. *Щеглов Ю. К.* «Затоваренная бочкотара» Василия Аксенова: Комментарий. М., 2013.
36. *Эткинд А. М.* Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М., 2001.
37. *Briker B.* In Search of a Genre: The Meaning of the Title and the Idea of a «Genre» // Mozejko E., Briker B., Dalgård P. Vasilij Pavlovich Aksënov: A Writer in Quest of Himself. Columbus, 1986.
38. *Simmons C.* The Poetic Autobiographies of Vasilij Aksenov // The Slavic and East European Journal. 1996. Vol. 40. № 2.

References

1. *Aksenov V.* Kruglye sutki non-stop. Vпечатleniia, razmyshleniia, priklucheniia // Novyi mir. 1976. № 8.
2. *Aksenov V. P.* Moi dedushka — pamiatnik // Koster. 1970. № 7.
3. *Aksenov V. P.* Moi dedushka — pamiatnik: Povest' ob udivitel'nykh priklucheniiaikh leningradskogo pionera Gennadiia Stratofontova, kotoryi khorosho uchilsia v shkole i ne rasterialsia v trudnykh obstoiatel'stvakh. M., 1972.
4. *Aksenov V.* V poiskakh zhanra // Aksenov V. Zatovarennaia bochkotara. M., 2002.
5. *Anninskii L.* Zhanr-to naidetsia! // Literaturnoe obozrenie. 1978. № 7.
6. *Bakhtin M. M.* Problemy poetiki Dostoevskogo // Bakhtin M. M. Sobr. soch.: V 7 t. M., 2002. T. 6.
7. Beglye vzgliady: Novoe prochtenie russkikh travelogov pervoi treti XX veka: Sb. statei / Red. V.-S. Kissel', G. A. Time. M., 2010.
8. *Bodriiar Zh.* Amerika. SPb., 2000.
9. *Briker B.* In Search of a Genre: The Meaning of the Title and the Idea of a «Genre» // Mozejko E., Briker B., Dalgård P. Vasilij Pavlovich Aksënov: A Writer in Quest of Himself. Columbus, 1986.
10. *Esipov V. M.* Chetyre zhizni Vasiliia Aksenova // Esipov V. Vasilii Aksenov — odinskii begun na dlinnye distantsii. M., 2012.
11. *Esipov V. M.* Iz ofitsial'noi perepiski // Aksenov V. «Lovite golubiniu pochtu...»: Pis'ma (1940–1990 gg.). M., 2015 (ser. «Pis'ma pisatelei»).
12. *Etkind A. M.* Tolkovanie puteshestvii. Rossiia i Amerika v travelogakh i intertekstakh. M., 2001.
13. *Kallass T.* Chitaite Aksenova: Sub'ektivnye zametki o Vasilii Aksenove i ego prostranstvennomu vremeni // Raduga = Vikerkaar (Tallinn). 2002. № 3.
14. *Lanshchikov A.* «Ispovedal'naia» proza i ee geroi // Oktibr'. 1968. № 2.
15. *Loginov V.* O romane Vasiliia Aksenova «Liubov' k elektrichestvu» // Iunost'. 1971. № 3.
16. *Makhotin S.* «Ребенок, который жил во мне, дождался своего часа» // Novyi mir. 2013. № 10.

17. *Maroshi V. V.* «Ideal'nyi peizazh» v travelogakh russkikh puteshestvennikov o Tsentral'noi Azii // *Russkii travelog XVIII–XX vekov: marshruty, toposy, zhanry i narrativy* / Pod red. T. I. Pecherskoi, N. V. Konstantinovi. Novosibirsk, 2016.
18. *Metropol'*. Ann Arbor, 1979.
19. *Nedostovernaiia dostovernost': dialog V. Aksenova i V. Rosliakova* / *Zapis' G. Tsitriniaka* // *Literaturnaia gazeta*. 1974. 20 marta. № 12.
20. *Nemzer A.* Strannaia veshch', neponiatnaia veshch' // *Novyi mir*. 1991. № 11.
21. *Novokhatko V.* Belye vorony v Politizdate // *Tynianovskii sbornik*. M.; Ekaterinburg, 2018. Vyp. 14.
22. *Pasternak B. L.* Poln. sobr. soch.: V 11 t. M., 2004. T. 2, 3.
23. *Petrov D.* Aksenov. M., 2012 (ser. «Zhizn' zamechatel'nykh liudei»).
24. *Plisetskii G. B.* Pamiati Pasternaka // *Plisetskii G. B. Prislilsia mne gorod: Stikhotvoreniia, perevody, pis'ma*. M., 2006.
25. *Ponomarev E.* Sotsrealizm karnaval'nyi: Vasilii Aksenov kak zerkalo sovetskoi ideologii // *Zvezda*. 2001. № 4.
26. *Ponomarev E. R.* Tipologiiia sovetskogo puteshestviia. Sovetskii putevoi ocherk 1920–1930-kh godov. SPb., 2011.
27. *Pugach A.* Vasilii Aksenov: «Ia, po suti dela, ne emigrant...» // *Iunost'*. 1989. № 4.
28. *Rassadin St.* Shestero v kuzove, ne schitaia bochkotary // *Voprosy literatury*. 1968. № 10.
29. *Samoilov D.* Memuary. Esse. Perepiska. M., 2020.
30. *Shcheglov Iu. K.* «Zatovarennaiia bochkotara» Vasilii Aksenova: Kommentarii. M., 2013.
31. *Sidorov E.* Aksenov v «Iunosti» // *Znamia*. 2012. № 7.
32. *Simmons C.* The Poetic Autobiographies of Vasilij Aksenov // *The Slavic and East European Journal*. 1996. Vol. 40. № 2.
33. *Strel'nikov B., Shatunovskii I.* Amerika sprava i sleva: Puteshestvie na avtomobile. M., 1972.
34. *Timenchik R.* Poslednii poet. Anna Akhmatova v 1960-e gody. 2-e izd., ispr. i rasshirennoe. M.; Ierusalim, 2015. T. 1.
35. *Vasilevskii A.* Aksenov est' Aksenov est' Aksenov // *Novyi mir*. 1998. № 1.
36. *Voznesenskii A. A.* Krony i korni // *Voznesenskii A. A. Sobr. soch.: V 3 t.* M., 1983. T. 1.
37. *Zholkovskii A. K.* Iskusstvo prisposobleniia // *Zholkovskii A. K. Bluzhdaishchie sny: Iz istorii russkogo modernizma*. M., 1992.
38. *Zholkovskii A. K.* Pobeda Luzhina, ili Aksenov v 1965 godu // *Zholkovskii A. K. Poetika za chainym stolom i drugie razbory: Sb. statei*. M., 2014.

Марина Юрьевна Коренева

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Marina Iur'evna Koreneva

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-9080-1458

marinakoreneva7@gmail.com

**А. С. ПУШКИН И А. ЛАФОНТЕН
(ПРИМЕЧАНИЕ К «ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ»)**

**A. S. PUSHKIN AND A. LAFONTAINE
(A NOTE TO *EUGENE ONEGIN*)**

В статье рассматривается вопрос знакомства А. С. Пушкина с творчеством немецкого писателя Августа Лафонтена и следы этого знакомства в «Евгении Онегине». Анализ материалов позволил внести уточнения к обстоятельствам появления одного из авторских примечаний к поэме, а также прояснить смысл строфы XXVI четвертой главы, в которой в скрытом виде содержится противопоставление «руссоистских» романов Лафонтена и Шатобриана.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, А. Лафонтен, авторские примечания к «Евгению Онегину», Ф. Шатобриан, «руссоистские» романы.

The article focuses on the issue of A. S. Pushkin's familiarity with the work of the German writer August Lafontaine and the traces of this familiarity in *Eugene Onegin*. Through the data analysis, it is possible to outline the circumstances in which one of the author's notes to the poem appeared, as well as to clarify the meaning of stanza XXVI of the fourth chapter, that includes, in a hidden form, a juxtaposition of the *Rousseausque* novels by Lafontaine and Chateaubriand.

Key words: A. S. Pushkin, A. Lafontaine, author's notes to *Eugene Onegin*, F. Chateaubriand, *Rousseausque* novels.

Список литературы

1. *Вольперт Л. И.* Пушкин и Шатобриан // Вольперт Л. И. Пушкинская Франция. Тарту, 2010.
2. *Гейне Г.* Собр. соч.: В 10 т. Л., 1958. Т. 6.
3. *Гиллельсон М. И.* Статья Пушкина «О Мильтоне и шатобриановом переводе „Потерянного рая“» // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1979. Т. 9.
4. *Григорьев А.* Воспоминания / Изд. подг. Б. Ф. Егоров. Л., 1980.
5. *Громбах С. М.* Примечания Пушкина к «Евгению Онегину» // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1974. Т. 33. № 3.
6. История русской переводной художественной литературы: 1800–1825. Очерки / Отв. ред. В. Е. Багно, Е. Е. Дмитриева, М. Ю. Коренева. СПб., 2022.
7. *Набоков В.* Комментарий к «Евгению Онегину» / Пер. с англ.; под ред. А. Н. Николюкина. М., 1999.
8. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937. Т. 6.
9. Пушкин в прижизненной критике: 1828–1830 / Под общ. ред. Е. О. Ларионовой. СПб., 2001.
10. *Смирнова-Россет А. О.* Записки. М., 2003.
11. *Чумаков Ю. Н.* Об авторских примечаниях к «Евгению Онегину» // Болдинские чтения. Горький, 1976.
12. *Шатобриан Ф.* Гений христианства // Зарубежная литература XIX века: Реализм. Хрестоматия историко-литературных материалов / Сост., комм. Н. А. Соловьева, А. Ф. Головенченко, Е. Г. Петраш. М., 1990.
13. August Lafontaine (1758–1831): ein Bestsellerautor zwischen Spätaufklärung und Romantik / Hrsg. von C.-F. Berghahn, D. Sangmeister. Bielefeld, 2010.
14. Bibliographie August Lafontaine / Hrsg. von D. Sangmeister. Bielefeld, 1996.
15. *Bihl L., Epting K.* Bibliographie französischer Übersetzungen aus dem Deutschen 1487–1944. Tübingen, 1987. Bd 1.
16. *Drews P.* Die Rezeption deutscher Belletristik in Russland, 1750–1850. München, 2008.

References

1. August Lafontaine (1758–1831): ein Bestsellerautor zwischen Spätaufklärung und Romantik / Hrsg. von C.-F. Berghahn, D. Sangmeister. Bielefeld, 2010.
2. Bibliographie August Lafontaine / Hrsg. von D. Sangmeister. Bielefeld, 1996.
3. *Bihl L., Epting K.* Bibliographie französischer Übersetzungen aus dem Deutschen 1487–1944. Tübingen, 1987. Bd 1.
4. *Chumakov Ju. N.* Ob avtorskich primechaniia k «Evgeniiu Oneginu» // Boldinskie chteniia. Gor'kii, 1976.
5. *Drews P.* Die Rezeption deutscher Belletristik in Russland, 1750–1850. München, 2008.
6. *Geine G.* Sobr. soch.: V 10 t. L., 1958. T. 6.
7. *Gillel'son M. I.* Stat'ia Pushkina «O Mil'tone i shatobrianovom perevode „Poteriannogo raia“» // Pushkin: Issledovaniia i materialy. L., 1979. T. 9.
8. *Grigor'ev A.* Vospominaniia / Izd. podg. B. F. Egorov. L., 1980.
9. *Grombakh S. M.* Primechaniia Pushkina k «Evgeniiu Oneginu» // Izv. AN SSSR. Ser. literatury i iazyka. 1974. T. 33. № 3.
10. Istoriia russkoi perevodnoi khudozhestvennoi literatury: 1800–1825. Ocherki / Otв. red. V. E. Bagno, E. E. Dmitrieva, M. Iu. Koreneva. SPb., 2022.
11. *Nabokov V.* Kommentarii k «Evgeniiu Oneginu» / Per. s angl.; pod red. A. N. Nikoliukina. M., 1999.
12. *Pushkin A. S.* Poln. sobr. soch.: V 16 t. M.; L., 1937. T. 6.
13. Пушкин в прижизненной критике: 1828–1830 / Pod obshch. red. E. O. Larionovoi. SPb., 2001.
14. *Shatobrian F.* Genii khristianstva // Zarubezhnaia literatura XIX veka: Realizm. Khrestomatiiia istoriko-literaturnykh materialov / Sost., komm. N. A. Solov'eva, A. F. Golovenchenko, E. G. Petrash. M., 1990.
15. *Smirnova-Rosset A. O.* Zapiski. M., 2003.
16. *Vol'pert L. I.* Pushkin i Shatobrian // Vol'pert L. I. Pushkinskaia Frantsiia. Tartu, 2010.

Константин Михайлович Поливанов

профессор Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (Москва)

Konstantin Mikhailovich Polivanov

Professor, National Research University *Higher School of Economics* (Moscow)

ORCID: 0000-0002-0647-3162

polivanovnew@gmail.com

**ОБ ОДНОМ ИЗ ВОЗМОЖНЫХ ИСТОЧНИКОВ ЗАГЛАВИЯ
ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ Б. Л. ПАСТЕРНАКА «ТЕМЫ И ВАРЬЯЦИИ»**

**CONCERNING A POSSIBLE TITLE SOURCE OF B. L. PASTERNAK'S
FOURTH BOOK OF POETRY *THEMES AND VARIATIONS***

В работе обосновывается предположение, что посвященный Пушкину цикл стихотворений Б. Л. Пастернака «Тема с варьяциями», который, очевидно, определил и заглавие четвертой книги стихов поэта «Темы и варьяции», возник как поэтический отклик на стихотворение В. Ф. Ходасевича «Эпизод», которое тот читал в конце января 1918 года на вечере, получившем название «Встреча поэтов двух поколений».

Ключевые слова: Б. Л. Пастернак, В. Ф. Ходасевич, А. С. Пушкин, «Эпизод», «Темы и варьяции».

In the article, evidence is presented to support the thesis that B. L. Pasternak's cycle of poems dedicated to Pushkin, *A Theme with Variations*, which quite obviously had suggested the title for the poet's fourth book of poetry, *Themes and Variations*, originated as a poetic response to V. F. Khodasevich's poem *Episode*, that the latter read in late January 1918 at a gathering that came to be known as the *Meeting of Poets of Two Generations*.

Key words: B. L. Pasternak, V. F. Khodasevich, A. S. Pushkin, *Episode*, *Themes and Variations*.

Список литературы

1. Барнс К. Пушкин и Пастернак // *Континент*. 1999. № 102.
2. Богомолов Н. А. Сопряжение далековатых: О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче. М., 2011.
3. Богомолов Н. А. Ходасевич и Пастернак: Ранние пересечения // *The Real Life of Pierre Delalande: Studies in Russian and Comparative Literature to Honor Alexander Dolinin*. Stanford, 2007. Part 1 (Stanford Slavic Studies; vol. 33).
4. Жуковский В. А. Стихотворения: [В 2 т.]. Л., 1940. Т. 2 (Библиотека поэта. Большая сер.).
5. Катанян В. Маяковский: Хроника жизни и деятельности. М., 1985.
6. Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч.: В 11 т. М., 2003. Т. 1.
7. Поливанов К. М. Канонические тексты Пушкина в лирике и романе Б. Пастернака // *Пушкинские чтения в Тарту*. 5. К 85-летию Л. И. Вольперт. Тарту, 2011. Ч. 1.
8. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2009. Т. 7.
9. Скворцов А. Э. Поэтическая генеалогия. М., 2015.
10. Ходасевич В. Ф. Стихотворения / Вступ. статья Н. А. Богомолова; сост., подг. текста и прим. Н. А. Богомолова и Д. Б. Волчека. Л., 1989 (Библиотека поэта. Большая сер.).
11. Crone A. L., Suhrcke P. Pasternak's «Pushkin Variations» // *Die Welt der Slaven*. 1979. Bd 24.

References

1. Barns K. Pushkin i Pasternak // *Kontinent*. 1999. № 102.
2. Bogomolov N. A. Khodasevich i Pasternak: Rannie peresecheniia // *The Real Life of Pierre Delalande: Studies in Russian and Comparative Literature to Honor Alexander Dolinin*. Stanford, 2007. Part 1 (Stanford Slavic Studies; vol. 33).
3. Bogomolov N. A. Sopriazhenie dalekovatykh: O Viacheslave Ivanove i Vladislave Khodaseviche. M., 2011.

4. *Crone A. L., Suhrcke P.* Pasternak's «Pushkin Variations» // Die Welt der Slaven. 1979. Bd 24.
5. *Katanian V.* Maiakovskii: Khronika zhizni i deiatel'nosti. M., 1985.
6. *Khodasevich V. F.* Stikhotvoreniia / Vstup. stat'ia N. A. Bogomolova; sost., podg. teksta i prim. N. A. Bogomolova i D. B. Volcheka. L., 1989 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).
7. *Pasternak B. L.* Poln. sobr. soch.: V 11 t. M., 2003. T. 1.
8. *Polivanov K. M.* Kanonicheskie teksty Pushkina v lirike i romane B. Pasternaka // Pushkin-skie chteniia v Tartu. 5. K 85-letiiu L. I. Vol'pert. Tartu, 2011. Ch. 1.
9. *Pushkin A. S.* Poln. sobr. soch.: V 20 t. SPb., 2009. T. 7.
10. *Skvortsov A. E.* Poeticheskaia genealogiia. M., 2015.
11. *Zhukovskii V. A.* Stikhotvoreniia: [V 2 t.]. L., 1940. T. 2 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).

Игорь Николаевич Сухих

профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Igor Nikolaevich Sukhikh

Professor, St. Petersburg State University

ORCID: 0000-0002-5146-8733

igorlit50@mail.ru

«ПРОФЕССОР СКАЗОЧНЫХ НАУК» ИЗ ВОЛГОГРАДА

«PROFESSOR OF FAIRYTALE SCIENCES» FROM VOLGOGRAD

Рец. на: *Гольденберг А. Х., Путило О. О., Тропкина Н. Е.* Профессор сказочных наук. Научная биография Д. Н. Медриша. М.: Флинта, 2021. 456 с.

[Review:] *Gol'denberg A. Kh., Putilo O. O., Tropkina N. E.* Professor skazochnykh nauk. Nauchnaia biografiia D. N. Medrisha. M.: Flinta, 2021. 456 s.

Алла Михайловна Грачева

главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Alla Mikhailovna Gracheva

Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-5417-440X

ichnelat@rambler.ru

ЛИКИ ФЕДОРА ДОСТОЕВСКОГО В ЛИТЕРАТУРЕ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ КОНЦА XIX — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

IMAGES OF FYODOR DOSTOEVSKY IN LITERATURE, PHILOLOGY AND PHILOSOPHY OF THE LATE 19TH — FIRST THIRD OF THE 20TH CENTURY

Рец. на: *Ф. М. Достоевский в литературных и архивных источниках конца XIX — первой трети XX в.* / Ред.-сост. Е. А. Андрущенко, В. М. Введенская, М. В. Козьменко. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 386 с.

[Review:] F. M. Dostoevskii v literaturnykh i arkhivnykh istochnikakh kontsa XIX — pervoi treti XX v. / Red.-sost. E. A. Andrushchenko, V. M. Vvedenskaia, M. V. Koz'menko. M.: IMLI RAN, 2021. 386 s.

Евгения Викторовна Иванова

ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Evgeniia Viktorovna Ivanova

Leading Researcher, A. M. Gorky Institute of Word Literature Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-2076-0424

evi@l-z.ru

Д. П. МИРСКИЙ: ПОЧВА И СУДЬБА

D. P. MIRSKY: SOIL AND DESTINY

Рец. на: *Ефимов М., Смит Дж.* Святополк-Мирский. М.: Молодая гвардия, 2021. 702 с. (сер. «Жизнь замечательных людей»).

[Review:] *Efimov M., Smit Dzh.* Sviatopolk-Mirskii. M.: Molodaia gvardiia, 2021. 702 s. (ser. «Zhizn' zamechatel'nykh liudei»).

Светлана Анатольевна Дубровская

профессор кафедры русского языка как иностранного
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева

Svetlana Anatol'evna Dubrovskaiia

Professor, Department of Russian as Foreign Language,
National Research Mordovia State University

ORCID: 0000-0002-5660-8977

s.dubrovskaya@bk.ru

Олег Ефимович Осовский

главный научный сотрудник
Мордовского государственного педагогического университета им. М. Е. Евсевьева

Oleg Efimovich Osovskii

Chief Researcher, Mordovia State Pedagogical University

ORCID: 0000-0002-9869-3233

osovskiy_oleg@mail.ru

**«ВЕЛИКОЕ НЕСЧАСТЬЕ РОДИТЬСЯ ПОЭТОМ...»:
НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ТВОРЧЕСТВА Д. И. МОРСКОГО**

**«A GREAT MISFORTUNE TO BE BORN A POET...»:
UNKNOWN PAGES OF D. I. MORSKOY'S WORK**

Рец. на: *Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н.* Из литературного наследия Д. И. Морского: Переписка. Воспоминания. Рецензии. Неопубликованные произведения. М.: ФЛИНТА, 2020. 490 с.
[Review:] *Vasil'ev N. L., Zhatkin D. N.* Iz literaturnogo nasledia D. I. Morskogo: Perepiska. Vospominaniia. Retsenzii. Neopublikovannye proizvedeniia. M.: FLINTA, 2020. 490 s.

Любовь Валерьевна Хачатурян

докторант Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН;
доцент Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (Москва)

Liubov' Valerievna Khachaturian

Doctoral Student, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences;
Docent, National Research University *Higher School of Economics* (Moscow)
ORCID: 0000-0002-2689-5186
rgali2010@yandex.ru

**«ПЛАТОНОВСКИЙ „СТРАННЫЙ“ СТИЛЬ»:
НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ РОМАНА «ЧЕВЕНГУР»**

**«PLATONOV'S „WEIRD“ STYLE»:
AN ACADEMIC EDITION OF THE NOVEL *CHEVENGUR***

Рец. на: *Платонов А. П.* Соч. Научное издание. М.: ИМЛИ РАН, 2021. Т. 3. 1927–1929. «Чевенгур». Роман / Отв. ред. Н. В. Корниенко; подг. текста и комм. Н. В. Корниенко, Е. А. Папковой. 720 с.

[Review:] *Platonov A. P.* Soch. Nauchnoe izdanie. M.: IMLI RAN, 2021. T. 3. 1927–1929. «Chevengur». Roman / Otv. red. N. V. Kornienko; podg. teksta i komm. N. V. Kornienko, E. A. Papkovi. 720 s.

Полина Викторовна Бояркина

младший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Polina Viktorovna Boiarkina

Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Science
ORCID: 0000-0003-2994-143X
polina.boyarkina@gmail.com

ВТОРЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАБОКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

THE SECOND INTERNATIONAL NABOKOV READINGS

[*Meeting Abstract*]

Светлана Алексеевна Семячко

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН;
профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Svetlana Alekseevna Semiachko

Leading Researcher,
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences;
Professor, St. Petersburg State University

ORCID: 0000-0002-0697-4418

svetlanasm08@mail.ru

ШЕСТЬЕ ЛИХАЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

THE SIXTHS LIKHACHEV READINGS

[*Meeting Abstract*]

Ольга Александровна Линдеберг

научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Ol'ga Aleksandrovna Lindeberg

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-8738-618X

olinde08@gmail.com

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИКИ:
В ЧЕСТЬ 150-ЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА,
К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Л. А. ИЕЗУИТОВОЙ»**

**TEACHER AND STUDENTS:
IN HONOR OF THE 150TH ANNIVERSARY OF LEONID ANDREEV
AND THE 90TH ANNIVERSARY OF L. A. JESUITOVA
INTERNATIONAL RESEARCH CONFERENCE**

[*Meeting Abstract*]

Андрей Владимирович Кокорин

младший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Andrei Vladimirovich Kokorin

Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-7133-5228

koko.ololo@gmail.com

**ТРЕТИЙ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР
«ФОРМЫ КУЛЬТУРНОГО РЕСАЙКЛИНГА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ»**

**FORMS OF CULTURAL RECYCLING IN MODERN RUSSIA:
TENDENCIES AND INTERPRETATIONS
THIRD INTERDISCIPLINARY RESEARCH SEMINAR**

[*Meeting Abstract*]

Елена Рудольфовна Обатнина

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Elena Rudol'fovna Obatnina

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-1823-6321

lena.eo@mail.ru

**МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«АРХИВ И БИБЛИОГРАФИЯ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ:
ДОКУМЕНТЫ И ПЕЧАТНЫЕ ИСТОЧНИКИ»**

**ARCHIVE AND BIBLIOGRAPHY OF THE RUSSIAN ÉMIGRÉ COMMUNITY:
DOCUMENTS AND PRINTED SOURCES
INTERNATIONAL CONFERENCE**

[*Meeting Abstract*]

Учредители:

Российская академия наук

Отделение историко-филологических наук РАН
119991, Москва, ГСП-1, Ленинский пр., 32а
Телефон: (495) 938-17-63, факс: (495) 938-17-64
oifn@mail.ru; www.hist-phil.ru

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Телефон: (812) 328-19-01, факс: (812) 328-11-40
irliran@mail.ru; www.pushkinskiydom.ru

Журнал зарегистрирован

Министерством печати и информации Российской Федерации
Регистрационный номер 0110194 от 4 февраля 1993 г.

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Телефон/факс: (812) 328-16-01, rusliter@mail.ru; www.pushkinskiydom.ru

Зав. редакцией *И. Ф. Данилова*

Редакторы *О. В. Макаревич, В. В. Филичева, А. Ю. Соловьев*

Корректор *Т. А. Румянцева*

Компьютерная верстка *Е. А. Назаровой*

Оригинал-макет подготовлен ООО «Издательство „Чистый лист“»

Сдано в набор 06.05.22. Подписано к печати 29.07.22. Дата выхода в свет 31.08.22.

Формат 70 × 100 ¹/₁₆. Гарнитура SchoolBook. Цифровая печать.

Уч.-изд. л. 30,5. Тираж 260 экз.

Тип. зак. № 16/За. Цена свободная

Издатель: Российская академия наук

20 экз. распространяется бесплатно

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-134-21

ООО «Интеграция: Образование и Наука»

105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»